82
Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ Д Шкафъ 21
Полка 1
Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ А Шкафъ 27
Полка 4 № 1

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXVIII.

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Залъ Шкафъ 21
Полка № 9
Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Залъ А Шкафъ 27
Полка 4 № 1

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА IV.

ПРОТОКОЛЫ 13—25 ЗАСѢДАНІЙ (14 НОЯБРЯ 1874—17 АПРѢЛЯ 1877 ГОДА), СЪ 12 ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Подъ редакціей Н. А. Попова,
ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

МОСКВА.
Типо-литографія С. П. Архипова и К°, Большая Кисловка, соб. домъ.
1877.

П-3730

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXVIII.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА IV.

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Зал. А Шкаф. 27
Полка 4 № 1.

ПРОТОКОЛЫ 13—25 ЗАСѢДАНІЙ (14 НОЯБРЯ 1874—17 АПРѢЛЯ 1877 ГОДА), СЪ 12 ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Подъ редакціей Н. А. Попова,
ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

МОСКВА.
Типо-литографія С. П. Архипова и К°, на Большой Кисловкѣ, соб. домъ.
1877.

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА IV.

ПРОТОКОЛЫ 13—25 ЗАСѢДАНІЙ (14-го НОЯБРЯ 1874—17 АПРѢЛЯ 1877 ГОДА), СЪ 12 ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Согласно опредѣленіямъ Этнографическаго Отдѣла, состоявшимся въ засѣданіяхъ 9-го февраля и 30-го сентября 1875 и 17 апрѣля 1877 года, издается настоящая IV книга «Трудовъ» Отдѣла, которая заключаетъ въ себѣ протоколы тринадцати засѣданій, съ приложеніемъ двѣнадцати статей, читанныхъ въ оныхъ; въ V же книгѣ «Трудовъ», первый выпускъ которой отпечатанъ уже болѣе чѣмъ на половину, а къ печатанію втораго только что приступлено, будутъ помѣщены: «Матеріалы для этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи», доставленные въ Отдѣлъ д. ч. П. С. Ефименкомъ.

По отпечатаніи сего выпуска замѣчены были въ немъ слѣдующія опечатки:

							Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стран.	3,	столб.	1,	стр.	26	сверху:	Лигвей-головы	Лисьей-головы
—	5,	—	1,	—	13	снизу:	Тунгасскомъ	Тулгасскомъ
—	5,	—	1,	—	9	—	посада	*Сумскаго* посада
—	5,	—	1,	—	4	—	Пингешенскій	Пингишенскій
—	5,	—	2,	—	7	сверху:	Кехотскаго	Кѣхотскаго
—	40,	—	2,	—	8	снизу:	Ф. О. Нефедова	Ф. Д. Нефедова
—	46,	—	1,	—	18	—	вѣчномъ	вѣщномъ
—	62,	—	1,	—	11	сверху:	молчаніемъ.	цѣлованіемъ.
—	—	—	—	—	—	—	молчанія,	цѣлованія,
—	66,	—	2,	—	10	—	Ничто	На что

ОГЛАВЛЕНІЕ

IV КНИГИ „ТРУДОВЪ“ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

А. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ ОТДѢЛА: Стр.

Тринадцатое засѣданіе, 14-го ноября 1874 года. . 1— 3
Четырнадцатое засѣданіе, 22-го декабря 1874 года. 3— 6
Пятнадцатое засѣданіе, 9-го февраля 1875 года. . 6— 8
Шестнадцатое засѣданіе, 23-го марта 1875 года. . 9— 10
Семнадцатое засѣданіе, 4-го мая 1875 года. . . . 10— 11
Восемнадцатое засѣданіе, 30-го сентября 1875 года. 11— 12
Девятнадцатое засѣданіе, 27-го ноября 1875 года. . 12
Двадцатое засѣданіе, 22-го апрѣля 1876 года. . . 12— 13
Двадцать первое засѣданіе, 29-го апрѣля 1876 года. 14— 15
Двадцать второе засѣданіе, 4-го января 1877 года (Сообщеніе Предсѣдателя: „О французскомъ художникѣ этнографѣ Теодорѣ Валеріо“.). . . . . 15— 19
Двадцать третье засѣданіе, 13-го марта 1877 года (Сообщеніе *В. Шейна*: „Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ“, съ замѣчаніями на оное *В. Ѳ. Миллера*). . . . . 19— 23
Двадцать четвертое засѣданіе, 3-го апрѣля 1877 года. 23— 24
Двадцать пятое засѣданіе, 17-го апрѣля 1877 года. 25

Б. ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ:

I. *В. и А. Зенковичей*, Вѣрованія и обряды жителей Могилевской губерніи—Бѣлоруссовъ. . . . . 26— 33
II. *Е. В. Барсова*, Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края (9 сказокъ). . 33— 40
III. *Ф. Д. Нефедова*, Этнографическія наблюденія на пути по Волгѣ и ея притокамъ: а) отъ Рыбинска до посада Пучежа, б) отъ посада Пучежа до Казани, в) Заволжье. . . . . 40— 69
IV. *П. Г. Добрынкиной*, Васильевъ вечеръ и новый годъ въ Муромскомъ уѣздѣ, съ дополненіями Е. В. Барсова. . . . . 69— 75
V. *Е. В. Барсова*, Обряды, наблюдаемые при рожденіи и крещеніи дѣтей на рѣкѣ Орели. 76
VI. *В. Ф. Кудрявцева*, Обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ пяти томахъ „Нижегородскаго Сборника“. . . . . 77— 96
VII. *К. А. Попова*, Охотничье право собственности у Зырянъ. . . . . 96—102
VIII. *А. Ѳ. Можаровскаго*. Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи въ ихъ потѣхахъ, остротахъ, стишкахъ и пѣсняхъ . . . . . 102—139
IX. *П. М. Апостольскаго*, Крестьянская свадьба въ Мценскомъ уѣздѣ. . . . . 139—145
X. *Л. В. Лосьевскій*, Башкирское преданіе о лунѣ въ связи съ преданіями другихъ народовъ о солнцѣ и лунѣ. . . . . 145—151
XI. *П. М. Апостольскаго*, О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Герберта Спенсера. . 151—174
XII. *В. Ѳ. Миллера*, Восточные и западные родичи одной русской сказки. . . . . 174—20

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

ТРИНАДЦАТОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 14-го НОЯБРЯ 1874 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ политехническомъ музеѣ, подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена общества Н. А. Попова, въ присутствіи 32 членовъ общества и многихъ стороннихъ посѣтителей.

1. Предсѣдатель доложилъ о выходѣ въ свѣтъ перваго и втораго выпусковъ III книги «Трудовъ» отдѣла, въ коихъ помѣщены: протоколы первыхъ двѣнадцати засѣданій отдѣла вмѣстѣ съ 18 статьями, прочитанными въ оныхъ, и сочиненіе д. ч. К. А. Попова: «Зыряне и Зырянскій край». Оба выпуска были розданы членамъ, присутствовавшимъ въ засѣданіи.

2. Доложено было сообщеніе Олонецкаго губернскаго статистическаго комитета такого содержанія: «Въ томѣ VIII, вып. 1, «Извѣстій» Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи въ приложеніи къ протоколу засѣданія этнографическаго отдѣла 29 января 1874 года помѣщена «Замѣтка изъ этнографіи Олонецкаго края», въ которой между прочимъ говорится: «Въ Заонежскихъ предѣлахъ есть преданіе, что будто бы тамъ жилъ въ незапамятное время особый народъ—*берегоулы*, но что былъ это за народъ, не извѣстно». Губернскій статистическій комитетъ считаетъ долгомъ сообщить обществу объясненіе этого преданія. Появленіе берегоуловъ въ Заонежьѣ, преимущественно въ нынѣшнемъ Повѣнецкомъ уѣздѣ, относится къ концу XVII и началу XVIII столѣтія; но это не былъ особый народъ, въ смыслѣ отдѣльной расы. Бергаулы—испорченное слово *бергауеръ* (berghauer). Извѣстно, что императоръ Петръ Великій посылалъ выписанныхъ изъ Саксоніи, Шотландіи и другихъ заграничныхъ мѣстъ рудокоповъ (бергауеровъ) для развѣдки мѣдныхъ и въ послѣдствіи желѣзныхъ рудъ на сѣверъ Олонецкой и Архангельской губерніи. Между деревнями Евгорой и Паданой, Повѣнецкаго уѣзда, донынѣ одна мѣстность называется Бергаулъ. Здѣсь былъ довольно обширный разработанный рудникъ, заключавшій мѣсторожденіе, по всѣй вѣроятности, мѣднаго колчедана, нынѣ затопленный водою. О Бергауловскомъ рудникѣ мѣстные жители разсказываютъ слѣдующую легенду: «Для добычи рудъ въ той мѣстности приведены были изъ далекихъ странъ какіе-то люди, не знавшіе ни одного русскаго слова и называвшіеся бергаулами, почему и самый рудникъ съ тѣхъ временъ зовется бергаулъ. Эти иноземцы сначала добывали много хорошей руды, но въ послѣдствіи имъ прискучило жить на чужой сторонѣ и они стали лукавить: всю добываемую ими хорошую руду, тайкомъ отъ начальства, бросали въ рѣку. Начальство же, думая, что въ томъ рудникѣ не стало руды, распорядилось работы въ немъ прекратить, а бергауловъ распустить по домамъ». При этомъ предсѣдатель доложилъ, что отношеніе Олонецкаго статистическаго комитета получено было еще 31 іюля сего года и что совѣтъ общества тогда же благодарилъ комитетъ за сообщеніе вышеприведеннаго свѣдѣнія.

3. Предсѣдатель сообщилъ выдержку изъ письма къ нему члена П. С. Ефименка, приславшаго въ общество отпечатанный имъ «Сборникъ малороссійскихъ заклинаній», въ коемъ между прочимъ сказано: «Въ непродолжительное время представлю вамъ для передачи обществу значительное собраніе этнографическихъ матеріаловъ, касающихся Архангельской губерніи; но пока еще не могу воспользоваться содѣйствіемъ общества при собираніи свѣдѣній о народномъ юридическомъ бытѣ, программу же по этой части составляю». Предсѣдатель присоединилъ къ этому, что прежде доставленные въ отдѣлъ П. С. Ефименкомъ матеріалы переданы для разсмотрѣнія и обработки д. ч. Н. Д. Кашнину-Самарину. Въ числѣ этихъ матеріаловъ встрѣтилась

статья подъ заглавіемъ: «Вѣрованія и обряды жителей Могилевской губерніи—бѣлоруссовъ», составленная въ 1865 г. въ Холмогорахъ В. и А. Зеньковичами. По докладѣ ея содержанія, опредѣлено: напечатать ее въ приложеніяхъ къ протоколу сего засѣданія *).

4. Читано было письмо доктора сравнительнаго языковѣдѣнія С. П. Микутскаго на имя предсѣдателя отдѣла такого содержанія: «Какъ предсѣдателю этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи —честь имѣю почтительнѣйше доложить вамъ о ходѣ и успѣхѣ моихъ занятій по сравнительному языковѣдѣнію. Одинъ первобытный народъ — въ глубочайшей древности — раздѣлился на двѣ части—aria и çaka, т. е. на арійцевъ и тюрко-чудь. (До сихъ поръ якуты — самый восточный тюркотатарскій народъ — сами себя называютъ саха). Арійское и тюркочудское семейства языковъ взаимно пополняютъ и поясняютъ другъ друга. Многія арійскія слова объясняются просто и удовлетворительно съ помощію тюркотатарскаго языка. Напримѣръ, тюркотатарское *акмак* (*ак* корень, *мак* окончаніе инфинитива) *течь*, *литься*, *вытекать*, *протекать*, оттуда латинская *aqua* (*ак+va*) вода, готское *ahva*, древненѣмец. *ака*—вода, рѣка; русск. Ока (называется рѣка), *Иква* (названіе двухъ рѣкъ). Литовская и латинская *ака* — водная жила, родникъ; колодезь, вырытый на водной жилѣ, родникъ, вообще колодезь. Древнерусск. *Оковскій* лѣсъ, потому что въ Оковскомъ полѣсьѣ находились *Оки*, т. е. источники трехъ главныхъ рѣкъ (*акъ*) русскихъ, а именно: Волги, Днѣпра и западной Двины. Армянскій языкъ совмѣщаетъ въ себѣ корни, слова и формы арійскія и тюркочудскія, то есть онъ составляетъ, такъ сказать, соединительное звено между арійскимъ и тюркочудскимъ семействами языковъ. Стало быть, прародина арійцевъ и тюрко-чуди (саковъ), находилась гдѣ-то близъ Арарата; оттуда тюрко-чудь распространилась на сѣверовостокъ, арійцы же заняли Иранъ, Индостанъ, южную и среднюю Европу. Армянское *mard*, персидская *merd*—человѣкъ, собственно смертный, mortalis, древнерусское *смердъ*. Армянское *cap*—vinculum, *capem*—вяжу, связываю, ligo, vincio, русск. *цѣпь*, *чепь*; армян. *eril* (корень er, первонач. ar) горѣть, ardere, оттуда санскр. *aruna*, *arusa*—красноватый, röthlich;—русск. алый;—древне скандинавск. *arin*, *aru*—очагъ, focus;—латинск. *olla* вм. *olna* — горшокъ; — галицкорусск. *лонецъ*, сербск. *лонацъ*—горшокъ;—русск. *Олонецъ* — названіе города. Польское областное (въ Ломжинской губерніи) *артъ*—очагъ. «Postaw garnek na arnic.—Мнѣ необходимо нужно еще года два употребить на обслѣдованіе и изученіе языковъ—тюркочудскихъ и армянскаго. Денежныхъ средствъ у меня нѣтъ никакихъ, и я принужденъ утруждать васъ покорнѣйшею просьбою;—не найдете ли вы умѣстнымъ и возможнымъ исходатайствовать для меня поддержку, въ видѣ командировки съ ученою цѣлію въ имперію и заграницу». Опредѣлено: передать просьбу г. Микутскаго въ совѣтъ общества, а его самого предложить въ дѣйствительные члены.

*) См. приложеніе I.

5. Предсѣдатель доложилъ, что д. ч. Н. А. Покровскій занимается составленіемъ подробнаго указателя книгъ, брошюръ и статей этнографическаго содержанія, находящихся въ библіотекѣ общества.

6. Предсѣдатель предложилъ въ дѣйствительные члены общества бывшаго профессора Дерптскаго университета, доктора славянской философіи А. А. Котляревскаго и Г. Д. Каликинскаго въ члены-сотрудники, а секретарь отдѣла предложилъ въ члены-сотрудники С. И. Гуляева. Опредѣлено: довести о томъ до свѣденія совѣта общества.

7. Д. ч. Е. В. Барсовъ прочелъ свою статью: «Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края». Въ статьѣ своей онъ предпослалъ такое предисловіе: «Память о великихъ людяхъ долго сохраняется въ народномъ сознаніи: слѣды ихъ великихъ дѣяній долго продолжаютъ освѣжать и озарять личные ихъ образы. Мѣста, гдѣ они были, и предметы, которыхъ касались, все это служитъ живымъ напоминаніемъ о подобныхъ дѣятеляхъ, служившихъ благу народному. Здѣсь источникъ народныхъ историческихъ преданій и мѣстныхъ сказаній о великихъ людяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бѣжитъ рѣка времени, и поколенія смѣняютъ одно другое, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ меркнетъ въ потомствѣ живость образовъ великихъ людей,—и самыя преданія затемняются, осложняются и запутываются. Наконецъ историческіе факты совсѣмъ облегаются наслоеніями сказочнаго свойства. Но есть и другой источникъ для сказокъ о великихъ людяхъ. Онъ кроется въ общей ихъ природѣ, въ качествахъ, принадлежащихъ всѣмъ имъ одинаково. Близость къ народу, изъ среды котораго они вышли, мудрость и сила характера, ко-

торыми запечатлѣваются ихъ великія дѣянія,- вотъ качества, общія всѣмъ великимъ людямъ. Въ силу этой-то общности ихъ природы, сказанія одного народа о великихъ людяхъ легко переносятся на сказанія о нихъ другаго народа. Иногда при этомъ разсказъ остается неизмѣннымъ, а замѣняются только имена, но чаще всего и самое сказаніе, воплощая одну и ту же мысль, видоизмѣняется въ своей внѣшней формѣ, подъ воздѣйствіемъ разныхъ историческихъ отношеній, національныхъ и мѣстныхъ условій народнаго развитія. Не исчерпывая историческаго факта самого въсебѣ, не представляя строго исторической его оцѣнки, эти сказки и сказанія не перестаютъ однако имѣть свое значеніе и для строго исторической науки. Онѣ всегда служатъ показателями того, подъ какимъ угломъ зрѣнія отражается въ народномъ сознаніи тотъ или другой историческій фактъ и какими красками окрашивается въ жизни народа то или другое лицо». Затѣмъ, Е. В. Барсовъ изложилъ сказки о Петрѣ Великомъ: 1) напечатанную уже въ «Чтеніяхъ» общества исторіи и древностей россійскихъ за 1862 г., кн. 4, о томъ какъ государь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по нѣмецкимъ землямъ и былъ въ Стекольномъ, 2) сказку о томъ, какъ отъ Петра пошло названіе одной деревни въ Архангельской губерніи Важмосолма, 3) сказку о названіи одного Свирскаго порога, извѣстнаго подъ именемъ Лигвей-головы, 4) сказку о томъ, какъ Петръ I встрѣтился и бесѣдовалъ съ олонецкимъ попомъ Окулинымъ, 5) сказку о томъ, какъ онъ встрѣтилъ въ Олонцѣ воеводу Синявина, 6) сказку о томъ, какъ мудро бесѣдовалъ Петръ первый съ народомъ, 7) какъ онъ училъ солдата быть бережливымъ въ домашнемъ хозяйствѣ, 8) какъ онъ училъ крестьянъ довольствоваться своимъ положеніемъ, 9) какъ Петръ Алексѣевичъ казнилъ князя Гагарина, и наконецъ 10) сказку о томъ, какъ солдатъ спасъ отъ смерти Петра Великаго. Опредѣлено: приложить къ протоколу засѣданія *).

8. П. ч. Н. А. Поповъ прочелъ статью подъ заглавіемъ: «Народные юридическіе обычаи у южныхъ славянъ», въ коей представилъ подробное обозрѣніе недавно изданныхъ на хорватскомъ языкѣ г. Богишичемъ матеріаловъ по сему предмету. Указавъ на важность народныхъ юридическихъ обычаевъ для этнографіи, исторіи и юридической практики, авторъ подробно коснулся той системы, которой г. Богишичъ держался при собираніи и изданіи матеріаловъ южнославянскаго обычнаго права. Чтобы ознакомить гг. членовъ съ обильнымъ матеріаломъ, заключающимся въ книгѣ г. Богишича, авторъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ на тѣхъ вопросахъ обычнаго права, которые касаются быта южныхъ славянъ въ задругахъ и отдѣльныхъ семьяхъ. По прочтеніи своего доклада **) Н. А. Поповъ предложилъ В. В. Богишича, д. ч. южнославянской академіи наукъ и профессора Одесскаго университета, въ непремѣнные члены общества. Опредѣлено: представить о томъ совѣту общества.

9. Ч. с. Ф. Д. Нефедовъ прочелъ начало своей статьи «По Волгѣ и ея притокамъ», составляющей отчетъ о его четырехмѣсячномъ путешествіи нынѣшнимъ лѣтомъ вдоль Поволжья отъ Рыбинска до Казани съ этнографическою цѣлію. Прочитанный въ этомъ засѣданіи отчетъ обнималъ собою путешествіе отъ Рыбинска до Пучежа, касаясь быта фабричнаго населенія. Опредѣлено: просить г. Нефедова о продолженіи его чтенія въ будущихъ засѣданіяхъ ***).

---

*) См. приложеніе II.

**) Докладъ этотъ былъ потомъ напечатанъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1875 годъ, № 3.

***) См. приложеніе III.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 22-го ДЕКАБРЯ 1874 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ политехническомъ музеѣ подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена общества Н. А. Попова, въ присутствіи секретарей общества и отдѣла, 19 членовъ общества и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей. Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. За прочтеніемъ и подписаніемъ протокола предшествующаго засѣданія, доложено было отношеніе Императорскаго русскаго географическаго общества, въ которомъ оно увѣдомляетъ этнографическій отдѣлъ общества естествознанія, что для составленія симъ послѣднимъ этнографическаго календаря оно съ полною готов-

ностію предоставляетъ право пользоваться принадлежащими ему рукописями въ самомъ помѣщеніи его архива, высылать же ихъ въ Москву оно не находитъ возможнымъ въ виду того, что означенный архивъ общества открытъ для пользованія и что притомъ въ настоящее время составляется описаніе заключающихся въ немъ матеріаловъ. При этомъ секретарь отдѣла Е. В. Барсовъ, заявилъ, что въ предстоящемъ году онъ имѣетъ намѣреніе быть въ С.-Петербургѣ, и предложилъ отдѣлу поручить ему заняться разсмотрѣніемъ и выборкою нужныхъ матеріаловъ въ архивѣ Императорскаго русскаго географическаго общества. Опредѣлено: принять предложеніе секретаря отдѣла и отнести о семъ въ совѣтъ географическаго общества.

2. Доложено отношеніе Московскаго археологическаго общества, въ которомъ оно, увѣдомляя о полученномъ имъ проектѣ Эрнеста Шантра изъ Парижа, предлагающаго международную систему знаковъ для единообразнаго обозначенія не только первобытныхъ древностей, но и вообще для всѣхъ археологическихъ картъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ и обществу естествознанія, не соблаговолитъ ли антропологическое его отдѣленіе принять участіе въ обсужденіи этого вопроса въ виду того, что предложенный Эрнестомъ Шантромъ вопросъ въ такой же степени интересенъ для антропологіи, какъ и для археологіи. Совѣтомъ общества естествознанія предложено обсудить его въ ближайшемъ засѣданіи этнографическаго отдѣла. Вслѣдствіе чего въ настоящемъ засѣданіи учреждена коммиссія, которой поручены разсмотрѣніе брошюры и картъ г. Шантра и сообщеніе заключеній своихъ археологическому обществу. Въ коммиссію избраны: А. П. Богдановъ, Н. Г. Керцелли, В. Н. Бензенгръ, Д. Н. Анучинъ и предсѣдатель и секретарь этнографическаго отдѣла. Въ отвѣтъ же археологическому обществу сообщено, что для совмѣстнаго обсужденія вопроса, если оно желательно, можетъ быть созвано соединенное засѣданіе коммиссій того и другаго общества въ помѣщеніи археологическаго общества или политехническаго музея, или же могутъ быть приглашены въ засѣданіе коммиссіи археологическаго общества одинъ или два уполномоченныхъ члена отъ коммиссіи общества любителей естествознанія, если бы назначеніе соединеннаго засѣданія было затруднительно.

3. Доложено отношеніе общества любителей россійской словесности, въ которомъ оно, увѣдомляя о вновь начатомъ имъ второмъ изданіи пѣсенъ, собранныхъ г. Кирѣевскимъ и о томъ, что поступившіе въ отдѣлъ отъ г. Ефименка образцы былинъ тождественны по содержанію съ имѣющимися быть помѣщенными въ предпринятомъ изданіи общества, проситъ: не признаетъ ли отдѣлъ возможнымъ передать былины для припечатанія въ помянутомъ изданіи, безъ всякаго сомнѣнія, съ указаніемъ источника, откуда онѣ получены, какъ это принято правиломъ во всѣхъ изданіяхъ общества. Г. предсѣдатель этнографическаго отдѣла заявилъ, что въ послѣднемъ письмѣ П. С. Ефименка къ нему высказано слѣдующее желаніе:

«Смѣю высказать, что мнѣ хотѣлось бы прилагаемыя этнографическія данныя объ Архангельской губерніи, вмѣстѣ съ представленными ранѣе памятниками народной словесности архангельцевъ, видѣть изданными отдѣльно, чтобы такимъ образомъ составилось нѣчто цѣльное по этнографіи населенія крайняго сѣвера».

Въ виду сего опредѣлено: принять въ уваженіе желаніе столь обязательнаго и дѣятельнаго сочлена и увѣдомить общество любителей россійской словесности, что отдѣлъ этнографіи, къ сожалѣнію, не можетъ передать имѣющихся у него былинъ для припечатанія къ его изданію, въ силу желанія, выраженнаго собирателемъ.

4. Доложено письмо г. художника Струкова на имя предсѣдателя отдѣла, при коемъ онъ препроводилъ въ даръ обществу десять рисунковъ кургановъ и городищъ, рисованныхъ имъ съ натуры и изъявилъ готовность дать имъ въ послѣдствіи краткое описаніе; кромѣ того приподнесъ обществу рисунокъ двухъ каменныхъ бабъ изъ Пятигорска съ приложеніемъ краткой записки вообще о бабахъ. Опредѣлено: выразить благодарность г. Струкову за его приношеніе, записку же о каменныхъ бабахъ передать въ антропологическій отдѣлъ общества.

5. Доложено письмо П. С. Ефименка на имя предсѣдателя отдѣла, при коемъ онъ препроводилъ въ общество свои матеріалы для этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи.

Матеріалы эти слѣдующіе:

1. Планы крестьянскихъ жилищъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, съ краткимъ описаніемъ ихъ. (Составилъ становой приставъ Шадринъ.)

2. Жилища и постройки крестьянъ Пинежскаго уѣзда. (Описаніе волостнаго писаря Иванова.)

3. Одежда Пинежскихъ крестьянъ, (его же).

4. Пища Пинежскихъ крестьянъ, (его же).

5. О религіозномъ состояніи Пинежскихъ крестьянъ, (его же).

6. Расколъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, (его же).

7. Вѣрованія Пинежскихъ крестьянъ, (его же).

8. Вѣрованія крестьянъ Шенкурскаго уѣзда. (Миссіонера-священника І. Павловскаго.)

9. Примѣты Холмогорскихъ крестьянъ. (Смотрителя Холмогорскаго уѣзднаго училища Базилевскаго.)

10. Примѣты, гаданія и суевѣрія жителей Архангельской губерніи. (Учителя Холмогорскаго приходскаго училиша Елизарова.)

11. Обряды, обычаи, игры Пинежскихъ крестьянъ. (Волостнаго писаря Иванова.)

12. Хороводныя пѣсни мѣщанъ города Онеги. (Бывшаго студента Фризе.)

13. О народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи. (Врача Липницкаго.)

14. Простонародная медицина Шенкурскаго уѣзда. (Фельдшера Костылева.)

15. Крестьянскій цвѣтникъ или травникъ. (Доставилъ бывшій студентъ Тышинскій.)

16. Нарѣчіе Пинежанъ. (Волостнаго писаря Иванова.)

17. Нарѣчіе крестьянъ Шенкурскаго уѣзда. (Чиновника удѣльнаго вѣдомства Тустановскаго.)

18. Словарь Шенкурскихъ провинціализмовъ. (Фельдшера Костылева.)

19. Дополнительныя замѣтки къ этнографическимъ свѣдѣніямъ. (Волостнаго писаря Иванова.)

20. Этнографическія свѣдѣнія о населеніи Зимняго берега Аргангельскаго уѣзда. (Священ. Розанова.)

21. Этнографическія свѣдѣнія, собранныя въ удѣльныхъ имѣніяхъ Шенкурскаго уѣзда чрезъ удѣльные приказы.

22. Этнографическія свѣдѣнія о Тунгасскомъ приходѣ Шенкурскаго уѣзда. (Священника Макарова.)

23. Этнографическія свѣдѣнія изъ села Усть-пуи Шенкурскаго уѣзда. (Священника Меѳодіева.)

24. Этнографическое описаніе посада Кемскаго уѣзда. (Чиновника Шеменина.)

25. Курейско-Сергіевскій приходъ Холмогорскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи. (Священника Таратина.)

26. Пингешенскій приходъ Холмогорскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи. (Свящ. Колчина.)

27. Описаніе Куростровскаго прихода Холмогорскаго уѣзда. (Священника Васильева.)

28. Описаніе Хаврогорскаго прихода Холмогорскаго уѣзда. (Священника П. Павловскаго.)

29. Описаніе Челмохотскаго прихода Холмогорскаго уѣзда. (Священника Глѣбовскаго.)

30. Описаніе Лисестровскаго прихода Архангельскаго уѣзда. (Священника Ѳедорова.)

31. Описаніе Кехотскаго прихода Архангельскаго уѣзда. (Священника Вахрамѣева.)

32. Описаніе Нижмозерскаго прихода Онежскаго уѣзда. (Священника Дьячкова.)

33. Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ. (Волостнаго писаря Иванова.)

34. Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ. (На карточкахъ, Александры Ефименко).

35. Программа для этнографическаго описанія русскаго населенія Архангельской губерніи и другіе матеріалы. (П. Ефименка).

Всѣ эти матеріалы собраны г. Ефименкомъ частію по личнымъ сношеніямъ его съ мѣстными изслѣдователями, частію чрезъ Архангельскій губернскій статистическій комитетъ и должны были войти въ предполагавшееся изданіе комитета: «Описаніе Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ». Этнографическую часть принялъ на себя г. Ефименко и приступилъ было уже къ составленію этнографическаго очерка, что видно изъ его программы и приготовительныхъ работъ. Но какъ описаніе Архангельской губерніи въ другихъ отношеніяхъ, равно какъ и изданіе собранныхъ матеріаловъ, частію по недостатку средствъ, частію по другимъ причинамъ, не состоялось, то и этнографическіе матеріалы г. Ефименка остались не обработанными и не изданными. Изъ нихъ онъ воспользовался только тѣмъ, что пригодилось ему для составленія «Описанія (и то самаго краткаго) жилищъ Архангельскихъ крестьянъ», написаннаго имъ по порученію мѣстнаго комитета для Московской политехнической выставки. При этомъ г. Ефименко поясняетъ, что госпожей Ефименко приступлено было къ составленію словаря архангельскихъ провинціализмовъ, по имѣвшимся печатнымъ и рукописнымъ источникамъ, въ томъ числѣ и по представленнымъ словарямъ и матеріаламъ гг. Костылева и Иванова. Но этотъ трудъ не оконченъ и въ него не вошли многіе изъ матеріаловъ, доставленныхъ въ послѣдствіи г. Ивановымъ и мѣстными священниками — въ ихъ описаніяхъ приходовъ. Поэтому, онъ представляетъ въ отдѣлъ и труды г-жи

Ефименко и всѣ матеріалы какъ вошедшіе въ него, такъ и не вошедшіе. Въ своемъ распоряженіи г. Ефименко, изъ всѣхъ матеріаловъ, относящихся къ Архангельской губерніи, оставилъ пока только «Описанія Архангельскихъ свадебъ.» но онъ обѣщается со временемъ и ихъ представить въ этнографическій отдѣлъ, по извлеченіи изъ нихъ всего того, что касается до юридическихъ обычаевъ. Въ заключеніе г. Ефименко выразилъ уже извѣстное желаніе видѣть всѣ матеріалы, относящіеся къ Архангельской губерніи, изданными въ цѣлой ихъ совокупности и въ отдѣльномъ оттискѣ; всѣми же прочими матеріалами предоставляетъ отдѣлу распоряжаться по своему усмотрѣнію. Опредѣлено: выразивъ глубокую благодарность Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи г. Ефименку за столь обильное приношеніе этнографическихъ матеріаловъ, поручить г. предсѣдателю отдѣла, согласно выраженному имъ желанію, разсмотрѣть эти матеріалы и, опредѣливъ ихъ научное значеніе, сдѣлать о нихъ докладъ въ ближайшемъ засѣданіи этнографическаго отдѣла.

6. Секретарь отдѣла Е. В. Барсовъ прочелъ статью члена-сотрудника Д.Н.Квашнина-Самарина—«О былинахъ,содержащихся въ сборникѣ П. С. Ефименка».Всѣхъ былинъ въ сборникѣ 10, 6-ть изъ нихъ записаны священникомъ Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, 4 остальныя—А. М. Никольскимъ въ городѣ Мезени. Мезенскія былины сохранились лучше и отличаются весьма значительнымъ объемомъ, вообще же и тѣ и другія довольно близки къ олонецкимъ, представляя однако легкія отличія въ языкѣ и нѣкоторыя особенныя выраженія. Самый разсказъ иногда уклоняется отъ общепринятыхъ олонецкихъ преданій, но разница выходитъ только въ частностяхъ; вообще же мы имѣемъ дѣло съ тѣми же самыми личностями, съ тѣмъ же строемъ жизни, съ тѣмъ же богатырскимъ міромъ, какъ и въ олонецкомъ эпосѣ и остается только удивляться крѣпости богатырскихъ типовъ, которые, разъ сложившись въ народной поэзіи, безвредно проходятъ цѣлые вѣка и остаются вѣрными древнѣйшимъ образцамъ, гдѣ бы ни была записана былина,—на Бѣломъ ли морѣ, на Волгѣ или на Уралѣ. Г. Квашнинъ-Самаринъ подробно разсмотрѣлъ и оцѣнилъ научное значеніе каждой былины. Изъ рязанскихъ былинъ онъ остановилъ особенное вниманіе на первой—о Добрынѣ Никитичѣ. Эта былина оказывается былиною суздальскаго цикла: не только Добрыня въ ней является исключительно рязанцемъ, но и самъ Илья исключительно Муромцемъ. Изъ мезенскихъ былинъ онъ особенно подробно разобралъ былину объ Алешѣ Поповичѣ и Ильѣ Муромцѣ: это, по мнѣнію его, *перлъ* всего сборника. Съ ней можетъ поспорить только *былина о Добрынѣ—рязанцѣ*, но если эта и представляетъ болѣе важности для исторіи русскаго эпоса, то *мезенская* превосходитъ ее изяществомъ и обиліемъ подробностей. Самый объемъ ея замѣчателенъ: въ ней до 600 стиховъ. Опредѣлено: статью г.Квашнина-Самарина напечатать при сборникѣ матеріаловъ, доставленныхъ д. ч. П. С. Ефименкомъ.

7. Дѣйствительный членъ Ф. Д. Нефедовъ продолжалъ чтеніе, согласно протоколу предшествовавшаго засѣданія, своихъ этнографическихъ наблюденій во время «Путешествія по Волгѣ и ея притокамъ». Въ настоящемъ засѣданіи онъ изложилъ свои наблюденія «Отъ посада Пучежа до Казани». Сначала очертилъ онъ внѣшній видъ прибрежья Волги на этомъ пространствѣ и затѣмъ описалъ занятія мѣстнаго населенія, народныя вѣрованія и суевѣрія, его говоры и заклятья, историческія преданія и праздничные обряды—равно какъ сообщилъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ и колядъ, имъ записанныхъ и чѣмъ либо замѣчательныхъ. Опредѣлено: имѣть въ виду статью г. Нефедова при напечатаніи протоколовъ засѣданій отдѣла—и приложить ее къ онымъ въ извлеченіяхъ; вмѣстѣ съ симъ просить г. Нефедова объ окончаніи его этнографическихъ наблюденій*).

8. Г. Д. Каликинскій прочиталъ часть изъ своего изслѣдованія «О значеніи физіологическаго различія расъ въ исторіи», въ которой онъ, вопреки ученію натуралистовъ, развивалъ мысль объ общемъ равенствѣ всѣхъ расъ предъ исторіею. Опредѣлено: занести о семъ въ протоколъ.

*) См. приложеніе III.

ПЯТНАДЦАТОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 9-го ФЕВРАЛЯ 1875 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ политехническомъ музеѣ, подъ предсѣдательствомъ поч. чл. общества Н. А. Попова, въ присутствіи президента общества Г. Е. Щуровскаго, почетнаго члена А. П. Богданова, 23 чле-

новъ общества, секретаря общества Н. К. Зенгера, секретаря отдѣла Е. В. Барсова и при значительномъ собраніи стороннихъ посѣтителей.

1. Былъ читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ письмо И. Ю. Некрасова, при которомъ онъ препроводилъ на имя отдѣла статью В. Н. Морокуева, подъ заглавіемъ: «Впечатлѣнія и наблюденія Москвича на Западной Окраинѣ». Опредѣлено: благодарить автора и просить его на будущее время не оставлять отдѣлъ своими сообщеніями.

3. На приглашеніе члена Виленской археологической коммиссіи И. Я. Спрогиса къ сотрудничеству, въ занятіяхъ отдѣла, получено отъ него письмо, на имя секретаря отдѣла, въ которомъ онъ заявляетъ, что въ настоящее время онъ занимается составленіемъ «Указателя собственнымъ географическимъ названіямъ въ землѣ Жомоитской за вторую половину XVI столѣтія»—и сверхъ того владѣетъ небольшимъ запасомъ латинскихъ сказокъ, легендъ и древнихъ народныхъ повѣрій. Опредѣлено: просить г. Спрогиса—не найдетъ ли онъ возможнымъ, собранный имъ этнографическій матеріалъ, уступить въ собственность отдѣла, для напечатанія въ его «Трудахъ».

4. Доложено письмо Т. Б. Кибальчича, на имя секретаря отдѣла, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что имъ записаны въ Черниговской губерніи *четыре пѣсни*, до нынѣ неизвѣстныя въ печати; *одна дума*, въ коей выражается сожалѣніе о томъ, что не выставили усиленнаго пикета противъ орды, *коляда*, рисующая бытъ зажиточнаго человѣка, который *звонитъ лукомъ*, и не мало сказаній о зміяхъ, русалкахъ, домовыхъ и т. п. Опредѣлено: просить г. Кибальчича прислать собранный имъ этнографическій матеріалъ въ отдѣлъ общества для напечатанія въ его «Трудахъ» того, что представляетъ научный интересъ.

5. Сообщено г. предсѣдателемъ письмо К. А. Попова, на его имя, въ которомъ онъ, сообщая, что въ архивѣ географическаго общества (папка Арханг. губ. № рук. VII) хранится статья г. Пругавина «О Мезенскомъ уѣздѣ», и что въ ней между прочимъ проводится мысль, что Ижемскіе зыряне суть озырянившіеся русскіе, предлагаетъ отдѣлу поручить г. Барсову, когда онъ отправится въ Петербургъ, похлопотать предъ географическимъ обществомъ объ уступкѣ или, по крайней мѣрѣ, о ссудѣ на время означенной рукописи. «Я, пишетъ г. Поповъ, въ своемъ сочиненіи «Зыряне и Зырянскій край» совсѣмъ обошелъ ижемцевъ, о чемъ и сказалъ въ примѣчаніи; главной причиной этого было то, что объ ижемцахъ зналъ я только по слухамъ да по нѣкоторымъ печатнымъ извѣстіямъ, изъ коихъ нельзя воспроизвести ничего цѣльнаго. Въ виду этого намъ отдѣлъ могъ бы напечатать статью г. Пругавина въ видѣ существеннаго дополненія къ моимъ «Зырянамъ», какъ она есть, или же я, пользуясь заключающимися въ ней данными, составилъ бы особую статью, для которой у меня нашлись бы и другіе матеріалы. Я уже догадываюсь, продолжаетъ онъ, какъ появились новгородцы въ такой глуши. Черезъ Ижму пролегалъ прежде зимній торговый и даже военный путь въ Сибирь; мнѣ понятно теперь происхожденіе чисто древненовгородскихъ идіотизмовъ въ Ижемскомъ нарѣчіи, равно какъ неусидчивость и бойкій промышленный характеръ Ижемскаго населенія, его плутоватость и т. д. Всѣхъ основаній для моего убѣжденія не высказать въ краткой запискѣ, но важность предмета, кажется, ясна сама по себѣ. Это едва ли не единственный примѣръ принятія чудскаго языка цѣлою колоніею новгородцевъ». Опредѣлено: въ виду того, что поѣздка г. Барсова въ Петербургъ, по обстоятельствамъ, отложена до вакаціоннаго времени, равно какъ и въ виду интереса, какой представляетъ рукопись г. Пругавина для изслѣдованій г. Попова, отнестись въ этнографическій отдѣлъ Императорскаго географическаго общества и просить, не найдетъ ли оно возможнымъ выслать означенную рукопись въ отдѣлъ этнографіи Императорскаго общества любителей естествознанія для временнаго пользованія и предпринятыхъ изслѣдованій о зырянахъ.

6. Г. Предсѣдатель сообщилъ письмо, на свое имя, помощника библіотекаря Варшавской университетской библіотеки г. Микуцкаго съ выраженіемъ признательности за избраніе его въ дѣйствительные члены общества и присланныя имъ замѣчанія объ арійскихъ корняхъ, сохранившихся въ грузинскомъ языкѣ. «Иберское семейство народовъ, т. е. грузинцы и кавказскіе горцы, разсуждаетъ онъ по мѣстопребыванію своему и по языку занимаютъ средину между арійцами и саками или туркочюдю. Въ туркочудскихъ языкахъ господствуетъ полнозвучіе и слогъ почти никогда не начинается двумя согласными. Въ иберскомъ семействѣ языковъ, а также и въ языкѣ армянскомъ, гласныя,

такъ сказать, улетучиваются и отъ этого происходитъ стеченіе согласныхъ». Опредѣлено: благодарить г. Микуцкаго за его сообщеніе.

7. Доложено г. предсѣдателемъ письмо г. художника Струкова, при коемъ онъ препровождаетъ въ общество два фотографическихъ снимка съ надписей, изсѣченныхъ на камняхъ и открытыхъ имъ при откопаніи храма въ честь Петра и Павла у подошвы горы *Ай-даръ* въ Крыму въ 1871 году, вмѣстѣ съ тѣмъ г. Струковъ предлагаетъ отдѣлу, не благоугодно ли будетъ разрѣшить ему приготовить докладъ о пещерныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ въ Крыму. Опредѣлено: благодарить г. Струкова за сдѣланное приношеніе и препроводить снимки въ совѣтъ общества для зависящихъ распоряженій; что касается заявленнаго доклада, то отдѣлъ не находитъ препятствія къ допущенію его въ своихъ засѣданіяхъ, хотя не можетъ не выразить желанія, чтобы онъ представлялъ, по возможности, этнографическій интересъ.

8. Г. предсѣдатель, согласно протокола предшествующаго засѣданія, представилъ свой отчетъ о присланныхъ въ отдѣлъ матеріалахъ П. С. Ефименка для этнографическаго описанія русскаго населенія Архангельской губерніи. Онъ подробно разобралъ ихъ содержаніе, опредѣлилъ ихъ научное значеніе, и предложилъ такой планъ изданія: 1) на нихъ, говоритъ онъ, надобно смотрѣть, какъ на матеріалъ, соотвѣтствующій именно программѣ, предложенной самимъ г. Ефименкомъ; 2) составлять сомостоятельное описаніе русскаго Архангельскаго населенія, на основаніи ихъ, не слѣдуетъ, а гораздо полезнѣе напечатать, держась помянутой программы, сводъ изъ нихъ по отдѣльнымъ статьямъ; 3) желательно однакожъ, чтобы по поводу нѣкоторыхъ отдѣловъ отъ редакціи предложены были свои соображенія, какъ это сдѣлалъ г. Квашнинъ-Самаринъ относительно былинъ; 4) желательно, чтобы весь сводъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это окажется нужнымъ, сопровождаемъ былъ библіографическими примѣчаніями, и 5) чтобы къ изданію приложена была библіографія этнографическихъ сочиненій и статей, касающихся русскаго населенія Архангельской губерніи, что исполнить могъ бы самъ П. С. Ефименко. Опредѣлено: въ виду того, что г. предсѣдатель, какъ видно изъ его отчета, достаточно ознакомился съ рукописями г. Ефименка, просить его, по мѣрѣ возможности, приступить къ изданію ихъ.

9) Н. ч. Н. С. Тихонравовъ сообщилъ рефератъ: «Черты древнерусскаго быта въ нѣкорыхъ памятникахъ допетровской Руси». Въ настоящемъ засѣданіи онъ изложилъ эти черты по «чинамъ исповѣди и эпитимейникамъ». Древнерусскіе номоканунцы, въ которыхъ находились эти чины и эпитимейники, имѣли основу византійскую, но, начиная съ XI в., основное зерно греческаго номоканона начинаетъ обростать въ нихъ наслоеніями русскихъ правилъ, развившихся уже подъ условіями русской жизни и притомъ сообразно потребностямъ отдѣльныхъ областей и мѣстностей русской земли; въ номоканунцѣ одной мѣстности назначалась напр. строгая эпитимія тому, кто гадалъ по псалтирю и евангелію посредствомъ метанія; въ номоканунцѣ другой мѣстности читались наставленія іерею, какъ руководить въ церкви того, кто прибѣгаетъ къ такому метанію. Эти номоканунцы, въ теченіи вѣковъ, имѣвшіе силу мѣстныхъ законовъ, кои предписывалось имѣть всякому іерею, къ концу XVI в. сами попали въ число книгъ отрѣченныхъ, ложныхъ, запрещенныхъ, подъ именемъ *худыхъ номоканнуцевъ, насѣянныхъ у сельскихъ и неразсудныхъ поповъ*. Г. Тихонравовъ, отбросивъ въ нихъ византійскую стихію, выбралъ изъ нихъ то, что создано условіями русской народной жизни, провѣрилъ эти воззрѣнія и вѣрованія другими памятниками письменности и прослѣдилъ ихъ даже въ поэтическихъ стихахъ калѣкъ перехожихъ. Опредѣлено: просить г. референта продолжить чтеніе столь любопытныхъ изслѣдованій въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ отдѣла.

10. Секретарь отдѣла прочелъ статью члена-сотрудника, Н. Е. Добрынкиной, подъ заглавіемъ: «Васильевъ вечеръ и новый годъ», и пополнилъ ее своими примѣчаніями. Статья г-жи Добрынкиной обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыми колядскими пѣснями, въ которыхъ, не смотря на ихъ отрывочность и малосодержательность, сохранились очень любопытныя и очень важныя черты народныхъ обычаевъ. Опредѣлено: статью г-жи Добрынкиной и дополненія къ ней секретаря отдѣла напечатать въ приложеніяхъ къ протоколу засѣданія *).

*) См. приложеніе IV.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 23-го МАРТА 1875 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ политехническомъ музеѣ подъ предсѣдательствомъ поч. чл. Н. А. Попова, въ присутствіи президента общества Г. Е. Щуровскаго, 18 членовъ общества, секретаря общества Н. К. Зенгера и секретаря отдѣла Е. В. Барсова, при многочисленномъ собраніи стороннихъ посѣтителей.

1. Былъ читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Доложено было отношеніе члена-сотрудника Н. А. Покровскаго, объ устройствѣ имъ библіотеки общества. Г. Покровскій заявляетъ въ ономъ, что онъ «примѣнилъ къ устройству библіотеки новую систему, принятую какъ въ нашихъ, такъ и европейскихъ государственныхъ книгохранилищахъ. Прежнее устройство библіотеки, основанное на поразрядномъ размѣщеніи книгъ, представляло весьма много затрудненій при отыскиваніи нужной книги; притомъ же всѣ брошюры и дублеты помѣщались на тѣхъ же полкахъ, вслѣдствіе чего увеличивалась тѣснота помѣщенія и не представлялось никакой возможности новопоступающимъ книгамъ занять назначенное имъ разрядами мѣсто. Другое важное неудобство прежняго устройства библіотеки заключалось въ томъ, что по собственному систематическому каталогу, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и имущественною книгою библіотеки, нельзя было производить должнаго контроля и сдачи книгъ. Въ виду такихъ-то неудобствъ, библіотекѣ дано совершенно новое устройство: дублеты и брошюры отдѣлены отъ прочихъ книгъ, чѣмъ выиграно нѣсколько свободныхъ полокъ, книги переставлены по новой системѣ, т. е. по формату; каталогъ составленъ пошкафный (инвентарь), необходимый для контроля, ревизіи и сдачи книгъ; а для отыскиванія нужныхъ книгъ приготовленъ каталогъ подвижной, съ общепринятою библіотечною формулою (напр. А. II. $\frac{5}{27}$), въ которой значится комната, шкафъ, полка и № книги и которая имѣется, какъ въ карточкѣ, такъ и на самой книгѣ. Число каталогизированныхъ книгъ, занявшихъ четыре шкафа, простирается до 700 названій. Въ указанное число за недостаткомъ мѣста не вошли брошюры, карты, эстампы; каталогизація ихъ можетъ начаться съ заготовкою требуемыхъ шкафовъ. Что касается систематическаго каталога, то онъ, какъ роскошь всякой библіотеки, служащій указаніемъ того, въ какой полнотѣ состоитъ тотъ или другой отдѣлъ науки, оставленъ до расширенія библіотеки; тѣмъ болѣе, что составъ ея въ настоящее время отличается замѣтною неполнотою, какъ можно видѣть изъ представляемаго каталога». Представленный при этомъ карточный подвижной каталогъ составленъ и переписанъ чрезвычайно тщательно и добросовѣстно. Опредѣлено: выразить г. Н. А. Покровскому искреннюю признательность отдѣла за столь капитальный и добросовѣстный трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду того, что библіотека составляетъ общее достояніе всѣхъ отдѣловъ, представить трудъ г. Покровскаго на вниманіе совѣта общества и предложить его къ избранію въ число дѣйствительныхъ членовъ общества; ходатайствовать также и о томъ, не найдетъ ли совѣтъ общества возможнымъ немедленно приступить къ заготовкѣ шкафовъ, требуемыхъ для окончательнаго устройства библіотеки.

3. Г. предсѣдатель представилъ на вниманіе отдѣла картину: «Русскіе крестьяне въ Буковинѣ» и при этомъ объяснилъ, по статьѣ г. Купчанка, изображенные на ней типы подолянъ и гуцуловъ. «Тѣхъ и другихъ считается въ Буковинѣ до 220,000 душъ. Оба типа различаются между собой какъ физическими свойствами, такъ нарѣчіемъ и бытовою обстановкою. Подоляне большею частію бѣлокуры; а гуцулы черноволосы. Хаты у подолянъ бѣлыя мазанки; у гуцуловъ же онѣ всегда немазаныя. Въ хозяйствѣ подолянъ главную роль играютъ волы; у гуцуловъ—кони. Цвѣтъ верхняго платья у подолянъ большею частію черный; у гуцуловъ кирпичный или красноватый. Нижнее одѣяніе у подолянъ бѣлое; у гуцуловъ красное. У подолянъ допускаются вышивки только на верхнемъ платьѣ и нѣтъ ихъ на сорочкахъ и исподнемъ одѣяніи; у гуцуловъ же, наоборотъ, всѣ части костюма покрыты разноцвѣтными вышивками. У гуцуловъ употребляются суконныя шапки синяго или краснаго цвѣта, которыя они называютъ капузами; подоляне же носятъ черныя барашковыя капелюхи. Онѣ у гуцуловъ высокія съ узкими полями; у подолянъ низкія съ широкими полями. У гуцуловъ сорочки короткія, а шаровары широкіе; у подолянъ сорочки долгія, а нижнее одѣяніе узкое. Зато у подолянскихъ женщинъ сорочки вышиты красивѣе и цвѣтистѣе, чѣмъ у гуцулокъ. Подолянки свиваютъ волоса

на головѣ въ клубокъ, а гуцулки или стригутъ волоса, или заплетаютъ въ косы. Въ гуцульскомъ говорѣ есть различіе противъ подолянскаго: напр. гуцулъ говоритъ *кынь*, вм. подолянскаго *кинь* (конь); *яблоко*, вм. подолянскаго *яблуко* (яблоко); *втьела* вм. *втяла* (урѣзала) и проч. По умственному развитію гуцулы стоятъ ниже подолянъ; зато отличаются большею гордостію; подолянамъ же свойственна нѣкоторая приниженность. Они низко кланяются и цѣлуютъ руку и полы. Зато народная поэзія и обряды у подолянъ разнообразнѣе, чѣмъ у гуцуловъ. Гуцулы поютъ обыкновенно свои веселыя и унылыя пѣсни, одинаково называющіяся гуцулками; подоляне также имѣютъ свои гуцулки, но у нихъ есть еще и думки и др. виды пѣсенъ. Гуцульская пляска однообразна; подоляне же пляшутъ коломыйку, козака, дробушки, яркана и сербина. Не смотря на всѣ эти особенности, оба типа русскаго населенія въ Буковинѣ имѣютъ одинаковое міровоззрѣніе, нравы и обычаи, главные обряды и коренныя свойства языка со всѣми прочими малоруссами, живущими въ Венгріи, Галиціи и южной Россіи. Обстоятельство это ясно свидѣтельствуетъ, что Буковинскіе гуцулы и подоляне—настоящіе славяне чисторусской крови». Опредѣлено: занести въ протоколъ сообщеніе г. предсѣдателя.

4. Г. предсѣдатель прочиталъ статью «О сѣверныхъ постройкахъ и жилыхъ помѣщеніяхъ по матеріаламъ г. Ефименка, собраннымъ г. Ивановымъ». Статья эта представляла образецъ разработки матеріаловъ г. Ефименка. Въ ней постройки и жилыя помѣщенія Архангельской губерніи описываются со всею подробностію во всѣхъ мельчайшихъ частяхъ съ ихъ устройствомъ и съ областными, спеціальными ихъ названіями. Опредѣлено: имѣть сей докладъ въ виду при изданіи сборника матеріаловъ г. Ефименка.

5. Чл. с. Ф. Д. Нефедовъ закончилъ свой обзоръ этнографическихъ данныхъ, усмотрѣнныхъ имъ во время путешествія по Волгѣ. Опредѣлено: благодарить г. Нефедова за сообщеніе отдѣлу своихъ этнографическихъ наблюденій и напечатать ихъ въ «Трудахъ» отдѣла *).

*) См. Приложеніе III.

СЕМНАДЦАТОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 4-го МАЯ 1875 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ политехническомъ музеѣ подъ предсѣдательствомъ поч. чл. Н. А. Попова, въ присутствіи предсѣдателя общества Г. Е. Щуровскаго, почетнаго члена А. П. Богданова, 17 членовъ общества, секретаря общества Н. К. Зенгера, секретаря отдѣла Е. В. Барсова и многочисленныхъ посѣтителей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2. Предсѣдатель отдѣла Н. А. Поповъ заявилъ, что имъ обработаны и приготовлены къ изданію двѣ главы (объ одеждѣ и пищѣ) для сборника Архангельской губерніи по матеріаламъ, доставленнымъ Г. Ефименкомъ. Опредѣлено: просить г. предсѣдателя о продолженіи начатыхъ имъ работъ по изданію означенныхъ матеріаловъ.

3. Секретарь Е. В. Барсовъ сдѣлалъ сообщеніе о малороссійскихъ обычаяхъ при рожденіи и крещеніи дѣтей на р. Орели. Нарѣченіе имени ребенку происходитъ здѣсь слѣдующимъ образомъ: обыкновенно на скоро произносятъ разныя имена — Петръ, Павелъ, Иванъ и т. п. и при какомъ имени ребенокъ подастъ голосъ, то имя и дается ребенку. Обрядъ, извѣстный въ Великороссіи подъ именемъ *размыванія рукъ*, въ Екатеринославской губерніи совершается также съ разными особенностями. Тотъ и другой остатокъ язычества своимъ началомъ восходятъ къ глубокой древности. Крещеніе совершается въ Малороссіи чрезъ обливаніе, такъ что не даромъ въ мірѣ московскаго раскола называютъ малороссовъ обливанцами. Опредѣлено: имѣть въ виду сообщеніе г. секретаря отдѣла при печатаніи ученыхъ работъ и протоколовъ этнографическаго отдѣла *).

4. Непремѣнный членъ Н. С. Тихонравовъ продолжалъ чтеніе своихъ изслѣдованій по исторіи нравственнаго міросозерцанія древнерусскаго человѣка. Ос-

*) См. Приложеніе V.

новою для нихъ служили тѣ же древнерусскіе, худые номоканунцы, слова христолюбцевъ и духовные стихи калѣкъ перехожихъ, какъ и въ предшествовавшемъ засѣданіи. Христіанство застало на Руси въ наибольшемъ развитіи изъ всего языческаго культа поклоненіе роду и рожаницамъ или той дѣвѣ судьбы, которая господствуетъ надъ рожденіемъ всего живаго и прядетъ нить человѣческой жизни: номоканунцы и слова христолюбцевъ особенно ратуютъ противъ этого поклоненія. Съ теченіемъ времени представленіе о рожаницѣ перенесено на Богородицу и съ новымъ именемъ долго не переставала еще жить трапеза—старая жертва въ честь рожаницы. Эта трапеза сопровождалась и богородичнымъ тропаремъ и пьянымъ яденіемъ и питіемъ. Съ паденіемъ язычества создалась обширная народная демонологія: въ XIV в. еще продолжали знаменоваться крапивой и всякими цвѣтами польными вмѣсто креста. Въ народныхъ играхъ, пѣсняхъ и обрядахъ продолжало жить старое язычество. Скоморохи были лучшими его представителями, вѣдунами бѣсовскихъ игръ на идольскихъ позорищахъ, цѣлителями недуговъ, гудцами и веселыми пѣвцами. По номоканунцамъ древнерусскій боянъ, когда его струны князьямъ славу рокотали, долженъ былъ бы выдержать 50 дней сухоястія. Изъ народныхъ игръ номоканунцы преслѣдуютъ особенно колядныя и русальныя. Рядомъ съ скоморохами, скитальниками и заправителями общественнаго языческаго обряда стояли волхвы, кудесники, представители домашняго языческаго культа и рѣшители личныхъ недоумѣній и невзгодъ. Порча людей и сведеніе дѣтей въ матерней утробѣ, особенно любовные привороты и отвороты, а также истолкованіе сновъ, примѣтъ, встрѣчъ, все это входило въ кругъ вѣдѣнія волхвовъ и противъ всего этого ратуютъ эпитимейники и номоканунцы. Отъ скомороховъ и волхвовъ г. Тихонравовъ обѣщалъ перейти къ характеристикѣ древнерусскаго попа, по указаніямъ тѣхъ же номоканунцевъ. Опредѣлено: просить г. Тихонравова о продолженіи своихъ любопытныхъ чтеній.

5. В. Ф. Кудрявцевъ—сотрудникъ отдѣла—прочелъ свой обзоръ этнографическихъ данныхъ, содержащихся въ сборникахъ, издаваемыхъ Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ. Этотъ обзоръ далъ всѣмъ понять, по какимъ общимъ программамъ работаютъ наши статистическіе комитеты и какъ еще не велики результаты этнографическихъ работъ даже такого дѣятельнаго комитета, каковъ Нижегородскій. Опредѣлено: статью г. Кудрявцева имѣть въ виду при изданіи «Трудовъ» отдѣла *).

*) См. Приложеніе VI.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 30-го СЕНТЯБРЯ 1875 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ политехническомъ музеѣ, подъ предсѣдательствомъ п. ч. Н. А. Попова и въ присутствіи предсѣдателя общества Г. Е. Щуровскаго, непремѣнныхъ членовъ: В. О. Ключевскаго и Н. Г. Керцелли, дѣйствительныхъ: В. Н. Бензенгра, Н. А. Покровскаго, членовъ-сотрудниковъ: В. Ф. Кудрявцева и Ф. Д. Нефедова, секретаря общества П. К. Зенгера и секретаря отдѣла Е. В. Барсова.

1. Предсѣдатель Н. А. Поповъ довелъ до свѣдѣнія отдѣла, что имъ разработанъ и приготовленъ къ печати внѣшній бытъ русскаго населенія Архангельской губерніи по матеріаламъ, собраннымъ и доставленнымъ въ отдѣлъ г. Ефименкомъ; затѣмъ приступлено имъ къ разработкѣ быта внутренняго; матеріалъ же литературный настолько богатъ, что можетъ составить особый отдѣлъ въ приготовляемомъ изданіи. Опредѣлено: принять предложеніе г. предсѣдателя къ исполненію.

2. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія отдѣла два сообщенія г. Ефименка, изъ которыхъ въ первомъ онъ изъявляетъ готовность, согласно предложенію предсѣдателя, сдѣлать общій этнографическій очеркъ русскаго населенія Архангельской губерніи, чтобы связать и выяснить и даже восполнить отрывочные матеріалы, доставленные имъ въ отдѣлъ. Во второмъ онъ извѣщаетъ отдѣлъ объ окончаніи имъ «Указателя для собранія юридическихъ воззрѣній, обычаевъ и обрядовъ», въ коемъ онъ желаетъ выяснить, что такое этнографія, что сдѣлано русскими этнографами и приложить этнографическую программу. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

3. Дѣйствительный членъ Императорскаго географическаго общества П. И. Пашино сообщилъ о своемъ путешествіи въ Азію прямымъ проходомъ на Вейзабадъ, куда онъ командированъ былъ географическимъ обществомъ и куда однакожъ онъ не могъ проникнуть по встрѣтившимся непредвидѣннымъ препятствіямъ со стороны мѣстнаго правительства. Опредѣлено: записать о томъ въ протоколъ.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 27-го НОЯБРЯ 1875 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ политехническомъ музеѣ подъ предсѣдательствомъ поч. чл. Н. А. Попова, въ присутствіи президента общества Г. Е. Щуровскаго, 16 членовъ дѣйствительныхъ и сотрудниковъ, секретаря общества Н. К. Зенгера и секретаря отдѣла Е. В. Барсова, при многочисленномъ собраніи стороннихъ посѣтителей.

1. Г. предсѣдатель доложилъ письмо на имя отдѣла, Григорія Купчанка, при которомъ онъ, по порученію русскаго академическаго общества «Буковина» препроводилъ въ отдѣлъ брошюру «Голосъ до народа», написанную на буковинскомъ русскомъ нарѣчіи и уставъ общества «Буковина». При этомъ отъ себя онъ принесъ въ даръ отдѣлу нѣсколько картинъ, представляющихъ типы и костюмы русскихъ крестьянъ въ Буковинѣ. Опредѣлено: выразить признательность г. Купчанку за сдѣланное имъ приношеніе.

2. Предсѣдатель доложилъ письмо д. чл. П. С. Ефименка, въ которомъ онъ доводитъ до свѣдѣнія отдѣла что, познакомившись съ книгой Е. И. Якушкина «Обычное право» вып. 1, онъ нашелъ необходимымъ распространить свою записку о собираніи народныхъ обычаевъ, программу же для провинціальныхъ сотрудниковъ составить особо. Онъ же извѣщаетъ, что общая статья его къ «Сборнику этнографическихъ свѣдѣній о русскомъ населеніи Архангельской губерніи» будетъ доставлена въ отдѣлъ только по отпечатаніи послѣдняго выпуска этого сборника; кромѣ того онъ же извѣщаетъ, что вышлетъ въ отдѣлъ новые матеріалы о свадьбахъ въ Архангельской губерніи. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

3. Т. Б. Кибальчичъ прочиталъ статью: «Объ обрядахъ, сопровождающихъ рожденіе и крещеніе дѣтей съ Малороссіи». При этомъ онъ остановилъ вниманіе на *окликѣ*, который совершается надъ мертворожденнымъ младенцемъ, на обычаѣ первыхъ встрѣчныхъ на улицѣ приглашать *ко кресту*, т. е. быть кумовьями и на обрядѣ *взливанія родіи*. Описывая эти обряды и обычаи, г. Кибальчичъ объяснялъ значеніе при этомъ хлѣба, соли, воды, вербы и топора, употребляемыхъ при совершеніи этихъ обрядовъ. Онъ представилъ также въ своемъ описаніи не мало любопытныхъ пѣсенъ и причитаній, связанныхъ съ тѣми же обрядами. Опредѣлено: записать о семъ въ протоколъ.

4. Секретарь отдѣла Е. В. Барсовъ прочиталъ «Обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ губернскихъ и эпархіальныхъ вѣдомостяхъ за минувшій годъ». При этомъ онъ представилъ картину народныхъ взглядовъ на небо, солнце, луну и атмосферныя явленія; сообщилъ нѣсколько миѳологическихъ преданій о разныхъ озерахъ и горахъ, въ которыхъ дѣйствуютъ водяные, лѣсные и другіе земные боги и привелъ нѣсколько описаній древнихъ обрядовъ и обычаевъ, до нынѣ бытующихъ въ народной жизни и совершаемыхъ при разныхъ праздникахъ и по разнымъ случаямъ. Опредѣлено: такъ какъ Е. В. Барсовъ желаетъ статью свою отпечатать ранѣе, чѣмъ будетъ приступлено къ изданію 4-й книжки «Трудовъ» этнографическаго отдѣла, то просить его, какъ и г. Кибальчича, доставить въ отдѣлъ особые оттиски читанныхъ ими рефератовъ, по ихъ отпечатаніи.

ДВАДЦАТОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 22-го АПРѢЛЯ 1876 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ политехническомъ музеѣ, подъ предсѣдательствомъ п. ч. Н. А. Попова, въ присутствіи президента общества Г. Е. Щуровскаго, 26-ти дѣйствительныхъ членовъ и сотрудниковъ, секретаря

общества Н. К. Зенгера и секретаря отдѣла Е. В. Барсова, при многочисленномъ собраніи постороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Г. предсѣдатель доложилъ о книгахъ, вновь поступившихъ въ библіотеку общества чрезъ посредство отдѣла. Опредѣлено: вновь поступившія книги сдать въ совѣтъ общества.

2. Г. предсѣдатель сообщилъ о внезапной смерти дѣйств. чл. Клавдія Попова (18 апр.), который состоялъ членомъ съ 1867 г. и помѣстилъ въ «Трудахъ» этнографическаго отдѣла извѣстное свое сочиненіе «Зыряне и Зырянскій край» и статью «О свадебныхъ обычаяхъ въ Вологодской губерніи». При этомъ г. предсѣдатель прочелъ его рефератъ, который намѣренъ былъ покойный самъ прочитать въ настоящемъ собраніи, подъ заглавіемъ: «Объ охотничьемъ правѣ собственности у Зырянъ». Опредѣлено: напечатать эту статью въ «Трудахъ» отдѣла *).

3. В. К. Попандопуло представилъ вниманію отдѣла нѣсколько пасхальныхъ малороссійскихъ яицъ, раскрашенныхъ разноцвѣтными фигурами и узорами, которыя отчасти напоминаютъ собою орнаменты древнихъ рукописей, и отчасти сходны съ цвѣтными вышивками и узорами на современныхъ великороссійскихъ полотенцахъ—и во всякомъ случаѣ отражаютъ на себѣ слѣды восточной орнаментики.

4. Д. ч. Всеволодъ Ѳ. Миллеръ прочиталъ статью подъ заглавіемъ: «Семейный бытъ Индіи древнѣйшаго Ведійскаго періода». Указавъ на несостоятельность мнѣнія, которое въ основу всего дальнѣйшаго развитія общества ставитъ *патріархальную семью* и идеализируетъ семейныя отношенія индоевропейскаго періода, референтъ сталъ на точку зрѣнія современныхъ англійскихъ изслѣдователей древнѣйшей культуры и быта дикарей—Тэйлора, Леббока, Маргана, Макъ-Ленана и др. Эти изслѣдователи пришли къ убѣжденію, что образованію прочной семьи предшествовалъ періодъ болѣе грубый, когда еще не было индивидуальнаго брака, когда на женщину имѣли права всѣ члены рода, когда дѣти не знали своихъ отцевъ, а знали матерей, когда наслѣдство переходило отъ брата къ дѣтямъ его сестры. Отправляясь отъ результатовъ, добытыхъ трудами этихъ изслѣдователей, референтъ старался въ данныхъ языка и нѣкоторыхъ обрядахъ найти у индусовъ слѣды древнѣйшаго періода. Съ этою цѣлью онъ остановился на разборѣ и исторіи нѣкоторыхъ терминовъ родства (санскритскихъ названій сына, племянника, внука, отца, родственника), упомянулъ объ обычаѣ давать имена не по отцу, а по матери и остановился на ведійскомъ культѣ *отцевъ*, въ которомъ онъ видитъ не культъ личныхъ предковъ семьи, а вообще боготвореніе усопшихъ богатырей, защитниковъ общины. Переходъ отъ общиннаго брака *къ индивидуальному* слѣдуетъ видѣть въ обычаѣ похищенія женъ. Жена, похищенная изъ чужаго рода, племени, становилась личной собственностію похитителя, не раздѣляемою имъ съ сородичами. Этимъ объясняется широкое распространеніе экзогаміи. Референтъ указалъ на свидѣтельства объ умычкѣ женъ въ гимнахъ Ригъ-Веды и на другой видъ брака—именно на покупку женъ. Переходя затѣмъ къ вопросу о препятствіяхъ родства для заключенія брака, референтъ указалъ въ Эранѣ и Индіи слѣды браковъ между братьями и сестрами и привелъ въ извлеченіи одинъ ведійскій гимнъ. Идеалъ семейнаго быта изображается въ пространномъ свадебномъ гимнѣ десятой книги Ригъ-Веды и потому референтъ остановился на немъ подробно. Этотъ гимнъ тѣмъ болѣе важенъ для характеристики ведійскихъ понятій о семьѣ, что отдѣльные стихи его употреблялись, какъ священныя изрѣченія, соотвѣтствующія отдѣльнымъ моментамъ свадебнаго ритуала. Для объясненія нѣкоторыхъ стиховъ, содержащихъ яркіе слѣды первоначальной грубости понятій, референтъ приводилъ аналогію изъ быта дикарей. Затѣмъ, охарактеризовавъ положеніе женщины въ ведійской семьѣ, референтъ привелъ нѣкоторые заговоры изъ Атарва-Веды. Референтъ окончилъ общимъ выводомъ о степени культуры, изображаемой ведійскими гимнами. Настоящій его рефератъ представляетъ отрывокъ изъ его ученаго изслѣдованія о культурѣ ведійскаго періода вообще. Опредѣлено: благодарить автора за его сообщеніе.

6. Д. членъ Ѳ. Я. Трейландъ прочиталъ статью: «О свадебныхъ обрядахъ у латышей». Опредѣлено: статьи г. Трейланда имѣть въ виду при изданіи второй части «Сборника латышскихъ пѣсенъ».

*) См. приложеніе VII.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 2-го АПРѢЛЯ 1876 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ политехническомъ музеѣ подъ предсѣдательствомъ поч. чл. Н. А. Попова, въ присутствіи президента общества Г. Е. Щуровскаго, почетнаго члена А. П. Богданова, 29 членовъ общества, въ присутствіи секретаря общества Н. К. Зенгера и секретаря отдѣла Е. В. Барсова, при многочисленномъ собраніи стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Былъ читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія отдѣла.

2. Предсѣдатель доложилъ о книгахъ, поступившихъ въ библіотеку общества чрезъ посредство отдѣла.

3. Предсѣдатель сообщилъ біографическія свѣдѣнія о покойномъ членѣ Клавдіи Алѣксѣевичѣ Поповѣ слѣдующаго содержанія:

«К. А. Поповъ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ Московскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1848 году и въ августѣ того же года вступилъ на службу учителемъ исторіи и географіи въ Юрьевское уѣздное училище. Въ 1852 году онъ перешелъ на службу въ канцелярію начальника Вологодской губерніи, и вскорѣ переведенъ въ коммиссію народнаго продовольствія въ той же губерніи на должность бухгалтера. Въ началѣ слѣдующаго года ему поручено было составленіе свѣдѣній о народонаселеніи изъ метрическихъ книгъ мѣстной духовной консисторіи. Въ 1860 году назначенъ былъ правителемъ дѣлъ Вологодской коммиссіи народнаго продовольствія. Въ 1862 году назначенъ судебнымъ слѣдователемъ въ Вельскомъ уѣздѣ, каковую должность и отправлялъ до 27 мая 1867 года, будучи уволенъ отъ службы въ чинѣ надворнаго совѣтника. Въ 1868 году К. А. Поповъ переселился въ Москву, принятъ былъ въ число членовъ Императорскаго общества любителей естествознанія и получилъ занятія въ правленіи Шуйско-ивановской желѣзной дороги, каковыя исправлялъ до своей смерти 18 апрѣля 1876 года, постигшей его на 49-мъ году жизни.

«Что касается литературныхъ трудовъ К. А. Попова, то первые изъ нихъ появились въ «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1852 и 1853 годахъ. Сотрудничество его въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» продолжалось и въ слѣдующіе годы. Въ 1858 году были напечатаны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» двѣ небольшія статейки его о «Економическомъ Указателѣ». Въ 1826 году въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ» въ четырехъ книжкахъ напечатана монографія его «Половники» (историческій очеркъ половничьяго права). Въ томъ же году напечатаны двѣ корреспонденціи изъ Вологды въ газетѣ «Волга». Въ 1866 году напечатаны двѣ корреспонденціи изъ Вельска и Вологды въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». Въ 1868 году напечатано въ газетѣ «Москва» нѣсколько корреспонденцій и начатъ рядъ статей по вопросу о земскихъ повинностяхъ. Въ томъ же году напечатана въ «Современной Лѣтописи» (№ 28) статья: «Сельскія школы въ Вологодской губерніи». Въ томъ же году и въ двухъ слѣдующихъ помѣщено нѣсколько статеекъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». Въ 1871 году К. А. Поповъ издалъ книжку подъ заглавіемъ «Виноватые и правые», заключающую въ себѣ шесть правоописательныхъ разсказовъ изъ практики судебнаго слѣдователя Въ 1872 году въ первыхъ книгахъ журнала «Бесѣда» помѣщена статья: «Колонизація Заволочья и обрусеніе Заволодской чуди». Въ 1874 году въ «Извѣстіяхъ» общества любителей естествознанія (томъ XIII, выпускъ 1) напечатаны въ приложеніяхъ къ протоколамъ засѣданій этнографическаго отдѣла «Замѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ Вологодской губерніи». Весь второй выпускъ того же тома «Извѣстій» занятъ сочиненіемъ К. А. Попова «Зыряне и Зырянскій край», за которое онъ удостоенъ былъ Императорскимъ обществомъ любителей естествознанія Дашковской преміи въ 200 рублей. Въ самый день своей внезапной смерти онъ представилъ въ этнографическій отдѣлъ рефератъ «Объ охотничьемъ правѣ собственности у зырянъ». Такимъ образомъ мы видимъ, что главные труды К. А. Попова, напечатанные въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ», въ «Бесѣдѣ» и въ «Извѣстіяхъ» общества любителей естествознанія, посвящены были этнографическимъ изслѣдованіямъ».

4. Секретарь Е. В. Барсовъ прочиталъ записку Д. М. Струкова: «О свадебномъ обычаѣ Смоленской губерніи, Ельнинскаго уѣзда, въ селѣ Дсенѣ». Причетъ церковный, въ домѣ священника, усаживается въ передній уголъ въ ожиданіи свадебнаго поѣзда. При входѣ— дружка невѣстинъ останавливается въ дверяхъ, а дружка жениховъ, помолившись образамъ, ведетъ рѣчь священнику приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Государь ты нашъ духовный батюшка, тебѣ челомъ бьютъ князь Кузьма Ѳедоровичъ съ княгинею Глафирою Яковлевною и просятъ твоихъ молитвъ, чтобы ты, батюшка, омолитвилъ, оповѣнчалъ ихъ сына младого князя Григорья да Кузьмича да со княгинею да Марьею да Ѳедоровною, а прежъ повѣнчанія дары княжія со мною дружкою шлютъ». Подобная же просьба повторяется около церкви; женихъ и невѣста низко кланяются, а дружка невѣстинъ ведетъ рѣчь: «Князь со княгинею просятъ родителевъ помянуть»; всѣ идутъ за тѣмъ на могилы родственниковъ и послѣ литіи поминаютъ ихъ водкою и блинами. Любопытно также, что при вѣнчаніи на второбрачныхъ вѣнцевъ не полагаютъ, а вмѣсто ихъ держатъ надъ головою жениха икону Спасителя, а надъ головою невѣсты икону Божьей Матери. Опредѣлено: біографическія свѣдѣнія о К. А. Поповѣ и замѣтку о свадебныхъ обычаяхъ въ селеніи Дсенѣ занести въ протоколъ засѣданія отдѣла.

5. Д. ч. В. Ѳ. Миллеръ прочелъ «Исторію одной восточной сказки», прослѣдилъ восточныя ея варіанты, указалъ сродныя мотивы въ русскихъ народныхъ сказкахъ и въ татарскихъ пересказахъ, служившихъ, по его мнѣнію, посредствующимъ звеномъ тѣхъ и другихъ.

6. Членъ - сотрудникъ Ф. Д. Нефедовъ прочелъ отрывокъ «Изъ народной космогоніи», заключающій въ себѣ извѣстный апокрифическій книжный разсказъ о сотвореніи міра, записанный имъ изъ живыхъ устъ отъ крестьянина С. Я. Дерунова въ селѣ Козьмодемьянскѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

7. Членъ-сотрудникъ В. Ф. Кудрявцевъ продолжалъ свой «Обзоръ этнографическихъ данныхъ», помѣщенныхъ въ сборникахъ, издаваемыхъ Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ. Въ настоящемъ очеркѣ онъ обозрѣлъ данныя, относящіяся къ народной медицинѣ, обычному праву и народной словесности *).

*) См. приложеніе VI.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 4-го ЯНВАРЯ 1877 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ старомъ зданіи университета, подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена Н. А. Попова, въ присутствіи президента общества Г. Е. Щуровскаго, почетнаго члена графа А. С. Уварова, 18 дѣйствительныхъ членовъ, секретаря отдѣла Е. В. Барсова и въ присутствіи многихъ стороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Былъ читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель доложилъ объ этнографической экскурсіи въ Пріуральскомъ краѣ члена - сотрудника Ф. Д. Нефедова, который командированъ туда обществомъ для собиранія этнографическихъ матеріаловъ.

3. Предсѣдатель представилъ вниманію отдѣла статью воспитателя 1-й Казанской гимназіи А. Ѳ. Можаровскаго подъ заглавіемъ: «Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи въ ихъ потѣхахъ, остротахъ, стишкахъ и пѣсенкахъ». Опредѣлено: передать эту статью секретарю отдѣла Е. В. Барсову, съ тѣмъ чтобы онъ въ слѣдующее засѣданіе отдѣла представилъ свой отзывъ объ ея научномъ значеніи.

4. Д. ч. И. Д. Мансвѣтовъ прочиталъ свое изслѣдованіе «Объ обрядахъ рожаничнаго культа въ древней Россіи». Не касаясь выводовъ относительно этого культа, добытыхъ сравнительнымъ его изученіемъ, референтъ остановилъ свое вниманіе собственно на исторической его сторонѣ. По древнимъ письменнымъ памятникамъ, онъ прослѣдилъ за развитіемъ его въ Россіи и пришелъ къ выводу о византійскомъ его происхожденіи. Далѣе, на основаніи историческихъ и бытовыхъ аналогій, онъ опредѣлилъ самый характеръ и составъ трапезы, совершавшейся у насъ на Руси, въ честь рода и рожаницъ. Опредѣлено: записать о семъ въ протоколъ.

5. Д. ч. В. Ѳ. Миллеръ прочиталъ рефератъ «О пѣсняхъ Македонскихъ болгаръ», собранныхъ и изданныхъ г. Верковичемъ. Опредѣливъ въ общихъ чертахъ содержаніе этой *Славянской Веды*, какъ называетъ г. Верковичъ изданныя имъ миѳологическія пѣсни, референтъ задался вопросомъ о подлинности пѣсенъ и сообщилъ исторію ихъ записыванія и изданія. Подлинность болгарскихъ пѣсенъ явствуетъ главнымъ образомъ изъ ихъ содержанія, и, чтобы дать объ нихъ понятіе, референтъ изложилъ содержаніе обширной пѣсни о рожденіи Орфена. Не со-

глашаясь съ значеніемъ, какое придаетъ этимъ пѣснямъ Верковичъ, г. Миллеръ считаетъ ихъ остатками миѳологическаго эпоса, носящаго слѣды *не славянской*, а какой то иной національности. Характеристическія черты миѳологическихъ болгарскихъ пѣсенъ находятъ, по взгляду референта, аналогію не въ эпическихъ произведеніяхъ другихъ славянскихъ народовъ, а всего болѣе въ финскомъ эпосѣ Калевалѣ. Указавъ на сходныя черты Калевалы съ славянской Ведой, г. Миллеръ старался объяснить это сходство туранскимъ происхожденіемъ болгаръ. Опредѣлено: занести о семъ въ протоколъ.

6. Предсѣдатель прочелъ сообщеніе, подъ заглавіемъ: «Французскій художникъ-этнографъ въ славянскихъ земляхъ», въ коей онъ обратилъ вниманіе слушателей на извѣстныя любителямъ живописи акварели Теодора Валеріо.

Г. предсѣдатель говорилъ:

«Съ какимъ интересомъ ищутъ теперь читатели въ различныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ рисунковъ, изображающихъ сцены изъ южнославянской жизни, живописные виды славянскихъ мѣстностей и селеній! Ихъ любопытство удовлетворяютъ издатели рисунками, получаемыми не рѣдко отъ случайныхъ корреспондентовъ, не занимающихъ виднаго мѣста между истинными художниками. А между тѣмъ сколько въ европейскихъ, особенно австрійскихъ, музеяхъ есть прекрасныхъ картинъ знаменитыхъ художниковъ, бравшихъ сюжеты изъ жизни западныхъ и южныхъ славянъ? Кто слыхалъ у насъ о чешскомъ живописцѣ Чермакѣ? о его картинахъ: базаръ въ Каттаро, Словаки въ Татрахъ, Герцеговинки въ плѣну у мусульманъ и т. п.? Да знаютъ ли у насъ даже французскаго художника Теодора Валеріо, написавшаго во время Восточной войны по заказу Наполеона III большую картину изъ южнославянскаго быта? А это—замѣчательнѣйшій изъ художниковъ-этнографовъ, начавшій изученіе славянъ съ Венгріи.

«Возвращаясь изъ своего перваго путешествія въ Венгрію, Т. Валеріо остановился на нѣсколько дней въ Берлинѣ. Портфель, который онъ привезъ съ собою, наполненный прекрасными акварелями, рисунками и эскизами, воспроизведенными съ большимъ вкусомъ, заслужилъ тамъ большія похвалы.

«Фридрихъ Вильгельмъ IV, бывшій стольжехорошимъ знатокомъ въ искусствѣ, какъ плохимъ въ политикѣ, подалъ примѣръ и тотчасъ всѣ наперерывъ стали добиваться произведеній молодаго живописца. Но для артиста было гораздо важнѣе успѣха и продажи его рисунковъ то особенное вниманіе, которое имъ оказывалъ такой важный авторитетъ, какъ Александръ Гумбольдтъ. Авторъ «Космоса» долго говорилъ съ французскимъ путешественникомъ. Онъ похвалилъ тотъ вкусъ, съ которымъ художникъ выбралъ поприщемъ для своихъ этюдовъ такую страну, какъ Венгрія, гдѣ природа сама представляетъ взорамъ живописца то, что онъ съ большимъ трудомъ могъ бы отыскать среди болѣе утонченной цивилизаціи: простоту, благородную смѣлость, спокойную гармонію линій и красокъ. Потомъ, проникая въ мысль молодаго артиста глубже, чѣмъ могъ проникнуть онъ самъ, влекомый неяснымъ инстинктомъ, Гумбольдтъ выставилъ на видъ ему нѣкоторымъ образомъ научную цѣль его предпріятія. Онъ убѣждалъ его собрать въ одно цѣлое его эпизодическія композиціи и болѣе прежняго стараться съ точностью натуралиста передать въ своихъ фигурахъ типическіе характеры мадьярской и славянской организаціи: высоту черепа, размѣры лицеваго угла, выпуклость скулъ, густоту рѣсницъ, однимъ словомъ—всѣ анатомическіе и физіологическіе отличительные признаки племени.

«Не останавливайтесь на Венгріи—сказалъ ему знаменитый путешественникъ: посѣтите всю обширную Австрійскую имперію, которой провинціи до сихъ поръ не удалось объяснить и которой враждебныя національности не удалось германизовать ни угрозами, ни убѣжденіями: Посмотрите также на населенія, которыя живутъ готовыя къ возмущенію, подъ покровительствомъ Россіи въ Турціи. Изобразите во всѣхъ различныхъ видахъ, во всѣхъ контрастахъ, эти различныя племена и вы будете имѣть значительное произведеніе, которое, очаровывая публику и артистовъ, можетъ содѣйствовать наукѣ.

«Совѣты Гумбольдта не принадлежали къ числу такихъ, которыми можно было пренебрегать, и вотъ послѣ отдыха, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ. Т. Валеріо снова отправился путешествовать. Онъ опять увидѣлъ Венгрію, объѣхалъ Хорватію, Славонію, Военную границу: большой успѣхъ акварелей, привезенныхъ имъ изъ этихъ путешествій, похвалы самыхъ компетентныхъ критиковъ и всякаго рода поощренія были наградою за перенесенные имъ безчисленные труды и лишенія, изъ любви къ своему искусству.

«Когда вспыхнула Крымская война, министръ народнаго просвѣщенія во Франціи далъ ему порученіе, дозволявшее слѣдовать за французкою арміей и давшее ему случай вблизи видѣть и наблюдать, въ самомъ энергическомъ выраженіи ихъ религіознаго фанатизма, людей различныхъ происхожденій, пришедшихъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, на защиту ислама: арабовъ, египтянъ, негровъ, курдовъ, индійцевъ, азіатскихъ и африканскихъ правовѣрныхъ. Онъ могъ изучить и воспроизвести всевозможные оттѣнки человѣческой кожи, начиная отъ бѣлооливковаго до самаго чернаго.

«Приключенія его во время поѣздки по Венгріи были просто игрою въ сравненіи съ этою бивачною жизнью среди иррегулярныхъ войскъ, среди чумы, необузданности и отсутствія дисциплины.

«На бивакахъ, гдѣ турецкій солдатъ располагался съ мусульманскою безпечностью на почвѣ, взрытой картечью и едва скрывающей въ себѣ трупы, отъ которыхъ разносились въ воздухѣ вонючіе міазмы, французскій художникъ не разъ сожалѣлъ о хижинѣ мадьярскаго пастуха, гдѣ болотныя лягушки убаюкивали его. Что значила лютость собакъ въ *пустахъ* въ сравненіи съ кровожаднымъ звѣрствомъ баши-бузуковъ? Конечно не такъ опасно снять портретъ съ недовѣрчиваго цыгана, какъ съ суевѣрнаго магометанина, въ глазахъ котораго всякое воспроизведеніе человѣческаго лица есть гнусное идолопоклонство, и который думаетъ, что всякій, съ кого снимутъ изображеніе, непремѣнно долженъ умереть въ теченіе года.

«Какъ бы то ни было, Теодоръ Валеріо нашелъ средство изготовить въ теченіе Крымской компаніи отъ семи до восьми сотъ эскизовъ или рисунковъ, и около сорока акварелей, прекрасно исполненныхъ.

«Позднѣе художникъ прибавилъ къ своимъ произведеніямъ портфель рисунковъ, исполненныхъ имъ во время путешествія по Черногоріи, которые принадлежатъ къ числу самыхъ характеристическихъ и самыхъ лучшихъ изъ его прекрасной коллекціи.

«Черногорія была тогда очень мало извѣстна,—и на это были свои причины. Если путешественникъ посмотритъ съ парохода, идущаго вдоль берега Адріатики, на массу черныхъ скалъ, поднимающихся до облаковъ,—то онъ не увидитъ тамъ никакого слѣда культуры, ни одной дороги, ни одного жилища, никакихъ признаковъ жизни. Его взоръ не встрѣтитъ ничего кромѣ нѣсколькихъ елей на узкихъ плато, кромѣ орловъ и коршуновъ вьющихся надъ пропастью. Чего искать ему въ этихъ пустыняхъ? Онъ проходитъ мимо и забываетъ.

«А между тѣмъ въ этихъ отвѣсныхъ скалахъ, за этими природными укрѣпленіями, повидимому неприступными,—укрывается благородное населеніе, цѣлое мужественное племя изъ семейства сербовъ, всегда вооруженное для защиты своихъ обычаевъ, законовъ и вѣры, отъ мусульманскаго владычества. Оно не знаетъ промышленности, не знаетъ удобствъ и безопасности городской жизни, но хранитъ въ своихъ чистыхъ нравахъ благородные слѣды героическихъ временъ. Религіозныя церемоніи освящаютъ тамъ братство по оружію трогательные обряды служатъ тамъ символами прощенія,—возмездія за убійства,—молодые священники съ священною хоругвью въ рукахъ идутъ въ первыхъ рядахъ на битву за отечество; женщины тамъ безстрашны. Въ самой жаркой схваткѣ, подъ убійственнымъ огнемъ, онѣ спѣшатъ на помощь къ своимъ раненымъ и уносятъ убитыхъ; онѣ импровизируютъ прекрасныя погребальныя пѣсни, усиливающія мужество.

«Особый обычай, выражающій духъ этого оригинальнаго народа, далъ Т. Валеріо сюжетъ для прекраснаго произведенія «Хранительница оружія у воротъ монастыря въ Цетиньѣ»; именно: въ Черногоріи есть обычай оставлять, при входѣ въ церковь, оружіе, трубки, колыбели и отдавать ихъ на сохраненіе женщинѣ, которая за свой трудъ получаетъ небольшую плату.

«Другое произведеніе, точно также заимствованное изъ черногорской жизни, но представляющее контрастъ съ *хранительницею оружія*, есть *отправленіе на рынокъ въ Каттаро*. На сколько первое проникнуто нѣжностью женскаго чувства, на столько второе ярко изображаетъ внѣшнюю дѣятельность этого мужественнаго народа.

«Т. Валеріо имѣлъ въ виду не одну только чисто художественную цѣль; онъ старался съ возможною вѣрностію представить лица, принадлежащія къ различнымъ племенамъ. Каждый его рисунокъ есть вмѣстѣ и типъ и портретъ; въ немъ можно видѣть характеръ, нравы и отчасти исторію изображенной личности. Лицо, осанка, поза,—всѣ этнографическіе признаки занимаютъ художника столько же, сколько и подробности костюма, столь оригинальныя и столь вѣрно переданныя.

«Валеріо, не упуская изъ вида осѣдлыхъ племенъ, съ любовію изучалъ цыганскія населенія Карпатовъ и Венгерской равнины. И въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ

П-3430

неспособно прельстить живописца, какъ это оригинальное и таинственное племя, появившееся въ Европѣ въ началѣ XV столѣтія и непринадлежащее ни къ одному изъ извѣстныхъ корней. Состоитъ ли это племя изъ потомковъ индійскихъ парій, удаленныхъ изъ своего отечества тѣмъ инстинктомъ переселенія, который овладѣваетъ народами точно также, какъ птицами въ извѣстныя климатическія эпохи? Происходитъ ли оно изъ Египта, какъ думали обыкновенно въ средніе вѣка? Этого наука еще не могла рѣшить, хотя на этотъ счетъ было много различныхъ гипотезъ. Никакая цивилизація не могла поглотить этотъ народъ, носящійся по Европѣ подобно морской пѣнѣ. Подобно бедуинамъ цыгане всѣхъ странъ избѣгаютъ городовъ, какъ будто боясь задохнуться въ каменныхъ домахъ; они кочуютъ подъ крышами своихъ кибитокъ или вырываютъ ямы подъ какимъ нибудь кустомъ, въ концѣ селенія или малолюднаго мѣстечка. Ихъ дикую независимость не обольщаютъ ни довольство, ни комфортъ, и вездѣ, въ Испаніи, Италіи, Франціи, Чехіи и Венгріи вы найдете ихъ сидящими вокругъ котла, въ которомъ варится ихъ первобытная пища. Этихъ карпатскихъ и венгерскихъ цыганъ можно встрѣтить на Востокѣ и Западѣ, Сѣверѣ и Югѣ Европы, съ такимъ же цвѣтомъ лица, похожимъ на дубленую кожу, съ такими же голубыми глазами и съ такими же живописными лохмотьями.

«Валеріо прекрасно воспроизвелъ эти темнобурыя лица, съ кривымъ носомъ, съ проницательнымъ взглядомъ, съ черными какъ вороново крыло волосами; эти шеи и груди фіолетовобураго цвѣта, какъ будто опаленныя знойнымъ солнцемъ Индіи и сохранившія на себѣ его неизгладимый отпечатокъ. Изъ женскихъ головокъ, попавшихъ въ его коллекціи, особенно поражаетъ одна: это молодая цыганская дѣвушка, покрытая кускомъ желтаго фуляра, смуглая какъ малабарская или цейлонская индіянка. Ея овальная лицо весьма продолговато; тонкій и острый носъ отличается какимъ-то особеннымъ изяществомъ; на ея фіолетовыхъ, какъ у негритянки, губахъ блуждаетъ меланхолическая улыбка; ея блестящіе глаза какъ будто предназначены читать будущее по звѣздамъ. Между цыганами Валеріо есть много барышниковъ, кузнецовъ и музыкантовъ, потому что всякій цыганъ занимается однимъ изъ этихъ ремеслъ, а иногда и всѣми тремя вмѣстѣ. Съ какою безпечною мечтательностію изображенъ цыганъ пригнувшійся головою къ своей віолончели! какъ убаюкиваетъ онъ себя своею музыкою! Изображая его, Т. Валеріо долженъ былъ припомнить «пѣснь Ленау»:

«Проѣзжая среди вереска, я нашелъ трехъ цыганъ, лежащихъ подъ ивою.

«Одинъ изъ нихъ со скрипкою въ рукахъ, наигрывалъ, при свѣтѣ послѣднихъ лучей солнца, арію, полную чувства.

«Другой курилъ трубку, и, будучи такъ спокоенъ, какъ будто бы ни въ чемъ не имѣлъ на землѣ недостатка, посматривалъ, какъ тихо разносился въ воздухѣ дымъ его трубки.

«Третій безпечно спалъ; его цымбала висѣла на деревѣ надъ его головою. Вѣтеръ игралъ его инструментомъ, а его душа находилась подъ вліяніемъ какой-то невыразимой грезы.

«А между тѣмъ ихъ одежда состояла изъ оборванныхъ лохмотьевъ; но они, упоенные своею независимостію, презирали бѣдность и несправедливость судьбы.

«Они три раза научили меня, что, если судьба измѣняетъ намъ, то её можно презирать трояко: куря, играя и спя.

«Я долго смотрѣлъ изъ своего экипажа на этихъ цыганъ, которыхъ смуглыя лица и длинные черные волосы до сихъ поръ не изгладились изъ моей мысли»..

«Аквалери Валеріо какъ нельзя лучше передаютъ эти стихи.

«Еще болѣе пораженъ былъ Валеріо разнообразіемъ кочевыхъ и осѣдлыхъ типовъ между жителями Добруджи и сѣверной части ея, примыкающей къ Дунайской дельтѣ. Алларъ, авторъ книги: «la Bulgarie orientale», говоритъ въ ней (стр. 160): «Валеріо, создавшій на берегахъ Дуная богатую коллекцію этнографическихъ типовъ, купленную у него французскимъ правительствомъ, увѣрялъ меня, что испытывалъ при этомъ громадныя затрудненія при выборѣ своихъ моделей. Въ каждомъ селеніи типы мѣнялись; даже въ одной и той же мѣстности встрѣчались самые разнородные типы: какой типъ слѣдовало считать чистымъ изъ этой смѣси всевозможныхъ видовъ? Подъ вліяніемъ безпрестанно мѣнявшихся общественныхъ отношеній типы перемѣшивались, измѣнялись, перерождались. Типы, воспроизведенные г-мъ Валеріо, перестанутъ быть черезъ столѣтіе типами жителей того края, гдѣ онъ писалъ свои портреты. Прекрасныя акварели великаго художника получатъ современемъ значеніе историческое, которое

быть можетъ превзойдетъ ихъ этнографическія достоинства».

«А что будетъ говорить послѣдующее поколѣніе этнографовъ и художниковъ, когда посѣтитъ балканское населеніе, претерпѣвшее столько физическихъ бѣдствій и насилій? Не въ правѣ ли оно будетъ утверждать, что напр. болгарскій типъ созданъ уже не природою, не кровью, а лишь исторіей, народнымъ духомъ и преданіями?»

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ЗАСѢДАНІЕ, 13-го МАРТА 1877 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ старомъ зданіи университета, подъ предсѣдательствомъ поч. чл. Н. А. Попова, въ присутствіи президента общества Г. Е. Щуровскаго, поч. чл. А. П. Богданова, 17 членовъ общества, секретаря отдѣла Е. В. Барсова и многочисленныхъ посѣтителей и посѣтительницъ.

1. Былъ читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель доложилъ о книгахъ, вновь поступившихъ въ общество чрезъ отдѣлъ.

3. Секретарь отдѣла Е. В. Барсовъ представилъ отзывъ о статьѣ А. Ѳ. Можаровскаго: «Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи въ ихъ потѣхахъ, остротахъ, стихахъ и пѣсенкахъ», такого содержанія:

«Мнѣ поручено отдѣломъ въ предшествовавшемъ засѣданіи, разсмотрѣть статью воспитателя Императорской Казанской 1-й гимназіи г. Можаровскаго. Онъ описываетъ: 1) материнскія потѣхи съ дѣтьми, 2) дѣтскія остроты, 3) дѣтскіе стишки и 4) дѣтскія пѣсенки или поэзію крестьянскихъ дѣтей. Въ предисловіи, указывая на значеніе подобныхъ этнографическихъ работъ, онъ говоритъ, что онѣ имѣютъ значеніе для пониманія самой народности русской, точно такъ какъ о взрослом человѣкѣ можно судить по его дѣтству. Каковъ человѣкъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ. Въ подтвержденіе этой мысли собиратель приводитъ слова Мюлендорфа и Гейфельдера. Мысль эта сама по себѣ понятна, вѣрна, какъ вѣрно то, что изъ первичныхъ дѣтскихъ впечатлѣній развивается вся душа человѣка и въ нихъ лежитъ основа всѣхъ его нравственныхъ силъ, всѣхъ его духовныхъ опредѣленій, какъ особи, какъ личности. Но эта самая задача изученія жизни крестьянскихъ дѣтей—опредѣляетъ и тѣ научные пріемы, коимъ долженъ слѣдовать этнографъ при ея выполненіи.

«Во 1-хъ, онъ долженъ имѣть въ виду всю послѣдовательность дѣтскаго развитія—и обращать вниманіе на преемственность нарожденія духовныхъ силъ. Отрывочныя описанія дѣтскихъ игръ и забавъ мало могутъ давать понятія о развитіи крестьянскихъ дѣтей и объ основныхъ его опредѣленіяхъ.

«Во 2-хъ, онъ долженъ строго отличать то, что имѣетъ въ данномъ случаѣ существенное значеніе, отъ случайнаго и маловажнаго, что дѣйствительно такъ или иначе развиваетъ ребенка и оставляетъ глубокій слѣдъ и что далеко не существенно въ опредѣленіи народнаго характера и не является стихіей, имѣющей практическое значеніе въ сознаніи дѣятельности взрослаго человѣка.

«Въ 3-хъ наконецъ—онъ долженъ строго различать—что принадлежитъ собственно дѣтскому возрасту и дается ему естественными его воспитателями—матерью, няней, обществомъ дѣтей, природой, церковью—отъ того что дѣти случайно перенимаютъ отъ взрослыхъ людей т. е. долженъ отдѣлять въ исторіи дѣтскаго развитія естественное и постоянное отъ временнаго и случайнаго.

«Г. Можаровскій, вѣрно понявъ свою задачу, опустилъ изъ виду эти пріемы въ собираніи избранныхъ имъ этнографическихъ данныхъ, и потому статья его мало служитъ къ тому, чтобы, по его очеркамъ жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи, можно было составить какое нибудь понятіе о русскомъ народѣ—въ какихъ бы то ни было ясныхъ психически-народныхъ опредѣленіяхъ. Очерки его—далеко неполные; они не касаются не только многихъ моментовъ, но и цѣлыхъ періодовъ дѣтскаго развитія: въ нихъ не встрѣчаемъ никакихъ данныхъ, относящихся къ культу рода, ни къ обрядамъ крещенія, ни къ дѣтской гигіенѣ и т. п. Далѣе, очерки его представляютъ матеріалъ, расположенный по рубрикамъ однородности его, а не въ послѣдовательномъ порядкѣ его развивающаго и воспитательнаго значенія. Затѣмъ, опущены имъ изъ виду самые главные дѣ-

ятели дѣтскаго духовнаго строя—каковы напр. ласки и угрозы матери, Богъ и бука, попъ и церковь; между тѣмъ изъ этихъ первичныхъ элементовъ нараждается затѣмъ вся наличность народнаго сознанія: въ нихъ основа и его вѣры, и его чувства, и его эстетики и его радостей, и его страхованій. Наконецъ, весьма странно встрѣтить между дѣтскими пѣснями такія, которыя созданы балаганомъ и фабриками; онѣ случайно переходятъ къ дѣтямъ и вовсе не характеризуютъ дѣтскій возрастъ».

Референтъ предложилъ напечатать статью г. Можаровскаго въ «Трудахъ» отдѣла съ нѣкоторыми сокращеніями. Опредѣлено: принять это мнѣніе *).

4. Секретарь отдѣла представилъ докладъ о статьѣ П. М. Апостольскаго, подъ заглавіемъ: «Крестьянская свадьба во Мценскомъ уѣздѣ». Указавъ, что не смотря на огромное богатство извѣстныхъ уже данныхъ, относящихся къ свадебному ритуалу, статья эта представляетъ или новые факты, неизвѣстные въ этнографіи, или же факты, имѣющіе особенное научное значеніе, референтъ одобрилъ ее къ напечатанію въ «Трудахъ» этнографическаго отдѣла. Опредѣлено: статью П. М. Апостольскаго имѣть въ виду при изданіи дальнѣйшихъ выпусковъ «Трудовъ» отдѣла **).

5. В. Ѳ. Миллеръ прочелъ письмо, адресованное на его имя членомъ-сотрудникомъ общества В. Шейномъ, содержащее въ себѣ замѣтку подъ заглавіемъ—«Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ».

Въ этой замѣткѣ было сказано:

«Географическая область этого обряда весьма широка и на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, какъ печатныхъ, такъ и устныхъ, могу положительно сказать, что онъ существуетъ въ губерніяхъ: Калужской, Рязанской, Курской, Тамбовской, Витебской, Томской и существовалъ въ весьма недавно прошедшемъ въ Тульской и Московской. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, крестьяне, особливо крестьянки, глубоко убѣждены, что нѣтъ лучшаго, вѣрнѣйшаго средства для избавленія себя отъ разныхъ насѣкомыхъ вообще, а отъ надоѣдливыхъ мухъ, таракановъ и блохъ въ особенности, какъ торжественное совершеніе надъ ними обряда похоронъ. Въ этой основной, главной его цѣли всѣ мнѣнія сельскихъ жителей названныхъ мѣстностей сходятся, но относительно лицъ и дней для его исполненія существуетъ нѣкоторое разногласіе. Въ вышеозначенныхъ губерніяхъ совершеніе этого обряда лежитъ большею частію на обязанности прекраснаго пола, считается преимущественно дѣвичьимъ праздникомъ и пріурочивается непремѣнно къ Семену дню (1 сентября), т. е. къ началу бабьяго лѣта. Вотъ что мнѣ сообщила объ этомъ, бывшая дворовая кн. Др., г-жа Постникова: «Въ деревняхъ Краснинскаго уѣзда, Смоленской губ., на Семена соберутся дѣвки и бабы мухъ хоронить, чтобы онѣ послѣ не кусались. Поймаютъ нѣсколько мухъ, завернутъ въ тряпочку и, вмѣстѣ съ кусочкомъ сала или хлѣба, положатъ въ старый, изношенный лапоть (осметокъ), въ самую голову (глубину) и покроютъ покрываломъ. Къ лаптю же привяжутъ обору (веревку), за которую всѣ дѣвки и бабы, сколько ихъ ни на есть въ хатѣ, ухватятся и, съ серьезнымъ видомъ, словно надрываются надъ тяжкой работой, потащутъ этотъ лапоть съ насѣкомыми за околицу деревни. Тамъ съ разными церемоніями ихъ зарываютъ. Пѣсни, которыя поются при этомъ, разсказщица, къ сожалѣнію, не могла припомнить.

«Въ параллель считаю не лишнимъ привести здѣсь цѣликомъ разсказъ г. Сахарова (благо не великъ) какъ этотъ обрядъ совершался въ его время въ другихъ губерніяхъ: «Въ городахъ на Семеновъ день»—говоритъ онъ—«отправляются игры, хороводы и обряды. Въ Тулѣ и Серпуховѣ, дѣвушки хоронятъ мухъ и таракановъ. Серпуховскія дѣвушки хоронятъ мухъ въ морковныхъ и свекловичныхъ гробахъ. Въ это время выходятъ женихи и смотрятъ невѣстъ. Тульскія дѣвушки хоронятъ мухъ въ садахъ въ рѣпныхъ гробахъ. Это повѣрье основывается на томъ, что будто отъ такого погребенія погибаютъ мухи и тараканы. Въ Зарайскомъ же уѣздѣ (Ряз. г.) въ селѣ Дятловѣ этотъ обрядъ, какъ онъ записанъ для меня С. М. Крюковой, является намъ съ весьма интереснымъ оттѣнкомъ. «У насъ, пишетъ она, въ заговѣніе петровскаго поста хоронятъ мухъ, комаровъ, блохъ, таракановъ и проч. Женщины и дѣвушки ловятъ по одному экземпляру изъ названныхъ видовъ, вырываютъ яму на завалинкѣ, кладутъ ихъ туда и засыпаютъ землею. При этомъ онѣ поютъ:

I.

Стоятъ стожки зеленые,
Поютъ пѣтушки молодые,
Они чуютъ свадьбу большую,
Большую, не меньшую, комарёву.
Задумалъ комаръ жениться,

*) См. приложеніе VIII.

**) См. приложеніе IX.

Слетались мушки-погремушки
На свадьбу, на большую комареву,
Комарикъ на мушкѣ женился
Завелъ мушку въ чуланчикъ,
Сталъ мушку спрашивати:
«Что ты мушка умѣешь?
Чему ты мушка горазда?
—«Я ни ткать, ни прясть не умѣю,
«Ни починочки мотать не горазда,
«Только я, мушка, умѣю
«Съ крыночки на крыночку летати,
«Изъ подъ крыночки сметанку таскати!»
Разсердился комаречикъ на мушку,
Полетѣлъ комаречикъ выше лѣсу;
Опустился комаречикъ на дубочекъ,
Подъ нимъ сырой дубъ раскачался,
Комаречикъ на дубу раздремался.
Упалъ комаречикъ со дубочка,
Разбилъ свою буйную головушку.
Слетались мухи-погремухи
Комаречка хоронити.
Завернули его во тряпичку,
Положили его во лубочикъ,
Понесли комаречка хоронити
Къ большому ко приходу, ко отходу.

II.

Тараканъ дрова рубилъ,
Себѣ голову срубилъ;
Комаръ воду возилъ,
Себѣ ноги увязилъ (какъ въ варіантахъ нашего сборника въ отд. дѣтск. стр. 45 № 69 и въ отдѣлѣ плясов. стр. 181, № 37)».

«Это повидимому случайное совпаденіе варіантовъ заставляетъ догадываться, что всѣ пѣсни подобнаго рода (ихъ соберется не мало, кромѣ моихъ сборниковъ, у Сахарова, Варенцова, Рыбникова, Гильфердинга и мн. др.), которыя у насъ не только большинство образованной публики, но даже именитые ученые спеціалисты привыкли считать безсмыслицей, пустымъ наборомъ словъ, вѣроятно не что-иное, какъ уцѣлѣвшіе оторвыши отъ цѣлаго непонятнаго уже теперь для насъ обряда миѳической эпохи и служили какъ бы некрологами разныхъ животныхъ. *Положительно* это утверждать не смѣю за недостаткомъ большаго количества относящихся сюда фактовъ, о собираніи которыхъ у насъ почти не думали. Имѣю основаніе надѣяться со временемъ пополнить этотъ недостатокъ. Но пока здѣсь, какъ мнѣ кажется, весьма кстати будетъ, въ видѣ иллюстраціи къ вышеизложеннымъ даннымъ, привести описаніе одной фазы нашего обряда въ той его формѣ, въ которой онъ до сихъ поръ существуетъ въ Невельскомъ уѣздѣ, Витебской губ. Вотъ что мнѣ объ этомъ, въ августѣ 1874 г., писалъ бывшій мой ученикъ по Витебской гимназіи, сынъ невельскаго мелкаго землевладѣльца, студентъ медицинской академіи С. Ѳ. Максимовъ: «Въ прошлое воскресенье я отправился въ сосѣднюю деревню позвать жней къ намъ. Захожу въ крайнюю избу и что же вижу?! Пять человѣкъ крестьянъ тащатъ изъ избы веревку, довольно толстую. Впереди старикъ сѣдой лѣтъ 60, далѣе два его сына—одному лѣтъ 35, другому 20; жена старшаго сына и ихъ сынишка. Слышны возгласы старика: «Ну, ну, не упирайся, выходи!. Что Семенъ, небось тяжко?»

—«Охъ, тяжко!»— «Ну, вы, еще понатужьтесь! Ну, ну, ну!!... Ишь ты, чортъ, какъ упирается»... и т. д. У всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены физіономіи самыя серьезныя. Я смотрю и ничего не понимаю: кого они тащутъ, кто упирается? — ничего не вижу. Наконецъ, вообразите, я узрѣлъ тащимое: къ толстѣйшей веревкѣ былъ привязанъ на ниточкѣ прусакъ или *прусъ*,— насѣкомое изъ породы таракановъ, не болѣе дюйма длиною. При видѣ зрѣлища, что пять здоровенныхъ мужиковъ тащатъ на канатѣ сего несчастнаго преступника, я такъ и покатился со смѣху, а они между тѣмъ съ самыми серьезными физіономіями тащили его и по сѣнямъ и по двору; но вотъ наконецъ и на улицу вытащили и все это съ поощреніями старика тянущимъ— поусерднѣе тянуть, съ оханьями ихъ на тяжесть несчастнаго и съ приказаніями ему не упираться. На улицѣ только отпустили несчастнаго на свободу. Явились хозяева въ комнату. — Я, разумѣется, спросилъ, что за истязаніе я видѣлъ? и мнѣ объяснили, что этимъ они избавятся навсегда отъ злодѣевъ-прусаковъ, которые дѣйствительно въ нашей Бѣлоруссіи въ страшномъ количествѣ наполняютъ избы мужиковъ, ѣдятъ хлѣбъ, наваливаются въ чашки и горшки такъ, что даже возбуждаютъ гоненія со стороны нашихъ бѣлоруссовъ, а на что ужъ, кажется, небрезгливый народъ! Въ другой деревнѣ я разсказалъ эту исторію и знаете ли, что мнѣ тутъ наболтали? «И это хорошо, только трудно; а вотъ предложили другое средство: когда пріѣзжаетъ попъ въ

деревню отпѣвать умершаго, нужно положить ему въ карманъ нѣсколько *прусовъ*, завернутыхъ въ тряпочку, чтобы они не убѣжали. Когда же попъ отпоетъ, вынуть у него изъ кармана и зарыть вмѣстѣ съ гробомъ покойника. Тогда, увѣрялъ меня разскащикъ, всѣ прусы переходятъ и переносятъ свою резиденцію на кладбище, и утверждалъ, что такая исторія случилась въ приходѣ Ракитинскомъ, за 20 верстъ отъ насъ. Право странно и смѣшно! Наконецъ мнѣ сообщили и третій случай: на заговѣны слѣдуетъ занести ихъ нѣсколько къ своему сосѣду и тогда вся прочая братія переберется къ нему».

«Къ первому изъ вышеописанныхъ г. Максимовымъ средствъ весьма близко по пріемамъ подходитъ то, о которомъ г. Потанинъ сообщаетъ изъ Томской губ. (см. его статью въ этногр. сборн. И. Р. Г. Общ. 1864, вып. VI: «Югозап. ч. Том. г. въ этногр. отношеніи» стр. 139), какъ о весьма употребительномъ въ народѣ противъ клоповъ: нужно связать на нитку двухъ клоповъ, тянуть за нитку всей семьей, пятясь задомъ изъ избы, и кричать: ну, ну, ну клопики! — При этомъ не нужно смѣяться».

По поводу этой замѣтки В. Ѳ. Миллеръ выразилъ слѣдующее мнѣніе:

«Въ обрядѣ похоронъ мухъ слѣдуетъ различать двѣ стороны: 1) самый обрядъ и 2) время его совершенія. Обрядъ похоронъ основанъ на убѣжденіи, распространенномъ у многихъ народовъ, что для того, чтобы избавиться отъ какихъ нибудь вредныхъ насѣкомыхъ, звѣрей, птицъ,—слѣдуетъ похоронить одинъ экземпляръ этихъ животныхъ или же его изображеніе въ землѣ. Замѣтимъ притомъ, что вредныя животныя представляются не простыми животными, но воплощеніями злыхъ духовъ, и, погребая животное, человѣкъ избавляетъ себя отъ преслѣдованія этихъ злыхъ силъ. Такъ, напримѣръ, у многихъ народовъ муха считалась воплощеніемъ злаго духа и къ насѣкомымъ, ему подвѣдомственнымъ. У иранцевъ противникъ свѣтлаго Ормузда злой Ариманъ принималъ образъ мухи. 70 толковниковъ переводятъ названіе ханаанскаго бога Baalsebub по гречески Βάαλ μῦια — господинъ мухъ. Скандинавскій Локи принимаетъ образъ мухи, чтобы похитить у богини Фреи ожерелье—brîs ingamen. Въ средніе вѣка существовало убѣжденіе, что дьяволъ часто принимаетъ видъ мухи и влетаетъ въ окна и замочныя скважины (Grimm, 834). Этотъ взглядъ на муху объясняютъ тѣмъ, что укушеніямъ ея приписывали распространенія мороваго повѣрія. Но такъ какъ чума особенно быстро распространяется въ лѣтній зной, то и солнечное божество лѣтнихъ жаровъ считали неблагодѣтельнымъ, а губительнымъ, посылающимъ заразу и господиномъ мухъ. Такъ греческій Аполлонъ, какъ извѣстно изъ Гомера, наслалъ заразу на лагерь азійцевъ; такъ въ Киренахъ, по свидѣтельству Плинія (10,28), существовалъ культъ бога Ахора, распространявшаго чуму родями мухъ. Къ этимъ богамъ, властителямъ мухъ, обращались съ жертвами и молитвами, чтобъ склонить ихъ къ милости и изгнанію вредныхъ мухъ. По свидѣтельству Павзанія (8, 26, 4) аркадійцы для этой цѣли приносили жертвы герою Myagros'у, т. е. мухогону. Жители Элиды чевствовали Зевса съ эпитетомъ Apomyios, т. е. истребителя мухъ (Paus. 5, 14, 2). Эта связь между мухами и ихъ господиномъ, солнечнымъ богомъ, объясняетъ намъ, почему обрядъ похоронъ мухъ у насъ пріурочивается къ заговѣнію Петровокъ или къ Семену дню, ко дню Симеона *Лѣтопроводца*. Изображая наглядно поворотъ солнца на зиму, народъ, какъ извѣстно, хоронитъ чучело солнца, купалу. Подобнымъ же образомъ хоронитъ онъ и аттрибутъ солнечнаго божества—мухъ, которые дѣйствительно съ начала осени (съ бабьяго лѣта) начинаютъ исчезать. Но съ теченіемъ времени обрядъ, связанный съ извѣстнымъ переходомъ въ году, отдѣляется отъ этого перехода и получаетъ общее значеніе. Похороны мухи, какъ и похороны купалы, сначала дѣйствительно прообразовывали событія природы, т. е. смерть солнца и мухъ; въ послѣдствіи же обрядъ похоронъ сталъ совершаться тогда, когда желали избавиться отъ мухъ въ жилищахъ, хотя бы смерть ихъ и не была своевременна. Наконецъ обрядъ распространенъ и на другихъ насѣкомыхъ, смерть которыхъ не связана уже съ окончаніемъ лѣта—на *клоповъ*, *таракановъ*, *блохъ*. Итакъ, въ обрядѣ слѣдуетъ различать болѣе и менѣе древнюю формацію».

6. П. М. Михайловскій прочелъ статью подъ заглавіемъ: «Критическія розысканія о происхожденіи семьи». Онъ подробно изложилъ два существующихъ ученыхъ взгляда на происхожденіе семьи, наиболѣе видными выразителями коихъ являются Макленанъ и Леббокъ. По мнѣнію однихъ, первичной формой брака была форма коммунальная; только сложнымъ путемъ продолжительнаго развитія коммунальный бракъ превратился въ бракъ индивидуальный; по мнѣнію дру-

гихъ, первоначальные браки совершались не иначе, какъ посредствомъ захвата сильными мужьями женъ. Критическое отношеніе къ этимъ мнѣніямъ породило отрицательное ученіе, во главѣ коего стоятъ знаменитый Дарвинъ и Гельвальдъ. По аналогіи съ животнымъ міромъ они заключаютъ, что бракъ индивидуальный былъ уже у самыхъ первобытныхъ народовъ, что человѣкъ и тогда имѣлъ женъ столько, сколько могъ достать и прокормить и, подобно самымъ низшимъ животнымъ, долженъ былъ ревниво охранять ихъ. Опредѣлено: просить г. Михайловскаго о продолженіи его интереснаго сообщенія и благодарить за предложенное чтеніе.

7. Н. И. Карѣевъ прочелъ рефератъ о значеніи расъ въ объясненіи историческихъ явленій. Предварительно онъ указалъ на то, что все разнообразіе исторической жизни разныхъ народовъ, при тождествѣ историческихъ законовъ, сначала думали изъяснить внѣшними условіями и воздѣйствіями: но односторонность и недостаточность такого изъясненія скоро должна была сказаться для историковъ и на смѣну теоріи природы и климата явилась теорія расы; исторію жизни народовъ стали объяснять ихъ внутренними, природными предрасположеніями или идеями; постоянство въ сохраненіи расоваго признака признается основаніемъ для заключенія къ его наслѣдственности. Подвергая критикѣ историческую теорію расы, референтъ остановился на разрѣшеніи трехъ вопросовъ: во 1-хъ, дѣйствительно ли постояннымъ и неизмѣннымъ является въ исторіи народовъ тотъ признакъ, который считается расовымъ признакомъ; во 2-хъ, дѣйствительно ли одною только наслѣдственностью объясняется наблюдаемое часто постоянство расоваго типа, и въ 3-хъ возможны ли такія характеристики, коими объяснялась бы ихъ исторія. Разрѣшая эти вопросы, референтъ пришелъ къ тѣмъ выводамъ, что различія между расами въ психологическомъ отношеніи несомнѣнны, но онѣ болѣе количественныя, чѣмъ качественныя, что существуетъ въ расахъ прирожденность нѣкоторыхъ специфическихъ признаковъ, но рядомъ съ ними дѣйствуютъ безсознательная подражательность и традиція и притомъ въ такой силѣ, что отъ нихъ терпятъ измѣненіе и расовые признаки. Опредѣлено: благодарить г. Карѣева за его сообщеніе.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 3-го АПРѢЛЯ 1877 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ старомъ зданіи университета подъ предсѣдательствомъ поч. чл. Н. А. Попова, въ присутствіи президента общества Г. Е. Щуровскаго, четырнадцати членовъ общества, секретаря отдѣла Е. В. Барсова и нѣсколькихъ стороннихъ посѣтителей.

1. Былъ читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Д. ч. В. Ѳ. Миллеръ изложилъ свой отзывъ о доставленной въ отдѣлъ М. В. Лосіевскимъ статьѣ: «Башкирское преданіе о лунѣ, въ связи съ преданіями о солнцѣ и лунѣ у другихъ народовъ», сообщилъ при этомъ нѣсколько замѣчаній о томъ же предметѣ, которыя будутъ помѣщены имъ во II томѣ его сочиненія: «Очерки Арійской миѳологіи», и предложилъ статью г. Лосіевскаго къ напечатанію въ «Трудахъ» этнографическаго отдѣла, но съ нѣкоторыми сокращеніями. Опредѣлено: имѣть статью г. Лосіевскаго въ виду при печатаніи слѣдующаго выпуска «Трудовъ» *).

*) См. приложеніе X.

3. Н. ч. Н. Г. Керцелли, предсѣдатель антропологическаго отдѣла, прочелъ выдержки изъ рукописи: «Краткія записки о калмыцкихъ степяхъ и о калмыкахъ Астраханской губерніи», составленной чиновникомъ А. Назонскимъ и переданной г. Керцелли профессоромъ Кіевскаго университета А. А. Котляревскимъ. Выдержки эти касались сословнаго устройства калмыковъ, ихъ перекочевки, одежды, пищи и питья, жертвоприношеній и богослуженія, хозяйственныхъ и другихъ занятій, времясчисленія, свадебныхъ обрядовъ и другихъ обычаевъ. По прочтеніи этихъ выдержекъ Н. Г. Керцелли сообщилъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ въ 1872 году изъ посѣщенія калмыцкой ставки, располагавшейся во время политехнической выставки на Ходынскомъ полѣ подъ Москвою. По поводу доклада Н. Г. Керцелли, предсѣдатель отдѣла и В. Ѳ. Миллеръ указали на существующую уже довольно богатую этнографическую литературу о калмыкахъ, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ язы-

кахъ, причемъ Н. А. Поповъ выразилъ мысль, что для отдѣла необходимо знать, когда именно составлена была рукопись г. Назонскаго и для какой цѣли она предназначалась. Опредѣлено: просить Н. Г. Керцелли снестись съ А. А. Котляревскимъ для разъясненія этихъ вопросовъ.

4. Н. ч. П. Л. Карасевичъ прочелъ статью: «О мусульманскомъ народномъ правѣ и послѣдней реформѣ въ Турціи». Указавъ на провозглашеніе въ Турціи конституціоннаго образа правленія и на тѣ послѣдствія, которыми должна сопровождаться жизнь всякаго конституціоннаго государства, объяснивъ въ чемъ заключается сущность и значеніе конституціи въ тѣсномъ смыслѣ, какія права гражданъ должны быть признаны и обезпечены,—референтъ перешелъ затѣмъ къ изложенію тѣхъ жизненныхъ условій и элементовъ юридическаго или правнаго сознанія мусульманскаго населенія Турціи, которые выясняютъ вопросъ: могутъ ли турки, какъ господствующая нація, соединить съ мусульманскимъ правомъ основы христіанской, общечеловѣческой цивилизаціи, уравнять себя въ гражданской жизни съ христіанскими этнографическими элементами путемъ конституціи, путемъ признанія и обезпеченія общей гражданской правоспособности, общей гражданской и политической свободы и равенства? Эти условія и элементы правнаго, юридическаго сознанія турецкаго народа заключаются въ важнѣйшемъ его духовномъ факторѣ — мусульманскомъ правѣ. Разсмотрѣвъ источники мусульманскаго права Турціи, референтъ изложилъ основныя положенія этого права, касающіяся: 1) представителей государственной власти въ мусульманскихъ государствахъ вообще и въ Турціи въ особенности, 2) правоспособности лицъ, исповѣдующихъ исламъ и невѣрныхъ, т. е. язычниковъ, христіанъ, евреевъ и гебровъ, 3) поземельной собственности правовѣрныхъ и прочихъ лицъ—не мусульманъ.

Изъ этихъ основъ мусульманскаго права Турціи референтъ пришелъ къ тому единственно возможному заключенію, что равенства подданныхъ христіанъ-мусульманъ при господствѣ мусульманскаго правительства быть не можетъ и ожидать его въ будущемъ нѣтъ никакой надежды. Въ доказательство референтъ привелъ и изложилъ: 1) законъ Омара Аль-Хатаба, втораго халифа опредѣляющій въ духѣ ислама отношенія правовѣрныхъ къ христіанамъ и евреямъ, законъ, прилагавшійся въ полной силѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія и съ небольшими исключеніями, навязанными Турціи силою русскаго оружія, до настоящаго времени; 2) Хатти-Шерифъ Гюльхане 1839 г., Фирманъ 1854, Хатти-Гумайюнъ 1856 г., т. е. тѣ неприведенные въ исполненіе законодательные акты, въ которыхъ провозглашена была новая организація Турціи, провозглашено было равенство всѣхъ подданныхъ, признаны и обезпечены права личности, собственности, свободы совѣсти и религіознаго исповѣданія. Исполнить этихъ основныхъ законовъ турецкое правительство не могло, не смотря на все свое желаніе, потому что они противорѣчили шеріату и иджамъ богослововъ-юристовъ, имѣющимъ силу неподвижнаго и неизмѣннаго закона. На такую невозможность для турецкаго правительства исполнить эти законоположенія указываетъ извѣстный изслѣдователь-этнографъ Гельвальдъ въ своей исторіи культуры (2 изд. 1877 г.). По поводу неисполненія вышесказанныхъ основныхъ законовъ онъ говоритъ между прочимъ: «новое доказательство, что въ политической жизни народовъ лишь то можетъ развиться, что въ нихъ самихъ имѣетъ корень, что нѣтъ власти, которая могла бы навязать народу то, чего онъ не желаетъ, что̀ развивается не изъ него самого. Паденіе турецкаго владычества сдѣлалось необходимостью и составляетъ лишь вопросъ времени. Такъ называемое возрожденіе Османскаго царства — нелѣпость, которая можетъ возникнуть только въ головахъ, живущихъ политическими фантазіями».

Въ заключеніе референтъ высказалъ, что конституція въ Турціи можетъ утвердиться, получить свое развитіе при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если мусульмане откажутся отъ своихъ убѣжденій, основанныхъ на шеріатѣ, чего допустить невозможно, 2) если христіанское населеніе сдѣлается политически господствующимъ. При этомъ послѣднемъ условіи мусульмане могутъ жить совершенно свободно и пользоваться полнымъ равенствомъ съ христіанами. Опредѣлено: благодарить П. Л. Карасевича за его сообщеніе.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ЗАСѢДАНІЕ, 17-го АПРѢЛЯ 1877 ГОДА.

Засѣданіе происходило въ старомъ зданіи университета подъ предсѣдательствомъ п. ч. Н. А. Попова, въ присутствіи п. ч. А. П. Богданова, 26 членовъ непремѣнныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ, секретаря отдѣла Е. В. Барсова и многочисленныхъ стороннихъ посѣтелей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель доложилъ, что первые листы 1-го выпуска IV книги «Трудовъ» отдѣла (27 тома «Извѣстій» общества) уже набраны; въ этомъ выпускѣ будутъ помѣщены протоколы засѣданій отдѣла, начиная съ тринадцатаго, съ приложеніемъ статей, читанныхъ въ оныхъ и потомъ доставленныхъ въ отдѣлъ авторами ихъ, а потому необходимо опредѣлить, какимъ засѣданіемъ слѣдуетъ окончить печатаніе протоколовъ въ вышеозначенномъ выпускѣ; во 2 и 3 выпускахъ той же книги будутъ помѣщены «Матеріалы для этнографическаго изученія русскаго населенія Архангельской губерніи», доставленные д. ч. П. С. Ефименкомъ. Опредѣлено: закончить 1 выпускъ IV книги «Трудовъ» протоколомъ сего двадцать пятаго засѣданія, а для остальныхъ выпусковъ принять планъ, предложенный г. предсѣдателемъ.

3. Д. ч. В. М. Михайловскій читалъ продолженіе своей статьи, подъ заглавіемъ: «Критическія розысканія о происхожденіи семьи». Приступивъ къ изложенію собственнаго взгляда на изслѣдуемый имъ вопросъ, референтъ ограничился на сей разъ характеристикою того состоянія, въ какомъ пребываютъ дикія племена, признаваемыя О. Пешелемъ стоящими на самой низкой степени развитія, и коснулся вопроса о первобытности культуры у разныхъ дикихъ племенъ, объ одичаніи народовъ, нѣкогда бывшихъ осѣдлыми и превратившихся въ бродячихъ, и объ общихъ признакахъ дикаго состоянія человѣка. Нѣсколько замѣчаній по поводу сего реферата предложено было Д. И. Иловайскимъ и Н. А. Поповымъ. Опредѣлено: просить В. М. Михайловскаго о продолженіи его чтенія въ будущихъ засѣданіяхъ.

4. Д. ч. П. М. Апостольскій прочелъ обширный рефератъ, подъ заглавіемъ: «О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Герберта Спенсера». Указавъ на важность для этнографіи вопроса о первобытныхъ религіозныхъ и миѳологическихъ вѣрованіяхъ, изложивъ заслуги въ этомъ отношеніи лингвистической школы и коснувшись другихъ ученыхъ направленій, разсматривавшихъ тотъ же вопросъ, референтъ подробно изложилъ взгляды Спенсера на происхожденіе первобытной религіи, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на почитаніи умершихъ предковъ, и прослѣдилъ весь ходъ философской мысли Спенсера, стремившейся возсоздать цѣльное и послѣдовательно развивавшееся міросозерцаніе первобытнаго человѣка. Во второй части своего реферата, столь же подробной, г. Апостольскій подвергъ критикѣ теорію Спенсера съ точки зрѣнія тѣхъ самыхъ философскихъ началъ, которыя приняты были ея авторомъ, и указалъ на то обстоятельство, что въ сочиненіи Спенсера нерѣдко теорія предшествуетъ фактамъ и послѣдніе не всегда служатъ доказательствомъ тѣхъ выводовъ, которые стремился извлечь изъ нихъ англійскій ученый. Въ третьей части своего реферата г. Апостольскій съ такою же подробностію указалъ на попытки разрѣшить вопросъ о происхожденіи первобытныхъ вѣрованій, подходящія къ теоріи Спенсера. Нѣсколько замѣчаній на предложенный рефератъ высказаны были Н. А. Поповымъ, В. М. Михайловскимъ и Д. И. Иловайскимъ. Опредѣлено: благодарить П. М. Апостольскаго за его сообщеніе, которое и напечатать въ «Трудахъ» отдѣла *).

5. Д. ч. Е. В. Барсовъ прочелъ свою статью подъ заглавіемъ: «Сѣверныя народныя сказанія о древнихъ русскихъ князьяхъ и царяхъ». Это были сказанія: о Юрикѣ-Новоселѣ, двухъ самобратахъ — Борисѣ и Глѣбѣ, о Мароѣ Посадницѣ, грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ, Борисѣ Годуновѣ, Гришкѣ Отрепьевѣ, царицахъ — Марьѣ Нагихъ и Мароѣ Ивановнѣ, царяхъ — Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ. Нѣкоторыя дополненія къ этому реферату предложены были Н. А. Поповымъ. Опредѣлено: благодарить Е. В. Барсова за его сообщеніе.

---

*) См. приложеніе XI.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ

ЗАСѢДАНІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. ВѢРОВАНІЯ И ОБРЯДЫ ЖИТЕЛЕЙ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ—БѢЛОРУССОВЪ.

(Составлено въ 1865 г. въ Холмогорахъ жителями Могилевской губерніи, Мстиславскаго уѣзда, Василіемъ и Алексѣемъ Зеньковичами,—доставлено въ общество д. ч. П. С. Ефименкомъ въ 1874 г.)

1.

Небо считаютъ бѣлоруссы шарообразной горою, изъ льда сдѣланною, опирающеюся концами на моряхъ; на немъ устроены чертоги для Бога и его угодниковъ; Богъ въ своемъ чертогѣ записываетъ всѣ добрые и злые поступки людей для всеобщаго страшнаго суда. *Солнце и мѣсяцъ* (сестра и братъ)—сторожа дневной и ночной, звѣзды — освѣщеніе Божія чертога. Радуга — дорога, по которой вода изъ моря переходитъ на небо для дождя или дѣвица, которая несетъ воду на небо. Молнія—мечъ Божій, предвѣщаніе дождя и грозы. Громъ и бурю считаютъ гнѣвомъ Божіимъ (говорятъ что Богъ сварится), а нѣкоторые признаютъ, что Богъ разъѣзжаетъ по небу, преслѣдуя злую силу, и поэтому считаютъ опаснымъ отъ грозы и бури укрываться подъ деревомъ, а въ особенности подъ вербою, такъ какъ всѣ черти въ это время прячутся въ это дерево. Кометы и огненные столбы на небѣ—предвѣщаніе войны, и предзнаменованіе окончанія свѣта. Роса на травѣ утромъ въ день св. Егорія, по замѣчанію хозяевъ, предвѣщаніе хорошихъ урожаевъ, послѣ же него — предзнаменованіе погоды. Въ день же св. Егорія, яко весенній, каждый хозяинъ или кто либо старшій изъ его семейства выгоняютъ скотъ весь вообще въ поле на росу освященною вербой, которую потомъ вбиваютъ въ землю, считая ее за пастуха. Кромѣ сего росу считаютъ полезнымъ лѣкарствомъ для здоровья скота; а молодежь обоего пола считаетъ росу лѣкарствомъ отъ веснушекъ (пятна на лицѣ), и поэтому утромъ въ день св. Егорія стараются умыться росой до восхода солнца. Сильный иней предвѣщаетъ болѣзнь людей и повальную смерть. Туманъ также имѣетъ вредное вліяніе на здоровье людей. Градъ считаютъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхи; дождь, снѣгъ и морозъ—облегченіемъ человѣческой участи отъ болѣзней; сильный вѣтеръ — предзнаменованіемъ утопшихъ. Пожаръ, причиненный молніею, можно затушить козьимъ молокомъ.

2.

Землю представляютъ плоскимъ кругомъ, окаймленнымъ морями; лежитъ она на водѣ, перемѣны временъ года происходятъ отъ того, что небо вертится кругомъ земли разъ въ годъ, а солнце ежедневно, и потому считаютъ, что день въ той сторонѣ, куда уходитъ солнце. Признаютъ, что есть подъ землей другой свѣтъ, гдѣ также живутъ люди, какъ и на землѣ, занимаются хозяйствомъ и обладаютъ всѣми необходимыми житейскими снадобьями; въ доказательство сему приводятъ, что будто нѣкоторые слыхали въ лѣтнее время подъ землей клепаніе косъ, звонъ колоколовъ, трескъ отъ колесъ и ржаніе лошадей. Въ Могилевѣ за предмѣстьемъ Луполовомъ по правой сторонѣ есть озерцо, называемое святое; названіе это носитъ оно отъ того, что будто провалилась церковь во время богослуженія съ народомъ и церковнымъ причтомъ, и ходитъ поговорка, что они каждую субботу служатъ всенощную и что будто на берегу этого озера въ землѣ слышатъ звонъ колоколовъ. Подобная молва ходитъ и о другомъ озерцѣ, находящемся въ центрѣ города Могилева, на архіерейскомъ дворѣ,

но называютъ его бездоннымъ. Къ землѣ питаютъ уваженіе потому, что изъ нея выходятъ всѣ жизненные матеріалы, и потому называютъ ее мать сыра-земля. Вода выходитъ изъ подъ земли; озера и рѣки считаются проваломъ земли и называются дѣтьми морей; на лѣкарство употребляютъ воду изъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ криницъ, напр. — отъ боли глазъ. Огоньки на кладбищахъ, болотахъ или гдѣ нибудь въ полѣ и огородахъ считаютъ кладомъ; говорятъ, что деньги, закопанныя въ землю, пересушиваются. Кромѣ сего кладъ можетъ представляться въ образѣ дѣтей, скота, птицъ и разныхъ вещей. Вѣтръ считаютъ воздухомъ, несущимся изъ концовъ земли: теплый вѣтеръ идетъ съ теплой стороны, а холодный съ холодной стороны. Вихрь—столкновеніе вѣтра; вихрю уступаютъ дорогу для того, чтобы не изуродовало. Измѣненіе погоды происходитъ отъ облаковъ, кои называютъ: дождевыми, снѣжными, погодливыми или ясными. Горы, курганы и пропасти подѣлались во время всемірнаго потопа, а нѣкоторые насыпаны во время войнъ для памяти, гдѣ были битвы, и отъ зарытія мертвыхъ тѣлъ; въ отношеніи лѣсовъ, деревъ и разныхъ произрастеній отвѣчаютъ: Богъ такъ далъ для пользы людей.

3.

Уроды, слѣпые, хромые и глухонѣмые большею частію рождаются отъ неосторожности беременной женщины, отъ побоевъ (по брюху). Напримѣръ: если беременная женщина во время пожара схватитъ себя за щеку или за какую нибудь часть тѣла, то у ребенка, рожденнаго ею, будетъ также красное пятно въ томъ мѣстѣ; если она спитъ подъ окномъ или гдѣ либо такъ, что лунный свѣтъ падаетъ ей на брюхо, то родится лунатикъ.

Уроды—отъ соединенія людей съ животными; кромѣ сего бываютъ отъ болѣзней, шалостей, причемъ дѣйствуетъ и проклятіе родителей въ несчастливыя минуты, и отъ чародѣйства. Чаровникомъ называютъ того, кто дѣлаетъ зло людямъ, знахарями и знахаршами тѣхъ, которые помогаютъ отъ чародѣйства и дурнаго глаза; *ворожками и ворожбитами* называютъ тѣхъ, которые предъугадываютъ будущность, открываютъ потерянныя или уворованныя вещи, предсказываютъ будущихъ жениховъ невѣстамъ и наоборотъ и проч...

Одинъ изъ крестьянъ заговаривалъ кровь слѣдующими словами: «ишла кровь черезъ ровъ, рова не стало, кровь перестала».

Давалъ воду *отъ сурочы* (отъ дурнаго глаза), бралъ кружку воды, становился на колѣняхъ предъ иконой, крестивъ воду, сперва молился, а потомъ проклиналъ болѣзнь и посылалъ: *«иди къ черту, иди на сухой лѣсъ»*, и потомъ давалъ больному пить три зари. Бабы-знахарки берутъ хлѣбъ, скатываютъ его въ галку и катаютъ по всему тѣлу больнаго, молясь въ это время Богу, и потомъ, разламывая галку, находятъ волоса, и смотря по волосу—чей, т. е. человѣческой или скотской, говорятъ: *сглаженъ или испуганъ былъ*; галку отдаютъ собакѣ, въ томъ убѣжденіи, что болѣзнь перейдетъ къ этому животному. Чаровники и чародѣи передаютъ знаніе младшимъ себя. Говорятъ, они дѣлаютъ это такимъ образомъ: идутъ въ лѣсъ, берутъ икону и кладутъ эту икону на землю, становятся на нее и отрекаются отъ Бога; въ это время представляются черти въ образѣ людей, но только съ рогами, съ хвостомъ и, если учащійся не испугается, то тогда знающій передаетъ ему свое ремесло. Мельниковъ вообще признаютъ чаровниками. Когда умираетъ человѣкъ, знавшійся съ нечистой силой, то онъ мучится и не умираетъ до тѣхъ поръ, пока не продерутъ *стропъ* (крышу и потолокъ въ избѣ), потому что душа изъ него выходитъ рогата (рога души препятствуютъ выходу изъ тѣла). Вообще при смерти людей, говорятъ, выходитъ душа въ родѣ мыши, голубя и разныхъ птицъ. Неправедную душу берутъ черти и тащутъ въ адъ, а праведную душу берутъ ангелы и несутъ въ рай. Тѣла чаровника не принимаетъ земля, т. е. онъ въ ночное время ходитъ до тѣхъ поръ, пока не пробьютъ ему голову осиновымъ коломъ или не проклянутъ его родные.

Одинъ крестьянинъ возвращался изъ города пьяный ночью, возлѣ кладбища попала въ колесо *палка* (хворостина), и по мѣрѣ бѣга лошади колотила его по зашейку; на трезво онъ разсказывалъ объ этомъ сосѣдямъ, что билъ его чаровникъ, недавно умершій; когда же пріѣхалъ въ деревню, то онъ видѣлъ хорошо, какъ колдунъ вбросилъ ему въ колесо хворостину и возвратился обратно на кладбище. Вѣдьмами и вѣдьмаками считаютъ людей, имѣющихъ хвосты.

Если случается быть домохозяйкѣ на похоронахъ или возлѣ умершаго, то возвратившись домой, она, не говоря ни слова къ домашнимъ, становится возлѣ печки, дѣлаетъ на ней крестъ пальцемъ, говоря слова: *«всѣмъ людямъ на здоровье, а прусамъ смерть»*. При крести-

нахъ послѣ угощенія домохозяевами, бабка на послѣднее кушанье подаетъ на столъ горшокъ съ кашей; кумъ (воспріемникъ) беретъ горшокъ, выбираетъ ложкой изъ горшка немного каши и кладетъ на тарелку, потомъ накрываетъ горшокъ платкомъ и кладетъ нѣсколько мѣдныхъ или серебряныхъ денегъ; всѣ присутствующіе бросаютъ въ платокъ деньги; потомъ кумъ отдаетъ деньги съ платкомъ бабкѣ (это плата за кашу и за горшокъ); на тарелку кладутъ тоже деньги на мыло крестнику и передаютъ родильницѣ; бабка во все время это пляшетъ и поетъ, желая внуку или внучкѣ всего хорошаго; кумъ по окончаніи всего этого беретъ горшокъ обѣими руками, приговаривая: «дай Боже на дѣтокъ, овечекъ, коровокъ, свинокъ, кониковъ, всему скоту приплодъ, кумѣ, куму и крестнику — здоровье и богатство, *на всю гадость въ домъ зводъ*»; окончивши эти слова, тиснетъ горшокъ объ столъ такъ, чтобъ каша осталась непарушима; потомъ на черенкахъ горшка ѣдятъ всѣ ту кашу, выпивая за здоровье новорожденнаго и порядихи по рюмкѣ водки.

4.

При постройкѣ избы или дома въ самомъ началѣ дѣлаются закладины, то есть освященіе дома и угощеніе работниковъ; когда же домъ оконченъ постройкою, хозяинъ при входѣ на житье вноситъ *дежу*, становитъ ее посреди избы и вмѣстѣ съ хозяйкой накрываютъ бѣлой скатертью; они садятся возлѣ дежи съ тою цѣлью, чтобы на новосельи *не выводился хлѣбъ*; кромѣ сего осѣваютъ весь домъ хлѣбомъ для счастія и богатства. Постройка избъ и всѣхъ хозяйственныхъ снадобій производится по примѣру предковъ, которые сначала дѣлали себѣ жилья изъ земли, а потомъ начали употреблять лѣсъ, придумывая разныя украшенія и заимствуя одинъ отъ другаго. Напримѣръ: кости употребляли вмѣсто ножей, древесныя рогатины вмѣсто ухватовъ и кочерги, черепа изъ головъ скота вмѣсто горшковъ, а потомъ начали дѣлать желѣзныя (кочерги деревянныя понынѣ существуютъ по деревнямъ); лопата во время сильнаго дождя и грозы выбрасывается на дворъ, какъ средство для укрощенія дождя и грозы; вѣникъ, изметенный во время сильныхъ морозовъ, бросается въ печку, какъ средство симпатическое.

Огонь прежде доставали изъ сухаго дерева посредствомъ пилки одно о другое, потомъ изъ камней желѣзомъ, а въ послѣдствіи изобрѣли зажигательную массу. Съ палками мужчины начинаютъ ходить съ дряхлыхъ лѣтъ; молодые носятъ палки, какъ средство оборонительное въ пути, иначе считаютъ стыдомъ. Мельницы большею частію считаются жилищемъ чертей; въ сараяхъ—жилище домовыхъ, то есть менѣе злыхъ чертей; на кладбищахъ показываются страхи въ теплыя ночи, и поэтому считаютъ опаснымъ ночью ходить возлѣ кладбищъ; на заклады и клады имѣютъ особенное вліяніе черти, и поэтому говорятъ: спорь до слезъ, а въ закладъ не иди. Клады можно доставать съ травою (черная папарить или воронье око), сорванною въ полночь на Ивана Купалу.

5.

Медвѣдей считаютъ людьми проклятыми Богомъ; волковъ—тоже людьми, обращенными злымъ человѣкомъ посредствомъ злой силы въ вовкулаки; сначала они ходятъ по деревнямъ, питаясь палой вороной, а потомъ свыкаются съ своимъ положеніемъ и временемъ передѣлываются въ волковъ. Лисицу считаютъ изъ породы хитрыхъ людей. Козловъ и кошекъ называютъ чертовымъ сѣменемъ. Слуги чертей—черный скотъ всякой породы, любимцы чертей. Дикіе звѣри, птицы и насѣкомыя созданы Богомъ для пользы человѣка и за дурные поступки заставлены пожирать другъ друга.

Въ пищу не употребляются лошади, такъ какъ онѣ созданы для работы тяжелой. Не употребляются въ пищу: медвѣди, волки, лисицы и вообще звѣри, питающіеся палой говядиной и разною нечистотою, птицы, питающіяся лягушками, мышами, гадами и палой говядиной; остальныя животныя и птицы употребляются въ пищу. Волки считаются состоящими подъ покровительствомъ святаго Егорія: будто онъ назначаетъ имъ, чѣмъ питаться, когда какую скотину и у какого хозяина взять, и когда волки воютъ ночью, то говорятъ, что они просятъ пищи у Бога.

На св. Егорія, если попадется конская голова, то берутъ ее и вздѣваютъ на колъ, для предохраненія, отъ падежа лошадей и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ уваженія, что лошадь помогала въ трудахъ человѣка. Остриженные волосы бросаютъ въ печь или затыкаютъ въ щели, въ противномъ случаѣ они могутъ быть унесены кожанами въ ихъ гнѣзда, въ скрыпучее дерево. Человѣкъ сохнетъ, пока волосы сгніютъ, когда же сгніютъ, умираетъ.

Въ Орловской губерніи существуетъ повѣрье, что кожанчикъ вечеромъ старается изъ головы человѣка вырвать волосъ и отнесть его въ гнѣздо. Если гнѣздо

находится въ дуплѣ живаго дерева, то человѣкъ толстѣетъ, здоровѣетъ, а если въ высохшемъ, то человѣкъ сохнетъ. Поэтому въ просторѣчіи говорятъ о человѣкѣ, который начинаетъ толстѣть, что кожанчикъ на сырое древо волосы повѣсилъ; о человѣкѣ худощавомъ— кожанчикъ на сухой сучокъ волосы повѣсилъ.

6.

Всевышнее существо представляютъ сѣдымъ старикомъ. Богъ показывался въ мірѣ въ видѣ нищаго. Будто бы въ одно время Богъ ходилъ по свѣту съ однимъ странникомъ; на ночлегъ вездѣ ихъ принимали съ радостію. На одномъ ночлегѣ Богъ убилъ младенца, потому что онъ выросши убилъ бы свою мать, на дорогѣ столкнулъ въ воду одного прохожаго, потому что онъ намѣревался спалить городъ, и потомъ убилъ своего товарища за то, что онъ хотѣлъ творить чудеса св. угодниковъ. Егорія считаютъ пастухомъ скота; говорятъ: если найти собачью голову, уворованную и спрятанную волкомъ (зарѣзавши собаку, волкъ старается голову ея запрятать подальше), въ день этого святаго и обнести ее вокругъ всего поля и на межѣ зарыть, то ни одну скотину не возьмутъ волки во все лѣто. Николая чудотворца почитаютъ оборонителемъ отъ всякихъ несчастій; въ день его нѣкоторые хозяева призываютъ священника, отправляютъ молебенъ и потомъ освящаютъ весь домъ и скотъ. Илью считаютъ Богомъ ненастья: «говорятъ Илья надѣлалъ гнилья». Антонія—возвратителемъ потерянныхъ и уворованныхъ вещей.

Злыдни—страшная бѣдность. Сатана самый старшій чертъ; онъ засѣдаетъ въ пеклѣ и распоряжается всею нечистой силой. Черти представляются въ разныхъ видахъ: черными баранами, козлами и въ видѣ людей, только съ хвостомъ и рогами, живутъ они постоянно въ пеклѣ, но каждой ночью являются въ мірѣ и существуютъ до двѣнадцати часовъ, пока не запоетъ пѣвень; въ это же время пропадаютъ. Въ пеклѣ они на грѣшникахъ возятъ смолу, разжигаютъ ее и вбрасываютъ въ нее грѣшныя души.

Смерть представляютъ въ видѣ человѣка огромнаго роста въ бѣлой одеждѣ съ косой или топоромъ; болѣзни — тоже въ образѣ людей, и онѣ являются въ свѣтѣ по повелѣнію Божію.

При сотвореніи міра не было чертей, но когда созданы были люди, нѣкоторые изъ нихъ сопротивлялись волѣ Всевышняго, были прокляты и обращены въ чертей. Отъ болѣзней—оспы, кори, равно какъ и отъ смерти ни одинъ человѣкъ не можетъ избавиться.

Колдуны и вѣдьмы превращаются въ летучихъ животныхъ съ крыльями: «предъ Иваномъ Купалою» ударится объ землю, запоетъ пѣтухъ и улетаетъ въ трубу на Лысую гору, что въ Мстиславльскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Кокошовѣ (въ 14 верстахъ отъ Мстиславля); въ 12-ть часовъ ночи возвращаются обратно; влетѣвши въ избу ударится о землю и превращается въ человѣка.

7.

Въ годовые праздники: Рождество Христово, Крещеніе, Пасху, Николинъ день, народъ ничего не дѣлаетъ изъ работъ, стараются быть въ церкви на богослуженіи, а потомъ уѣзжаютъ въ гости къ родственникамъ или приглашаютъ кого къ себѣ. Въ дни св. угодниковъ, въ особенности въ лѣтнее время, послѣ обѣда занимаются работами легкими, а до обѣда стараются быть на молитвѣ. Понедѣльникъ считается несчастливымъ днемъ, поэтому стараются не начинать работъ въ этотъ день и не выѣзжать ни куда изъ домовъ въ дорогу.

На сороки (въ день сорока мучениковъ) молодежь и и дѣти выходятъ къ банямъ съ пѣснями: «Весна красна, коробокъ жита вытресла», потомъ поютъ: «Молодицы, вы пригожія, не лѣнитесь пѣсни пѣть, якъ бо вашъ голосъ громкій, якъ спаѣ, душу радость-сердце поднясѣ».—Услышавъ первый громъ крестятся; дѣти поютъ: «дождикъ, дождикъ перестань! мы поѣдемъ на Іордань, будемъ Богу молится, будемъ Христу кланяться». Или: «медвѣдь перегонь тучку, дамъ тебѣ овса кучку». При продажѣ скота выстригаютъ съ крестца шерсть и бросаютъ въ хлѣвъ на тотъ предметъ, чтобы не сводился скотъ. При покупкѣ берутъ узду или веревку вмѣстѣ съ купленною скотиною.

8.

Все время отъ Рождества Христова до Крещенія называютъ «святые вечера»; молодежь собирается на вечеринки, въ домахъ хозяйскихъ танцуютъ народныя пляски: казака, подушечку, мятелицу, подъ музыку, а иногда подъ пѣсни: «подушечка, подушечка, да ты пуховая! молодочка, молодочка, да ты молодая! кого люблю, кого люблю, того поцалую, пуховую подушечку тому подарую». На игрища по кабакамъ собираются молодежь и старики обоего пола, пляшутъ и женятъ бахаря, то есть даютъ каждому молодому парню невѣсту;

при этомъ поютъ: «поѣхавъ бахорка у дровы у зеленые дубровы; у его кобыла лепая и невѣста дурная». На канунѣ Р. Х. перевязываютъ перевязью изъ соломы деревья, чтобы былъ урожай.

Примѣты и гаданія.

Если во снѣ приснится дождь—это значитъ богатство; если яблоки—вереда; долгая дорога—тяжелая болѣзнь; змѣй—злой человѣкъ.

Щебечущая сорока—на дворѣ гости. Если кошка моется лапкой, сидя на кутѣ—важный гость, если въ другомъ мѣстѣ сидитъ и лапка теплая—родственникъ или добрый человѣкъ; если чешется рука правая—получать деньги, если лѣвая—отдавать, правый глазъ—смѣяться, лѣвая бровь—плакать. Если скучна лошадь и вздыхаетъ—длинная дорога. Если воетъ собака смотря въ гору—пожаръ, если въ землю и деретъ лапами—смерть. Крикъ крука, летящаго черезъ домъ — тоже смерть. Ласточки, летающія надъ землей, дождь. Роса на травѣ—погода. Если въ день св. Ильи погода, то хорошій сѣнокосъ, въ противномъ случаѣ постоянные дожди; сильный цвѣтъ на калинѣ—урожай на гречиху; если лежатъ ночью лошади—предвѣщаніе теплой погоды. На кутью предъ Крещеньемъ молодежь беретъ блины и ходитъ слушать подъ окнами, что говорятъ; если послышатъ имя чье, то такъ будетъ называться будущій или будущая, кромѣ сего первый встрѣтившійся спрашивается, какъ зовутъ, для выясненія имени будущаго. Если снимая со свѣчи затушатъ ее—предвѣщаніе нечаяннаго гостя. Паукъ спускается — счастье. О курицѣ одинакое повѣрье, какъ и у малороссіянъ.

Загадки.

1. Загадаю загадку, закину за грядку, не хай моя загадка лежитъ до налѣтья (рожь).
2. Подъ однимъ брилемъ четыре паны (столъ).
3. Подъ однимъ колпакомъ 70 казаковъ (макъ).
4. Самъ голъ, сорочка за пазухой (свѣчка).
5. Синенькая, маленькая увесь свѣтъ одѣваиць (игла).
6. Лапикъ на лапику игла не бывала (качанъ капусты).
7. Ни дирочки ни динца, полна бочичка винца (яйцо).
8. Коло ямы стоятъ съ кіями (около миски съ ложками).
9. Круть, верть, въ чирепочку смерть (колбаса).
10. Четыре бѣгутъ, два стоятъ, два свѣтятъ (глаза).
11. Одинъ реветъ, одного несутъ—семьсотъ сыщутъ (лошадь и сѣдокъ).

Сказки.

I.

Пошла коза въ орѣхи, насчитала три мѣхи, а четвертый шелухи. Козелъ-кожиць, пошла у двору. Не ни пойду. Постой же коза, я тебѣ вовковъ нашлю: вовки, вовки, идите козу ѣсть. Не, ня пойдемъ. Постойтя же вовки, я на васъ стральцевъ нашлю: стральцы, стральцы идитя вовковъ бить. Не ни пайдемъ. Постойка же стральцы, я на васъ вяровки нашлю: вяровки, вяровки идитя стральцовъ вязать. Не ня пойдемъ. Постойка же вяровки, я на васъ огонь нашлю: огонь, огонь, иди вяровки палить. Не ня пойду. Постойка огонь, я на тебя воду нашлю: вода, вода, иди огонь тушить. Не ни пайду. Постой же ты вода, я на тебя быковъ нашлю: быки, быки идитя воду пить. Не ня пойдемъ. Постойтя же быки, я на васъ довбни нашлю: довбни, довбни идитя быковъ бить. Не ня пойдемъ. Постойтя же довбни, я на васъ червей нашлю: черви, черви идитя довбни точить. Не ня пойдемъ. Постойте же черви, я на васъ курей нашлю: кури, кури идитя червей клевать. Не ня пойдемъ. Постойте же кури, я на васъ коршуновъ нашлю: коршуны, коршуны идитя курей драть. Коршунъ пошелъ курей драть, кури пошли червей клевать, черви пошли довбни точить, довбни пошли быковъ бить, быки пошли воду пить, вода пошла огонь тушить, огонь пошелъ вяровки палить, вяровки пошли стральцовъ вязать, стральцы пошли вовковъ бить, вовки пошли козу ѣсть, а коза брикъ, брикъ да у бубникъ.

II.

Въ одномъ царствѣ, въ одномъ государствѣ жилъ старикъ со старухою; занимались они рыбной ловлей. Постоянно попадалось рыбаку по пяти рыбокъ, на каждаго ребенка по рыбкѣ. Старуха начала просить Бога, чтобы одинъ ребенокъ умеръ; по смерти одного ребенка начало ловиться четыре, потомъ три, потомъ двѣ, одна и ни одной. Старикъ началъ бранить старуху, что она отняла у него счастье; старуха покаялась и вмѣстѣ оплакивали дѣтей. Въ одно утро старикъ пошелъ опять ловить рыбу и поймалъ золотую рыбку; рыбка эта начала просить старика пустить ее въ море, старикъ согласился и отпустилъ ее въ рѣку. Черезъ три дня опять поймалъ ту самую рыбку. Рыбка эта и говоритъ: разруби меня на три части и въ трехъ горшкахъ свари, мѣшая каждый от-

дѣльными ложками; голову отдай съѣсть женѣ, середину кобылѣ, а хвостъ сукѣ. Черезъ годъ жена родила двухъ сыновъ, кобыла двухъ жеребцовъ, а сука двухъ собачекъ. Дѣти эти, жеребята, щенята росли не поднямъ, а по часамъ, богатство пошло необыкновенное старику; онъ дѣтей отдалъ воспитывать, по воспитаніи они находились при старикѣ; наконецъ надоѣло имъ жить у отца въ домѣ и стали они у него спрашивать, который изъ нихъ старше. Отецъ сказалъ имъ, что объ этомъ знаетъ ихъ крестный отецъ; они пошли къ крестному отцу, онъ велѣлъ имъ придти завтра, между тѣмъ самъ, поѣхавъ въ городъ, купилъ два кинжала, потомъ, привезши домой, призвалъ крестниковъ къ себѣ, приказалъ взять вмѣстѣ обоимъ кинжалы, потомъ помѣрить оба; одинъ изъ нихъ оказался длиннѣе, на это крестный отецъ сказалъ: владѣтель большаго кинжала старше. Придя домой, старшій изъ братьевъ началъ проситься у отца въ свѣтъ путешествовать; отецъ ему не воспрещалъ, онъ взялъ лошадь и собачку, попрощался съ родными и братомъ, прощаясь съ послѣднимъ взялъ ножъ и, вбивъ въ стѣну, сказалъ: если ножъ не заржавѣетъ, то я буду живъ и здоровъ, если съ ножа покажется кровь, то я не живъ, потомъ отправился въ дорогу. Пріѣхавши въ одно царство ему объявили, что дѣвицы ходятъ въ бѣлыхъ нарядахъ по тому случаю, что Цмокъ выѣдаетъ ихъ и что въ слѣдующее воскресенье будутъ отдавать Цмоку царскую дочь. Онъ нанялъ квартиру и просилъ хозяина квартиры отвести его въ царскій домъ; придя туда поступилъ въ мальчики на кухню, всѣ въ домѣ полюбили его; когда пришло воскресенье, начали приготовлять царскую дочку на съѣденіе Цмоку, онъ отпросился у повара и отправился въ квартиру, взялъ кинжалъ, лошадь и собачку, приказалъ себя отвести на то мѣсто, гдѣ Цмокъ пожиралъ дѣвицъ (приказалъ проводнику никому ничего не говорить). Пріѣхавъ на мѣсто, увидѣлъ царевну, сидящую на стулѣ, онъ сшелъ съ лошади и подошелъ къ ней, царевна просила удалиться, потому что Цмокъ обоихъ съѣстъ, а онъ напротивъ увѣрялъ ее, что спасетъ ее, сталъ предъ нею, на колѣна положилъ голову; она, перебирая волосы его, завязала кольцо. Цмокъ когда прилетѣлъ, то она толкнула его, молодой герой всталъ, приказалъ царевнѣ держать собаку, а самъ съ Цмокомъ пошелъ драться. Цмокъ былъ о двѣнадцати головахъ. Срубивъ ему десять головъ, дальше не могъ сражаться отъ усталости; онъ свистнулъ собаку, она бросилась къ Цмоку, хватила его за хвостъ и оттащила далеко; между тѣмъ герой отдохнулъ. По приближеніи Цмока отрубилъ ему остальныя двѣ головы. Взялъ царевну и отвезъ ее въ свою квартиру, уставилъ лошадь, попрощался съ царевной и отправился въ домъ царя. Потомъ началъ прилетать другой Цмокъ о восемнадцати головахъ, выпивалъ всю воду и требовалъ другую дочь царя. Когда отправили вторую дочь, молодой герой вновь явился на томъ мѣстѣ, спасъ царевну и отвезъ ее въ квартиру къ сестрѣ; потомъ третью. Когда же всѣ несчастія прекратились, государь былъ доволенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣлъ дочерей. Молодой герой проводилъ съ ними часто время, но кто онъ не открылся, а только объявилъ, что изъ ихъ царства и пошелъ, сшилъ имъ весь бѣлый костюмъ, приказалъ идти на то мѣсто, гдѣ пожиралъ Цмокъ, а оттуда обратно домой къ отцу. Когда явились дочери, царь былъ доволенъ. Послѣ сего царевны просили собрать на вечеръ всѣхъ подданныхъ разныхъ званій; на вечерѣ этомъ онѣ угощали сами, а младшая взялась угощать самыхъ работниковъ, одного не было подкухтика. Она послала и за тѣмъ, и когда начали расходиться, то царевны смотрѣли въ головѣ всѣхъ—не найдутъ ли кто спасъ ихъ. Подкухтикъ ушелъ прежде всѣхъ. Пересмотрѣвши головы каждаго, послали за подкухтикомъ, тотъ не позволялъ, говоря, что у него голова грязная, но царевна посмотрѣла ему на голову; увидѣвъ въ волосахъ кольцы, подвела къ отцу и указала своего и сестеръ избавителя, разсказавъ обо всемъ его геройствѣ. Царь перевелъ его уже въ свои палаты и выдалъ за него дочь. Прохаживаясь по саду съ женой, онъ спросилъ, какой видѣнъ зàмокъ? Та отвѣчала, что это зàмокъ матери убитыхъ имъ Цмоковъ. Возвратясь домой, герой взялъ собаку, лошадь и кинжалъ и отправился въ означенный зàмокъ, вызвалъ на бой Цмоковыхъ мать, но та приказала привязать собаку на цѣпь, при дракѣ герою сперва удавалось, а потомъ изнурился и осталась побѣдителемъ.

Цмочиха зарубила его, лошадь и собаку. Братъ его, увидя оставленный ножъ въ крови, сейчасъ отправился отыскивать; пріѣхавъ въ это царство, явился во дворецъ къ царю; царевна признала его своимъ мужемъ и не хотѣла отпустить изъ дому, но на гуляньи опять указала зàмокъ Цмоковъ имъ побѣжденныхъ. Послѣдній догадался обо всемъ случившемся, тайно уѣхалъ изъ дому къ дому Цмоковъ и вызвалъ на поединокъ мать; она просила привязать собаку—онъ при-

вязалъ собаку на шнурочекъ, и началъ бой и отрубилъ Цмоковой двадцать пять головъ, только одна осталась, она начала просить пощады; герой требовалъ оживить брата, лошадь его и собаку, — она приказала вынести ружье, убила сороку и принесла живительной воды и оживила умершихъ; когда убитый всталъ, увидѣлъ брата и Цмокову, отрубилъ голову ей и вмѣстѣ съ братомъ возвратились въ царскій домъ. Когда прибыли, царевна не могла узнать, который ея мужъ, въ послѣдствіи мужъ признался самъ и женилъ брата на другой сестрѣ царевны, пиръ былъ огромный, много было богатырей, были поединки, но двухъ братьевъ никто побѣдить не могъ и они по настоящее время живутъ съ женами въ согласіи, я самъ тамъ былъ и все видѣлъ.

III.

Въ одномъ царствѣ, въ одномъ государствѣ жилъ старикъ и имѣлъ трехъ дочерей, изъ нихъ старшая хотѣла выдти замужъ за царскаго повара, младшая за кучера, а средняя за царевича. Царевичъ, узнавши намѣреніе ихъ, послалъ свататься повара и женилъ его, потомъ кучера и наконецъ къ третьей поѣхалъ самъ; годъ по выходѣ въ замужство они жили хорошо и дружно, послѣ года жена царевича забеременѣла сыномъ, предъ рожденіемъ встрѣтилось царевичу уѣхать на войну, а сестры начали завидовать участи сестры и когда она родила сына, взяли его, положили въ корзину, и пустили по водѣ; корзина эта приплыла къ дому одного садовника; жена его, увидавъ корзину съ ребенкомъ, взяла къ себѣ и начала воспитывать, какъ собственное дитя. Возвратившись, царевичъ спросилъ: гдѣ сынъ? Жена отозвалась, что не знаетъ, а сестры сказали, что по рожденіи она утопила его. Царевичъ страшно сердился на жену, но ничего не сдѣлалъ. Послѣ сего жена царевича вновь забеременѣла тоже сыномъ, опять нужно было уѣхать на войну, сестры жены его рожденнаго сына опять пустили въ корзинѣ въ рѣку, и вторая корзина опять приплыла къ садовнику, гдѣ взята садовникомъ. Царевичъ возвратившись пуще прежняго сердился и обѣщалъ за третьимъ разомъ строго наказать жену. Когда же въ третій разъ забеременѣла дочкой, царевичъ вновь уѣхалъ на войну; по возвращеніи домой случилось то же, какъ и прежде. Онъ взялъ жену и засадилъ предъ окнами на дворѣ въ башню, задѣлавъ наглухо. Прошло нѣсколько лѣтъ заключенія жены царевича, а дѣти ея были воспитаны садовникомъ и женой его и начали помогать въ трудахъ своимъ благодѣтелямъ, называя ихъ своими родителями; по смерти садовника и садовницы они были уже взрослыми и ухаживали за садомъ; въ саду у нихъ много было хорошихъ деревьевъ, но не доставало золотой яблонки съ райской птицей и живительной воды. Во снѣ всѣмъ троимъ приснилось, что за двѣсти верстъ отъ ихъ жилища есть гора, на которой есть толстая яблоня съ райской птицей и живительная вода, кто взойдетъ на эту гору, сорветъ золотое яблочко, то яблоня и птица и вода перейдутъ въ его садъ; старшій братъ на разсвѣтѣ пошелъ на означенную гору, долго былъ въ дорогѣ, наконецъ подходитъ къ хатѣ на куриной ножкѣ, взошелъ въ хату и очутился передъ старухой, одѣтой въ бѣлую одежду, старуха начала спрашивать у него,—куда и зачѣмъ идетъ; онъ разсказалъ ей, что идетъ доставать золотую яблоню; старуха, давъ ему клубочикъ нитокъ, приказала бросить передъ собой и идти вслѣдъ за нимъ, когда придетъ къ горѣ, будутъ кричать, пищать и лаять, но не засматриваться и все идти за клубкомъ; мальчикъ, всходя на гору, не утерпѣлъ, осмотрѣлся, въ это же время и обратился въ камень.

Сестра и братъ, не дождавшись его, скучали и наконецъ рѣшили идти отыскивать. Придя къ означенной хаткѣ, просили старуху—какъ отыскать брата и достать яблонку. Старуха дала имъ клубочикъ и приказала бросить его передъ собой и идти вслѣдъ за нимъ, всходя на гору, ни на какіе зовы не откликаться; взошедши на гору, отломать сучокъ отъ золотой яблонки, ударить по каждому камню три раза и потомъ окропить живительною водою. Приказаніе старухи исполнили, не смотря на то, что много представлялось имъ страховъ; когда взошли на гору, окропили камни живительной водой, изъ камней подѣлались люди, отыскали своего брата и, взявши золотую яблоню и райскую птицу, возвратились домой. Птица приказала имъ сдѣлать обѣдъ и къ обѣду пригласить царевича и на послѣднее кушанье сдѣлать огурецъ, начинить перлами и подать царевичу. Обѣдъ былъ сдѣланъ, во время обѣда огурецъ на блюдѣ былъ поданъ царевичу; разрѣзавъ огурецъ царевичъ удивился и спросилъ: что это значитъ? Въ это время птица отвѣтила царевичу: дѣти твои угощаютъ тебя темницей твоей жены, перлы—это слезы ея, и разсказала при этомъ все случившееся во время отлучекъ его на войны. Царевичъ хотя страшно былъ пораженъ неизвѣстною ему тайною, но приказалъ разбить башню и привести жену, а сестеръ ея растерзать на конскихъ хвостахъ

по полю. По прибытіи жены всѣ вмѣстѣ плакали отъ радости, потомъ черезъ нѣсколько времени царевичъ на этомъ мѣстѣ, вмѣсто садовничьяго дома, устроилъ дворецъ и вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ переселился на житье, гдѣ и живутъ по настоящее время.

II. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЯХЪ И СКАЗКАХЪ СЕВѢРНАГО КРАЯ.

(Сообщено д. чл. Е. В. Барсовымъ.)

Еще въ XVII и XVIII вѣкахъ, при жизни Петра I, быстро создавались и разносились по всѣмъ концамъ Россіи разныя сказки, относящіяся къ различнымъ событіямъ его жизни. Достопочтенный сочленъ нашъ, С. М. Соловьевъ, напр. издалъ *) любопытную сказку, относящуюся къ жизни Петра за границей—въ Стокгольмѣ или, какъ гласитъ сказка, въ Стекольномъ. Сказка эта относится къ самымъ первымъ годамъ XVIII в. и сообщена однимъ гулящимъ человѣкомъ въ «Преображенскомъ Приказѣ». Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по немѣцкимъ землямъ и былъ въ Стекольномъ—въ то время Стекольное царство въ нѣмецкой землѣ держала дѣвица и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и снявъ со сковороды велѣла бросить его въ темницу. И какъ дѣвица была имянинница—князья и бояре ея стали просить: «пожалуй, государыня, ради такого своего дня выпусти его, государя». И она имъ сказала: «подите и посмотрите, буде онъ валяется, ради вашего прошенія выпущу его». И князья и бояре, посмотрѣвъ его, сказали: «томенъ, государыня». И она имъ сказала: «коли томенъ и вы его выньте». И они, вынявъ его, отпустили. И какъ пришелъ онъ къ нашимъ боярамъ, они сдѣлали бочку и набили гвоздей, и въ ту бочку хотѣли его положить, и про то провѣдалъ стрѣлецъ и прибѣжалъ къ государю къ постелѣ и говорилъ: «царь-государь, изволь встать и выдти; ничего ты не вѣдаешь, што надъ тобою учинится, и онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ на его мѣсто и бояре пришли и, съ постели схватя и положа въ ту бочку, бросили въ море». Но само собою разумѣется, что нигдѣ не могло развиться и сохраниться столько разныхъ сказаній и сказокъ о Петрѣ Великомъ, какъ на сѣверѣ Россіи—въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ, въ той эпической сторонѣ, гдѣ бродилъ онъ по мхамъ и болотамъ, гдѣ плавалъ по рѣкамъ и озерамъ, гдѣ являлся онъ народу съ топоромъ за поясомъ и молотомъ въ рукахъ, гдѣ прокладывалъ дороги, устраивалъ заводы, основывалъ верфи и т. п.

*) Чт. Общ. Ист. и др. 1862 г., кн. 4, отд. V, стр. 2.

Любопытно, что въ то самое время какъ въ этомъ же самомъ краѣ часть народа, подъ вліяніемъ мистико-апокалипсическаго міровоззрѣнія, смотрѣла на него, какъ на врага божья, антихриста, въ массѣ его удержались со всѣмъ иныя воззрѣнія.

Стоило побывать Петру I въ какой нибудь деревнѣ, сказать вѣское слово—и тотчасъ съ его словомъ связывалось объясненіе имени самой деревни. Вотъ встрѣчается онъ съ Олонецкимъ попомъ Окулинымъ, бесѣдуетъ съ нимъ, и замѣчаетъ въ немъ не только храбраго, но и умнаго патріота, вызываетъ въ Петербургъ и дѣлаетъ его высокимъ верховнымъ сановникомъ. Вотъ онъ наталкивается здѣсь на воеводу Синявина и узнаетъ, что онъ не допускаетъ тяжебныхъ дѣлъ до канцеляріи и всѣхъ тяжущихся склоняетъ къ миру, и этого человѣка онъ вызываетъ въ Петербургъ и велитъ ему мирить сенаторовъ и вельможъ. Вотъ онъ бесѣдуетъ съ мужикомъ на понятномъ ему эпическомъ языкѣ, котораго, къ стыду, не понимаютъ его бояре. Вотъ онъ учитъ солдата быть бережливѣе, крестьянина довольствоваться своимъ положеніемъ и не завидовать боярамъ. Провинился предъ нимъ князь Гагаринъ и, ради народа, онъ не щадитъ знатнаго раба и казнитъ его. Наконецъ и онъ самъ, великій государь и обладатель многихъ царствъ и народовъ, не избѣгъ случайностей общей человѣческой судьбы, и онъ былъ на краю смерти, и онъ попался въ станъ разбойниковъ и спасся только благодаря доброму и умному солдату. Пусть эти сказки и сказанія историческія будутъ не важны. Изъ всей напр. сказки о князѣ Гагаринѣ несомнѣнно только то, что князь Гагаринъ былъ генералъ-губернаторомъ Сибири (притомъ Матвѣй, а не Ѳедоръ), попалъ подъ судъ и былъ повѣшенъ; все остальное относится къ вымыслу, выраженному отчасти языкомъ былинъ. Но основная мысль, которая проводится въ этой сказкѣ, очень знаменательно выражаетъ, что благо народное для Петра всегда было выше всякой личности.

Пусть сказка о мудрой бесѣдѣ Петра съ мужикомъ предоставляетъ общую діалогическую форму, которой

канва проходитъ чрезъ всѣ литературы и восходитъ до глубочайшей древности;—но здѣсь важна постановка отношеній Петра и бояръ его къ народу—самимъ же народомъ.

Знаменательно также сопоставленіе въ одной сказкѣ положенія крестьянина и барина съ положеніемъ медвѣдя и быка въ одной и той же конюшнѣ.

Смерть царевича Алексѣя Петровича приписывается въ сказкѣ не удержимо горячему характеру Петра: онъ убилъ его за то, что тотъ не вѣрно обтесалъ брусъ на корабельномъ строеніи.

Предлагаемыя сказки, за исключеніемъ двухъ, записаны мною отъ крестьянъ Олонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Щеголенкова и Грѣшникова.

Сказка 1-я о томъ, какъ отъ Петра I пошло названіе одной деревни.

Въ Архангельской губерніи есть селеніе *Важмосолма*. Названіе само за себя говоритъ, что оно финскаго происхожденія; но здѣсь бывалъ Петръ Великій—и этого было достаточно для слѣдующаго сказанія.

Ѣхалъ государь въ Архангельскъ; къ этой деревнѣ подъѣзжаетъ и видитъ: жнутъ дѣвки и бабы—въ басѣ красѣ—што твой маковъ цвѣтъ, и пѣсни поютъ—што твой соловей заливаются. Загорѣлась душа у царя Петра I; заискрились очи ясныя, сколыхалась грудь его бѣлая, закипѣла утроба богатырская.

«Стойте», говоритъ онъ. Съ коня слѣзъ: «Здѣсь пиръ устрою, говоритъ, на весь міръ». Велѣлъ онъ тутъ изъ сноповъ столы сдѣлать и скамейки, и кушанья варить, и вино курить. Разсадилъ по мѣстамъ, кому гдѣ быть надлежитъ, бабъ съ мужиками, а дѣвокъ съ молодыми парнями и давай угощать. Петръ Великій все хохоталъ, а дѣвки и бабы ему пѣсни пѣли. Одна пѣсня въ особь ему прилюбилась и какъ споютъ: еще, скажетъ, дѣвоньки, спойте. Дѣвки пѣли:

«Собирайтеся бояре на совѣтъ,
Собирайтесь думу думать Государеву;
Время тяжкое подходитъ,
Хочетъ Турка воевать».

Слышитъ онъ эту пѣсню и голову свою наклонилъ и думаетъ, а парни и дѣвки—развеселились—не даютъ ему думу думати. Снопы разбросали и стали разноличныя игры водить и плясали въ размашистую. Вотъ такъ *«важная солома»*, сказалъ будто бы Петръ 1-й. И съ этихъ то словъ Государевыхъ стали будто бы звать это мѣсто *«Важмосолма»*.

Сказка 2-я.

Объясненіе названія одного «Свирскаго порога» извѣстнаго подъ именемъ *«Лисьей головы»* также пріурочено къ пребыванію здѣсь Петра I.

«Ѣхалъ государь изъ Ладожскаго по р. Свири, на большихъ судахъ—и доѣхалъ до порога, гдѣ нонѣ стоитъ деревня Подпорожье. Тутъ ужъ и лошади были готовы для тяги судовъ на порогѣ. Потянули первое судно, а оно на камень, да только вреду не сдѣлало—дѣло противъ воды было. Тутъ доложили царю,—кабы да не *этотъ камень*, ходъ бы на этомъ порогѣ совсѣмъ чистый былъ. Его царская милость самъ осмотрѣлъ камень и задумалъ при себѣ поднять и отвалить его въ сторону; тотчасъ же пустили въ ходъ струменты и снасти,—ужъ подвели подъ камень заложни. Оставалось положить только подкладки, да все дѣло испортилъ старикъ-крестьянинъ изъ деревни *«Важинъ»*; ему велѣно было подложить балки подъ камень, когда онъ будетъ на виду, а онъ и оплошалъ и камень, сорвавшись съ веревокъ и цѣпей, юркнулъ опять въ воду. Замѣтилъ это государь и страшно разгнѣвался, и закричалъ: *ахъ, ты лысая голова*—и съ гнѣвомъ поѣхалъ дальше. Съ этой то поры и мужика стали звать *лысой головой* да и *порогъ такъ же*. А што теперь зовутъ его *Лисьей головой*, заключилъ разскащикъ, такъ это ужъ по забытью народъ перемѣнилъ».

Сказка 3-я о томъ, какъ Петръ I встрѣтился и бесѣдовалъ съ Олонецкимъ попомъ Окулинымъ.

«Ѣхалъ Петръ I изъ Олонца и въ двѣнадцати верстахъ между деревнями Заручье-Кабдева и Верхняя-Толмачева встрѣтилъ старика высокаго роста, съ сѣдой бородой, который тихою поступью пробирался по широкой торной дорогѣ въ одну изъ деревень, лежащихъ въ отдаленномъ углу поселенія близъ дремучаго лѣса. За кожанымъ поясомъ его былъ засунутъ большой ножъ, а за плечами висѣло ружье. «Кто ты такой и куда идешь?» спросилъ его государь. «Азъ есмъ, отвѣчалъ онъ, грѣшный іерей Бога Вышняго, прозвищемъ Окулинъ; держу же путь свой къ больному съ напутствіемъ Божественныхъ Таинъ».

—«Если ты служитель божій, сказалъ ему Петръ, то зачѣмъ одѣтъ въ мужицкую сермягу, да еще носишь при себѣ оружіе?»

—«Надежа, государь, отвѣчалъ Окулинъ. Твори со мной волю твою. А судъ на Олонцѣ я видалъ, да и по суду оправданъ бывалъ. Повѣдаю же тебѣ, могучій государь, што въ дремучихъ лѣсахъ нашей волости водятся воры и разбойники, посягаются на мое праведное достояніе, Когда ухожу изъ дому тогда и металлы свои уношу отъ ихъ лому; а въ защиту себя отъ этихъ недобрыхъ людей ношу, аки воинъ, оружье на своихъ чреслахъ и ралинахъ, облеченный въ рубище сѣраго цвѣта».

—«Когда такую рѣчь ведешь, отвѣтилъ ему Петръ, то скажи мнѣ: сколько у тебя денегъ и на што ихъ бережешь? Развѣ не знаешь, что въ положеніи воина наши молитвенники нарушаютъ правила православной церкви».

Въ отвѣтъ на это Окулинъ сказалъ: «Я Божій законъ читалъ, но деньгамъ своимъ счету не давалъ. На, государь, прими ихъ въ жертву—отъ шестидесятилѣтняго старика съ усердіемъ и доброю волею царю-батюшкѣ на русскую флотилію и армію». Вынулъ металлъ изъ суммы свой и подалъ царю.

Петръ I принялъ деньги и вызвалъ, говорятъ, его въ Питеръ и сдѣлалъ его важнымъ сановникомъ духовенства *).

Сказка 4-я о томъ, какъ Петръ Великій встрѣтилъ въ Олонцѣ замѣчательнаго воеводу.

Въ мѣстномъ музеѣ Олонецкаго губернскаго статистическаго комитета хранится между прочимъ *шапка* **) Олонецкаго воеводы Синявина, съ которымъ соединяется слѣдующій разсказъ.

«Проѣзжалъ однажды государь чрезъ Олонецъ, остановился тутъ на короткое время и видитъ: у *сосѣдняго дома* стоитъ много народу. Что это такое, спросилъ онъ, у сосѣдняго дома много народу толчется? Тутъ, сказали ему, живетъ воевода Синявинъ. Пойду и посмотрю, сказалъ Государь. Приходитъ и спрашиваетъ: «покажи мнѣ, воевода Синявинъ, дѣла твои по судебной части». Воевода Синявинъ упалъ къ ногамъ Государя: виноватъ, говоритъ, надежа, Государь никакихъ такихъ судебныхъ дѣлъ не имѣется.

*) Олон. Вѣд. 1872 г. стр. 409. Голиковъ передаетъ нѣсколько иначе въ т. XV „Дѣяній“.

**) См. Олон. Вѣд. № 36 1873 г. Шапка эта теплая бархатная, опушенная бобромъ. Синявинъ подарилъ ее во время управленія своего на Олонцѣ домохозяину Каблукову, у котораго стоялъ на квартирѣ, отъ него перешла она въ домъ крестьянъ Ѳедотовыхъ Петрозаводскаго уѣзда, а отъ нихъ къ Смирновымъ — урожденцамъ того уѣзда.

— «Какъ никакихъ не имѣется?» грозно спросилъ его государь.

— «Никакихъ, со слезами повторялъ воевода. Я, государь, никакихъ такихъ челобитень не принимаю и до разбора въ канцелярію не допускаю, а всѣхъ соглашаю къ миру и слѣдовъ ссоръ въ канцеляріи никогда не бываетъ».

По сердцу пришелся Государю этотъ отвѣтъ, онъ поднялъ его, поцѣловалъ въ голову и сказалъ: «Я беру тебя въ Петербургъ, гдѣ ты будешь мирить у меня не простыхъ мужиковъ, а по выше ихъ, тузовъ—моихъ сенаторовъ и другихъ высокихъ вельможъ *)».

Воевода этотъ сдѣланъ былъ затѣмъ прокуроромъ адмиралтейской коллегіи и продолжалъ водворять миръ и согласіе, между знатью и вельможами, между коими всегда были ссоры и вражда.

Сказка 5-я о томъ, какъ мудро бесѣдовалъ Петръ I съ народомъ.

Ѣхалъ Государь Петръ I отъ Повѣнца. На Волозерѣ, за 9 верстъ, остановился и видитъ: старикъ сѣдой въ полѣ съ малыми ребятами, значитъ пашетъ и сѣетъ хлѣбъ. Государь видитъ, что старикъ уже старъ, а ребята малы и спрашиваетъ:

—«Давно ли снѣгъ на щельѣ?»

— Старикъ отвѣчаетъ: «Ужъ тридцать лѣтъ, надежа, Государь».

— Государь опять говоритъ старику: «Што же поздно всталъ?»

— Старикъ отвѣчаетъ: «Я и рано сталъ, да подкнулся».

— Государь говоритъ: «Ты бы въ другой разъ всталъ».

— Старикъ отвѣчаетъ: «Я и другой разъ сталъ, да подкнулся».

— Государь: «Ты бы въ третій разъ».

— Старикъ: «Я и третій разъ сталъ, да опоздалъ».

— «Ну, такъ знаешь ли, говоритъ, гусей щипать?»

— Старикъ: «Да если придется, такъ съумѣю».

Тогда Петръ I господъ къ старику посылаетъ: идите, говоритъ, узнайте, што со мной старикъ говорилъ. Господа приходятъ и стали его спрашивать и стали ему денегъ давать, штобы старикъ разсказалъ, што съ царемъ говорилъ. Старикъ деньги обобралъ и толкуетъ: Давно ли снѣгъ на щельѣ — это, говоритъ, государь спросилъ про волоса: давно ли волоса сѣдые? Я гово-

*) У Голикова, т. XV, стр. 179, записанъ этотъ разсказъ, нѣсколько иначе и притомъ безъ означенія фамиліи воеводы.

ритъ, говорю, што тридцать лѣтъ. Затѣмъ, государь спросилъ, што же долго не женился? Я, говоритъ, говорю, што женился да жена померла, т. е. сталъ да сподкпулся. Ты, говоритъ, другой бы разъ. Я, говорю, и въ другой разъ женился, да жена опять померла. Онъ говоритъ, ты бы и въ третій разъ. Я и въ третій разъ женился, да ужъ очень матерымъ: годы ушли, отъ того у меня и дѣти малы. А знаешь ли гусей щипать? Гуси—это, вы. Я, говоритъ, общипалъ васъ, т. е. деньги обобралъ, за то, што вы не понимаете рѣчей государевыхъ. Господа воротились къ Петру I. Онъ спросилъ ихъ, што вамъ старикъ говорилъ? Они все пересказали и это имъ къ стыду пришло.

Сказка 6-я о томъ, какъ Петръ 1-й училъ солдата быть экономнѣе въ домашнемъ хозяйствѣ.

Царь и государь собрался на Васильевскій островъ къ корабельному строенію со многими солдатами. Былъ тутъ одинъ простой солдатъ и говоритъ: «Петръ Алексѣевичъ, государь великой! У меня жена сына родила. Желаешь ли ты ко мнѣ кумомъ».—«Какъ не желать—желаю, солдатъ, возьми». Солдатъ и говоритъ: «Государь, Петръ Алексѣевичъ! Въ такой день обѣдать ко мнѣ прошу покорно». Государь отвѣтъ держалъ: «Когда ты ни позови, я всегда готовъ». Приказалъ солдатъ женѣ справить: «Государь самъ будетъ обѣдать со мною на ряду». И накупилъ солдатъ всякой водки кума поподчивать, Петра Алексѣевича, государя великаго. Время то приходитъ, чтобы обѣдать придти отъ строенія корабельнаго, съ Васильевскаго острова. Солдатъ и говоритъ: «Великой Государь, Петръ Алексѣевичъ, кумушко! пойдемъ же обѣдать ко мнѣ». Пошелъ великій государь къ куму обѣдать; приходитъ. Кума встрѣчаетъ ихъ радостно. Кумъ и говоритъ: «Жена! давай выпивку на столъ». Государь видитъ на столѣ всякія водки и говоритъ: «Надѣвайся-ко кумушко да подемъ-ко, добро, взадъ на строеніе». Пища набрана на столѣ, а они пошли взадъ на строеніе на Васильевской островъ. «Скидывай-ка, кумушка, шинель». Кумъ шинель скинулъ, послалъ на землю. «Ложись, кумушко, на шинель». И легъ кумушко на шинель. Государь говоритъ: «Трижды палкой ударить его». И трижды палкой ударили по царскому слову. «Ставай, кумушко, надѣвай шинель и теперь пойдемъ обѣдать». Приходитъ въ домъ къ солдату—къ куму. Налилъ кумъ великому царю рюмку водки. «Государь, говоритъ, дорогу покажи потомъ и я». Стали исть и пить, и кушать: увеселили свои головы. Государь и говоритъ: «Кумушко, прости меня, што я почтилъ тебя: я, вѣдь, съ васъ водки не требовалъ, а что Богъ послалъ, съ тѣмъ я у тебя пообѣдаю бы: и для царя солдатъ не долженъ расточать копѣйки». Послѣ этого обѣда выходитъ великій государь на корабельное строеніе и сыну приказъ отдаетъ: «теши брусъ безъ нитки прямо». Тесалъ и припортилъ. Великій государь съ конца посмотрѣлъ въ отвѣсъ. Брусъ во многихъ мѣстахъ спорченъ: сердце его не могло стерпѣть. Разсердился, взялъ аньшпукъ на корабельномъ строеніи, на Васильевскомъ этомъ островѣ, ударилъ сына по плечамъ. Могъ сынъ послѣ этого удару только трои сутки жить и кончился. Государь великій, Петръ Алексѣевичъ, написалъ своей рукой: «Отцу только и наказанье за сына класть на трои сутки на овесъ и на воду».

Сказка 7-я о томъ, какъ Петръ училъ крестьянъ довольствоваться своимъ положеніемъ.

Однажды ѣхалъ государь Петръ I въ Архангельскъ по большей дорогѣ; пріѣхалъ къ крестьянину и видитъ што живетъ исправно, по пріѣзду видно, на сараѣ корму, подъ окномъ дровъ, на дворѣ скотины много. И спрашиваетъ государь: «Што, крестьянинушко, хорошо ли тебѣ жить? Кажись всего у тебя въ сытость». А крестьянинъ твѣчаетъ: «Нѣтъ, надежда—Государь. Мы вѣдь работаемъ, стараемся; вотъ какъ господа-то живутъ противу насъ, такъ далеко лучше. Тогда Петръ I говоритъ: «Ну къ моему пріѣзду назадъ, выкорми ты быка, штобы былъ онъ жиренъ, а сердце въ немъ было черно». Государь уѣхалъ, а крестьянинъ закручинился, какъ выкормить быка, штобы былъ жиренъ, а сердце въ немъ было черно. Потомъ сталъ онъ ходить по кабакамъ и разспрашивать, какъ бы выкормить быка, штобы былъ онъ жиренъ, а сердце въ немъ было черно. Одинъ пріятель вызвался и говоритъ: «Экой ты; купи говоритъ, медвѣдя и поставь медвѣдя и быка въ одну конюшню, и корми ихъ сыто. Какъ медвѣдь, говоритъ, рехнетъ, а быкъ медвѣдя ужаснется и назадъ присядетъ: онъ будетъ думать, што медвѣдь его съѣстъ». Такъ крестьянинъ и сдѣлалъ. Медвѣдя купилъ и въ уголъ быка поставилъ и кормилъ до пріѣзда царскаго. Петръ I оборотился, опять заѣхалъ къ крестьянину и спрашиваетъ: «Што, говоритъ, выкормилъ ли быка?»—«Выкормилъ, надежа—Государь!»—«Ну, убей, говоритъ, его, посмотримъ, таковъ ли онъ, какъ я хотѣлъ». Какъ быка убили, такъ

дѣйствительно оказался такимъ; былъ онъ жиренъ, а сердце въ немъ гнилое, черное. Государь и говоритъ: «Ну, разскажи-же теперь, какъ ты быка купилъ, што разное у него мясо и какъ ты сердце гнилое въ немъ сдѣлалъ?» Крестьянинъ въ отвѣтъ ему; «Надежа, великій Государь! У меня въ конюшнѣ въ одномъ углу стоялъ быкъ, а въ другомъ медвѣдь, какъ медвѣдь рехнетъ, быкъ такъ назадъ и сядетъ, оттого сдѣлалось въ немъ и сердце черное». Тогда государь и говоритъ: «Такъ, говоритъ, и господинъ живетъ, которому завидуешь ты: сегодня во всемъ у него продовольствіе, а сердце все въ немъ тлѣетъ, какъ бы подъ судъ не попасть. Завтра можетъ лишиться всего и остаться безъ куска хлѣба. А ты, говоритъ, грѣшишь, што Бога не славишь: поработалъ ты, легъ спать и руки за голову. Подати отдалъ и ни о чемъ ты не тужишь. Сердце у тебя спокойное; не тлѣетъ оно, какъ у этого быка». Такъ государь и разговоръ кончилъ.

Сказка 8-я о томъ, какъ Петръ Алексѣевичъ казнилъ князя Гагарина.

Послалъ государь старшаго брата Ѳедора князя Гагарина въ дальную Сибирь управлять Сибирью. Той устроилъ дворецъ и малъ ли, великъ ли, повызолотилъ, кареты завелъ и повызолотилъ; лошадямъ клалъ подковы серебряныя; налоги наложилъ большіе, отъ новаго налогу болѣе и болѣе, и въ третій разъ еще болѣе. Тутъ собрались Сибиряки въ сходку: надо ребята идти къ царю въ Питеръ просить добра; избрали 3-хъ человѣкъ въ мірскомъ сходѣ и дали денегъ часть на ходьбу и они отправились къ Петру Алексѣевичу Великому въ Питеръ просить добра. Прошло полгода, людей этихъ не видно взадъ. Прошелъ годъ, людей не видно взадъ. «Выберемте еще трехъ человѣкъ». Выбрали другой разъ трехъ человѣкъ. Прошло полгода ихъ не видно. Прошелъ годъ, ихъ не видно. «И што честное общество, выберемте еще трехъ человѣкъ третій разъ. Опять выбрали трехъ человѣкъ. Прошло полгода, ихъ нѣту, прошелъ годъ, ихъ нѣту. «Ну, што ребята, честное общество, намъ добра не видать видно съ Гагаринымъ, станемъ искать человѣка хоть единаго, не можетъ ли добра сотворить». Собрались въ сходку опять и просятъ человѣка, который живши въ Петербургѣ, изъ молодыхъ лѣтъ: «И што, братенке, подымись къ Петру Алексѣевичу добра просить къ царю, къ великому государю». «Идти иду, други великія, да не имѣю капиталу на хлѣбный кусокъ».—«Ну, пойдешь, хоть малѣйшу частицу бѣдну да складемъ». Наклали денегъ ему 50 рублей на хлѣбъ и отправился онъ въ Петербургъ и приходитъ этотъ Сибирякъ къ царскому двору: пашетъ человѣкъ панель метлою: «Здраствуй батюшко!» Сибирякъ поклонъ ему дѣлаетъ. «Изволю спросить, откуда ты странной человѣкъ?»—«Я, батюшко, изъ Сибири есть, избранъ я отъ общества къ государю Петру Великому просить добра, отяготилъ Гагаринъ всима налогама большима. Избрали въ обществѣ трехъ человѣкъ и ждали ихъ полгоду, ихъ нѣту, ждали годъ, ихъ нѣту. Избрали другой разъ 3 человѣкъ, ждали ихъ полгода, ихъ нѣту, ждали годъ, ихъ нѣту. Избрали третій разъ трехъ человѣкъ, ждали полгоду, ихъ нѣту, ждали годъ, ихъ нѣту. И я въ молодые годы жилъ въ Питерѣ и стали меня просить обществомъ: «поди, говорятъ, попроси у Петра Великаго милости и денегъ мнѣ іоны собрали 50 рублей на хлѣбы». Поставилъ этотъ человѣкъ, который панель метелъ, метлу въ уголокъ: «Иди за мною въ слѣдъ, говоритъ». Ввелъ къ себѣ въ домъ. «Ты человѣкъ съ пути, говоритъ, севодня скидывайся и разувайся».

Домовому отдаваетъ приказъ: кормите страннаго человѣка Сибиряка, штобы онъ, не былъ не голодный, не холодный—и вамъ только севодня и работы. День прошелъ; приходитъ домохозяинъ. И изволилъ этотъ Сибирякъ спросить: «Да кто ты есть, батюшко, объяснико о себѣ.»—«Я шутъ Балакиревъ», сказалъ онъ. Ночь прошла у нихъ спокойно, а поутру шутъ Балакиревъ и спрашиваетъ у Сибиряка: «кто же тебѣ напишетъ прошеніе здѣсь къ Петру Алексѣевичу—царю?»—«Да не знаю, батюшко, ужъ ты не скажешь ли?»—«Въ такомъ то, говоритъ, мѣстѣ генералъ отставной служитъ во дворцѣ 25 годовъ, онъ можетъ написать прошеніе; можетъ, повторяетъ Балакиревъ, я знаю, можетъ. Ну, только тебѣ севодня и работы: сходи и прошеніе напиши». Сходилъ, прошеніе написалъ, приходитъ домой, подождалъ домохозяина Балакирева до вечера; воротился Балакиревъ отъ Петра Алексѣевича со дворца и показываетъ сибирякъ прошеніе—«Написалъ», говоритъ. Ночь прошла у нихъ спокойно. Поутру сталъ Балакиревъ уходить на рынокъ: «Не уходи никуда, говоритъ, меня жди». Купилъ онъ на рынкѣ четыре рѣшетки со птичками, и приходитъ домой и этому говоритъ Сибиряку: «Надѣвайся, пойдемъ». Приходятъ ко дворцу ко царскому и ставитъ его у воротъ дворца и говоритъ: «И ты стой тутъ, и прошеніе держи въ рукахъ, потомъ станутъ врата от-

нераться, подыми прошеніе на голову и пади правой ногой на колѣнка; ворота отворятся, выбѣжитъ кобель стриженой, кобель напереди, государь сзади за кобелемъ, и я тутъ буду». Оборотится этотъ Балакиревъ отъ Сибиряка, вотъ то время приходитъ, што государь, ставши въ покои, расхаживаетъ по комнатамъ своимъ. Балакиревъ выходитъ противъ царскаго окошка, на панели стоитъ, вынимаетъ рѣшетку съ пазухи, отворяетъ дверцы, вынимаетъ птичку съ рѣшетки; бросилъ объ панель рѣшетку и птичку разорвалъ, бросилъ и растопталъ все на панели это. Государь въ комнатное окошко смотритъ, што Балакиревъ сотворяетъ. Вторую рѣшетку взялъ съ пазухи, отперъ дверцы, вынялъ птичку, рѣшетку бросилъ объ панель и растопталъ, птичку разорвалъ и бросилъ объ панель. Государь въ комнатное окошко смотритъ, што Балакиревъ сотворяетъ. Вынимаетъ онъ третью рѣшетку, отперъ дверцы, вынялъ птичку, рѣшетку бросилъ объ панель и растопталъ, и птичку вынялъ изъ рѣшетки, разорвалъ, бросилъ объ панель и растопталъ. Государь въ комнатное окошко смотритъ, што Балакиревъ сотворяетъ. Вынимаетъ четвертую рѣшетку, отперъ дверцы, вынялъ птичку и подрочилъ и взадъ въ рѣшетку положилъ и въ пазуху рѣшетку клалъ со птичкою. Государь въ комнатое окошко смотритъ, што Балакиревъ сотворяетъ. Тотчасъ Балакиревъ приходитъ ко царю во дворецъ и государь его спрашиваетъ: «Што ты сотворялъ противъ моего окна на панели? Рѣшетку вынялъ изъ пазухи со птичкою и птичку вынялъ и рѣшетку бросилъ на панель и растопталъ и птичку также, и вторую рѣшетку вынялъ изъ пазухи также бросилъ на панель и растопталъ, и третью рѣшетку бросилъ на панель и растопталъ, и четвертую вынялъ изъ пазухи рѣшетку, а той не бросилъ, отперъ дверцы, вынялъ птичку и ю ты подрочилъ. Это што же такое, Балакиревъ?» — «Олексѣевичъ! а три то рѣшетки царскія, а четвертая рѣшетка господская». Та минута приходитъ, што надо прохаживаться около дворца Петру Великому». Отпераетъ тѣлохранитель дверь; кобель напередъ царя вышелъ стриженой, государь въ слѣдъ за кобелемъ, а за нимъ Балакиревъ. Сибирякъ стоитъ на колѣны, прошеніе вознято на голову. Проходитъ Великой Петрей, беретъ прошеніе съ головы и говоритъ Балакиреву: Гдѣ сей человѣкъ изволитъ быть?» — «Олексѣевичъ! у меня на фатеры—штобы былъ онъ кормленой и поеной и тепломъ бы не обиженъ былъ». Государь прошелъ, и этому человѣку поворотъ на фатеру. День прошелъ. Балакиревъ приходитъ домой со дворца и говоритъ Сибиряку: «И ты своимъ разумомъ не отправляйся, докуда я тебя не отправлю. Государь, Петръ Алексѣевичъ приказалъ написать посольную грамоту въ дальнюю Сибирь и отправилъ туда человѣка съ этой грамотой и въ грамотѣ написано: Гагаринъ, требуетъ тебя Великой Петръ въ Петербургъ. И поѣхалъ гонецъ въ дальнюю Сибирь. Скоро скажется, тихо дѣется. Пріѣзжаетъ этотъ посолъ съ посольской грамотой въ дальнюю Сибирь, приходитъ ко Гагарину князю и намѣстнику во дворецъ; отворяе ворота на пяту, крестъ кладетъ по писаному, поклонъ ведетъ по ученому, на двѣ, на три, на четыре стороны поклапяется, а Гагарину князю въ особину. Грамоту посольную на столъ выкладываетъ, на тотъ ли столъ, да на дубовой, на туль доску да залоченую; самъ на словахъ выговаривалъ: «Ай-же князь, да ты Гагаринъ. Государь ли нашъ Великій приказываетъ тебѣ въ Петербургъ». И говоритъ Гагаринъ ему на-мѣсто: «Скажите, што Гагаринъ не ѣдетъ». Пріѣзжаетъ гонецъ— взадъ въ Петербургъ, является предъ царскіи очи и царю докладаетъ, што Гагаринъ не ѣдетъ. Государь приказываетъ вторую грамоту справить посульную. Вторую грамоту справили и гонца отправили. Скоро скажется, не скоро дѣется. Пріѣзжаетъ съ посольской грамотой во дальнюю Сибирь и входитъ во дворецъ къ Гагарину, отворяе ворота на пяту; крестъ кладетъ по писаному, поклонъ ведетъ по ученому, на двѣ, на три, на четыре стороны поклапяется, а Гагарину дѣлая поклонъ въ особину: «Тебя, князь Гагаринъ Великій Государь требуетъ въ Петербургъ». И отвѣтъ держитъ Гагаринъ: «Скажите, што не ѣдетъ». Пріѣзжаетъ писано взадъ, является къ царю и докладываетъ, што не ѣдетъ Гагаринъ. Приказалъ тутъ государь написать грамоту посульную и подписалъ своею рукою царскою: и взять Гагарина *съ камбоемъ* изъ дальней Сибири. И отправился человѣкъ съ посольской грамотой. Скоро скажется, не скоро дѣло дѣлается. Пріѣзжаетъ человѣкъ въ дальнюю Сибирь. Входитъ во дворецъ ко князю Гагарину, крестъ кладетъ по писаному, поклонъ ведетъ по ученому, на дви, на три сторонки поклапяется, а князю Гагарину въ особину. Грамоту посульную выкладае на тотъ ли столъ да на дубовой, на ту ль доску да золоченую. Беретъ Гагаринъ грамоту во свои руки и прочиталъ онъ грамоту отъ начала до конца. И сказано въ той грамоты посольной: «Взять *съ камбоемъ*

изо дальной Сибири; Великій Государь его требуетъ». Уберался Гагаринъ изъ дальней Сибири и на рожденное мѣсто пріѣхалъ. Назначенъ день у великаго царя и всѣ войска, што въ Петербургѣ есть на Семеновскій парадъ выставить, и чернядь мужиковъ: кто волей идетъ, а кто неволей, пудить надо. Тутъ весной государь возговоритъ: «Господа енералы и полковники! севоднешней день въ 5-мъ часу будетъ грѣшникъ вѣшаться въ петлю: царица посмотритъ изъ дворца въ окно—и ушибутъ ю омморокн и отведутъ отъ окна, и положатъ ю на кровать въ уголъ». И собрались всѣ войка и множество—чернядь и съ енералами и дворецкимъ ходитъ государь по парату и съ Гагаринымъ Ѳедоромъ—большимъ шуриномъ и съ малолѣтнимъ внукомъ отъ роду 8-ми годовъ. Внукъ и говоритъ дѣдушкѣ: «Дѣдушко, Петръ Алексѣевичъ! Какъ пó Гагаринѣ есть заступщики и печальщики, а по моемъ то родителѣ батюшкѣ, не было не заступщиковъ, не печальщиковъ. Когда строилъ ты, дѣдушко корабль на Васильевскомъ славномъ островѣ, убилъ ты моего родителя батюшка — сына своего на корабельномъ строеніи». И множество народа въ паратѣ и ни хто ничего не говоритъ; множество войсковъ на паратѣ и ни хто ни слова. Одна мушка лéтитъ паратомъ; тотъ только гулъ и слышно и это дѣло былò серёдъ краснаго лѣта. Вдругъ государь вынимаетъ платокъ изъ кармана и подтераетъ у себя глаза; отдаетъ приказъ вѣсить грѣшника въ вѣсѣлицу; устроено мѣсто три ступеньки отъ земли; подняли люди пòдъ руку и подъ другую князя Гагарина на эту площадку. И увидала царица князя Гагарина и ушибли ю омморокн. И повѣсили въ петлю невольника и грѣшника — по царскому слову — и этотъ грѣшникъ висѣлъ въ петли, до куда могла быть кожа на костяхъ цѣла. Кожа прокисла, кости его высыпались на землю. Вдругъ государь даваетъ слово: «Возьмите, сшейте мѣшокъ, съ самой толстой кожи съ воловьей». И взяли мѣшокъ и собрали въ него кости съ петли повѣсили—и висѣлъ этотъ мѣшокъ, докуда не пропалъ. И дивился тутъ народъ, што государь такъ истребилъ сильнаго и славнаго князя Гагарина, пожалѣлъ онъ своихъ вѣрноподанныхъ всѣхъ сибиряковъ вообще. Одного же грѣшника лучше погубить, штобы попленить всю дальнюю Сибирь. Ну, тебѣ старинушку славу поютъ.

Сказка 9-я о томъ, какъ солдатъ спасъ отъ смерти Петра Великаго.

Первый Пётрей былъ охотникъ полѣсовать. Поѣхалъ онъ однажды полѣсовать и въ лѣсахъ заблудился и продлилось времени много и стало темно и попался ѣдучись—выѣхать не можетъ въ свое мѣсто и ѣдетъ втемнѣ, подъ ногама у коня хруститъ и въ небѣ только звѣзды стоятъ. Попался ему солдатъ и тоже заблудящій сидѣлъ подъ елью.

«Што же ты сидишь тутъ, солдатъ?» — Я, говоритъ, заблудился.—А ты кто есть? спрашиваетъ солдатъ. «Я царской охотникъ, полѣсникъ». Ну, и поѣхали оны вмѣстяхъ. Царь впереди, солдатъ въ слѣдъ. И говоритъ царской охотникъ солдату: «Влѣзь въ ель и смотри, не видно ли гдѣ огня на Питеръ». Солдатъ ему отвѣчаетъ:—Я, говоритъ, не матросъ; я пѣхотной солдатъ, пялиться не могу. Ну, опустился Алексѣевичъ съ коня. «Подержи моего коня», говоритъ. Алексѣевичъ. Повсталъ въ ель и высталъ въ саму вершину и осмотрѣлъ: въ одномъ мѣстѣ сіяетъ огонь. Солдатъ сталъ пощупливать около коня и нащупалъ флягу; стряхнулъ, тамъ болтается, оттыкнулъ пробку, понюхалъ—анисовая водка. Да онъ, говоритъ, ѣздитъ и съ запасомъ и приправилъ, съ горлышка попилъ. И опустился Алексѣевичъ на зень и сѣлъ на коня и поѣхали опять — и ѣхали на этотъ огонь. Пріѣхали къ воротамъ, къ стѣны. Солдатъ сталъ стучать въ ворота—и тамъ собаки заревѣли. Солдатъ сталъ на заборъ и пересталъ черезъ заборъ и скочилъ туды на зень и разорвалъ шинель и взялъ оттворилъ ворота и Алексѣевичъ заѣхалъ туды. Пріѣхали къ дому—и вошли. Одна старуха въ домѣ съ дѣвушкой пѣмой. — И солдатъ говоритъ: «Копя намъ надо обрать, мѣста дай». И зажгала фонарь старуха и показала конюшню — и солдатъ лошадь туды обралъ и сѣна далъ лошади. Пришли въ фатеру: «Бабка, давай ужинать намъ». —У меня нéчего, говоритъ, ужинать.—Солдатъ пришелъ къ печки, отворилъ заслонку и тамъ нашелъ гуся жаренаго и взялъ вытащилъ на столъ и въ шкафу нашелъ опять графинъ водки и поставилъ на столъ. «Садись царской охотникъ, Алексѣевичъ!» —и хлѣба баба принесла. Поужинали и надо спокой. У бабки спрашиваютъ, куда намъ спать. — А куда вамъ угодно, говоритъ. Одны двери въ горницу есть; солдатъ поглянь въ горницу, тамъ все одежда окровавлена. Замѣтилъ солдатъ, што дѣло не хорошее и говоритъ, есть ли сѣна бабка, намъ послать подъ себя. И дала бабка сѣна. И какъ шли въ покой, замѣтили на вышку лѣстницу и на вышку выстали и подослали сѣна. Лёгъ Алексѣевичъ и зафырчалъ, заспалъ, а солдату не спит-

ся; сидитъ у окошечка, поглядываетъ на частыя звѣздочки и на свѣтелъ мѣсяцъ. И мало по малу пошелъ шумъ; идутъ люди въ покои—и спрашиваетъ ихъ старуха: каковы вы ходили? Не што, говорятъ. И сказываетъ старуха: што и у меня есть два хорошихъ барашка пойманныхъ. Одинъ хорошъ, а другой еще лучше. А гдѣ оны есть? На вышкѣ, говоритъ спитъ. Надо, говорятъ, ихъ убрать. И одинъ, говоритъ, я пойду уберу: началъ ножи точить. И этотъ солдатъ слышитъ разговоръ ихъ и думаетъ: если разбудить товарища, такъ онъ крутъ, выскочитъ съ вышки, лучше я самъ поуправлюсь; сѣлъ онъ на карачки къ этой лѣстницы и взялъ тесакъ свой. И такъ тотъ пошелъ по лѣстницѣ, слышитъ солдатъ, што идетъ, какъ здымае голову туда на лѣстницу выше, солдатъ сейчасъ же его по шеѣ: голова на вышку, тулово на зень покатилось, и тулово по лѣстницѣ ту-ту-ту къ зени летитъ. Оны, говорятъ разбойники остальныи: видно, говорятъ, знакомы ему, што онъ говоритъ тамъ съ ими. И началъ тутъ другой ножикъ точить, давай-ка я пойду. Также и другова: высталъ на лѣстницу и также солдатъ по шеѣ; опять голова на вышку, а тулово внизъ покатилось по лѣстницѣ ту-ту-ту. Ну, говорятъ остальныи, и тому знакомы. Атаманъ и говоритъ: поди третій; што оны тамъ долго? Ну и третій повысталъ на лѣстницу, опять солдатъ его тесакомъ по шеѣ и голова на вышку, а тулово на зень. Атаманъ говоритъ, видно досталь всѣ знакомы: да-ко я, и тотъ отправился на лѣстницу: высталъ, голову показалъ; солдатъ тесакомъ по шеѣ, голова на вышку, а тулово на зень. И больше солдатъ не слышитъ разговору тамъ никакого. Взялъ своего товарища разбудилъ: стань-ко, говоритъ, царской охотникъ Алексѣевичъ. И высталъ товарищъ его: погляди-ко, што у меня надѣлано, подемъко мы на низъ. Пришли внизъ, ну—видятъ, што разбойническій станъ. Солдатъ приступилъ къ старухѣ, показывай старая чертовка, гдѣ кладовая съ деньгамы. И видитъ старуха, што бѣда не минучая, зажгала фонарь и повела ихъ въ кладовую. Отомкнула. Солдатъ напередъ въ кладовую и за деньгамы опустился и Алексѣевичъ въ слѣдъ туды нагнулся — эдакъ глядитъ и эта нѣмая дѣвка возьметъ ружье и выдетъ на крыльце и стрѣлитъ въ ту кладовую и пуля провизжала выше Алексѣевича. И солдатъ набралъ золота карманы и наклалъ въ пазуху и за ошлага, и куды только могъ класть, и больше класть не куды, и захватилъ двумя пястямы. И говоритъ солдатъ: покажи намъ дорогу, штобы намъ въ Питеръ попасть. И показала ему дорогу. Вотъ этой тропинкой поѣзжайте, будете на большой дорогѣ. И зашелъ солдатъ въ фатеру и эту дѣвочку убилъ и старуху рѣшилъ, и взяли лошадь и поѣхали оны этой тропой. Съѣхали съ этой тропы и выѣхали на большую дорогу. И этотъ Алексѣевичъ—царской охотникъ говоритъ ему: ну, солдатъ, приходи ко дворцу. Ну и уѣхалъ отъ него этотъ Алексѣевичъ, а солдатъ пошелъ по дорогѣ. Вездѣ, гдѣ ѣхалъ царской охотникъ, приказалъ поить солдата безданно, безпошлинно—виномъ, и солдатъ заходилъ по дорогѣ въ кабаки: «Давайте мнѣ-ко-ва выпить вина, у меня денегъ, сколько угодно». И эты кабатчики поятъ его, сколько угодно, и денегъ не берутъ. Заходитъ въ Питеръ, глядитъ карета бѣжитъ; захватили солдата въ окровавленной одеждѣ и посадили его въ карету и привезли ко дворцу и приводятъ къ царю. Стрѣтаетъ его царь, благодаритъ и говоритъ: *«вотъ тебѣ чистая отставка»*; поѣзжай, обери все это имѣніе на этомъ мѣстѣ и все твое дабудетъ это. И послѣ этого живи, какъ знаешь.

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ НА ПУТИ ПО ВОЛГѢ И ЕЯ ПРИТОКАМЪ.

(Три чтенія д. ч. Ф. О. Нефедова.)

I. ОТЪ РЫБИНСКА ДО ПОСАДА ПУЧЕЖА.

Было время, памятное многимъ еще и теперь, когда вся Волга и ея прибрежья представляли картину своеобразной и дѣятельной жизни, отъ которой вѣяло обаяніемъ какой-то дикой, но тѣмъ не менѣе родной и исполненной могучей силы поэзіи. Какъ бѣлыя лебеди, величаво и красиво, одна за другою, плыли по рѣкѣ расшивы; весело и, какъ будто, играя, выбѣгали слѣдомъ за ними разукрашенныя флагами барки и дощаники, скользили по водѣ рыбачьи лодки, виднѣлись развѣшанные по берегу невода и мережи; неустанно, съ утра и до поздней ночи, раздавался громкій людской говоръ, перемѣшанный съ бурлацкой бранью, и отъ

одного берега къ другому и по всему теченію Волги неслась пѣсня, то грозными и пугающими уханьями раздававшаяся въ ущельяхъ горъ, то стономъ разносившаяся по широкому пространству луговой стороны. А съ обоихъ береговъ, откуда привѣтливо глядѣли селенія, неслись на встрѣчу другія пѣсни; пестрѣли среди яркаго ковра зелени наряды сельскихъ дѣвицъ, водившихъ хороводы, и слышались тихіе мелодическіе звуки нашей балалайки и гармоники. Не было деревни, гдѣ не разсказывались бы преданія старины и гдѣ не было бы своей самобытной жизни.

Не то представляетъ Волга въ настоящій моментъ. Чуть не на 500—верстномъ пространствѣ своего теченія, отъ Рыбинска и до Нижняго-Новгорода, она безлюдна и глубоко безмолвна *). За долгій лѣтній день пробѣгутъ по ней, дымясь и сердито вспѣнивая колесами воду, три-четыре парохода, послышится свистокъ, мелкнетъ гдѣ нибудь черной точкой небольшое суденышко, лѣнивой и безобразной массой протащится поперегъ рѣки паромъ—и все, больше ужъ ничего не услышишь и не увидишь. Только ранней весной, во время разлива водъ, когда вся природа пробуждается отъ долгаго зимняго сна и цѣлыми тысячами радостныхъ звуковъ наполняетъ воздухъ, оживаетъ на время и Волга; но пройдутъ караваны судовъ, доставятся на мѣсто грузы — и опять все заснетъ, замолкнетъ и еще ощутительнѣе становится тишина и безлюдье.

Куда же съ Волги ушла прежняя и многошумная ея жизнь, и что́ такъ обезлюдило и осиротило нашу великую рѣку?

Отвѣтомъ на эти вопросы будетъ служить наше знакомство съ Поволжьемъ въ его современномъ состояніи.

Если мы взглянемъ на карту нашей страны, то увидимъ, что обѣ губерніи, Ярославская и Костромская, занимаютъ сѣверныя окраины Европейской Россіи. Волга, по берегамъ которой онѣ расположены, раздѣляетъ ихъ въ географическомъ отношеніи на двѣ части: сѣверовосточную и югозападную. Первая своими краями соприкасается съ подошвами сѣверныхъ уваловъ, представляющихъ длинную цѣпь плоскихъ возвышенностей; эта цѣпь соединяетъ Валдайскія горы съ Уральскими и составляетъ естественный водораздѣлъ между бассейномъ Волги и бассейномъ Ладожскаго озера и сѣверной Двины. Здѣсь, почти при самой подошвѣ сѣверныхъ уваловъ, начинаются дремучіе лѣса, покрывающіе громадныя пространства болотистой почвы, заключающей въ своихъ нѣдрахъ еще никѣмъ не тронутыя богатства руды и торфа. Вторая часть, югозападная, имѣетъ видъ однообразной и печальной равнины, мѣстами испещренной незначительными возвышеніями, а болѣе котловинами и низменностями. Какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе и темнѣющіе кое гдѣ пни свидѣтельствуютъ, что и тутъ когда то были лѣса. Почва земли, какъ въ той, такъ и другой части, одинаково бѣдна, одинаково неплодородна, и трудъ хлѣбопашца, не смотря на чрезмѣрную затрату силъ, вознаграждается крайне скудно. Если мать-природа была къ намъ вообще сурова, то по отношенію къ жителямъ двухъ, взятыхъ нами, губерній она отличалась неумолимой жестокостью мачихи, съ непривлекательнымъ образомъ которой мы встрѣчаемся и въ пѣснѣ, и въ сказкѣ нашего народа. Неблагодарная почва, бѣдность и нескончаемая борьба за существованіе рано заставили мѣстныхъ жителей искать другихъ средствъ къ жизни, помимо земледѣлія. Въ лѣсной сторонѣ на помощь явился лѣсъ, который сдѣлался предметомъ различныхъ мѣстныхъ промысловъ, а въ безлѣсной начался «отходъ на сторону», для заработковъ въ столицы, за Уралъ и въ Сибирь. Прибрежное населеніе все жило на Волгѣ и кормилось Волгою. Эпитеты «матушка», «кормилица» не раздѣльны въ устахъ народа съ существительнымъ Волга и до сихъ поръ еще имъ не забыты. Рыболовство, судостроеніе, витье канатовъ, ковка гвоздей, хожденіе на судахъ — вотъ перечень только главныхъ промысловъ, которыми занимались прирѣчные жители. Но самымъ любимымъ промысломъ было «ходить на судахъ». Какъ ни тяжелъ былъ этотъ трудъ, какимъ опасностямъ ни подвергался человѣкъ въ своемъ плаваніи, но житель прибрежья, особенно молодой парень, непремѣнно шелъ на Волгу. Не одинъ только заработокъ привлекалъ рабочихъ на судоходные промыслы. Волга манила его своими дивами, прекрасными мѣстами, разсказами о чудесахъ и пѣснями вольными. Рѣка жила и пѣла. Такъ шло до введенія пароходства. Пароходы убили рѣчное судоходство, какъ потомъ, нѣсколько позднѣе, желѣзныя дороги нанесли сильный ударъ и пароходству. Прибрежное населеніе вдругъ очутилось безъ дѣла, ему нужно было приниматься за другой трудъ.

Но вотъ въ мѣстную жизнь входитъ новый элементъ.

*) Исключеніемъ служитъ лишь Рыбинскъ, съ богатой и хлѣбной пристанью.

Близость большой рѣки, обиліе лѣсовъ и дешевизна рабочихъ рукъ привлекаютъ сюда капиталъ. Постепенно начинаютъ возникать по прибрежнымъ городамъ и селеніямъ большія мануфактуры, фабрики и заводы. Въ двадцать, тридцать лѣтъ все Поволжье отъ Рыбинска и до Пучежа, покрывается фабричными зданіями, кабаками, и пивныя и трактиры усыпаютъ собою берегъ. Поволжье принимаетъ новый характеръ, характеръ чисто фабричный. Мужчины и женщины идутъ работать на фабрику и заводъ; другіе, не находя работы вблизи на фабрикахъ, отправляются на желѣзныя дороги и въ отдаленные промышленные центры. Какъ много занято работой на сторонѣ, можно видѣть изъ данныхъ статистики. Въ Ярославской губерніи за 1872 годъ было выдано паспортовъ и билетовъ 133,014, что составляетъ болѣе 13% всего населенія, численность котораго простирается до 990,690 человѣкъ. Всѣ здоровыя и лучшія силы на фабрикахъ и заводахъ; поля обработываются женщинами и дѣтьми, если только фабрики и этихъ послѣднихъ не взяли къ себѣ, и вся тяжесть домашняго и сельскаго хозяйства обрушивается на голову труженицы-женщины. Земледѣліе, которое и раньше не было въ цвѣтущемъ состояніи, теперь дошло до крайней степени упадка: средній урожай едва приходитъ «самъ-третей». Отъ прошлогодняго (за 1872 г.) сбора у крестьянъ Ярославской губерніи озимаго не только не осталось на сѣмена, но даже не хватало до января мѣсяца, и большинство населенія питалось однимъ молокомъ и картофелемъ. Мѣстные промыслы по прибрежьямъ Волги совершенно упали, и остались въ однихъ глухихъ и отдаленныхъ уѣздахъ.

Новыя условія жизни не замедлили отразиться и на движеніи народонаселенія. За 1872 г. во всей губерніи родилось 43,862 человѣка, а умерло 39,128 человѣкъ. Такимъ образомъ естественная прибыль населенія будетъ 4,730 человѣкъ обоего пола, что едва составитъ 0,47% всего населенія губерніи. При этомъ нужно замѣтить, что число родившихся сравнительно съ числомъ умершихъ превышаетъ въ однихъ уѣздахъ, т. е. въ сельскомъ населеніи; въ городахъ же смертность беретъ перевѣсъ надъ родившимися. При счетѣ по возрастамъ, наибольшая смертность выпадаетъ на долю дѣтей до пяти лѣтъ включительно. По отношенію къ общему числу умершихъ въ губерніи, смертность дѣтей достигаетъ 66,00%. И этотъ фактъ не случайный. Такъ, за десять лѣтъ средняя цифра ежегодно умирающихъ въ губерніи 43,164 человѣкъ, а въ частности до пятилѣтняго возраста 23,479, что даетъ 60,00% общаго числа смертности. Это фактъ поражающій и едва ли гдѣ возможный въ другихъ странахъ Европы. Такъ, мы знаемъ, что въ Пруссіи умираетъ дѣтей въ этомъ возрастѣ 37,08, а въ Англіи 39,07; слѣдовательно, у насъ умираетъ почти вдвое больше.

Совершенно аналогичныя явленія, за весьма незначительными колебаніями, представляетъ и Костромская губернія.

Какой же интересъ для этнографа имѣетъ эта часть Поволжья? Что могло сохраниться въ бытѣ мѣстнаго селенія подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій и что могла создать жизнь новаго, на чемъ бы остановился наблюдатель?

Взглянемъ сперва на города.

Всѣ города на данномъ пространствѣ, по плану и архитектурѣ зданій и построекъ, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ фабричныхъ городовъ. Тѣ же каменные и деревянные дома, съ неизбѣжными мезонинами, тѣ же выкрашенныя желтой краской казенныя зданія и тѣ же длинные и многоэтажные красные корпуса фабрикъ, съ высокими красными трубами, непрерывно выбрасывающими изъ себя черныя облака дыма. Жизнь городовъ отличается безцвѣтностью; общественный и частный бытъ лишены почти всякаго содержанія и интереса. Преданія и обычаи исчезли; характерныя городскія увеселенія замѣнились скучными гуляньями по бульварамъ и городскимъ садамъ, гдѣ люди не знаютъ, куда дѣваться отъ скуки, и молча созерцаютъ другъ друга или сплетничаютъ. Народной пѣсни больше не слыхать: мѣщане и мѣщанки распѣваютъ чувствительные романсы или фабричныя пѣсни, съ которыми мы познакомимся ниже. Сохранились одни религіозныя празднества, учрежденныя въ память избавленія то отъ мороваго повѣтрія, то отъ пожаровъ, то отъ другихъ бѣдствій, какимъ подвергался народъ въ своей исторической жизни. Такими празднествами, въ большинствѣ случаевъ, являются крестные ходы, которые бываютъ въ лѣтнее время: въ Ярославлѣ ихъ насчитываютъ до тридцати, а въ Костромѣ ровно сто. Рядомъ съ религіозными христіанскими празднествами въ нѣкоторыхъ городахъ еще замѣтны остатки языческихъ празднествъ, которыя впрочемъ языческими остаются больше по названію, чѣмъ по своему характеру. Не вымерли одни суевѣрія и предразсудки

Теперь познакомимся съ этими явленіями въ ихъ послѣдовательности.

Остановимся на крестныхъ ходахъ.

Въ Костромѣ они раздѣляются на «генеральные» и «частные». Первые совершаются изъ Успенскаго собора съ полнымъ церковнымъ благолѣпіемъ и торжественностью; въ нихъ участвуетъ все городское духовенство и присутствуетъ самъ архіерей. Послѣдніе направляются изъ собора къ приходскимъ церквамъ, но безъ особеннаго великолѣпія. Горожане и громадныя толпы крестьянъ окрестныхъ и дальнихъ селеній стекаются на эти празднества. Самое событіе, въ память котораго совершается празднество, горожанами и народомъ забыто: они собираются, потому что *такъ* было изстари заведено, что ихъ отцы, дѣды и прадѣды всегда ходили.

Накапунѣ дня крестнаго хода изъ деревень и селъ приходятъ въ городъ мужчины и женщины, привозятъ на телѣжкахъ прокаженныхъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ. Народъ густыми толпами, составляющими не одну тысячу человѣкъ, располагается кругомъ собора, на берегу рѣки и около трактировъ. Вся эта масса ждетъ перваго удара колокола. Едва загудѣлъ большой соборный колоколъ, какъ толпы стремительно направляются въ храмъ; на церковный благовѣстъ спѣшатъ со всѣхъ сторонъ и мѣстные жители. Во все продолженіе церковнаго богослуженія, толпы, не переставая, входятъ въ церковь и выходятъ, снова возвращаются и снова выходятъ; онѣ перебываютъ во всѣхъ городскихъ храмахъ, осмотрятъ украшенія и разсядутся на ступеняхъ церковныхъ папертей и на травѣ въ оградѣ, въ ожиданіи конца службы. Прокаженные и увѣчные, показывая свои изуродованные члены, не умолкая, взываютъ гнусливыми голосами къ благотворителямъ о подаяніи. Богослуженіе окончилось, горожане возвращаются по домамъ, а сельскій людъ располагается ночевать въ въ оградѣ и на берегу рѣки, а нѣкоторые идутъ на постоялые дворы. На слѣдующій день, рано утромъ, опять толпа осаждаетъ соборъ и опять ждутъ окончанія церковнаго служенія. Обѣдня кончилась, вынесли хоругви и иконы, показался духовный чинъ, процессія тронулась,—и народъ повалилъ за крестнымъ ходомъ, вздымая ногами густыя тучи пыли. Обошли городъ, воротились опять къ собору и народъ расходится по разнымъ направленіямъ. Любимымъ мѣстомъ для него служитъ въ Костромѣ, такъ называемая, *масляная* или *молочная* гора, идущая отъ берега Волги и соединяющаяся съ Сусанинскою площадью, и городской садъ. Молочной горой народъ пользуется весь день, но общественный садъ доступенъ для него только до трехъ часовъ: передъ вечеромъ сюда собираются горожане и «деревенщину» изъ сада выгоняютъ. Въ прежнее время, не далѣе какъ лѣтъ десять назадъ, парни и дѣвушки пѣли пѣсни, водили хороводы и играли въ разныя игры. Но блюстительница общественнаго благочинія и тишины, мѣстная полиція, признала непристойными подобныя увеселенія въ городѣ и запретила не только хороводы, но и пѣсни. Такимъ образомъ деревенской молодежи осталось только ходить и «прогуливаться».

Обыкновенно это бываетъ такъ: прежде всего парни съ дѣвками зайдутъ въ ближайшіе трактиры, накушаются всласть чаю, забѣгутъ по дорогѣ купить подсолнечныхъ зеренъ и орѣховъ, и, затѣмъ, дѣвки въ своей компаніи, а парни въ своей, направляются въ городской садъ. Парни одѣты въ шелковыя или красныя ситцевыя рубашки, пестрыя шелковыя жилетки съ цвѣтной спинкой, плисовыя шаровары, заправленные за свѣтлыя голенища сапогъ; пальто перекинуто черезъ плечо и у многихъ въ рукахъ большіе дождевые синіе зонты. Они прохаживаются по аллеямъ сада, больше по двое и обнявшись, и порой заходятъ въ дѣвичью компанью и заводятъ разговоры. Дѣвицы обыкновенно сидятъ или на скамейкахъ въ аллеяхъ, или въ бесѣдкѣ и на травѣ. Костюмъ ихъ состоитъ изъ дешеваго шерстянаго или ситцеваго платья, кофты, длиннаго фартука, головнаго платочка съ набивными цвѣточками или зеленаго цвѣта. Платье ихъ, скроенное и сшитое домашней портнихой, не чуждо покушенія на моду: у многихъ даже встрѣчаются зачатки панье. Обуты онѣ въ башмаки, ботинки и нерѣдко съ мѣдными подковками. Почти у каждой дѣвушки шерстяной и непремѣнно зеленаго цвѣта зонтикъ, который впрочемъ она никогда не распускаетъ, какъ бы ни палило и ни жгло ее солнце. Послѣднее дополненіе туалета составляютъ фильдекосовыя перчатки, которыя уже ни въ какомъ случаѣ не снимаются. Красотой лица, надо сказать, прекрасный полъ Костромской и Ярославской губерній не отличается, но за то природа въ избыткѣ надѣлила ихъ структурой: сильно развитая грудь, мощные члены и здоровая мускулатура такъ и кидаются въ глаза. Сидятъ онѣ полукругомъ или въ рядъ и грызутъ орѣхи. Вотъ подходятъ парни, берутся за козырекъ фуражки и говорятъ:

— Здравствуйте. Что сидите?

— Сидимъ, отвѣчаетъ которая нибудь изъ компаніи. А ты гдѣ гулялъ?

— Да съ Сенькой сейчасъ въ трактирѣ сидѣли. Сколько тамъ нашихъ, страсть!—А Микитка Петровъ напился, и очень надъ женой куражится.

— Какъ же онъ куражится?

— Я, говоритъ, тебѣ мужъ; ты, говоритъ, должна уважать меня, потому я у перваго купца въ прядильщикахъ состою. Ты, говоритъ, какъ есть деревенщина, а я первый мастеръ на фабрикѣ!

— А она ему что?

— А она? Извѣстно, что она—баба. Я, говоритъ, къ тебѣ нарочно изъ деревни пришла, чтобы съ тобой свидѣться, а ты только лаешься.

Разговоръ замолкаетъ. Дѣвки щелкаютъ орѣхи, а парни глазѣютъ по сторонамъ.

— Скоро, парни, къ домамъ-то думаете? нарушаетъ молчаніе та же дѣвица.

— Да не знаемъ: погуляли-бы, да ужъ всѣ мѣста обошли: и въ трактирахъ были, и въ балаганѣ Петрушку глядѣли.

— Знамо, веселій большихъ нѣтъ. Кабы льзя, такъ основу *) бы завести: въ саду было бы гдѣ разойтись и пѣсенокъ поиграть.

— Попробуй-ка, начни, такъ унтеръ-то вотъ онъ стоитъ!—Сейчасъ тебя къ мировому.

Подходитъ еще парень и, ни слова не говоря, прямо одну изъ дѣвокъ по спинѣ.

— Что ты, аль сбѣсился?

— Съ праздникомъ, дура!

— То-то съ праздникомъ. Чай, здѣсь не въ деревнѣ, баловать не велятъ.

Парень съ тѣмъ-же привѣтствіемъ обращается къ другой, къ третьей и т. д. Дѣвки поднимаютъ визгъ.

По аллеямъ парами прогуливаются деревенскіе «молодые», держа другъ друга за руку.

— Гляньте-ко: никакъ это наши, Петрунька съ своей молодой!

— Они и есть. Какая молодая-то нарядная!

Къ тремъ часамъ въ садъ появляются городскіе жители, разряженные по праздничному, и начинается утомительное и монотонное хожденіе взадъ и впередъ по одной и той же аллеѣ. Скука невыносимая!

Точно такой же характеръ носятъ эти празднества и въ другихъ городахъ Поволжья.

*) Основа—хороводъ.

Къ остаткамъ язычества относится празднество въ честь бога Ярилы. Обычай праздновать Ярилѣ сохранился въ Костромѣ и Кинешмѣ. Время для празднества послѣднее воскресенье, передъ Петровскимъ постомъ. Костромичи, преимущественно мѣщане и рабочіе, а также крестьяне сосѣднихъ деревень, въ этотъ день собираются на поляну, которая подлѣ самаго города и называется «Яриловкой». Еще наканунѣ здѣсь устраивается выставка съ продажей спиртныхъ напитковъ, балаганы съ блинами и палатки съ всевозможными дешевыми лакомствами. Все празднество заключается въ необычайной толкотнѣ, выпивкѣ и нескладномъ распѣваніи фабричныхъ пѣсенъ. Въ толпѣ часто раздаются фразы:

— Что, и ты пришелъ Ярилу погребать?

— А то зачѣмъ же?

— Ну, братъ, а мы Ярилу безъ тебя погребли. Ей Богу! Гляди: видишь, что въ карманѣ? и при этомъ мѣщанинъ выворачиваетъ пустой карманъ.

Я старался узнать, нѣтъ ли какихъ преданій о Ярилѣ и о происхожденіи самаго праздника. Послѣ долгихъ и безполезныхъ попытокъ, вотъ что я узналъ отъ одного костромскаго старожила.

— Былъ у насъ, въ Костромѣ одинъ горожанинъ, разсказывалъ мнѣ мѣщанинъ. Звали его Яриломъ. Былъ этотъ Ярило веселаго нрава человѣкъ: какъ праздникъ, онъ безпремѣнно гульбище, али веселье какое затѣетъ. Народу къ нему—нисть числа, сколько завсегда собиралось. Веселье было великое. Жилъ этотъ Ярило долго, лѣтъ до полутораста, а потомъ и умеръ. Ярило умеръ, а гульбищъ его народъ не забылъ и каждый годъ сталъ справлять по Ярилѣ поминки. Только, какъ самъ Ярило былъ человѣкъ веселый, то и поминки по немъ народъ справлялъ тоже веселыя, а самое мѣсто, гдѣ народъ тѣшился при Ярилѣ, прозвали Яриловкой. Такъ вотъ, кто былъ Ярило, и почему народъ ему празднуетъ.

— А давно жилъ этотъ Ярило?

— Давно. Мнѣ ужь вотъ седьмой десятокъ на исходѣ, а я его не засталъ. Давно!...

Въ Кинешмѣ этотъ праздникъ справляется за рѣчкой Кинешемкой, на красивой гористой мѣстности, покрытой лѣсомъ. Посерединѣ лѣса есть поляна, на которой и происходитъ торжество. Это мѣсто называется «Яриловой плѣшью». Празднуютъ Ярилѣ два дня: въ первый день идутъ встрѣчать Ярилу, а на второй—погребать.

Какъ радостная встрѣча, такъ и печальныя похороны сопровождаются страшной попойкой. Возвращаясь съ празднества встрѣчи, всѣ поютъ пѣсни, но не о виновникѣ торжества, а кому что на умъ взбредетъ. Многіе цѣлуются и поздравляютъ другъ друга.

— Со встрѣчей Ярилы!

— И васъ равнымъ образомъ!

— Слава Богу, встрѣтили батюшку!

При похоронахъ Ярилы многіе плачутъ, особенно кто успѣлъ больше выпить.

—Погребли, батюшку, говорятъ плакальщики, обливаясь слезами.—Приведетъ ли намъ Господь опять то его встрѣтить.

Разсказываютъ, что два года года назадъ, дѣлали большую куклу, которую народъ носилъ во время самаго празднества и потомъ зарывали ее въ землю. Но мѣстное духовенство и полиція возстали противъ изображенія Ярилы, и кукла теперь больше не появляется. Пѣсенъ и преданій о Ярилѣ никакихъ не помнятъ. Впрочемъ, когда станешь ужъ очень допытываться,— кто былъ этотъ Ярила, то кинешемцы скажутъ, что Ярило былъ какой то страшный разбойникъ....

Народныя суевѣрія и предразсудки, всевластно охватившіе населенія Поволжья, выражаются въ молитвахъ, заговорахъ, заклятьяхъ и т. п. Они преслѣдуютъ двѣ цѣли: или принести человѣку пользу, или вредъ. Приведу здѣсь немногія.

Молитва отъ зубной боли.

«У кого зубы болятъ, рцы молитву: Господи Іисусе Христе! Радуйся, стѣно каменное, и сію ими болѣзнь отъ моихъ челюстей и отъ зубъ раба Божія (имя рекъ). Да не обратится стѣно во вѣки, Христе, дондеже мнѣ помощь и здравіе болящему главою и зубомъ у раба Божія (имя рекъ). Молитвами Богородицы и святителя Христова Антипы, буди помощникъ скорби моей; я, рабъ, тебѣ свою просфиру отсылаю и всѣмъ святымъ твоимъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Отъ жала змѣинаго слово.

«Гаде, ты гаде, бумажное тѣло, сахарныя уста, на духи, наговоры! Гаде, ты гаде, возьми свое сѣмя и ревность. Задулъ, заговорилъ, какъ скоро съ меня пала на земь, такъ скоро поди вонъ жало змѣиное изъ раба Божія (имя рекъ). Аминь». Говори сіе трижды.

Отъ трудныхъ родовъ.

«Аще жена не можетъ родить дитя, то напиши на чревѣ ея сіи слова: «помяни, Господи, сыны Едомскіе во дни Іерусалимовы, глаголюще: истощайте!» Напиши и дай ей за пазуху.

Противъ клоповъ употребляютъ такое средство.

Въ полночь одна изъ живущихъ въ домѣ женщинъ, гдѣ водятся клопы, садится верхомъ на кочергу и объѣзжаетъ кругомъ домъ три раза и спрашиваетъ:

— Кто въ домѣ есть?

Изъ окна таинственный голосъ отвѣчаетъ:

— Клопъ клопа ѣстъ.

Въ третій разъ объѣзжающая спрашиваетъ:

— Кто въ домѣ есть?

— Послѣдній клопъ клопа ѣстъ.

И клопы непремѣнно переведутся. Никто изъ живущихъ въ домѣ, кромѣ заговорильщиковъ, не долженъ знать про эту тайну: иначе заговоръ не подѣйствуетъ! Замѣчательно то, что приведенный заговоръ въ большомъ ходу въ самой Костромѣ, между купцами и мѣщанами.

Вѣра въ подобные заговоры не поколебима, какъ въ городскомъ, такъ и сельскомъ населеніи.

Переходя отъ жизни городовъ къ жизни селъ и деревень верхняго Поволжья, наблюдатель прежде всего встрѣчается съ чудовищной подражательностью городскимъ жителямъ и погонею за новизною. Нужно подивиться интенсивности силы вліянія городовъ и фабрикъ, уничтожившей въ 20—30 лѣтъ въ сельскомъ населеніи даже обрядовую сторону, съ которой русскій народъ менѣе всего способенъ разстаться. Такъ на сельскихъ свадьбахъ, во время дѣвишниковъ, вмѣсто сговоренныхъ или свадебныхъ пѣсенъ, дѣвушки танцуютъ нѣчто въ видѣ полекъ и распѣваютъ пѣсни изданія Никольской улицы (въ Москвѣ) и Апраксина двора! Но какъ ни поразительна утрата самобытности въ прибрежномъ населеніи, тѣмъ не менѣе, однако, жилка народной жизни вдругъ себя проявитъ и прольетъ свѣтъ на прошлое. Вотъ одинъ изъ наличныхъ обычаевъ, не успѣвшій еще умереть и указывающій на богатство элементовъ, изъ которыхъ когда то складывалась жизнь народа...

Въ Ярославлѣ до сихъ поръ существуетъ обычай выставки деревенскихъ молодыхъ. Ежегодно, на масляницѣ, въ понедѣльникъ, пріѣзжаютъ изъ окрестныхъ деревень и селъ новобрачные, и устанавливаются на Рож-

дественской улицѣ рядами попарно. Новобрачные пары, въ продолженіе трехъ, четырехъ часовъ, стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Это стояніе называется *столбами*. На столбахъ, молодухи и ихъ мужья показываютъ все, что у нихъ есть дорогаго и красиваго изъ одежды. Если у молодаго двѣ шубы, онъ надѣнетъ одну въ рукава, а другую накинетъ на плечи. Женщина наряжается во всѣ, какіе только есть у ней, праздничные сарафаны или платья, надѣваетъ нѣсколько шубъ, и если всѣ не могутъ на нее взойти, то лишнія держитъ въ рукахъ. На головѣ также множество платковъ и различныхъ украшеній. Бѣдные, которымъ не въ чемъ показаться на столбы, берутъ на подержаніе у болѣе зажиточныхъ, и являются на столбы въ чужомъ платьѣ. Обычай этотъ стародавній, и никто о началѣ его не запомнитъ. Ярославскіе горожане подсмѣиваются надъ крестьянами и ходятъ смотрѣть столбы, чтобы вдоволь натѣшиться надъ необразованной деревенщиной. Часа въ три за полдень столбы отправляются распивать чай. Всѣ сосѣдніе трактиры не успѣваютъ запасаться горячей водой: выходитъ въ нѣкоторыхъ до 15 бочекъ—сороковедерныхъ.

Не входя въ разсмотрѣніе соціальнаго значенія «столбовъ», которое за ними признать слѣдуетъ, мы видимъ въ этомъ обычаѣ другую сторону, рѣзко бросающуюся въ глаза и имѣющую чисто юридическое значеніе. Молодые люди, только вступившіе въ бракъ, заявляютъ передъ *міромъ*, *публично*, и притомъ *безъ различія пола*, о своей правоспособности,—правѣ семейномъ и вѣчномъ: съ одной стороны передъ міромъ выступаютъ мужъ и жена, а съ другой—оба супруга показываютъ свое имущество, какое каждый изъ нихъ имѣетъ. Дальше, когда перейдемъ къ этнографіи притоковъ Волги, мы встрѣтимся съ аналогичнымъ явленіемъ въ одномъ свадебномъ обычаѣ, который точно также носитъ на себѣ печать глубокой старины.

Затѣмъ, вглядываясь въ жизнь селеній и деревень Приволжья, ничего не остается сказать, какъ только повторить: вездѣ бѣдность и исчезновеніе элементовъ самобытной народной жизни!

Вліяніе городовъ и фабрикъ сильно отразилось и на пѣснотворчествѣ. Чисто народная пѣсня еще не умерла въ сельскомъ населеніи прибрежья, ее услышишь рядомъ съ пѣсней искусственною, но содержаніе ея уже измѣнилось и измѣнилось не въ пользу послѣдней. Что народное пѣснотворчество живетъ — краснорѣчивымъ тому доказательствомъ можетъ служить созданіе особаго вида пѣсни—пѣсни фабричной.

Что же это за *новая* пѣсня, создавшаяся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ условій соціальной и экономической жизни?

Пѣсня—это душа человѣка: въ ней онъ разсказываетъ самыя сокровенныя тайны сердца, изливаетъ чувства радости и горя, выражаетъ свои завѣтныя и дорогія мечты, разсказываетъ о великихъ событіяхъ и воспѣваетъ подвиги своихъ героевъ.

О чемъ же поетъ прибрежное населеніе Волги отъ Рыбинска до Пучежа, и какіе идеалы рисуетъ намъ *новая* пѣсня? Прислушайтесь, что поетъ дѣвушка, сидя въ отцовской избѣ:

«Пожила-бъ я, молоденька,
Безъ горя недѣльку!
Да напередъ меня, младеньки,
Горе зародилось:
Надъ Ванюшиной головкой
Горе совершилось.
Не за разумъ Ваня взялся,
Пропилъ, промотался (bis),
Въ солдаты продался» и д. т.

А вотъ какъ парень прощается съ своей любушкою:

«Сидѣлъ Ваня на диванѣ,
Стаканъ рому наливалъ;
Не наливши съ полстакана,
Самъ за Катенькой послалъ.
— Раздуша ль, моя Катюша,
Обѣщай свою любовь!
Я любилъ тебя три года
Все за кротость за твою;
А теперь лишь спокидаю:
Жить я ѣду въ Петербургъ.
Петербургъ городъ привольный,
Всё трактиры, кабаки» и т. д.

Обѣ пѣсни говорятъ сами за себя и всякіе коментаріи излишни. Слѣдующая пѣсня рисуетъ намъ картину жизни цѣлаго сословія фабричныхъ рабочихъ:

Бѣжитъ рѣчка по песку
Ко фабричному двору.
Фабриканты-музыканты *)
Хоть голы да удалы.
На рукахъ-то кандалы,
На ногахъ-то сапоги.

*) Такъ рабочіе величаютъ себя

Многомудренные,
Припапудренные!
Они ткутъ салфетки
Все на разныя па клѣтки.
Опи сукна спотыкали,
Всѣ кафтаны спошивали.
Намъ не дороги кафтаны,
У насъ денежки въ карманѣ:
Цѣлковые по мѣшкамъ
Не даютъ спать но ночамъ,
Въ полночь денежки гремятъ,
Намъ въ кабакъ идти велятъ!
Мы подходимъ къ кабаку,
Цѣловальникъ на боку.
— Цѣловальникъ-маркитантъ!
Отпирай новый кабакъ,
Пускай бравыехъ ребятъ;
Наливай вина осьмуху,
Наберемся его духу,
Мы ударимъ сами въ ухо,
Сами вонъ пойдемъ,
Цѣловальника прибьемъ,
Домой пьяные пойдемъ».

Но дорогою «фабриканты-музыканты» вспомнили, что у нихъ еще не все пропито:

«У насъ шуба нова есть —
Не домой намъ её несть».

И рабочіе снова возвращаются:

— Цѣловальникъ-маркитантъ!
Отпирай новый кабакъ,
Принимай шубу во закладъ».

Но видно плохо у пивуновъ лежитъ сердце къ «дому», какъ они называютъ свои фабрики; опротивѣло, должно, имъ житье-бытье фабричное и воротитъ ихъ отъ «фабричнаго двора». Заключеніе пѣсни какъ нельзя болѣе гармонируетъ, если позволительно здѣсь такъ выразиться, съ цѣлымъ произведеніемъ:

«На заводѣ мы живали,
Мелки деньги получали;
Мѣдны деньги, пятаки —
Отнесемъ ихъ въ кабаки»!

Такова картина фабричнаго быта. Мрачная картина! Что́ можно встрѣтить безотраднѣе по содержанію и циничнѣе по формѣ этой пѣсни? А иронія, съ какой фабричные относятся къ своему положенію — страшная иронія, отъ которой кровь стынетъ въ жилахъ и останавливается въ груди біеніе сердца!...

Фабрики, кабаки, трактиры и, неразлучный съ ними, грубый развратъ — вотъ темы и предметы народнаго пѣснотворчества фабричнаго населенія Поволжья. Подобнаго содержанія пѣсни распѣваютъ на фабрикахъ и заводахъ, поютъ ихъ по деревнямъ и селамъ, на нихъ воспитываются подростающія поколѣнія и дѣти!...

Но въ массѣ фабричныхъ пѣсенъ, съ образцами которыхъ мы только познакомились, нарождаются уже и другія. Есть одна пѣсня, которая бросаетъ лучъ надежды. Начинается она такъ:

«На заводѣ мы живали,
Много денегъ получали,
Много денегъ получали,
Сотъ по восемъ рублей въ годъ;
И того мнѣ не хватало —
Пятьдесятъ рублей въ оброкъ.
Я съ хозяиномъ разсчелся,
Ничего мнѣ не пришлось.
Изъ конторы вонъ пошелъ,
Кулакомъ слезы утеръ.
— Ты прощай, прощай, хозяинъ,
Со заводомъ со своимъ,
Со заводомъ со своимъ
Со директоромъ глухимъ!»

Восьмисотенный работникъ отправляется домой, въ деревню. Онъ вспоминаетъ о фабрикѣ, какъ гулялъ тамъ по трактирамъ, сколько у него было «мамошекъ» (любовницъ) и т. п.; но вотъ онъ приходитъ въ деревню, гдѣ его встрѣчаютъ земляки и совѣтуютъ пахать родное поле. И прежній фабричный снова принимается за соху и борону.

Мысль пѣсни ясна: не фабрика кормилица русскаго человѣка, а матушка земля, въ ней лежитъ его благосостояніе и задатки его лучшаго будущаго, какъ народа. Народъ понялъ, что всѣ фабрики и заводы только выжимаютъ изъ него здоровые соки и деморализуютъ человѣка, не давая ему въ замѣнъ ровно ничего. Но чѣмъ выразится это сознаніе въ самой жизни фабричнаго населенія, и какое новое направленіе приметъ жизнь — сказать трудно, — тѣмъ болѣе, что этнографія страны не стоитъ отдѣльно, а тѣсно связана съ условіями экономическими, политическими и другими, могущими если не совершенно уничтожить, то измѣнить или за-

держать развитіе новыхъ началъ, которыя успѣли обозначиться въ жизни народа...

II. ОТЪ ПОСАДА ПУЧЕЖА ДО КАЗАНИ.

Еще не достигая заштатнаго города Плеса, нагорный берегъ Волги, до тѣхъ поръ не представлявшій ничего, кромѣ отлогостей и покатостей, начинаетъ расти, поднимается все выше и выше и переходитъ въ цѣпь значительныхъ возвышеній. Едва пароходъ, круто повернувъ въ своемъ направленіи, обогнулъ мысъ, заслонявшій собою даль, какъ сверкнули на солнцѣ кресты, показались съ высокихъ горъ храмы и выглянули изъ за густой зелени городскіе дома. Это — Плесъ. Чѣмъ ниже мы спускаемся, тѣмъ красивѣе и разнообразнѣе становится правый берегъ и мѣстами высоко поднимается лѣвый. Волга то идетъ вдоль гористаго берега, то убѣгаетъ отъ него и, широко разливаясь, несется мимо луговъ и полей, то снова возвращается; замкнутая среди высокихъ береговъ, она какъ будто бы перестаетъ гнать свои тихія воды, остановилась и заснула во всемъ величіи своей чудной и нѣмой красоты.

По мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ посада Пучежа, характеръ приволжскихъ селеній измѣняется. Фабричныхъ зданій съ безчисленными окнами и чудовищными трубами больше не видать; вмѣсто нихъ о бокъ съ городами и селеніями попадаются разные заводы, широко размахиваютъ своими крыльями вѣтряныя мельницы и слышно какъ стучатъ, ворочая жерновами, водяныя и паровыя мельницы. Кабаки и другія увеселительныя заведенія хотя и заявляютъ о своемъ существованіи, но далеко не въ такой степени, какъ въ Поволжьѣ фабричномъ. Въ расположеніи построекъ мы замѣчаемъ разнообразіе, обусловливаемое самой природой. Тамъ, въ одномъ мѣстѣ, строенія начинаются съ вершины горы и сползаютъ по склону къ самой рѣкѣ; тамъ, въ другомъ мѣстѣ, деревянныя постройки, перемѣшанныя съ каменными, идутъ вдоль берега неправильными террасами; а тамъ, въ третьемъ—сельскіе дома и убогія избушки, подобно гнѣздамъ ласточекъ, въ безпорядкѣ лѣпятся по холмамъ, оврагамъ и крутымъ откосамъ. Заволжскія селенія, занимающія большею частью ровныя мѣста, вытянуты въ одну и двѣ улицы. Прекрасная рѣка, высокіе стога только что скошеннаго сѣна, золотящаяся нива и горы, то бѣлѣющія, какъ тающій весною снѣгъ, то заросшія лѣсной порослью,—сглаживаютъ кругомъ царящую бѣдность и разливаютъ мягкій колоритъ. У каждой пароходной пристани толпятся женщины и дѣвочки: они ожидаютъ прибытія парохода. Какъ только пароходъ причалилъ къ пристани, сотни рукъ съ бутылками, плошками и тарелками поднимаются къ верху и раздается оглушительный крикъ:

— «Ягоды свѣжія!»... «Рыба жареная!»... «Баранина!»... «Квасъ!»... «Печенка!»... «У меня, господинъ, возьмите!»... «Нѣтъ, у меня»... «А ты что толкаешься?» «Сливочки, баринъ!»... «Не одной, чай, тебѣ ѣсть-то хочется?»... и т. д.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, общихъ предметовъ торга, каждая пристань непремѣнно предлагаетъ предметы своего мѣстнаго производства: одна—полотна и салфетки, другая — кружева и блонды, третья—пряники и т. д. Если пароходу нужно запастись дровами, дровоноски, молодыя дѣвушки и женщины, всякій разъ являющіяся на пристань, хватаются за длинныя палки, накладываютъ на нихъ дрова и принимаются носить на пароходъ.

— Ну, вы, божій народъ, поворачивайтесь живѣй! командуетъ лоцманъ, наблюдающій за нагрузкою дровъ.

— Посторонитесь, дайте пройти! то и знай раздаются голоса дровоносовъ. — Стоятъ тутъ безъ дѣла, только дорогу загораживаютъ...

— Ахъ, какая дѣвка! громко восхищается шуроваръ, выставивъ изъ трюма замазанное все сажей лицо и вытаращивъ глаза на одну изъ дровоносокъ. — Вотъ такъ дѣвка!

— А ты паровика-то, паровика свово больше надерживайся, иронизируетъ поваръ, тоже не спускающій глазъ съ дѣвокъ.—Нечего попусту зариться: ты, знай, подшуровывай!

— Ладно! А ты кострюли-то свои наблюдай.

Пароходъ отваливаетъ.

Вотъ впереди, далеко, верстъ за тридцать, зачернѣлась какая-то масса, безформеннымъ гигантомъ распростершаяся надъ бѣлесоватымъ туманомъ и слившаяся съ горизонтомъ. Пароходъ летитъ; гигантъ все ближе и ближе. Безформенность изчезаетъ, выступаютъ очертанія горъ и откосовъ, играющихъ переливами красокъ, и передъ нами открылся видъ Нижняго Новгорода. Еще ближе, — и передъ глазами неожиданно выростаетъ цѣлый лѣсъ мачтъ: Волга и устье Оки на неоглядномъ пространствѣ заставлены пароходами, баржами, расшивами и разными судами. Большіе якори, наваленные одинъ на другой, глядятъ съ берега; по улицамъ, на

набережной и всюду снуетъ и кишитъ народъ; неустанный говоръ, крики, ухающій припѣвъ бурлаковъ при завозѣ якоря и стукъ экипажей сливаются съ неумолкаемымъ ревомъ и свистомъ пароходовъ, и все это гуломъ стоитъ надъ рѣкой и городомъ...

Нижній, съ его кипучей и тревожной дѣятельностью, остался позади. Но до слуха все еще доносится пѣсня съ «завозня»:

«Грянемъ-те вдругъ.
Да-а ухъ!
Ухъ да-а у-у-ухъ»!...

И опять, по ту и другую сторону, замелкали передъ нами деревни, села, города и посады. Даль рѣки забѣлѣлась: это косовыя или косныя лодки, бѣгущія по вѣтру и противъ вѣтра на своихъ парусахъ. Двухтрубные буксирные пароходы, таща за собой цѣлыя деревни баржей, идутъ въ Нижній; легкіе пароходы и двухдечные американской системы—эти движущіеся по водѣ громадные красивые дома — встрѣчаются съ нами и быстро проносятся мимо. По берегу тянутся сады; видны зарумянившіеся на солнцѣ яблоки и краснѣетъ вишня; чаще встрѣчаются паровыя мукомольныя мельницы; въ горахъ стучитъ топоръ и молотъ—то сѣкутъ алебастръ. Быстро промелькнули Макарьевъ съ желтыми песками, Василь-Сурскъ, Козмодемьянскъ и Чебоксары. Дальше — по лѣвой сторонѣ потянулся лѣсной Царевококшайскій уѣздъ, еще дальше,—справа показался Свіяжскъ, на встрѣчу выступили Услонскія горы, которыми западноевропейскіе географы отдѣляютъ Европу отъ Азіи, и наконецъ, противъ Услона — Казань...

Таковъ общій видъ Поволжья отъ Пучежа до Казани.

Этотъ, слегка набросанный, очеркъ даетъ намъ понятіе о родѣ занятій мѣстнаго населенія: теперь мы знаемъ, что намъ приходится имѣть дѣло съ населеніемъ торговымъ, промышленнымъ и земледѣльческимъ.

Между многими условіями, такъ или иначе вліяющими на этнографію страны, главными, безспорно, останутся природа и родъ занятій жителей; подъ вліяніемъ окружающей природы и занятій складывается первоначальное міросозерцаніе народа, закладываются основы его частнаго и общественнаго быта. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ жизни народа вносятся новые элементы и духовный строй измѣняется, старыя начала уступаютъ новымъ и народъ забываетъ свое прошлое. Но замѣна стараго новымъ совершается медленно: пройдетъ много столѣтій и смѣнится рядъ поколѣній, прежде чѣмъ народъ откажется отъ своихъ вѣрованій и понятій, унаслѣдованныхъ имъ отъ маститой старины. Новыя вліянія уже коснулись жизни, и народъ, не имѣя возможности долѣе бороться съ ними, не охотно подчиняется давленію и принимаетъ новое. Но эта уступка чисто внѣшняя: новыя начала чужды народу, и прежнее міросозерцаніе не теряетъ своей силы и продолжаетъ жить. Христіанство смѣнило языческій культъ нашихъ предковъ, не давъ ему достигнуть полной законченности въ своемъ развитіи, и заставило славянскія племена креститься. Около десяти вѣковъ прошло, какъ по волѣ князя Владиміра кіевляне свергнули Перуна и бросили его въ Днѣпръ, съ горкимъ плачемъ провожая уплывавшаго идола. Днѣпръ унесъ изображеніе грознаго божества; но волны его не въ силахъ были унести съ собой языческихъ вѣрованій: они уцѣлѣли и продолжаютъ жить и въ христіанскомъ мірѣ, не смотря на гоненіе, воздвигнутое противъ нихъ православнымъ духовенствомъ и свѣтскою властью. Отсюда возникаетъ народное двоевѣріе. Раньше было замѣчено, что суевѣрія и предразсудки господствуютъ не въ одномъ простомъ народѣ, но и въ образованныхъ классахъ нашего общества. Что значатъ всѣ эти заговоры, примѣты и заклинанія, какъ неостатки богатаго наслѣдства отъ временъ язычества? Измѣнилась форма, а содержаніе осталось почти то же.

Наблюденія надъ этнографіей Поволжья отъ Пучежа до Казани подтверждаютъ справедливость настоящаго взгляда.

По отношенію къ языку, или нарѣчію русскаго населенія, Поволжье отъ Пучежа до Казани можно раздѣлить на двѣ части: на горную, гдѣ жители говорятъ почти правильнымъ русскимъ языкомъ, и луговую, заволжскую, гдѣ народный говоръ рѣзко отличается отъ господствующаго у насъ нарѣчія. Объ особенностяхъ этого говора я еще буду говорить, когда перейду къ этнографіи притоковъ Волги. Нельзя сказать, чтобы въ языкѣ нагорнаго населенія не замѣчалось нѣкоторыхъ отличій, но они не составляютъ характерной черты нарѣчія мѣстныхъ жителей: они общи и другимъ мѣстностямъ Россіи. Изъ прибрежныхъ селеній только село Катунки и селенія глухихъ мѣстъ, которыхъ я здѣсь не касаюсь, отличаются по говору и стоятъ близко къ говору заволжской стороны.

По народному міросозерцанію, земля основана на морѣ и лежитъ на трехъ китахъ. Небо и земля населены

добрыми и злыми существами; съ послѣдними человѣку приходится вести постоянную и нескончаемую борьбу. Дьяволъ неутомимо хлопочетъ, чтобы сдѣлать людямъ какую нибудь пакость; онъ дѣйствуетъ непосредственно, самъ своей особой или черезъ посредство злыхъ людей, которые закабалили ему свою душу и сѣютъ въ мірѣ зло. Дьяволъ незримо летаетъ по воздуху и крутится въ вихрѣ; является въ святыя обители и прельщаетъ честныхъ иноковъ и смиренныхъ монахинь. Пророкъ Илья, этотъ новый Перунъ, разъѣзжая по небу на огненныхъ коняхъ, запряженныхъ въ огненную колесницу, видитъ соблазнителя человѣческихъ душъ и разитъ его огненными стрѣлами; но сила дьявольская несмѣтна и живуча: сколько ни мечетъ Илья стрѣлъ въ сатану, но черти не переводятся на святой Руси... Въ рѣчныхъ омутахъ, озерахъ и прудахъ живутъ водяные; въ дремучихъ лѣсахъ обитаетъ лѣшій; во всякомъ дому, подъ печкой, живетъ домовой, во дворѣ другой—его сынъ, въ банѣ—жена и т. д. Домовые, впрочемъ, духи смирные, они не вредятъ людямъ; наоборотъ предупреждаютъ своихъ хозяевъ о грозящихъ несчастіяхъ и предсказываютъ имъ радость и благополучіе. Если домовой стонетъ, хозяинъ ужъ знаетъ, что это не къ добру; если домовой шумитъ — будетъ радость. Только *дворовый*, случается, не возлюбитъ иногда скотину и станетъ ее гонять по двору и мучить. Но такое озорство не остается безнаказаннымъ: едва хозяинъ замѣтитъ, что корова или лошадь худѣетъ, беретъ траву чертогонъ, связываетъ изъ нея пукъ и принимается учить озорника. Онъ бѣгаетъ по двору, хлещетъ чертогономъ по всѣмъ сторонамъ и приговариваетъ:

—Вотъ тебѣ, вотъ!... Не озорничай! веди себя хорошенько, живи по Божьи, скотинушку люби! *)

Но не такъ легко справиться съ лѣшимъ и водянымъ. Лѣшій обойдетъ дорогу, заведетъ въ такую глушь, откуда потомъ трудно будетъ и выбраться, а нерѣдко и такъ бываетъ, что отобьетъ лошадь, сядетъ на нее верхомъ, образиной къ хвосту и ускачетъ. Зимой, особенно въ храмовые праздники, когда бываютъ у крестьянъ пирушки, лѣшій навязывается кому нибудь въ провожатые и доводитъ спутника до его избы или кабака. Хорошо, если мужикъ, прежде чѣмъ переступитъ порогъ, догадается сотворить молитву или перекреститься: дьявольское навожденіе исчезаетъ, а то—прямо въ прорубь, куда его привелъ лѣшій, чтобы услужить своему пріятелю водяному. Но послѣднимъ зимой плохая пожива: рабочая для нихъ пора наступаетъ лѣтомъ. Водяные хватаютъ за ноги купающихся и тащатъ ихъ на дно омута; они, по преимуществу, любятъ дѣтей. отъ того у насъ вездѣ ихъ такъ много и тонетъ лѣтомъ. Когда утопленника вытащатъ, или трупъ его самъ выплыветъ на поверхность воды, на тѣлѣ усматриваются синія пятна: это слѣды пальцевъ водянаго дѣдушки.

Но какъ ни много лѣшихъ и водяныхъ, тѣмъ не менѣе, однако, встрѣчаются мѣстности, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ: это селенія безлѣсныя и безводныя. Въ одномъ селеніи Козмодемьянскаго уѣзда я спросилъ крестьянина:

—Ну, какъ у васъ, лѣшіе-то водятся?

—Допрежде много водилось, а нонѣ что-то про нихъ не слышно. Жить негдѣ стало, лѣса всѣ повырубили.

Но больше всякой чертовщины народъ боится колдуновъ, знахарей и злыхъ людей.

— Отъ нечистаго даны крестъ да молитва, говоритъ народъ,—а отъ злаго человѣка, коли Богъ попуститъ, ничѣмъ ты не отойдешь.

Нельзя же, однако, въ такихъ случаяхъ и бездѣйствовать. Народъ въ такихъ случаяхъ окруженъ злыми; они властны съ нимъ дѣлать все, что захотятъ. Необходимо чѣмъ нибудь обороняться. Но чѣмъ же можно спастись отъ злаго человѣка, какъ не тѣми же сверхъестественными средствами, какія онъ самъ употребляетъ? И вотъ народная фантазія создаетъ массу оборонительныхъ средствъ, которыя являются въ формѣ заговоровъ, заклятій, наговоровъ, приворотовъ, отворотовъ и т. п. Всѣ эти средства или орудія борьбы имѣютъ огромное значеніе въ ежедневномъ обиходѣ русскаго человѣка: они пускаются въ ходъ и противъ дьявола, и злаго человѣка, и разныхъ болѣзней. Кромѣ своего утилитарнаго значенія, заговоры сохраняютъ остатки преданій о миѳахъ, отъ нихъ вѣетъ народной сагою и многіе не лишены поэзіи.

Отъ «уроковъ» («озепишша», «утишины» *) практикуется слѣдующій заговоръ. «Встаю я, рабъ Божій (имя), свѣжей водой умываюсь, чистымъ полотенцомъ утираюсь. Выхожу я, рабъ Божій, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды. Молюсь я, рабъ Божій,

*) Нѣчто тождественное мы видимъ у черемисъ и чувашъ, которые также выгоняютъ *шайтана*.

*) Утишиною называются припадки падучей болѣзни.

на всѣ четыре стороны. Въ навосточной сторонѣ есть океянъ-море, стоитъ Божія церковь; въ этой церкви стоитъ златъ престолъ; за этимъ престоломъ сидитъ мать Пресвятая Богородица, временная Пятница и Парасковья великомученицы. Матушка Пресвятая Богородица, утиши всякую скорбь и болѣзнь у раба Божія (имя); и вы, урока, озепишши отколь пришли, туда и подите. Подите уроки-озепишши (озепищи) за рѣчки, за болоты топучія и сядьте на пустое озеро. Отъ двоеволосаго, отъ троеволосаго, отъ двоеглазаго, отъ троеглазаго, отъ чернаго, отъ рыжаго, отъ бѣлокураго, отъ русаго, отъ дѣвки, отъ вологарызки, отъ бабы самокрутки (т. е. безъ благословенія родителей вышедшей за мужъ), отъ мужика отъ простака, отъ дьякона, отъ дьяконицы, отъ пономаря,—пономарицы, отъ попа пѣуна и всякаго колдуна помилуй мя. Аминь».

Если навяжется озорникъ-домовой, котораго не проймешь и чертогономъ, то дѣйствительно будетъ другое средство — заговоръ. Начинается онъ такъ же какъ и предъидущій до словъ: «въ навосточной сторонѣ есть океянъ-море», а потомъ: «на этомъ океянъ-морѣ лежитъ бѣлъ златырь (алатырь?) камень, на этомъ камнѣ стоитъ Божій престолъ; на этомъ престолѣ сидитъ мать Пресвятая Богородица. Подойду я, рабъ Божій (имя), поближе, поклонюсь пониже: Матушка Пресвятая Богородица, есть у меня сусѣдъ - сусѣдушка, живетъ онъ со мною не въ совѣтѣ, не въ согласѣ: на моего скота (такого-то) чишетъ и пышетъ, щиплетъ, кусаетъ, съ мѣста на мѣсто гоняетъ, ни гдѣ мѣста не знаетъ.— Когда ты, рабъ Божій, подошелъ поближе, поклонился пониже, возьму я этого сусѣда-сусѣдушка, дерну въ дымъ на печной столбъ, спарю его, сжарю его, спорчу его, съежу и за дверь его брошу. Аминь (читать три раза).

Подобнаго рода заговорами и «молитвами» богаты селенія луговой стороны Волги и Шексны, въ особенности уѣзды Пошехонскій Ярославской губерніи, Макарьевскій Костромской губерніи, Семеновскій и Макарьевскій Нижегородской и Царевококшайскій Казанской губерніи. Надо замѣтить,—чѣмъ дальше лежатъ селенія отъ великой русской рѣки; чѣмъ болѣе они отдалены отъ промышленныхъ и фабричныхъ центровъ, тѣмъ обильнѣе тамъ находимъ запасъ сверхъестественныхъ средствъ народной самозащиты. Особенно богато въ этомъ отношеніи населеніе Заволжья, т. е. тѣхъ мѣстностей, которыя разбросаны по незначительнымъ притокамъ Волги и уходятъ въ лѣса, граничa съ окраинами дальнаго сѣвера и востока Европейской Россіи.

Преданія уцѣлѣли не въ однихъ заговорахъ и заклятіяхъ; они живутъ и въ формѣ сказанія. Но эти преданія уже не восходятъ въ глубь вѣковъ; они обнимаютъ собою событія не столь отдаленныя и повѣствуютъ объ историческихъ лицахъ и фактахъ,—фактахъ, которые не заходятъ далѣе XVI вѣка. Такъ, преданіе говоритъ о царѣ Иванѣ IV, его походѣ на Казань, взятіи татарскаго царства и пр. Но преданія Поволжья имѣютъ особую черту, свой отличительный характеръ и запечатлѣны духомъ и вліяніемъ мѣстныхъ условій. Низовье Волги изъ старины служило широкимъ пріютомъ удалымъ добрымъ молодцамъ, дикіе подвиги которыхъ были вмѣстѣ и предметомъ народнаго страха, и воспѣванія. Разсказы пѣсни про этихъ богатырей шли отъ самаго синя моря, поднимались вверхъ по Волгѣ и разносились по ея притокамъ. Въ верхнемъ Поволжьѣ они уже замерли, но въ среднемъ они живутъ въ устахъ народа и переходятъ отъ отца къ сыну. Кромѣ Ермака, Разина, Пугачева и Копѣйкина народъ помнитъ и о другихъ удальцахъ, не только изъ среды народа, но и привилегированнаго сословія, изъ русскихъ дворянъ. Въ Казани разсказываютъ объ одномъ помѣщикѣ, который велъ свой родъ отъ норманскихъ рыцарей и жилъ въ двухъ верстахъ отъ Лаишева; какъ потомокъ благороднаго рыцарства, онъ построилъ себѣ домъ на подобіе замка и обвелъ кругомъ каменной стѣной; изъ этого помѣщичьяго замка шелъ подземный ходъ на рѣку Каму, откуда баринъ съ своими холопами дѣлалъ набѣги на проѣзжающихъ.

Особенною извѣстностью пользовалась въ Казанскомъ Поволжьѣ разбойница Авдотья. Эта дѣвица по складу своего ума и страстямъ очень близко стоитъ къ знаменитой Танькѣ Ростокинской. Она была атаманомъ шайки и выдавалась между своими товарищами необычайной свирѣпостью и неумолимой жестокостью. Ея сердце не знало никакой жалости: она снимала головы со всѣхъ, кто только попадался въ ея руки; не было у ней снисхожденія и къ своимъ товарищамъ, которые уклонялись отъ исполненія ея приказаній. Воля женщины-атамана была закономъ. Авдотью казнили на позорной площади.

Вблизи Казани, противъ озера Верхняго Кабана, по Оренбургской дорогѣ идетъ цѣпь незначительныхъ горныхъ возвышеній, перерѣзываемыхъ ущельями. Одно

изъ такихъ ущелій связывается съ памятью о знаменитой разбойницѣ, и народъ называетъ его «Дунькина щель». Преданіе разсказываетъ, что когда-то озеро Кабанъ соединялось съ русломъ Волги, и шайки поволжской вольницы имѣли прямое сообщеніе съ притономъ, гдѣ «Дунькина щель». Свѣжа память въ народѣ о разбойникахъ послѣдняго времени, какъ Быковъ и Чайкинъ, которые никому не давали проходу и проѣзду по Казанской губерніи. Ихъ казнили въ 1847 году и скелеты стоятъ въ анатомическомъ театрѣ Казанскаго университета. Въ Нижегородскомъ Поволжьѣ много разсказываютъ о разбойникѣ Рузавинѣ, дѣятельность котораго относится уже къ шестидесятымъ годамъ текущаго столѣтія. Послѣ долгихъ разбоевъ, наводившихъ ужасъ на всѣхъ жителей и мѣстную администрацію, Рузавинъ вдругъ пропалъ, и всякіе слухи о немъ замолкли. Всѣ думали, что онъ умеръ, или переселился въ другія мѣста. Но одинъ изъ крестьянъ (мѣстныхъ) донесъ о Рузавинѣ, и удалецъ былъ схваченъ. Рузавинъ жилъ въ лѣсу, называемомъ Колтою, въ землянкѣ. Была тихая лѣтняя ночь, разбойникъ сидѣлъ передъ своей землянкой: надъ пылавшимъ костромъ валежника висѣлъ желѣзный котелокъ, въ которомъ варился картофель. Пламя освѣщало фигуру Рузавина, и разливало свѣтъ по стволамъ деревьевъ и верхушкамъ кустовъ. Кругомъ царила невозмутимая тишина.

— Вотъ онъ! раздался среди невозмутимаго покоя и тишины голосъ доносчика, и толпа схватила Рузавина.

Преданія о разбойникахъ сдѣлались достояніемъ народной пѣсни. Жители Поволжья поютъ о Ермакѣ, Разинѣ, Соколовѣ и другихъ удальцахъ. Центромъ ихъ дѣятельности, по народной пѣснѣ, служатъ Каспійское море, Донъ и Волга. Вся эта вольница, не знающая границъ своей удали, поднимается снизу и идетъ къ верху по Волгѣ и останавливается въ Жигулевскихъ горахъ; гдѣ-бы ни были молодцы, гдѣ ни гуляли, какіе города ни проходили, но непремѣнно оканчивали Жигулевскими горами: и «Ермолій» Тимоѳѣевичъ съ своими товарищами, «старыми ковлами и мазурушками», и «воръ, Копѣйкинъ, съ эсауломъ Соколовымъ» и Степанъ Разинъ приходятъ въ Жигули. Какъ видно по пѣснѣ, Жигулевскія горы служили не однимъ надежнымъ мѣстомъ для укрывательства буйныхъ головъ, но и стоянкою, мѣстомъ отдыха и созданія новыхъ плановъ. Особеннымъ вниманіемъ со стороны народа пользуется Разинъ: пѣсня говоритъ о немъ, что когда Степанушкѣ минуло восемнадцать лѣтъ—и онъ, «Степанушка, думалъ думу крѣпкую не съ козаками, а съ голытьбою»; пѣсня слѣдитъ за дальнѣйшими подвигами героя и разстается съ нимъ только тогда, когда ужъ не стало «батюшка-атаманушка». Пѣсня воспѣваетъ и сына Разина. Вотъ какъ рисуетъ народная фантазія малаго Разина, появившагося въ Астрахани: «Дѣтинушка

«Востро, щепетко по городу похаживаетъ:
Черный бархатный кафтанъ, за рукавъ его таскаетъ,
Черну шляпу съ позументомъ на лѣвоѐмъ на ухѣ;
Онъ зарбатскій кушачекъ на правой рукѣ несетъ;
Онъ купцамъ и господамъ не кланяется,
Онъ князьямъ и боярамъ челомъ не бьетъ,
Къ Астраханскому воеводѣ на судъ нейдетъ».

Воевода увидѣлъ съ крыльца не знамаго человѣка, и велитъ своимъ слугамъ привести молодца. Находятъ молодца во царевомъ кабакѣ и приводятъ къ воеводѣ.

«Ужъ и началъ воевода крѣпко спрашивать его:

— Ты скажи, скажи, дѣтинушка, скажи чей, отколь:
Иль ты здѣшняго города Астрахани,
Иль ты съ Дона казачекъ, иль казацкій сынъ,
Иль со матушки Москвы ты купеческій сынокъ?»

Отвѣтъ молодца полонъ сознанія собственнаго достоинства:

— «Я не здѣшняго города Астрахани,
Я не съ Дона козакъ, не козацкій я сынъ;
Не со матушки Москвы, не купеческій сынокъ:
Я со Волги рѣки Степана Разина сынъ». *)

Не отказываетъ народъ во вниманіи и другимъ удальцамъ, имена которыхъ уже забылись. Пѣсня не ограничивается изображеніемъ отрицательной стороны характера своихъ героевъ, ихъ разбойничьихъ дѣяній; она передаетъ намъ о личныхъ чувствахъ этихъ людей и свидѣтельствуетъ, что и за покрытой кровью рубашкою билось въ груди человѣческое сердце. Вотъ «зашатался, загулялся удалый добрый молодецъ и не знаетъ куда преклонить свою буйную голову».—Какъ ни хороша воля, какъ ни потѣшилось молодецкое сердце, гуляя по свѣту, вспомнилъ молодецъ о своей родной семьѣ и закручинился, захотѣлъ побывать на родимой сторонѣ, чтобы хотя еще разъ взглянуть на близкихъ своему сердцу. И приходитъ онъ къ Дону тихому и проситъ перевощиковъ перевести его на свою сторону.

*) Въ «Собраніи пѣсенъ Кирѣевскаго» эта былина помѣщена, но отрывокъ, приведенный здѣсь, представляетъ нѣкоторыя новыя черты и особенности.

«Перевозу съ меня возьмите пятьдесятъ рублей,
Коли мало вамъ покажется, возьмите сто рублей.
Дайте, братцы, съ отцомъ съ матерью проститься,
Съ молодой женой и малыми дѣтками».

Всѣ эти пѣсни—пѣсни старинныя, по выраженію самого народа; хранителями ихъ являются старики: они помнятъ пѣсни старины и поютъ ихъ старческими голосами.—Нонѣ рѣдко услышишь такую пѣснь, говорилъ мнѣ старикъ пѣвецъ:—старики умираютъ, а у молодаго народа свои пѣсни—новыя.

Новая пѣсня смѣняетъ старую, но смѣняетъ на время: старая пѣсня замолкаетъ, она какъ будто совсѣмъ уже забылась народомъ; но пройдетъ извѣстный промежутокъ времени, и подобно тому, какъ юноша Шиллера, показывающійся съ золотымъ кубкомъ изъ морской бездны, такъ и она вдругъ вынырнетъ изъ захлеснувшихъ ее волнъ жизни съ разсказами о чудесахъ прошлаго и снова дѣлается общимъ достояніемъ. На пѣснѣ, болѣе чѣмъ на другихъ произведеніяхъ народнаго творчества, отражается исторія народа, его ростъ и неизбѣжно съ нимъ связанныя болѣзни и недуги. Родникъ народнаго пѣснотворчества неизсякаемъ, онъ бьетъ живой струей; но эта струя не всегда чиста и прозрачна. Новая пѣсня отражаетъ современную жизнь народа; она близко стоитъ къ тѣмъ, кто ее слагаетъ; она лишена спокойствія, объективности. Отъ того въ ней преобладаетъ лирическій элементъ. Главнымъ мотивомъ современной пѣсни—чувство, любовь, ревность, измѣна и тѣ радости и страданія, которыя ихъ сопровождаютъ.

Дѣвушка любитъ парня; она вся живетъ однимъ этимъ чувствомъ, и весь міръ исполненъ въ ея глазахъ прелести и обаянія: журчащій ручей говоритъ дѣвушкѣ о ея миломъ, цвѣты съ зеленыхъ луговъ шлютъ ей радостный привѣтъ, соловей въ густомъ саду поетъ сладкія пѣсни про одну ея любовь. Настаетъ разлука; вся прелесть жизни исчезаетъ: дѣвушкѣ не милъ больше вольный свѣтъ, не милы отецъ съ матерью, ни подружки голубушки. Она бѣжитъ въ темный лѣсъ, ничего передъ собою не видитъ и не слышитъ; но вотъ она взглянула внизъ, и увидѣла дорогу:

«По этой дороженькѣ
Троечка бѣжитъ;
Во этой-ли троечкѣ
Мой милый сидитъ.
Кричала, я кричала,
Милый не слыхалъ;
Платочкомъ махала,
Милый не видалъ;
Тяжело вздохнула,
Милый услыхалъ.
Кони-то вороны,
Никакъ не стоятъ;
Ямщички молоденьки
Не могутъ сдержать.

Уѣхалъ милый, и дѣвушка ждетъ не дождется, когда онъ воротится; тихой, но глубокой скорбью вырывается у ней жалоба на свое одиночество:

«Проходитка ты, лѣто теплое,
Лѣто теплое, осень холодная;
Надоѣло мнѣ жить безъ милаго!
Припаду я къ землѣ да послушаю,
Что не слышно-ли шуму, топоту,
Шуму, топоту, свисту, голосу.
Пойду, выйду я на дороженьку,
Погляжу я въ ту сторонушку,
Что не идетъ-ли дружокъ миленькій!»

Но милый не возвращается, и дѣвушка въ отчаяніи произноситъ:

«Со тые тоски въ воду я кинуся,
Въ воду кинуся, въ пламя брошуся»!

Рѣдко встрѣчается, гдѣ въ такомъ положеніи стоялъ бы парень: горе любви достается на долю одной дѣвушки, а радости на долю молодца. Совершенно обратное мы видимъ въ положеніи мужа и жены; пѣсни больше говорятъ объ измѣнѣ жены, чѣмъ мужа. Стоитъ только мужу съѣхать со двора, или куда отлучиться, какъ ужъ жена приглашаетъ къ себѣ дружка:

«Ты пожалуй, милый мой,
На широкій дворъ со мной!
Станови свово коня
Середи мово двора,
Близъ точенова столба,
Позлаченаго кольца.
Ты пожалуй, милый мой,
Въ нову горенку со мной!» и т. д.

Случается, что мужъ неожиданно возвращается домой и застаетъ гостя, котораго и спѣшитъ выпроводить; тѣмъ дѣло и кончается. Къ невѣрности жены мужъ относится легко, даже какъ-то шутливо: выпроводилъ молодца, и слава Богу! Но бываетъ и такъ, что невѣрность со стороны жены разбиваетъ жизнь мужа, за-

ставляетъ его кинуть домъ и бѣжать, куда глаза глядятъ. Вотъ какъ одна пѣсня говоритъ:

«Отпадала вѣточка
Отъ сахарна деревца;
Отъѣзжаетъ молодецъ
Отъ отца, сынъ отъ матери.
Журила, бранила
Соловья канареечка:
— Братецъ-же, братецъ мой,
Соловей птица вольная!
Зачѣмъ-же ты, братецъ мой,
Не женатъ въ полѣ летаешь,
Твои малые дѣтонки
По чисту полю разсѣяны»?

И вотъ, что слышитъ въ отвѣтъ «Канареечка»:

— «Меня съ милой женой
Разлучилъ хищный соколъ».

Всякое явленіе текущей жизни, чѣмъ либо выдающееся изъ обыкновенной колеи, дѣлается предметомъ народнаго пѣснотворчества. Жена убиваетъ мужа, и народъ слагаетъ пѣсню, сынъ убилъ мать—и опять пѣсня. При этомъ обозначается и время событія, указывается на мѣста и передаются мельчайшія подробности:

«Какъ въ селѣ Городцѣ,
Какъ у Спаса на концѣ,
Семка мать свою убилъ,
Не святымъ онъ духомъ,
Топоромъ обухомъ».

Другая пѣсня начинается съ момента событія и мѣста дѣйствій:

«Въ шестьдесятъ первомъ году,
Во Юркиномъ городу,
Съ краю въ третіемъ дому,
У Никиты въ терему
Задавилъ Захаръ жену;
Ея мамонька приходила,
Свою дочь не узнавала.
— «Ты Аксинья, дочь моя!
Не своей ты смертью умерла».
Во Катунки побѣжала,
Волостному объявляла;
Письмо-грамотку писала,
Балахонцамъ отсылала».

Вотъ еще отрывокъ изъ одной пѣсни:

«У купца было богатаго,
Солучилося несчастьице,
Что несчастьице безвремянное,
Что жена мужа потеряла,
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала.
На ножикѣ сердце вынула,
На булатномъ сердце встрепенулося.
Она, шельма, разсмѣхнулася,
Во холодный погребъ бросила
И желтымъ пескомъ засыпала,
Гробовой доской задвинула,
Рѣзвымъ ноженкамъ притопала,
Бѣлымъ рученькамъ прихлопала.
Набѣлилась, нарумянилась,
Она сѣла подъ окошечко,
Она сѣла призадумалась».

Есть пѣсни, въ которыхъ выступаютъ общественные дѣятели: старшина, староста и волостной писарь воспѣваются народомъ. Эти новые герои являются обирателями міра, спаивающими народъ и творящими всякое зло и притѣсненіе. Замѣчательно, что такое непоэтическое содержаніе облекается въ форму чисто эпическую. Проворовался сельскій староста, взяли мужики его подъ руки и повели въ волостное правленіе:

«Какъ возговоритъ тутъ сельскій староста:
— Мужички, мужички, не ведите меня въ волостное правленіе,
Ведите вы меня во царевъ кабакъ» и т. д.

Нѣтъ возможности исчерпать содержаніе народной пѣсни. Повидимому, мотивы пѣснотворчества однообразны, число ихъ ограничено и всѣ они указываютъ на горе и безталантность русскаго человѣка. На самомъ же дѣлѣ пѣсня откликается на всѣ звуки жизни, какіе та только способна издавать, повторяетъ ихъ и теряется въ разнообразіи варіацій.

Пѣсня становитъ насъ лицомъ къ лицу къ народу и вводитъ прямо въ его бытъ, съ его обычаями и обрядами.

Отголоски языческаго культа сохранились въ народныхъ празднествахъ. Костромское Поволжье, Нижегородское и частью Казанское празднуетъ Ярилѣ, справляетъ Ивана Купалу, Авсень и Коляду, не говоря уже о такихъ праздникахъ, какъ масляница, семикъ, Троицынъ день и др., которые также носятъ на себѣ отпечатокъ язычества. Празднованье Ярилѣ совершается въ заговѣнье, передъ Петровымъ постомъ, какъ это мы видѣли въ Поволжьѣ фабричномъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно совпадаетъ со днемъ празднества Ивана

Купалы, а въ другихъ бываетъ во время лѣтней ярмарки, которая и называется «Ярриловой ярмаркой». Характеръ празднества одинъ и тотъ же, что и въ Костромскомъ Поволжьѣ: тѣ же встрѣчи и проводы Ярилы, соединенныя съ выпивкою и гуляньемъ. Даже самое мѣсто, гдѣ происходитъ праздникъ, носитъ общее названіе: Ярилова плѣшь.

Очевиднѣе всего признаки языческаго культа выступаютъ въ слѣдующихъ праздникахъ, отъ которыхъ вѣетъ чѣмъ-то юнымъ, какъ сама весна, во время которой они происходятъ, и производятъ они впечатлѣніе чего то новаго на зачумленнаго жителя столицъ...

Первымъ такимъ праздникомъ является семикъ. Онъ также свѣжъ и юнъ, какъ и тѣ дѣвушки, которыя его чествуютъ. Нарядныя, съ длинными густыми косами, вѣнками изъ живыхъ полевыхъ цвѣтовъ на головахъ, идутъ онѣ собирать хлѣбы, яйца и другія съѣстные припасы; двѣ изъ нихъ одѣты въ мужское платье. Послѣ сбора идутъ завивать березки и украшаютъ зеленые листья разноцвѣтными лентами. Передъ закатомъ солнца онѣ дѣлаютъ яичницу. Едва ночь пахнетъ своимъ покровомъ, какъ дѣвушки берутся за руки, составляютъ непрерывную цѣпь и образуютъ одинъ большой и общій хороводъ, который и разольется своими пѣснями:

«Стой, дѣвичій караванъ,
Стой, не расходись!»

Въ Троицынъ день дѣвушки опять идутъ къ березкамъ и развиваютъ вѣнки. Затѣмъ начинаютъ водить хороводы; къ нимъ присоединяются молодыя женщины и парни. Главный припѣвъ пѣсни: Іо, іо—припѣвъ, указывающій на его древнее происхожденіе, съ прибавленіемъ: «Іокъ, іокъ, мое сердечко». Пѣсни и веселые крики не смолкаютъ во всю ночь.

Праздникъ Купалы совершается въ ночь на 24 іюня, но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи онъ начинается съ перваго воскресенья послѣ пасхи и продолжается все лѣто до самой осени. Молодежь, парни и дѣвушки, собираются на свои любимыя мѣста и заводятъ игры и пѣсни; утренняя заря еще застаетъ веселье въ полномъ разгарѣ и выглянувшее за нею солнце, раскидывая вокругъ золотые снопы лучей, весело смотритъ на стройныя толпы разгуливающихъ съ пѣснями по селу. Купалу смѣняютъ «бесѣдки» или «вечерницы», которыя устраиваются послѣ уборки хлѣба и продалжаются до Рождества, а въ другихъ селеніяхъ до масляницы. На эти бесѣды собираются дѣвушки и прядутъ пряжу, или что шьютъ смотря по мѣстности. Работа сопровождается пѣснями, играми, въ которыхъ принимаютъ участіе и парни, приходящіе на бесѣды съ гармоникой и балалайкой. Есть селенія, гдѣ въ бесѣды не допускаютъ ребятъ, дѣвушки проводятъ время однѣ *).

Коляда занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди зимнихъ празднествъ и совпадаетъ съ христіанскимъ праздникомъ Рождества Христова. Наканунѣ новаго года, рано утромъ, женщины принимаются печь разныя фигурки, которыя называются колядками. Праздники открываютъ ребятишки. Высыпятъ они гурьбой на улицу и побѣгутъ то къ одному, то къ другому дому и подъ окнами ихъ поютъ:

«Коляда, коляда!
Я тетерьку гоню
Ко Григорьеву двору.
Какъ Татьяна пироги пекла;
Какъ Григорій за пирогъ, —
А Татьяна скалкой въ лобъ.
Тетушка, лебедочка,
Подай кокурочку!»

Хозяйка дома выноситъ рѣшето колядокъ и одѣляетъ юныхъ пѣвцовъ.

Вечеромъ колядуютъ дѣвицы-невѣсты. Нарядно одѣтыя, въ сарафанахъ и шубкахъ, онѣ отправляются къ богатымъ домамъ и хоромъ начинаютъ:

«Какъ не Волга рѣка разливается,
Какъ не муравка трава разстилается,
Иванъ свѣтъ Семеновичъ на конѣ потѣшается,
Анна свѣтъ Васильевна передъ нимъ унижается.
— Иванъ ты, господинъ, ты не ѣзди въ Мораву,
Не служи королю, служи нашему царю:
Какъ у нашего царя,
Столбы точеные, позолоченые».
— Дома-ли хозяинъ? спрашиваетъ одна изъ хора.
— Подай денежку съ орломъ или копѣечку съ копьемъ! подхватываетъ за разъ весь хоръ.

Такъ справляется коляда въ Ягодинской волости Княгининскаго уѣзда и сосѣднихъ съ ней, а въ селѣ Красномъ (Арзамасскаго уѣзда) и волостяхъ Кетовской, Чернухинской и ближайшихъ (Нижегородскаго уѣзда) дѣти вмѣсто коляды поютъ «Христосъ рождается». Одинъ

*) «Посидѣнки» безъ парней бываютъ рѣдко.

изъ мѣстныхъ пастырей церкви, по поводу такой замѣны говоритъ: «Наставникъ, объясняя ученикамъ языческое названіе коляды, ея безславіе для міра христіанскаго, убѣдилъ (чего не могъ сдѣлать съ церковной каѳедры) пѣть вмѣсто коляды «Христосъ рождается»,— это новое прославленіе обрадовало всѣхъ жителей и невольно вызвало каждаго домохозяина даже къ вознагражденію, прославляющихъ Рождество Христово мальчиковъ», заключаетъ благочестивый пастырь *).

Въ тѣсной связи съ колядой находится Авсень-Таусень, который также не забытъ народомъ **). Дѣвушки расхаживаютъ по улицѣ и поютъ подъ окнами, напередъ спросивъ у хозяевъ кому пѣть. Изъ окна отвѣчаютъ:

— Дѣвкѣ.

Тогда хоръ дѣвушекъ запѣваетъ:

«Посѣю-ли я маку цѣлу десятину,
Таусень!
Кому маку полоти,
Таусень!
Одна дѣвушка умненька:
Маковки не сорветъ,
Таусень!

Дѣвицы-невѣсты, въ сопровожденіи какой нибудь замужней женщины, также ходятъ по домамъ, но только гдѣ есть женихи и поютъ:

«Летала-же пава по синю морю
Таусень!
Перышки роняла,
Таусень! и т. д.

Парень—женихъ выходитъ къ дѣвицамъ, подчуетъ ихъ виномъ и угощаетъ разными сластями.

Какъ этотъ праздникъ, такъ и Купалу ведутъ сперва къ ладѣ, а потомъ и къ сватовству.

Независимо отъ коляды, святки справляются своимъ чередомъ, и проходятъ шумно и весело: гадаютъ, рядятся, устраиваютъ всевозможныя игры и поютъ святочныя пѣсни.

Кромѣ общихъ праздниковъ съ языческимъ характеромъ, существуютъ въ народѣ еще частные праздники, присущіе тому или другому селенію. Укажу на одинъ изъ такихъ праздниковъ.

Въ Нижнемъ, въ селѣ Кунавинѣ, знаменитомъ легендами особаго рода, съ половины прошлаго столѣтія былъ учрежденъ *Козій праздникъ*. Между многими преданіями, которыя сохранились о происхожденіи этого праздника, я приведу одно, очень распространенное и, по моему мнѣнію, передающее правду. Замѣчу, что, по своему содержанію, оно сближается съ преданіемъ изъ классическаго міра, и коза въ немъ играетъ такую же роль по отношенію къ Кунавину, какую играли гуси по отношенію къ классическому Риму. Разъ ночью, на колокольню въ селѣ Кунавинѣ забралась коза; расхаживая по площадкѣ, она запуталась въ веревкахъ, протянутыхъ отъ колоколовъ. Коза стала выбиваться изъ плѣна и произвела звонъ... Кунавинцы проснулись и видятъ пожаръ; бросились тушить и пожаръ кончился. Между тѣмъ звонъ продолжался. Пошли на колокольню, чтобы узнать, что за причина; взошли и увидѣли козу.

— Батюшки! чертъ залѣзъ...

Любопытные отъ страха назадъ. Коза по прежнему звонитъ. Что дѣлать? Выискались смѣльчаки, которые рѣшились прогнать черта съ колокольни. Поднялись и начали громко читать: «Да воскреснетъ Богъ». Коза не пропадаетъ.

— Крестомъ его, крестомъ!

Но и крестъ не помогъ.

— Постойте-ка, да это какая-то животина забралась?

— И то. Подойдемъ-ко по ближе, поглядимъ.

Подошли и увидали запутавшуюся въ веревкахъ козу.

— Коза.

— Она и есть. Ахъ, Марья Ивановна! Такъ вотъ кто Кунавино-то спасъ?...

— Надо за это ее, матушку, почтить. Праздничекъ для нея устроить.

Таково происхожденіе праздника козы. Ежегодно, во второе воскресенье великаго поста, кунавинцы и нижегородцы празднуютъ день спасенія отъ пожара. Масса пѣшеходовъ, разныхъ экипажей наполняетъ Кунавино; въ домахъ идетъ пиръ горой и входы кабаковъ осаждаются густыми толпами. Сама виновница торжества каждый разъ присутствуетъ посреди ликующихъ и благодарныхъ ей гражданъ: ее выводятъ на базарную площадь, украсивъ рога лентами. Коза смиренно кушаетъ въ это время сѣнцо, и въ противоположность гусямъ, гордящимся своими предками, чужда всякой мысли, что она потомокъ тоже славныхъ предковъ, одному изъ которыхъ Кунавино обязано своимъ спасеніемъ.

Заключу мои наблюденія Поволжья отъ Пучежа до

*) «Нижегородскій Сборникъ», т. 2-й.

**) Въ другихъ губерніяхъ, какъ напр. въ Тамбовской, *Авсень* празднуется весною, передъ самымъ посѣвомъ овса.

Казани передачею народныхъ легендъ, которыя идутъ съ понизовья Волги.

На песчаномъ берегу, такъ называемомъ Казанскомъ устьи, я ждалъ парохода. Была сентябрская ночь. Густая мгла обхватила Волгу и ея прибрѣжье; воздухъ насквозь былъ пропитанъ сыростью. Вся правая сторона рѣки крѣпко спала, и профиль вершины Услона, какъ мрачное привидѣніе, чернѣлся вдали; но правая сторона, гдѣ стояли разбросанные трактиры и балаганы съ разными товарами, не угомонилась еще отъ ежедневной суеты: порою, на зыбучемъ пескѣ, колыхались толпы, раздавались отрывочные голоса и доносилась грустная пѣсня... А внизу и вверху по теченію рѣки какъ звѣзды, горѣли и мерцали огни: то свѣтились фонари на мачтахъ судовъ. За ними царила непроглядная тьма.

Я сидѣлъ на палубѣ баржи и слушалъ разсказы лоцмана:

«Есть на Волгѣ, Сюкеевскія горы. Онѣ лежатъ не подалеку отъ г. Тетюшъ, на правомъ берегу рѣки. Въ тѣхъ горахъ--пещеры. Много народа ходитъ въ эти пещеры. Сперва человѣкъ идетъ подъ сводомъ во весь ростъ; потомъ сводъ понижается, и надо ужъ идти наклонясь. Пройдутъ саженъ тридцать и остановятся передъ другой пещерой. Здѣсь свѣча гаснетъ. Чтобы видѣть эту пещеру, надо ползти. И кому удавалось проползти ее всю до конца, тотъ вотъ что видѣлъ: передъ нимъ открывалось впереди широкое озеро; у берега стояли лодки съ двумя веслами. Нужно взять только смѣлость и сѣсть въ лодку, а лодка ужъ сама поплыветъ и къ другому берегу, гдѣ зарытъ на сорокъ человѣческихъ головъ кладъ. Зарытъ тамъ кладъ Стенькой Разинымъ. Но донынѣ не выискивалось такого смѣльчака, который бы сѣлъ въ заколдованную лодку. Такъ кладъ и лежитъ больше двухсотъ лѣтъ безъ всякой пользы для русскаго народа».

«Ниже стоитъ сѣло Новодѣвичье; на горахъ. Одна изъ горъ зовется *Дѣвьей* горой. А называлась такъ она вотъ почему. Жила дѣвица, красоты непровиданной; полюбила она парня, и любила его безъ ума, безъ памяти: всю душу она положила въ свою любовь. Не долго красавица пожила въ радости: кинулъ ее парень и зажилъ съ другой. Мало того: злодѣй сталъ издѣваться надъ прежней своей любушкою. Опротивѣла съ того часа жизнь красавицѣ, измучилась она вся, страдаючи по своемъ измѣньщикѣ.

— Нѣтъ, говоритъ,—не хочу больше жить: любила я его, чести и красоты своей дѣвичьей не пожалѣла для него, а онъ покинулъ меня, надругался и промѣнялъ на другую!

«И задумала она съ собою порѣшить. Долго она думала, и не знала, какую себѣ смерть найти.

— Ежели я зарѣжусь, или удавлюсь, сказала:—онъ всетаки не спознаетъ, какую я черезъ него муку мученскую претерпѣла!

«Надумала однако. Нарядилась дѣвица въ бѣлое платье, и пошла на гору. Взошла на самую вершину горы, распустила свои густые длинные волосы; оглянулась, заломила бѣлыя руки и кинулась въ Волгу матушку.

«И по сейчасъ, когда свѣтитъ мѣсяцъ, видятъ на той горѣ дѣвицу въ бѣломъ платьѣ и съ распущенной косою».

«А еще ниже, противъ Самары, по близости села Подгоръ, есть большой ровъ. Верстахъ въ трехъ отъ рва идетъ тропинка. Когда случится кому идти той тропинкою, такъ слышитъ ужасные стоны. У кого хватало духу, тотъ подходилъ къ самому рву и весь содрагался...

— Не подходи ко мнѣ, не подходи, гремѣлъ изо рва голосъ.

«На самомъ днѣ рва сидитъ богатырь, и кругомъ него кишатъ змѣи и ужи; облепили они богатыря и жалятъ, сосутъ его тѣло могучее.

— Зачѣмъ ты подошелъ ко мнѣ? спрашиваетъ богатырь.—Пока гады не заслышатъ духу русскаго человѣка, они не такъ меня безпокоятъ; а какъ только заслышатъ русскій духъ—и примутся меня жалить и мучить.

— Да ты что за человѣкъ?

— Я Степанъ Разинъ.

— Долго ли же ты будешь тутъ мучиться?

— А буду я мучиться до скончанія міра, ежели русскій народъ не прозритъ».

Я слушалъ эти легенды и всматривался въ чернѣвшуюся даль. По прежнему мерцали по рѣкѣ огоньки, вокругъ все безмолствовало и на всемъ лежала непроглядная темь ночи... Доносилось только до слуха, какъ мучительно бились о берега волны великой русской рѣки, силясь вырваться на просторъ, и тихо стонали точно жалуясь на свое безсиліе...

III. Заволжье.

Я кончилъ съ Поволжьемъ. Теперь перехожу къ этнографіи притоковъ Волги.

Я посѣтилъ мѣстности, лежащія по рѣкамъ Шекснѣ, Унжѣ, Узолѣ, Окѣ и Камѣ. Если исключить прибрежье Оки, бытъ населенія котораго сходенъ съ бытомъ жителей Поволжья, то получимъ очеркъ жизни и нравовъ, главныя черты котораго будутъ общи всему населенію, разбросанному по берегамъ названныхъ рѣкъ. Но чтобы не разбрасываться въ массѣ подробностей, я ограничу свои наблюденія только Заволжьемъ: сюда войдутъ уѣзды Макарьевскій, Кологривскій, Ветлужскій и Варнавинскій Костромской губ., Семеновскій и Макарьевскій Нижегородской губ., мы познакомимся съ этнографіей селеній, расположенныхъ по берегамъ трехъ рѣкъ, лѣсамъ и удольямъ названныхъ уѣздовъ. Всѣ эти селенія за Волгой идутъ на сѣверъ и востокъ; отсюда названіе—Заволжья.

Въ первомъ отдѣлѣ моего очерка, я замѣтилъ, что Волга раздѣляетъ губерніи Ярославскую и Костромскую географически на двѣ части: югозападную, идущую по правому берегу, и сѣверовосточную—по лѣвому берегу. Это дѣленіе относится одинаково и до Нижегородской губерніи. Здѣсь я прибавлю, что такое же точно дѣленіе можно сдѣлать и въ этнографическомъ отношеніи.

Видъ Заволжья представляетъ громадное, почти необозримое пространство; все оно покрыто дремучими лѣсами, въ которыхъ медвѣди и олени составляютъ до сихъ поръ обычное явленіе; непроходимыя и обширныя болота тянутся на многія версты; озера, рѣки и ручьи встрѣчаются постоянно; берега, ложбины и удолья усѣяны валунами и разными видами окаменѣлостей, свидѣтельствующими о юрской формаціи. Деревни и села, съ окружающими ихъ полями, изрѣдка встрѣчающіеся города дополняютъ видъ этой суровой и непривѣтливой мѣстности. Чѣмъ дальше удаляешься къ сѣверовостоку, тѣмъ рѣже и рѣже попадаются селенія. Между мѣстными жителями существуетъ поговорка, указывающая на глушь края: «Буй да Кадый чортъ три года искалъ». Въ исторіи заселенія этого края, какъ извѣстно, участвовали три элемента: финскія племена, меря и черемисы и славяне. Первыми являются меря, за ними черемисы, отъ которыхъ не мало досталось первымъ; наконецъ, пришли славяне и примучили мерю и черемисъ, послѣ чего народность первой поглотилась славянскою, а черемисы отодвинулись на востокъ, гдѣ и теперь ихъ можно встрѣтить въ незначительномъ числѣ въ Танщаевской волости и другихъ на границѣ Ветлужскаго уѣзда съ Вятской губерніей. По вѣроисповѣданію населеніе раздѣляется на православныхъ и раскольниковъ всевозможныхъ толковъ. Грамотность стоитъ на самой низкой степени развитія, и въ большинствѣ селеній кромѣ церковнаго причта и волостнаго писаря не найдешь человѣка, который бы умѣлъ читать. Въ раскольничьихъ селеніяхъ грамотность больше развита, но далеко не представляетъ явленія преобладающаго. Языкъ народа богатъ особенностями, рѣзко отличающими говоръ Заволжья отъ говора другимъ мѣстностей Россіи. Это мы увидимъ далѣе, когда перейдемъ къ народнымъ пѣснямъ и обычаямъ. Занятія жителей составляетъ хлѣбопашество, почти невознаграждающее труды, лѣсные промыслы и мелкія ремесла. Вліяніе лѣсопромышленниковъ на экономическій бытъ населенія далеко не благопріятно. Слѣдующій разговоръ, который я велъ съ жителемъ г. Макарьева (на Унжѣ), лучше всего доказываетъ высказанное положеніе. — Мужички у насъ народъ простой и честный, говорилъ макарьевецъ. — Глухая сторона! Нигдѣ они, кромѣ Макарьева, почти не бывали. По веснѣ-то, какъ пройдетъ ледъ, сгонитъ иной плотъ до Юрьевца, а тамъ и засѣлъ опять, и круглый годъ никого не видитъ. Живутъ въ бѣдности: фабрикъ и заводовъ никакихъ нѣтъ... Глухая сторона. Недаромъ у насъ говорятъ: одно-то облачко упало, а другое надъ Макарьевымъ виситъ.

— Что же это означаетъ?

— А это—что народъ здѣсь темный. А вотъ весной то, съ плотами приходятъ сюда сверху Унжи—отъ Кологрива, Ветлуги, Вятки и другихъ мѣстъ, такъ тѣ мужички еще проще. Сгонитъ мужичекъ плотъ-отъ къ Макарьеву, увидитъ тебя и спрашиваетъ: ты, добрый человѣкъ, макарьевскій? — «Макарьевскій». — «На-ка сосчитай, сколько у меня денегъ-то. Мнѣ купецъ за сгонку далъ».—Вотъ какой народъ! Лѣсопромышленники и надуваютъ же ихъ! Нарядятъ сверху-то согнать лѣсъ, скажутъ только: «гоните, ребята, деньги въ Макарьевѣ отдадимъ». Тѣ и гонятъ. Пригнали, лѣсъ сдали; а хозяева запродали его и сами уѣхали. Только ихъ и видѣли. А другіе пригонятъ лѣсъ въ Макарьевъ, по уговору; лѣсопромышленники говорятъ: «разсчета здѣсь не будетъ, гоните, ребята, съ молитвой въ Юрьевецъ или Пучежъ». Тѣ пригонятъ туда, а тамъ опять то же самое: лѣсъ запроданъ, а хозяевъ самихъ и духъ простылъ. Онамеднись у насъ по Макарьеву артель, человѣкъ въ пятьдесятъ, ходила, милостыню собирала.

Пригнали они плоты-то, а разсчета имъ хозяева и не дали.

— Значитъ, лѣсопромышленники сильно обижаютъ мужичковъ?

— Ничего, говорятъ, мужикъ обрастетъ.

— Обрастетъ?

— Да. Стриги, говорятъ, мужика три раза на году, онъ обрастетъ. Ну, и стригутъ!

Вотъ населеніе Заволжья, съ нравами и обычаями котораго намъ предстоитъ теперь познакомиться.

Начнемъ съ обрядовъ рожденія.

Хотя земства и прилагаютъ свои попеченія о сохраненіи народнаго здравія, но пока ихъ старанія дальше добрыхъ намѣреній не идутъ, если не считать за реальное осуществленіе одной или двухъ бабокъ на уѣздъ, состоящій изъ 50—60 тыс. женщинъ. Обязанности бабокъ исполняютъ старухи крестьянки; онѣ называются повитухами. Едва новый человѣкъ узритъ свѣтъ Божій, повитуха кладетъ его въ корыто и начинаетъ мыть; затѣмъ, немедленно, принимается новорожденнаго парить, приговаривая: «паритца, гладитца (имя). Не хватайся за вѣникъ, хватайся за Божью милость. Выростешь большой, будешь въ золотѣ ходить, будешь въ серебрѣ ходить, будешь бабушекъ да мамушекъ дарить».

По окончаніи этой операціи, вѣроятно, очень чувствительной для новаго человѣка, такъ какъ за все время паренья, младенецъ оретъ благимъ матомъ,—«бабушка» свиваетъ ребенка и снова причитаетъ:

— «Озепишшо, уроцишше, поди отъ раба (имя)».

Послѣднія слова произносятся съ тою цѣлью, чтобы кто не сглазилъ новорожденнаго (*не озепилъ*), *уроки*—бы не нашли *), *утишина* бы не взяла.

Черезъ два, три дня ребенка крестятъ, послѣ чего воспріемники отправляются въ домъ отца крестника, гдѣ и предлагается угощеніе, состоящее изъ водки и каши. Ребенокъ передается бабкой матери, а послѣдняя, если пора рабочая, передаетъ нянькѣ, дѣвочкѣ лѣтъ девяти или десяти, на попеченіе и подъ присмотромъ которой ребенокъ и остается до тѣхъ поръ, пока перестанетъ нуждаться въ чужой помощи. Ребенокъ долженъ переносить все: перенесетъ—такъ будетъ жить, а не перенесетъ—умирай, слезъ будетъ немного. До восьми—десяти лѣтъ, т. е. до того времени, когда юный членъ семейства можетъ сколько нибудь помогать въ работахъ отца, на ребенка не обращается никакого вниманія. Говорятъ, что отецъ иногда забываетъ, какъ зовутъ его ребятишекъ. Въ эту пору нѣжнаго возраста на мать возлагается только одна нравственная обязанность: изъ всѣхъ силъ сдерживать себя, не бранить своихъ дѣтей чертомъ и не посылать къ черту. Въ противномъ случаѣ дитя будетъ утащенъ нечистою силою.

Любимыми забавами дѣтей бываютъ слѣдующія игры: шаромъ, мячикомъ, въ бабки (козанья), лошадки и др. Но дѣвочки большею частію играютъ только въ стряпню: разводятъ глину и приготовляютъ изъ нея различныя печенья. Когда игра бываетъ общая, то малыши устраиваютъ свадьбы, съ соблюденіемъ всѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которыхъ держатся взрослые. Свадьбы эти улаживаются такимъ образомъ: мальчикъ выбираетъ себѣ невѣсту (обыкновенно устраиваютъ нѣсколько паръ), тутъ бываетъ и вой невѣсты, и пріѣздъ жениха, и пиръ; по окончаніи всего отправляются въ шалашъ, сдѣланный заранѣе мальчиками, тамъ молодыхъ укладываютъ спать тѣ, которыя играютъ роль свахъ. Особыхъ пѣсенъ у дѣтей нѣтъ, а поютъ онѣ тѣ пѣсни, которыя слышатъ отъ взрослыхъ.

Среди этой простой обстановки незамѣтно подрастаетъ молодежь, и прежніе малыши обратились въ парней и дѣвокъ. Послѣ уборки льна, начинаются посидѣлки. Нанимается особая изба, и первый вечеръ открывается пиршествомъ, которое состоитъ изъ дешевыхъ лакомствъ и, нерѣдко, водки. На посидѣлки собираются дѣвушки и парни: первыя являются съ работой, а вторые съ гармоникой и балалайкой. Весь вечеръ проходитъ въ пѣсняхъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бываютъ и пляски. Но съ наступленіемъ святокъ, характеръ посидѣлокъ измѣняется, и самыя посидѣлки уже называются *бесѣдками*. Къ пѣснямъ присоединяются игры, разныя представленія и ряженые. Дѣвушки по прежнему являются съ работой, но никто ничего не дѣлаетъ. Вмѣсто лучины изба освѣщается двумя, тремя сальными свѣчами. Дѣвки сидятъ на лавкѣ и пощелкиваютъ подсолнечныя семячки; около нихъ—парни; палати и печь наполняются ребятишками, которыя, свѣсивъ головенки, съ любопытствомъ слѣдятъ за ходомъ святочныхъ забавъ; изъ-за перегородки выглядываютъ старческія лица и тихо улыбаются. Дѣвки и парни запѣваютъ:

«Ишшо кто у насъ не женатъ?
Розанъ мой, розанъ, виноградъ зеленый!»

*) Лихорадочное состояніе.

При этихъ словахъ пѣсни встаетъ парень и начинаетъ ходить по избѣ. Пѣсня продолжается:

Кто гуляетъ холостой?
Розанъ мой, розанъ, виноградъ зеленый!
А Иванъ-отъ не женатъ,
А сынъ Петровицъ не женатъ;
По цисту полю гуляетъ,
Ярово поле глядитъ,
Ярую пшеницу.
Выбирай дѣвицю».

Парень беретъ за руку дѣвку, которая ему по душѣ, и ходитъ съ ней до конца пѣсни:

«Еще вышелъ указицъ
Цѣловаться двѣсти разъ,
Полтораста на заказъ».

Тутъ молодчикъ обнимаетъ дѣвушку и цѣлуетъ ее, сколько ему будетъ угодно. Эта игра носитъ названіе «женить» и продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ парни не выберутъ себѣ по дѣвицѣ.

— Давайте тушить столбушку! раздается голосъ.

Тотчасъ же кто нибудь изъ парней подходитъ къ столбу, подпирающему палати, и говоритъ:

— Столбушка загорѣлась. Марша, ступай тушить!

Дѣвушка подходитъ и парень цѣлуетъ ее шесть разъ, причемъ рукамъ своимъ даетъ полную волю. Нескромность парня не вызываетъ ни малѣйшаго протеста со стороны дѣвицы, наоборотъ, кто застѣнчивъ, о томъ дѣвки отзываются такъ: «що за парень, ни разу и не хватитъ».

Игры продолжаются, смѣняются хороводами и плясками. Хороводъ поетъ:

«Заря моя вецерняя,
Игра, гульба веселая.
Стали играть, розыгрывать,
Меня младу свекровь крицитъ:
«Сноха моя, боярыня,
Поди домой, послушайся».
Ой, я, млада, не шла домой, не слушалась,
Игры, гурьбы не портила,
Подруженекъ не гнѣвила;
Мила дружка утѣшила.
Заря моя вецерняя (снова также до «меня младу»)
Меня младу *лада* зоветъ (мужъ):
«Иди жена, боярыня,
Иди домой, послушайся».
Ой, я, млада, пошла домой;
Пошла домой, послушалась;
Игру гульбу попортила,
Подруженекъ разгнѣвила.

Одна пѣсня слѣдуетъ за другой, звуки балалайки сливаются съ гармоникой, и изба дрожитъ отъ молодецкаго топота.

— Ряженые, ряженые!

Показались два парня въ берестяныхъ маскахъ и съ деревянными лопатками въ рукахъ; они подходятъ то къ той, то къ другой дѣвицѣ и спрашиваютъ:

— Сколь набить аршинъ набойки?

Дѣвка говоритъ. Ряженый бьетъ ее по спинѣ лопаткой столько разъ, сколько она пожелала себѣ аршинъ набойки.

— Съ сушеною рыбой! Кому сушеной рыбы? кричитъ новый ряженый, держа за спиной пару сухихъ лаптей.

Требованіе сушеной рыбы удовлетворяется точно такимъ же образомъ, какъ набойка: ряженый бьетъ лаптями дѣвокъ по спинѣ и чему попало.

Въ избѣ крикъ и хохотъ.

Влетаетъ еще ряженый, это—*наѣздникъ*. Онъ съ нагайкой и дугой, перекинутой черезъ плечо, бѣгаетъ и хлещетъ нещадно дѣвокъ, такъ что всѣ убѣгаютъ, и изба остается совершенно пустою. Появленіе новыхъ ряженыхъ собираетъ разбѣжавшихся, и въ избѣ снова начинаются представленія и шутки ряженыхъ. Къ числу самыхъ любимыхъ сценъ, которыя розыгрываются на святочныхъ бесѣдкахъ, относится сцена подъ названіемъ: «Аѳонька новый и баринъ голый». Это—діалогъ, который ведется между бариномъ и его слугою, Аѳонькой, и есть ничто иное, какъ сатира на старый помѣщичій бытъ. Въ ней изображается типъ барина и его отношенія къ своимъ крестьянамъ, у которыхъ хозяйство доведено до такой степени совершенства, что хлѣбъ въ полѣ стоитъ «колосъ отъ колоса, не слыхать человѣчьяго голоса», изъ рогатой скотины только «тараканъ да жужелица» и т. д. Къ сожалѣнію, народная сатира, по формѣ изложенія, такъ мало *литературна*, что дѣлать изъ нея извлеченія положительно не удобно. То же самое нужно замѣтить и относительно большинства святочныхъ представленій, которыя возбуждаютъ въ зрителяхъ такой искренній восторгъ, какого не можетъ у образованнаго человѣка вызвать ни одна изъ первоклассныхъ комедій.

Въ продолженіи вечера дѣвушки не разъ выбѣгаютъ

на улицу и гадаютъ. Онѣ смотрятъ черезъ потный хомутъ, только что снятый съ лошади, въ зеркало, чтобъ увидѣть суженаго. Вытаскиваютъ изъ кучи дровъ полѣно, и если оно суковато, то суженый не хорошъ на лицо и сварливъ; если же полѣно гладко, то суженый и красивъ, и добръ, и обходителенъ. Приносятъ курицу въ избу; ставятъ передъ ней воду и сыплютъ зерна овса или пшеницы. Если курица начнетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница, если станетъ ѣсть зерна и торопиться—будетъ непремѣнно обжора; если же будетъ ѣсть умѣренно, то—хорошій мужъ. Берутъ два зеркала и выходятъ на улицу; одно зеркало стекломъ обращаютъ къ мѣсяцу, а другое къ стеклу перваго и смотрятъ во второе зеркало. Сколько изображеній луны получится, столько будетъ дѣтей. Выходятъ на перекрестки, чертятъ кругъ первымъ огаркомъ, т. е. который остался отъ первой сгорѣвшей свѣчи, или лучины въ тотъ вечеръ, въ который происходитъ гаданье, становятся въ этотъ кругъ и слушаютъ. Если гадальщица услышитъ стукъ топора, — въ текущемъ году должна умереть; если стукъ молота о наковальню, то ей жить богато; если звонъ колокола, то ей умирать; если же звонъ колокольчика, то выйдетъ замужъ.

Святки миновали — и опять возвращаются къ посидѣлкамъ, которыя оканчиваются съ наступленіемъ масляницы. Масляница проходитъ въ ѣдѣ блиновъ, катаньи съ горъ и на лошадяхъ и заканчивается сжиганіемъ соломеной куклы или костра. Въ началѣ весны первый дождь встрѣчается парнями и дѣвушками пѣснею:

«Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ!»

Въ семикъ дѣвушки отправляются въ лѣсъ завивать березку. Они приносятъ съ собой козули (круглыя лепешки), яйца, масло, сметану и т. п. Придя въ лѣсъ, завиваютъ на березѣ кольца, сквозь которыя цѣлуются одна съ другой, приговаривая:

—«Здравствуй! кумъ и кума, березку завивши!»

Завивая березу, онѣ поютъ пѣсню о березынькѣ; потомъ водятъ хороводы и заключаютъ празднество уничтоженіемъ всего съѣстнаго.

Перехожу къ свадебнымъ обычаямъ.

Бракъ у всѣхъ жителей Заволжья освящается церковью, кромѣ раскольниковъ, у которыхъ таинство замѣняется «родительскимъ благословеніемъ» и жениха съ невѣстой въ церковь не возятъ. Есть свадьбы, имѣющія двойственный характеръ, собственно свадьбы и вѣнчанія. Вѣнчаніе предшествуетъ свадьбѣ. Послѣ сговора, жениха съ невѣстою ведутъ прямо вѣнчать. Изъ церкви новобрачные ѣдутъ въ домъ отца молодаго, гдѣ бываетъ обѣдъ или ужинъ. Затѣмъ, молодой провожаетъ свою жену въ домъ родителей ея, гдѣ она и остается на недѣлю, двѣ и болѣе. Тутъ уже и начинается свадьба: пойдутъ пиры, дѣвичники и т. п. Во все это время между молодыми не существуетъ никакихъ супружескихъ отношеній, и они называются *женихомъ* и *невѣстою*. Такой обычай существуетъ въ южной части Макарьевскаго уѣзда Костромской губерніи и Семеновскаго—Нижегородской. Есть еще обычай, извѣстный подъ именемъ «самокрутки», который встрѣчается въ уѣздахъ Семеновскомъ и Пошехонскомъ. Если родители дѣвушки не соглашаются на бракъ дочери, то дѣвушка убѣгаетъ и тайно обвѣнчивается съ возлюбленнымъ. Къ подробному ознакомленію съ этими обычаями я еще буду имѣть случай возвратиться, а теперь остановлюсь на свадебныхъ обычаяхъ, которые наиболѣе общи всему Заволжью.

Посидѣлки, бесѣдки и хороводы даютъ возможность парнямъ и дѣвкамъ знакомиться другъ съ другомъ и «заводить любовь». Но этого оказывается недостаточно. Въ зимнее время устраиваются, такъ называемые, «свозы»; для своза избирается преимущественно ближайшее село, гдѣ бываютъ базары, и затѣмъ уже деревни. Свозы состоятъ въ томъ, что на улицу собираются дѣвицы, а парни пріѣзжаютъ на лошадяхъ. Здѣсь молодецъ высматриваетъ себѣ суженую; то же дѣлаетъ и его мать.

Въ 18 лѣтъ почти каждый парень старается жениться; главный мотивъ — имѣть лишнюю работницу въ семьѣ. Когда какая нибудь дѣвка приглянется, парень проситъ свою мать (отца никогда), чтобы она засылала сваху; мать подговариваетъ одну изъ своихъ близкихъ родственницъ отправиться свахой, такъ какъ спеціально занимающихся сватовствомъ женщинъ нѣтъ.

Сваха приходитъ въ домъ приглянувшейся парню дѣвки и, обращаясь къ матери послѣдней, говоритъ: «у тебя есть товаречъ, у меня—купечъ», или «у тебя есть невѣстка, а у меня женишекъ»; если мать желаетъ выдать свою дочь, то говоритъ: «милости просимъ», а если нѣтъ, говоритъ: «у меня не отдажная». Когда

сваха услышитъ привѣтъ: «милости просимъ», то, не выходя изъ избы, дѣлаетъ договоръ о выкупной цѣнѣ и приданомъ. Выкупъ, «кладка» или «выводъ» бываютъ различны, смотря по состоянію невѣсты и жениха: отъ 20 до 50 рублей.

На другой день является женихъ съ своими родными на «смотрины»; приноситъ съ собою вино и подарки невѣстѣ. Женихъ, невѣста и нарѣченные сваты садятся за столъ и договариваются снова о приданомъ и выкупѣ. Договоръ заключаютъ битьемъ по рукамъ и молчаніемъ. Отецъ жениха, по окончаніи молчанья, наливаетъ своего вина и подаетъ отцу невѣсты. Невѣста, какъ увидитъ, что отецъ подноситъ свату вина, начинаетъ выть:

«Не заруцяй меня, батюшка, не давай своей правой руки цюжому цюжанину: цюжой отецъ и мать уродились они безжеланные. Не пей, кормилець — батюшка, ты цяру зелена вина: зелено вино обманциво. Ты пропьешь меня молодешеньку, зеленымъ зеленешеньку, ровно травинку недорослую, ровно ягодку недоспѣлую, ровно пашеньку недозрѣлую. Сожнешь пашеньку — не выспѣетъ, сорвешь ягодку—не воззрѣетъ, скосишь травиньку--не выростетъ: то и мнѣ, молодешенькѣ, не вырости, не вымужать, съ могутой силой не справитця. Во цюжихъ людяхъ надо жить то умѣюци: надо всякому уноровить, старому и младому, и холостому—не женатому; надо старому для старости, а младому то для младости, холостому для женитьбицы, удалу добру молодцю для удалости».

Въ невѣстахъ (въ «сговоренкахъ») дѣвица бываетъ недѣли двѣ; у нея ходятъ подруги, помогаютъ ей шить приданое и поютъ пѣсни, сама «сговоренка», каждый день, раза три, четыре, уходитъ за перегородку, гдѣ у нея стоитъ коробка съ приданымъ и воетъ:

«Ишшо що (цо) я, молодешенька, заунылa, заумолкнула, сижуци призадумалась, цюжихъ басенокъ принаслушалась. Хороши ваши басенки, хорошо больно и слушать, какъ безъ горя, безъ круцинушки, безъ пицяли великія; у меня же молодешеньки много горя и круцинушки, и пецяли великія: що первò горѐ—круцина—молодешеньку замужъ даютъ, ровно травинку недозрѣлю, ровно ягодку недоспѣлую» и т. д.

Невѣста воетъ одна, а иногда ей помогаетъ въ этомъ трудѣ любимая подруга. Если же сама невѣста не умѣетъ выть, то нанимаютъ особую женщину, спеціалистку, по части вытья.

За день до вѣнчанья, сговоренка обращается къ подругамъ:

— «На дворѣ день вицеряется, красно солнышко закатаетця, добры молодци коней поятъ, красны дѣвушки воду носятъ. Истопите, мои подруженьки, истопите, мои голубоньки, про меня баньку-мыленьку въ достальныя, въ послѣднія во душахъ красныхъ дѣвушкахъ!»

Невѣста съ подругами собирается въ баню. Тутъ она воетъ:

— «Дай, кормилича-матушка, виницковъ пароцку, да мыльча кусоцикъ!» Какъ только выйдутъ на улицу, невѣста причитаетъ:

— «Свититъ свитлый мисяцъ; свити, мисяцъ, непросвицивай, не запнутця-бы мнѣ молодешенькѣ за билыя снѣжны грудинки, не сронить-бы дивью красоту, мнѣ цесную воспохвальную. Растворись ты, баня порушка, пропусти молодешеньку мнѣ помытця, попаритця въ достальныя, въ послѣднія во душахъ красныхъ дѣвушкахъ!»

Въ банѣ болѣе смѣлая и бойкая изъ подругъ (а случается и женщина) причитаетъ сговоренкѣ:

— «Достальная банька постная, а потомъ будутъ молошныя. Парься усокъ, глатця усокъ, завтра усокъ, дадутъ мяса кусокъ».

Дѣвицы въ банѣ пьютъ вино и пиво. Когда пойдутъ отъ бани, невѣста завоетъ:

— «Раскатися, баня-поруша, до послѣдняго бревнушка! Ты разсыпься, каменка, до послѣдняго камешка! Смыла дивью красоту, мнѣ цесную воспосхвальную».

Воротившись домой и подойдя къ сѣнямъ, она проситъ брата:

— «Отвори, братецъ-батюшка, свою новую горенку, ты пусти, молодешеньку, въ свою новую горенку, въ свитлую свитлицю; прищипало у меня, младешеньки, мои рѣзвыя ноженьки»!

Братъ отворяетъ дверь, но подруга тотчасъ же опять затворяетъ. Тогда невѣста обращается къ снохѣ:

— «Отвори, сноха милая, свою свитлую горницу» и т. д.—«Отвори, кормилецъ-батюшко, свою свитлую горницю» и т. д. — «Отвори, родима матушка, свою свитлую горницю» и т. д. Мать отворяетъ дверь и невѣста съ подругами входитъ въ избу.

— «Благодарю, кормилича-матушка, за баньку за порушу въ достальныя, во послѣднія. Смыла дивью красоту, да цесную воспохвальную».

Въ тотъ день, когда бываетъ у невѣсты баня, прі-

ѣзжаетъ свадебный поѣздъ жениха къ невѣстѣ съ *запасомъ* (съ гостинцами). Какъ только всѣ гости усядутся, невѣста начинаетъ причитать:

— «Що за пиръ, за бисидушка, що за гости: али званые, али жданые? Я не знаю, молодешенька, да цюжіе цюжанины».

Родители невѣсты обносятъ дарами родныхъ жениха (платками и полотенцами); невѣста причитаетъ:

— «Не прогнѣвайтесь, кормилицы-батюшки, на мои дары скудные, на мои дары бѣдные!»

Послѣ даровъ, гости поднимаются домой; невѣста обращается къ отцу жениха:

— «Ты скажи, цюжой цюжанинъ, своему сыну: не слуга ему я вѣрная, не посылоцка скорая; посылать станетъ, не дождетця, а и дождетця, такъ правды не скажу».

Женихъ съ поѣздомъ (гостями) уѣхали; невѣста обращается къ своей матери:

— «Ишшо ходить, кормилича-матушка, на великихъ на радостяхъ, ты меня избываюци, за небеса хватаюци, до полу не притыкаюци».

На слѣдующій день, назначенный для вѣнчанья, невѣста встаетъ вмѣстѣ съ послѣдними пѣтухами и завоетъ, еще не умываясь:

— «Пѣтухи ли вы пѣтухи, деревенцкіе обужатели, на що рано вы поете, меня младу будите? Що мои то кормильцы, ище спятъ-то, желанные, на великихъ на радостяхъ. меня-то они избываюци, меня они изживаюци. Ужъ какъ мнѣ-то, молодешенькѣ, мнѣ седняшная ноць не спалась, не лежалася; мнѣ успалося малешенько, мнѣ свидилось многошенько, мнѣ привидился пристрашный сонъ!...»

Передъ самымъ пріѣздомъ жениха за невѣстой къ вѣнцу, сговоренная сидитъ съ подругами за занавѣскою; она обращается къ родному брату:

— «Подступись, братецъ-батюшко, ты ко мнѣ въ занавѣсточку, на горемышную лавоцку».

Братъ приходитъ и даетъ деньги въ подарокъ («на слезы»). Затѣмъ невѣста обращается ко всѣмъ своимъ роднымъ съ такими же словами, какъ и къ брату. Къ матери воетъ:

— « Ишшо що, кормилича-матушка, младешеньку замужъ даите, зеленешиньку сбираите? Али я вамъ не работнича, али я вамъ не помошнича? Али ты, кормилича-матушка, нигдѣ меня не хватишься? Какъ придетъ лѣто теплое, работа тяжелая, ты пойдешь, кормилича-матушка, на работу тяжелую, не увидишь, кормилича-матушка, впереди ты поглядоцку, подешь да оглянешься, позади нѣтъ постижецки, худыя работницы: ты тогда меня и хватишься». Раздаются колокольчики и бубенцы: то поѣздъ жениха подъѣзжаетъ къ дому невѣсты.

—«Що не пыль запылилася, не туманъ затуманился, голоситъ невѣста: запылилась путь дороженька, затуманились добры кони, добры кони Ивановы. Завали-ка, братечъ - батюшко, ты путь ту дороженьку; запри-ка ты свой теплый дворъ: не пройти бы, не проѣхати, що цюжому цюжанину, цюжему сыну отечьскому, съ своимъ родомъ племенью. Ужъ вы выдте-ка, подруженьки, на батюшковъ широкій дворъ, на матушкинъ красенъ крылечъ; поглядите-ка, подруженьки, на цюжаго цюжанина: не по холопски-ли съ коня встаетъ, по писаному ли крестъ кладетъ».

Дружка (шаферъ жениха) первый сходитъ съ телѣги и отправляется въ избу, а остальные гости ждутъ на улицѣ приглашенія. Когда дружка идетъ въ избу невѣсты, то приговариваетъ:

— «Я по улицѣ иду, грудоцки разбрасываю, Исусову молитву творю: «Господи Исусе Христе, помилуй насъ»; по синецкамъ иду, Исусову молитву творю «Г. І. Х.» и т. д.; по мосту иду, по калинову, Исусову молитву творю и т. д.; за скобу берусь, за луженую берусь, я дружка молодой. Сватушка молодой, свахонька молодая, сами-ли вы двери отворите? (говорятъ изъ избы: «Господь благословитъ, самъ отворяй»). Двирецки отворяю, на пяту становляю, черезъ порогъ шагаю, по полу иду, по зыбуцему иду, Исусову молитву творю «Г. І. Х.», и т. д. «Стану я передъ Спаса образа, передъ мать присвятую Богородицю, кстися правая рука, поклоняйся буйная голова! Ждали-ли вы седнишній день гостей, варили-ли штей? Нашего князя новобрашнаго пріѣхалъ добрый поѣздъ, весь скруценъ, изнаряженъ и по саноцкамъ запряженъ. Есть-ли палати намъ класть халаты, есть-ли полици намъ класть рукавицы, есть-ли крюки намъ класть кнуты, есть-ли спицки свахамъ вишать кицки? А мнѣ, дружкѣ молодому, пожалуйте скаменцку дубову, нашимъ добрымъ конямъ дайте сѣно по колѣно, а овса по шшотки. Принимайте нашего князя новобрашнаго». Отецъ и мать невѣсты берутъ икону, хлѣбъ и соль и просятъ гостей пожаловать въ избу.

Невѣста причитаетъ:

«Що идетъ-то дружка хоборзко, говоритъ-то дружка говорко. Не пугай-ка меня, молоду; безъ тебя я напу-

гана: испугалъ кормилечъ-батюшка со кормиличей-матушкой, онъ своей-то правой рукою».

Женихъ и поѣзжаные входятъ.

Гости занимаютъ мѣста по указанію дружки. На почетномъ мѣстѣ (подъ образами, въ переднемъ углу) рядомъ съ женихомъ, по правою руку его садится тысяцкій (отецъ посаженый); на второмъ мѣстѣ (рядомъ съ женихомъ по лѣвую руку), большой баринъ (близкій родственникъ) и т. д.; всѣ занимаютъ мѣста, смотря по родству. Когда всѣ гости усядутся по своимъ мѣстамъ, дружка беретъ пирогъ, привезенный съ собой и рѣжетъ, потомъ наливаетъ вина и, обращаясь къ отцу невѣсты, который бываетъ не за столомъ, какъ и всѣ родные невѣсты, говоритъ: «Господи Ісусе Христе, помилуй насъ! Сватушко молодой, свахонька молодая, повыйдите, повыступите по край пола зыбучаго, станьте передъ насъ на ноженьки стамучія. У насъ ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, цаша съ питьемъ, языкъ съ целобитьемъ, цаша того, кто любитъ его (жениха), цаша тѣхъ, кто (говорятъ: фто) любитъ всѣхъ, цаша деревянная, въ цашѣ питья медвяныя, цаша соловецкая, въ ней питья примолодечкія. Извольте, сватушко, выкушать на доброе здоровье, ровно маслище коровье, ретиво серцё окатить, буйную головушку взвеселить, горе круцинушку на радость положить; не горюйте о матушкѣ о своей (называетъ имя невѣсты). Когда угощеніе кончится, дружка говоритъ отцу невѣсты: «Ну, сватушко, давай намъ товарецъ, а мы тебѣ денежки». Тысяцкій отдаетъ деньги отцу невѣсты, а дружка отправляется за невѣстой, которая во все это время сидитъ завѣшанная за перегородкой. Пробираясь между гостями и зрителями къ невѣстѣ, дружка говоритъ: «Г. І. Х., помилуй насъ! пораздайтеся, поразступитеся: постарѣе дядюшки, помоложе братчи - батюшки,—постарѣе тетушки, помоложе красны дѣвицы, криношныя блудничи, горшешныя пагубничи, щобы мнѣ, дружкѣ молодому, на ножку-бы не вступить, цюлоцка-бы не замарать, башмацка-бы не проломить. У меня, дружки молодаго, глаза завидушши, ноги загребушши, руки захватушши, за п.....ку-бы не хватить, бѣдушки бы не нажить, безцестья бы не заплатить».

Подойдя къ невѣстѣ, дружка говоритъ: «ну кормилида, оболокайся!», и подаетъ ей рюмку съ виномъ; на днѣ рюмки положена серебряная монета; невѣста вино выливаетъ въ платокъ (иногда отдаетъ подругѣ), а монету беретъ себѣ (на слезы) и тотчасъ начинаетъ выть: «Не прошу, кормиличъ-батюшко, я ни злата ни серебра, прошу, кормиличъ-батюшко, благословенія великаго!» Отецъ благословляетъ и передаетъ свою дочь дружкѣ. Дружка выводитъ невѣсту къ столу, гдѣ сидятъ гости.

Дѣвицы поютъ:

Выводы, выводы,
Дороги славны выводы!
Выводилъ государь-батюшко,
Съ середы подъ окошецко,
Съ горемыцнаго мостицка;
Онъ сдавалъ гостямъ на руки
Одному гостю на вѣки,
Ивану-то Трофимовицю.
Добро тебѣ живовать,
Удалой добрый молодецъ,
Щё Иванъ да Трофимовицъ,
Со душой красной дѣвичей
Да Варварой Семеновной.

Невѣста подходитъ къ столу и причитаетъ:

«Кстись права рука, покланяйся, буйна голова, на всѣ на четыре стороны. Вы здорово, гости любезные, не всякому наймё (по имени), вамъ всѣмъ вообще низкій поклонъ».

Женихъ приближается къ невѣстѣ, цѣлуетъ ее и беретъ за руку; дружка сажаетъ жениха и невѣсту за столъ, на положеный на лавкѣ войлокъ; но ни женихъ, ни невѣста не хотятъ садиться, чтобы не пришлось сѣсть первому, тогда не будешь власти имѣть. Когда, наконецъ, усядутся, женихъ старается наступить невѣстѣ на ногу такъ, чтобы никто не замѣтилъ,—какъ только женихъ приступитъ невѣстѣ ногу, невѣста завоетъ:

«Ишшо що, кормилецъ—батюшко, не морозы-ли лютые по подлавицью ходятъ, пришшипало у младешеньки ли правую ноженку?» Дѣвки въ это время стучатъ подъ окномъ и зовутъ сговоренку водить хороводъ.

«Отпусти, цюжой цюжанинъ, ко душамъ краснымъ дѣвицамъ въ достальныя, въ послѣднія меня на улоцку погулять». Позволенія не получаетъ. Начинаются дары. Подговариваясь къ дарамъ дружка говоритъ:

«Мы, сватушко, не для того сидимъ, що сдарья глядимъ, а що знатця хотимъ».

Едва сваха, мать невѣсты, подойдетъ съ блюдомъ, на которомъ лежатъ дары (полотенца или деньги), дѣвицы запѣваютъ «величаніе». Начинаютъ съ тысяцкаго:

Какъ у цароцки у серебреныя
Золотой вьюницокъ;
Какъ у свата, у Максима,
Дорогой его обыцай:
Гдѣ ни пьетъ, гдѣ ни ѣстъ,
Домой идетъ ноцевать.
— Ужъ ты, Анна, вставай,
Доць Максимовна, вставай!
—«Не досугъ, сударь, встрѣцать,
Ужъ я сына-то кацаю,
Себѣ сношеньку я цаю,
Себѣ сноху молодую
Перемѣну вѣковую».

Холостымъ дѣвицы поютъ:

«Кудрявцино, кудрявцино,
Кудреватый удалъ молодечъ,
Ты Андрей, сынъ Демидовицъ!
Ужъ и кто тебя спородилъ?
— Спородила родна матушка
Воскормилъ, воспоилъ батюшка,
Воскацяла легка лодоцка.
—«Скажи кто у тебя
Кудерци завивалъ?
— Завивала-то милая сестра
Да свѣтъ Анна Демидовна!»

Когда кончится даренье, поѣздъ ничинаетъ собираться къ вѣнцу: дружка ставитъ жениха и невѣсту на войлокъ и подводитъ къ нимъ отца и мать, которые благословляютъ чету. Какъ только сойдутъ съ войлока, братъ невѣсты беретъ ее за косу и не отпускаетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ выкупъ (копѣекъ 5—10); войлокъ же беретъ кто нибудь изъ родныхъ и требуетъ выкупа. Въ телѣгу (или сани), въ которой поѣдетъ сговоренка къ вѣнцу, невѣсту сажаетъ братъ; она воетъ:

«Не сажай-ка, братецъ-батюшко, на цюжа добра коня!»

Потомъ она прощается со всѣми подругами, обнимается и съ каждой воетъ.

Наконецъ, всѣ гости усѣлись; дружка обходитъ весь поѣздъ три раза и говоритъ:

«Милости прошу къ нашему князю новобрашному въ гости гостить!»

До половины дороги сговоренку провожаютъ подруги, а нѣторыя до самой церкви. Всю дорогу невѣста причитаетъ.

Послѣ вѣнца невѣсту отводятъ въ сторожку, которая бываетъ при церкви, или въ домъ священника, и тамъ свахи крутятъ ее (заплетаютъ въ двѣ косы). Въ телѣгу теперь долженъ посадить женихъ (т. е. ужъ молодой мужъ), но невѣста, на сколько хватитъ силъ, упирается, чтобы никогда не поддаваться мужу. Отъ вѣнца молодые отправляются со всѣмъ поѣздомъ пировать къ отцу молодаго-новобрачнаго. Молодыхъ кормятъ отдѣльно и, какъ только они закусятъ, ихъ отправляютъ «на подклѣть» (отдыхать въ отдѣльную комнату). Дружка беретъ за руки молодыхъ и приговариваетъ:

«На подклѣть вести, за хохолъ трясти, мельницу ковать, ячею пробивать».

Дружка и сваха провожаютъ новобрачныхъ до постели. Молодой, не снимая сапогъ и шляпы, садится на постелю; молодая подходитъ и говоритъ:

«Позволь съ права уха шляпицю снять, на лѣвое колѣно положить; позволь праву ноженьку разуть». (Обыкновенно въ сапогъ молодой кладетъ деньги и когда его разуетъ молодая жена, то деньги беретъ себѣ).

Дружка кладетъ молодыхъ на постель и перекатываетъ ихъ другъ черезъ дружку три раза, приговаривая:

«Ройся въ шерсти».

На другой день бываетъ «бѣленье». Всѣ обмываются водой холодной и моютъ молодыхъ (послѣднихъ обыкновенно уводятъ въ отдѣльную комнату, приносятъ имъ воды и оставляютъ ихъ, чтобы они мылись). Потомъ попируютъ и въ тотъ же день разъѣзжаются, если свадьба бываетъ въ рабочую пору, а если осенью или зимой, то пируютъ, какъ Богъ на душу положитъ.

На второй недѣлѣ, послѣ Пасхи, молодыхъ «окликаютъ». Этотъ обычай окликанія называется еще и «вьюницей». Въ субботу къ молодымъ приходитъ толпа ребятишекъ-мальчиковъ. Они входятъ въ сѣни, отворяютъ дверь избы и останавливаются на мосту; затѣмъ хоромъ поютъ:

Ой, юница, ой молодая,
Подавай наши кулици!
Ежель не подашь,
Кицку сшибемъ,
Ворота прошибемъ,
Тебя въ хлѣвъ запремъ,
Помеломъ заткнемъ,
Крюкомъ вытащимъ».

Молодая выходитъ къ нимъ съ рѣшетомъ, наполненнымъ колобками, и одѣляетъ каждаго изъ мальчиковъ.

На слѣдующій день, въ воскресенье, между заутренею и обѣднею, являются всѣ женатые, сколько ихъ ни есть въ селеніи, и начинаютъ:

Эй, вьюница, эй молодая!
Ужъ и дома-ли хозяинъ съ хозяюшкою?
Мы не воры пришли, не разбойницки,
Мы пришли пѣвчи, окликальщицки,
Окликальщицки да велицяльщицки.
Эй, вьюница, эй молодая!
Благословляй-ка ты, хозяинъ,
Новобрашныхъ окликать,
Молодую велицать!»

Далѣе «вьюница» воспѣваетъ три «угоды», которыя есть на дворѣ хозяина. Первая угода—«соловей гнѣздо вьетъ, малыхъ дѣтинекъ ведетъ». Вторая угода—«бѣлояровы пчелы», и третья—есть «тесова кровать», на которой пуховая перина и подушка парчевая, на подушкѣ парчевой вьюнецъ молодецъ со «обрушной» со своей. Вьюнецъ по сѣнечкамъ ходитъ, въ гуслицки играетъ, жену утѣшаетъ. Онъ совѣтуетъ ей не плакать, говоря, что взялъ ее не силою, не «увозомъ увезъ», а по доброй волѣ и согласію ея родителей. Вьюница заключается обращеніемъ пѣвцевъ къ молодой:

«Ты беритка, бери
Свои золотыя клюци;
Отпирай, отпирай
Окованны ларчи;
Вынимай, вынимай
Парцовы кошели;
Одѣляй да одѣляй
Насъ пѣвчовъ, молодчовъ (bis)
Да окликальщицковъ,
Окликальщицковъ
Да величальщицковъ.
Хоть по денежкѣ
Да по копѣецкѣ,
Хоть по цароцкѣ винча
Да по стаканчику пивча,
И ужъ сверхъ того
Да по красному яйцу».

До этого времени, хоть-бы съ момента свадьбы прошло болѣе полгода, окликаемыхъ зовутъ *молодыми;* но съ вьюницею это оканчивается, и никто ихъ больше не называетъ молодыми *).

*) Другіе свадебные обычаи и обряды составляютъ предметъ особыхъ очерковъ, которые я, современемъ, представлю въ нашъ отдѣлъ.

Надо замѣтить, что какъ окликаніе, такъ и весь свадебный обрядъ и многіе другіе народные обычаи, свидѣтельствуютъ о публичности, или общественности, которыя у русскаго народа стояли когда-то на самой высокой степени развитія. Всякое явленіе, всякій случай, какъ бы частенъ онъ ни былъ,—составлялъ предметъ общаго интереса; то, что, казалось, было только дѣломъ единичной личности, одного человѣка—было дѣломъ *всѣхъ*, въ положеніи или участи одного принимали *всѣ* живое участіе. Ничто, кажется, частнѣе факта, какъ положеніе новобрачной до замужества: здѣсь дѣло касается интересовъ только *одного* мужа. На взглядъ многихъ просвѣщенныхъ людей можетъ показаться дикостью, остаткомъ варварства, освидѣтельствованіе молодыхъ утромъ послѣ свадьбы. Иначе и быть не можетъ, если станемъ разсматривать явленіе отдѣльно, безъ всякаго отношенія къ другимъ явленіямъ народной жизни. Но разъ мы соединимъ факты, комбинируемъ, мы ясно увидимъ, что и въ данномъ случаѣ выступаетъ *общее* русской жизни начало: интересъ одного—интересъ всѣхъ, и всѣ оказываютъ участіе или сочувствіе единичной личности, раздѣляютъ ея радость и горе, честь и позоръ, потому что эта личность есть членъ рода или общины, организмъ которыхъ только и крѣпокъ взаимностью интересовъ отдѣльныхъ членовъ.... Въ фактѣ же «окликанія» молодыхъ, кромѣ этого общаго начала, не трудно усмотрѣть другое начало, тѣсно связанное съ первымъ и не менѣе его важное: это—признаніе со стороны народа, или общины, правъ гражданства за вступившими въ бракъ. Послѣ «окликанія» новобрачныхъ не зовутъ уже больше *молодыми*, а крестьянинъ и крестьянка, что—другимъ словомъ—молодые теперь ужъ сдѣлались равноправными со всѣми членами общины; ибо сама община признала эту равноправность: молодыхъ міръ «окликалъ»....

Опускаю описаніе народныхъ празднествъ, которыя совпадаютъ большей частію съ какимъ нибудь праздникомъ церкви, и перейду прямо къ народной медицинѣ.

Въ каждомъ уѣздѣ Заволжья есть отъ земства врачи, одинъ или два на весь уѣздъ съ населеніемъ отъ 80 до 100 тыс. человѣкъ. Но къ помощи ихъ народъ не обращается, у него есть свои медицинскія средства, свои доктора-знахари и колдуны. Только зажиточные мужики, въ селѣ которыхъ живетъ врачъ, иногда заглянутъ въ квартиру «барина». Но знаніе ученаго врача, и въ данномъ случаѣ рѣдко достигаетъ цѣли.

Народная медицина богата средствами. Привожу здѣсь только весьма немногія, которыми народъ пользуется въ различныхъ болѣзняхъ.

1) *Отъ зубной боли:* a) сѣра съ черемухи, b) смола изъ трубки, c) табакъ класть на зубы, d) донце луковицы, e) грибъ, поднятый на ель бѣлкою и f) подкуривать бѣленнымъ сѣменемъ.

2) *Отъ кровей* (у женщинъ): a) пить воду, скипяченную съ луковымъ перомъ, b) настой травы *девятеръ* красный (изъ зонтичныхъ растеній), c) настой травы *плакунъ* (ползучее растеніе), d) настой корня (красный) марёны.

3) *При женскихъ мукахъ:* a) поятъ порохомъ, разведеннымъ въ водѣ, b) трутъ деревяннымъ масломъ, c) поятъ солодомъ съ водой.

4) *Отъ порѣза:* a) гнѣздомъ осы прикладываютъ, b) змѣиной шкурой и c) сухимъ дождевикомъ.

5) *Отъ трипера* и съуженія мочеваго канала пьютъ толченый хрусталь съ водой.

6) *Послѣ родовъ:* a) пьютъ и подпариваются травою *юдикомъ* (изъ класса подорожниковъ), b) подпариваются лошадинымъ каломъ, c) пьютъ настой подорожника и его корней (когда подводитъ животъ).

7) *Отъ жабы* пьютъ настой травы *жабрея.*

8) Корни балаболокъ (болотная лилія) сушатся для того, чтобы распаренными кормить дѣтей для здоровья, для полноты.

9) *Отъ грыжи* поятъ настоемъ *корней ягодки*, а ягодами этого растенія дѣвица румянится.

10) *Отъ желчи* пьютъ настой *звѣробоя.*

11) Отъ обизора (озепишша) пьютъ настой травы *обизорьницы* (одуванчикъ); а водой, пропущенной черезъ стебелекъ одуванчика, поятъ дѣтей отъ запору. (Женщина объяснила мнѣ это такъ: «донца нѣтъ у ягиля этой травы, поэтому вода свободно проходитъ: такъ и у дитяти пойдетъ».)

12) *Отъ опухолей:* a) подпариваютъ травой хмѣлевской (дикій хмѣль) и b) травой *теплоухъ* (зонтичное растеніе).

13) Лишайникъ (который растетъ на борахъ) пьютъ настоенный въ водѣ для того, чтобы не носить дѣтей.

14) *Отъ рожи* прикладываютъ *камчукъ* траву.

15) Отъ поносу: a) пьютъ черемуховыхъ ягодъ и b) лошадиный щавель.

16) *Отъ черной немочи* пьютъ *перелойницу* (вьющ. раст.).

17) *Отъ дурмана* (бахмура— головная боль) прикладываютъ къ затылку молодой крапивы и пр. Едва ли нужно говорить, что народъ, пользуясь травами, обращаетъ вниманіе только на наружную сторону растенія; такъ отъ кровей—травы съ краснымъ корнемъ, отъ бѣлей трава съ бѣлымъ корнемъ, отъ желчи (желтуха) звѣробой (желтый), отъ запора ягиль безъ донца, отъ опухолей листья мягкія. Слѣдовательно, какой видъ имѣетъ болѣзнь, такой должна имѣть и трава.

Кромѣ травъ и разныхъ снадобьевъ, важную услугу жителямъ Заволжья оказываютъ также заговоры и молитвы, съ образцами которыхъ мы уже знакомы и цѣлебная сила которыхъ имѣетъ универсальное значеніе. Здѣсь я ограничусь проведеніемъ одного заговора. Это молитва отъ *ногтя* (т. е. когда лошадь храпитъ и катается).

«Встану я, рабъ Божій (имя), свѣжей водой умываюсь, чистымъ полотенцемъ утираюсь. Выхожу я, рабъ Божій, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ чистыя звѣзды. Молюсь я, рабъ Божій, на всѣ на четыре стороны, въ навостоцной сторонѣ есть океанъ море, а въ этомъ океанѣ морѣ есть ладъ камень; на этомъ камнѣ есть 12 ногтей, 12 когтей. Подите вы, когти и ногти, въ любезнаго моего живота (Карька) прямо въ морду, изъ морды въ правую ноздрю, изъ правой въ лѣвую, изъ лѣвой ноздри въ правое ухо, изъ праваго уха въ лѣвое, изъ лѣваго уха въ переднюю правую ногу, изъ передней правой ноги въ переднюю лѣвую, изъ передней лѣвой въ заднюю правую, изъ задней правой въ заднюю лѣвую, и выйдите вы когти и ногти изъ любезнаго моего живота прямо въ хвостецъ, и подите вы, когти и ногти, въ мѣста непроходимыя, въ въ болота топучія по мою жизнь и по его во вѣки. Аминь».

Заговоры и молитвы въ народѣ составляютъ секретъ: если сказать другому—чудодѣйственная сила ихъ пропадетъ.

Раньше уже было сказано, что заговорами и молитвами народъ ограждаетъ себя и отъ злыхъ людей, и чертей, и колдуновъ. Но не смотря на это, колдуны пользуются большимъ значеніемъ. Исполненіе всякаго обычая и обряда не обходится безъ колдуна, его зовутъ къ беременнымъ женщинамъ, больнымъ и «порченымъ». Колдуны могутъ напустить всякую болѣзнь и порчу. Наблюденія указываютъ, что народъ идетъ всегда лѣ-

читься къ тому же колдуну, на котораго думаютъ, что онъ напустилъ боль. Колдуны иногда сами сознаются, что грѣхъ ихъ, а иногда говорятъ, что они не на того напускали, а на другаго, только этотъ подвернулся на тотъ часъ. Всю силу избавленія отъ болѣзни народъ приписываетъ *словамъ* (нашептываньямъ) колдуна, но не тому, на чемъ было нашептано. Сколько бы не увѣряли, что въ случаѣ подѣйствовали не слова колдуна, а его лѣкарства (вино, чай, наборъ травной; какъ грудной чай, или различныя припарки), народъ не повѣритъ: «безъ колдуна больной пользовался этимъ, скажутъ, да не помогло, а какъ пошепталъ колдунъ, такъ и полегчало».—Колдуны есть добрые и злые; добрый колдунъ умереть можетъ и безъ передачи своего ремесла, а злой не можетъ умереть,—всего изломаетъ, а не умретъ, пока не передастъ колдовство свое. Злой колдунъ и дѣлаетъ все зло, почитать его должно болѣе, чѣмъ добраго. Злой колдунъ можетъ боль напустить по вѣтру. Онъ знается съ нечистымъ (*невидимымъ*, *перехожимъ*, *водянымъ*, *лѣснымъ* и т. п.).

Тѣ же явленія мы встрѣчаемъ и у раскольниковъ: они также вѣрятъ колдунамъ, различнымъ примѣтамъ, и умы ихъ исполнены всевозможныхъ суевѣрій и предразсудковъ. У нихъ есть цѣлая литература, но отъ знакомства съ послѣднею міросозерцаніе ихъ нисколько не становится правильнѣе. Въ средѣ раскольниковъ существуетъ и поэзія—духовные стихи; но отъ этой поэзіи вѣетъ могильнымъ холодомъ и смертью. Содержаніе ихъ стиховъ—уничтоженіе страстей человѣческихъ, уничтоженіе всего тѣлеснаго и чувственнаго, борьба съ искушеніями дьявола, который одолѣваетъ раскольниковъ-поэтовъ представленіемъ женской прелести и всякаго рода соблазнами, постоянное обращеніе къ Богу за помощью и т. п. Попадаются между ними, правда, творенія, не лишенныя значенія, и особенно одинъ стихъ заслуживаетъ вниманія, — стихъ на разореніе старообрядческихъ скитовъ по рѣкѣ Керженцу. Въ стихѣ изображенъ и самъ «генералъ», нарушавшій обители древняго благочестія. Но и это стихотвореніе пахнетъ риторикою. Между всѣми вопросами, не отступно преслѣдующими раскольничій міръ, самымъ жгучимъ выступаетъ вопросъ о кончинѣ міра. Астрономическія явленія, отечественныя событія и газетныя извѣстія, по временамъ достигающія глухихъ раскольничьихъ угловъ, истолковываются ими по своему и не рѣдко принимаются за знаменія втораго пришествія.

Но между раскольниками есть особые люди, старцы и странники, большей частью изъ отставныхъ и православныхъ дьяковъ, которые ходятъ изъ одного селенія въ другое и вопіютъ: «покайтеся, близко пришествіе антихриста». Я познакомлю съ проповѣдью одного изъ предсказателей. Четыре года тому назадъ, странникъ началъ проповѣдывать о пришествіи антихриста и предсказывать, что въ 1874 г. наступитъ кончина міра. Въ 1870 — 71 годахъ, по словамъ его, должны были обнаружиться слѣдующія знаменія пришествіе антихристова.

Въ Новѣ-городѣ соберется митрополія изъ всѣхъ архіереевъ и игуменовъ для того, чтобы вѣру упразднить и церкви закрыть. Антихристъ, которому исполнится уже къ тому времени тридцать лѣтъ, пошлетъ по всей землѣ три тысячи палачей; эти палачи будутъ прикладывать на людей черныя печати на лбу, на рукѣ и на всѣхъ членахъ, по словамъ Ефрема Сирина. Почти всѣ люди примутъ эти печати, а кто не приметъ, того палачи будутъ сажать въ темницу и мучить. Черезъ три года послѣ того, т. е. въ 1874 г., наступитъ второе пришествіе, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ священнаго писанія (Ев. Лук. гл. 13): «се третіе лѣто отъ нележе прихожду ища плода на смоковницѣ сей, и не обрѣтаю: посѣцы ю убо... Господи остави ю и се лѣто, дондеже окопаю окрестъ ея и осыплю гноемъ. И аще убо сотворитъ плодъ; аще же ни, во грядущее лѣто посѣчеши ю». Это значитъ, что кончина міра будетъ въ четвертомъ столѣтіи, слѣдующемъ за седьмою тысячею лѣтъ отъ сотворенія міра. Вопросъ о томъ, дѣйствителено ли черезъ семь тысячъ лѣтъ будетъ кончина міра, странникъ считалъ уже рѣшеннымъ: «дѣло извѣстное, говорилъ онъ, что представленіе свѣта будетъ въ восьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія міра; это давно уже сказано, но не сказано прямо того, въ которомъ именно столѣтіи осьмаго тысячелѣтія будетъ представленіе свѣта. Пустынники же и это знаютъ, потому что они понимаютъ священное писаніе, а въ священномъ писаніи сказано, что смоковницу, т. е. вселенную, Богъ посѣчетъ въ четвертое лѣто. То же самое говорится и въ 10 гл. Апокалипсиса, гдѣ ангелъ клянется, что лѣта уже не будетъ. Что подъ лѣтомъ въ томъ и другомъ случаѣ нужно разумѣть столѣтіе—это видно изъ псалтиря, въ которомъ будто-бы сказано: у Господа тысяча лѣтъ нашихъ вѣкъ, а сто лѣтъ едино лѣто». Почему, именно, кончина міра должна быть въ 1874 г.,

этого странникъ не объяснилъ, ограничившись только указаніемъ на другія мѣста священнаго писанія, изъ которыхъ будто-бы ясно видно, что она наступитъ скоро. «Такъ въ 9 гл. Апокалипсиса говорится, что съ неба спала звѣзда, которой данъ былъ ключъ отъ кладезя бездны; изъ кладезя вышелъ дымъ, а изъ дыма саранча; это рѣчь идетъ о пароходѣ. Саранчѣ дано мучить людей пять мѣсяцевъ, а пароходы ходятъ только лѣтомъ пять мѣсяцевъ, и съ нихъ, будто-бы, много сходитъ больныхъ. У саранчи были брони, какъ бы желѣзныя, а шумъ отъ крыльевъ ея какъ стукъ отъ колесницъ; очевидно, что здѣсь говорится о пароходахъ, которые покрыты желѣзомъ, а отъ колесъ ихъ бываетъ шумъ. Въ 16, 17 и 18 стихахъ той же главы говорится о войскѣ, въ которомъ всадники имѣли огненныя брони, головы у коней были какъ у львовъ и изъ рта коней выходилъ огонь, дымъ и сѣра. Это первое горе. (Ст. 12—Севастопольская война, огненныя кони—желѣзныя дороги и пароходы). Въ 10 гл. въ 10 ст. говорится о *книжкѣ сладкой въ устахъ*, а горькой во чревѣ: это значитъ, что людямъ только на словахъ обѣщаютъ лучшее, а на дѣлѣ выходитъ хуже. Въ 11 гл. въ 1 ст. сказано: возстани и измѣрь церковь Божію и алтарь; это предсказаніе недавно исполнилось, когда велѣно было смѣрять, т. е. сократить причты при церквахъ. Въ 3 ст. говорится о двухъ свидѣтеляхъ. Они уже явились и отправились на проповѣдь въ Іерусалимъ, къ намъ не пріѣдутъ, потому что у насъ есть священныя книги, а въ Іерусалимѣ живутъ нехристи—турки. Въ 18 гл. ст. 11 звѣрь, т. е. антихристъ названъ осьмымъ, потому что онъ пришелъ въ осьмой тысячѣ лѣтъ. Слѣдовательно, число 8 число знаменательное, а такъ какъ по славянски оно изображается буквою и, то во всѣхъ мѣстахъ библіи, гдѣ поставлена эта буква въ скобкахъ (и), заключается предсказаніе объ антихристѣ, хотя рѣчь идетъ, повидимому, совсѣмъ о другомъ предметѣ. Понять эти мѣста можетъ не всякій».

Этотъ пророкъ громитъ человѣческіе пороки, возстаетъ противъ пьянства, куренія табаку, деревенскихъ хороводовъ, пѣсенъ и т. п. Онъ учитъ, что все это есть великій грѣхъ и рисуетъ передъ слушателями картину страшныхъ мученій, которыя получатъ грѣшники. Поученіе свое странникъ излагаетъ такъ:

«Земля стоитъ на столбахъ; столбы укрѣплены на площадкѣ, а площадку подпираетъ большой звѣрь; въ этомъ звѣрѣ заперты грѣшныя души: если-бы не было этихъ душъ, то и звѣрь живъ бы не былъ. Судъ надъ душами происходитъ на небѣ такимъ образомъ: каждый день въ 12 часовъ Іисусъ Христосъ садится за престолъ, а противъ него по другую сторону Божья матерь; къ третьей сторонѣ престола подходятъ ангелы и приносятъ добрыя дѣла людей, а къ четвертой—являются злыя дѣла. Іисусъ Христосъ начинаетъ судить, а Божья матерь принимаетъ приношенія за умершихъ. Поэтому, кто приноситъ за умершихъ пироги, тотъ пусть знаетъ, что ихъ принимаетъ сама Божья матерь и что чѣмъ больше пироговъ, тѣмъ скорѣе грѣшныя души будутъ освобождены изъ утробы звѣря. Одинъ старецъ, который обмиралъ и потомъ снова возвратился на этотъ свѣтъ, разсказывалъ, что не всѣ грѣшники въ утробѣ звѣря, а есть и другія для нихъ мученія. Такъ онъ видѣлъ дѣвицъ и старухъ, скованныхъ цѣпями; дѣвицы лежали на площади, а старухи подлѣ площади,—это наказаніе за деревенскіе хороводы, на которыхъ дѣвицы поютъ и пляшутъ, а старухи смотрятъ. Потомъ онъ видѣлъ душу, заключенную въ желѣзный раскаленный шаръ, и молодаго парня, который возитъ въ тачкѣ песокъ въ яму и самъ постоянно въ нее падаетъ, это—наказаніе за куреніе табаку. Видѣлъ человѣка, котораго заставляютъ пить блевотину, это—наказаніе за пьянство и т. п.».

Всѣ эти предсказанія, ужасы загробныхъ мукъ волнуютъ раскольничій міръ, а пророкъ получаетъ пироги, деньги и несетъ въ кабакъ.

Отголоски слышатся и въ населеніи православномъ, но это не мѣшаетъ въ Заволжьѣ хороводамъ и народная пѣсня, постоянно создаваемая, громко раздается по селамъ и деревнямъ.

IV. ВАСИЛЬЕВЪ ВЕЧЕРЪ И НОВЫЙ ГОДЪ

въ Муромскомъ уѣздѣ.

(Сообщеніе чл.-с. П. Г. Добрынкиной.)

Рожденственскіе праздники посвящаются крестьянами преимущественно на разныя игры и забавы; тутъ гуляютъ всѣ, и старъ, и малъ, словомъ все населеніе; безучастными къ общей радости остаются только хи-

лые старики да старухи, у которыхъ все удовольствіе заключается въ лежаньи на печкѣ, о грѣхахъ своихъ помышляючи, да свою младость поминаючи. Крестьянинъ труженикъ какъ будто спѣшитъ вознаградить себя за свою вѣчную страду—работу и всецѣло предаться праздничному веселью.

Всѣ игры и забавы начинаются у крестьянъ съ семи часовъ вечера; оборони Боже начать ихъ въ сумерки: никакъ это не можно, говорятъ они, потому грѣхъ великій. Относительно сумерекъ у крестьянъ есть свое повѣріе, которое они никакъ не рѣшатся переступить. По ихъ понятію, въ сумеркахъ есть десять минутъ негодныхъ, въ которыя они не будутъ и смѣяться, а тѣмъ болѣе произносить какую либо брань; зѣвнуть даже и то остерегаются, а «то, батъ зайдетъ жила за жилу; ротъ-атъ теѣ такъ на сторону и своротитъ, вѣкъ не человѣкъ будешь». Вслѣдствіе этого убѣжденія сумерки проводятся мужичками чинно и тихо; если гдѣ нибудь раздастся сдержанный смѣхъ, или какой нибудь крупный разговоръ, то старшій изъ членовъ семьи тутъ же постарается сдержать остальныхъ, слѣдующими словами: «полно вамъ, полно, попомните какой часъ-атъ нонѣ; чай, не малолѣтные!» Все смолкаетъ при этомъ напоминаніи и снова невозмутимая тишина и спокойствіе царствуютъ въ семьѣ. Но едва лишь только время приблизится къ седьмому часу вечера, сдержанность исчезаетъ, и полный разгулъ, и веселье вступаютъ въ свои права.

Всѣ молодыя дѣвушки и женщины собираются куда нибудь въ одну избу, между ними вертятся конечно и ребятишки, и тутъ-то начинаются уговоры о томъ, какъ провести вечеръ. «А хорошо бы нонѣ нарядиться!», заявляетъ одна.—Какое ряженье, чай нонѣ Васильевъ вечеръ, пойдемъ виноградій пѣть, али коляду, говоритъ другая.—Кочетка пѣть, таусеньку—пищатъ маленькіе.—«Цыцъ вы проклятые! унимаетъ толпа. — Пропасти на васъ нѣтъ, чай вы по утру орете, такъ и вечеромъ припала охота глотку драть; мы васъ!...» кричатъ большіе. Въ избѣ подымется настоящій содомъ, кто во что гораздъ. Старшіе члены семьи стараются сначала мирить спорящихъ, но, потомъ, видя общее невниманіе къ своимъ уговорамъ, начинаютъ вести бесѣду промежъ себя, предоставляя молодежи свой судъ и расправу.

Коляда распадается на множество оттѣнковъ; важнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: величаніе, виноградій, кочетокъ, евсень, таусень, каракульки и т. п.

Для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ особенностей, мы возьмемъ мѣстности, которыя были подвергнуты, болѣе или менѣе, нашему наблюденію, и именно часть зарѣчной стороны Муромскаго уѣзда, начиная отъ дер. Корниловки и кончая Озябликовскимъ погостомъ съ береговыми селеніями.

Канунъ новаго года дѣлится на утро и вечеръ, между дѣтьми и взрослыми.

Почти въ каждомъ семействѣ приготовляются на этотъ случай воложныя (сдобныя) кокурки и каракульки (уродливыя фигурки изъ тѣста), которыя и подаются колядчикамъ; для семьи же готовится по обычаю кашица со свиными ножками, а также пекутъ сочни (ржаные маленькіе пирожки съ пшеничной кашей).

И такъ накапунѣ новаго года утромъ ребятишки бѣгаютъ подъ окна избъ кричать коляду, слѣдующимъ образомъ (въ дер. Ефремовѣ):

На горнушкѣ конекъ
Подымя ножку поетъ;
Тетка, тетка,
Подай кишку, да лепешку,
Да свиную ножку;
Подавайте!...

Въ сосѣдней же дер. Корниловкѣ парнишки утромъ кричатъ таусеньку, каракульку.

Таусенька, каракулька
Гдѣ ты была?
На бору росла.
Быковъ пасла.
Что выпасла?
Коня въ сѣдлѣ,
Въ золотой уздѣ.
Гдѣ конь?
За воротцами.
Гдѣ воротца?
Полой водой унесло.
Гдѣ вода?
Быки выпили.
Гдѣ быки?
Въ тростникъ ушли.
Гдѣ тростникъ?
Дѣвки вырвали.
Гдѣ дѣвки?
За мужьевъ ушли.
Гдѣ мужья?
На струга ушли.

Гдѣ струга?
За Астраханью.

Въ Озябликовскомъ погостѣ наканунѣ новаго года деревенскіе парнишки съ сумками, не старѣе 12 лѣтъ, собравшись вмѣстѣ, человѣкъ пять или шесть, ходятъ утромъ кричать кочетка:

Летѣлъ, летѣлъ кочетокъ
Черезъ тетушкинъ дворокъ,
Уронилъ сапожекъ.
Ужъ ты тетушка подай,
Разбѣлянушка подай!
Недосугъ мнѣ подавать,
Я коровушку дою;
Я теленочка пою;
На мутовочкѣ рубашечку сушу;
Я къ обѣденкѣ спѣшу;
Всѣхъ людей насмѣшу.
Тетка, лебедка,
Дай кокурку
Весь день простою!
Дашь кокурку,
Домой побѣгу,
На столу положу,
Перстомъ пришибу!

Въ береговыхъ же селеніяхъ этой мѣстности, дерев. Чулково и проч., взамѣнъ коляды и кочетка полувзрослыя дѣти кричатъ въ сѣняхъ у дверей Усень-Таусень:

Усень-Таусень,
Лѣтомъ, подъ клѣтомъ,
Стояли бочки
Съ пивомъ, съ блиномъ;
Блинъ, да лепешка,
Свиная ножка.
Подайте каракульку
Всѣмъ по кульку
По горяченькому!

Вечеромъ этого дня, т. е. въ канунъ новаго года, въ этой же сторонѣ уѣзда, собираются толпою дѣвки и бабы пѣть въ сѣняхъ или избѣ сосѣдей величаніе и виноградій. Въ дер. Корниловкѣ поютъ это такъ:

№ 1-й.

Холостому парню.

У Ивана то, у свѣта,
Не колоты дрова;
Виноградія,
Красны, зелены *).
А не колоты дрова,
Не смолены ворота;
Не смолены ворота,
И не топлена изба;
Пора дрова колоть,
Пора избу топить,
Пора пиво варить,
Пора сына женить!

№ 2-й.

Холостому парню.

На Иванѣ те, на свѣтѣ,
Кудри завилися;
Виноградія,
Красны, зелены **).
У Ивана то, у свѣта,
Вотъ серебряный усокъ.
И серебряный усокъ
По рублю волосокъ.
А въ Москвѣ ему бояре
Дивовалися:
А и что это за молодецъ,
Чтой-то за такой?
Не мать родила,
Не отецъ вспоилъ, вскормилъ!
Ахъ вы глупые, бояре,
Не разумны господа,
Меня мать родила,
Родимъ батюшка вскормилъ;
Возлелѣяла чужая сторона,
Воскачала легка лодочка.
Виноградія и т. д.

№ 3-й.

Дѣвкѣ.

У Ивана то, у свѣта,
Сады разцвѣли;
Виноградія, красны зелены
Сады разцвѣли
Разлапушилися;
Попросилась у него доченька

*) Послѣ каждыхъ двухъ строкъ стиха, припѣвъ виноградія повторяется.
**) Тоже.

Во садикъ погулять;
Во садикъ погулять,
Соловьевъ послушать;
Соловьюшко, воръ-обманщичекъ,
Обманулъ дочку, на чужую сторону,
Ко чужому мужику,
Къ чужой матери.
Виноградія и т. д.

№ 4-й.

Женатому молодому.

У Ивана то, у свѣта,
Жена хороша.
Виноградія и т. д.
Кабы мнѣ такова,
Я бы и толкъ и мололъ;
Я бы и толкъ и мололъ,
Я бы и по воду ходилъ,
Я бы и курамъ мѣсилъ,
Я бы щи, кашу варилъ,
Обувалъ бы, одѣвалъ
Все вязовымъ подогомъ!

№ 5-й.

Богатому.

У Спиридона, у свѣта,
Три ключика текутъ;
Виноградія и т. д.
А и первый ключъ—
Зелено вино;
А другой то ключъ—
Сладки меда;
Зелено вино пить хозяину,
А сладки меда ѣсть хозяюшкѣ,
А свѣжу воду пить добру коню.

№ 6-й.

Богатому.

А Иванъ-отъ, свѣтъ,
На коробочкѣ сидитъ;
Виноградія и т. д.
На коробочкѣ сидитъ,
Онъ и денежки считаетъ—
Все рублевички.
Онъ и хочетъ подарить
Колыбельщичковъ.
А кто насъ подаритъ,
Того Богъ надѣлитъ.
А и на полѣ ужинъ,
На току умолотъ,
Изъ подъ колоса осьмина,
Изъ полузерна пирогъ,
Изъ полузерна пирогъ,
Что начевки широкъ.
Виноградія и т. далѣе.

Въ Озябликовскомъ погостѣ, селѣ Ареѳинѣ, Заидомской слободѣ и др. виноградій выражается слѣдующими словами:

№ 1-й.

Какъ у мѣсяца
Крутые рожка взвились
Виноградія, красная, зеленая *)
А у солнышка
Золотые лучи.
Какъ у Васиньки
Кудри завились
По плечамъ лежатъ,
Ровно жаръ горятъ;
Какъ первая то кудерушка
Во сто рублей,
А другая то кудерушка
Во тысячу рублей,
А какъ всей то головушкѣ
И цѣны то ей нѣтъ.
А свѣтелъ мѣсяцъ—
Самъ хозяинъ господинъ.
Какъ бѣлая заря, красно солнышко.
Хозяюшка госпожа.
Часты звѣздушки—
Одни дѣтушки.
Не пора ли вамъ хозявушки
Раздѣлываться!
Не полтиной, не рублемъ,
Одной гривной серебромъ!

№ 2-й.

Я ходила, походила,
По заулочкамъ;
Виноградія, красная, зеленая.
Я искала, поискала,
Государева дворца;
Государева дворецъ
На семи верстахъ,

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

На семи верстахъ,
На желтыхъ пескахъ;
Государева дворецъ
Весь тыномъ затыненъ;
Какъ на каждой на тычинкѣ
Все по маковкѣ,
Въ каждой те маковкѣ
По зернышку.
Не пора ли вамъ хозявушки
Раздѣлываться!
Не полтиной, не рублемъ
Одной гривной серебромъ.

Въ деревнѣ Солнцевѣ дѣвки и молодыя бабы въ Васильевъ вечеръ бѣгаютъ подслушивать, а въ вечеръ новаго года кричатъ каракульки.

Теперь возьмемъ мѣстность по сю сторону р. Оки, гдѣ коляда справляется между крестьянами на новый годъ; также какъ и въ зарѣчной сторонѣ, она дѣлится между дѣтьми и взрослыми; изъ нихъ первымъ принадлежитъ утро, а послѣднимъ вечеръ.

Такимъ образомъ въ селѣ Петроковѣ и др. небольшія дѣвочки кричатъ коляду:

Какая курица ряба,
Перешибена нога;
Ужъ и кто перешибъ?
Кто на коничкѣ сидитъ,
Кто въ окошечко глядитъ!
Свиная ножка
Въ печи сидѣла,
На насъ глядѣла.
Подайте козульку,
На козульку лепешку,
На лепешку свиную ножку!

Вечеромъ же молодыя женщины и дѣвушки ходятъ къ сосѣдямъ пѣть таусень:

Какъ Иванъ на службу собирается,
Таусень!
А Марья вокругъ ногъ увивается,
Таусень!
Пала Марья въ ноги Ивану,
Таусень!
Не ходи къ царю,
Таусень!
Не служи королю.
Таусень!

То же самое дѣлается и въ селеніяхъ Меленковскаго уѣзда, прилегающихъ къ западной границѣ Муромскаго уѣзда, какъ напр. въ сельцѣ Левинѣ: наканунѣ новаго года вечеромъ парнишки, не старше 12 лѣтъ, бѣгаютъ гурьбами подъ окна каждой избы кричать коляду:

Кишка, лепешка,
Свиная ножка,
Въ печи сидѣла,
Въ кошель захотѣла.
Подайте кишку, лепешку,
Свиную ножку!
Кто не подастъ,
Не родитъ сынка,
Родитъ дѣвушку—
Пелагеюшку.

А въ новый годъ вечеромъ, молодыя дѣвки и бабы тѣмъ же способомъ поютъ Усень-Таусень:

Я тетерьку гоню
Усень, Таусень *)
Къ Ѳедорову двору;
У Ѳедора на дворѣ
Сани писанныя,
Кони вороные;
У дядюшки Ѳедора
У воротъ стоитъ дѣвокъ хороводъ;
Завитыя ворота,
Золотая борода,
На бородкѣ усокъ.
Ужъ ты тетушка, Прасковья,
Не мори насъ подъ окномъ,
Подай блюдо кишекъ,
Либо денегъ мѣшокъ,
Либо сѣна клокъ,
Либо вилами въ бокъ.

Въ селеніяхъ, примыкающихъ къ юго-западной границѣ Муромскаго уѣзда, селѣ Урвановѣ и т. д., ребятишки въ Васильевъ день кричатъ Евсень:

Евсень, Евсень!
Я тетерьку гоню,
Я по чистому полю;
Тетерька въ кустъ,
А я за хвостъ;
Она денегъ горсть.
Позолоченный усокъ.

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждой строки.

По рублю волосокъ.
Зябу, дрябу!...
Подайте кокурку,
Домой убѣгу!....

Центральная часть Вязниковскаго уѣзда различествуетъ съ описываемымъ Муромскимъ—во времени кричать коляду, а именно: въ селѣ Южѣ съ окрестными селеніями, ребятишки обоего пола въ первый вечеръ Рождественскихъ праздниковъ бѣгаютъ подъ окна избы сосѣдей кричать коляду, въ такихъ словахъ:

Коледа, коледа!
По вечеру Рождества.
Дома ли хозяинъ?
Нѣтъ его дома.
Уѣхалъ въ поле
Пшеницу сѣять.
Тау-таусень
Дай кишкѣ пирожка.
Какъ не дашь пирожка кишкѣ,
Уведемъ корову за рога
И за задни ворота,
Привяжемъ къ столбу,
Ушибемъ метлой.

Колядчикамъ-дѣтямъ подаютъ кокурки, каракульки, пряники и крендельки; пѣсенницамъ взрослымъ даютъ тѣ же кокурки и кромѣ того деньги; въ Меленковскомъ же уѣздѣ сельцѣ Левинѣ, кромѣ кокурокъ, подаютъ яйца и молоко, изъ чего на другой день изготовляется яичница, которою лакомятся сообща. Вообще же все собранное дѣтьми и взрослыми дѣлится каждой партіей поровну.

Васильевымъ вечеромъ и наступающимъ за нимъ новымъ годомъ, колядка совершенно оканчивается; за нею слѣдуютъ другія игры и забавы, о которыхъ мы сообщимъ особо.

Дополненія Е. В. Барсова.

Пѣсни, записанныя г. Добрынкиной представляютъ научный интересъ въ разныхъ отношеніяхъ. Порфирьевъ, въ своей Исторіи русской литературы, выразилъ между прочимъ мысль, что въ Великороссіи праздникъ коляды отправлялся еще въ XVII в., а въ Малороссіи отправляется и теперь такимъ образомъ: на канунѣ Рождества или цѣлую Рождественскую недѣлю молодые люди и дѣти собираются подъ окна богатыхъ крестьянъ, поютъ пѣсни, величая хозяина и дѣтей ихъ и просятъ денегъ, пироговъ и проч. Г. Петровъ, кіевскій ученый, развиваетъ эту мысль далѣе въ такомъ направленіи, что если въ сѣверной Руси, благодаря историческимъ условіямъ, уцѣлѣлъ эпосъ, то за то въ Малороссіи сохранились по преимуществу преданія (какъ напр. коляда, семикъ и т. п.) семейнаго и родоваго культа—и здѣсь то именно кроется источникъ для разумѣнія самого великорусскаго эпоса. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ о богатствѣ религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ, сохранившихся въ малороссійскомъ народѣ, вполнѣ раздѣляя всю важность ихъ изученія для русской исторической науки,—мы должны признаться, что глубокой родникъ этихъ преданій таится и среди великой Россіи—и особенно въ ея сѣверныхъ окраинахъ и что родникъ этотъ мало исчерпанъ. Прочитанныя нами пѣсни г-жи Добрынкиной даютъ намъ понять, что коляда напр. до дня сего продолжаетъ бытовать, не въ одной только малой, но и въ великой Россіи и даже не въ далекихъ разстояніяхъ отъ Москвы.

Далѣе эти пѣсни, не смотря на свою отрывочность, на свой, такъ сказать, *попрошайскій* характеръ, отражаютъ въ себѣ такія мѣткія и отличительныя черты, которыя явно указываютъ на особенность миѳовъ, связанныхъ съ бытующими святочными играми и обычаями.

Все это побуждаетъ насъ желать, чтобы мѣстные великорусскіе этнографы, по примѣру малороссійскихъ ученыхъ, собирали, какъ можно болѣе, обрядовыхъ пѣсенъ и преданій. Только въ этомъ случаѣ изъ множества подобныхъ данныхъ можетъ возстановиться для насъ народное міросозѣрцаніе той исторической эпохи, когда народъ состоялъ, такъ сказать, подъ державою и страхованіями стихійныхъ силъ и притомъ съ тѣми особыми и характерными очертаніями, которыя условливались народностію и мѣстными условіями народной жизни. Если бы существовали полные сборники обрядныхъ народныхъ пѣсенъ, то, мы увѣрены, ученымъ не приходилось бы теряться въ тѣхъ догадкахъ и предположеніяхъ, которыми наполнена теперь исторія народной литературы.

Что такое колѣда? объясняютъ различно. Гнѣдичъ—производилъ отъ греческаго Халядесъ—и ставилъ это названіе въ связь съ обычаемъ готовить на святкахъ *колбасу изъ свиныхъ кишекъ*. Гедеоновъ сближаетъ коляду съ греческихъ καλὴ ᾠδή; г. Щепкинъ видитъ въ этомъ словѣ кол—ѣдъ (вокругъ ѣдущій) или *колѣда*

круговая яства. Г. Безсоновъ—подозрѣваетъ здѣсь колоду—сожженный пѣнь. Г. Костомаровъ производитъ коляду отъ слова коло—колесо; С. М. Соловьевъ указываетъ на сложныя коло—лада, ко ладу и т. п. Г. Галаховъ производитъ каледу отъ латинскаго calendae, первое число каждаго мѣсяца, какъ и значится въ кормчей XIII в. Аѳанасьевъ принимаетъ это послѣднее объясненіе слова коляда, перешедшаго къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ отреченными книгами, и даже удивляется тому, что изслѣдователи наши какъ будто не замѣтили этого простого объясненія и постоянно придумывали свои собственныя производства. «Дѣйствительно, основываясь на древнихъ свидѣтельствахъ и особенно на свидѣтельствѣ Кормчей книги 1282 года, нельзя отрицать вліянія римскихъ календъ на образованіе нашего слова «коляда». Приводя правило запрещающее колядскіе обряды, эта кормчая присоединяетъ такое толкованіе: «каланди соуть пьрвіи въ коемъ ждо мѣсяци дніе, въ нихъ же обычай бѣ Елиномъ творити жертвы». Но не вѣроятно, говоритъ Петровъ, чтобы чужое слово такъ крѣпко привилось у насъ въ Россіи и не имѣло для себя почвы въ народныхъ вѣрованіяхъ. По всей вѣроятности, авторъ помѣщенной въ Кормчей статьи слышалъ о какомъ либо славянскомъ названіи, созвучномъ календамъ, и сопоставилъ его съ сими послѣдними, чтобы возбудить въ народѣ большее отвращеніе къ этимъ чужеземныхъ языческимъ торжествамъ, какъ это дѣлалось и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Объясненіе «каляды» г. Петровъ съ своей стороны находитъ въ словѣ «калета» которымъ и донынѣ въ Малороссіи называется *коржъ* т. е. колобокъ намазанный медомъ, привѣшиваемай въ андреевскій вечеръ къ потолку и означающій, по мнѣнію г. Петрова, тѣ каменныя груды, бога громовника, или ветошку бога солнца, изъ которыхъ произошли люди. Такимъ образомъ подобно тому, какъ Гнѣдичъ пріурочиваетъ слово къ колбасѣ, г. Петровъ пріурочиваетъ его къ обряду сушенія колоба.

Но любопытно, что въ одной пѣснѣ г-жи Добрыкиной коледовщики называются *колыбельщиками*. Нельзя ли предположить, что и слово коледа было того же корня въ древности до воздѣйствія на него римскихъ календъ. Малороссійскій обрядъ вѣшанія колоба на андреевской вечеринкѣ,—извѣстнаго подъ именемъ калеты, указываетъ также скорѣе на колыбель, чѣмъ на груду или ветошку перуна; а затѣмъ въ Тверской и Новгородской губерніяхъ—при пѣніи къ слову коледа, — всегда присоединяется предикатъ «*маледа*». Что по нашему мнѣнію есть то же, что *молода*, пріуроченное къ созвучію съ коледа. И такъ, пѣсня сообщенная г. Добрыкиной, въ коей *коледовцы* называются *колыбельщиками*, даетъ основаніе предполагать, что въ словѣ *коледа* скрывается имя и понятіе новорожденнаго, *колыбельнаго*, которое въ другихъ пѣсняхъ дополняется именемъ *младаго*.

Но обратимся къ содержанію самого праздника.

Кто изъ дѣтей, воспитавшихся въ деревнѣ, не пѣвалъ слѣдующей пѣсни:

Солнышко, коло—колнышко!
Выкатись на улочку
Твои дѣти плачутъ.

Въ этихъ словахъ всецѣло выражены тѣ ощущенія, которыя производили восходъ и заходъ солнца на людей въ миѳическій періодъ ихъ жизни.

Можно представить тотъ страхъ за его существованіе, какой испытывали эти дѣти природы, когда солнышко, колоколнышко на цѣлую зиму скрывалось въ облакахъ и туманахъ. Когда наступали короткіе дни и длинныя ночи, казалось, оно было въ плѣну у крылатыхъ воздушныхъ зміевъ; призаиндѣвало, призаплеснѣвало; казалось, оно готово было погибнуть въ безсильной борьбѣ съ своими врагами, — умереть, погаснуть. Но вотъ оно красное снова являетъ свою лучезарность, снова свѣтитъ и грѣетъ, выкатывается на улочку, дни прибываютъ, а ночи убываютъ—какою же радостію должны были вострепетать сердца дѣтей природы, плакавшихъ объ его заходѣ!

Здѣсь—въ этой радости о возрожденіи краснаго солнышка, едва не погибшаго, и коренится начало праздника каледы.

V. ОБРЯДЫ, НАБЛЮДАЕМЫЕ ПРИ РОЖДЕНІИ И КРЕЩЕНІИ ДѢТЕЙ НА РѢКѢ ОРЕЛИ.

(Записаны и объяснены Е. В. Барсовымъ.)

Якъ не жи́ве робёнокъ родится, то его откликаютъ на разныи имена: Иване, Сидоре, Петре; на какомъ очнется, то имя и даютъ ребенку.

Намъ кажется, что этотъ обычай указываетъ на тотъ способъ, какимъ давались имена въ язычествѣ. Изъ множества произносимыхъ на-скоро именъ, оставалось за ребенкомъ то, при которомъ онъ подавалъ голосъ. Такимъ образомъ, по вѣрованію нашихъ предковъ, ребенокъ самъ долженъ высказать, какое имя должно принадлежать ему. А это въ свою очередь указываетъ намъ на связь этого обычая съ вѣрованіемъ въ переселеніе душъ. Ребенокъ не безъ причины излюбляетъ то или другое имя; по всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ онъ высказываетъ только то, что именно душа Петра, а не Ивана поселилась въ новорожденномъ тѣлѣ. Эта догадка подтверждается и тѣмъ фактомъ, что вѣра въ переселеніе душъ твердо держится до нынѣ въ сознаніи сѣвернаго простонародья. Изданные нами плачи служатъ неотразимымъ тому доказательствомъ.

При трудныхъ родахъ на Орели отпираютъ замки, развязываютъ мѣшки, отворяютъ двери. Если это не помогаетъ, то обращаются къ священнику и просятъ дать *«поясъ церковный»* чтобы обвязать родильницу, и открыть царскія двери.

Всѣ эти обычаи, очевидно, имѣютъ свою основу въ древнѣйшей миѳологіи природы и вызываютъ ее на сочувствіе къ родильницѣ. Поясъ, какъ извѣстно, имѣлъ важное значеніе во всѣхъ религіяхъ Востока. У нашихъ крестьянъ онъ и донынѣ играетъ весьма важную роль: человѣкъ безпоясный—есть человѣкъ доступный темнымъ силамъ. Кикиморы и удѣльницы всего чаще похищаютъ дѣтей, когда они ходятъ безъ пояса. Поясъ въ язычествѣ имѣлъ то же значеніе, какое крестъ въ христіанствѣ. Поясъ связывалъ человѣка съ свѣтлыми силами природы и ограждалъ его отъ силъ темныхъ и злыхъ.

Въ Рязанской губерніи, въ деревнѣ Кораблинкѣ, при трудныхъ родахъ наблюдаютъ еще слѣдующіе обычаи. Зажигаютъ при этомъ вѣнчальныя свѣчи, поятъ родильницу дрожжами, расплетаютъ у ней косы, перетаскиваютъ ее черезъ три порога и наконецъ заставляютъ ее перешагнуть чрезъ мужнины ноги.

По рожденіи ребенка, на Орели 24 часа не припускаютъ его къ материнской груди, пока *не сзилье* родиля на руки бабы. Ставятъ ночвы (т. е. корыто) на полу и встаютъ въ это корыто: *баба* одной ногой, а *родиля* другой, и родиля сливаетъ на руки бабы. Родиля проситъ у бабы при этомъ прощенія и причитываетъ.

Въ высшей степени было бы любопытно записать эти самыя причитанія, но мы не могли этого сдѣлать по краткости времени, которымъ располагали на Орели.

Далѣе *родиля* должна испить той самой воды, которою умывала свои руки баба... Это дѣлается для того, чтобы у ней былъ кормъ въ груди для ребенка... Если она этой воды не напьется, то будетъ страдать недостаткомъ молока для новорожденнаго.

Въ Рязанской губерніи, въ той же деревнѣ Кораблинкѣ этотъ обычай называется *«розмываніемъ рукъ»*. Здѣсь вода наливается въ большую чашку и предъ ней зажигается восковая свѣча. Въ чашку кладется сырое яицо и листья вѣника. Бабушка и родильница молятся Богу, и за тѣмъ сначала умывается бабушка и обтирается листьемъ и яицомъ—цѣльнымъ, не разбитымъ; за нею умывается и родильница. Полотенцо, хлѣбъ и солонка соли поступаютъ при этомъ въ руки бабушки.

Крещенье на Орели повсюду совершается чрезъ обливаніе, такъ что названіе малоруссовъ въ Москвѣ—въ мірѣ раскола—обливанцами имѣетъ полное свое основаніе. Недавно одинъ священникъ именно о. Антоній Куденковъ, въ селеніи Черпетчинѣ (Екатериносл. епархіи) вздумалъ было крестить чрезъ погруженіе и вызвалъ чрезъ то всеобщее неудовольствіе въ народѣ. О немъ съ ужасомъ начали расказывать, что онъ *«робенка на́топитъ, ажно бульбы взнимутся..*, т. е. робенка затопитъ такъ, что пузыри поднимутся.

При крещеніи ставятъ на столъ два хлѣба: одинъ изъ нихъ надрѣзанный. Крайчикъ обыкновенно оставляется для родильницы.

Въ Рязанской губерніи въ деревнѣ Кораблинкѣ считается обязательнымъ для крестной матери готовить рубашку; въ случаѣ, если она рубашки не приготовитъ и ребенокъ умретъ, то онъ на томъ свѣтѣ будетъ сидѣть нагой. Къ 6 недѣлямъ она должна приготовить поясъ; если она къ этому времени ребенка не опояшетъ, то она поплатится за то смертію.

VI. ОБЗОРЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ „НИЖЕГОРОДСКОМЪ СБОРНИКѢ“.

(Чл. с. В. Ф. Кудрявцева.)

Въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», начавшемъ издаваться съ 1867 года, помѣщено въ числѣ статей по отчизновѣдѣнію много и этнографическихъ данныхъ, которыя заключаются, главнымъ образомъ, въ описаніяхъ селъ, приходовъ, волостей и уѣздовъ губерніи. Этнографическими данными въ этихъ описаніяхъ будутъ тѣ сообщенія, которыя касаются различныхъ сторонъ быта собственно жителей Нижегородской губерніи, какъ-то: ихъ жилища, одежды, пищи, различныхъ обычаевъ, суевѣрій, празднествъ, игръ и проч. Для того, чтобы удобнѣе было видѣть на сколько уже опредѣлилась Нижегородская губернія въ этнографическомъ отношеніи, я рѣшился всѣ данныя такого рода, или лучше весь этнографическій матеріалъ, разбросанный по всѣмъ пяти большимъ томамъ «Нижегородскаго Сборника», сгруппировать въ одно цѣлое и расположить его по тѣмъ рубрикамъ, на которыя раздѣлить дало мнѣ возможность самое содержаніе сообщаемаго въ «Сборникѣ» этнографическаго матеріала.

I.

О свойствахъ края. Мѣстность, занимаемая Нижегородскою губерніею, раздѣляется теченіемъ р. Волги и Оки на двѣ половины: на сѣверную и южную. Сѣверная половина заключаетъ въ себѣ уѣзды Семеновскій, Балахнинскій, почти весь Макарьевскій и часть Васильевскаго. Сѣверная половина представляетъ собою видъ равнины, покрытой лѣсами и наполненной озерами и болотами. Почва въ этой половинѣ песчанная. Южная половина Нижегородской губерніи состоитъ изъ уѣздовъ—Нижегородскаго, Горбатовскаго, Ардатовскаго, Лукояновскаго, Арзамасскаго, Сергачевскаго, Княгининскаго и большей части Васильевскаго. Южная половина имѣетъ также видъ равнины, по мѣстамъ покрытой лѣсами и изрытой небольшими оврагами и суходолами. Въ этой половинѣ замѣтны двѣ длинныя покатости, изрытыя впрочемъ оврагами; одна изъ этихъ покатостей наклонена съ сѣвера на югъ, другая же съ юга на сѣверъ. Мѣсто же, гдѣ эти покатости встрѣчаются одна съ другой, — есть долъ, образуемый р. Пьяной, которая имѣетъ теченіе, замѣчательно извилистое, въ юговосточной части губерніи. Такое дѣленіе южной половины губерніи имѣетъ близкое отношеніе и къ самому свойству почвы: на первой покатости, простирающейся на сто верстъ, почва суглинистая, а за Пьяной, на второй покатости, тянущейся на пространствѣ 150 верстъ, почва черноземная *). Вообще южная половина губерніи, относительно производительности почвы, стоитъ въ лучшихъ условіяхъ сравнительно съ сѣверной половиной губерніи. Относительно же той или другой силы производительности своей почвы, южная половина или нагорные уѣзды могутъ быть раздѣлены на двѣ группы; къ болѣе благопріятной, по производительности почвы, группѣ принадлежатъ уѣзды Сергачскій, Княгининскій и частію Арзамасскій, Лукьяновскій и Васильевскій; къ менѣе же благопріятной остальные, которые составляютъ какъ бы переходную ступень къ сѣверной половинѣ губерніи, или къ Заволжской сторонѣ, которая отличается постояннымъ положительнымъ недостаткомъ хлѣба для годоваго продовольствія **).

II.

О заселеніи и обрусѣніи края. Первыми исторически извѣстными, мало-мальски осѣдлыми жителями нижегородской мѣстности слѣдуетъ считать мордовскія племена, обитавшія въ X вѣкѣ вообще въ лѣсныхъ дебряхъ Поволжья, а въ Нижегородскомъ Поволжьи по уѣздамъ Арзамасскому, Нижегородскому и Горбатовскому. Въ XII в. появилось въ Нижегородской Поволжьи русское племя, первоначально въ предѣлахъ Балахнинскаго усолья, а затѣмъ, въ XIII в., на сліяніи Оки съ Волгой (основаніе Нижняго-Новгорода). Почти одновременно съ русскими, занимавшими Нижегородское Поволжье съ сѣверозапада, стали наводнять его татарскія племена, съ юговостока. Результатомъ продолжительной и упорной племенной борьбы здѣсь завязавшейся было то, что русское племя, претворивъ въ себя болѣе слабые финскіе элементы, осиливъ Нижегородское Поволжье политически, положило на него и свою бытовую печать, не одолѣвши только, этнографически устойчивое въ этомъ отношеніи, татарское населеніе. Всего инород-

*) Къ топографіи Ниж. губ.; Сборн., томъ I, стр. 215.

**) Матеріалы для изученія хлѣбной производительности. Т. V стр. 34, 35 и 11.

цевъ въ настоящее время считается въ Нижегородской губерніи 91 тысяча; изъ нихъ мордвы 50,000, черемисовъ 6,000 и татаръ 35,000. Не смотря на то, что въ Нижегородской губерніи татаръ меньше чѣмъ представителей финскаго племени, татарское населеніе рѣзко сохранило свое національное обличье, тогда какъ мордва и черемиса замѣтно, на глазахъ, утрачиваютъ свои этнографическія особенности и легко ассиммилируются русскимъ племенемъ, не смотря на то, что составляютъ огромный процентъ слишкомъ милліоннаго населенія нынѣшней Нижегородской губерніи, на которой, по всѣмъ признакамъ, лежитъ уже русскій типъ *). На эти признаки русскаго типа мнѣ и придется указать въ слѣдующихъ рубрикахъ моей статьи.

III.

Объ устройствѣ жилищъ **). Жители Нижегородской губерніи селятся близъ большихъ рѣкъ или рѣчекъ, также ручьевъ и прудовъ. Нѣкоторыя изъ селеній, поставленныхъ на возвышенныхъ мѣстахъ по берегамъ рѣкъ, отличаются своей живописностію.

Большая часть сельскихъ построекъ не планирована, и потому въ расположеніи домовъ замѣчаются слѣдующіе недостатки: улицы въ селеніяхъ бываютъ большею частію неправильныя, тѣсныя или узкія, одинъ домъ выдается предъ другимъ; дома же эти строятся такъ часто и близко другъ къ другу, что между ними нѣтъ тѣхъ промежутковъ, необходимость которыхъ признается закономъ, въ предохраненіе отъ пожаровъ. Между десятью крестьянскими дворами, поставленными по прямой линіи, бываетъ иногда одинъ только небольшой переулокъ. Правильно же расплапированныя постройки возводятся только въ позднѣйшее время, послѣ пожаровъ.

Строенія въ Нижегородской губерніи располагаются чаще всего въ два порядка, но встрѣчаются селенія, въ которыхъ строенія расположены въ одинъ порядокъ, (т. II, стр. 291) и даже такія, въ которыхъ строенія расположены кругообразно, какъ напр. въ селѣ Красномъ, Арзамасскаго уѣзда (т. II, стр. 360).

Самая постройка домовъ ни въ техническомъ, ни въ строительномъ вообще отношеніяхъ неудовлетворительна: дома ставятся безъ фундаментовъ, на однихъ столбахъ и обкладываются не съ основанія; трубы выводятся надъ крышей не высоко, почти въ уровень съ послѣдней и притомъ часто и кирпичныя. Дома же строятся или съ крутыми высокими кровлями, основанными на сомцахъ и поддерживаемыми снизу застрѣхами; или же совсѣмъ пологія, утверждаемыя на стропилахъ, часто круглыя, а больше въ формѣ флигелей. Устройству кровель перваго рода крестьяне слѣдуютъ не только по обычаю, но находятъ его и выгоднымъ, потому что при этомъ у нихъ нѣтъ расхода на гвозди для прибивки теса, да и дождевая вода съ крутыхъ кровель стекаетъ удобнѣе, отчего онѣ скорѣе провѣтриваются и гораздо медленнѣе портятся и сгниваютъ, чѣмъ кровли пологія утверждаемыя на стропилахъ. Но въ послѣднее время многіе изъ крестьянъ Нижегородской губерніи стали строить кровли домовъ пологія, разсчитывая, что для такой постройки потребно гораздо меньше тесу, который имъ приходится, въ большинствѣ случаевъ, пріобрѣтать покупкою. Такъ напримѣръ въ селѣ Пурехѣ балахнинскаго уѣзда, пострадавшемъ отъ пожара, на сто домовъ есть не болѣе пяти домовъ съ крутыми кровлями.

Орнаментная часть развита замѣтно слабо: встрѣчаются, какъ напримѣръ въ Ардатовскомъ уѣздѣ, различныя рѣзныя украшенія у кровельныхъ щипцовъ, а иногда и по всему фасаду, который окрашивается различными красками *).

Деревянные крестьянскіе дома имѣютъ высоту въ 12—14 вѣнцевъ, ширину въ три сажени и длину въ шесть саженъ. Фасадъ домовъ обыкновенно въ три окна, шириною въ аршинъ и вышиною до пяти четвертей **). Вмѣсто трехъ равныхъ оконъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ встрѣчаются дома съ однимъ большимъ окномъ и двумя малыми. У нѣкоторыхъ изъ крестьянъ имѣются по двѣ избы, задняя и передняя; у большинства же одна съ перегородкою, отдѣляющей печь, мѣсто стряпни, отъ остальной части избы. Помѣщенія въ домахъ вообще довольно удобны. Меблируется крестьянское жилище обыкновенно при самой стройкѣ дома самими же плотниками, которые придѣлываютъ къ стѣнамъ лавки, устраиваютъ столъ и скамьи ***).

Дворы удобны для хозяйства; дворъ занимаетъ пространство въ ширину до пяти саженъ и въ длину до 15. Обыкновенно при домѣ имѣется амбаръ для хлѣба, клѣть для мякины и сѣна или мякинница, погребъ большею

*) Ibidem стр. 5 и 6.

**) См. томъ I, стр. 174, 197, 198; т. II, стр. 48—50, 122, 197, 205, 235, 236, 273, 291, 320, 360, 361; т. V стр. 182, 227.

*) Томъ II, стр. 197.

**) Т. I, стр. 197.

***) Ibidem и V томъ, стр. 182.

частью изъ плетня съ соломенной крышей, хлѣвъ или амшенникъ и баня. Впрочемъ бани и рабочія избы ставятся гдѣ нибудь позади двора, на берегу пруда или рѣчки, и потому во время пожаровъ онѣ бываютъ менѣе въ опасности, чѣмъ амбары. Придаткомъ къ хозяйственнымъ службамъ бываетъ у каждаго домохозяина овинъ; по нѣкоторымъ мѣстамъ стали распространяться глинобитныя постройки для овиновъ, какъ болѣе безопасныя отъ огня и болѣе дешевыя.

Вообще же постройка дома и службъ при немъ обходится крестьянину, по вычисленіямъ, не менѣе 200 рублей (*).

Въ Лукояновскомъ уѣздѣ (**) система построекъ двоякая. Въ безлѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ строительный матеріалъ дорогъ, крестьянскія избы построены тщательно и удобно; избы высокія, бревна не менѣе шести вершковъ толщины, крыша часто тесовая, топка по бѣлому, т. е. съ боровомъ и трубою. Въ лѣсныхъ же мѣстахъ напротивъ, крестьянскія избы построены съ небрежностію, нижніе вѣнцы становятся на столбахъ, не глубоко врытыхъ и укладываются на глазомѣръ, безъ ватерпаса, бревна разной толщины и разныхъ породъ; углы срублены дурно; избы бол. час. невысокія, крыты соломой, перекосившіяся на одинъ бокъ, съ топкой по черному. Небрежность въ домостроительствѣ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что нѣтъ достаточнаго присмотра за выводкою, напр. трубы: зажиточный крестьянинъ, при кладкѣ печи, не жалѣетъ кирпича и выводитъ трубы довольно высоко надъ кровлею, тогда какъ небогатый и незаботливый крестьянинъ, при кладки печи, экономитъ въ кирпичѣ и выводитъ трубу невысокую, вслѣдствіе чего, при рѣдкой чисткѣ, часто выкидывается пламя и мгновенно охватываетъ солому, иногда же бѣднякъ вовсе не выводитъ кирпичной трубы, а прямо замѣняетъ четырехъугольной деревянной трубой.

Въ Арзамасскомъ уѣздѣ, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ лѣса, строенія встрѣчаются самыя бѣдныя. Изъ числа селеній этого уѣзда описано съ большею подробностію село Красное. Въ этомъ селѣ все строеніе исправнаго домохозяина заключается въ слѣдующемъ: передняя изба, которая, въ зимнее время, у каждаго почти хозяина бываетъ бол. част. сырая, заплеснѣвѣлая, стекла замерзшія, съ которыхъ постоянно течетъ, воздухъ сырой, удушливый, полы грязные, дверь мокрая и замерзшая; внутренность избы вообще неопрятная; сѣни бол. час. худыя, выстроенныя изъ мелкаго заборчика, или изъ крупнаго тесу, покрытыя или соломой или кое какимъ тескомъ, почему въ лѣтнее время проливаются дождемъ, а въ зимнее заносятся снѣгомъ; въ сѣняхъ полъ грязный осенью и замерзшій зимой. Задняя клѣть также холодная и строится или изъ на двое распиленнаго тесу или заборныхъ деревьевъ, и служитъ вмѣсто кладоваго чулана. Подъ клѣтью дѣлается нѣчто въ родѣ амбара, гдѣ ссыпается хлѣбъ и хранится вообще хлѣбное продовольствіе. Собственно амбаровъ очень мало, но и тѣ находятся внутри села, на улицѣ; въ амбаръ складывается и хлѣбъ и сѣно, тутъ же находится и солома, почему въ случаѣ пожара крестьянинъ лишается всего своего имущества—и хлѣба и сѣна *).

Вообще народъ въ Нижегородской губерніи живетъ замѣтно черно, и особенно въ южныхъ окраинахъ ея, хотя эти то окраины и считаются по преимуществу мѣстностями черноземными. Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ г. Ермоловъ, бывшій предсѣдатель Нижегородской губернской земской управы, обстановку крестьянъ, живущихъ въ южныхъ окрестностяхъ губерніи. «Крестьяне наши, говоритъ онъ, живутъ иногда при такой обстановкѣ, которая противна всякой гигіенѣ: не рѣдкость, что и двадцать и болѣе душъ дышатъ одной атмосферой, сгущенной въ самомъ небольшомъ пространствѣ, вмѣстѣ съ ягнятами, телятами, курами и другими животными. Выходъ изъ этого помѣщенія одинъ на улицу, на открытый воздухъ; только здѣсь и совершаются всѣ отправленія. Крестьянскія дѣти по этому умираютъ въ ужасающей пропорціи. Пріютомъ больнаго крестьянина служатъ лишь печь и коникъ; если больному дѣлается хуже, его заживо обмываютъ и кладутъ прямо въ передній уголъ».

IV.

Одежда **) Крестьяне въ Нижегородской губерніи одѣваются не богато, но опрятно. Большой разницы въ ношеніи одежды по уѣздамъ не замѣтно. Употребительнѣйшая для всѣхъ уѣздовъ одежда слѣдующая: у каждяго крестьянина есть полушубокъ изъ дубленыхъ овчинъ, кафтанъ домашняго сукна, короткій и съ сборами,

*) Ibid.

**) Лукояновскій уѣздъ. Т. II стр. 49.

*) Село Красное. Т. II, стр. 360 и 361.

**) Т. I. стр. 176, 195, т. II, стр. 76, 77, 78, 79, 222, 307 308, 383, 328, 330, 354; т. V, стр. 183, 184, 115, и 119.

понитокъ или кафтанъ, затканный, по льняной основѣ, шерстянымъ уткомъ; этотъ кафтанъ тонко спряденный и хорошо зачерненый зовется еще *полукафтаномъ* Кафтанъ зовутъ также *зипуномъ*, а зипунъ, надѣтый на шубу или полушубокъ, называютъ *снисской*. Кромѣ того въ каждой семьѣ есть чапанъ, для дороги и тулупъ нагольный, рукавицы овчинныя, голицы изъ гладкой кожи, шапка мерлушчатая, поярковая шляпа, у пожилыхъ—шляпа изъ коровьей шерсти. Рубаха и порты или изъ синей пестряди, посконные, или, какъ у молодыхъ, льняные, затканные красной бумажной пряжей. Обувью же служатъ или лапти изъ лыкъ, или кожаные и валеные сапоги. Валеная обувь въ большемъ употребленіи зимой. Самый обыкновенный нарядъ мужской молодежи красная бумажная самотканая рубаха и съ напускомъ сапоги; по верхъ ея въ зимнее время кафтанъ, а въ лѣтнее понитокъ; также носятъ жилетъ и плисовые или суконные шаровары.

Женскую одежду составляютъ: сарафанъ китайчатый и кумачный, не рѣдко же изъ французскаго «рабенеку», фартуки, кисейные или матерчатые рукава; платки кисейные и матерчатые въ будни, а въ праздники платки шелковые, левантиновые и тафтяные, у нѣкоторыхъ расшитые не густо золотомъ и серебромъ; есть въ употребленіи, хотя и у немногихъ, и шали шерстяныя, недорогія *). Сарафаны въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (напр. въ Арзамасскомъ уѣздѣ) обшиваются желтымъ или красноватымъ ситцемъ на подольникахъ и по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ обыкновенно нашиваются въ два ряда пуговицы. Накладываемый на этихъ мѣстахъ ситецъ зовется *кружевами*. Поверхъ сарафана надѣвается или нанковый полукафтанъ, или таковой же изъ сукна, вытканнаго женщиной изъ домашней шерсти; зимою же дубленый полушубокъ или шуба изъ домашнихъ овчинъ, короткія штофныя или плисовыя шубки, или длинныя суконныя. Короткія съ сборами шубки въ балахнинскомъ уѣздѣ зовутся *галанками*. Обувью же служатъ лапти, сапоги, коты и вязанки, а зимою толстые чулки и валеные сапоги. Валеная обувь въ большемъ почтеніи и употребленіи у женщинъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ селѣ Красномъ) женщины носятъ валенки и въ лѣтніе жары.

Женскій нарядъ и дѣвичій отличаются только головнымъ уборомъ. Дѣвушки заплетаютъ свои волосы въ одну косу и къ концу ея привѣшиваютъ разноцвѣтныя ленты и кромѣ того повязываются платкомъ концами подъ шею. Замужнія же женщины носятъ на головѣ повойникъ или *сборникъ*, въ который тщательно прячутъ свои волосы и потомъ голову накрываютъ платкомъ, обыкновенно шелковымъ цвѣтнымъ, вышитымъ золотомъ и серебромъ; платокъ завязывается концами назади.

Относительно разницы въ ношеніи одежды по уѣздамъ выдается Лукьяновскій уѣздъ *). Здѣсь женскій костюмъ весьма незатѣйливъ и простъ, далеко не красивъ и безвкусенъ. Женщины любятъ яркіе цвѣта, сочетаніе цвѣтовъ до рѣзкости разнообразное, напр. съ краснымъ сарафаномъ надѣваютъ желтый кафтанъ и зеленый платокъ; обыкновенная же ихъ одежда состоитъ изъ сарафана, преимущественно краснаго цвѣта, рубашки ситцевой или бѣлой коленкоровой, въ иныхъ мѣстахъ съ низко вырѣзаннымъ воротомъ, въ другихъ съ высокимъ по горло и съ довольно длинными воротниками, изъ передника, также ситцеваго, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Кромѣ того крестьянки лѣтомъ надѣваютъ нанковыя коротенькія полукафтанья, большею частью самаго ярко желтаго или зеленаго цвѣтовъ, съ красными отворотами. Зимой же носятъ онѣ, какъ и мущины, дубленые полушубки. Обувь въ послѣднее время начала улучшаться: крестьянки начали носить лѣтомъ вмѣсто прежнихъ лаптей башмаки, а зимою шерстяные толстые чулки и валеные сапоги. До уничтоженія крѣпостнаго права въ Лукьяновскомъ уѣздѣ повсемѣстно женщины носили на головѣ такъ называемые *рога*, украшавшіеся у зажиточныхъ серебрянымъ и золотымъ позументомъ. Но этотъ оригинальный уборъ сталъ исчезать и теперь встрѣчается очень рѣдко. Улучшеніе замѣтно и въ костюмѣ мущинъ: чаще и чаще сталъ показываться, вмѣсто прежняго темносѣраго армяка изъ домашней шерсти, армякъ изъ верблюжьяго фабричнаго сукна; вмѣсто черной бараньей шапки и лѣтней шляпы—сѣрая шапка изъ подкрашеной мерлушки, а лѣтомъ фуражка съ козырькомъ. Вмѣсто полушубковъ изъ бѣлыхъ недубленыхъ овчинъ съ разными наставками — желтые дубленые полушубки, съ красивою оторочкою и мѣховою опушкою, вмѣсто лаптей сапоги, а зимою, въ дорогѣ, валенки. Кушаки же носятъ изъ русской шерсти, преимущественно краснаго цвѣта.

Улучшеніе въ одеждѣ болѣе всего замѣтно въ Балахнинскомъ уѣздѣ. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ,

*) Лукьяновскій уѣздъ Т. II, стр. 24, 25 и 26.

*) Описаніе села Исхорошева, Лукьяновска уѣзда Т. 11, стр. 307.

многіе стали носить и нѣмецкую одежду, т. е. мущины— сюртуки, а женщины — платья, пальто и кринолины. Особенно роскошно любятъ одѣваться въ этомъ уѣздѣ жители села Пуреха и приходскихъ съ нимъ деревень. Здѣсь нерѣдкость встрѣтить въ лѣтнее время, въ праздничный день, крестьянина въ сюртукѣ или кафтанѣ нѣмецкаго сукна и такомъ же, сверху, халатѣ съ коленкоровою, а иногда фланелевою подкладкою, жену же его въ шелковой, то штофной, то парчевой золотной юбкѣ, или въ матерчатомъ сарафанѣ и даже платьѣ, покрытую шелковымъ платкомъ и одѣтую въ шелковое же или шерстяное пальто. Зимою, въ праздничные дни, мущины надѣваютъ внизъ суконные, на ватѣ или на мѣхахъ, кафтаны и пальто, а на верхъ такіе же тулупы; многихъ можно видѣть въ шубахъ волчьихъ, лисьихъ и даже енотовыхъ. Женщины зимою употребляютъ суконныя и шерстяныя, на заячьемъ мѣху, шубы и пальто, иногда даже на бѣличьемъ, съ лисьемъ или куньимъ воротникомъ. Солопы у нѣкоторыхъ появляются, но они не вошли еще въ моду (томъ II, стр. 222).

Присутствіе моды обнаруживается, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ измѣненіи только цвѣтовъ одежды, которая остается по прежнему одна и та же. Такъ напр. въ Горбатовскомъ уѣздѣ, въ 1871 году, была мода носить сарафаны и фартуки изъ темнаго ситцу, а мужскія рубахи краснаго цвѣта, въ 1872 году мода измѣнилась: сарафаны стали носить бѣлаго цвѣта съ такими же рукавами и фартуками, мужскія рубахи, блѣднолиловыя или также бѣлыя (т. V, стр. 184).

Для полноты описанія одежды въ жителяхъ Нижегородской губерніи остается указать на костюмъ малорусскихъ и литовскихъ выходцевъ, поселившихся въ этой губерніи, по преимуществу въ Лукьяновскомъ уѣздѣ (т. II, стр. 26). Костюмъ у мущинъ почти одинаковъ съ великорусскимъ, но у женщинъ совершенно своеобразенъ. Замужнія носятъ на головѣ невысокій кокошникъ съ рожками и съ повязкой изъ позумента или атласной ленты, рубашку бѣлую, широкую, сборчатую на груди, съ отложнымъ маленькимъ воротничкомъ, около пояса (рубашка носится съ выпускомъ) юбку или поневу всегда клѣтчатую или полосатую, изъ цвѣтовъ чернаго и краснаго. Прежде были въ частомъ употребленіи поньки съ бѣлыми рукавами и поньки шерстяныя—крашеныя, коричневаго цвѣта, съ такою же покромкою. Лѣтомъ носятъ чулки и башмаки, а зимою полуваленки сапожки и полушубки дубленые. Костюмъ дѣвушки отличается повязкой изъ ленты, волосы всегда бываютъ заплетены въ косы, съ длинными широкими лентами, на шеѣ крупныя бусы, рубашка застегнута металлическою пуговкою. Какъ молодыя женщины, такъ и дѣвушки страстно любятъ цвѣты и зелень, а потому лѣтомъ украшаютъ себя вѣнками.

V.

Пища *). Употребляемая крестьянами пища скудная. Ее составляютъ щи постныя изъ сѣрой капусты по временамъ забѣленныя сметаной, горохъ, каша сваренная изъ просо или другой крупы, пироги изъ ржаной муки съ полбеной луковой или другой начинкой, жареный или вареный картофель, другіе овощи и плоды, также яйца и молоко. Эти несложныя кушанья въ перемежку употребляются во весь круглый годъ. Хлѣбъ въ употребленіи и ржаной, и пшеничный, и ячменный. Рыбы ѣдятъ мало; на масляницѣ же и въ храмовые праздники обыкновенно покупаютъ соленыхъ судаковъ и вяленыхъ лещей. Говядина употребляется рѣдко; нѣтъ замѣтно ни одного селенія, въ которомъ бы круглый годъ, разумѣется кромѣ постовъ, ѣли мясо. Большая часть жителей ѣстъ мясныя щи въ слѣдующіе дни: во всю пасхальную недѣлю, на святкахъ дня три, въ заговѣнье предъ постомъ и разговѣнье и дня по два, по три въ храмовые праздники. Ѣдятъ мясо также еще осенью, когда колютъ овецъ и при семейныхъ праздникахъ, какъ напр. при бракахъ и проч. Во всякое же время ѣсть мясное крестьяне почитаютъ за убыточную роскошь. Обыкновенный же обѣдъ въ будни состоитъ изъ щей и каши или, взамѣнъ оной, капусты съ квасомъ и огурцами. Чай еще не во всеобщемъ употребленіи; хотя есть селенія, въ которыхъ крестьяне каждодневно употребляютъ чай, зато, съ другой стороны встрѣчаются въ Заволжьи и такіе глухіе поселки, которые незнакомы еще съ употребленіемъ самовара. Какъ повидимому пища ни скудна, однако расходъ на нее для средней семьи, состоящей изъ двухъ взрослыхъ и двухъ малолѣтныхъ, по вычисленіямъ, обходится въ 37 рублей и болѣе, не включая въ этотъ расходъ мяса и овощей, которыя крестьянинъ получаетъ изъ своего огорода.

VI.

Народные обычаи и обряды. Народные обычаи при

*) Томъ I, стран. 182, 199; т. II, стр. 75, 76, 263, 292, 306 321, 332, и 339.

похоронахъ и *крестинахъ* *) весьма однообразны. Умершаго кладутъ обыкновенно на лавку, въ передній уголъ, подъ иконы, передъ которыми теплится лампада или свѣчка. Большинство умершихъ изъ крестьянъ какъ бѣдныхъ, такъ и зажиточныхъ одѣваютъ въ саванъ, подъ которымъ оставляютъ на умершемъ или умершей одну ветхую посильную одежду или холщевую рубаху, нарочно сшитую наскоро, передъ похоронами, а если умершій старикъ, то заранѣе имъ заготовленную на случай смерти. Похороны обыкновенно бываютъ на другой день кончины, или чрезъ сутки. Въ нѣкоторыхъ селахъ надъ покойникомъ читается псалтирь, но въ деревняхъ чтеніе надъ умершими бываетъ рѣдко, особенно въ рабочую пору года. Послѣ похоронъ бываютъ поминки или похоронный обѣдъ. На эти поминки сзываютъ всегда сиротъ и вдовъ, которымъ раздаютъ также милостыню, состоящую изъ чего либо съѣстнаго, т. е. пироговъ, блиновъ, пшеничнаго хлѣба и т. п. На похоронныхъ обѣдахъ бываютъ также неизбѣжные—водка, кисель и блины. Если умершій былъ домохозяинъ или старикъ, всѣ деревенскіе обыватели обыкновенно провожаютъ его тѣло за околицу деревни, а иные идутъ даже до церкви; похороны же женщинъ и молодыхъ людей идутъ скромнѣе: гробъ ихъ сопровождаетъ, и то изрѣдка, одна семья, да толпа крестьянскихъ ребятишекъ, неизбѣжныхъ спутниковъ всѣхъ деревенскихъ церемоній какъ веселыхъ, такъ и печальныхъ. По умершемъ совершаются поминки только въ день погребенія; девятый день, сорочины, а тѣмъ болѣе годовщина не справляется. Причитанья надъ умершими не во всеобщемъ употребленіи.

Крестины имѣютъ нѣкоторую торжественность только въ томъ случаѣ, когда въ домѣ является первый новорожденный у хозяина или старшаго въ семьѣ, въ особенности сынъ, и если эта семья не велика и живетъ достаточно. Въ большихъ семьяхъ появленіе на свѣтъ новаго члена семьи проходитъ незамѣтно. Для крещенія ребенка приносятъ въ селахъ и деревняхъ въ церковь; въ дальнихъ же приходскихъ деревняхъ крестятъ въ домахъ, когда священникъ пріѣзжаетъ давать молитву родильницѣ. «Самое крещеніе дѣтей въ южныхъ уѣздахъ губерніи производится иногда способомъ замѣчательно противо-гигіеническимъ: здѣсь употребляется зимой въ 20—30° мороза, въ нетопленой церкви, вода со льдомъ, въ которую окунываютъ принесеннаго изъ за 10—15 верстъ новорожденнаго ребенка, котораго послѣ этой операціи, окутываютъ въ тряпку и необтертаго, въ этой самой тряпкѣ, несутъ снова за 10—15 верстъ» *). По окончаніи крещенія, кумъ и кума приглашаются къ обѣду, за которымъ бабушка новорожденнаго или сельская повитуха обходитъ гостей съ блюдечкомъ и кашей, подчуя кума и куму, а они, въ свою очередь, должны благодарить и положить на блюдечко деньги бабушкѣ. Приношенія эти не превышаютъ 15 коп. Гости, присутствующіе на крестинахъ, тоже даютъ бабушкѣ—кто сколько можетъ. Кума даритъ всегда родильницѣ ризки, а младенцу рубашку и поясъ; кумъ даетъ новорожденному крестъ. Ризки состоятъ, чаще всего, изъ одного или двухъ аршинъ холста, изрѣдка 2, 3 аршинъ ситцу, на рукава. Рубашка крестнику дается домотканая или ситцевая. Кума платитъ иногда за крестины (не свыше 30 к.) Въ семьяхъ, гдѣ крестины бываютъ ежегодно, а также и въ тѣхъ, гдѣ живутъ очень бѣдно и не могутъ надѣяться найти куму или кума (къ бѣднымъ посторонніе идутъ неохотно), обязанность эта исполняется обыкновенно членами этой же семьи, и тогда не соблюдается и обычая въ отношеніи подарковъ родильницѣ и новорожденному, по русской пословицѣ «свои люди сочтемся».

Свадьбы составляютъ отличное отъ другихъ празднество въ быту крестьянина. Для такого празднества какъ свадьбы, крестьянинъ считаетъ необходимымъ расходовать весь свой запасный капиталъ, и даже часто, по случаю свадьбы, входитъ въ долги. Свадьбы обыкновенно сопровождаются многочисленными пирами, на которые приглашаются родные жениха и невѣсты цѣлыми семьями. Расходы по совершенію браковъ велики; minimum этихъ расходовъ доходитъ до 50 руб. Въ такихъ уѣздахъ, какъ Горбатовскій, гдѣ содержаніе обходится дороже, и гдѣ однако попойки и угощенія на свадьбахъ въ полной силѣ, расходы по своершенію свадебъ еще больше: самую бѣдную свадьбу едва можно сдѣлать на 70 рублей. Сопоставляя цифру издержекъ на свадьбу съ цифрой расходовъ на годовое содержаніе цѣлой семьи, можно, безъ приувеличенія сказать, что свадьба крестьянину стоитъ почти столько же, сколько онъ тратитъ въ два года на прокормленіе семьи. Такъ велико у нашего народа желаніе развернуться на свадьбахъ.

*) «Село Жепино.» Т. V, стр. 151 и152 и «Очеркъ о пожарахъ.» Т. II, стр. 281.

*) «Слова Ермакова.» Т. V, стр. 12.

Свадебные обычаи *) въ Нижегородской губерніи разнообразны. Это разнообразіе рѣзко отличаетъ нагорные уѣзды отъ Заволжья. Въ нагорныхъ уѣздахъ требуется для совершенія брака непремѣнное согласіе родителей; въ Заволжье обходятся и безъ него. Въ Заволжскихъ уѣздахъ иногда совершаются браки и тайно, невѣста вступаетъ въ замужество и безъ воли отца и матери. Такой обычай вѣнчаться тайно, уходомъ отъ родителей, извѣстенъ здѣсь подъ именемъ *самокрутки* **). Самокрутки распространены по Семеновскому, Макарьевскому и Балахнинскому уѣздамъ ***): чаще всего случаи самокрутокъ бываютъ въ Семеновскомъ уѣздѣ; здѣсь онѣ вызваны отчасти необходимостію. Родители въ рѣдкихъ случаяхъ соглашаются выдавать своихъ дочерей замужъ, не желая лишиться въ нихъ даровой рабочей силы. Это-то нежеланіе родителей выдавать замужъ дочерей и бываетъ поводомъ къ самокруткамъ, которыя совершаются слѣдующимъ образомъ. Парень, познакомившись на бесѣдкахъ съ дѣвушкой, убѣждаетъ ее выйти за него замужъ; та, по обыкновенію, отговаривается; но когда парень заручится вещественными знаками ея согласія (лентой изъ косы и кольцомъ съ ея рук), то уже начинаетъ дѣйствовать рѣшительнѣе: онъ увозитъ ее съ бесѣдокъ въ ближайшее село и здѣсь вѣнчается съ нею. Въ первую же субботу, послѣ вѣнчанія, новобрачные должны идти къ родителямъ съ повинною, которые обыкновенно и прощаютъ ихъ самовольный бракъ, если не въ первый приходъ, то во второй или третій.

Съ совершенно другаго рода подробностями совершается свадьба въ тѣхъ уѣздахъ, въ которыхъ самокрутки считаются не только рѣдкостью, но даже и неслыханнымъ дѣломъ. Вотъ какъ напр. свадебное дѣло ведется въ Горбатовскомъ уѣздѣ ****). Здѣсь свадьбѣ предшествуютъ долгія совѣщанія и толки торговаго свойства между родными жениха и невѣсты. Цѣлью этихъ совѣщаній бываютъ обыкновенно деньги и приданое, которое здѣсъ дается женихомъ невѣстѣ. Обычай давать деньги невѣстѣ извѣстенъ здѣсь подъ именемъ *кладки женихомъ на столъ*. Это нѣчто въ родѣ вѣна, которое въ старину поляне платили за невѣсту. Сюда же этотъ обычай перешелъ отъ черемисовъ или татаръ, у которыхъ, какъ извѣстно, платится женихомъ родителямъ невѣсты калымъ (выкупъ). Сумма кладочныхъ денегъ бываетъ различна, отъ 5 до 50 руб. Сватовство же ведется такимъ порядкомъ. Мать жениха со своей родственницей (свахой) идетъ въ одну изъ сосѣднихъ деревень и, подъ предлогомъ напиться воды или отдохнуть съ дороги, заходитъ въ домъ, гдѣ живетъ желаемая невѣста. Здѣсь обѣ пришедшія садятся подъ матицу и начинаютъ издалека разспрашивать о невѣстѣ и ея приданомъ, причемъ не упускаютъ случая замолвить, похвалить своего жениха. Не заводя на этотъ разъ формальнаго сватовства, сваха, при прощаніи, приглашаетъ мать невѣсты придти посмотрѣть на житье-бытье жениха. Чрезъ нѣсколько времени мать невѣсты со своей родней отправляется въ домъ жениха, гдѣ она безъ церемоніи высматриваетъ все имущество жениха: обходитъ избу, клѣти, амбаръ, въ которомъ смотритъ на запасы хлѣба. Довольная произведеннымъ осмотромъ, и еще болѣе сдѣланнымъ ей женихомъ угощеніемъ, мать невѣсты приглашаетъ его въ гости. Женихъ отправляется къ невѣстѣ со всей уже родней. Здѣсь онъ, при выходѣ невѣсты, взаимно обмѣнивается вопросами о имени и отчествѣ. Вопросы: «позвольте узнать, какъ васъ величаютъ?», дѣлаются даже и тогда, когда женихъ и невѣста и раньше знакомы другъ съ другомъ. Послѣ обмѣна различныхъ привѣтствій между сватами и свахами начинается угощеніе, послѣ котораго гости, распростившись, уходятъ, но не домой, а только въ сѣни, гдѣ между ними происходитъ совѣщаніе о томъ, какъ вести переговоры, сколько давать и проч. Порѣшивши начинать формальное сватовство, гости возвращаются съ женихомъ въ избу, съ словами: «устали, утомились; дай-ка, свахонька, на дорогу испить». И въ то время, когда хозяйка подаетъ гостямъ пить, сватъ продолжаетъ: «ну, что же, сватьюшка, кончать что ли дѣло-то?» — «Кончайте, пожалуй, отвѣчаетъ отецъ невѣсты; много ли на столъ положите?» — «Рублей пятнадцать дадимъ», говоритъ сватъ. — «И полно, сватьюшка, какъ можно эдакую цѣну, да мнѣ за старшую положили 20 цѣлковыхъ; тогда времена были другія; и онѣ годъ отъ году все дороже. Нѣтъ 15 невозможно». — «Ну шубу суконную дадимъ», говоритъ сватъ. «Да что мнѣ въ вашей шубѣ! У ней и своя есть; нѣтъ, и на то не пойдемъ, возражаетъ отецъ невѣсты», и разговоръ принимаетъ видъ настоящаго торга. Отецъ выговариваетъ большую цѣну на столъ, а сватъ старается отстоять

*) Т. I стран. 182, 199; т. II, стр. 75, 76, 263, 292, 306, 321, 332, 339.

**) Въ Вологодской губерніи онѣ называются самохотками.

***) Т. III, стр. 141—149. См. ст. «Самокрутка».

****) «Село Оленино». Т. V, стр. 152—160.

интересы жениха, т. е. уменьшить эту сумму и, если этого сдѣлать нельзя, выговариваетъ, въ свою очередь чтобъ невѣста принесла въ приданое хорошую одежду, теплую обувь и приготовила бы жениху три или четыре рубахи. По окончаніи переговоровъ, хозяйка затепливаетъ свѣчу, сваты молятся на иконы и подаютъ другъ другъ руки. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ сваты подаютъ руки, непремѣнно обернутыя въ полу платья для того, чтобъ молодые супруги жили не голо. Это соглашеніе сватовъ и называется *рукобитьемъ*, которое считается началомъ брачнаго пира; свадьбу же обыкновенно назначаютъ чрезъ недѣлю или двѣ послѣ рукобитья. Все время до свадьбы посвящается семьей жениха на угощеніе родныхъ невѣсты, а семьей невѣсты на шитье приданаго. Угощенія въ семьѣ жениха начинаются съ того, что подруги невѣсты приходятъ къ жениху за пивомъ; онъ долженъ угощать ихъ не только пивомъ, но и чаемъ, блинами, кашей, яичницей, пряниками, орѣхами и виномъ. Какъ бы ни были ограниченны матеріальныя средства жениха, подруги невѣсты не пропустятъ случая попировать и приходятъ къ женихамъ своихъ подругъ въ количествѣ 10, 15 и 20 дѣвицъ. Послѣ перваго посѣщенія являются къ жениху жены ея братьевъ и вообще всѣ родные невѣсты, въ количествѣ 6—7 человѣкъ, за рубашкой жениха. Цѣль всѣхъ этихъ посѣщей—угощеніе; но, чтобы прикрыть ее, посѣщенія эти мотивируются различными предлогами. Для того, чтобы взять рубашку жениха, по которой невѣста должна изготовить ему новыя рубахи къ свадьбѣ, является 6 и болѣе посѣтителей, которыхъ нужно угостить. Пройдетъ день, другой и снова приходятъ къ жениху подруги невѣсты просить мыла невѣстѣ и наступаютъ опять угощенія. Дня за три до свадьбы родные жениха ѣдутъ покупать выговоренныя вещи для приданаго; дѣлаемое на этотъ разъ женихомъ угощеніе называется пропитіемъ невѣсты. Въ продолженіе всей недѣли подруги невѣсты шьютъ ей приданое, находясь постоянно въ ея избѣ, а женихъ, посѣщая невѣсту, долженъ приносить имъ лакомства—пряники, орѣхи и проч. Обычаи эти соблюдаются даже въ самыхъ бѣдныхъ семьяхъ, изъ страха подвергнуться насмѣшкамъ и нареканіямъ, хотя семья входитъ часто по этому въ неоплатные долги. Наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты бываетъ дѣвичникъ, на который пріѣзжаетъ вся родня жениха и невѣсты. На этомъ вечерѣ дѣвушки и парни поютъ пѣсни, играютъ въ различныя игры, но женихъ и невѣста не принимаютъ участія въ нихъ и молча сидятъ за столомъ. На другой день послѣ дѣвичника женихъ рано отправляется со своей родней за невѣстой. Здѣсь онъ долженъ у подругъ невѣсты купить право входа въ домъ, а у свахи—право сѣсть на мѣсто въ переднемъ углу. Въ это время за перегородкой невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу, при непремѣнномъ пѣніи пѣсенъ ея подругами. Совсѣмъ одѣтую невѣсту мать благословляетъ образомъ и, покрывши голову большимъ платкомъ, такъ чтобъ лица не было видно, выводитъ ее къ жениху и сажаетъ съ нимъ рядомъ. Послѣ угощенія, дѣлаемаго поѣзжанамъ, брачный поѣздъ отправляется въ церковь; впереди ѣдетъ женихъ съ дружкою, за ними невѣста со свахой, а назади ѣдутъ поѣзжане; въ этомъ же поѣздѣ везутъ и приданое невѣсты, предварительно выкупленное свахой отъ подругъ невѣсты. По окончаніи вѣнчанія, поѣздъ возвращается въ домъ жениха, гдѣ новобрачныхъ встрѣчаетъ отецъ жениха съ образомъ и мать съ хлѣбомъ и солью. Въ нѣкоторыхъ селахъ новобрачныхъ ведутъ изъ церкви въ вѣнцахъ, а при входѣ служатъ молебенъ. Затѣмъ, начинается угощеніе для всѣхъ поѣзжанъ, а потомъ, послѣ перваго обѣда, тотчасъ же начинается второй обѣдъ для родныхъ невѣсты, которые въ церкви не бываютъ, а пріѣзжаютъ въ домъ жениха часа чрезъ два послѣ вѣнчанья. Этотъ второй обѣдъ носитъ названіе *горнаго обѣда*, а сами гости зовутся *горными* [1]). Когда молодая подчуетъ гостей виномъ, они кладутъ ей деньги. Молодой, еще въ церкви послѣ вѣнчанья, свахи заплетаютъ волосы въ двѣ косы и надѣваютъ на голову повойникъ. Въ Сергачскомъ уѣздѣ невѣстѣ, которую по мѣстному выраженію *бабятъ*, надѣваютъ на волосы кичку или волосникъ и повязываютъ, по принятому обычаю, платкомъ; съ этой минуты волосы новобрачной составляютъ тайну для посторонняго глаза [**]). Молодую могутъ «вскрывать» только свекоръ съ свекровью, какъ это дѣлается напр. въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Свекровь, раскрывая платокъ у новобрачной, говоритъ всѣмъ присутствующимъ: «поглядите на мою молодушку, да не хайте» [***]). Въ томъ же уѣздѣ, при угощеніи родителей жениха, дружка говоритъ слѣдующую рѣчь: «Батюшка родимый, доступи пожалуй, проситъ васъ молодой князь съ молодой княгиней — ковшемъ да медомъ, ласковымъ словомъ, да

*) [illegible] 331; [illegible] 331.

**) Ibid. стр. 280.

***) V, 221.

низкимъ поклономъ; вино-то выкушай, а блюдечко посеребри». Отецъ при этихъ словахъ беретъ изъ рукъ молодой стаканъ, поздравляетъ съ законнымъ бракомъ, выпиваетъ вино и, получивши подарокъ дѣлаемый обыкновенно матерью невѣсты, цѣлуетъ новобрачныхъ по три раза и отдариваетъ деньгами. Такая же церемонія повторяется при поднесеніи вина каждому изъ родныхъ жениха и невѣсты. Брачный пиръ, отправляемый на второй день свадьбы, называется *кокурками*, на третій—*блинами*; кромѣ того бываетъ еще *перегуль* и *отгостки*, которыми и завершается свадебное торжество.

Забота о цѣлости и здоровьи новобрачныхъ лежитъ какъ на обязанности родителей, такъ и на обязанности участниковъ свадебъ — дружекъ и свахъ. Болѣе всего боятся въ день свадьбы порчи молодыхъ. Эта боязнь порчи и бываетъ кажется причиной, почему невѣста вѣнчается закрытая платкомъ. Кромѣ того, для защиты отъ порчи прибѣгаютъ къ слѣдующимъ мѣрамъ и средствамъ. Дружка предъ вѣнчаніемъ обходитъ брачный поѣздъ три раза (V—221) съ иконою Михаила архангела, который считается вообще защитникомъ отъ лихаго человѣка. Въ карманы жениху кладутъ «богородицынъ сонъ», а невѣстѣ — кокурку и два яйца сваренныхъ круто; новобрачные должны раньше всего съѣсть послѣ вѣнчанія эти два яйца и кокурки. Кладутъ также (въ Семеновскомъ уѣздѣ; III, ст. 137) новобрачнымъ въ карманы луковицу съ воткнутою въ нее булавкою; прикалываютъ къ платью невѣсты двѣ булавки крестомъ, или рябину, на которой де есть крестъ. Опасенія участниковъ свадьбы не оканчиваются даже и съ совершеніемъ вѣнчанія; заботы о цѣлости новобрачныхъ продолжаются цѣлый день, въ который происходитъ вѣнчанье. Такъ, въ домѣ жениха попъ покрывается, въ свадебный пиръ соломой или сѣномъ, которыя тотчасъ же по уходѣ гостей выбрасываются далеко отъ двора. Вмѣстѣ съ сѣномъ, по вѣрованію крестьянъ, развѣвается по вѣтру колдовство или наговоръ лихаго человѣка. Для того же чтобъ новобрачные жили богато, ихъ сажаютъ на кошму или вывороченную верхъ шерстью шубу (т. I, стр. 179).

VII.

О народныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ. Кромѣ свадебныхъ пировъ у крестьянъ Нижегородской губ. отнимается много рабочаго времени на отправленіе различныхъ праздниковъ. Въ эти праздники крестьяне оставляютъ всякую работу и проводятъ время за угощеніями себя и другихъ. Въ Оленинской волости Горбатовскаго у. въ зимній Николинъ день крестьяне цѣлую недѣлю не принимаются за работу, и во все это время они толпами ходятъ изъ дома въ домъ, къ знакомымъ и незнакомымъ и угощаются водкой, виномъ, пивомъ и брагою. Пьянство во всѣ эти дни принимаетъ громадные размѣры: пьютъ всѣ, начиная съ 16 л. дѣвушекъ и кончая 70 л. стариками *). Но собственно деревенская молодежь веселится, собираясь зимою на посидѣлки, а лѣтомъ—устраивая гулянье на лугахъ. На эти гулянья въ той же волости собирается въ большіе праздники до тысячи человѣкъ. Эти гулянья на лугахъ, во время которыхъ устраивается по нѣскольку хороводовъ, образовались послѣ 19 февраля, когда крестьяне стали свободно, безъ дозволенія помѣщиковъ, вступать въ браки съ крестьянками сосѣднихъ селеній. Гулянья образовались постепенно, но съ каждымъ годомъ они дѣлаются многолюднѣе и принимаютъ характеръ городскихъ гуляній.

Въ отправленіи нѣкоторыхъ изъ праздниковъ сохранились слѣды древняго язычества. Въ нагорныхъ уѣздахъ Нижегородской губ. въ этомъ отношеніи больше удержалось старинныхъ обычаевъ, чѣмъ въ Заволжьи. Такъ напр. о колядѣ въ Заволжьи не сохранилось никакого воспоминанія, между тѣмъ какъ въ нагорныхъ уѣздахъ сохранились не только слѣды празднованія въ честь этого божества, но сохранилось даже и обрядовое дѣйствіе вмѣстѣ съ пѣснями. Въ нагорной части Васильскаго уѣзда воспоминаніе о колядѣ сохранилось въ слѣдующей дѣтской пѣснѣ **), которая, какъ и многія другія, читается дѣтьми речитативомъ.

Коляда, коляда,
Ты подай пирога,
Или хлѣба ломтину,
Или денегъ полтину,
Или курочку съ хохломъ,
Пѣтушка съ гребешкомъ,
Или сѣна клокъ,
Или вилы въ бокъ.
Тутъ ходили,
Тутъ гуляли колядовщинки.
Царевъ кабакъ,
Царевъ кабакъ—
На желтыхъ пескахъ.

*) «Село Оленино.» Томъ V.
**) «Дѣтскія игры и пѣсенки.» Т. III, стр. 213.

Въ Горбатовскомъ уѣздѣ крестьянскія дѣти наканунѣ Рождества ходятъ колядовать, припѣвая: «Коляда, коляда, отворяй ворота, не дадутъ пирога—растворимъ ворота, не дадутъ кутьи—расплетемъ плетни, не дадутъ лепешки—разобьемъ окошки» *). Въ Княгининскомъ уѣздѣ наканунѣ Новаго года въ каждомъ домѣ на столахъ можно видѣть какія-то вымышленныя и разнообразныя фигурки. Это—*коледки*. Послѣ завтрака дѣти, суетясь, бѣгаютъ по улицѣ, подбѣгаютъ къ домамъ и поютъ: «Калида-малида, испекла пирожокъ, золотой гребешокъ. Я поньку шью, я къ обѣденки спѣшу, всѣхъ людей насмѣшу. Тетушка-лебедушка, подай кокурочку!» И хозяйка на этотъ призывъ выноситъ рѣшето кокурокъ и надѣляетъ ими славящихъ коляду. Вечеромъ ходятъ колядовать дѣвицы-невѣсты. Пришедши подъ окно богатаго дома, онѣ поютъ: «Какъ не Волга рѣка разливается, какъ не мурава трава разстилается, Иванъ (имя хозяина или его сына) на конѣ потѣшается, Марья (имя хозяйки или дочери) передъ нимъ унижается. Господинъ ты Иванъ, ты не ѣзди въ Мордву, не служи королю, служи нашему царю: какъ у нашего царя столбы точеные, позолоченные!» Затѣмъ одна изъ хора говоритъ скороговоркой: «Дома ли хозяинъ и съ хозяйкой?» За ней тотчасъ всѣ хоромъ: «Подай денежку съ копьемъ иль копѣечку съ орломъ» **).

Другой видъ коляды Авсень-таусень сохранился въ Арзамаскомъ уѣздѣ ***). Здѣсь колядовать ходятъ и маленькія и взрослыя дѣвицы. Какъ тѣ, такъ и другія поютъ разныя пѣсни. Дѣвочки, лѣтъ 12, подойдя къ окну дома, прежде спрашиваютъ у хозяевъ: кому пѣть? Когда хозяева скажутъ на чье имя пѣть, тогда дѣвочки начинаютъ:

Посѣю-ль я маку, цѣлу десятину,
Таусень!
Кому макъ молоти,
Таусень!
Одна дѣвушка умненька:
Маковки не сорветъ,
Таусень!

Хозяева подаютъ поющимъ по нѣскольку ржаныхъ, своего печенья, кренделей или булочекъ, изображающихъ маленькихъ птичекъ. Взрослыя дѣвицы, нарядившись въ лучшіе сарафаны и штофныя юбки, ходятъ, въ сопровожденіи женщины, по тѣмъ только домамъ, въ которыхъ есть молодые люди—женихи. Онѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

Летѣла же пава, по синему морю,
Таусень!
Перышки роняла,
Таусень!

Или:

Не летай-ка ты, соколъ, высоко,
Таусень!
Не маши ты крылами далеко.
Таусень!
Много бояровъ въ Москвѣ,
Таусень!
Нѣтъ болѣ крестьянъ на Руси (припѣвъ повторяется при каждомъ стихѣ),
Нѣтъ такого молодца,
Какъ Ивана Ивановича (имя жениха),
Онъ на добромъ конѣ поѣживаетъ,
Шелкой плеткой помахиваетъ;
Въ высокомъ новомъ теремѣ
Сидитъ дѣвица-душа (имя одной изъ пришедшихъ)
И бѣла, и румяна, хороша,
Что на грамоткѣ написаная,
Таусень!

Молодой человѣкъ угощаетъ пришедшихъ виномъ, орѣхами и пряниками; пришедшей же съ ними провожатой даетъ небольшой ржаной пирожокъ. На святкахъ почти повсемѣстно въ Нижегородской губ. устраиваются бесѣдки или посидѣлки. Дѣвушки собираются въ одинъ изъ домовъ, выбранныхъ для посидѣлокъ, и здѣсь то они проводятъ всѣ святочные вечера, начиная со втораго дня Рождества до самаго Крещенскаго сочельника *). Срокъ посидѣлокъ впрочемъ не вездѣ одинаковъ: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ посидѣлки продолжаются все зимнее время, до великаго поста. На эти-то дѣвичьи посидѣлки приходитъ и мужская молодежь, обыкновенно во время святокъ наряженая и замаскированная, съ гармоникой въ рукахъ. Съ узнанными на посидѣлкахъ парнями дѣвицы начинаютъ ходить подъ пѣсню по комнатѣ, цѣловаться и играть. На этихъ же вечерахъ производится и величаніе каждаго парня пѣснею, за что тотъ долженъ благодарить дѣвушекъ деньгами.

Изъ числа весеннихъ праздниковъ выдаются по нѣ-

*) Село «Оленино.» Томъ V, стр. 180.

**) Т. II, стр. 383.

***) «Описаніе села Краснаго» Т. II, стр. 357, 358.

*) Т. III, стр. 110 и 113; т. V, стр. 171.

которымъ сохранившимся обрядностямъ семикъ и троицынъ день. Въ *семикъ* въ Горбатовскомъ уѣздѣ завиваютъ березку, а въ троицынъ день развиваютъ. Завиванье березки совершается такимъ образомъ. Въ семикъ дѣвицы, собравшись вечеромъ вмѣстѣ, идутъ въ ближайшую къ селенію рощу и тамъ, завивъ березовую вѣтвь, цѣлуются каждая съ своей подругой, приговаривая: «Покумимся, кума, поцѣлуемся», а затѣмъ дѣлятся другъ съ дружкою принесенной яичницей. Развиваніе березки въ *троицынъ день* происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и завиванье; дѣвушка, цѣлуя подругу, говоритъ: «Раскумимся, кума, поцѣлуемся», и расплетаетъ березку. Потомъ, украсивъ одну изъ вѣтокъ березы лентами, дѣвушки съ пѣснями несутъ ее въ деревню и тамъ уже цѣлый день играютъ въ хороводы и поютъ пѣсни *). Въ Арзамаскомъ уѣздѣ въ семикъ дѣвицы, нарядившись въ самое лучшее платье, ходятъ и собираютъ яйцами; на нѣкоторыхъ изъ нихъ бываютъ надѣты вѣтки изъ весеннихъ цвѣтовъ; двѣ или одна непремѣнно бываютъ одѣты въ мужское платье; къ вечеру варятъ яичницу, а въ ночь собираются въ одинъ общій хороводъ и гуляютъ до разсвѣта. Въ троицынъ же день, также нарядившись въ лучшіе сарафаны, сходятся въ одно мѣсто и составляютъ одинъ общій хороводъ и поютъ пѣсни, въ которыхъ главнымъ припѣвомъ бываютъ звуки: іо, іо; или изрѣдка къ нимъ прибавляется такой припѣвъ: іокъ, іокъ, сердечко **). Въ Княгининскомъ уѣздѣ, въ Ягодинской волости, существуетъ обыкновеніе проводить троицынъ и духовъ день въ кулачномъ бою, на березникѣ, т. е. въ долинѣ покрытой березовыми кустами.

Имя божества Ярилы сохранилось въ Сергачскомъ уѣздѣ, гдѣ базаръ, бывающій въ селѣ Пожарскомъ на 9 недѣлѣ послѣ пасхи, извѣстенъ подъ именемъ *ярмарки ярило* ***). Обрядовое же дѣйствіе похоронъ и провожаніе Ярилы или Костромы сохранилось въ дѣтской игрѣ въ «хозяева и гости»****). Эта игра происходитъ слѣдующимъ образомъ. Дѣвочка и мальчикъ сидятъ, представляя собою мать и сына. Вокругъ нихъ хороводомъ ходятъ другія дѣти, которыя поютъ слѣдующую пѣсню:

Кострома, кострома,
Костромушка, кострома,
Я бывала у тебя,
Я ѣдала киселя,
Кисель съ молокомъ,
Блины съ творогомъ,
Костромушка съ маслицемъ.

Пропѣвши эту пѣсню, спрашиваютъ сидящую мать: «Кума, кума, что у тебя сынокъ дѣлаетъ?» —Дрова рубитъ, отвѣчаетъ та. Хороводъ снова ходитъ и поетъ ту же пѣсню, и снова съ тѣмъ же вопросомъ обращается къ матери. «Баньку топитъ», отвѣчаетъ она на этотъ вопросъ. На третій вопросъ, послѣ хороводнаго дѣйствія, мать отвѣчаетъ: «Въ банькѣ моется»; на четвертый—«боленъ», на пятый—«умеръ». При словахъ «боленъ» и «умеръ», сынъ ложится на землю, стараясь принять то положеніе, на которое указываетъ отвѣтъ матери; когда же мать, на послѣдній вопросъ хоровода скажетъ, что «хоронить понесли», то играющіе принимаютъ участіе въ этомъ обрядѣ: взявши за руки и за ноги лежащаго съ закрытыми глазами сына, хороводъ несетъ его до извѣстнаго мѣста и тамъ бережно опускаетъ на землю.

Имя божества купалы сохранилось въ Нижегородской губ. въ однихъ только названіяхъ дней. Такъ день 23 іюня зовется днемъ Аграфены купальницы, а 24-го днемъ Ивана купалы. Кромѣ того «*купальнями*» называется въ Арзамаскомъ уѣздѣ обычай собираться молодежи по ночамъ въ праздничные дни, начиная съ перваго воскреснаго дня послѣ пасхи и до самой осени. Во время этихъ купаленъ молодежь обоего пола сходится по ночамъ въ извѣстное мѣсто, поетъ пѣсни, а къ утру ходятъ по селенію стройными толпами, и тоже съ пѣснями. Въ эти ночи завязывается между молодежью знакомство, «ладъ», потомъ сватовство, а нерѣдко и драки *). Это, вѣроятно, и есть то зазорное препровожденіе времени, которое осуждается еще въ Стоглавѣ, гдѣ говорится такъ: «Мужіе, жены и дѣвицы сходятся на нощное плещеваніе и безчисленный говоръ, и на бѣсовскія пѣсни, и на скаканіе, и егда нощь мимо ходитъ, тогда къ рѣцѣ идутъ съ воплемъ и кричаніемъ и умываются водою бережно». Другаго обрядоваго дѣйствія въ честь купалы не сохранилось. Ночь на Ивана купалу здѣсь утратила свое значеніе. Но что русскіе, поселившись въ Нижегородской губ., соединяли съ этой

*) «Село Оленино, Горбатовскаго уѣзда.» Т. V, стр. 80.

**) Ibidem; т. II, стр. 359.

***) Томъ II, стр. 282.

****) «Дѣтскія игры и пѣсенки Ниж. губ.» т. IV, стр. 192 и 193.

*) Томъ II, стр. 358, 359.

ночью какое-то особенное представленіе, это видно изъ наговора *на плакунъ-траву*, напечатаннаго въ числѣ другихъ въ «Нижегородскомъ Сборникѣ». Въ ночь на Ивана купалу и можно только рвать эту траву, которой приписывается народомъ предохранительное свойство. Наговоръ этотъ слѣдующій. Какъ станешь рвать плакунъ-траву *) говори: «Какъ ты плакунъ плакалъ много, а выплакалъ мало, не катись твои слезы по чистому полю и по синю морю, и будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, вѣдьмамъ кіевскимъ и злымъ людямъ. Аминь». Какъ найдешь эту траву, оборотись лицомъ къ востоку и говори: «Ты земля сотворена до Адама, а ты трава отъ Адама, ты земля мнѣ мати, и ты трава буди мати, я беру тебя мнѣ на пользу врагамъ и супостатомъ, злымъ людямъ, волхвамъ и чародѣямъ и вѣдьмамъ на одолѣнье, побѣди и покори подъ ноги мои, Аминь» **).

VIII.

О вѣрованіяхъ и предразсудкахъ. Вѣрованій, предразсудковъ и суевѣрій между жителями Нижегородской губерніи распространено замѣтно много***). Простой народъ вѣритъ снамъ, встрѣчамъ, примѣтамъ, вѣритъ въ наговоры, заговоры, порчи, привороты, отвороты, неурочные часы; равно вѣритъ въ существованіе лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмъ, огненныхъ змѣй оборотней и ходящихъ мертвецовъ. Нѣкоторыя изъ болѣзней, какъ напр. лихорадку, онъ олицетворяетъ: насчитывается 12 лихорадокъ, которыя почитаются дочерьми Ирода, распустившаго ихъ для мученія рода христіанскаго. Изъ числа суевѣрій и предразсудковъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ», я обращу вниманіе на тѣ изъ нихъ, съ которыми у народа связано какое-либо дѣйствіе. Эти дѣйствія, разумѣется, направлены къ охраненію человѣка отъ различныхъ недуговъ, или другихъ какихъ либо бѣдствій.

Младенца, послѣ крещенія, кумъ или кума передаютъ матери черезъ пирогъ, лежащій на столѣ. для того, чтобъ новорожденный «шелъ на хлѣбъ, на соль». Для того, чтобы ребенокъ, начавшій только-что переступать, не боялся ходить, перерѣзываютъ слѣдъ отъ ноги младенца, это значитъ «перерѣзывать страсть» (т. 1, стр. 179). Также для отогнанія робости въ ходьбѣ младенца, отецъ беретъ квашенный ножъ и ударивъ имъ по полу два раза, предъ младенцемъ—тѣмъ «оттяпываетъ» будто бы всю робость въ младенцѣ. Младенцамъ, страдающимъ съ глазу, слизываютъ переносье, оплевываясь при этомъ на три стороны. Хворыхъ съ глазу умываютъ водой, надъ порогомъ двери. Умывальщицу съ глазу можно найти во всякомъ селеніи. Это обыкновенно какая нибудь старушка, извѣстная благочестивой жизнію. Она, наливши въ чашку воды, кладетъ въ нее три угля изъ горнушки, съ пришептываніемъ «на глазъ сѣрый, карій, черный», и который уголь окажетъ шипѣніе сильнѣе, по тому и заключаютъ, что больной *сглаженъ*, *озепанъ* человѣкомъ напр. сѣроглазымъ, и потомъ этой водой умываетъ больнаго, отплевываясь на всѣ стороны (т. I, 179). Малыхъ дѣтей у которыхъ нѣтъ аппетита, кормятъ кусочками отъ сорока милостынь, взятыхъ тайкомъ у нищаго. Замѣчательно, что Нижегородскій народъ соединилъ съ званіемъ нищаго даръ врачеванія. Такъ здѣсь прибѣгаютъ къ помощи нищаго, для излѣченія слабаго вообще здоровьемъ младенца. Это дѣлается такъ. Вмѣсто милостыни нищему подаютъ въ окно обернутаго въ бѣлую пелену младенца. Нищій, принявши младенца, несетъ его къ воротамъ дома; туда же выходитъ съ милостыней мать младенца и, положивши ее на грудь младенца, беретъ его изъ рукъ нищаго, который, въ свою очередь, беретъ милостыню, приговаривая: «Дай Господи святому младенцу (имя) добраго здравія». Когда человѣкъ умираетъ, въ то время ставятъ на полку къ образамъ стаканъ съ водою, чтобы душа умершаго, по выходѣ изъ тѣла обмылась. Во время выноса умершаго изъ дома, подаютъ первому встрѣчному лоскутъ холста, чтобъ на томъ свѣтѣ было на чемъ нести ангеламъ душу умершаго. Равно и въ гробъ кладутъ лоскутъ холста или платокъ; чтобы умершему было чѣмъ и утереться на томъ свѣтѣ. Въ предохраненіе селенія отъ постигшей окружныя мѣстности заразительной болѣзни или эпидеміи, заставляютъ дѣвицъ ночью опахивать селеніе вокругъ; вытираютъ изъ дерева огонь и чрезъ него переходятъ сами и переводятъ всѣхъ приходящихъ въ селеніе въ той увѣренности, что зараза чрезъ этотъ огонь не переходитъ (т. III, стр. 136).

Въ добавленіе къ сдѣланному обзору, перечислю помѣщенные въ «Сборникѣ» наговоры и заговоры:—заго-

*) Litrum galicaria, травяное растеніе изъ семейства дербенниковыхъ, встрѣчается по всюду; трава и листы содержатъ вяжущее вещество и считаются лѣкарственными.

)** Тома V, стр. 264.

***) Том. I. стр. 179; т. II, стр. 42, 43, 204, 205, 227, 228, 303, 339, 356, 383, 384; т. III, стр. 136, 137, 199—203, 211—214; т. V, стр. 211—213, 259—266.

воръ отъ зубной боли, отъ теченія крови, отъ кумахи (лихорадки), отъ притки, отъ червей у скота, отъ ужей и ежей, противъ злыхъ людей, противъ супостатовъ, противъ оружія, отъ пожара; на путь-дорогу, когда станетъ продѣвать иглу сквозь щеки, на укрощеніе злобныхъ сердецъ, наговоръ чтобы водились пчелы, на плакунъ-траву, на одолѣнь-траву, на магнитъ и мамонтову кость. Началомъ происхожденія на свѣтъ всѣхъ упомянутыхъ заговоровъ и наговоровъ простой народъ признаетъ какую-то псалтырь, составленную царемъ Давидомъ и его сыномъ Соломономъ, для общей пользы рода человѣческаго. Псалтирь эта состояла-де изъ 40 каѳизмъ, изъ которыхъ 20 уничтожены какими-то вліятельными мужами и такимъ образомъ скрыты отъ простаго и темнаго народа.

X.

Народная медицина *). Въ связи съ различнаго рода суевѣріями, у жителей Нижегородской губерніи составился взглядъ на болѣзни и ихъ лѣченіе. Не вникая въ причины, пораждающія болѣзни, народъ, въ большинствѣ случаевъ заболѣванія, видитъ причину болѣзни одну—порчу отъ злыхъ людей, отъ *лиходѣевъ*. Исходя же изъ этого взгляда на болѣзнь, онъ вѣритъ въ возможность лѣченія только при помощи *волхвованія*, т. е. лѣченія, производимаго посредствомъ нашептыванія, заговора и наговора. Понятно, что, запуская болѣзни и дѣйствуя противъ нихъ такими путями, народъ дѣлается въ частыхъ случаяхъ жертвою людей изъ своего же класса, которые умѣютъ эксплоатировать его невѣжество. Къ врачу же народъ не питаетъ еще довѣрія и потому обращается къ нему въ рѣдкихъ случаяхъ. Живя и обходясь вѣкъ свой безъ пособій медика, простой народъ чаще прибѣгаетъ, на случай врачеванія, къ способамъ домашнимъ, какъ уже испытаннымъ. Эти то способы и практикуемыя народомъ средства и составляютъ предметъ народной медицины.

Аптекой для его лѣкарствъ и снадобій служитъ огородъ, поле, лугъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, москательныя лавки въ городахъ. Словарь названій практикуемыхъ имъ средствъ не великъ: хлѣбъ, медъ, огородныя овощи, малина, звѣробой, душица (organum vulgare), дорогая трава (radix sassaparillae), подорожникъ, тысячелиственникъ и липовые листья и цвѣты. Къ предметамъ покупаемымъ на сторонѣ принадлежатъ вещества ископаемыя и, большею частію, вредныя. Таковы: купоросъ, ртуть, киноварь и сулема.

Наружныя болѣзни лѣчатъ различными средствами. Такъ къ нарывамъ напр. привязываютъ хлѣбъ съ солью, печеный лукъ, лепешку изъ меду, бѣлый хлѣбъ съ молокомъ; *камчугъ* (камчугъ—красная сыпь въ одинъ струпъ, злой болятокъ) лѣчатъ палымъ медомъ, привязывая его на красное сукно, другіе мѣшаютъ этотъ медъ съ землею изъ ласточкинаго гнѣзда, что считается дѣйствительнѣе и вѣрнѣе; отъ порѣзовъ прикладываютъ травы подорожника, или тысячелиственника, также употребляютъ отъ порѣзовъ настой арники. Отъ зубной боли полощутъ во рту ромомъ или виномъ, настоеннымъ хрѣномъ; кладутъ также на больные зубы росной ладанъ, соль, простое вино; а чаще—совсѣмъ выдергиваютъ больной зубъ. Отъ головной боли привязываютъ къ головѣ капусту, къ подошвамъ глину, смоченную квасомъ или тертый хрѣнъ; при ощущеніи же въ головѣ жара, намачиваютъ ее уксусомъ. Отъ кашля пьютъ травы—мяту, звѣробой, душицу или малину; отъ простуды пьютъ какъ чай звѣробой; въ лихорадкахъ принимаютъ и хинные порошки, имѣющіеся въ нѣкоторыхъ купеческихъ домахъ; отъ горячки привязываютъ къ подошвамъ ногъ хлѣбъ или глину съ уксусомъ, или приставляютъ горчичники, ко лбу привязываютъ кислую капусту, также пьютъ чай или малину до пота. Въ чахоткѣ пьютъ козье молоко; отъ удушья употребляютъ душицу. При началѣ же болѣзней тяжкихъ простой народъ любитъ нарочно истопить баню, дать больному пропотѣть тамъ и пролежаться, и потомъ ждетъ, что будетъ дальше. Такой выжидательный способъ лѣченія приноситъ иногда и пользу. Если же и такой способъ не окажетъ пользы, тогда многіе больные пользуются настоемъ сассапарели и другихъ травъ и только, въ крайнихъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ помощи врача. Вообще жаркая баня и напариваніе тѣла вѣникомъ, какъ средство противъ многихъ болѣзней, употребляется народомъ весьма часто. Нѣкоторыя и повальныя болѣзни замѣтно вызывали въ народѣ желаніе противодѣйствовать имъ и попытки народа въ этомъ случаѣ имѣли нѣкоторый успѣхъ. Такъ во время господствовавшей, въ шестидесятыхъ годахъ, въ Нижегородской губерніи повальной тифозной горячки, крестьяне лѣчились, и не безъ успѣха, слѣдующими домашними средствами: отъ головной боли прикладывали къ головѣ примочки изъ уксуса, горчичные катаплазмы къ шеѣ и

*) Томъ I, стр. 176, 177; т. II, стр. 36, 197, 198, 224, 281, 319, 352, 353; т. III, стр. 194, 195; Т. V, стр. 148, 150, 209.

употребляли питье малины съ селитрой (на одну чашку малиноваго настоя чайную ложку селитры).

Но рядомъ съ обыкновеннымъ пользованіемъ недуговъ домашними средствами идетъ, рука объ руку, обрядовое лѣченіе, имѣющее мѣсто обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагается порча. Изъ рода примѣровъ подобнаго лѣченія, сопровождаемаго нѣкоторыми обрядностями, любопытно лѣченіе золотушныхъ опухолей, появленіе которыхъ принимается крестьянами именно за признаки порчи. Знахарь, къ которому непремѣнно обращаются въ этомъ случаѣ, беретъ чашку огуречнаго разсола, прибавляетъ къ нему ложку меду и, помѣшивая все это восковой свѣчей отъ иконы, нашептываетъ наговоръ, послѣ чего даетъ больному выпить всю порцію или только часть оной.

На дѣтскія болѣзни мало обращается вниманья, а если иногда и лѣчитъ дитя какая-либо знахарка, то она не стѣсняется въ выборѣ снадобій: такъ, бывали случаи, что голову золотушнаго ребенка обмазывали растворомъ зеленаго купороса въ смѣтанѣ. Къ оспопрививанію *) крестьяне начали относиться довѣрчиво. Предубѣжденными противъ оспопрививанія остаются только раскольники, которые все еще считаютъ эту операцію печатью антихриста; но и между ними это предупрежденіе начинаетъ, замѣтно, разсѣеваться. Сомнѣніе въ полезности оспопрививанія держится еще въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ оспопрививаніе часто остается недѣйствительнымъ по винѣ самихъ оспопрививателей, которые, за неимѣніемъ свѣжей оспенной матеріи, употребляютъ въ дѣло старую негодную и за созрѣваніемъ не наблюдаютъ.

Но страшнѣе всего и опаснѣе для крестьянина или крестьянки заболѣть венерическою болѣзнію. Въ лѣченіи этого рода недуговъ народъ оказывается полнымъ профаномъ; избѣгая по предубѣжденію или изъ ложнаго стыда доктора, котораго впрочемъ и нѣтъ въ селеніяхъ, онъ обращается за помощію къ знахарямъ и дѣлается часто жертвою своей неосторожности. Изъ числа наружныхъ средствъ употребляется напр. для примочекъ сулема въ растворѣ, для присыпокъ мѣдный купоросъ, и потому врачамъ, къ которымъ, въ концѣ концевъ, больной обращается, не разъ приводилось видѣть гангренозныя язвы, покрытыя именно этими веществами. Прикладываютъ также къ язвамъ свѣжіе листы подорожника, а такъ какъ обмываніе язвы считается крестьянами вреднымъ, то весьма часто, въ особенности лѣтомъ, на язвахъ, подъ подорожникомъ, развиваются цѣлые рои бѣлыхъ крупныхъ живыхъ червей, изъѣдающихъ дно язвы. Лѣченіе сифилиса производится посредствомъ паровъ и киновари, слѣдующимъ образомъ: въ горшкѣ или плошкѣ разжигается извѣстное количество углей; въ нихъ всыпается безъ всякой мѣры, порошокъ киновари; больнаго ставятъ или садятъ надъ этимъ горшкомъ, съ открытымъ ртомъ и покрываютъ его нѣсколькими шубами, заставляя его дышать парами. Лѣченіе это повторяется по усмотрѣнію лѣкарки, два или три раза. Послѣдствіемъ этого пріема лѣченія бываетъ обыкновенно ртутное воспаленіе рта и легкихъ и въ высокой степени саливація.

Случаи подобнаго лѣченія венерическихъ болѣзней, довольно распространенныхъ въ Нижегородской губерніи, начинаютъ встрѣчаться рѣже. Можно думать, что подобное вредное лѣченіе скоро и совсѣмъ выйдетъ изъ употребленія, съ распространеніемъ грамотности въ народѣ и съ увеличеніемъ числа медиковъ по уѣздамъ на каковой предметъ какъ видно обращено уже вниманіе Нижегородскаго земства.

XI.

Народные юридическіе обычаи *). Крестьянскіе обычаи и преданія старины значительно вліяютъ на домашній бытъ крестьянина. Устройство семьи и юридическіе обычаи въ семьѣ крестьянина далеко не тѣ, какимъ слѣдуетъ образованное общество. Помимо законовъ государственныхъ, у крестьянъ существуетъ свой собственный кодексъ, основанный на мѣстномъ, издавна перешедшемъ отъ предковъ, обычаѣ. Помѣщенные въ «Сборникахъ» матеріалы по собранію народныхъ юридическихъ обычаевъ касаются слѣдующихъ положеній: а) устройства семьи и взаимныхъ отношеній членовъ оной, б) имущественныхъ раздѣловъ между членами семьи, в) условій браковъ и положенія женщины въ семьѣ, г) опеки и попечительства и д) отчужденія и пріобрѣтенія собственности.

Устройство семьи и взаимныя отношенія членовъ оной. Крестьянская семья устроена на патріархальныхъ началахъ. Главой семьи, старшимъ или хозяиномъ, считается только одно лицо — отецъ или старшій братъ, когда отца уже нѣтъ въ живыхъ. При жизни своей отецъ, какъ глава семьи, управляетъ домомъ до вре-

*) Т. II, стр. 36, 224, 198, 281, 319, 353; т. V, 209.

*) Томъ III, стр. 214—218, 131, 132. т. V, стр. 160 — 167, 169—171.

мени наступленія глубокой старости. Достигнувъ 60 или болѣе лѣтъ, онъ обыкновенно передаетъ управленіе семьею, равно и завѣдываніе хозяйствомъ старшему сыну, который одинаково пользуется уваженіемъ и почетомъ отъ всѣхъ членовъ семейства. Въ случаѣ смерти родоначальника—отца, власть управленія семьей принадлежитъ по праву вдовѣ матери, но завѣдываніе хозяйствомъ и расходами переходитъ всецѣло къ старшему сыну. Остальные члены семьи, хотя бы они остались изъ двухъ или трехъ старшихъ взрослыхъ сыновей, съ женами и дѣтьми, обязаны безпрекословно повиноваться волѣ хозяина или главы семьи и отдавать ему весь свой заработокъ. Проживая въ городѣ, на заработкахъ, члены семьи не имѣютъ права переходить отъ одного хозяина къ другому, безъ вѣдома старшаго въ семьѣ, равно какъ и заключать условія найма безъ его согласія. Глава семьи самъ входитъ въ сношенія съ подрядчиками или хозяевами рабочихъ, и каждая копѣйка, утаенная младшимъ членомъ семьи, издержанная на себя лично или для жены и дѣтей, помимо старшаго въ семьѣ, считается воровствомъ; за то старшій отвѣчаетъ за всю семью при платежѣ повинностей, ведетъ расходы на содержаніе и покупаетъ одежду и обувь для меньшихъ членовъ семьи. Жена старшаго въ домѣ почитается также старшею въ семьѣ и потому распоряжается всѣми остальными женщинами (снохами или женами младшихъ братьевъ хозяина), при полевыхъ и домашнихъ работахъ.

Вслѣдствіе устройства семьи на началахъ, близко подходящихъ къ отжившему крѣпостному праву, богатство и бѣдность крестьянина часто обусловливаются большимъ или меньшимъ количествомъ рабочихъ силъ въ семьѣ; оттого съ отдѣленіемъ одного или двоихъ работниковъ, семья бѣднѣетъ и наоборотъ, съ возрастомъ сыновей, съ увеличеніемъ рабочихъ силъ — богатѣетъ. Единству семьи и успѣшности порядку въ оной много благопріятствуетъ то, когда она состоитъ изъ кровнаго родства. Въ той же семьѣ, которая состоитъ изъ двоюродства и сватовства, мало бываетъ порядка и нѣтъ единства; такая семья называется, по пословицѣ, соединенной *съ борка да сосенки*.

О раздѣлахъ имущественныхъ между членами семьи

Раздѣлы семейные зависятъ отъ воли родителей и отъ обычая. Отдѣляютъ обыкновенно женатыхъ и семейныхъ. Раздѣлы, по смерти родителей, рѣшаются общественнымъ сходомъ и волостнымъ правленіемъ. Если семья дѣлится послѣ смерти отца, то, по обычаю, изба съ усадомъ переходитъ всегда къ младшему сыну, и старшій наслѣдуетъ деньги, оставшіяся послѣ отца, и все движимое имущество, по продажѣ котораго онъ долженъ выселиться въ другую усадьбу. Иногда старшій, не желая подобнаго дѣлежа, заключаетъ съ младшимъ особое условіе, по которому уплачиваетъ ему деньги, разомъ или постепенно, за право жить на старомъ усадѣ, и младшій, взявъ эту сумму, переселяется на новое мѣсто. Стоимость усадьбъ бываетъ неопредѣленна и зависитъ отъ договаривающихся сторонъ; въ стоимости усадьбъ крестьяне не соображаются съ положеніемъ 19 февраля и покупаютъ другъ у друга усадьбы за довольно высокую цѣну. Кромѣ денегъ за пользованіе усадомъ, старшій братъ, при дѣлежѣ, обязанъ уплачивать младшему за избу и строеніе; или же по уговору выстроить ему новую избу на томъ усадѣ, куда тотъ выселится. Старшіе братья, сожалѣя разстаться съ усадьбой и особенно, если есть, съ фруктовыми садами, которые трудно разводить вновь, почти всегда покупаютъ усады, вслѣдствіе чего каждый дѣлежъ въ семьѣ ведетъ къ большимъ расходамъ и потрясаетъ надолго домашнее хозяйство крестьянина. Дѣлежи, при жизни отца, бываютъ между сыновьями только по неудовольствіямъ и ссорамъ; тогда усадьба и домъ достаются, помимо обычаевъ, тому, кто заслужилъ расположеніе отца.

Послѣ смерти жены хозяина или главы семьи, имущество ея дѣлится между дѣтьми; но если нѣтъ дѣтей, то оно возвращается въ семью ея родныхъ или въ тотъ родъ, откуда взята была жена. Если умретъ молодая бездѣтная женщина, то приданое, которое она принесла съ собой, за исключеніемъ постели, отдается ея матери и сестрамъ. Въ этомъ случаѣ народъ, относительно наслѣдованія мужа въ приданомъ, ограничиваетъ права его гораздо болѣе, нежели законъ, который предоставляетъ ему четвертую часть въ имуществѣ жены. Если же, послѣ смерти женщины, остались дѣти, то имущество ея только хранится въ семьѣ мужа, но никто, кромѣ дѣтей, не имѣетъ права имъ пользоваться; дѣти получаютъ его—мальчики при женитьбѣ, дѣвочки при выходѣ въ замужество.—Дѣти перваго брака какъ въ наслѣдствѣ, такъ и въ почетѣ пользуются преимуществомъ предъ дѣтьми отъ брака втораго или третьяго; незаконнорожденные дѣти считаются (напр. въ Нижегородскомъ уѣздѣ) наравнѣ съ законнорожденными. Усыновленіе не имѣетъ особаго значенія.

Объ условіяхъ брака и о положеніи женщины въ семьѣ. Въ браки вступаютъ въ родствѣ по крови въ 8 степеняхъ, по двоюродству въ 7-ми, по троюродству и свойству или, какъ въ Нижегородской губерніи говорятъ, *по сватовству* въ шести. Хотя эти степени родители переступаютъ, съ разрѣшенія духовнаго начальства, но подобныя отступленія считаются въ народѣ влекущими за собою кàру и гнѣвъ Божій не только на самихъ брачащихся, но и на дѣтей ихъ. Взаимныя отношенія между родственниками опредѣляются самыми степенями: родственники перваго разряда родства, кровнаго, имѣютъ и отношенія болѣе близкія, чѣмъ родственники втораго или третьяго разрядовъ родства. Степени родства обыкновенно разбираетъ и опредѣляетъ мѣстный священникъ, какъ хорошо знающій родословную своихъ прихожанъ. Браковъ, по принужденію родителей или общества, не бываетъ. Выборъ невѣсты, въ большинствѣ случаевъ, зависитъ отъ самого жениха. Согласіе родителей, для вступленія ихъ дѣтей въ бракъ, считается необходимою принадлежностью брака; благословенію родителей придается важное значеніе; избѣжать родительское благословеніе значило бы, по убѣжденію народа, рѣшиться на вѣкъ терпѣть бѣдность и горе и быть несчастнымъ. Если и бываютъ случаи, и нерѣдкіе, какъ напр. въ Семеновскомъ уѣздѣ, когда невѣста посягаетъ въ замужество безъ согласія и благословенія родительскаго, то эти случаи вызываются особыми причинами, на которыя указано было мною въ отдѣлѣ о свадебныхъ обычаяхъ. Да и въ случаѣ самокрутокъ, считается необходимымъ для новобрачныхъ снискать у родителей невѣсты прощеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и благословеніе. При выборѣ соблюдается повсемѣстно, чтобы женихъ и невѣста были ровны лѣтами; для равенства этого требуется, чтобы женихъ былъ старше невѣсты двумя, или нѣсколько болѣе, годами. Такъ равнымъ бракомъ по лѣтамъ считается, напр. такой: невѣстѣ 16 лѣтъ, а жениху 18. О предбрачныхъ условіяхъ матеріальнаго свойства говорено было мною въ отдѣлѣ же о свадебныхъ обычаяхъ. Разводовъ въ семействахъ крестьянъ не бываетъ. Приданое составляетъ исключительную собственность жены, безъ всякаго права на то со стороны мужа, а тѣмъ болѣе семьи его. Доходы съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній, напр. молочныхъ скоповъ, поступаютъ въ общее пользованіе семейства мужа, а отъ пряжи — въ пользованіе жены, мужа и дѣтей. (Какъ распоряжаются съ приданымъ по смерти жены—сказано мною было выше.)

Положеніе женщины *) въ семьѣ не завидно; она живетъ, пока молода, въ полной зависимости отъ свекра, свекрови, мужа и даже отъ женъ старшихъ братьевъ мужа; только когда она сама становится старшей въ семьѣ, именно въ то время, когда мужъ ея сдѣлается главою въ домѣ, жизнь ея нѣсколько улучшается. За то положеніе дѣвушекъ въ семьѣ несравненно лучше. Во многихъ селеніяхъ дѣвушки зимой почти не живутъ дома, проводя цѣлые дни и вечера въ такъ называемыхъ посидѣлкахъ, въ избѣ какой либо старухи-бобылки или солдатки. Здѣсь пряжа и работа, какъ цѣль этихъ собраній, часто смѣняются играми, пѣснями и пріемомъ гостей—молодыхъ парней, приходящихъ съ цѣлію посмотрѣть невѣстъ или просто повеселиться. Отцы и матери сильно негодуютъ на посидѣлки, сдѣлавшіяся въ послѣднее время шумными, но запретить дочерямъ посѣщать ихъ не могутъ, опасаясь, что дочери ихъ, пожалуй, останутся на ихъ рукахъ—замужъ не выйдутъ.

Опека и попечительство. Въ крестьянскомъ быту опека и попечительство не имѣютъ никакого значенія. Если остаются дѣти безъ отца и матери, то они воспитываются родственниками, какіе имѣются, хоть бы и дальними, и воспитываются ими наравнѣ съ ихъ дѣтьми. Имущество сиротъ причисляется къ имуществу воспитателей, безъ всякаго ограниченія и опредѣленія. Круглыя сироты, не имѣющія никакихъ родственниковъ, берутся на воспитаніе чужими, обыкновенно бездѣтными, и воспитываются ими какъ случится. Общество или міръ не вмѣшивается ни въ дѣло воспитанія, ни въ дѣло отдачи дѣтей тому или другому лицу, подъ опеку. Дѣлается мірская сходка только для того, чтобъ вызвать желающихъ воспитывать сиротъ; но иногда сироты и безъ сходки, разбираются другими и воспитываются ими, ради душевнаго спасенія. Такія сироты называются пріемышами. Сироты, взятыя на воспитаніе христа-ради, ведутъ совершенно плачевную жизнь. Пользуясь даровымъ помѣщеніемъ, они обыкновенно до 9 или 10 лѣтъ добываютъ себѣ пропитаніе сборомъ милостыни. Работа для девятилѣтнихъ мальчиковъ-сиротъ издавна установилась; она состоитъ въ помощи пастухамъ, при пастьбѣ скота. Жизнь подпасковъ-сиротъ тяжела: мальчику въ плохомъ одѣяніи приходится проводить цѣлые дни въ полѣ, особенно въ осеннее, дождливое и сырое время; притомъ же и обра-

*) Томъ II, стр. 133; т. V, стр. 170, 171.

щеніе пастуховъ съ подпасками рѣдко бываетъ человѣчное. Изъ числа мальчиковъ-сиротъ, которыхъ дѣтство проходитъ въ нуждѣ и всякаго рода притѣсненіяхъ, рѣдко вырабатываются хорошіе люди. Хотя при совершеннолѣтіи сироты, общество обязано ему выдѣлить усадьбу и участокъ земли, но сироты, по дороговизнѣ какъ построекъ, такъ и вообще обзаведенія хозяйствомъ, не имѣютъ возможности пользоваться надѣломъ, чтобы быть собственниками-хозяевами. Замѣчательно, что пріемыши, взятые въ дѣти въ младенческомъ возрастѣ, считаются наравнѣ съ дѣтьми родными, и потому, по установившемуся обычаю, не могутъ вступать въ бракъ съ дѣтьми лицъ, принявшихъ ихъ. Пріемыши же, взятые въ возрастѣ юношескомъ, пользуются правомъ зятьевъ, принятыхъ въ домъ, и могутъ вступать въ бракъ съ дѣтьми лицъ, принявшихъ ихъ.

Положеніе дѣвочекъ-сиротъ въ крестьянской семьѣ также не изъ лучшихъ. Дѣвочка существуетъ сборомъ подаянія лѣтъ до 9; съ этого времени она обыкновенно дѣлается вянькой, во время рабочей поры, или въ семьѣ ее пріютившей, или въ чужихъ семьяхъ, если ея хозяева не нуждаются въ услугахъ дѣвочки. Съ 12 или 13 лѣтъ дѣвочка начинаетъ наниматься жать; жнея обязывается за небольшую плату помогать, кромѣ жатвы, во всѣхъ лѣтнихъ полевыхъ работахъ, продолжающихся до октября, когда оканчивается молотьба хлѣба. Изъ заработанной платы дѣвушка сирота рѣдко получаетъ деньги; обыкновенно беретъ ихъ семья, ее пріютившая, награждая дѣвочку за трудъ какимъ-либо подаркомъ изъ стараго платья или обуви. Дѣвушки—сироты выходятъ въ замужество почти всегда за подобныхъ же себѣ бѣдняковъ, или же за стоящихъ на очередь, т. е. готовящихся попасть въ рекруты. Послѣднее замужество бываетъ для нея хуже перваго, потому что большинство солдатокъ, оставшихся въ деревнѣ, терпитъ крайнюю нужду по сдачѣ мужа въ рекруты; солдатка или возвращается въ свою семью или живетъ одиноко и только, въ рѣдкихъ случаяхъ, остается въ семьѣ мужа, именно когда съумѣетъ поладить съ оной. Средства къ существованію она находитъ, отправляясь на заработки въ города или богатыя селенія, живя же одиноко въ своей деревнѣ, она начинаетъ заниматься тайной продажей вина; иныя изъ нихъ перебиваются кое-какъ различными женскими работами, выпадающими на ихъ долю весной и лѣтомъ. Для жительства, бобыли и бобылки нанимаютъ помѣщеніе въ крестьянскомъ домѣ, или покупаютъ келіи и старыя избы; постройка же ими новыхъ избъ составляетъ большую рѣдкость.

Положеніе стариковъ и старухъ въ послѣднее время становится съ каждымъ годомъ все тяжелѣе и незавиднѣе. Старымъ людямъ, при частыхъ раздѣлахъ семей, приводится доживать свой вѣкъ въ самой тяжелой зависимости отъ остальныхъ членовъ семьи. При раздѣлахъ между сыновьями часто бываетъ дѣлежъ и по отношенію содержанія стариковъ: одинъ изъ сыновей берется содержать отца, другой—мать; вообще власть отца или матери держится въ крестьянской семьѣ только до раздѣла или, вѣрнѣе, до той поры, пока старики въ силахъ работать. Случается, что и въ родной семьѣ старики бываютъ вынуждены нищенствовать, хотя семья живетъ исправно; въ нѣкоторыхъ семьяхъ, даже за обѣдомъ, старикъ ѣстъ отдѣльно отъ остальной семьи тотъ хлѣбъ, который пріобрѣтетъ сборомъ подаянія. Старухи, по смерти мужа или по раздѣлѣ семьи оставляютъ свои семьи, и идутъ, пока есть силы, наниматься въ работницы и въ няньки, во время рабочей поры; остальное время года онѣ поддерживаютъ свое существованіе пряжей нитокъ и сборомъ милостыни, живя христа-ради въ какой-либо крестьянской семьѣ. Впрочемъ, народъ къ положенію нищаго всегда сострадателенъ. Во многихъ селеніяхъ существуетъ обычай разносить по бѣднымъ милостыню или созывать, въ нѣкоторые дни, ихъ на дома для обѣдовъ *); рѣдко также бываютъ случаи и того, чтобы престарѣлые въ семьѣ, особенно родители, не находили пріюта и покоя у своихъ же родныхъ. Пріютовъ и богадѣленъ, устраиваемыхъ на счетъ цѣлой волости или на счетъ крестьянскаго общества, нѣтъ. Приходскія попечительства, основанныя въ послѣднее время при нѣкоторыхъ церквахъ, имѣющія цѣлію заботы о церкви и служащихъ при ней, попеченіе о больныхъ и престарѣлыхъ и распространеніе образованія въ средѣ крестьянъ, ограничиваются пока еще заботами о церкви. Дѣятельность попечительствъ, по устройству благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, ничѣмъ еще не отмѣчена.

О пріобрѣтеніи и отчужденіи собственности. Пріобрѣтеніе разнаго рода имуществъ, недвижимыхъ и движимыхъ, равно добросовѣстное владѣніе имуществомъ временно, также пользованіе пашенными землями, сѣнокосными лугами и проч. обсуживается обыкновенно

*) Т. II, стр. 203; т. III, стр. 135.

общественнымъ или мірскимъ сходомъ, который по этому предмету составляетъ письменный приговоръ, имѣющій обязательную силу для членовъ общества; приговоръ какъ документъ, передается къ свѣдѣнію въ мѣстное волостное правленіе. Въ частности по отчужденію имущества заведено въ обычаѣ слѣдующее: никто не можетъ продать ни дома, ни лошади, ни коровы и. т. п. въ чужое общество, не вызвавъ прежде охотниковъ на покупку изъ своего общества. Въ противномъ случаѣ, односельскій покупатель отбиваетъ купленную вещь себѣ, и задатокъ, если онъ полученъ, выдается обратно постороннему покупателю. Всякое спорное дѣло рѣшается въ народѣ такъ: виновный или тотъ, который обязанъ доказать правильность оспариваемаго предмета долженъ сотворить крестное знаменіе, взглянуть на солнце, или же снять съ образной полки икону и поцѣловать ее. Это прикосновеніе къ иконѣ равняется по пониманію народа присягѣ; цѣлованіемъ иконы завершается всякая божба. Относительно божбы надо сказать, что въ народѣ она образовалась грубая, рѣзкая. Не лишнее здѣсь привести различныя выраженія божбы, которую нижегородскій народъ, избѣгая юрисдикціи, употребляетъ: Видитъ Богъ. Не взвидѣть свѣта. Не взвидѣть края праведнаго солнышка.

Вотъ всѣ тѣ данныя по собранію народныхъ юридическихъ обычаевъ, которые мнѣ удалось извлечь изъ «Сборниковъ Нижегородскаго Статистическаго Комитета». Нечего и говорить о томъ, какую важность имѣютъ для этнографіи эти народные обычаи и которыми опредѣляются условія народнаго быта. Къ сожалѣнію, данныхъ такого рода записано, судя по напечатаннымъ въ Сборникахъ матеріаламъ, недостаточно; они далеко еще не обнимаютъ всего строя общественной и семейной жизни крестьянъ Нижегородской губерніи.

Затѣмъ, я перехожу къ послѣднему отдѣлу моего обзора—къ народной словесности.

XII.

Народная словесность *). Въ сборникахъ помѣщено нѣсколько десятковъ народныхъ пѣсенъ. Эти пѣсни можно раздѣлить на слѣдующія пять разрядовъ: свадебныя, игорныя, дѣтскія, причитанья и пѣсни обыкновенныя. Я сдѣлаю только краткій перечень ихъ. Пѣсни перваго разряда, т. е. свадебныя, слѣдующія:

1. На лугу-то, лугу
На зеленыемъ.
2. Ай, розанъ, мой розанъ!
3. Не трубонька трубила рано по зарѣ.
4. Вставайте-ка, мои подруженьки.
5. Дорогая моя гостейка
Погости въ гостяхъ у батюшки.
6. Различныя короткія пѣсни поѣзжанамъ на сватьбѣ.
7. Пѣсни, которыми невѣста прощается, предъ свадьбой съ родными.

Изъ числа этихъ свадебныхъ пѣсенъ я приведу одну пѣсню, которая указываетъ до нѣкоторой степени на положеніе женщины въ семьѣ. Прощаясь съ отданной уже замужъ сестрой, дѣвица-невѣста обращается къ ней съ такого рода вопросомъ:

«Каково житье во чужихъ людяхъ;
У чужова отца-матери,
У чужова рода-племени?»

Та ей отвѣчаетъ такъ:

«А родима ты моя сестрица
Живи-ка ты въ чужихъ людяхъ, въ незнаемыхъ,
Держи-ка ретиво сердце покорчивѣй,
Буйну головушку посклончивѣй;
Не тебя пошлютъ—такъ ты поди;
Не тебѣ кричатъ—такъ ты отвѣтъ давай,
Почитай-ка ты въ чужомъ дому всѣхъ — съ большаго до малаго.

Затѣмъ идутъ игорныя пѣсни:

1. Ходилъ баринъ, гулялъ баринъ
Да по хороводу, да по широкому,
2. Полюби, полюби,
Красна дѣвица меня.
3. Не свѣтелъ ли мѣсяцъ свѣтитъ.
4. Не ходи-ка, бѣлъ-кудрявый,
Мимо мово сада.
5. Пройди, милый, чернобровый,
По улицѣ новой.
6. Ты зайди, старый, подалѣ.

Я назвалъ эти пѣсни игорными не потому, чтобы каждая пѣсня сопровождалась какой либо особой игрой, а просто потому, что съ каждой изъ пѣсенъ соединяется какое либо дѣйствіе со стороны молодежи, напр. ходьба по комнатѣ, выборъ, поцѣлуи, поклоны и проч. Дѣтскихъ пѣсенокъ въ сборникѣ приведено большое количество, именно 103 *).

*) Томъ III, стр. 112—121, 202—211, 219—224, т. V., 174—179, 216—226, 266—276, т. IV, стр. 205—236.

*) Томъ IV, стр. 205—236.

Пѣсенъ-причитаній приведено въ сборникахъ только три, именно: причитанье надъ отцемъ, надъ матерью и надъ мужемъ. Замѣтно, что причитанія не распространены по Нижегородской губерніи.

Въ числѣ обыкновенныхъ пѣсенъ, т. е. такихъ, которыя поются вездѣ—и на свадьбахъ, и на посидѣлкахъ, и просто въ домахъ во всякое время, есть три старинныя пѣсни; остальныя всѣ новѣйшаго происхожденія. Къ числу старинныхъ пѣсенъ можно отнести слѣдующія:

1. Какъ во городѣ, да во Кіевѣ,
   У одной-то вдовы
   Было девять сыновей.
2. Жила одна красавица, царская дочь;
   Другая была смугляная, какъ темная ночь.
3. Вдоль по улицѣ по шведской,
   Въ слободѣ было нѣмецкой,
   Молодой маіоръ гуляетъ.

Пѣсенъ новѣйшаго происхожденія въ сборникахъ приведено большое количество. Въ этихъ современныхъ народныхъ пѣсняхъ, хотя и не всегда можно встрѣтить присутствіе поэзіи, за то не мало можно встрѣтить въ нихъ близкой намъ дѣйствительности, реальности. Изъ пѣсенъ приведенныхъ въ сборникахъ видно, что предметами пѣснопѣнія народнаго служитъ *а*) и то, что удивляетъ народъ; такова пѣсня: «какъ во дворикъ тотъ взойдешь», въ которой воспѣвается локомотивъ, съ быстротою превозящій вагоны и *б*) предметомъ пѣснопѣнія служатъ нѣкоторыя практическія соображенія и указанія. Такова, напр., пѣсня: «Я на камешкѣ стою», въ которой молятся о томъ, чтобъ меньше изводить денегъ, не ходить по трактирамъ, не пить вина, не курить папиросъ и не играть на билліардѣ. Въ другой пѣснѣ: «Ѣхалъ мальчикъ изъ Казани», совѣтуется дѣвицамъ быть осторожными въ отношеніяхъ къ молодцамъ и не вѣрить ихъ клятвамъ. И, наконецъ, *в*) предметомъ пѣснопѣнія служитъ то, что глубоко потрясаетъ семью, какъ напр. отдача въ рекруты. Пѣсня съ этимъ содержаніемъ любопытна послѣднею своей частію, именно той, въ которой рекрутъ-сирота высказываетъ печаль, *мычетъ свое горе-кручину*, и потому я позволю себѣ привести только эту часть пѣсни начинающейся словами: «Эхъ гулянье мое, гуляньице». Рекрутъ-сирота, когда его зачислили въ военную службу, говоритъ въ пѣснѣ такъ:

Вы подуйте, вѣтры буйные,
Со восточной со сторонушки;
Вы развѣйте, раздуйте желты пески
Ты раскройся гробова доска,
Распахнись бѣлъ-тонкій саванъ:
Ты возстань-ка, родной батюшка,
Ты возстань-ка, родна матушка,
Посмотри-ка на мое горе великое,
Что оплакать-то меня некому
Провожали меня чужи дядюшки,
Снаряжали красны дѣвушки.

Сверхъ пѣсенъ въ сборникахъ приведены слѣдующія сказанія: 1) О древѣ крестномъ, 2) Сказаніе, како претерпѣ Христосъ Господь вольны страданія, 3) Наказанія словесъ Господнихъ, 4). Сонъ Богородицы, и 5) Сказанія о 12 пятницахъ *).

Кромѣ этого, въ сборникахъ помѣщены три народныя сказки, преданныя доточнымъ языкомъ Нижегородскихъ дворовыхъ людей. Эти сказки слѣдующія: 1) Убогій, 2) Мать и сынъ, и 3) Солдатъ и проклятая **). Эти три сказки или разсказа, ни по содержанію, ни по языку, не подходящіе подъ характеръ чисто народныхъ произведеній, удачно, по моему мнѣнію, названы г. Гацисскимъ *бракомъ* народной фантазіи.

Въ Сборникахъ приведено также до 600 вращающихся въ Нижегородской губерніи пословицъ ***), которыя расположены по алфавиту. Изъ числа этихъ пословицъ есть такія, которыя указываютъ отчасти на бытъ и положеніе народа. Таковы, напр. «Управлять домкомъ, не ломать хлѣбъ ломкомъ. Домъ вести (въ смыслѣ хозяйство)—не котомой прясти. На мужикѣ гуня и сѣра, да воля своя. Люди живутъ, какъ маковъ цвѣтъ цвѣтутъ, а съ нашими мужьями не усмѣхнешся. Житье! вставая да завытье. Тогда отдохнемъ, когда не дохнемъ. Свой праздникъ — какъ гора валитъ, а чужой — какъ соколъ летитъ». Эта послѣдняя пословица какъ нельзя болѣе вѣрна по отношенію къ современному быту крестьянина, если припомнимъ, что крестьяне въ такъ называемые *свои* или храмовые праздники обязаны сдѣлать угощеніе всякому, кто только пришелъ на дворъ—будетъ ли это одинъ или толпа другихъ разносельцевъ-крестьянъ. Вѣра въ распространеніе грамотности въ народѣ живетъ въ слѣдующей безхитростной пословицѣ: «Предъ останошнымъ концемъ не будетъ столько лапотниковъ, сколько грамотниковъ». Эта пословица ука-

*) Томъ III, стр. 203—211; т. V, стр. 265.
**) Томъ III, стр. 219—224; т. V, стр. 266—276.
***) Том. I, стр. 221—225.

зываетъ, что въ Нижегородскихъ жителяхъ уже поколебалось господствовавшее прежде убѣжденіе, выражаемое въ слѣдующихъ употребительныхъ изреченіяхъ: «Землю пахать можно и безъ книжки. Если старики безъ грамоты жили, то и мы такъ вѣкъ проживемъ».

VII. ОХОТНИЧЬЕ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ У ЗЫРЯНЪ.

(Статья покойнаго д. ч. К. А. Попова.)

Въ сочиненіи своемъ «Зыряне и Зырянскій край», и именно въ XIII главѣ его, посвященной описанію звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, говоря о ловушкахъ, устроиваемыхъ зырянскими промышленниками въ такъ называемыхъ *отхожихъ участкахъ*, — т. е. въ удаленныхъ отъ селеній лѣсистыхъ пустыняхъ, куда охотники отправляются каждую зиму иногда на цѣлые мѣсяцы,—я замѣтилъ между прочимъ, что г. Ф. А. Арсеньевъ, сообщившій въ своей книгѣ «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы» самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, преувеличилъ число ловушекъ, принадлежащихъ инымъ охотникамъ. По словамъ г. Арсеньева нѣкоторыя охотничьи партіи имѣютъ по 600, даже по 800 ловушекъ. Недовѣріе свое къ этой цифрѣ я высказалъ, основываясь единственно на личномъ моемъ наблюденіи. Разъ мнѣ случилось сопутствовать одному охотнику въ окрестностяхъ г. Никольска *) при обходѣ имъ охотничьей тропы (*путика*, по мѣстному выраженію), по которой расположены принадлежащія ему ловушки, и, судя по способу обхода, не могъ допустить возможности въ короткій зимній день, продолжающійся въ Зырянскомъ краѣ какихъ нибудь пять часовъ, осмотрѣть и, при случаѣ, вновь насторожить 800 ловушекъ, т. е. почти по три ловушки въ минуту. Но, утверждая это, я не принялъ въ соображеніе того обстоятельства, что зырянскому охотнику именно по тому, что онъ занимается промысломъ въ зимнее время, нѣтъ особенной надобности непремѣнно каждый день обходить всѣ свои ловушки, весь *путикъ*, такъ какъ зимою добыча, даже дичь, не подвергается порчѣ; а между тѣмъ я, близъ г. Никольска, участвовалъ въ обходѣ тропы лѣтомъ. Оставляя часть своихъ ловушекъ не осмотрѣнными въ теченіе нѣсколькихъ, даже многихъ дней зырянскій охотникъ рискуетъ только лишиться иногда какого нибудь рябчика или тетери, попавшихъ въ западню и съѣденныхъ хищными звѣрями, которые вообще большіе любители хорошей дичи.

О такой ошибкѣ своей я не счелъ бы нужнымъ и заявлять, ибо не считаю ее важною, если бы не пожелалъ того г. Арсеньевъ. Притомъ же онъ, въ письмѣ ко мнѣ, указывая ее, между прочимъ, для объясненія причины значительнаго числа ловушекъ, сказалъ нѣсколько словъ о правѣ собственности на нихъ. Свѣдѣній объ этомъ предметѣ я не имѣлъ въ виду до изданія моего сочиненія; а между тѣмъ, не смотря на ихъ краткость, они показались мнѣ не лишенными интереса. Поэтому, я просилъ г. Арсеньева сообщить этнографическому отдѣлу прямо или черезъ мое посредство подробныя замѣчанія на мое сочиненіе, причемъ указалъ ему особенно на важность возможно-полныхъ свѣдѣній о правѣ владѣнія отхожими участками; если же онъ признаетъ болѣе удобнымъ напечатать эти свѣдѣнія не въ изданіяхъ общества любителей естествознанія, то увѣдомить меня, гдѣ они будутъ напечатаны. Но такая просьба моя осталась безъ послѣдствій. Между тѣмъ послѣ того, просматривая іюльскую книжку «Журнала Охоты» за 1875 г., я встрѣтилъ въ ней статью г. Арсеньева подъ заглавіемъ «Лемьё», въ которую, разсказывая о разныхъ охотничьихъ приключеніяхъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, онъ включилъ въ видѣ эпизода и свѣдѣнія о правѣ собственности на ловушки, содержащіяся въ письмѣ его ко мнѣ, почти безъ добавленій и пропусковъ, лишь въ измѣненной нѣсколько, сообразно съ общимъ тономъ разсказа, редакціи. Изъ этого я заключаю, что подробности объ интересующемъ меня предметѣ не будутъ доставлены ни мнѣ, ни этнографическому отдѣлу; почему и считаю теперь себя въ правѣ воспользоваться по крайней мѣрѣ тѣми данными, какія до сихъ поръ мнѣ удалось получить отъ г. Арсеньева, чтобы соображая ихъ съ добытыми изъ другихъ источниковъ, опредѣлить хотя общія черты юридическихъ отношеній зырянъ къ ихъ охотничьей собственности,

*) Хотя г. Никольскъ находится не въ Зырянскомъ краѣ, но уѣздъ его смеженъ съ Устьсысольскимъ и звѣриные и птичьи промыслы въ первомъ также довольно значительны, а охотничьи пріемы и тамъ и тутъ сходны.

предоставивъ будущему фактическое изученіе подробностей. Смѣю думать, что и такая попытка не будетъ вовсе безполезна.

Г. Арсеньевъ пишетъ: а) что ловушки составляютъ у зырянъ фамильное достояніе промышленниковъ; ихъ родовое имущество, передаваемое отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну; б) что по *путикамъ* охотникъ ходитъ только одинъ съ своею семьей (сыномъ или братомъ); в) что каждый разъ подновляемыя наслѣдниками ловушки доходятъ до огромной численности; г) что нѣтъ надобности во время лѣсованья осматривать ихъ всѣ каждый день, и нѣкоторыя посѣщаются въ недѣлю разъ, а нѣкоторыя по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются не осмотрѣнными *); д) что весь путикъ иногда тянется верстъ на 30, и е) что послѣ бездѣтнаго охотника его ловушки наслѣдуютъ родственники, а если нѣтъ родственниковъ, то права ихъ переходятъ къ обществу или чаще всего, по отказу покойнаго, къ церкви, и тогда путикъ становится оброчною статьею.

Вотъ и все, что сообщилъ г. Арсеньевъ. Но и это немногое указываетъ на существованіе у зырянъ весьма оригинальныхъ, и потому любопытныхъ, юридическихъ обычаевъ.

Прежде чѣмъ разовью подробнѣе свой взглядъ на сущность такихъ обычаевъ, считаю нужнымъ сдѣлать дословную выписку изъ напечатаннаго въ «Трудахъ» отдѣла (кн. III, вып. 1., прот. засѣд. 27 марта 1869 г.) письма П. А. Вологдина о его трудахъ по изученію быта пермяковъ. Вотъ что написалъ между прочимъ г. Вологдинъ: «*Родовые знаки, пятна, тавра*—это, такъ сказать, зачатки гербовъ. Такими знаками, вырубленными на деревьяхъ, неграмотный пермякъ изстари обозначалъ предѣлы назначеннаго въ лѣсу угодья, свои борти и чурки (ульи), деревья, нужныя для хозяйства, и проч.; тѣ же знаки, начертанные вмѣсто подписи и печати, можно встрѣтить на роспискахъ и документахъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Пермской губерніи (по р. Чусовой и на Трахѣ) подобными знаками, сдѣланными изъ желѣза, выжигаютъ шерсть на ляжкахъ лошадей, пускаемыхъ на подножный кормъ (это называется *тавритъ*). Профессору Казанскаго университета Фирсову доставлена изъ здѣшнихъ краевъ рукопись (довольно старая), содержащая въ себѣ изображеніе подобныхъ знаковъ (*знаменій*) съ описаніемъ, какому *роду* знакъ принадлежитъ и гдѣ родъ обитаетъ. Къ сожалѣнію, я не имѣю копіи съ этого списка и даже не знаю, къ какому времени относится рукопись. Можетъ быть, изъ сличенія существующихъ знаковъ родовъ старинныхъ съ знаменіями, изображенными въ рукописи, эта послѣдняя послужитъ ключемъ къ выясненію нѣкоторыхъ сторонъ темной исторіи пермяковъ, зырянъ, вогулъ и др. финновъ. Родовый знакъ въ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ имуществомъ переходитъ къ старшему въ родѣ. Съ возникновеніемъ новаго рода является и новый знакъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ между пермяками знаки до сихъ поръ не утратили своего значенія; административныя же власти, разумѣется, пренебрегаютъ значеніемъ этихъ пятенъ. На картѣ *) изображено въ видѣ примѣра шесть знаковъ очень старинныхъ родовъ. Иногда вмѣстѣ съ знаками присвоивается роду особое прозваніе: напримѣръ изъ приведенныхъ на картѣ родъ Гыровиныхъ происходитъ отъ фамиліи Васьковыхъ, родъ Оленичей—изъ фамиліи Щукиныхъ и т. п. Иногда же родъ не имѣетъ особаго прозванія и, нося одну фамилію, роды имѣютъ только свои особые знаки».

Письмо г. Вологдина касается собственно однихъ пермяковъ; но я долженъ замѣтить, что пермяки и зыряне не только по происхожденію, но и по языку составляютъ одинъ народъ, и какъ тѣ, такъ и другіе до сихъ поръ называютъ себя однимъ именемъ—Коми, а встарину и у русскихъ были извѣстны подъ общимъ названіемъ—Перми. Слово «зыряне» недавняго происхожденія и вошло въ употребленіе въ оффиціальномъ и литературномъ языкѣ, вѣроятно вслѣдствіе административныхъ передѣловъ Россіи на губерніи, намѣстничества, провинціи и уѣзды послѣ Петра Великаго. Пермь, вошедшая въ составъ нынѣшней Вологодской губерніи, стала называться даннымъ ей русскими сосѣдями прозвищемъ зыряне, а причисленная къ Пермской и Вятской губерніямъ удержала старое оффиціальное названіе Перми. Замѣчательно или, лучше сказать, забавно, что маленькая группа инородческихъ селеній на западной границѣ Орловскаго уѣзда Вятской губерніи, окрашиваемая обыкновенно на нашихъ этнографическихъ картахъ однимъ цвѣтомъ съ пермяками, обитающими по р. Камѣ въ Пермской губерніи, отдѣлена отъ послѣднихъ широкою полосою русскаго народа, между тѣмъ какъ отъ

*) Послѣднее обстоятельство, т. е. что иныя ловушки по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются не осмотрѣнными, и теперь мнѣ кажется мало вѣроятнымъ.

*) Къ письму г. Вологдина приложена этнографическая карта мѣстности по р. Иньвѣ, населенной пермяками.

зырянъ, которыми сплошь заселенъ Устьсысольскій уѣздъ, и именно отъ тѣхъ селеній ихъ, которыя расположены по р. Лузѣ, около Номульской пристани и, какъ мнѣ извѣстно изъ переписныхъ книгъ Сольвычегодскаго у.*), въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. назывались «Лузскіе Пермцы», отрѣзаны лишь фиктивною чертою географической границы между Вологодскою и Вятскою губерніями,—и, не смотря на такую смежность и на то, что жители ихъ, повторяю, говорятъ однимъ языкомъ, устьсысольскія селенія слывутъ зырянскими, а орловскія—пермскими. Все это оттого только, что случайно, по милости какой нибудь канцеляріи или землемѣра, причислены къ разнымъ губерніямъ. Такимъ образомъ того, что пишетъ г. Вологдинъ о пермякахъ естественно искать и у зырянъ, да и самъ онъ говоритъ, что родовые знаки и знаменія могутъ пролить свѣтъ на темную исторію не только пермяковъ, но и зырянъ, вогуловъ и т. д. Впрочемъ, я не раздѣляю мнѣнія г. Вологдина, будто то, что онъ называетъ знакомъ, пятномъ, тавромъ и знаменіемъ есть оригинальная выдумка пермяковъ или другаго какого нибудь народа; такъ какъ всякій не только незнающій письменности, какъ пермяки или зыряне, но даже и грамотный народъ долженъ придумать какіе нибудь условные знаки, по которымъ онъ можетъ отличать собственную вещь отъ чужихъ однородныхъ. Мнѣ случалось видѣть во многихъ чисто русскихъ селеніяхъ условные знаки, накладываемые на разныя домашнія вещи, даже на жерди въ огородахъ, и никого, конечно, не удивитъ, если такое же обыкновеніе встрѣтится у эскимосовъ, бушменовъ и т. д. Употребленное же г. Вологдинымъ слово «знаменіе» (я не говорю уже о таврѣ), встрѣчаемое у нашего лѣтописца, тамъ, гдѣ онъ говоритъ, напримѣръ, о хозяйственной дѣятельности кн. Ольги, могло бы дать поводъ къ предположенію, что обыкновеніе накладывать знаки на вещи пермяки заняли у русскихъ, если бы я не зналъ, что у зырянъ, а можетъ быть и у пермяковъ есть свое соотвѣтствующее знаменію слово «пасъ». Другаго рода значеніе имѣетъ для меня указаніе г. Вологдина, что знаки эти (знаменія) изстари служили между прочимъ для обозначенія захваченныхъ въ лѣсу угодьевъ, что они составляютъ принадлежность *родовъ* и что *родовые знаки* въ большинствѣ случаевъ *вмѣстѣ съ имуществомъ переходятъ къ старшему въ родѣ*. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ родомъ, съ родовымъ имуществомъ и узнаемъ, что послѣднее наслѣдуется старшимъ въ родѣ. Къ сожалѣнію г. Вологдинъ, какъ и Арсеньевъ, не сообщилъ никакихъ подробностей ни о составѣ родоваго имущества, ни о правахъ старшинства, ни объ отношеніяхъ младшихъ членовъ рода къ старшему и къ родовому имуществу и т. д. Я не могу рѣшительно, т. е. основываясь на фактахъ, утверждать, что и зыряне обозначаютъ предѣлы своихъ охотничьихъ участковъ точно такъ же, какъ пермяки; но убѣжденъ, что иначе и быть не можетъ. Притомъ точно такой же способъ обозначенія владѣнія чѣмъ-бы то ни было въ лѣсу существуетъ во многихъ мѣстахъ Россіи, а въ сѣверныхъ губерніяхъ, какъ мнѣ лично извѣстно, и даже въ Сибири, какъ утверждаетъ г. П. А. Ровинскій въ своихъ очеркахъ Восточной Сибири («Древн. и Нов. Росс.», 1875, кн. 2 стр. 232) для подобныхъ знаковъ существуетъ особый русскій терминъ—«затесь». Считаю нужнымъ замѣтить также, что выраженіе г. Вологдина—«захваченныя въ лѣсу угодья», по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ охотничьимъ участкамъ у зырянъ, не точно. Захватъ предполагаетъ неправомѣрность владѣнія, — чего нельзя сказать о владѣніи зырянскими участками. Правда, никакой писанный положительный законъ не освящаетъ этого владѣнія и земля, на которой находятся охотничьи участки, принадлежитъ государству; такъ что если бы казна вздумала продать кому нибудь эту землю или только растущій на ней лѣсъ на срубъ, — причемъ, конечно, пропали бы и охотничьи ловушки и затеси, то охотникъ не имѣлъ никакого законно-формальнаго основанія протестовать противъ такой продажи. Но тѣмъ не менѣе за него стоитъ многовѣковая давность, и во всякомъ случаѣ первый владѣлецъ участка не захватилъ, а занялъ его, какъ вещь ничью и затѣмъ этотъ участокъ переходилъ изъ рукъ въ руки на основаніи, никѣмъ до сихъ поръ неоспореннаго, обычая. Такимъ образомъ еще нужно разрѣшить вопросъ—чье право крѣпче: право ли казны на землю, занятую ловушками, или право охотника на ловушки, расположенныя на зачисленной въ казну землѣ? Если казна считаетъ ловушки принадлежностью земли, то зырянинъ, наоборотъ, имѣетъ сильное логическое основаніе смотрѣть на землю, какъ на принадлежность ловушекъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, а пока зырянскіе охотники владѣютъ своими отхо-

*) Въ XVII в. въ Сольвычегодскій уѣздъ (Усольскій, Сольвычегодская) входила часть нынѣшняго Устьсысольскаго.

жими участками, не думая объ основаніяхъ права на владѣніе.

Какъ же они владѣютъ ими?

Г. Вологдинъ говоритъ, что лѣсныя угодья у пермяковъ переходятъ къ старшему въ родѣ; а г. Арсеньевъ, что ловушки у зырянъ составляютъ родовое имущество, передаваемое отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну и что по путинамъ охотникъ ходитъ одинъ съ своею семьею (сыномъ или братомъ). Оба эти извѣстія, ни въ чемъ одно другому не противорѣчатъ; мало однако же дополняютъ другъ друга: по тому и другому ловушки составляютъ родовую собственность и наслѣдуются старшими въ родѣ, и кромѣ того изъ словъ г. Арсеньева можно косвенно заключить,—да это и само собою разумѣется, что старшими считаются отецъ—по отношенію къ сыновьямъ и братъ—по отношенію къ братьямъ, разумѣется, младшимъ; но какое имѣютъ и имѣютъ ли участіе во владѣніи родовымъ имуществомъ болѣе отдаленные родственники—не видно. Мало этого: изъ словъ г. Арсеньева нельзя ни прямо, ни косвенно заключить, составляютъ ли названные имъ родственники одну семью или могутъ принадлежать и къ разнымъ семействамъ, такъ какъ и разные братья напримѣръ: могутъ жить по раздѣлу. Я могу только догадываться, что ловушки, путикъ могутъ быть предметомъ владѣнія и не одной семьи во 1-хъ по самому свойству путика, а во 2-хъ по условіямъ охоты. Въ упомянутомъ сочиненіи своемъ: «Зыряне и зырянскій край» (примѣч. 419) я, сколько могъ, подробно объяснилъ значеніе путика: это цѣльная и, такъ сказать, замкнутая система цѣпь ловушекъ; это одному только охотнику извѣстная, всегда весьма ломанная тропа, могущая иногда сама себя пересѣкать, по которой устроены ловушки; нельзя выкинуть изъ этой тропы ни одной ловушки, какъ изъ цѣпи звена, безъ нѣкотораго риску не найдти слѣдующей, т. е. сбиться съ пути. Короче сказать, путикъ составляетъ недѣлимую единицу владѣнія. Дѣлежъ ловушекъ если и возможенъ физически, то весьма неудобенъ и затруднителенъ: владѣльцу вновь выдѣленной части ловушекъ нужно налагать новые знаки (г. Вологдинъ говоритъ, что «съ возникновеніемъ рода является и новый знакъ, что̀ и по самому существу дѣла необходимо); можно строить новую охотничью избушку, ибо, если, по словамъ г. Арсеньева, путикъ имѣетъ иногда до 30 верстъ протяженія, то, при раздѣлѣ его на двѣ части, владѣльцу одной изъ нихъ пришлось бы отъ мѣста ночлега, т. е. отъ пывзяна (избушки) до первой ловушки проходить нѣсколько верстъ, что̀ въ короткій зимній день крайне стѣснительно; наконецъ и самое число ловушекъ въ данномъ путикѣ можетъ быть столь не значительно, что дѣлежъ ихъ невозможенъ, такъ какъ нельзя же пользоваться участкомъ, на обходъ котораго довольно, напримѣръ, четверти охотничьяго дня. Я уже не говорю о многихъ другихъ, не столь чувствительныхъ неудобствахъ дѣлежа путика, каково напримѣръ, распредѣленіе болѣе прибыльныхъ ловушекъ по количеству добычи, по свойствамъ звѣрей и птицъ, для коихъ они устроены и т. п. Все это неудобства дѣлежа охотничьей родовой собственности, вытекающія изъ самыхъ свойствъ ея.—Но̀ еще болѣе существенныя неудобства представляютъ условія производства охоты. Безспорно самую важную статью охотничьихъ участковъ составляетъ бѣлка. Въ помянутомъ сочиненіи своемъ, говоря объ этомъ предметѣ, я уже сказалъ (стр. 73, столб. 2.), что для успѣшности охоты на этого звѣрка нужно три человѣка вдругъ, изъ коихъ одинъ долженъ *выколачивать* животное, прячущееся обыкновенно, при приближеніи охотника, въ гущѣ вѣтвей дерева или дуплѣ, другой—стрѣлять, когда бѣлка выколочена, а третій долженъ быть въ запасѣ, чтобы заблаговременно натопить охотничью избушку, приготовить пищу, устроить новую ловушку и т. п. Во всякомъ случаѣ охотничья партія должна состоять не менѣе, какъ изъ двухъ человѣкъ. Но при такомъ условіи дѣлежъ путика между двумя родственными семьями не всегда возможенъ: не во всякомъ семействѣ бываетъ по два мужчины, способные отправляться вмѣстѣ въ участокъ, отстоящій иногда за сотни верстъ отъ селенія. Между тѣмъ и у зырянъ, какъ и русскихъ ихъ сосѣдей, дробленіе семействъ должно быть весьма значительно. Не смотря на то, что этотъ народъ одаренъ сильными охотничьими инстинктами, земледѣліе у огромнаго большинства его успѣло уже пустить столь глубокіе корни, что въ экономическомъ отношеніи владѣніе землей и обработываніе ея стало производительнѣе, необходимѣе охоты, хотя сами зыряне, можетъ быть, и не всегда сознаютъ это; владѣніе же землею и земледѣльческимъ имуществомъ, существующее у зырянъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и у русскихъ, т. е. съ передѣлами общинной земли соотвѣтственно наличнымъ рабочимъ силамъ и средствамъ каждаго домохозяина—съ одной стороны къ обработыванью участка,

а съ другой—къ уплатѣ оброка на землю, также какъ и у русскихъ, обусловливаетъ дѣлимость семействъ. Но кромѣ сейчасъ названной экономической причины дробленія зырянскихъ семействъ, конечно, есть и другія естественныя, каковы, напримѣръ: вымираніе многочисленныхъ семействъ. Короче сказать, вслѣдствіе экономической способности къ крайнему дробленію земледѣльческой собственности (иныя семейства получаютъ изъ общественной земли участки только на четверть души) и противоположнаго свойства охотничьей, и вслѣдствіе того, что первая всегда равна рабочимъ силамъ каждой семьи, для эксплоатированія послѣдняго необходимо соединеніе нѣсколькихъ семействъ и главнымъ образомъ семействъ родственныхъ, имѣющихъ одинаковое наслѣдственное право собственности (а не временнаго владѣнія только, какъ владѣніе участкомъ общинной земли) на неспособный къ раздробленію охотничій нахожій участокъ.—Я говорю «главнымъ образомъ родственныхъ семействъ», а не исключительно, такъ какъ, независимо отъ мельчанія семействъ вслѣдствіе сію минуту упомянутой экономической причины, допускаю и естественную, именно вымираніе многочисленныхъ семействъ. Въ послѣднемъ случаѣ, для производства охоты въ извѣстномъ участкѣ, необходимо соединеніе силъ и семействъ неоднородныхъ: напримѣръ, какой-нибудь охотникъ-одиночка, владѣющій цѣлымъ участкомъ, можетъ вступить въ товарищество съ чужероднымъ одиночкою же, который отдѣляется отъ многочленнаго семейства по противоположной причинѣ, т. е по случаю избытка въ родной семьѣ охотничьихъ силъ, при эксплоатаціи принадлежащаго ей участка. Кромѣ того подобный одиночка-владѣлецъ участка можетъ нанимать въ помощь себѣ и какого нибудь безроднаго и безсемейнаго работника, за денежную плату или изъ опредѣленной доли добычи, подобно тому какъ при обработываніи земли у зырянъ существуетъ позаимствованное ими у русскихъ сосѣдей половничество. Послѣдній способъ производства охоты не есть только апріористическій мой выводъ. Такое предположеніе подтверждается крайне любопытными фактами, сообщенными г. Арсеньевымъ, именно, что «послѣ бездѣтнаго охотника его ловушки наслѣдуютъ родственники, а если нѣтъ родственниковъ, то право ихъ переходитъ къ обществу или, чаще всего, по отказу покойнаго, къ церкви, и тогда «*путикъ*» становится оброчною статьею». Къ анализу этихъ фактовъ я скоро возвращусь, а теперь считаю необходимымъ замѣтить, что по той же самой причинѣ, по которой охотничій участокъ, «путикъ» не можетъ дробиться на слишкомъ мелкія части, онъ не можетъ и увеличиваться далѣе извѣстныхъ размѣровъ. Если для производства охоты партія охотниковъ должна состоять по крайней мѣрѣ изъ двухъ, если не трехъ человѣкъ, то и болѣе этого числа для производительности промысла не нужно: нельзя же ходить по одной тропѣ и охотиться за однимъ звѣремъ цѣлой толпѣ. Поэтому слишкомъ многочисленная партія охотниковъ можетъ охотиться, только подраздѣляясь въ нѣсколькихъ самостоятельныхъ, такъ сказать, округленныхъ цѣльныхъ участкахъ. Здѣсь уже заключается поводъ къ дробленію рода и даже людной семьи, если даже участки и составляютъ собственность одного рода и помѣчены одними знаками. А этотъ поводъ еще болѣе усиливается наклонностью къ дробленію земледѣльческихъ участковъ и земледѣльческихъ рабочихъ силъ охотничьяго рода или семьи.—Такимъ образомъ родъ, какъ хозяйственная единица, а затѣмъ уже, какъ и кровный союзъ, не можетъ обнимать значительнаго числа лицъ. Вотъ почему, я полагаю, и г. Арсеньевъ, указывая на существованіе у зырянъ рода, въ числѣ членовъ его ясно указываетъ только братьевъ и сыновей, которые ходятъ на охоту со старшимъ.

Тѣмъ не мѣнѣе, не только кровная, но и юридически-имущественная связь существуетъ и между болѣе отдаленными членами рода: бездѣтному охотнику наслѣдуютъ родственники, говоритъ г. Арсеньевъ, и только когда ихъ нѣтъ, охотничій участокъ становится выморочнымъ; только тогда допускается завѣщаніе въ пользу церкви. Значитъ существуетъ наслѣдованіе участка по закону или, говоря точнѣе, по обычаю, и наслѣдованіе по завѣщанію имѣетъ мѣсто лишь послѣ безроднаго: завѣщаніе при живыхъ сродникахъ, повидимому, не имѣетъ мѣста.

Замѣчательна судьба выморочнаго охотничьяго имущества: за смертію послѣдняго въ родѣ, по обычаю, оно переходитъ въ общество, а не въ казну, какъ бы слѣдовало по общему писанному закону; быть можетъ потому, что съ одной стороны казна не знаетъ такого имущества, а съ другой потому, что если отъ времени и утратились признаки родства покойнаго съ какимъ нибудь еще живущимъ отдаленнымъ колѣномъ, то осталось сознаніе или по-крайней мѣрѣ фикція кровной связи его съ обществомъ,

къ которому онъ принадлежитъ, но такъ или иначе выморочный участокъ, перешедшій въ общество или къ церкви, становится оброчною статьею.

Къ сожалѣнію я не имѣю никакихъ свѣдѣній относительно того—какимъ оброзомъ пользуются общества и причты этими своеобразными оброчными статьями: какимъ образомъ, кому и на какихъ условіяхъ онѣ отдаются въ содержаніе? Несомнѣнно то, что онѣ отдаются въ аренду, ибо общества и причты, какъ лица юридическія, не могутъ пользоваться ими непосредственно, и для причтовъ это невозможно и по закону, и физически, по случаю отдаленности оброчныхъ статей. Но кому же онѣ отдаются? Разумѣется, кому нибудь изъ членовъ общества, къ которому принадлежалъ покойный. Для меня въ настоящую минуту этотъ послѣдній фактъ важенъ тѣмъ, что подтверждаетъ ранѣе высказанную мною догадку о существованіи пользованія чужими участками посторонними для извѣстной семьи лицами, по всей вѣроятности на половничьемъ правѣ или, точнѣе говоря, изъ опредѣленной части добычи. Почти въ такомъ же положеніи относительно пользованія охотничьимъ участкомъ, какъ и юридическія лица, находятся женщины, особенно вдовы съ малолѣтными дѣтьми. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ должны владѣть по праву представительства за своихъ дѣтей. Хотя женщина, по понятіямъ зырянъ, лицо правоспособное, такъ какъ даже бездѣтныя вдовы у нихъ могутъ владѣть участками общественной земли; но непосредственное владѣніе охотничьими участками, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, для женщины физически невозможно. Конечно не то было въ древности и нѣтъ основанія не довѣрять словамъ Тацита, когда онъ, описывая бытъ современныхъ ему финновъ, говоритъ: «Idemque venatos viros pariter ac feminas alit: passim enim comitantur, partemque predae petunt. Но это потому, что въ то время финскіе народы не были осѣдлыми и нехитрыя свои жилища могли устраивать тамъ, гдѣ охотились: non arma (конечно, въ римскомъ смыслѣ), non equi, non penates (?); victui herba, vestitui pelles, cubile humus...Nec aliud infantibus ferarum imbriumque suffigium, quam ut in aliquo ramorum nexu contengantur; huc redeunt juvenes, hoc senum receptaculum. При настоящихъ же условіяхъ быта, женщина можетъ быть или представительницею права малолѣтныхъ дѣтей, какъ я уже сказалъ выше, или посредницею для передачи правъ лицу, чуждому семьѣ и даже роду, если это лицо, въ качествѣ мужа, вступитъ въ ея семью. Передается ли такое имущество въ видѣ приданаго—трудно даже догадываться. Кажется, что такая передача можетъ имѣть мѣсто развѣ въ томъ случаѣ, когда нѣтъ въ виду наслѣдниковъ мужескаго пола. У зырянъ сама невѣста есть цѣнность; слѣд. приданое за ней должно считать роскошью. Если у русскихъ крестьянъ смотрятъ на женитьбу, какъ на средство пріобрѣсти хорошую работницу, то у зырянъ такой взглядъ имѣетъ еще больше значенія вслѣдствіе того, что за продолжительными отлучками мущинъ на охоту, на женщинъ падаетъ болѣе работъ по дому и хлѣбопашеству *).

Всѣ выше упомянутыя сдѣлки и распоряженія относительно охотничьей собственности совершаются исключительно на основаніи твердо установившагося обычая, развѣ при незначительномъ участіи личнаго произвола и безъ всякаго соображенія съ писаннымъ закономъ и предписанными имъ формальностями, такъ какъ писанный законъ не знаетъ охотничьей собственности. Законъ не знаетъ даже, что въ казенныхъ лѣсныхъ пустыняхъ строются охотничьи *пывзяны* и *щамьи* изъ лѣсу, заготовленнаго безъ порубочныхъ билетовъ, что для иныхъ ловушекъ, быть можетъ, рубятся мачтовыя деревья. Ни законъ, и никто не знаетъ, какимъ образомъ появляются мірскія или церковыя оброчныя статьи среди казенныхъ лѣсовъ, ни кому не проданныхъ, никому не пожалованныхъ. Трудно предположить, чтобы напримѣръ безродный зырянинъ, не знающій грамотѣ, отказывая въ церковь свой участокъ, заявилъ свою волю въ писанномъ завѣщаніи, да если бы онъ и написалъ духовное завѣщаніе, то можетъ ли оно имѣть законную силу? Кто его утвердитъ? Въ какую книгу и какъ запишетъ церковный причтъ завѣщанный ему путикъ? Какъ онъ оцѣнитъ его? Въ какую законную форму облечетъ онъ сдѣлку съ арендаторомъ? Въ какое присутственное мѣсто подастъ жалобу на неисправнаго контрагента? Можетъ ли онъ даже указать, гдѣ находится его владѣніе?—Такихъ вопросовъ можно накидать безъ числа. Это потому, что зырянская охотничья собственность для насъ, какъ для гоголевской Коробочки мертвыя души, товаръ небывалый.

Именно по этому то изученіе всѣхъ подробностей обычнаго владѣнія охотничьимъ имуществомъ у зырянъ и

*) Сколько работъ, составляющихъ у насъ обыкновенно обязанность мущинъ, у зырянъ исполняется женщинами, можно судить по тому, что у послѣднихъ, въ зимнее время женщины и дѣвушки замѣняютъ нищиковъ мущинъ.

заслуживаетъ особеннаго вниманія этнографа. — Смѣю надѣяться, что изложенные въ настоящей статьѣ факты и соображенія подтверждаютъ такое убѣжденіе. Съ такой именно цѣлью она и написана. Я очень хорошо понимаю, что сама по себѣ она не имѣетъ для науки почти никакого фактическаго значенія. Вотъ почему я послѣ того, какъ потерялъ надежду получить отъ г. Арсеньева сколько нибудь подробныя свѣдѣнія объ интересующемъ меня предметѣ, обращался въ редакцію «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» съ предложеніемъ помѣстить ее въ своемъ изданіи съ присовокупленіемъ къ ней подробной программы, которую я обѣщалъ приготовить и съ приглашеніемъ отъ редакціи духовныхъ лицъ зырянскаго края прислать замѣчанія на статью и отвѣта на вопросы, заключающіеся въ программѣ. Съ такимъ предложеніемъ обратился я именно въ редакцію «Епархіальныхъ Вѣдомостей» въ тѣхъ видахъ, что это изданіе читается духовенствомъ, которое болѣе, чѣмъ кто нибудь и даже исключительно оно, непосредственно знакомо съ обычаями зырянъ, и въ прежнее время, не знаю какъ теперь, нѣкоторые священники помѣщали иногда свои статьи въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Но редакція «Епархіальныхъ Вѣдомостей» отозвалась, что статья моя не соотвѣтствуетъ программѣ этого изданія. Хотя я и не предполагаю получить подобнаго же отказа отъ редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей»; но до сихъ поръ не дѣлалъ ей предложенія. Я думаю, что такая попытка только тогда увѣнчается успѣхомъ, когда какое нибудь вліятельное лицо въ губерніи пожелаетъ оказать въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе и непосредственно обратится за свѣдѣніями къ тѣмъ, кто можетъ ихъ доставить. Мнѣ кажется, что, напримѣръ, инспекторъ мѣстныхъ училищъ могъ бы тутъ оказать содѣйствіе. Но я не имѣю знакомства съ этимъ должностнымъ лицемъ, и потому нахожу неумѣстнымъ прямо отъ себя обратиться къ нему.

VIII. ОЧЕРКИ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДѢТЕЙ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ ИХЪ ПОТѢХАХЪ, ОСТРОТАХЪ, СТИШКАХЪ И ПѢСНЯХЪ.

(Сообщеніе А. Ѳ. Можаровскаго.)

Нынѣ, вслѣдствіе сознанія необходимости изучать русскую народность, очень многіе задали себѣ это цѣлію, но къ сожалѣнію при этомъ они все свое вниманіе обращаютъ на одинъ только возрастъ возмужалости, нисколько не касаясь дѣтства. Такимъ образомъ во всѣхъ этнографическихъ очеркахъ, гдѣ описываются нравы, обычаи, суевѣрія и поэзія взрослаго народа, о дѣтяхъ не встрѣчается ни слова. Между тѣмъ, изучая дѣтскую природу русскаго человѣка, узнаемъ его съ самаго младенчества: развѣ не изъ дѣтей выростаютъ отр оки, разцвѣтаютъ юноши и крѣпнутъ мужи, которые всѣ въ совокупности составляютъ народъ?

Старая и всѣмъ извѣстная истина говоритъ намъ, что какъ дерево, если оно покривится съ младости, то навсегда остается кривымъ, такъ и человѣкъ, если онъ въ дѣтствѣ добръ, то и въ старости добръ, а если въ дѣтствѣ золъ, то и въ старости золъ. Это кажется довольно ясно и не стоитъ того, чтобы доказывать. «Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку», говоритъ русская пословица.

Мюленфордъ совершенно справедливо утверждаетъ, что игры дѣтей извѣстнаго народа важны въ этнографическомъ отношеніи. Въ своемъ описаніи Мексиканской республики (Томъ I, стр. 318) онъ говоритъ: «Общественныя увеселенія дѣтей бываютъ всегда вѣрнѣйшимъ отраженіемъ жизни взрослыхъ и потому при описаніи жизни какого-либо народа не слѣдуетъ вовсе умалчивать о нихъ». Разительнымъ доказательствомъ этого служатъ описанныя имъ игры дѣтей въ Мексикѣ, какъ игра въ процессіи, бой быковъ, ямайки (дѣтскіе балы днемъ) и огненный змѣй.

Кромѣ того «игры дѣтей, говоритъ Гейфельдеръ, должны имѣть важное значеніе не только для педагога, но и для всякаго интересующагося дѣтскимъ возрастомъ, во первыхъ, какъ характеритическое явленіе этаго возраста вообще и въ жизни всякаго ребенка отдѣльно, а во вторыхъ, какъ воспитательное средство» («Жур. Учитель» за 1861 годъ № 24, ст. «Дѣтскія игры»). Можно сказать, что, изучая дѣтей, мы вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣе изучили бы и самый нашъ народъ.

Признавъ такое значеніе и важность дѣтскихъ стишковъ и пѣсенокъ, я самъ вздумалъ заняться собираніемъ всего того, что относится къ народному дѣтскому творчеству по Казанской губерніи и имѣлъ уже возможность представить читателямъ—любителямъ народности—нѣсколько статей по этому предмету *).

I. Материнскія потѣхи съ дѣтьми.

Потѣхи матери съ дѣтьми начинаются еще съ колыбели, какъ только ребенокъ начнетъ различать свою «маму» отъ другихъ подобныхъ ей по лѣтамъ или по одеждѣ женщинъ, и продолжаются приблизительно года три. Ребенокъ въ первое время своего младенчества, пока не поступитъ подъ надзоръ няньки, по большей части своей сестры, единственно потѣшается только съ своей мамой. Это вполнѣ естественно! Кто станетъ потѣшать его какъ не любящая мать, которая живетъ, можно сказать, одною съ ребенкомъ жизнію: когда здоровъ и веселъ ребенокъ, весела и мать, не здоровъ и не веселъ ребенокъ, печальна и мать. Можетъ ли какая нибудь мать, когда ребенокъ веселъ, не забавлять его потѣшками, когда ребенокъ грустенъ, не утѣшать его пѣсенками? Въ силу этой-то любви и привязанности матери къ своему ребенку и произошли всѣ тѣ многія наивныя потѣшки, которыя существуютъ у всѣхъ народовъ. Материнскія потѣхи съ дѣтьми почти всѣ имѣютъ и нѣкоторый воспитательный смыслъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, напримѣръ, для пріученія къ необходимому для дитяти движенію, мать потѣшаетъ его пѣстушками и проч., а колыбельныя пѣсенки успокаиваютъ ребенка отъ всѣхъ нерѣдко встрѣчающихся ему непріятныхъ ощущеній. Монотонная гармонія пѣсенокъ настраиваетъ ребенка на самыя нѣжныя чувства, подъ вліяніемъ которыхъ дитя засыпаетъ истинно младенческимъ сномъ, во время котораго, когда на губахъ его является радостная улыбка, матери и нянюшки говорятъ, что онъ видитъ даже ангеловъ хранителей!

Вотъ нѣсколько записанныхъ мною материнскихъ потѣхъ и колыбельныхъ пѣсенокъ:

1. *Кудерцы.* Мать говоритъ своему ребенку: «кудерцы, кудерцы!» При этомъ заставляетъ ребенка вертѣть головой на обѣ стороны. Цѣль этой потѣшки заключается въ томъ, чтобы развить у ребенка шею и сдѣлать ее удобоподвижною на обѣ стороны. Эта потѣха называется кудерцами, потому что у кудрявенькихъ дѣтей развиваются при этомъ кудерки.

2. *Ручки.* Когда ребенокъ лежитъ въ своей люлькѣ, мать говоритъ ему: «ручки, ручки, дай ручки!» Этими словами мать всегда зоветъ ребенка къ себѣ на руки, причемъ понимающій уже ребенокъ подаетъ ей ручки и мать беретъ его изъ люльки къ себѣ на руки.

3. *Сова летитъ.* Мать беретъ своего ребенка за руки и начинаетъ махать ею на подобіе того, какъ сова, когда летитъ, машетъ своими крыльями. При этомъ мать говоритъ: «сова летитъ! сова летитъ!», произнося скоро.

4. *Лунь плыветъ.* Мать беретъ руку дитяти и при словахъ, произносимыхъ плавно, на распѣвъ: «лунь плыветъ», водитъ ее взадъ и впередъ, то-есть, къ себѣ и отъ себя. Лунь плыветъ! лунь плыветъ!—этимъ вѣроятно, представляется плаваніе рыбы, такъ называемой линь или лень.

5. *Ладушки.*

1. Ладушки, ладушки!
Гдѣ были? — У бабушки.
Что ѣли? — Кашку.
Что пили? — Бражку.
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька;
Кашку поѣли,
Бражку попили.
Шишь на головку!

2. Лады, лады, ладки!
Гдѣ были? — У бабки.
Что ѣли? — Кашку.
Что пили? — Бражку.
Разбили корчажку.
Чѣмъ бабушка била?
Била лозенькой:
Сѣкъ, сѣкъ, сѣкъ.
Шишь на головку!
Куку-ри-ку!

Самое названіе прибаутки «ладушки», уже показываетъ въ чемъ состоитъ эта потѣха, а именно: мать беретъ ладушки, т. е. ладонки ребенка въ свои руки и разводя ихъ на извѣстное разстояніе, начинаетъ ихъ ударять одну о другую—просто сказать — бить въ ладоши. При окончаніи прибаутки руки дитяти мать поднимаетъ на его голову.

*) «Казан. Губ. Вѣд.» за 1868 №№ 35—37, 51 и 52.

6. Сорока.

Сорока, сорока,
Кашу варила,
Гостей созывала
На порогъ скакала.
Гости на дворъ,
Она кашу на столъ.
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не дала:
Ты маленекъ, коротенекъ,
Сходи за водицей,
Да истопи баньку,
Да вымой, выпари меня,
Тогда дамъ кашки,
На красной ложкѣ.
Шишь на головку.

При этой прибауткѣ мать беретъ одну лѣвую руку ребенка и плюетъ на нее, затѣмъ она беретъ указательный палецъ правой руки ребенка и начинаетъ имъ кружить по ладонкѣ, разводя слюну, чѣмъ представляетъ, какъ сорока варила кашу. При четверократномъ повтореніи словъ «этому дала», мать указываетъ дитяти на его большой, указательный, средній и безъимянный пальцы, а при выраженіи «а этому не дала», мать указываетъ на мизинецъ и грозитъ ему. Въ заключеніе прибаутки мать подпимаетъ рученки ребенка на его головку.

7. Дыбки.

Дыбки, дыбки, дыбки,
Стой дыбки, стой дыбки!

Этими словами мать учитъ ребенка стоять на ногахъ, причемъ ставитъ его на что нибудь мягкое—хоть на войлокъ.

8. Попляши.

Попляши, попляши!
Твои ножки хороши,
Еще носъ сучкомъ,
Голова пучкомъ.

Мать радуется, когда ея ребенокъ уже свободно начинаетъ владѣть своими ноженками и вотъ она этой потѣшкой заставляетъ его еще поплясать, и ребенокъ прыгаетъ.

9. Тяни холсты.

Тяни холсты,
Тяни холсты
На рубашечку,
На столешничекъ.

При этой прибауткѣ мать ставитъ ребенка къ себѣ на колѣна и, взявъ его за обѣ рученки, качается вмѣстѣ съ нимъ подъ тактъ пѣсни.

10. Потягунюшки.

Потягунюшки, поростунюшки,
Ротокъ говорунюшки,
Руки хватанюшки,
Ноги ходунюшки.

Когда дитя просыпается и потягивается, мать смотря на него и гладя рукой по брюшнишку его, говоритъ: «потягунюшки, поростунюшки». Продолжая прибаутку далѣе, она сообразно съ нею указываетъ дитяти на его ротъ, руки и ноги.

11. Пѣстушки-тютюшки.

1. А птру, птру, птру, птру,
Не вари кашу круту;
Вари жиденьку,
Вари сладеньку.
2. Пѣтушекъ, пѣтушекъ,
На повѣтку взлетѣлъ,
Трое лапотки сплелъ
И себѣ и женѣ и своячинкѣ.
3. Тюшки, тютюшки,
На горѣ пичужки,
Тамъ (имя ребенка) былъ (ла)
Пичужичку поймалъ (ла).
4. Тюшки, тютюшки,
На горѣ пичужки,
Онѣ денежки куютъ,
Всѣмъ по грошику даютъ,
А (имя ребенка) пятачекъ
Пришелъ (имя ребенка) въ кабачекъ,
Тамъ его били
Въ четыре дубины,
Пята осина
По бокамъ возила.
5. Тюшки, тютюшки,
Овсяны лепешки,
Пшеничный пирожекъ
На опарѣ замѣшанъ,

Высоконько взошелъ,
У старухи-то ушелъ,
У старика-то убѣжалъ.

6. Еще скокъ-скочки,
На горѣ стручки,
Все лопаточки,
Еще были бы здоровы
Да ребятушки,
По стручечки бы ходили,
Тятю съ мамою кормили.

7. Токъ точки,
На горѣ строчки,
Все лопаточки:
Въ саду яблоки,
Дѣвки яблоки берутъ,
Попросилъ я—не даютъ.
Добро же вы, дѣвки!
Я самъ пойду
Полонъ кузовъ наберу.

При этихъ пѣсенкахъ мать пѣстуетъ ребенка, то есть она подбрасываетъ его одною рукою вверхъ, а другою опять подхватываетъ. Потѣшка «Пѣстушки», по всей вѣроятности, получило свое названіе отъ пѣста, которымъ толкутъ что нибудь въ ступѣ, вскидывая его вверхъ и опять опуская въ ступу. Дѣтей пѣстуютъ, когда они уже способны сидѣть.

Потѣшки: ручки, сова, лунь, ладушки и сорока служатъ для развитія у дитяти рукъ, кисти, ладонокъ и пальчиковъ; а потѣшки: дыбки и попляши для развитія ногъ. Потѣшки же: тяни холсты, потягунюшки и пѣстушки служатъ для правильнаго развитія и укрѣпленія всего дѣтскаго организма.

12. Бирюльки. Бирюльки, какъ дѣтская утѣха, ни чуть не означаетъ игры въ бирюльки—соломенки; бирюльки здѣсь только утѣха ребенка отъ плача и состоитъ въ томъ, что мать двумя своими пальцами, указательнымъ и среднимъ, трогаетъ слегка свои губы и ведетъ голосъ.

13. У сороки боли. Когда ребенокъ ушибается или обожжется или еще что нибудь подобное съ нимъ случается и плачетъ, то мать утѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ: она дуетъ ртомъ на больное у ребенка мѣсто и говоритъ:

У сороки боли,
У вороны боли,
У галки боли,
У воробушка боли,
А у (имя ребенка) заживи.

Если боль ребенка не очень сильна, то онъ вполнѣ успокаивается, что боль перейдетъ съ него на всѣхъ переименованныхъ птицъ, а у него все заживетъ и—перестанетъ плакать.

14. Би—би—коза. Когда ребенку будетъ уже около двухъ лѣтъ, мать начинаетъ отучать его отъ груди слѣдующей прибауткой:

Би—би—коза
На малые рога,
Кто титю сосетъ,
Того забодаетъ.

При этомъ мать безъмянный и средній пальцы прижимаетъ большимъ, а указательный и мизинецъ растопыриваетъ на подобіе роговъ и стращаетъ ими ребенка. Если же ребенокъ этого не боится и по прежнему проситъ сосать, то мать въ такомъ случаѣ намазываетъ свои груди сажей и пугаетъ ребенка—Букой.

15. Чей носъ

Чей носъ?—Савинъ.
Гдѣ былъ?—Славилъ.
Что выславилъ?—Копѣйку.
Что купилъ?—Калачъ.
Съ кѣмъ съѣлъ?—Одинъ (съ тобой),
Не ѣшь одинъ, не ѣшь одинъ.
(Не ѣшь со мной, не ѣшь со мной.)

При этихъ вопросахъ мать держитъ ребенка за носъ, ребенокъ не сердится и отвѣчаетъ на всѣ вопросы самъ. Въ его отвѣтѣ на послѣдній вопросъ матери: «съ кѣмъ съѣлъ?»—заключается вся суть: если ребенокъ скажетъ, что одинъ, то мать легонько тянетъ его за носъ съ приговоркою: «не ѣшь одинъ», а если ребенокъ скажетъ: «съ тобой», то мать теребитъ его за носъ приговаривая: «не ѣшь со мной».

16. Горбокъ.

Горбокъ, горбокъ!
Что въ горбу?
Денежки.
Кто далъ?
Дѣдушка.
А много ли?
Сто рублей.

При этихъ вопросахъ мать держитъ ребенка на колѣняхъ и треплетъ его слегка по крыльцамъ. Отвѣты иногда дѣлаетъ самъ ребенокъ.

17. Я тебя не люблю.

Я тебя не люблю.
Калачъ куплю,
Сама съѣмъ,
Тебѣ не дамъ.
Ты плутъ,
Укралъ у дѣдушки кнутъ;
Ты мошенникъ,
Укралъ у бабушки квашенникъ.

Этой прибауткой мать ни болѣе ни менѣе, какъ только шутитъ.

18. Раздавлю.

Какъ ты меня любишь?
Вотъ какъ:—раздавлю!

Мать спрашиваетъ ребенка, какъ онъ ее любитъ, ребенокъ отвѣчаетъ: вотъ какъ, причемъ обнимаетъ ее обѣими рученками и кричитъ: раздавлю, что означаетъ у него самую сильную любовь.

19. Баиньки.

1. О, о, о, о, о, о, о!
О, о! баиньки!
О! баю, баю, баю!
Баю милаго (ую).
О, о, о, о, о, о, о!
О, о! баиньки
Баю (имя дитяти).

Эта пѣсня безконечна, только слѣдуетъ послѣ каждаго трехстишія прибавлять какое нибудь слово, каждая нянька сочиняетъ ее по своему, смотря по обстоятельствамъ.

2. (Имя ребенка) рачикъ,
По бережку скачитъ,
Бѣлу рыбку ловитъ,
Мамашиньку кормитъ,
Варитъ уху съ перцемъ,
Кормитъ ее сердцемъ,
3. О! баю, баю, баю,
Живетъ мужикъ на краю;
Онъ ни бѣденъ, ни богатъ,
У него много ребятъ:
Одинъ Гришка,
Другой стрижка,
Третій Ванюшка.
А Ванюшка братецъ,
По бережку скачетъ,
Бѣлу рыбку ловитъ,
Матушку кормитъ.

II. Дѣтскія остроты.

Дѣтскія остроты выражаются въ прибауточкахъ, которыми болѣе смышленыя дѣти потѣшаются надъ дѣтьми менѣе смышлеными, чтобы только досадить и посмѣяться надъ ними.

Существованіе дѣтскихъ остротъ показываетъ, что и дѣти, какъ только соединяются въ одно уличное общество, уже начинаютъ взаимную борьбу и ревность. Тутъ каждый старается представить другаго предъ цѣлой улицей или недогадливымъ, или несмышленымъ, или просто глупымъ. Вотъ нѣсколько такихъ остротъ, подмѣченныхъ мною у крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи:

1. Дубъ или вязъ. Мальчикъ схватываетъ вдругъ другаго мальчика за волосы и спрашиваетъ его: «дубъ или вязъ?» При этомъ онъ настаиваетъ, чтобы тотъ непремѣнно отвѣтилъ. Озадаченный такою неожиданностію другой мальчикъ принужденъ бываетъ непремѣнно сказать либо дубъ, либо вязъ, иначе нападшій на него непріятель никакъ не выпуститъ его изъ своихъ рукъ; если несчастный мальчикъ скажетъ: «дубъ», то другой кричитъ: «тяни до губъ», и тянетъ его волосы до губъ, нерѣдко вынуждая бѣднаго и плакать. Если же мальчикъ скажетъ: «вязъ», то проказникъ кричитъ: «тяни до глазъ», и тянетъ волосы другаго до глазъ. Разумѣется, что тотъ, который испыталъ эту операцію ранѣе, или болѣе смышленый, всегда говоритъ: «вязъ», чтобы его волосы тянули только до глазъ, причемъ можно иногда и не чувствовать боли.

2. Крикунъ-волосокъ. Мальчикъ говоритъ другому мальчику: «хочешь ли я найду у тебя въ головѣ крикунъ-волосокъ?» Другой мальчикъ, если не знаетъ обмана, заинтересовывается этимъ; онъ хочетъ знать, что за вещь крикунъ-волосокъ, который, по словамъ товарища, заключается даже въ его головѣ, и говоритъ: «найди». Первый начинаетъ шарить и вдругъ, схвативъ нѣсколько волосковъ, два или три, выдергиваетъ съ корнемъ. Любопытный при этомъ, разумѣется, вскрикиваетъ отъ боли, а обманщикъ показываетъ ему выдернутые волосы и говоритъ: «Вотъ тебѣ и крикунъ волосокъ».

3. Какъ Москву показываютъ. Одинъ мальчикъ говоритъ другому: «Хочешь-ли ты, я тебѣ вотъ въ этой щелочкѣ Москву покажу», и указываетъ на какую нибудь

ничтожную скважинку, но только находящуюся гораздо выше роста того мальчика, которому онъ предлагаетъ свои услуги. Незнающій обмана говоритъ: «покажи»; при этомъ первый схватываетъ его за шею или за голову и поднимаетъ къ щелкѣ. Любопытный мальчикъ обманутъ; кромѣ того онъ чувствуетъ боль въ шеѣ и плачетъ, а обманщикъ еще смѣется надъ нимъ, приговаривая: «это впредь тебѣ наука; знай, что Москва большая и въ эту щелку не пойдетъ».

4. И я. Одинъ мальчикъ, желая посмѣяться надъ другимъ, обѣщается разсказать ему свои намѣренія, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы послѣдній съ каждымъ его намѣреніемъ соглашался и говорилъ: «и я», то есть и я это сдѣлаю. Если простодушный мальчикъ согласится, то проказникъ-разскащикъ говоритъ ему:

Я пойду въ лѣсъ.
Слушатель: И я.
Разскащикъ: Я срублю дерево.
Слушатель: И я.
Разскащикъ: Я вырублю колоду.
Слушатель: И я.
Разскащикъ: Я замѣшу въ ней свиньямъ.
Слушатель: И я.
Разскащикъ: Они будутъ ѣсть.
Слушатель: И я.

Послѣ чего разскащикъ смѣется и укоряетъ недогадливаго въ томъ, что и онъ будетъ ѣсть изъ колоды вмѣстѣ съ свиньями.

5. А я лежу съ краишку. Когда трое дѣтей ложатся спать, то острятъ другъ надъ другомъ такъ: первый который лежитъ съ краю, говоритъ:

А я лежу съ краишку,
Во земномъ раюшку;
А ты спишь въ середкахъ,
Въ дырчатыхъ пеленкахъ;
А онъ спитъ у стѣнки,
Гложитъ съ квасу пѣнки.

Второй, также желая себя возвысить, а другихъ унизить, говоритъ:

А я сплю въ середкахъ,
Въ золотыхъ пеленкахъ;
А кто лежитъ съ краишку,
Упадетъ подъ лавочку;
А кто спитъ у стѣнки,
Гложитъ съ квасу пѣнки.

Третій говоритъ:

А я сплю у стѣнки,
Ѣмъ съ смѣтаны пѣнки;
А кто спитъ въ середкахъ;
Въ дырчатыхъ пеленкахъ,
А кто лежитъ съ краюшку,
Упадетъ подъ лавочку.

Съ остротами дѣтей другъ надъ другомъ, очень сходны по духу, какъ насмѣшки, и ихъ прозвища.

Подъ именемъ прозвищъ разумѣются такія изреченія, пѣсенки и прибаутки, которыя относятся или прямо къ одному лицу, или ко многимъ, но сходнымъ между собою или по имени, или по физическимъ и нравственнымъ недостаткамъ. Прозвища эти произошли или естественно отъ дурнаго впечатлѣнія, произведеннаго извѣстнымъ явленіемъ на извѣстное лицо, или же просто по грубости, изъ одного побужденія всячески осмѣять другаго.

Дѣтскія прозвища большею частію усыпаны колкостями, и не смотря на то, они важны для насъ отчасти тѣмъ, что по нимъ въ нѣкоторой степени мы можемъ судить какъ о дѣтскомъ взглядѣ на физическіе и нравственные недостатки другихъ и объ отношеніи къ другимъ племенамъ, такъ по нимъ же можемъ заключить и о ихъ собственной дѣтской глупости или остроуміи, и способности всегда досадить своему сопернику, хотя бы въ томъ не было ни одной черты, достойной порицанія, напр. прозвище порицаетъ Ивана именно только за то, что онъ Иванъ, а не кто нибудь другой.

Для большаго знакомства съ дѣтскими прозвищами, я предлагаю записанныя мною въ селѣ Бежбатманъ Казанской губерніи.

а) По внѣшнимъ недостаткамъ.

1. Рябаго: Рябой котъ, блины пекъ.
2. Косаго: Косой заяцъ, нанесъ яицъ,
Вывелъ дѣтей—косыхъ чертей.
3. Востроносаго: Гуси, лебеди летѣли,
Кулика убить хотѣли,
А куликъ то сирота,
Провертѣлъ ворота.
4. Брюхана: Требушина, требуха,
Съѣлъ корову да быка,
Овцу яловицу,
Свинью пакосницу.
5. Рыжаго: Красный рыжаго спросилъ:
Чѣмъ ты бороду красилъ?
Я ни краской, ни замазкой,

Только сурикомъ хватилъ.
Или:
Я на солнышкѣ лежалъ,
Къ верху бороду держалъ.

6. Кривоногаго: Тпруты, нуты,
Ноги гнуты,
По утру встали,
Прямы стали.
Чулки новы
Пяты голы,
Бомъ бимъ-бомъ,
Сами ходятъ босикомъ.

7. Глухаго: Глухой тетеря.

8. Нѣмаго: Нѣмой салтыкъ.

9. Урода: Сердце бьется,
Носъ трясется,
Глаза выпрыгнуть хотятъ;
Ноги тонки,
Бока звонки.
Бомъ, бомъ, бомъ.

10. Голоногаго: Безштатный ракъ,
Покатился подъ оврагъ,
Тамъ кошку дерутъ
Тебѣ лапку дадутъ.

11. Стриженаго: Стрижка, палишка,
Поповъ жеребчишка.

б) По внутреннимъ недостаткамъ.

12. Глупаго: Отдули дурачка
На четыре кулачка,
Пятая осина
По бокамъ возила.

13. Плохаго: Плохота, плохота,
Купилъ лошадь безъ хвоста,
Поѣхалъ по дрова,
Задѣлъ за пенекъ,
Простоялъ весь денекъ.

14. Скупаго: Жидъ, лыкомъ шитъ,
Плисомъ отороченъ.

15. Скоромишку: Скоромишка кишка,
Скоромишка кишка.

16. Задорнаго: Задоръ беретъ, кишки деретъ.

в) По имени.

17. Андрея: Андрей-воробей,
Не клюй конопель,
Конопли трещатъ,
Воробьи пищатъ.
Не клюй песка,
Не марай носка.

18. Сергѣя: Сергѣй, багрѣй,
Дай карету.

19. Николая: Николай сикулай,
Сиди дома не гуляй.
Твоя жена пышна,
На улицу вышла,
На камышекъ сѣла,
Три лягушки съѣла.

20. Александра: Лёска, колеска.

21. Ермолая: Ермолай, Ермолай,
Мою руку не ломай,
Моя рука барыня,
Наталья Ивановна.

22. Петра: Петька пѣтухъ,
На завалинѣ протухъ.

23. Михаила: Мишка медвѣдь.
Мишка елова шишка.

24. Ивана: Иванъ болванъ,
Пустой барабанъ.

25. Прасковьи: Пашка букашка,
Свина калабашка.

26. Анны: Анна буянна,
Нога деревянна,
Стань на кончикъ,
Ударь въ колокольчикъ,
Блинъ толстой,
Коровай густой.

27. Пѣсенка, въ которой подъ риѳму пересмѣиваются многія имена:

Пришелъ Кирша,
Заложилъ вершу;
Пришелъ Богданъ,
Ерша Богъ далъ;
Пришелъ Устинъ,
Ерша упустилъ;
Пришелъ Иванъ,
Ерша поймалъ;
Пришелъ сусѣдъ,
Бросилъ ерша въ сусѣкъ;
Пришелъ Лазарь,
За ершомъ въ сусѣкъ слазилъ;
Пришелъ Вавила,
Поднялъ ерша на вилы;
Пришелъ Ермошка,

Завернулъ ерша въ рогожку;
Пришелъ Назаръ,
Повезъ ерша на базаръ;
Пришелъ Мартынъ,
Отдалъ за ерша алтынъ;
Пришелъ Игоня,
Разложилъ огоня;
Пришелъ Пахомъ,
Хлѣба напахалъ;
Пришелъ Селиванъ,
Воды наливалъ;
Пришелъ Яковъ,
Ерша смякалъ;
Пришелъ Елизаръ,
Котелъ полизалъ;
Пришелъ Данила,
Да сестра его Непила,
Только голосомъ повыли.

2. По роду:

28) Татаръ: Татаръ якши,
Продай лапши,
Купи вина,
Напой меня.
Татаринъ—собака.
Татаринъ—басурманъ,
Посадилъ дѣвку въ карманъ;
Дѣвка плачетъ и реветъ,
Свои волосы деретъ.

29) Чувашъ: Чувашъ, много ли васъ?
Съ трубкомъ два-съ.
Чувашка лопатка,
Наша лошадка.

30) Черемисъ: Черемисинъ не кулисинъ,
Ноги писаныя
Переписаныя

31) Цыганъ: Цыганъ промѣнялъ,
Моя лошадь безъ хвоста,
Что день, то верста.

III. Дѣтскіе стишки.

Въ собраніи народныхъ сказокъ В. И. Даля, подъ именемъ прибаутокъ находится нѣсколько дѣтскихъ стишковъ, въ примѣчаніи къ которымъ издатель Аѳанасьевъ говоритъ: «Прибаутки любопытны по своему складу, близкому къ пѣсеннымъ размѣрамъ и обильному риѳмами.... Прибаутки въ томъ видѣ, въ которомъ слышатся теперь въ устахъ народа, очевидно составляютъ отрывки изъ различныхъ произведеній народнаго слова: пѣсенъ, сказокъ и причитаній, сопровождающихъ игры и обряды.... Многія сказочныя выраженія отличающіяся стихотворнымъ складомъ, какія особенно часто встрѣчаются въ сказкахъ о животныхъ, вошли въ пословицы и прибаутки. По нѣкоторымъ прибауткамъ можно заключить, что кромѣ уже собранныхъ сказокъ о животныхъ, существуютъ въ народѣ или по крайней мѣрѣ существовали прежде (хотя въ послѣдствіи были забыты) другія подобныя же сказки». (См. «Нар. Русск. сказ.», изд. Аѳанасьева вып. IV; Москва 1858 г., стр. 161.) Г. Гейфельдеръ говоритъ: «Что касается дѣтскихъ пѣсенокъ или стиховъ, то ихъ множество; едва ли найдется явленіе природы, домашнее животное, или какая нибудь дѣтская игра, для которыхъ не придумано стишковъ или пѣсенокъ. Почти вездѣ дѣти дразнятъ гусей, утокъ, козловъ риѳмованными шуточками; знаютъ различные стишки на имена собственныя и кушанья. Во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ существуютъ пѣсенки на улитку, цаплю, кукушку и т. д. Въ Швабіи дѣти привѣтствуютъ стишками первый выпавшій снѣгъ; въ Мозельской долинѣ есть пѣсенка на борьбу тумана съ солнцемъ. Есть также цѣлый рядъ пѣсенъ, которыя сопровождаютъ какое нибудь дѣйствіе или какую нибудь игру; пѣсни эти по поэзіи своей примыкаютъ къ лучшимъ народнымъ пѣснямъ, да и вообще духъ и направленіе народа выражаются различнымъ образомъ въ дѣтскихъ пѣсняхъ». (См. «Жур. Учит.» за 1861 годъ, № 24.)

Крестьянскія дѣти нашей губерніи, какъ дѣти вообще русскаго поэтическаго народа, любятъ воспѣвать стишками все, что только производитъ на нихъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Крестьянскія дѣти, которыхъ молодыя впечатлительныя души быстро наполняются чувствомъ при каждомъ новомъ для нихъ явленіи, прямо называютъ предметъ и описываютъ его свойства, качества и признаки, причемъ у нихъ невольно являются риѳмы и они ненамѣренно, такимъ образомъ, декламируютъ и поютъ цѣлыя строфы. Въ собраніи стишковъ Казанскихъ крестьянскихъ дѣтей, согласно заявленію г. Гейфельдера, встрѣчаются стишки: а) на кушанья, даже на табачекъ и водочку; б) стишки на явленіе природы—дождь, къ солнцу и къ лунѣ; в) стишки къ игрушкамъ; г) стишки къ животнымъ; д) сує-

вѣрные. Есть стишки: е) драматическіе; ж) докучныя сказочки; з) сказочныя пѣсенки.

а) Стишки на кушанья, табачекъ и водочку.

1. Старикъ пищитъ,
Солоникъ соли тащитъ;
А старуха-то пищитъ,
Коровай хлѣба тащитъ;
А дѣти-то пищатъ,
Молока горшокъ тащатъ.

Стишки эти дѣти говорятъ, когда для обѣда или ужина накрывается семейный столъ. Стишки эти совершенно вѣрно взяты съ натуры: здѣсь старикъ солоникъ соли тащитъ потому, что въ крестьянской семьѣ есть обычай никому не начинать ѣсть прежде старика, и поэтому старикъ, всегда начиная есть первый, первый же и узнаетъ: солено кушанье или нѣтъ. Если кушанье не солено, то онъ беретъ солонку и солитъ его. Здѣсь говорится: старуха коровай хлѣба тащитъ—это какъ потому что хлѣбы печетъ всегда старуха, такъ и потому, что она дѣйствительно, какъ старая хозяйка, приноситъ на столъ и рѣжетъ коровай всегда сама. Дѣти молока горшокъ тащатъ—это потому что всѣ дѣти ничто такъ не любятъ, какъ молоко; часто крестьянскія дѣти, не желая вмѣстѣ съ большими хлѣбать какія нибудь бѣдныя щи, прямо несутъ на столъ горшокъ молока и хлѣбаютъ его нерѣдко въ драку, особенно когда молока случается мало. Для прекращенія такого безпорядка между маленькими дѣтьми нѣкоторыя матери употребляютъ довольно забавную хитрость: они по числу ребятъ раздѣляютъ посуду съ молокомъ лучинками и велятъ ѣсть каждому изъ своей части, увѣряя въ такомъ случаѣ, что молока достанется уже каждому по ровну, послѣ чего дѣти совершенно примиряются и ѣдятъ уже тихо. Во время постовъ дѣти почти каждое утро, какъ только проснутся, спрашиваютъ у отца или матери: «скоро-ли придетъ молочко?» если постъ еще въ началѣ, родители говорятъ, что молочко еще на березкѣ; если же скоро разговѣнье, то говорятъ, что съ березки оно уже слетѣло и сидитъ на ихъ носу или губахъ, смотря по близости къ празднику.

2. Валяй, валяй коровай,
Пришелъ ко мнѣ пономарь,
Попросилъ тѣстца.
Не мое тѣстцо,
Кумино тѣстцо;
Не сурвится,
Не утянется.

Этими стишками крестьянскія дѣти выражаютъ то, что извѣстное кислое тѣсто, назначенное для печенія хлѣба, вышло удачно, какъ нельзя лучше. Оно «не сурвится», т. е. не очень густое и не крупится; оно «не утянется», т. е. тягучее до того, что сколько его ни тяни, оно все будетъ тянуться и не утянется. Такое тѣсто считается самымъ хорошимъ и хлѣбы изъ него, по выраженію крестьянъ, выходитъ какъ калачъ.

3. Три недѣли квашня кисла,
Да не выкисла,
На четвертую недѣлю
Стала хлѣбушки валять,
На печи въ углу сажать,
Кочергою волокна,
Волосникъ себѣ сожгла.

Здѣсь совершенно наоборотъ. Стишки относятся уже къ неудачному тѣсту. У крестьянъ дѣйствительно бываетъ, что хлѣбы часто выходятъ «неудаки», или такіе, о которыхъ сами крестьяне говорятъ: «ударь ты вотъ имъ (короваемъ) въ одну стѣну, такъ въ другую отскочитъ». Такіе неудачные хлѣбы, по словамъ опытныхъ крестьянскихъ хозяекъ, бываютъ большею частію отъ незнанія или свойствъ новогодной или купленной муки, или другими словами, отъ незнанія, сколько новая мука, чтобы какъ должно ей выкиснуть, требуетъ закваски гущи. И вотъ, если какая нибудь хозяйка не угадаетъ, сколько нужно для новой муки влить гущи, положитъ очень мало, то и выходитъ, что квашня дѣйствительно киснетъ довольно долго, особенно въ худо натопленной и холодной избѣ. Въ такомъ случаѣ и тогда, когда хлѣбы будутъ уже повалены въ чашки, ихъ ставятъ еще взойти на печь: «на печи въ углу сажать».

4. Гдѣ блины, тутъ и мы;
Гдѣ аладьи, тутъ и ладно;
Гдѣ пироги, тутъ и прилегли.

5. Каша наша,
Щи поповы,
Горохъ пономаревъ.

Этими стишками дѣти выражаютъ особенное пристрастіе къ блинамъ, аладьямъ, пирогамъ и кашѣ.

б) Стишки на дождь, солнце и мѣсяцъ.

1. А дождичекъ прибарышь,
Мы поѣдемъ во барышъ,
Богу молиться,
Христу поклониться,

Слава Богу, сирота
Отпирала ворота,
Ключикомъ замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

Стишки эти дѣти поютъ, когда идетъ дождь, желая, чтобы онъ пошелъ еще сильнѣе, чтобы какъ слѣдуетъ полилъ посѣвы и уродилъ имъ хлѣбъ, ихъ богатство и ихъ золото. Правъ поэтъ, сказавшій:

Золото, золото падаетъ съ неба!
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ.
—Полноте, дѣти, его мы сберемъ.
Только сберемъ золотистымъ дождемъ,
Въ полныхъ анбарахъ душистаго хлѣба.
(Майковъ).

Когда же дѣти не желаютъ, чтобы былъ дождь, а онъ идетъ, то кричатъ: «дождикъ, дождикъ, перестань мы поѣдемъ въ Еристань!» Продолженіе то же.

2. Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ,
Пить, ѣсть хотятъ.

Этими стишками дѣти обращаются къ солнышку каждую весну, какъ только оно начнетъ ярко и тепло грѣть землю.

«Поклоненіе солнцу, говоритъ С. М. Соловьевъ («Исторія Россіи», т. 1, стр. 68 и 324), было сильно распространено между славянами: въ словѣ о полку Игоревѣ русскіе называются внуками Дажбога (Дажбогъ—солнце). Если такъ, то къ нему имѣемъ право относить извѣстныя воззванія въ нашихъ пѣсняхъ: Дидъ (дѣдъ), Ладо; послѣднее названіе, означающее свѣтъ, красоту, миръ, любовь, радость, всего приличнѣе можетъ относиться къ солнцу; другой припѣвъ Люль, Лель означаетъ также дѣда». На значеніе солнца, какъ отца народа, указываетъ извѣстная пѣсня—здѣсь г. Соловьевъ приводитъ предыдущее четверостишіе, которое, будучи общимъ во всей Россіи, поется и въ нашей губерніи безъ всякихъ измѣненій.

3. Заяцъ, мѣсяцъ,
Гдѣ былъ? Въ лѣсѣ.
Что дѣлалъ? Лыки дралъ.
Куда клалъ? Подъ колоду.
Кто взялъ? Родивонъ.

Этими стишками дѣти обращаются къ лунѣ, какъ только вечеромъ она покажетъ свои рога изъ за горъ или изъ за лѣсу. Здѣсь слово заяцъ, какъ эпитетъ къ мѣсяцу, означаетъ не зайца, всѣмъ извѣстнаго животнаго; но скорѣе—зайку-огонь, въ смыслѣ свѣта.

в) Стишки къ игрушкамъ.

1. Мельница молола,
Три года молола,
Пять лѣтъ толкла
Да не вытолкла,
И не ѣвши спать легла.

Эти дѣтскіе стишки про какую-то несчастную мельницу, которая, не смотря на то, что три года молола и пять лѣтъ толкла, всетаки не ѣвши спать легла, т. е. уничтожилась, въ конецъ раззоривши хозяина, декламируются дѣтьми, когда они забавляются водяною мельницей.

Стишки эти взяты дѣтьми съ случаевъ дѣйствительныхъ и относятся не къ вѣтряной, а именно къ водяной мельницѣ, потому что вѣтрянку лишь только стоитъ построить, и она пойдетъ молоть неудержимо, лишь бы былъ хотя маленькій вѣтерокъ, ей больше ничего не нужно; водяная же мельница напротивъ требуетъ каждый годъ новой запрудки и новыхъ свай, въ иные же годы, когда бываетъ большая полая вода, во многихъ мѣстахъ водяныя мельницы сносятся и сами водою. А послѣ этого очень можетъ быть, что нѣкоторые содержатели водяныхъ мельницъ дѣйствительно ничего не вымолютъ, ничего не вытолкутъ и не ѣвши спать лягутъ. Дѣтская игрушка—водяная мельница—это ничто иное, какъ небольшее колесико, только безъ ободка. Концы вала, въ который кругомъ втыкаются лопаточки или крылышки, дѣти кладутъ на двѣ развалинки, которыя потомъ втыкаютъ по обѣ стороны ручья такъ, чтобы крылышки нѣсколько касались самой воды. Отъ этого колесико вертится и дѣти любуются.

Кромѣ водяной мельницы дѣти забавляются также вѣтряной и земляной. Вѣтряная мельница дѣлается ими или изъ двухъ лучинокъ крестомъ, или изъ одной, но съ бумажными крыльями. Въ срединѣ лучинокъ дѣти провертываютъ небольшую дырочку и прикалываютъ чрезъ нее мельницу гвоздочкомъ къ какой нибудь палочкѣ-ручкѣ. Взявшись за палочку, дѣти стоятъ или бѣгаютъ противъ вѣтра, отъ чего игрушки вертятся точно такъ же, какъ и махи у настоящей вѣтряной мельницы. Земляная мельница и забава ею состоитъ въ томъ, что дѣти на берегу овраговъ или ямъ прокапываютъ сквозную вкось дыру, подъ которой выка-

пываютъ ямку-сусѣкъ, и сыплютъ сверху чрезъ дыру въ яму песокъ или землю.

2. Виситъ кистень на стѣнѣ,
Бьетъ онъ гостя по спинѣ.

Упоминаемый здѣсь кистень не тотъ кистень оружіе, который обозники возятъ съ собою по дорогамъ, на всякій несчастный случай, а просто дѣтская игрушка, имѣющая впрочемъ видъ кистеня. Кистень этотъ дѣти очень ловко сплетаютъ изъ липовыхъ или тальниковыхъ лычекъ. Онъ бываетъ четырехъугольный, конусообразный, разноцвѣтный, сжимающійся и растягивающійся. Отъ кистеня, изъ тѣхъ же лычекъ, идетъ веревка, за которую онъ привязывается къ черенку. Дѣти, взявшись за черенки, вступаютъ шутя съ кистенями въ междоусобный бой. Этотъ же кистень дѣти иногда, размотавши на черенкѣ, кидаютъ вверхъ и ловятъ какъ мячикъ.

3. Когда одному мальчику понадобится ножъ, а у другаго онъ къ счастію случится, то первый говоритъ послѣднему: «дай ножа», а тотъ отвѣчаетъ: «спой ежа», и первый поетъ: «ежъ, ежъ, куда ползешь? По стѣнѣ», послѣ чего получаетъ ножъ; а если не споетъ ежа, то и ножа не получитъ.

Ножикъ дѣтямъ бываетъ нуженъ для забавы, такъ называемой сѣчки.

4. Сѣку (1), сѣку (2) сѣчку (3) (4),
Высѣку (5) дощечку (6).
Честь (7) перечесть (8),
Всѣ (9) пятнадцать (10) здѣсь (11).

Съ этими стишками крестьянскія дѣти дѣлаютъ ножичкомъ, по числу въ произношеніи стишковъ ударенiй, на чемъ нибудь точки. Когда стишокъ конченъ, то они начинаютъ сосчитывать эти знаки и къ своему удивленію находятъ ихъ точно пятнадцать.

5. Корабли плывутъ,
Товары везутъ
Дешевые,
Грошовые.
Скалы,
Смолы,
Вару,
На грошъ всего товару;
Пылу, дыму, вѣтру,
Ничего нѣту.

Эти стишки дѣти говорятъ, когда пускаютъ по какой нибудь дождевой лужѣ свои кораблики—лодочки, дѣлаемыя ими изъ сосновой коры и изъ бумаги.

г) *Стишки къ животнымъ.*

1. Когда дѣти находятъ въ лѣсу улитку, то берутъ ее съ листочка и вмѣстѣ съ раковиной въ свои руки и говорятъ:

Улита, улита, высунь рога,
Дамъ тебѣ конецъ пирога.

Улитка дѣйствительно послѣ этого, будто бы отвѣчая на зовъ, высовываетъ свои рога.

2. Когда дѣти, играя на улицѣ, увидятъ надъ собою стаю летящихъ галокъ, то кричатъ къ нимъ вмѣстѣ въ одинъ голосъ:

Галки, вороны,
Гдѣ ваши хоромы?
На дубу, на соснѣ,
У матери креснѣ (ой).

Или же каждый порознь; одинъ кричитъ напр.:

Моя галка напередъ.
Кувшинъ денегъ наберетъ.

Другой: Моя галка назади,
Горшокъ денегъ набери и проч.

3. Когда дѣти увидятъ на улицѣ дряннаго маленькаго теленка, то смѣются надъ нимъ слѣдующими стишками:

Телешъ, телешъ,
Куда бредешь?
Въ лѣсъ волковъ есть
Смотри телешъ
Тебя пережъ.

4. Буби кони,
Нечемъ кони
Погоняти,
Злато бито,
Побѣлито.
Тпрусь, квасъ князь.

Съ этими стишками дѣти обращаются къ конямъ-лошадямъ.

5. Когда кричатъ пырята, прося есть, дѣти передразниваютъ ихъ своимъ тоненькимъ голоскомъ такъ: «Никитичъ! кормить хотятъ насъ, насъ, насъ, насъ». Когда кричитъ пырка, дѣти передразниваютъ ее, говоря протяжнымъ голосомъ: «корыта-та нѣтъ». А когда кричитъ пыринъ, дѣти толстымъ голосомъ говорятъ. «что ты, чуть живъ, слѣпъ—не видишь?»

6. Воробьевъ дѣти дразнятъ такъ: «зимою такъ чуть

живъ, а лѣтомъ то на коноплянникъ: щечи, ребята, щечи, ребята, на березкѣ: чинъ чина больше».

7. Когда вороны и воробьи клюютъ что нибудь вмѣстѣ и кричатъ, дѣти говорятъ, что одна ворона кричитъ: «харчь, харчь», другая: «творогъ, творогъ», воробьи ихъ будто бы спрашиваютъ: «что почемъ, что почемъ», а вороны всѣ вмѣстѣ отвѣчаютъ имъ: «такъ мой, такъ мой».

8. Когда кричитъ перепелка, дѣти кричатъ вмѣстѣ съ нею: «подъ полоть, подъ полоть», когда кричитъ пиголица, дѣти кричатъ: «у пиголицы хохолъ горитъ, дѣтей зоритъ», а когда кричитъ дергунъ, или дергачъ, дѣти ему вторятъ, передразнивая его словами: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ».

На этомъ крикѣ птицъ, дѣйствительно похожемъ на нѣкоторыя человѣческія слова, выражающія цѣлыя понятія, основано одно малорусское преданіе, которое я слыхалъ отъ моего дѣдушки и передаю его здѣсь, потому что нигдѣ не встрѣчалъ его записаннымъ. Хохлы, говоритъ преданіе, когда-то воевали съ москвичами и были побѣждены, потому что у москвичей были ружья, а хохлы еще и понятія объ ихъ не имѣли; они защищались только стрѣлами. «Какъ только москаль гусаръ плюнетъ» (выпалитъ изъ ружья), говорили будто бы послѣ этого хохлы, «такъ нашъ хохолъ и съ коня долой». Когда хохлы попадали съ коней, они вдругъ услыхали, кричитъ горлица. Прислушиваясь къ ея крику, они заключили, что она кричитъ: «притулись (спрячься), хохолъ». Послѣ чего они обратились въ бѣгство, спрятались въ кустарникъ и говорили: «озолотилъ бы эту птаху, да гроша нѣма». Потомъ они услыхали крикъ пиголицы: «ви-и-жу» и дергуна: «нѣтъ». Изъ крика пиголицы они заключили, что она, жалѣя ихъ, сказываетъ имъ, что ихъ видно, и слѣдовательно отъ москалей имъ спрятаться слѣдуетъ еще дальше. «Не богъ зароди эту птаху, а самъ Христосъ», говорили хохлы въ благодарность. Напротивъ изъ крика дергуна хохлы заключили, что онъ кричитъ: «нѣтъ, нѣтъ», т. е. не видно, желая будто бы чрезъ это ихъ обмануть и выдать москвичамъ. Хохлы, досадуя на это говорили о дергунѣ: «не Богъ зароди эту птаху, а самъ сатана». Когда со страхомъ и трепетомъ хохлы такъ проклинали дергуна, къ нимъ вдругъ выскочилъ журавль: «Выскочила птаха, ноги долги, платье коротко, пешесчатаго сукна, да какъ закричитъ во все горло: «куртыжъ (вяжи) его, куртыжъ его». У страха глаза велики, говоритъ пословица, напуганная ворона куста боится, говоритъ другая, такъ и хохлы, напуганные выстрѣлами москвичей, до того струсили журавля, что не знали куда дѣваться и говорили: «ыы, испужавшись, вси разбѣжались по камышамъ, по болотамъ, утыканжо».

д) Стишки суевѣрные.

1. Верба хлестъ,
Бьетъ до слезъ.
Верба бѣла,
Бьетъ за дѣло.
Верба красна,
Бьетъ напрасно.

Верба, про которую здѣсь говорится, верба получаемая на заутрени въ недѣлю Ваій. Верба бьетъ—съ этой приговоркой дѣти, пришедши изъ церкви домой, бьютъ вербой тѣхъ дѣтей, которыя проспали заутреню; подобно тому какъ и въ Ивановъ день (24 іюня) окачиваютъ водою ночью тѣхъ дѣтей, которыя не были за всенощной. Эту вербу дѣти втыкаютъ потомъ за образа и выгоняютъ ею въ первый разъ свою скотину пастись на луга.

2. Цыпи, цыпи подъ порогъ,
Дамъ вамъ маслица комокъ.

Стишокъ этотъ у дѣтей употребляется какъ заговоръ отъ болѣзни, называемой цыпки (растрескиваніе на рукахъ и на ногахъ кожи). Болѣзнь эта у дѣтей происходитъ отъ того, что они, не смотря ни на какую погоду, бѣгаютъ въ однѣхъ рубашенкахъ и босикомъ цѣлый день на улицѣ, гдѣ роются притомъ же въ землѣ, въ грязи и глинѣ.

Цыпки лѣчутся иногда и скоромнымъ коровьимъ масломъ, но только всегда съ этой прибауткой.

3. Мышка, мышка!
На тебѣ зубъ липяной,
Дай мнѣ гребяной.

Съ этими словами крестьянскія дѣти бросаютъ въ подпечекъ выпадающіе у нихъ зубы. Здѣсь замѣчательно, по чему они обращаются съ просьбою о гребяномъ, т. е. крѣпкомъ зубѣ, именно къ мышкѣ и почему, кромѣ того, дѣти иногда съ намѣреніемъ ѣдятъ всякіе мышиные объѣдки. Это потому, вѣроятно, что у мышки у самой очень (тоненькіе) крѣпкіе зубы, когда, не смотря на то, что они у нея очень тоненькіе, она грызетъ ими и дерево и орѣхи *).

*) Симъ кончается напечатанное отчасти въ «Каз. Губ. Вѣд.» и далѣе слѣдуетъ нигдѣ еще не помѣщенное. Мож.

е) Драматическіе стишки.

Стишки крестьянскихъ дѣтей, которые я здѣсь назвалъ драматическими, собственно говоря, нельзя отнести ни къ водевилю, ни къ комедіи, ни къ драмѣ, ни къ трагедіи.—Это что-то особенное:—видъ драматической поэзіи, донынѣ еще никому неизвѣстный. Внѣшняя форма такихъ стишковъ діалогическая; внутренній же характеръ — это живой неподдѣльный юморъ. Комизмъ ихъ такъ силенъ, что въ состояніи, мнѣ кажется, разсмѣшить всякаго, кто бы онъ ни былъ. При всемъ томъ, драматическіе стишки очень вѣрно выражаютъ и самый духъ Русскаго народа:—его лѣнивую волю, не быстрый, но острый умъ и сердце, холодное почти до всего, что земное—не душеспасительное.

Актеры — крестьянскіе дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ—не имѣютъ для представленія своихъ стишковъ ни опредѣленнаго мѣста сцены, ни опредѣленныхъ костюмовъ; они имѣютъ только для этого болѣе опредѣленное время—святки. Во время святокъ они, иногда наряженные кто во что могъ, по большей части въ вывороченные свои полушубки, и запачканные сажей, ходятъ по вечерамъ изъ дома въ домъ и тамъ, взявши на себя роли выведенныхъ въ ихъ стишкахъ лицъ, начинаютъ представленіе или вѣрнѣе разговоръ — одинъ спрашиваетъ, а другой отвѣчаетъ, гдѣ нужно, съ жестами и тѣлодвиженіями. Зрители слушаютъ и смѣются.

Откуда драматическіе стишки ведутъ свое начало,—сами ли крестьянскіе дѣти сочинили ихъ или отъ кого нибудь переняли, съ точностію опредѣлить трудно; но, всего вѣрнѣе думать, вынесены изъ балагановъ, переняты отъ паяцовъ и панорамщиковъ. Первые, какъ извѣстно, разыгрываютъ для народа разныя забавныя комедіи и кукольныя мелодрамы, а послѣднія, показывая зевакамъ удивительныя чудовищныя картины—небылицы въ лицахъ, причитаютъ для объясненія диковинъ всевозможную нескладицу.

Содержаніе дѣтскихъ драматическихъ стишковъ составляетъ жизнь человѣка, и потому оно также различно, какъ различны жизненныя проявленія.—Это бывалые и небывалые, только возможные, случаи, и небылицы (фантазіи). Въ дѣтскихъ драматическихъ стишкахъ человѣкъ выводится на сцену вполнѣ потерявшимъ свое достоинство, сдѣлавшимся какимъ-то нравственнымъ и умственнымъ уродомъ, увлекшимся мелочами, впадшимъ въ пороки, низкимъ и смѣшнымъ.

Изъ записанныхъ мною доселѣ стишковъ подобное явленіе можно видѣть въ двухъ діалогахъ: 1) докторъ и больной, 2) баринъ и Аѳонька.

I. Докторъ и больной.

1. Ты кто?

Я докторъ-лѣкарь изъ подъ каменнаго моста, чертъ-аптекарь; чирьи, болячки вылѣчиваю:—ко мнѣ приводятъ на ногахъ, а увозятъ на саняхъ....

Что у тебя болитъ голова или виски?

Виски.

Сожать твои виски въ тиски,
Голову сдѣлать лепешкой,
Приложить пластырю немножко,
Рюмку водки поднести,
Да по затылку полѣномъ оплести.

Здѣсь докторъ-лѣкарь представляется намъ на глаза чистымъ, какъ онъ самъ себя рекомендуетъ, чертомъ изъ подъ каменнаго моста. Онъ забылъ свое высокое назначеніе и унизился до того, что все искусство его ограничилось вылѣчиваніемъ только самыхъ простыхъ болѣзней—накожныхъ нарывовъ, отъ которыхъ въ состояніи уврачевать самая послѣдняя деревенская баба. Что же касается до уврачеванія одержимыхъ другими болѣзнями, то онъ ихъ такъ хорошо лѣчитъ, что и пришедшіе къ нему еще своими ногами—увозятся домой, а можетъ быть и на кладбище, на саняхъ. Средство для этого онъ употребляетъ какъ нельзя болѣе дѣйствительное—его микстура отъ боли висковъ: тиски—самая превосходная!

Здѣсь нельзя не видѣть сильной ироніи на сельскихъ фельдшеровъ и оспопрививальщиковъ. Эта иронія, по всей вѣроятности, сложилась отчасти вслѣдствіе дѣйствительныхъ ихъ недостатковъ, а частію проистекла изъ того народнаго суевѣрія, что всѣ лѣкаря и оспопрививальщики суть слуги антихриста. Прививая коровью оспу къ дѣтямъ, оспенники, по народному суевѣрному понятію, дѣлаютъ то самое начертаніе на десницѣ, которое по Апокалипсису (13 гл. 16 ст.) антихристъ чрезъ своихъ слугъ даетъ всѣмъ его послѣдователямъ.

При такомъ взглядѣ на лѣкарей народъ, а вмѣстѣ съ нимъ, естественно, и его дѣти говорятъ, что лѣчиться у лѣкарей положительно грѣхъ. Болѣзнь «дескать» посылается отъ Бога, и Онъ одинъ только, если Ему будетъ угодно, можетъ уврачевать ее, но не какой нибудь лѣкарь, такой же грѣшный, какъ и всѣ.

Но, разсуждая такъ о лѣкаряхъ и оспопрививальщикахъ, народъ нашъ всетаки нерѣдко прибѣгаетъ къ такъ называемымъ знахаркамъ и знахарямъ съ полной вѣрой на выздоровленіе отъ ихъ заговоровъ и апокрифическихъ молитвъ. Почему это? А потому что нашъ, еще непросвѣщенный, людъ на знахарей смотритъ, какъ на людей, озаренныхъ на это дѣло какою-то невидимою силой, и заговоры ихъ считаетъ всецѣлебными и отъ порчи, и отъ притки, и отъ зглаза, и отъ всякой немочи: на лѣкарей же—какъ только на своихъ раззорителей, куроѣдовъ и трупорѣзовъ.

2. *Баринъ и слуга.*

Аѳонька!
Чаво сударь?
А что ты у моихъ крестьянъ былъ?
Былъ, сударь.
А что они хорошо живутъ?
Хорошо.
А какъ хорошо?
На семь дворовъ одинъ топоръ.
Чего!? чай въ одномъ дворѣ семь топоровъ?
Точно такъ, сударь.
Такъ какъ же?
И то и другое, сударь, исправно.
Аѳонька!
Чаво сударь?
Ты моего коня поилъ?
Поилъ.
А что у него губа-то суха?
Колода, сударь, высока.
Ты бы обрубилъ!
Я и такъ, сударь, всѣ ноги отрубилъ.
Такъ ты коня извелъ!?
Нѣтъ, сударь, на живодерный дворъ отвелъ.
Онъ значитъ пропалъ!?
Нѣтъ, сударь, онъ въ дѣло попалъ.
Аѳонька!
Чаво, сударь?
Ты на моемъ хлѣбѣ былъ?
Былъ, сударь.
А что онъ хорошъ?
Хорошъ, сударь.
А какъ хорошъ?
Колосъ отъ колосу
Не слыхать голосу,
Копна отъ копны
Три дни ѣзды.

Этими стишками крестьянскіе дѣти въ личностяхъ сударя и его слуги Аѳоньки отчасти характеризуютъ намъ нѣкоторыхъ баръ и ихъ слугъ изъ еще недавно минувшихъ дней, изъ дней, въ которые царствовало крѣпостное право. Здѣсь баринъ или, какъ называетъ его Аѳонька, сударь представляется имѣющимъ своихъ крестьянъ и повидимому объ нихъ заботящимися. Онъ спрашиваетъ у своего слуги: хорошо ли они живутъ; но изъ отвѣта Аѳоньки мы узнаемъ, что на самомъ дѣлѣ баринъ совсѣмъ не таковъ: у его крестьянъ оказалось, что на семь дворовъ былъ только одинъ топоръ. Это даетъ намъ даже поводъ думать, что баринъ былъ не попечитель о своихъ крестьянахъ, а ихъ раззоритель.

Конечно, эти стишки никакъ не относятся ко всѣмъ барамъ, всѣхъ мѣстъ и всѣхъ временъ, но неосновательно думать, чтобы они относились и къ одному лицу и составляли положительное исключеніе.

Теперь обратимся къ Аѳонькѣ. Аѳонька,—это въ нѣкоторой степени своего рода типъ.—Онъ представляетъ изъ себя всегда послушнаго раба, но иногда прикидывается недогадливымъ и подъ этой личиной нерѣдко дѣлаетъ что нибудь на зло своему господину, конечно съ намѣреніемъ; такъ здѣсь напр. онъ отрубилъ ноги, коню, это не недогадливость, а озорство. Этимъ послѣднимъ качествомъ Аѳонька напоминаетъ намъ собой еще многихъ сказочныхъ героевъ—Иванушекъ, поповыхъ работниковъ и т. п. дурачковъ, но, нужно замѣтить, дурачковъ не простыхъ, а себѣ на умѣ.

3. *Братъ челомъ!*

Братъ, здорово?
Братъ, гдѣ былъ?
Въ городѣ Ростовѣ.
Что въ городѣ Ростовѣ дѣлается?
Все старо по старому, вновь ничего.
Силенъ ли базаръ?
Я съ нимъ не боролся.
Дологъ ли?
Я его не мѣрилъ.
Что по чемъ?
Товары по лавкамъ, хлѣбъ по возамъ,
А деньги по сумамъ.
Что купилъ?
Я купилъ пудовочку горошку.
Добро твое, братъ!

Добро да небольно.
А что таково?
Я шелъ, да на дѣвокъ заглядѣлся,—
Горохъ-то и разсыпалъ.
Худо твое братъ.
Худо, да не больно.
А что таково?
Я горохъ то сбиралъ, сбиралъ,
Да четверку насбиралъ.
Добро твое, братъ.
Добро да не больно.
А что таково?
Я его посѣялъ, повадились свиньи,
Да и вырыли весь.
Худо твое, братъ.
Худо да не больно.
А что таково?
Я свиней то перебилъ,
Да чанъ мяса насолилъ.
Добро твое, братъ.
Добро да не больно.
А что таково?
Повадились поповы кошки,
И вытаскали мясо по ножкѣ.
Худо твое, братъ.
Худо да не больно.
А что таково?
Я кошекъ перебилъ,
Да женѣ шубу сшилъ.
Добро твое, братъ.
Добро да не больно.
А что таково?
Попъ-то узналъ,
Да шубу-то снялъ.
Худо твое, братъ.
Худо да не больно.
А что таково?
Я тягался, тагался,
Да и вытягалъ буру корову.
Добро твое, братъ.
Добро да не больно.
А что таково?
Я думалъ, что это корова,
Анъ-вишь косолапый медвѣдь.

Начало этихъ стишковъ, за исключеніемъ приступа, представляетъ намъ очень острый смыслъ крестьянскихъ дѣтей, проявляющійся въ находчивости на нѣкоторые вопросы отвѣчать по видимому прямо и опредѣленно, но на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не то, что слѣдовало бы по законамъ логики. Такъ на вопросъ: силенъ ли базаръ, т. е. какъ обширна торговля, отвѣтчикъ нарочно говоритъ: я съ нимъ не боролся, давая тѣмъ знать, что о базарѣ такъ спрашивать не годится, на томъ основаніи, что онъ не имѣетъ той силы, съ которой возможно бороться, напр. человѣческой или вообще животной. Далѣе на вопросъ дологъ ли, т. е. какъ продолжителенъ базаръ по времени, отвѣчаетъ опять—я его не мѣрилъ, давая тѣмъ разумѣть, что извѣстная продолжительность базара по времени не есть такая длина, которая измѣряется аршиномъ или саженью, и слѣдовательно такъ кратко и неопредѣленно о времени продолженія базара спрашивать оже не годится. Наконецъ, на вопросъ: что почемъ, т. е. по какой цѣнѣ продается; отвѣтчикъ тоже съ намѣреніемъ говоритъ: товары по лавкамъ, хлѣбъ по возамъ, а деньги по суммамъ, давая чрезъ это замѣтить, что цѣна не такая вещь, которая занимаетъ извѣстное въ пространствѣ мѣсто, и слѣдовательно о цѣнѣ такъ выражаться «дескать» не слѣдуетъ.

Подобныхъ не прямыхъ отвѣтовъ на извѣстные вопросы у нашего народа и у его дѣтей существуетъ довольно не мало; наприм. на вопросъ: «за что», многіе часто отвѣчаютъ прибауткой: «за то не ходи пузато, не носи брюхо въ пазухѣ». (См. еще «Дѣтскія пѣсни», собранныя Безсоновымъ:— На спросъ отвѣтъ, на рѣчь привѣтъ» № 53).

Вообще такіе прибауточные отвѣты нашего народа и его дѣтей показываютъ намъ особенную ихъ черту—уклончивость или нежеланіе при извѣстныхъ случаяхъ высказываться прямо—откровенно, по той простой причинѣ, что, какъ говоритъ самъ народъ, знайка бѣжитъ, а незнайка лежитъ.

Продолженіе стишковъ отъ вопроса: «что купилъ» до конца, выражаетъ собою мысль, вошедшую уже въ пословицу, что въ жизни нѣтъ худа безъ добра и добра безъ худа, что зло и добро—эти двѣ противоположности всюду идутъ рука объ руку, постоянно между собою борясь и воюя, и что зло нерѣдко служитъ намъ источникомъ добра, а добро наоборотъ — источникомъ многихъ золъ и скорбей.

4. *Братъ челомъ!*

Братъ, здорово!
Братъ, гдѣ былъ?

Въ городѣ Ростовѣ.
Что въ городѣ Ростовѣ дѣлается?
Все старо по старому, вновь ничего.

Я слышалъ, что въ городѣ Ростовѣ
Раскольничей «рихерей» женится?

Я слышать, не слыхалъ, что рихерей женится, а шелъ мимо рихерейскаго двора, у рихерейскаго двора коровы осѣдланы, свиньи обратаны, у курицъ хвосты подвязаны,—должно быть, что рихерей женится.

Ну я, братъ, повѣрю.
А я, братъ, не солгу.

—

Братъ, челомъ!
Братъ, здорово!
Братъ, гдѣ былъ?
Въ городѣ Ростовѣ.
Что въ городѣ Ростовѣ дѣлается?
Все старо по старому, вновь ничего.
Я слышалъ, что въ городѣ Ростовѣ
Озеро выгорѣло?

Я слышать, не слыхалъ, что озеро выгорѣло, а шелъ мимо Ростовскаго озера—въ озерѣ рыба плаваетъ, лбы у рыбы сожжены, хвосты подпалены,—должно быть, что озеро выгорѣло.

Ну я, братъ, повѣрю.
А я, братъ, не солгу.

—

Братъ, челомъ!
Братъ, здорово!
Братъ, гдѣ былъ?
Въ городѣ Ростовѣ.
Что въ городѣ Ростовѣ дѣлается?
Все старо по старому, вновь ничего.
Я слышалъ, что въ городѣ Ростовѣ
Свинья на семи дубахъ гнѣздо свила?

Я слышать не слыхалъ, что свинья на семи дубахъ гнѣздо свила, а шелъ мимо Ростовской рощи—поросяточки бѣгаютъ, по сучечкамъ жолудки сбираютъ,—должно быть, что свинья гнѣздо свила.

Ну я, братъ, повѣрю.
А я, братъ, не солгу.

Братъ, челомъ!
Братъ, здорово!
Братъ, гдѣ былъ?
Въ городѣ Ростовѣ.
Что въ городѣ Ростовѣ дѣлается?
Все старо по старому, вновь ничего.
Я слышалъ, что въ городѣ Ростовѣ
Капуста больно велика?

Я слышать не слыхалъ, что капуста больно велика, а шелъ мимо бахчи—подулъ вѣтерокъ, сломилъ кочешокъ, закрылъ весь городокъ,— должно быть, что больно велика.

Ну я, братъ, повѣрю,
А я, братъ, не солгу.
Братъ, челомъ!

Братъ, здорово!
Братъ, гдѣ былъ?
Въ городѣ Ростовѣ.
Что въ городѣ Ростовѣ дѣлается!
Все старо по старому, вновь ничего.
Я слышалъ, что въ городѣ Ростовѣ
Огурцы больно велики?

Я слышать не слыхалъ, что огурцы больно велики, а шелъ мимо Ростовской бахчи—сорвался у маркитанта жеребецъ, забѣжалъ въ огурецъ, трое сутки бѣгалъ. Я, братъ, самъ жеребца то не видалъ, да лакей изъ огурца вышелъ съ уздой,—должно быть, что жеребца ловилъ.

Ну я, братъ, повѣрю,
А я, братъ, не солгу.

По этой драматической небывальщинѣ мы видимъ въ русскомъ народѣ и его дѣтяхъ особенную творческую способность,—способность не только вѣрно и живо обрисовывать то, что прямо представляется ихъ глазу, какъ напр. предметы видимой природы; но весьма картинно и то, чего никогда не бываетъ, да и быть чего никогда тоже не можетъ. Какъ напр. выгораніе озера, свинаго гнѣзда на семи дубахъ и т. д.

Въ этомъ діалогѣ отвѣты на весьма странные вопросы представляютъ намъ замѣчательную свою оригинальность. Видно, что отвѣтчикъ не хотѣлъ прямо сказать отрицательно: неправда, ложь и т. п., на томъ основаніи, что такимъ бездоказательнымъ отвѣтомъ не могъ бы вполнѣ убѣдиться его совопросникъ; но, отвѣчая прибауточками, въ которыхъ выражается мысль о невозможности, онъ хочетъ, чтобы чрезъ это его совопросникъ самъ дошелъ до знанія всей нелѣпости своихъ вопросовъ. И хотя отвѣтчикъ послѣ каждой приба-

уточки прибавляетъ отъ себя, что то или другое «должно быть такъ» и удостовѣряетъ: «я, братъ, не солгу», но это уже очевидная шутка, какъ и заявленіе совопросника: «ну я, братъ, повѣрю», послѣ сознанія своей глупости.

5. «*Баба ли ты, бабища*, въ большихъ новыхъ лаптищахъ!»

— Правда, мой батюшка, правда твоя.

«Баба ли ты, бабища, въ большихъ новыхъ лаптищахъ, что у тебя въ пещерище, али пирожище?»

— Пирожище, мой батюшка, пирожище.

«Баба ли ты, бабища, въ большихъ новыхъ лаптищахъ, съ чѣмъ у тебя пирожище, али съ мясищемъ?»

— Съ мясищемъ, мой батюшка, съ мясищемъ.

«Баба ли ты, бабища, въ большихъ новыхъ лаптищахъ, кого ты идешь поминать-то, али мужа свово?»

— Мужа, мой батюшка, мужа свово.

«Баба ли ты, бабища, въ большихъ новыхъ лаптищахъ, какъ у тебя его звали?»

— Не помню, мой батюшка, не помню.

«Баба ли ты, бабища, въ большихъ новыхъ лаптищахъ, не походилъ ли онъ у тебя на вилы?»

— Вавилой, мой батюшка, Вавилой.

«Баба ли ты, бабища, въ большихъ новыхъ лаптищахъ, какимъ онъ у тебя ремесломъ-то занимался?»

— Скрыпычнымъ, мой батюшка, скрыпычнымъ.

«Баба ли ты, бабища, въ большихъ новыхъ лаптищахъ, какую онъ у тебя пѣсню-то пѣлъ?»

Сухопаренька поджара
Хвостъ поджала, побѣжала.

Въ этихъ стишкахъ, какъ тѣнь проглядываетъ между прочимъ та мысль, что нѣкоторыя женщины до того увлекаются всевозможными житейскими мелочами и дрязгами, что забываютъ иногда весьма важное. Такъ здѣсь напр., баба, въ большихъ новыхъ лаптищахъ, знаетъ всѣ мелочи; — знаетъ, что мужъ ея занимался скрыпычнымъ ремесломъ, знаетъ что онъ пѣлъ: сухопаренька поджара, хвостъ поджала, побѣжала, и что же послѣ всего этого?—Она забыла имя своего мужа.

6. *Зай, зай каракуся!*

Гдѣ была?
Коней пасла.
Гдѣ кони?
За воротами.
Гдѣ ворота?
Водой унесло.
Гдѣ вода?
Быки выпили.
Гдѣ быки?
Въ гору ушли.
Гдѣ года?
Черви выточили.
Гдѣ черви?
Гуси выклевали.
Гдѣ гуси?
Въ тростникъ ушли.
Гдѣ тростникъ?
Дѣвки выжали.
Гдѣ дѣвки?
Замужъ ушли.
Гдѣ мужья?
Померли.
Гдѣ ихъ души?
На небѣ.
Гдѣ небо?
У Бога.

Эти повсемѣстные стишки принадлежатъ дѣтямъ еще довольно маленькимъ (7—8 лѣтъ). Они читаются также діалогически; но не на святкахъ только, а всегда и вездѣ. Отвѣтомъ: «на небѣ», прибаутка кончается, но часто не кончается; съ ней по ассоціаціи идей пытливость вопрошающаго дитяти, и онъ спрашиваетъ: «гдѣ небо?» Другой же, не имѣя болѣе словъ въ прибауткѣ, самъ заинтересовывается этимъ вопросомъ; долго думаетъ,—что сказать, и наконецъ говоритъ: «у Бога». Такимъ образомъ дѣти, ища всему мѣста и причины, сами доходятъ до начала всѣхъ началъ и первоначальной причины—Вседержителя всего сотвореннаго—Бога.

ж) Докучныя и доскучныя сказочки.

Есть у крестьянскихъ дѣтей нашей губерніи небольшая группа мелкихъ шуточныхъ сказочекъ, которыя, впрочемъ, встрѣчаются частью и въ другихъ губерніяхъ; напр. такого рода сказочки, мы знаемъ, существуютъ въ Вологодской, въ Воронежской и Московской губерніяхъ *), и которыя вездѣ называются докучными. Но тѣ сказочки, которыя извѣстны намъ отъ г. Даля и Безсонова, по моему мнѣнію, слѣдовало бы называть не докучными, а *доскучными*, и такое названіе гораздо бы болѣе выражало ихъ отличительную черту или

*) См. «Сказки» В. И. Даля, изд. г. Аѳанасьевымъ, вып. VI, стр. 110, № 37; «Дѣтскія пѣсенки» Безсонова, стр. 230, № 131.

особенную (чрезъ повтореніе разскащиками одного и того же то съ начала, то съ конца, нерѣдко разъ до десяти) способность доводить слушателей до *скуки*.

Сказочки, доводящія слушателей до скуки, я называю доскучными.

Доскучныя сказочки бабушками или матерями говорятся дѣтямъ тогда, когда у первыхъ нѣтъ никакого дѣла и когда онѣ желаютъ пошутить надъ ребенкомъ или просто для одного смѣха, или же съ цѣлію испытать его дѣтское терпѣніе въ слушаніи одной и той же прибаутки. Доскучныя сказочки, большею частію говорятся вопреки воли ребенка, и онъ никоимъ образомъ не можетъ отъ нихъ отдѣлаться, до тѣхъ поръ пока не замолчитъ.

Хотя въ доскучныхъ сказочкахъ ничего нѣтъ такого, чтобы такъ или иначе характеризовало жизнь крестьянскихъ дѣтей, но я не лишнимъ счелъ дать мѣсто въ своихъ очеркахъ и имъ. Это вопервыхъ потому, что онѣ слишкомъ рѣдки и малоизвѣстны, а вовторыхъ потому, что онѣ довольно оригинальны и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно интересны.

Доскучныя сказочки начинаются обыкновенно предварительнымъ обманомъ ребенка. Разскащикъ скажетъ желающему слушать сказку: «Слушай! я разскажу тебѣ сказку хоро-о-о-шую, д-о-о-лгую». Ребенокъ, думая, что въ самомъ дѣлѣ ему хотятъ разсказать сказку хорошую и долгую, навостряетъ свои уши и весь превращается въ слухъ, а между тѣмъ обманывается: разскащикъ начинаетъ разсказывать сказку доскучную.

Доскучныхъ сказочекъ въ своей губерніи мнѣ удалось записать всего пять. Изъ нихъ двѣ сказочки, кажется, еще нигдѣ не были напечатаны, а три остальныя напечатаны у Даля и г. Безсонова. Мои сказочки имѣютъ нѣкоторыя измѣненія и потому, какъ варіантъ, думаю, могутъ быть напечатаны и во второй разъ.

1. Въ нѣкоторомъ царствѣ,
Въ нѣкоторомъ государствѣ
Жилъ былъ царь бо-га-а-а-тый:
У него былъ дворъ,
На дворѣ стоялъ колъ,
На колу-то висѣла мочала;
Не сказать ли съ начала?

Если слушатель отвѣтитъ: «разскажи», то сказка начинается, снова и продолжаетъ повторяться до тѣхъ поръ пока не получится отрицательнаго отвѣта; послѣ же отрицательнаго отвѣта, если болтать разскащикъ еще не усталъ и хочется ему надоѣсть хорошенько ребенку, онъ говоритъ: «на колу висѣла мочала. Разскажу съ начала», и опять такимъ образомъ повторяетъ прибаутку, потѣшаясь надъ обманутымъ и раздосадованнымъ ребенкомъ, часто до тѣхъ поръ пока тотъ не заплачетъ.

2. Въ одномъ болотѣ жила-была лягушка,
По имени по отчеству квакушка.
Вздумала лягушка вспрыгнуть разъ на мостъ,
Присѣла да и завязила въ тину хвостъ.
Дергала, дергала, дергала, дергала,
Выдернула хвостъ да завязила носъ.
Дергала, дергала, дергала, дергала,
Выдернула носъ, да завязила хвостъ.
Дергала, дергала, дергала, дергала,
Выдернула хвостъ, да завязила носъ и т. д.

Когда ребенокъ соскучится о томъ, какъ лягушка дергаетъ изъ тины то хвостъ, то носъ, онъ велитъ разскащику продолжать сказку о лягушкѣ далѣе, — идти впередъ; но разскащикъ отвѣтитъ: «экой ты проворный! погоди маленько, видишь лягушка не вылѣзла еще изъ тины; когда она вспрыгнетъ на мостъ, тогда и буду говорить впередъ», и опять продолжаетъ тростить (повторять) одно и то же *дергала*, до тѣхъ поръ пока ребенку и самому не доскучитъ въ конецъ.

3. Вокругъ пальца
Ходили журавль да овца;
Сметали они стожокъ сѣнца.
Не сказать ли съ конца?

Эта сказочка говорится также, какъ и про богатаго царя. Вопросъ: «не сказать ли съ конца», при повтореніи сказки разскащикомъ также измѣняется въ повѣствовательную форму: «скажу съ конца». Выраженіе: «сказать съ конца, скажу съ конца», здѣсь означаетъ разсказъ не шиворотъ на выворотъ, не съ нижняго стиха къ верхнему; а съ того же конца, съ котораго начинается сказка, съ начинательнаго, или просто съ начала. Видите ли, эта сказочка представляется здѣсь разскащику о двухъ концахъ, точно такъ же какъ намъ, напр. линейка.

4. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жила-была ворона, и вздумала она летѣть въ тридевятое царство, въ тридесятое государство. Полетѣла. Летѣла, летѣла, летѣла, летѣла, да сѣла; сидѣла, сидѣла, сидѣла, сидѣла, сидѣла да полетѣла; летѣла.... да сѣла; сидѣла.... да полетѣла; летѣла.... и т. д.

Слушатель-ребенокъ соскучившись слушать: «летѣла,

да сидѣла», проситъ разсказывать сказку далѣе, а разскащикъ говоритъ: «погоди, когда ворона долетитъ до тридесятаго государства, тогда и буду продолжать». Ребенокъ не рѣдко спрашиваетъ при этомъ: «а далеко ли до тридесятаго-то государства?» Разскащикъ отвѣчаетъ: «далеко еще, не скоро ворона долетитъ», и опять продолжаетъ говорить про ворону, какъ она летѣла въ тридесятое государство и отдыхала и твердитъ это, до тѣхъ поръ пока не наскучитъ самому болтать, а ребенку слушать. Эта сказочка очень походитъ на сказочку про лягушку.

5. Разскащикъ спрашиваетъ у ребенка: «Не сказать ли тебѣ сказочку про бѣлаго бычка?» Ребенокъ, если не слыхалъ еще этой сказки, говоритъ:

«Скажи».

Разскащикъ начинаетъ:

«Я скажи, ты скажи. Не сказать ли тебѣ сказочку про бѣлаго бычка?»

Что ребенокъ отвѣтитъ на второй вопросъ разскащика, то разскащикъ и говоритъ опять слушателю, прибавляя къ его словамъ отъ себя только: «я, да ты». Такимъ образомъ сказка про бѣлаго бычка продолжается, до тѣхъ поръ пока не замолчитъ совершенно слушатель.

Дѣти, которымъ уже приводилось слушать сказку про бѣлаго быка, всегда отъ нея отмалчиваются; не слыхавшія же всегда что нибудь отвѣчаютъ и еще болѣе досадуютъ, слыша отъ разскащика одно только передразниваніе.

Есть, впрочемъ, сказочки и дѣйствительно *докучныя*; но эти сказочки совсѣмъ не такого характера, какого напечатаны у Даля и Безсонова и выше у меня. Собственно докучныя сказочки всѣ очень коротенькія,— словъ въ 10, много въ 20, да и конецъ; въ нихъ разскащикъ не желаетъ распространяться: онъ говоритъ ихъ за дѣломъ, а не отъ бездѣлья, говоритъ не для того, чтобы пошутить и посмѣяться надъ своимъ ребенкомъ, а единственно потому, чтобы какъ нибудь удовлетворить его неотступнымъ *докукамъ* (т. е. просьбамъ о сказкѣ ребенка).

Докучныя сказочки или лучше прибауточки говорятся дѣтямъ тогда, когда, лѣтомъ, домашняя скотина пасется еще въ стадѣ. Дѣлается это потому, что у поселянъ Казанской губерніи существуетъ суевѣріе такого рода: «кто будетъ сказывать про звѣрей сказки: медвѣдя, волка, лису и про другихъ еще лѣтомъ, когда скотина гуляетъ по лѣсамъ и лугамъ, у того она будто бы будетъ вся переѣдена волками, или какимъ бы то ни было образомъ переведется».

Докучныхъ сказочекъ въ цѣлой грудѣ разнаго сыраго матеріала у меня оказалось всего три. Вотъ онѣ:

1. Жилъ былъ царь Ватута,
   И вся сказка тута.
2. Жилъ былъ царь Дадонъ
   Замаралъ себѣ ладонь.
3. Жилъ да былъ одинъ мудрецъ, и вздумалъ онъ изъ человѣческихъ костей построить чрезъ Кіянъ-море мостъ. Собиралъ онъ кости не годъ и не два, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, да и пустилъ ихъ, чтобы онѣ были мягки, мокнуть въ воду ровно на сто вѣковъ.... (молчаніе). Слушатель ждетъ, ждетъ и спрашиваетъ: ну, что же дальше не говоришь? а разскащикъ отвѣтитъ: «еще кости не размокли». Тѣмъ казка и кончается.

з) *Сказочныя пѣсенки.*

Особый отдѣлъ дѣтскихъ сказочекъ составляютъ сказочки о лисѣ, медвѣдѣ, волкѣ и другихъ животныхъ, называемыя вообще животнымъ эпосомъ. Дѣтскія сказочки о лисѣ и другихъ животныхъ въ настоящемъ ихъ видѣ представляютъ намъ не болѣе, какъ раздробленные осколки одного древняго эпическаго сказанія. Будучи еще школьникомъ, я записывалъ разныя сказочки о животныхъ, которыя мнѣ приводилось слышать отъ своей матери. Записывая сказочки, я самъ хорошо замѣтилъ между ними тѣсную связь и въ послѣдствіи времени изъ всѣхъ ихъ я составилъ одну цѣльную, связующимъ звеномъ для которой служитъ наша любимая лиса. Предлагаю здѣсь лишь нѣкоторые стишки и пѣсенки:

1. Трень, трень, гусельцы!
   У лисы-то пять дочерей:
   Одна-то у ней чучелка,
   Другая-то корючелка,
   Третья-то чумичелка,
   Четверта мети-шестокъ,
   Пята-то разбей-горшокъ.
   Лисица подай блинокъ!

Эта пѣсенка поется дѣтьми протяжно и умильно отъ лица мужика, который какъ-то по осени, придя съ гуслями въ лѣсъ и увидѣвъ тамъ красную съ пятью дочерьми лису, экспромтомъ эту пѣсенку аккомпанировалъ

нѣсколько разъ подъ свои гусли. Цѣль у мужика была та, чтобы пѣніемъ и игрой умилить и вызвать къ себѣ съ подаяніемъ всѣхъ лисятокъ, а потомъ имъ же каждой въ отдѣльности задать: «кокъ въ лобокъ, да въ коробъ».

2. Хорошъ, хорошъ дворецъ,
Соломенный крылецъ!
У мужика-то семь овецъ,
Восьмой жеребецъ,
Да быкъ, да свинка,
Да гусекъ, да петушочекъ,
Да кошка судомойка,
Да собачка пустолайка,
Старичекъ, да бабушка.
Подайте овечку, а то съѣмъ!

Дѣти эти стихи декламируютъ, перемѣнивъ свой тоненькій дискантъ на толстый басъ, подражая чрезъ то вою волка, который приходилъ къ мужику нѣсколько разъ и получалъ отъ него овечекъ. Дѣти слова произносятъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, стараясь чрезъ это дать понятіе о волкѣ, какъ о звѣрѣ, по ихъ понятію, самомъ страшномъ и свирѣпомъ, однимъ словомъ «букѣ» или «бирюкѣ».

3. Скрыпи, скрыпи нога,
Скрыпи липовая!
Всѣ по селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна баба не спитъ,
На шосточкѣ сидитъ,
Мою ногу варитъ,
Мою шорстку прядетъ.

Эти стихи не то поются, не то декламируются,—они произносятся какъ-то не понятно; но главное толстымъ и страшнымъ голосомъ, выражающимъ дикій ревъ медвѣдя. Декламирующій стихи ребенокъ представляетъ того самаго медвѣдя, у котораго, какъ говоритъ сказка, во время сна мужикъ отрубилъ топоромъ ногу, и который, потомъ, сдѣлавъ себѣ изъ липы клюшку, приходилъ на ней ко двору своего врага и, видя все, что въ домѣ дѣлается, экспромтомъ пѣлъ объ этомъ страшные стихи. Затѣмъ, вмѣсто ноги медвѣдь требовалъ отъ мужика овечекъ.

4. Пѣтушекъ, пѣтушекъ!
Золотой гребешокъ!
Маслина головка!
Выгляни въ окошко!
Дамъ тебѣ кашки
На красну ложку.

Пѣтушку эти стихи говорила та самая лиса, у которой нѣкогда мужикъ убилъ пять дочекъ. Къ пѣтушку она приходила въ то время, когда онъ жилъ въ лѣсу, съ котомъ и бараномъ въ избушкѣ, построенной быкомъ, и оставался домовничать, а котъ и баранъ ходили тогда дрова рубить. Лиса говорила эти стихи съ тѣмъ, чтобы пѣтушка выманить изъ окошка, утащить за синія моря и тамъ съѣсть. Голосъ стишковъ вкрадчивый.

5. Котъ, баранъ!
Котъ, баранъ!
Несетъ меня лиса,
За темные лѣса,
За синія моря,
За высокія горы.
Бѣгите отнимать,
А то съѣстъ!

Такъ кричалъ бѣдный пѣтушекъ, призывая своихъ друзей кота и барана, когда лиса достигла своей цѣли—утащила его и несла уже на съѣденіе. Слова пѣтушка дѣти произносятъ голосомъ полнымъ отчаянія, подобнымъ тому, какъ кричатъ «краулъ» или «судари» люди, требующіе защиты. Первыя слова каждаго стиха тянутся долго, постепенно повышаясь въ тонѣ, а послѣднія съ пониженіемъ тона произносятся гораздо скорѣе.

6. Какъ подъ яблонкой капель,
Подъ кудрявою капель,
Такъ у зайца слезы,
Каплютъ горючія.
Куда зайцу дѣться?
Куда схорониться?

Скорбную и грустную эту пѣсенку, а скорѣе элегію, пѣлъ бѣдный зайчикъ съ горючими слезами въ то время, когда хитрая лисица выгнала его изъ его же собственной липяной избушки въ весеннее время передъ кудрявой яблонкой, и онъ не зналъ, куда схорониться (укрыться). Голосъ пѣсенки жалобный, вызывающій состраданіе къ зайчику и даже слезы.

7. Идетъ кочетъ на ногахъ,
Во сафьянныхъ сапогахъ.
Несетъ саблю на плечѣ,
Хочетъ лису подсѣчи
По самыя по плечи!

Такою угрозой, тотъ самый пѣтушекъ, который пѣ-

когда былъ обманутъ и чуть не съѣденъ хитрой лисой, сжалившись надъ положеніемъ безнадежнаго зайчика и, вспомнивъ свою личную отъ лисы обиду, храбро выгналъ ее изъ липяной избушки. Здѣсь пѣтушекъ называетъ себя кочетомъ и является храбрымъ героемъ, потому что онъ уже выросъ большой и вполнѣ возмужалъ, а тогда, когда предался обману лисы, онъ былъ еще маленькимъ цыпленкомъ. Грозную рѣчь кочета дѣти декламируютъ съ радостію, громко и тономъ самымъ торжественнымъ.

8. Ну, ну бычекъ,
Поѣзжай, не стой!
Хомутъ не свой,
Сани не наши,
Вожжи крадены.

Такъ красная лиса погоняла своего бычка, котораго не совсѣмъ честно она получила за барана, а барана за гуся, гуся за пѣтушка, пѣтушка за ремешекъ, а ремешекъ за лычко. Быкъ былъ запряженъ въ чужой экипажъ и краденую сбрую. Лиса, проѣзжая лѣсомъ, посадила не въ свои сани извѣстныхъ уже намъ медвѣдя, волка и зайца, но отъ тяжести у саней изломалась оглобля и лиса убѣгла за новой оглоблей, а бычка поручила она пассажирамъ. Когда лиса убѣгла въ лѣсъ, сѣдоки распороли быку брюхо, съѣли его потрохъ и убѣжали. Стихи дѣти произносятъ скороговоркой.

9. Котъ Котовичъ,
Иванъ Петровичъ!
Золоты зубки,
Серебряны ноготки,
Приходи ко мнѣ
Бычка ѣсть!

Такое привѣтствіе лиса-красна говорила тому самому коту, съ которымъ, какъ мы видѣли раньше, жилъ баранъ и пѣтушекъ. Лиса приглашала ѣсть того самаго быка, котораго зарѣзали медвѣдь, волкъ и заяцъ. Эти стихи говорятся скоро, съ подобострастіемъ.

10. Я лисынька-Лизынька,
Ты медвѣдь-Мишинька,
А волкъ-сѣрый-бокъ.
Фу, какъ не хорошо
Съѣсть его!

Эти стихи говорила лиса, когда вмѣстѣ съ медвѣдемъ и волкомъ сидѣла въ пустой глубокой ямѣ и умирала съ голоду. Лиса говорила это по такому случаю, чтобы въ глубокой ямѣ не умереть въ самомъ дѣлѣ всѣмъ троимъ съ голоду, звѣри порѣшили до поры до времени питать себя другъ другомъ и уговаривались общимъ голосомъ на первый разъ ѣсть того, у кого окажется дурное отъ людей прозвище. Хуже всѣхъ, какъ видѣли, прозвище оказалось у волка и онъ тотчасъ былъ растерзанъ. Произношеніе стиховъ обыкновенное.

11. Вы глазки рады, что я убѣжала? Рады.
А вы ушки рады, что я убѣжала? Рады.
А вы ножки рады, что я убѣжала? Рады.
А ты хвостъ радъ, что я убѣжала? Нѣтъ не радъ.
Вы глазки что дѣлали? Мы глядѣли.
А вы ушки что дѣлали? Мы слушали.
А вы ножки что дѣлали? Мы бѣжали.
А ты хвостъ что дѣлалъ? Я ноги заплеталъ.
А, такъ ты ноги заплеталъ! Вонъ, вонъ, вонъ!

Такъ сама съ собой разсуждала лисица, сидя въ дуплѣ одного дуба, куда спряталась отъ преслѣдованія двоихъ охотниковъ и собакъ. Отвѣты хвоста лисѣ очень не понравились и за это она его высунула изъ дупла на съѣденіе собакамъ. Дѣтьми всѣ стишки говорятся обыкновенной разговорной рѣчью, но отвѣты хвоста произносятъ какъ-то лѣниво, голосомъ толстымъ и тономъ непріятнымъ.

12. Чу! трубы трубятъ,
Чу! собаки лаютъ,
Чу! охотники ѣдутъ,
Меня убить хотятъ!

Это говорила также лиса, когда она локала изъ кувшина молоко по такому обстоятельству. Въ опрокинутый молочный кувшинъ забрался вѣтеръ и завылъ въ немъ, лисѣ же почудилось, что это трубы трубятъ да собаки лаютъ. Извѣстно, что напуганная ворона куста боится. Послѣ, когда лиса поняла свою ошибку, привязала она кувшинъ къ своему обгрызенному собаками хвосту и потащила его топить, чтобы впередъ онъ ее не пугалъ; приэтомъ когда кувшинъ налился водою и сталъ опускаться ко дну, онъ утопилъ и самое лисицу.

Вотъ вамъ сказка,
А мнѣ денегъ чашку!

Заканчиваетъ разскащикъ.

IV. Дѣтскія пѣсенки или поэзія крестьянскихъ дѣтей.

Кто больше поетъ? Русскій. Что? Все. Когда? Постоянно. Гдѣ? Вездѣ. Пѣвучесть русскаго народа весьма ясно отражается и на его дѣтяхъ, или, вѣрнѣе, пѣвучесть

русскихъ крестьянскихъ дѣтей переходитъ вмѣстѣ съ ними и въ зрѣлый возрастъ; производитъ всѣ народныя веселыя и тоскливыя пѣсни, и образуетъ всѣхъ пѣсенниковъ съ ихъ звонкими, чистыми голосами. Крестьянскія дѣти, какъ только начнутъ свободно владѣть своимъ языкомъ, уже поютъ. Они поютъ все: всѣ были и небылицы; поютъ постоянно: весною и лѣтомъ, по цѣлымъ днямъ съ утра до вечера; поютъ вездѣ, поютъ въ лѣсочкѣ, поютъ у рѣчки, поютъ на улицѣ, поютъ и на печкѣ,—словомъ, гдѣ крестьянское дитя, тамъ и пѣсенка.

Голосъ пѣсенокъ крестьянскихъ дѣтей всегда веселый. Да такъ и должно быть.—О чемъ тужить въ дѣтствѣ? Дѣти ничего не испытали: руки ихъ за тяжелую работу еще не принимались, и сердце отъ гнета житейскихъ треволненій еще не стонало; дѣти не ощутили ни нуждъ, ни бѣдствій, ни вражды, ни любви, ни добра, ни зла; они всегда просты, всему довѣрчивы и жизнію довольны. Повторяю, о чемъ тужить въ дѣтствѣ? Если отъ неизбѣжныхъ въ этомъ возрастѣ со стороны родителей или воспитателей наказаній, то и это ничего не значитъ.—Мы всѣ знаемъ дѣтское миролюбіе и ихъ мягкость сердца; знаемъ, что дѣти никогда сильно не огорчаются ни на отца, ни на мать, имѣя къ нимъ прирожденное всегдашнее довѣріе, и вполнѣ сознавая свою виновность. Какъ же послѣ всего этого дѣтямъ не веселиться, да и когда лучше веселиться, какъ только не въ дѣтствѣ?

Теперь же, когда мы знаемъ, что дѣти чувствуютъ себя всегда хорошо и весело, что всѣ ихъ огорченія и слезы проходятъ, можно сказать, въ одно время съ наказаніемъ, пѣснь, какъ выраженіе чувства, у нихъ не можетъ быть печальной, а потому дышитъ при всѣхъ обстоятельствахъ совершенною беззаботливостію.

Дѣтскія пѣсенки большею частію переходятъ изъ устъ въ уста, изъ мѣстности въ мѣстность, такъ что многія изъ нихъ, которыя можетъ быть, пѣлись еще лѣтъ за сто или болѣе предъ симъ, поются и донынѣ; какія пѣсни пѣли въ своемъ дѣтствѣ дѣды и прадѣды, тѣ же поютъ и внуки и правнуки. Что пѣсенки переходятъ изъ устъ въ уста, изъ мѣстности въ мѣстность, это становится весьма яснымъ при сличеніи однѣхъ и тѣхъ же пѣсенокъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ отъ разныхъ лицъ. Возьмите въ примѣръ хоть дѣтскія пѣсни, собранныя г. Безсоновымъ (Москва, 1868 г.), да пѣсенки, помѣщенныя за 1861, 62, 63 и 64 года въ журналѣ «Учитель», и сличите ихъ съ моими *). Изъ сличенія разныхъ собраній дѣтскихъ пѣсенокъ мы увидимъ, что большинство изъ нихъ до чрезвычайности между собою сходно, сходно не только по содержанію, но даже по буквѣ, не смотря на записываніе ихъ въ мѣстностяхъ, другъ отъ друга весьма отдаленныхъ. Сходство же это намъ указываетъ не на что иное, какъ на одного только извѣстной пѣсенки составителя, отъ котораго затѣмъ она и пошла расходиться по всѣмъ окрестнымъ уголочкамъ, какъ ручеекъ по всѣмъ долинамъ, да и запѣлась наконецъ во всей матушкѣ Россіи. Что же касается до нѣкоторыхъ варіантовъ, которые, само собою разумѣется, есть, то не противорѣчатъ ли они тому моему заключенію, что пѣсенки переходятъ изъ устъ въ уста и во всѣ мѣстности: нѣтъ, нисколько. — Водяной источникъ, когда раздѣляется на два ручейка, бываетъ между ручейками разница или по объему, или по качеству воды: отдѣлившаяся струйка побѣжитъ, положимъ вмѣсто каменистаго русла по илу,—и вотъ она становится уже мутной. Тѣ же самыя превращенія, распространяясь по всѣмъ угламъ великой Россіи (гдѣ, нужно замѣтить, всякій молодецъ любитъ на свой образецъ), естественно должны претерпѣвать и дѣтскія пѣсенки.

Дѣтскія пѣсенки весьма не новы. Это доказывается тѣмъ, что онѣ до послѣднихъ годовъ никѣмъ нигдѣ не печатались и крестьянскимъ дѣтямъ для чтенія и пѣнія по почтѣ не посылались, и однако же единственно чрезъ передачу отъ одного къ другому распространились по всей Россіи. Для распространенія же всѣхъ пѣсенокъ по цѣлой Россіи единственно чрезъ передачу отъ одного къ другому нужно положить времени, по-крайней мѣрѣ, десятокъ лѣтъ, если не гораздо болѣе.

Содержаніе и характеръ дѣтскихъ пѣсенокъ весьма разнообразны. Въ нихъ изображается и человѣкъ, и домашнія животныя, и звѣри, и птицы, и насѣкомыя, и даже духи; однимъ словомъ, крестьянскія дѣти, какъ истинныя дѣти природы, воспѣваютъ всю природу.

Человѣка они описываютъ такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, т. е. съ доброй и худой стороны, но такъ какъ дѣти по преимуществу способны замѣчать за взрослыми недостатки, то вслѣдствіе этого въ ихъ пѣсенкахъ человѣкъ чаще изображается съ черной стороны. Вотъ для примѣра нѣсколько такихъ пѣсенокъ.

*) См. «Казанскія Губернскія Вѣдомости» за 1868 г., №№ 35, 36, 37, 51, 52 и журналъ «Учитель» за 1865 г., № 1.

1.

Жили два брата
Ерема да Ѳома.
Стали братья подрастать,
Стали братьевъ люди знать.
Скоро братья поднялись
И за дѣло принялись.—
Вотъ Ерема купилъ лодку,
А Ѳома-то кобылу;
У Еремы-то не ѣдетъ,
У Ѳомы-то не везетъ.
Тутъ-то имъ братьямъ
Удачи не было,
Стали приниматься
За другія ремесла:
Ѣхалъ по дорогѣ
Обозъ съ рыбою.
Онъ не малъ не великъ
Девяносто пять подводъ.
Вотъ Ерема сѣлъ за кустикъ,
А Ѳома-то за пенекъ;
Вотъ Ерема взялъ за вожжи,
А Ѳома-то за узду.—
Ерему-то дубиной,
А Ѳому-то талиной.
Ерема-то бѣжитъ
Не оглянется,
А Ѳома-то за нимъ лупитъ
Не останется.
Тутъ-то имъ братьямъ
Удача не была,
Стали приниматься
За другія ремесла:
Вотъ Ерема купилъ лодку,
А Ѳома-то ботничекъ;
У Еремы-то худа,
У Ѳомы-то безо дна.
Ерема гребнулъ,
А Ѳома-то утонулъ;
Ерема-то на дно,
А Ѳома-то тамъ давно.
Тутъ-то имъ братьямъ
Удача не была;
Стали приниматься
За другія ремесла.
Они три года ныряли,
Ихъ блинами поминали;
Очутилися ребята
У Макарья на яру,
У того ли же Макарья
Да на ярмаркѣ:
Братъ Ерема бѣжитъ съ рыбой,
А Ѳома-то со икрой.

2.

Какъ-то Крысинъ господинъ
На улицу выходилъ,
Всему міру говорилъ:
Зачѣмъ крысу били,
Зачѣмъ колотили?
Отколь ни взялся тутъ Назаръ,
Повезъ крысу на базаръ;
Становился Назаръ
Во мясныимъ во ряду.
Никто крысу не торгуетъ,
Никто крысу не беретъ,
А татаринъ торговалъ,
Дороги деньги давалъ.
Съ стороны люди глядятъ,—
Всѣ татарина бранятъ:
«Ахъ, татаринъ, татаринъ,
Татарскій духъ!
Ты зачѣмъ купишь бѣду,
Чего нѣтъ хуже въ торгу?»
— Эта мнѣ крыса спонадобится:
Ея заднія-то ноги—
Сына женить,
А переднія-то ноги—
Дочь отдавать.—
А мнѣ голый хвостъ
На великій постъ.

3.

Трень, трень, балалайка!
Не моя жена Паранька,
Моя Пашинька
Расхорошинька.
Она ткать-то горазда,
Она прясть-то мастера:
Что день, то нитка,
Что недѣля, то рученька,
Что годъ, то мотокъ.
Мотовило съ локотокъ.
Вотъ девятая весна

Какъ поставила красна;
Вотъ девятая насѣдка
Цыплятъ высидѣла:
Семьдесятъ молодокъ,
Девяносто пѣтуховъ.
Одинъ изъ нихъ сапожникъ,
А другой-то чеботарь.
Чеботарь мой, чеботарь!
Башмачки мнѣ сработай!
Башмачки козловыя,
Каблучки высокіе.
Какъ у милаго двора
Есть укатана гора.
Укатана, улита,
Чеботами убита.
Ужъ я скокъ на ледокъ....
Окаянный башмачекъ!
Окаянный башмачекъ
Повернулся на бочокъ.
А я млада на боку
Умираю со смѣху.

4.

Ай дуду, ай дуду!
Потерялъ мужикъ дугу
За полѣницей въ углу.
Шарилъ, шарилъ, не нашелъ,
Ко сударушкѣ зашелъ.
Сударушка родила
Сына Максима
Въ четыре аршина.
Кума Палагея!
Отрѣжь подотенца,
Покрыть маладенца!
Маладенецъ сухой,
Пересыпанъ мукой,
Будетъ годъ на другой.

5.

Какъ на улицѣ шумятъ,
Сарафанъ бабы дѣлятъ:
Кому клинъ, кому станъ,
Кому весь сарафанъ.
Доставался сарафанъ
Толстопятымъ попадьямъ,
А діаконицамъ—
Одни ластовицы;
Прибѣжали тутъ дьячишки,
Имъ достались только мышки.

Домашнихъ животныхъ, начиная съ лошади и кончая курицей, а также и насѣкомыхъ отъ таракана до гниды включительно, крестьянскія дѣти всѣхъ олицетворяютъ,—они имъ приписываютъ свойства и дѣйствія человѣческія. Животныя и насѣкомыя у дѣтей всѣ трудятся, хозяйствуютъ, веселятся, терпятъ бѣдствія, женятся и умираютъ, точно такъ же какъ люди. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ дѣтскихъ пѣсенокъ.

1.

Три та-та, три та-та,
Вышла кошка за кота
За пузатенькаго,
За русатенькаго.
Три дня кошка прожила,
На четвертый умерла.
Стали кошку хоронить—
Въ колокольчики звонить.

2.

Донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся козій домъ.
Коза выскочила,
Глаза вытращила,
Сундукъ вытащила,
Дѣтей выпустила.
Побѣжала къ кабаку,
Нанюхалась табаку;
Побѣжала къ дубу,
Прищемила губу;
Побѣжала къ вязу,
Отбѣжала безъ глазу;
Побѣжала къ липѣ,
Били ее лыкомъ;
Побѣжала къ ели,
Волки ее съѣли.

3.

Тараканъ дрова рубилъ,
Себѣ голову срубилъ;
Комаръ воду возилъ,
Въ грязи ноги завязилъ;
Его мухи выдирали,
Животъ-сердце надрывали;
Мушка банюшку топила,
Блоха щелокъ щелочила;
Вошка парилась,

Да запарилась.
Тутъ двѣ гниды подскочили,
Подъ рученьки подхватили,
Въ передбанникъ потащили,
На соломку положили,
Ребро выломили.

4.

У нашего дворянина
Разыгралася скотина:
И коровы и быки
Разинули кадыки,
Утки въ дудки,
Тараканы въ барабаны;
Коза въ синемъ сарафанѣ,
Во льняныхъ штанахъ,
Въ шерстяныхъ чулкахъ
Вотъ и пляшетъ,
Ногой машетъ,
Вотъ и дѣлать трепака,—
Не жалей четвертака!
Журавли пошли плясать,
Долги ноги выставлять.
Бухъ, бухъ, бухъ.

5.

Вотъ пошла наша чечетка,
Вотъ пошла наша лебедка
На боярскій дворъ. 2.
Вотъ поймали чечетку,
Вотъ поймали лебедку
На боярскомъ дворѣ. 2.
Вотъ посадили чечетку
Вотъ посадили лебедку
На боярскомъ дворѣ. 2.
Нажила себѣ чечетка,
Нажила себѣ лебедка
Ровно семь дочерей: 2.
Одну Марью,
Другу Дарью,
Орину да Марину,
Оксинью да Онисью,
Любимую дочку Улитушку.
Вотъ и стала чечетка,
Вотъ и стала лебедка
Дочерей снаряжать: 2.
Марьѣ сарафанъ,
Дарьѣ сарафанъ,
Оринѣ сарафанъ,
Маринѣ сарафанъ,
Оксиньѣ сарафанъ,
Онисьѣ сарафанъ,
Любимой дочкѣ Улитушкѣ
Китаешный.
Вотъ и стала чечетка,
Вотъ и стала лебедка
Дочерей выдавать: 2.
Марью за Мишеньку,
Дарью за Гришеньку,
Орину за Макара,
Марину за Захара,
Оксинью за Дементья,
Онисью за Клементья:
Любимую дочку Улитушку
За Микитушку.
Вотъ и стала чечетка,
Вотъ и стала лебедка
Зятьевъ угощать: 2.
Мишинькѣ блинъ,
Гришинькѣ блинъ,
Макару блинъ,
Захару блинъ,
Дементью блинъ,
Клементью блинъ,
Любимому зятю Микитушкѣ
Полпята блина.
Вотъ и стала чечетка,
Вотъ и стала лебедка
Зятьевъ провожать: 2.
Мишеньку за ворота,
Гришеньку за ворота,
Макара за ворота,
Захара за ворота,
Дементья за ворота,
Клементья за ворота,
Любимаго зятя Микитушку
До рубежа.
Нажила себѣ чечетка,
Нажила себѣ лебедка
Семь паръ внучетовъ: 2.
Два Степана,
Два Ивана,
Два сидня,

Два лежня,
Два поползня,
Два у лавочки сидятъ,
Два учиться хотятъ.
Что на судницѣ сметана
У сметаны два Степана
Два Степанушки.

6.

Журавль-долги ноги
На мельницу ѣздилъ,
Диковину видѣлъ.
—Какую диковину?
«Козелъ муку мелетъ,
Коза засыпаетъ,
Козлятушки ребятушки
Кули набиваютъ,
Домой отсылаютъ».

Другой видъ дѣтскихъ пѣсенокъ о животныхъ содержитъ въ себѣ прямое ихъ описаніе, описаніе ихъ наклонностей, наружности, крика и проч. Здѣсь каждое животное играетъ свою роль,—въ козѣ напр. мы дѣйствительно видимъ козу, въ пѣтушкѣ—пѣтушка и т. д. Примѣры на описательное содержаніе пѣсенокъ о животныхъ можно видѣть изъ слѣдующихъ пѣсенокъ.

1.

Жилъ я у пана
По первое лѣто,
Выжилъ я у пана
Курочку за это:
Моя курочка хохлушечка
По двору ходитъ, цыпляточекъ водитъ,
Хохолъ надуваетъ, пана потѣшаетъ,
Кричитъ: кудакъ, кудакъ!

За второе лѣто онъ выслужилъ у пана пѣтушка, за третье—уточку, за четвертое—индюшечку, за пятое—гусыньку, за шестое—барашка, за седьмое—быченьку. Послѣ каждаго лѣта стадо увеличивается, увеличивается и припѣвъ въ томъ же порядкѣ, какъ можно видѣть изъ дальнѣйшаго теченія пѣсни, приводимаго уже вполнѣ:

Мой быкъ годовикъ,
Мой баранъ по горамъ,
Мои гуси га-га-га,
Моя индѣйка футоръ муторъ,
Моя утка водомутка,
Мой пѣтухъ весь распухъ,
Моя курочка хохлушечка
По двору ходитъ, цыпляточекъ водитъ,
Хохолъ надуваетъ, пана потѣшаетъ,
Кричитъ: кудакъ, кудакъ!
Жилъ я у пана
По восьмое лѣто,
Выжилъ я у пана
Собачку за это:
Мой песъ хамъ, хамъ,
Мой быкъ годовикъ,
Мой баранъ по горамъ,
Мои гуси га-га, га,
Моя индѣйка футоръ, муторъ,
Моя утка водомутка,
Мой пѣтухъ весь распухъ,
Моя курочка хохлушечка,
По двору ходитъ цыпляточекъ водитъ,
Хохолъ надуваетъ, пана потѣшаетъ,
Кричитъ: кудакъ, кудакъ!
Жилъ я у пана
По девятое лѣто,
Выжилъ я у пана
Саночки за это:
Мои санки самокатки,
Мой песъ хамъ, хамъ,
Мой быкъ годовикъ,
Мой баранъ по горамъ,
Мои гуси га-га, га,
Моя индѣйка футоръ, муторъ,
Моя утка водомутка,
Мой пѣтухъ весь распухъ,
Моя курочка хохлушечка,
По двору ходитъ, цыпляточекъ водитъ,
Хохолъ надуваетъ, пана потѣшаетъ,
Кричитъ: кудакъ, кудакъ!
Жилъ я у пана
По десятое лѣто,
Выжилъ я у пана
Лошадку за это:
Мой конь стукъ, брякъ,
Мои санки самокатки,
Мой песъ хамъ, хамъ,
Мой быкъ годовикъ,
Мой баранъ по горамъ,
Мои гуси га-га, га,

Моя индѣйка футоръ, муторъ,
Моя утка водомутка,
Мой пѣтухъ весь распухъ,
Моя курочка хохлушечка,
По двору ходитъ, цыпляточекъ водитъ,
Хохолъ надуваетъ, пана потѣшаетъ,
Кричитъ: кудакъ, кудакъ!
Жилъ я у пана
По одиннацато лѣто,
Выжилъ я у пана
Дѣвицу за это:
Моя дѣвица раскрасавица,
Мой конь, стукъ брякъ,
Мои санки самокатки,
Мой песъ хамъ, хамъ,
Мой быкъ годовикъ,
Мой баранъ по горамъ,
Мои гуси га-га, га,
Моя индѣйка футоръ, муторъ,
Моя утка водомутка,
Мой пѣтухъ весь распухъ,
Моя курочка хохлушечка,
По двору ходитъ, цыпляточекъ водитъ,
Хохолъ надуваетъ, пана потѣшаетъ,
Кричитъ: кудакъ, кудакъ!

2.

Изъ города изъ Кіева
Купцы ѣдутъ торговые,
Воза везутъ тяжелые,
Во тѣхъ возахъ козуличка:
Козуличка скачетъ,
Козуличка пляшетъ;
А мой козелъ
Не пьянъ, не весёлъ,
Шатается,
Валяется,
По крутымъ горамъ,
По желтымъ пескамъ,
По сыпучимъ.

Въ ряду дѣтскихъ пѣсенокъ довольно находится еще и такихъ, которыя, какъ видно, сочинены дѣтьми просто для шутки или курьезу; это, иначе сказать, небылицы. Въ нихъ мы видимъ на сценѣ и человѣка, и животныхъ, а равно и насѣкомыхъ. Насѣкомымъ здѣсь придаются такія силы и значеніе, какихъ они никогда неимѣли и не имѣютъ, разумѣется, и имѣть не могутъ; такъ напр. комаръ своимъ паденіемъ съ дуба производитъ великій шумъ и отдавливаетъ человѣку ногу, онъ же въ другой пѣсенкѣ является сильнѣе коня. Насѣкомыя: кобылка, коровка и козявки также приравниваются къ лошади; на нихъ люди ѣздятъ кататься, а мушка своею смертію надоѣдаетъ цѣлому міру. Изъ домашнихъ животныхъ лошадь также является въ преувеличенномъ видѣ,—съ необыкновенною способностію, такъ здѣсь напр. она доитъ по семи ведеръ; а корова является напротивъ въ миніатюрѣ: она ростомъ съ кошку, а молока даетъ только съ ложку. Наконецъ отъ дѣтской насмѣшки не ушелъ и самъ человѣкъ. Это отчасти мы уже видѣли выше, но здѣсь въ помѣщаемыхъ ниже примѣрахъ увидимъ еще яснѣе. Тутъ мы увидимъ, что человѣкъ (баба) ѣдетъ на баранѣ по горамъ, а на горѣ тонетъ въ проруби. Здѣсь три барышни завидуютъ нищенскимъ сухарямъ, подбираютъ ихъ и ѣдятъ.

1.

Великій шумъ учинился:
Комаръ съ дубу свалился
Приступить-то не могу:
Комаръ упалъ на ногу;
Всю ноженьку отдавилъ
Всѣ суставы повредилъ.
Подавайте топора,
Топора ли косаря,
Рубить, казнить комара.

2.

Жилъ я у Душки
Въ сосновой избушкѣ,
Спалъ на подушкѣ,
На перинушкѣ.
Впрегъ коня,
Конь-ятъ не везетъ;
Впрегъ комара,
Комаръ-атъ помчалъ
На гумно замчалъ.

3.

Гори, гори ясно,
Чтобы не угасло.
Въ городѣ угасло,
У насъ не угасло.
Вскочи коза на печь,
Роди коза сына,
Дадимъ ему имя

Царя Константина.
Мужъ на кобылкѣ,
Жена на коровкѣ,
Маленьки ребятки
На маленькихъ козляткахъ
Поѣхали кататься.

4.

Ай дуду, ай дуду!
Сидитъ воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу,
Труба мѣдная
Златомѣдная.
Куда трубынька помянетъ,
Туда армія повалитъ —
Ко цареву кабаку.
У царева кабака
Была яма глубока;
Напоили козу пьяну
Повалили въ большу яму.
Тутъ и мушки раздрались.
Одна мушка околѣла,
Всему міру надоѣла.
Шатыръ, матыръ,
Губернаторъ!
Шапка плисовая,
Хомуты наборны,
Лошади проворны.
А шапочка кругла
На четыре угла:
Сюда уголъ, туда уголъ,
По середкѣ кисть
По затылку хвысть.

5.

Птруни, птруни,
У Петруни
Была сивая кобыла,
По семи ведръ доила;
А Петруня испугался,
Самъ не зналъ, куда дѣваться:
Полетѣли брызги
Къ Семенихѣ въ избу.

6.

Татары, гусары
По мосту скакали,
Денежки теряли,
А мы подбирали.
Въ коробочку клали,
Замкомъ, запирали.
Всѣ взяли по палкѣ.
Стукнули въ доску,
Поѣхали въ Москву,
Купили корову.
Корова-то съ кошку,
Надоила съ ложку.

7.

Сѣла баба на барана,
Поѣхала по горамъ,
Утонула въ проруби.
Скачетъ мужикъ безъ души,
Тянетъ бабу за уши:
Постой, баба, не тони,
Подай мои пироги
Съ лучкомъ, съ мачкомъ,
Съ перчикомъ,
Съ коноплянымъ сѣмячкомъ.

8.

Какъ подъ мельницей,
Подъ вертельницей,
Трое нищіе дерутся
Только сумочки трясутся,
А сухарики летятъ;
Три барышни подбираютъ,
Да ѣдятъ.

9.

На улицѣ три курицы
Съ пѣтухомъ дерутся,
Въ окошечко три барышни
Смотрятъ да смѣются:
И-хи-хи, и ха-ха;
И намъ надо пѣтуха.

Теперь я хочу сказать нѣсколько словъ о дѣтской пытливости и любознательности. Любознательность дѣтей на сколько велика и изумительна, на столько же и естественна,—она требуется закономъ природы. Извѣстно, что ребенокъ выходитъ изъ чрева матери глупѣе всякаго ягненка или кого хотите, но въ немъ, въ его мозгу, въ его сердцѣ, какъ горящая искорка, готовая произвести ужасное пламя, глубоко лежитъ зародышъ на все, на всѣ его способности и таланты, на всѣ его житейскія и геніальныя знанія. Только этому зародышу, этой горящей искрѣ нужно развитіе, нуженъ матеріалъ, нужно облеченіе нѣкоторыми свѣдѣніями въ самомъ его началѣ или, такъ сказать, въ фундаментѣ.

Вотъ для этого-то дитя, почти какъ только родится,

начинаетъ уже за всѣмъ слѣдить и наблюдать, а когда мало-мальски выучится лепетать, оно уже постоянно спрашиваетъ: «это что, это что, а это, а это?» Возьмите вы двухъ,—трехлѣтняго ребенка на руки и займите его чѣмъ угодно, онъ всѣмъ будетъ интересоваться и все будетъ слушать, но въ концѣ, не зная по какому побужденію: по сознанію ли, что онъ не мѣшокъ, могущій принимать все, что въ него кладутъ безъ всякаго съ своей стороны участія, или просто безотчетно, инстинктивно, онъ непремѣнно будетъ самъ наводить васъ на извѣстную тему, и самъ задавать вамъ вопросы, нужные для его разрѣшенія. Онъ беретъ васъ за носъ и спрашиваетъ: это что? беретъ за уши—это что? указываетъ на глаза—это что? На галстукъ—а это? На запонки—а это? на часы, цѣпочку, ключикъ—а это, а это, а это? И на все вы должны дать ему отвѣтъ, иначе онъ ни въ какомъ случаѣ отъ васъ не отвяжется—значитъ неудовлетворится его дѣтское любопытство, его жажда къ знанію. Находясь въ такомъ вопросительномъ положеніи еще въ младенчествѣ, дѣти не только не оставляютъ его, когда начинаютъ подростать, но еще болѣе затрогиваются, еще болѣе возбуждаются. Тогда они, переходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, допытываются уже не только названія предмета,—тогда имъ скажите: какой у него признакъ, что онъ дѣлаетъ, его обстоятельства: гдѣ, когда, какъ, отъ чего, зачѣмъ; тогда укажите ребенку причину, слѣдствіе, назначеніе, законъ и проч.

Разбирая дѣтскія пѣсенки, я коснулся ихъ любознательности на томъ основаніи, что любознательность и пѣсенки имѣютъ между собою самую тѣсную связь: онѣ связаны какъ душа и тѣло. Пѣсенки, суть проявленіе, суть видимое и самое вѣрное доказательство дѣтскаго пытливаго духа. Въ пѣсенкахъ дѣти обращаются за разрѣшеніемъ своихъ вопросовъ не только къ человѣку, какъ самому разумному существу, но даже и къ животнымъ. Ребенокъ поетъ пѣсенку; но въ то же время онъ ищетъ разрѣшенія на свое недоумѣніе—онъ учится. Изъ приведенныхъ ниже немногихъ примѣровъ мы отчасти увидимъ, чѣмъ дѣти интересуются, что они желаютъ знать. Тутъ мы увидимъ, что они желаютъ знать о царѣ—что онъ дѣлаетъ, желаютъ знать о разныхъ чудахъ и проч.

Задавшись въ пѣсенкѣ вопросомъ къ лицу отсутствующему, къ безсловесному животному и иногда даже къ бездушному предмету, дѣти, само собою разумѣется, не получаютъ на него должнаго отвѣта и потому, не желая оставаться въ недоумѣніи, сами же на него и отвѣчаютъ.

1.

Туру, туру пастушекъ,
Калиновый подожекъ!
Что царь дѣлаетъ?
— Туру ногу пишетъ
На серебрѣ-стулѣ,
На золотѣ-блюдѣ.
Стулъ подломился,
Царь покатился,
Жена его Марья
По сѣнямъ ходила,
Сына уродила.
Какъ ему имя?
— Царя Константина.

2.

Бабушка Ульяна,
Гдѣ была—гуляла?
Како чудо видѣла?
Курочку—рябушку
Съ петушкомъ на дрожкахъ.

3.

Пошелъ мужикъ по воду,
Нашелъ чашку солоду.
Сварилъ онъ кулажку,
Позвалъ пить Дуняшку.
Дуняшка, Дуняшка!
Сладка-ли кулажка?
— Сладка медовая
Въ роту не бывала.
Поставили подъ лавку,
Тараканы налокали,
Сверчки головы макали.
Поставили на чело,
Не оставили ничего.

4.

Пичуга, пичуга!
Куда ты летала?
— На красну поляну.
Кого ты видала?
— Поповскую дочку.
Поповская дочка
Сидитъ на лоточкѣ,
Плететъ городочки
Барину сонному,
Попу-то толстому.
Попъ-атъ съ каченки
Вытращилъ глазенки;

Попадья то-съ печи
Изломала плечи;
Пѣтухъ со полицы
Сронилъ солоницы;
Баранъ съ повѣти
Съ крутыми рогами,
Съ мягкими пирогами.
Тараканы въ барабаны
Ударили въ доску
Поѣхали въ Москву,
Сухари толчи,
Пироги печи.

Кромѣ пѣсенокъ, въ которыхъ дѣти ищутъ себѣ разрѣшенія вопросовъ, у нихъ есть пѣсенки, въ которыхъ они чувствуютъ себя уже людьми понимающими, много знающими и дѣлаютъ въ нихъ наставленія другимъ. Но такихъ пѣсенъ сравнительно съ предыдущими, какъ и должно быть, гораздо менѣе. Примѣромъ на то можетъ служить слѣдующая пѣсенка.

Ерема, Ерема!
Сиди-тка ты дома
Точи веретена!
Твоя жена пряха
Тоненько напряла,
Въ коробочку склала,
Бабушка украла,
Кота поклепала.
Котъ побожился:
Къ киселю приложился,—
Право, бабушка, не я,
Балалаичка моя.

Заливаясь звонкой и веселой пѣсенкой, крестьянскія дѣти почти постоянно или притопываютъ, или прищелкиваютъ и присвистываютъ. Кромѣ того во время пѣнія они съ большимъ удовольствіемъ всегда выполняютъ тактъ пѣсни какимъ нибудь стукомъ и брякомъ. Такъ, желая изобразить бой барабана, они берутъ двѣ палочки и съ пѣснею: «ботъ, ботъ, барабанъ», колотятъ ими въ какой нибудь кузовъ или чаще въ негодное для хозяйства желѣзное ведро. Всѣ пѣсенки, начинающіяся словами: «ай дуду, ай дуду», дѣти аккомпанируютъ игрою на какой нибудь калиновой, липовой, глиняной или камышевой, большей частію самодѣльной, дудкѣ и свирѣли. Пѣсенки, начинающіяся словами: «трень, трень балалайка», крестьянскія дѣти подыгрываютъ или на дѣйствительной—настоящей балалайкѣ, или же на какомъ нибудь самодѣльномъ ея подобіи, часто просто на небольшой лопаткѣ съ натянутыми на нее вмѣсто струнъ конскими волосами. Пѣсенки, начинающіяся со словъ: «бубенъ, бубенъ», дѣти поютъ, сопровождая тактъ брякомъ лошадинаго бубна, или же своей игрушки-бубенчика, сдѣланнаго изъ бѣлой жести, часто изъ дерева и наполненнаго либо дробью, либо камешками. Наконецъ, тѣ пѣсни, которыя начинаются словами: «донъ, донъ» и «тень, тень», дѣти подбрякиваютъ на колокольчикѣ, или же, когда его не случается, на какой нибудь подковѣ, желѣзномъ обручѣ, стеклянной бутылкѣ и проч. Для примѣра, сопровождаемыхъ подобною музыкою дѣтскихъ пѣсенокъ, я приведу здѣсь только шесть. Вотъ онѣ:

1.

Ботъ, ботъ барабанъ.
Коза въ синемъ сарафанѣ,
Изъ подъ печки коза
Растопырила глаза.
Ермачиха весела,
Наварила киселя;
А Ермакъ сердитъ,
Съ киселя кряхтитъ.
Гуси лебеди летѣли,
Ермака убить хотѣли;
А Ермакъ-итъ не дуракъ—
Въ перкувыртышки въ оврагъ.
Ермачиха на боку
Куритъ трубку табаку.

2.

Ай дуду, ай дуду!
Сидитъ баба на дубу,
Воигрыетъ во трубу
Во берещиною:
Что ты дѣдушка Тарасъ,
Не доѣхалъ ты до насъ?
У насъ сестра
Во бору росла,
Она кисточки плела,
Свово мужа продала:
За зайца бѣгуна,
За медвѣдя плясуна.

3.

Трень, трень балалайка!
Не моя жена Паранька,
Моя Пашенька
Толстомясенька.

Въ печку лазила
Пятки мазала.
Шелъ мужикъ мостомъ
Съ великана ростомъ,
Нашелъ палку.
Убилъ галку.
Эта галка не здорова
Панькѣ брюхо распорола.
Панькина мама
Въ козны играла,
Плиту потеряла,
Завтра сыскала.

4.

Бубенъ, бубенъ!
У нашего князя
Трои вороты
Шелкомъ обвиты.
Гвоздями убиты.
Коза рогомъ не проломитъ,
Коза рога изломаетъ.

5.

Тень, тень бубетень!
Выше города плетень
На полицѣ, во трубицѣ—
Въ три гороховицы.
Ударили въ доску
Поѣхали въ Москву:
Ребенка кстить,
Поросенка молить.
На печи-то калачи,
На приступкѣ калачъ—
Тотъ и больно горячъ:
Пришелъ мальчикъ,
Ожегъ пальчикъ.

6.

Донъ, донъ, донъ!
У колоды угодонъ,
Самъ, самъ судья,
Пономарь ладья,
Катерина кошка
Щеголева ножка,
Я самъ щеголекъ—
Шелковъ поясокъ.

Кромѣ музыки инструментальной, которою дѣти сопровождаютъ свое пѣніе, они въ количествѣ трехъ, пяти человѣкъ составляютъ иногда еще такой замысловатый концертъ. Возьмутъ, раздѣлятъ пѣсенку на извѣстныя части и назначатъ каждому пѣть только одну какую нибудь часть въ два или три слова. Такъ прибаутку:

Въ Казани на базарѣ
Сани дровни дешевы,
Дешевы, дешевы.

Дѣти поютъ такимъ образомъ: одинъ мальчикъ первый стихъ «въ Казани на базарѣ» басомъ, другой второй стихъ: «сани дровни дешевы» теноромъ, третій—третій стихъ: «дешевы, дешевы» тонкимъ голосомъ и каждый троститъ свои слова до тѣхъ поръ, пока не устанетъ. Всѣ стихи поются въ одно время, а не поочередно. Такъ же дѣти поютъ слѣдующую пѣсенку:

Самъ дуду, самъ дуду!
Самъ игуменъ идетъ.
Свою братью ведетъ
Черезъ тынъ-монастырь.
Блины мазанные!

Въ ряду дѣтскихъ пѣсенокъ, воспѣвающихъ предметы видимой природы и человѣка, въ моемъ собраніи оказались двѣ пѣсенки, которыя относятся къ злымъ духамъ. Небезъинтересно познакомиться съ ними: въ нихъ мы увидимъ, какъ крестьянское дитя представляетъ себѣ дьявола и вѣдьму. Вотъ эти пѣсенки:

1.

Ай дуду, ай дуду!
Сидитъ чертъ на дубу,
Онъ орѣшки грызетъ,
Вѣдьму въ гости зоветъ.
Вѣдьма пестомъ мотнула,
Черта съ дуба столкнула.
Чертъ, сидя на помелѣ,
Поскакалъ по водѣ.
Онъ нагналъ вѣдьму
На калиновомъ мосту.
Вѣдьма стала молить,
Стала черту говорить:
Ты не бей меня кнутомъ.

2.

Овечушка ялова
По бережку плавала,
Увидала дьявола.
Дьяволъ-то не кошка—
Золотые рожки.
Сидитъ дьяволъ на дубу
Гнетъ таловую дугу.

Дѣвки-татарки!
Возьмите по палкѣ
Выдьте на улицу,
Сядьте на курицу,
Поѣзжайте въ кузницу!
Кузнецъ куетъ косу
Прикладывать къ носу;
Кузнечиха на мѣху
Захворала со смѣху.

Пѣсенки крестьянскихъ дѣтей, какъ вообще пѣсенки тоже русскія, имѣютъ всѣ принадлежности, свойства и особенности русскихъ пѣсенъ взрослаго народа, какъ-то: 1) любовь къ уподобленіямъ, выражающую нерѣдко отрицательнымъ образомъ, 2) любовь къ уменьшительнымъ и увеличительнымъ словамъ и 3) сильную любовь къ природѣ.

Народный поэтъ, говоритъ г. Филоновъ, рѣдко высказываетъ вдругъ главную свою мысль: онъ стороной подходитъ къ предмету, о которомъ хочетъ сказать. Издали начинаетъ дѣло, а потомъ уже выражаетъ занимающую его думу (Христ., ч. 2, стр. 9). Такъ и поэты-дѣти не поютъ прямо, напр. «моя жена Пашенька», а сначала скажутъ: «трень, трень балалайка! не моя жена Паранька», да потомъ уже и выскажутъ главную мысль: «моя Пашенька»; или не поютъ прямо: «во саду Ваня гулялъ на своемъ добромъ конѣ», а прибавляютъ сначала отрицательную мысль: «не пѣшкомъ Ваня гулялъ» и далѣе уже то, что нужно было сказать, на чѣмъ онъ гулялъ; или вотъ еще для примѣра цѣлая пѣсенка:

Гдѣ деревня косогоръ,
А земля то черноземъ,
Посѣялъ я рѣпку
На часту, а рѣдку.
Ее дѣти мои ѣли,
Да въ окошечко глядѣли.
Во эту во рѣпку
Не часту, а рѣдку.
Повадились воры,
Воры не чужіе.
Животомъ не тоща
Родимая теща,
Съ большимъ кузовищемъ,
Съ тупымъ косарищемъ.

Другая особенность русскихъ народныхъ пѣсенъ— любовь къ уменьшительнымъ и увеличительнымъ словамъ, также имѣетъ свой корень еще въ дѣтскомъ возрастѣ, въ дѣтскомъ лепетѣ. Языкъ дѣтскихъ пѣсенокъ есть преимущественно—языкъ уменьшительный и частью увеличительный. Дитя рѣдко называетъ предметъ ровнымъ именемъ: оно болѣе любитъ, если предметъ ему нравится, называть уменьшительно, ласкательно, а если не нравится, увиличительно, унизительно.

Такъ наприм, въ дѣтскихъ пѣсенкахъ мы видимъ слова: пастушекъ, подожекъ, яблочко и проч., увеличительныя баба-бабища, лапти-лаптищи, пещеръ-пещерищи, пирогъ-пирожище и проч. Уменьшительныя слова можно видѣть въ каждой пѣсенкѣ, вотъ напримѣръ въ этой:

Дѣвица, дѣвица
Сходи по водицу.
Я волка боюсь,
Я лисицы боюсь,
Я медвѣдя боюсь.
Волкъ на работѣ,
Лиса на болотѣ
Платьице мыла,
Валекъ опустила.
Сама-то смѣется,
Хохолокъ трясется.

Заговоривъ о языкѣ дѣтскихъ пѣсенокъ, здѣсь кстати сказать и о томъ, что въ немъ встрѣчаются по мѣстамъ слова и выраженія, которыя едва ли кому нибудь понятны, даже филологамъ. Они не понятны также самимъ дѣтямъ. Здѣсь можно указать на курсивныя слова слѣдующихъ пѣсенокъ, но которыя, очевидно, татарскаго корня.

1.

Первенчики-другеньчики,
Тринцы волынцы,
Пятанъ Ладонъ,
Чахманъ-бахманъ.
Ервинъ-тогъ.

2.

Аладай, аладай;
Чистай чиганай;
Кокурышки пурушки;
Кокоришки, ямошки.

3.

Ачахамъ,
Мазигурія,
Зюкъ-казюкъ
Атиклямсики,

4.

Кысъ,
Колыганъ,
Сіяласынъ,
Закія барасынъ.

Къ языку дѣтскихъ пѣсенокъ относится еще то, что нѣкоторыя пѣсенки, не заключая въ себѣ по мѣстамъ или въ цѣломъ своемъ составѣ ровно никакой мысли, имѣютъ взамѣнъ того очень богатую риѳму. Въ нихъ мы находимъ риѳмы даже, какъ въ пѣсенкѣ «первинчики», на счетъ и на алфавитъ. Вотъ двѣ такія пѣсенки:

1.

Первой, другой
Подъ дугой;
Три, четыре
Перескочили;
Пять, шесть
Бьютъ шерсть,
Семь, восемь,
Сѣно возимъ;
Девять, десять
Деньги вѣсить;
Одиннадцать, двѣнадцать
На улицѣ бранятся.

2.

Азъ, буки: бабашки;
Вѣди: таракашки;
Глаголь: кочережки,
Побѣгъ по дорожкѣ;
Еръ, еры: упалъ съ горы;
Ерь, ять: не кому поднять;
Ерь, юсъ: самъ подымусь;
Буки бабаки,
Съѣли собаки,
Ѵжица: къ концу ближится;
Точка: попова дочка.

Къ языку дѣтскихъ пѣсенъ можно отнести еще и то, что нѣкоторыя пѣсенки намѣренно изворачиваютъ настоящій смыслъ словъ, такъ напр. дѣйствующій предметъ при страдательномъ залогѣ дѣти поставляютъ, какъ орудіе, въ творительномъ падежѣ, а орудіе наоборотъ ставятъ вмѣсто подлежащаго въ именительномъ падежѣ: лыко мужикомъ подпоясано. При залогѣ дѣйствительномъ предметъ, который по настоящему смыслу слѣдовало бы постановить въ винительномъ, они ставятъ въ именительномъ, какъ подлежащее, а подлежащее предметъ дѣйствующій наоборотъ въ винительномъ: квашня бабу мѣситъ.

Лыко мужикомъ подпоясано,
Ѣхала деревня середь мужика,
Глядь, изъ подъ собаки лаютъ ворота;
Ворота-то пестры, собака-то нова.
Мужикъ схватилъ собаку
И давай бить палку.
Собака-то амбаръ-отъ поджала
Да подъ хвостъ и убѣжала.
Изба пришла въ мужика,
Тамъ квашня бабу мѣситъ.

Здѣсь кстати замѣтить и то, что нѣкоторыя дѣтскія пѣсенки о животныхъ, послѣ каждаго куплета, увеличиваютъ свой припѣвъ, прибавляя къ нему какую нибудь характеристическую черту вновь упомянутаго въ куплетѣ животнаго. Такая форма изложенія мысли составляетъ исключительную принадлежность только дѣтскихъ пѣсенъ, въ пѣсняхъ же взрослыхъ такой игривости вы никогда не увидите.

Поѣдемъ-ка мы женушка,
Торги торговать;
Купимъ-ка мы, женушка,
Себѣ пѣтушка:
Пѣтушекъ по сѣничкамъ
Чекъ щеголекъ!
Поѣдемъ-ка мы женушка,
Торги торговать;
Купимъ-ка мы женушка
Курочку себѣ:
Курочка черна, пестра;
Пѣтушекъ по сѣничкамъ
Чекъ щеголекъ!
Поѣдемъ-ка мы женушка
Торги торговать;
Купимъ-ка мы женушка,
Утушку себѣ:
Утушка съ носка плоска,
Курочка черна, пестра,
Пѣтушекъ по сѣничкамъ
Чекъ щеголекъ!
Поѣдемъ-ка мы женушка
Торги торговать;
Купимъ-ка мы женушка,
Пырочку себѣ:

Пырочка шулды булды,
Уточка съ носка плоска,
Курочка черна, пестра,
Пѣтушекъ по сѣничкамъ
Чекъ щеголекъ!
Поѣдемъ-ка мы женушка
Торги торговать;
Купимъ-ка мы женушка
Гусыню себѣ:
Гусыня го-го,-го-го,
Пырочка шулды, булды,
Уточка съ носка плоска,
Курочка черна, пестра,
Пѣтушекъ по сѣничкамъ
Чекъ щеголекъ!
Поѣдемъ-ка мы женушка
Торги торговать,
Купимъ-ка мы женушка
Свинушку себѣ:
Свинушка чухи, рюхи,
Гусыня го-го,-го-го,
Пырочка шулды, булды,
Утушка съ носка плоска,
Курочка черна, пестра,
Пѣтушекъ по сѣничкамъ
Чекъ щеголекъ!
Поѣдемъ-ка мы женушка
Торги торговать,
Купимъ-ка мы женушка
Барашка себѣ:
Барашекъ шадры, бадры,
Свинушка чухи, рюхи,
Гусыня го-го,-го-го,
Пырочка шулды, булды,
Утушка съ носка плоска,
Курочка черна, пестра,
Пѣтушекъ по сѣничкамъ,
Чекъ щеголекъ!
Поѣдемъ-ка мы женушка
Торги торговать,
Купимъ-ка мы женушка
Коровку себѣ:
Коровка умы, умы,
Барашекъ шадры, бадры,
Свинушка чухи, рюхи,
Гусыня го-го,-го-го,
Пырочка шулды, булды,
Утушка съ носка плоска,
Курочка черна, пестра,
Пѣтушекъ по сѣничкамъ
Чекъ щеголекъ!
Поѣдемъ-ка мы женушка
Торги торговать,
Купимъ-ка мы женушка
Лошадку себѣ:
Лошадка иго, иго,
Коровка умы, умы,
Барашекъ шадры, бадры,
Свинушка чухи, рюхи,
Гусыня го-го,-го-го,
Пырочка шулды, булды;
Утушка съ носка плоска,
Курочка черна, пестра,
Пѣтушекъ по сѣничкамъ
Чекъ щеголекъ! *)

Кромѣ обыкновенной повѣствовательной и повѣствовательной съ увеличеніемъ пѣсеннаго припѣва формы изложенія дѣтскихъ пѣсенъ есть еще форма діалогическая. Съ этой формой мы познакомимся по слѣдующему примѣру:

Дедили, дедили,
Гдѣ вы дѣвку видѣли?
—Заглянули въ рѣшето,—
Сидитъ дѣвка хорошо.
Дедили, дедили,
Гдѣ вы дѣвку видѣли?
—Заглянули въ подпечекъ,—
Сидитъ дѣвка лепечетъ.
Дедили, дедили,
Гдѣ вы дѣвку видѣли?
—Заглянули въ печь,—
Сидитъ дѣвка плачетъ.
Дедили, дедили.
Гдѣ вы дѣвку видѣли?
—Заглянули на палати, —
Сидитъ дѣвка въ халатѣ.
Дедили, дедили,
Гдѣ вы дѣвку видѣли?
—Заглянули въ конникъ, —
Сидитъ дѣвка стонетъ.

*) Варіантъ этой пѣсенки былъ сообщенъ мною въ редакцію журнала «Учитель» и напечатанъ въ 1-мъ его №, за 1865 г.

Дедили, дедили,
Гдѣ вы дѣвку видѣли?
—Заглянули въ сѣни, —
Толчетъ дѣвка сѣмя.
Дедили, дедили,
Гдѣ вы дѣвку видѣли?
—Заглянули на повѣть, —
Идетъ дѣвка говѣть.
Дедили, дедили,
Гдѣ вы дѣвку видѣли?
—Заглянули подъ крылецъ, —
Гложитъ дѣвка огурецъ.
Дедили, дедили,
Гдѣ вы дѣвку видѣли?
—Заглянули за ворота, —
Сидитъ дѣвка криворота.
Дедили, дедили,
Гдѣ вы дѣвку видѣли?
—Заглянули подъ порогъ, —
Съ дѣвкой парень соколокъ.

Наконецъ, третья особенность русскихъ пѣсенъ—любовь къ природѣ. Природа, говоритъ г. Филоновъ, могущественно дѣйствуетъ на человѣка какой бы родъ жизни онъ ни велъ. Вліяніе природы на человѣка, существуетъ всюду и всегда. Онъ живетъ среди нея, онъ видитъ въ ней или враждебное къ себѣ отношеніе или дружеское («Русск. Христ.», т. 2, стр. 9). Если природа вездѣ и всегда оказываетъ на человѣка сильное вліяніе, то понятно, почему въ пѣсенкахъ крестьянскихъ дѣтей дѣти и природа такъ близки другъ къ другу. Да, дѣти такъ близки къ природѣ, что нѣкоторыхъ птицъ въ одной пѣсенкѣ они считаютъ даже своими родными, въ другихъ пѣсенкахъ они съ ними разговариваютъ. Обращеніе дѣтей ко многимъ животнымъ и описаніе ихъ мы уже видѣли въ нѣкоторыхъ стишкахъ и пѣсенкахъ выше, поэтому для примѣра я здѣсь ограничусь лишь тремя пѣсенками. Вотъ онѣ:

1.

Сова моя теща,
Ворона невѣста,
Ворыбышекъ шуринъ,
Глазки сощурилъ,
Синичка-сестричка
На полочкѣ топъ, топъ,
Глазами-то хлопъ, хлопъ!
Кукушка—подружка.

2.

Воробышекъ-воробей
Что ты пива не варилъ?
Жена не велѣла.
Ты бы ее палкой?
Она меня скалкой.
Ты бы ее топоромъ?
Она меня косаремъ.

3.

Ужъ ты курица ряба,
Переломлена нога!
Еще кто переломилъ?
Семіонова жена.
За что, про что?
Въ конопли зашла.
Конопли трещатъ,
Воробьи пищатъ;
Собаки-то лаютъ
По палочкахъ;
А медвѣди-то ревутъ
По дубиночкахъ.

Въ пѣсенкахъ крестьянскихъ дѣтей есть по мѣстамъ обращеніе и къ неодушевленнымъ предметамъ природы, напр. къ саду: «ужъ ты садъ ли мой садъ, возеленый виноградъ», къ веснѣ: «ужъ ты, матушка весна, къ намъ не къ радости пришла, не къ корысти прибыла», къ кручинѣ-печали: «ты рости моя кручина, выростай моя печаль, ты не сохни, ты не вянь, ты цвѣтами разцвѣтай!» Эти примѣры взяты на удачу изъ слѣдующихъ двухъ пѣсенъ:

1.

Жаворонокъ молодой,
Ты не пой рано весной!
Ужъ ты матушка-весна,
Къ намъ не къ радости пришла,
Не къ корысти прибыла!
Ужъ ты садъ ли, мой садъ,
Возеленый виноградъ!
Во саду Ваня гулялъ,
Не пѣшкомъ Ваня гулялъ,
На своемъ добромъ конѣ;
Всеё травыньку примялъ,
Всю шелкову притопталъ;
Во бѣду Ваня попалъ.
Во тюрьмѣ Ваня сидѣлъ,
Самъ въ окошечко глядѣлъ,

Своего коня бранилъ:
«Ужъ ты конь ли, мой конь!
Что не вынесъ ты меня
Изъ напасти, изъ бѣды,
Бѣлокаменной тюрьмы?
Идетъ палачъ напередъ,
За нимъ весь народъ;
Во народѣ отецъ, мать,
Жена съ малыми дѣтьми.
Ты жена ль, моя жена,
Задари-ка палача!
Чтобъ не шелъ онъ напередъ,
Дороженьку не торилъ,
Мое сердце не крушилъ.

2.

Сколько разъ я зарекался
Этой улицей ходить,
Въ одну дѣвицу влюбился—
Не могу ее забыть!
Простота ли, простота,
Молодецка красота!
Присушила дѣвченушка
Удалова молодца:
Много вынула румянца
Изъ бѣлова изъ лица,
Изъ бѣлова изъ лица
Изъ Ивана молодца.
Пойду съ горя въ чисто поле
Разгуляюсь молодецъ,
Я развѣю грусть-кручину
По зеленому лужку!
Ты рости моя кручина!
Выростай моя печаль!
Ты не сохни, ты не вянь,
Ты цвѣтами разцвѣтай!
Много вишни во саду,
Винограду съ грушей,
Виноградъ растетъ на вѣткѣ,
Соловей поетъ во клѣткѣ;
А я мальчикъ пернималъ,
Подъ кустомъ сидѣлъ, дремалъ.
Изъ подъ кустика вставалъ
Не радошенъ, не веселъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,
Во высокъ теремъ зашелъ.
Дивовался я тому,
Что одинъ я въ терему.
Много зеркалъ и картинъ—
Во углу-то стоитъ шкапъ,
Весь графинами убратъ;
И я шкапчикъ отпиралъ,
Графинъ водки вынималъ,
Во рюмочку наливалъ.

Природа, воспѣваемая въ пѣсенкахъ крестьянскихъ дѣтей, объясняется весьма просто. Крестьянское дитя есть вмѣстѣ и истинное дитя природы. Дѣти еще съ рукъ нянекъ просятся на улицу, и затѣмъ съ пяти до двѣнадцати лѣтъ рѣшительно отдаются на воспитаніе во власть матушкѣ-природѣ, которая воспитываетъ ихъ, можно сказать, больше и лучше иной матери-родительницы, особенно въ лѣтнее время.

Природа готовитъ для дѣтей изъ плодовъ своихъ и овощей пріятный вкусный столъ.—Лишь успѣетъ стаять снѣгъ и появится первая травка, дѣти бѣгутъ уже на поля; тамъ для нихъ уже готовы, такъ называемые, песточки, плоды новаго лѣта. Песточковъ дѣти набираютъ полны пазухи и ѣдятъ, предварительно отодравъ другъ друга за уши, приговаривая: «стара брюшинка, пова новинка». Впрочемъ съ этой приговоркой дѣти начинаютъ ѣсть или *молить* не одни только песточки, но вообще всякую новинку.

Вслѣдъ за песточками выростаетъ свербигуза, или дикуша и козлецъ; затѣмъ, когда сбудетъ полая вода, въ лугахъ появляется безчисленное множество дикаго луку, а въ лѣсахъ—куки, борщевнику, лужевнику и щавелю. Всю зелень и сырость—губину дѣти собираютъ и ѣдятъ, какъ какое нибудь дорогое лакомство. И вотъ удивительно, никакая губина имъ не вредна—все идетъ въ тукъ, на здоровье, и правду говоритъ пословица: «въ крестьянскомъ брюхѣ долото изноетъ».

Послѣ травы природа угощаетъ дѣтей ягодами и другими садовыми, лѣсными, огородными и полевыми овощами и плодами: земляникой, клубникой, малиной, смородиной, черемухой, вишней, крыжевникомъ, орѣхами, яблоками, макомъ, подсолнечниками, рѣпой, брюквой, морковью, стручками, бобами, огурцами и проч. и проч.

Мать природа поитъ крестьянскихъ дѣтей чистою, какъ кристаллъ, и холодною ключевою водицей, которая для ихъ здоровья полезнѣе всякаго рекомендуемаго дѣтямъ докторами вина. Вспотѣютъ ребятишки, играючи цѣлый день на солнцѣ, и побѣгутъ всѣ вперегонки къ какому нибудь ручью или колодцу пить. Дорогой они нерѣдко зачурываютъ время, когда кому и за кѣмъ

пить; одинъ кричитъ: чуръ я первый, другой—чуръ я второй и т. д. Добѣжавъ до воды, дѣти пьютъ, каждый соблюдая свой чередъ по зачуранію.

Мать природа купаетъ и моетъ крестьянскихъ дѣтей въ своихъ чистыхъ прозрачныхъ водахъ. Дѣти такъ любятъ купаться въ рѣчкахъ, особенно въ жаркое время, что почти цѣлые дни проводятъ только въ этомъ удовольствіи. Плаваютъ, побарахтаются они въ водѣ и выскочатъ на берегъ поваляться по песку, поваляются и опять, какъ рыбки, нырнутъ въ воду.

Мать природа издаетъ для дѣтей чудные гармоническіе звуки: то тихо шелестятъ древесные листочки, то слышится журчаніе ручейка, то непонятный говоръ плотинки, то плесканіе волнъ, то наконецъ, громовые раскаты.

Природа для дѣтей поетъ, чиликаетъ, воркуетъ и кокуетъ;—вотъ жаворонокъ въ небесной лазури Творцу своему за добрый день воспѣваетъ хвалебную пѣснь; вотъ малиновка, сидя на вѣткѣ, недалеко отъ гнѣздышка птенцовъ своихъ убаюкиваетъ колыбельною пѣсенкой. Чу! воробушки обѣдаютъ въ коноплянникѣ и разговариваютъ—слышны слова: «жениться хочу,—чинъ чина больше,—щечи, ребята, щечи!» Чу! голубь прилетѣлъ къ своей голубкѣ и нѣжно воркуетъ ей, вѣрно про любовь. Чу! унылая пѣвунья, вѣщунья кукушка жалобно кокуетъ и о чемъ она тоскуетъ? Дѣтей ли своихъ оставила да жалко стало, или какому-нибудь старикашкѣ, который пришелъ въ рощу драть внучатамъ на лаптишки лыки, предсказываетъ недолгую жизнь, но только чу! дѣти слышатъ: ку-ку, ку-ку.

Мать природа устраиваетъ дѣтямъ забавы. Пройдетъ сильный дождь, ребятамъ забава: они пропускаютъ ключи и шлепдаютъ по лужинамъ; выпадетъ ли мокрый снѣжекъ—опять забава—игра въ снѣжки, изъ снѣга дѣти скатываютъ большіе шары, строятъ курганы на подобіе башенъ или пирамидъ и лепятъ неуклюжія, страшныя статуи; потрещитъ дня съ три морозецъ, ребятамъ готово уже первое удовольствіе—катать по замерзшей рѣчкѣ шаръ; обледѣнѣютъ ли горы и ребята, кто на салазкахъ, кто на чункахъ, кто на скамейкѣ, кто на корытѣ, кто на конькахъ, кто на лубкѣ или на соломѣ, а кто на ледышкѣ или просто на своей шубѣ выходятъ кататься.

Мать природа готовитъ для дѣтей игрушки: вотъ выростутъ, такъ называемыя вёха, или коровки, и ребята дѣлаютъ изъ нихъ брызгалки, или сикалки; брызгалки —это ничто иное, какъ маленькіе насосики или трубочки на подобіе клистира. Дѣти, насосавъ полныя трубочки воды въ жаркое время, обливаютъ изъ нихъ другъ друга. Вотъ станутъ сочными липы—и ребята, сдирая съ нихъ кожу, дѣлаютъ изъ коры себѣ свистульки, кузовочки ходить за ягодами и катарушки. Такъ называются большія и широкія изъ лыкъ кольца; дѣти или надѣваютъ ихъ себѣ на головы, или же катаютъ по улицѣ точно такъ же, какъ дѣти горожанъ катаютъ большія кольца, погоняя ихъ палочкой.

Послѣ всего того, что было сказано о воспитаніи дѣтей внѣ дома: на улицѣ, въ лѣсу, въ лугахъ, на рѣчкѣ, мы придемъ къ такому заключенію: что крестьянскія дѣти дѣйствительно и въ большей степени воспитываются самой матушкой-природой.

Да, дѣти очень любятъ улицу, еще съ рукъ няни просятся они «птруа» (то есть на улицу), и вотъ когда настанетъ то время, когда ихъ шалости порядочно надоѣдятъ и отцу и матери, и когда послѣднимъ придетъ время ходить въ поля, луга и лѣса, крестьянскія дѣти отъ 4 до 12 лѣтъ рѣшительно предоставляются только сами себѣ и природѣ, и дѣлаютъ, что хотятъ. Правда, и въ этомъ случаѣ дѣти еще не совсѣмъ свободны, за ними смотрятъ или старшіе дѣти или старики, но наблюдатели эти уже совсѣмъ не воспитатели. Первые изъ нихъ, хотя и старше другихъ, но тоже дѣти и потому больше любятъ играть и играютъ, а послѣдніе, по большей части слѣпые или глухіе старики, истощившіе всѣ свои силы на тяжелой работѣ,—захотятъ ли они возиться и слѣдить за ребятами, постоянно слушать ихъ крикъ или смѣхъ?! Весь уходъ ихъ за дѣтьми въ эти годы состоитъ только въ томъ, что они готовятъ для дѣтей пищу. Дѣти же вдали отъ всякой дисциплины и наблюдательныхъ взоровъ играютъ цѣлый день съ утра до вечера на улицѣ и домой приходятъ только развѣ выпросить у старухи кусокъ хлѣба и идутъ съ нимъ къ оставленнымъ товарищамъ. Что же такъ манитъ дѣтей на улицу? Какъ не идти ребенку на улицу? Улица для него цѣлый міръ новыхъ предметовъ и открытій. Тамъ для него цѣлое общество, состоящее изъ такихъ же маленькихъ людей, какъ и онъ самъ; тамъ ему полная свобода играть, какъ онъ хочетъ: и старикъ не сердится и старуха не ворчитъ; тамъ грѣетъ его солнце, вѣтерочекъ продуваетъ, ручеекъ холодной воды утоляетъ жажду; хочетъ ребенокъ полакомиться и бѣжитъ за нѣсколько только саженъ въ плодоносный лѣ-

сокъ или лужокъ и ѣстъ тамъ малину, землянику и проч.; тамъ онъ взлѣзаетъ на зеленую развѣсистую иву и любуется съ нея землею и небомъ! Что можетъ быть восхитительнѣе этого зрѣлища для ребенка? На улицѣ ребенокъ встрѣчаетъ еще множество незнакомыхъ ему животныхъ, насѣкомыхъ, деревьевъ и цвѣточковъ, все это при врожденной дѣтямъ любознательности можетъ ли не интересовать его пытливый умъ? а дома все для него уже болѣе или менѣе знакомо, тамъ ему скучно, играть не съ кѣмъ, тамъ ему душно и тѣсно.

IX. КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА ВЪ МЦЕНСКОМЪ УѢЗДѢ.

(Сообщеніе П. М. Апостольскаго.)

«Въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и органники, и гусельники, и смѣхотворцы, и бѣсовскіе пѣсни поютъ, и какъ къ церкви вѣнчаться поѣдутъ—священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рищутъ, а священники имъ о томъ не возбраняютъ и не запрещаютъ». Такъ гласитъ одинъ изъ 32 вопросовъ царя Ивана Васильевича IV, обращенныхъ къ знаменитому Московскому собору 1551 г. Хотя Стоглавъ и постановилъ, чтобы «къ вѣнчанію ко святымъ божіимъ церквамъ скомрахомъ и глумцомъ предъ свадьбою не ходити, а священникамъ бы о томъ запрещати съ великимъ запрещеніемъ, чтобы такое безчиніе никогда не именовалося»;—однако и теперь, спустя болѣе 300 лѣтъ послѣ этого постановленія, русская народная (да и не народная только) свадьба сохраняетъ на себѣ многія черты, напоминающія стародавнюю эпоху сѣдой, языческой еще, старины. Вѣками сложившіяся формы народнаго быта, освященные долгимъ временемъ обычаи не легко поддаются административнымъ распоряженіямъ. Благодаря этой живучести старины, современная этнографія обладаетъ цѣннымъ матеріаломъ для изученія вѣрованій и формъ быта нашихъ предковъ, когда еще матушка Русь не была крещеною-православною. Едва ли не большую долю этого матеріала даютъ *свадебные* пѣсни и обычаи. По крайней мѣрѣ мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ, нѣсколько познакомившись съ бытомъ крестьянъ Мценскаго уѣзда. Они забыли уже такое популярное во всей славянщинѣ, такое веселое, полное поэтическихъ красотъ, празднество, какъ купальскія игрища *), забыли грозныя черты Иліи пророка, на котораго перенесены были, въ начальную христіанскую эпоху, древне-миѳическія представленія о славянскомъ громовержцѣ-Перунѣ *), забыли о русалкахъ и т. д. Но зато нѣкоторыя подробности ихъ брачнаго обряда носятъ на себѣ характеръ далекаго прошлаго.

Свадьбѣ, конечно, предшествуетъ сватовство. Родители жениха приходятъ въ домъ родителей невѣсты съ предложеніемъ знакомства.

— Нужно жениха посмотрѣть: говоритъ мать невѣсты, если дѣло идетъ на ладъ и, вслѣдствіе этого, невѣста плакала. Когда будетъ приведенъ женихъ, то его и невѣсту, убранныхъ въ праздничный нарядъ, ставятъ рядомъ и спрашиваютъ: нравятся ли они другъ другу? Женихъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ самъ, а за невѣсту—мать. Послѣ утвердительнаго отвѣта и согласія на бракъ съ той и другой стороны, спивается (съ жениховой стороны) могарычъ, а затѣмъ невѣстина родня отправляется въ домъ жениха смотрѣть его хозяйство.

Черезъ нѣсколько дней бываетъ сговоръ. Вечеромъ устраивается пиръ въ домѣ невѣсты. Во время его приходитъ женихъ со своею родней и стучитъ въ запертыя ворота.

— Кто это, какіе люди? спрашиваютъ изъ двора.

— Мы люди проѣзжіе, пустите ночевать.

— Мѣста нѣту, народу много.

— Ну, нашъ могарычъ.

Послѣ этого родные невѣсты отпираютъ ворота, пьютъ принесенное женихомъ вино и впускаютъ его, съ провожатыми въ избу. Вошедши въ избу, женихъ молится Богу и стоитъ, пока присутствующіе на вечеринкѣ пьютъ

---

*) Впрочемъ, остатокъ купальскихъ празднествъ у Мценскихъ крестьянъ можно видѣть въ доселѣ сохраняющемся у нихъ обычаѣ—подъ Петровъ день всю ночь пѣть пѣсни и ждать выхода солнца. Сл. *Аѳонасьева* 111, 795.

*) Можно, впрочемъ, здѣсь отмѣтить одинъ обычай, напоминающій нѣсколько чествованіе Перуна, какъ покровителя земледѣлія. Въ Ильинъ день приносятъ въ церковь и кладутъ передъ образомъ св. Ильи хлѣбы, испеченные, если не ошибаюсь, изъ новой муки.

его вино. Послѣ этого дѣвушки, доселѣ сидѣвшія за столомъ рядомъ съ невѣстой, уступаютъ мѣсто около нея жениху. Сговоръ, послѣ обильнаго угощенья, оканчивается объявленіемъ для дѣвичника и подаркомъ жениху отъ невѣсты ручника. Въ дѣвичникъ къ невѣстѣ собираются ея подруги провести послѣдній день дѣвичества съ угощеніемъ и приличными случаю пѣснями. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ *).

Летѣли голуби
Черезъ дворъ,
Ударили крыльями
Объ теремъ.—
«У терему, или нѣтъ
Авдотья-свѣтъ?
Мы сказали ей
Добрую вѣсть,
Что у Иванушки
Дома есть:
У его домѣ
Конь вороной,
Самъ на конѣ,
Что соколъ.
Его батюшка
Спрашиваетъ:
— Ты куда Иванъ
Собрался?
— Въ дорогу, батюшка,
Дальнюю.
Пожалуйте подмоги
Семдесятъ семь лошадей вороныхъ,
Двѣ коретушки золотыхъ,
Двѣ свашеньки молодыхъ,
Два кучера верховыхъ,
Два извощичка молодыхъ.

Когда начинаютъ съѣзжаться гости, невѣста, доселѣ слезливо обращавшаяся къ отцу и матери, начинаетъ голосить; встрѣчая каждаго изъ входящихъ въ избу родственниковъ особою заплачкою:

Подите, мои родные,
Сбирайтесь въ одну кучечку,
Навѣдайте меня въ этомъ горѣ,—
Не отдайте на чужую сторону;
Меня не покиньте,
Сыта-ли, голодна-ли.
Не кускомъ хлѣба,
Привѣтнымъ хоть словомъ!

Когда соберутся всѣ и пріѣдетъ женихъ, невѣсту покрытую ставятъ среди избы; сватъ, послѣ угощенья съ жениховой стороны, говоритъ:

— За что пили-ѣли, дайте товаръ посмотрѣть.

Невѣсту подводятъ къ жениху, ставятъ рядомъ и открываютъ. — Довольны-ли вы, сваточки, за что пили-ѣли? Тотъ-ли товаръ?

— Тотъ. Довольны вашей милостью. — Начинается пѣніе.

I.

Пропоицъ,—пропоицъ,
Авдотьинъ батюшка!
Пропоилъ свою чаду
За винную чару;
Проѣлъ свою дочку
На хлѣбѣ, на соли,
На ласковомъ словѣ,
На бражномъ стаканѣ.
Бражная ступа
Весь міръ перпоила;
Авдотья слезливая
Всѣхъ переслезила *).

II.

Воскрикнули гуси,
Дунай **) переплымши,
На горку ушедши:
«Какъ намъ, гусямъ, быть?
Дунай замерзаетъ,
Снѣжкомъ западаетъ».
Восплакнула Авдотья,
По новымъ сѣнямъ ходя:
«Какъ же мнѣ быть,
Въ чужи люди выходить,
Къ чужимъ привыкать,
Чѣмъ свекра дарить,
Молодую свекровь?»
Иванъ-сударь скажетъ:
— О чемъ, Авдотья, плачешь?
Положь батюшкѣ рубашку,
Матушкѣ платочекъ,

*) Подобная пѣсня записана *П. В. Шейномъ* въ Тульской губерніи. См. Русск. нар. пѣсни. I, 470—471.

*) См. *Шейна* I, 426.

**) Въ описаніи свадьбы въ Орловской губерніи у *Терещенки*, въ подобной пѣснѣ вмѣсто Дуная вспоминается Ока.

Деверечкамъ порточки;
Невѣсткамъ платочекъ,
Золовкамъ вѣночки.

III.

Не пава-ли по двору ходитъ,
Не павлины-ли перышки ронитъ?
Ажно Авдотья,
По сѣнямъ гуляючи,
Будитъ-пробужаетъ
Свово батюшку роднаго:
— Встань, батюшка родимый!
Не годъ мнѣ у тебя годовать,
Не недѣлю гостевати, —
Одну ночку ночевати,
Одинъ пиръ пировати,
И того въ слезахъ не видати.

IV.

Что сказали Ивану —
Нерадостны вѣсти:
Противъ тестева двора
Все горы крутыя,
Лѣса темные,
Луга зеленые,
Ручьи быстрые.
Иванъ-сударь скажетъ:
— Хоть дорого дать,
Козака *) нанять
Горы раскопать,
Луга притоптать,
Лѣса порубить,
Досокъ напилить,
Мостокъ намостить,
Ивану проѣхать
Къ тестю побывать,
Тещу повѣстить,
Авдотью взять
За правую ручку
Къ Божьему суду,
Къ святому вѣнчанью!

V.

При расплетаніи у невѣсты косы, въ чемъ символически представляется конецъ дѣвичьей жизни, поютъ:

Изъ поля-поля
Летѣли пчелы,
Пчелы яровыя,
Крылья золотыя.
Сѣли-пали пчелы
У Павла на дворѣ.
У Авдотьи въ теремѣ,
У Авдотьи на косѣ;
Стали косу расплетать,
По волосу разбирать,
Стали золото доставать
Дружкамъ конь подковать.
Дружковъ конь не пошелъ,
Головошку не понесъ,
Авдотьюшку не повезъ,
Иванушка подскочилъ.
За бѣлы руки схватилъ,
За дубовый столъ садилъ.

Въ самый день *свадьбы*, предъ отправленіемъ къ вѣнцу брачущихся, въ домѣ жениха и невѣсты совершаются неодинаковые обряды.—*Жениха*, убраннаго елико возможно лучше и одѣтаго внѣ избы, вводятъ въ избу, и сажаютъ за столъ, на которомъ ставятся два стакана вина и разныя харчи. Одна изъ женщинъ-родственницъ начинаетъ обрядъ проводовъ къ вѣнцу:

Батюшка посаженый и батюшка пороженый,
Матушка посаженая и матушка пороженая,
Вся честная компанія,
Благословите намъ молодаго князя обвеличать.

По изъявленіи согласія на эту просьбу начинается пѣніе:

Благослови Боже,
Кузьма Демьянъ,
Скуй намъ свадьбу
Ладомую,
До старовѣка
Ладомую,
До сѣдой бородушки
Ладомую,
До бѣлой головушки
Ладомую!

Послѣ этого начинается благословеніе образомъ, причемъ женихъ говоритъ: «Благослови, крестный батюшка, въ Божій судъ пойти». То же повторяется, съ перемѣной обращенія, и крестной (она же посаженая) матери и родителямъ. Въ то время, когда женихъ съ поѣздомъ

*) Любопытно, что въ пѣснѣ Орловской губ. упоминается козакъ и притомъ же въ роли наемнаго работника.

выходитъ изъ избы, мать надѣваетъ шубу навыворотъ, а какая нибудь женщина несетъ дѣжу (бочку) *), которую опрокидываетъ около телѣги. Мать, въ вывороченной шубѣ, садится на дѣжу. Сынъ (женихъ) становится правой ногой на правое колѣно матери и такимъ образомъ взлѣзаетъ не телѣгу. Мать утираетъ его воротомъ рубахи и цѣлуетъ. Послѣ этого начинаются пѣсни,—съ которыми поѣздъ жениховъ и отправляется изъ родительскаго дома:

I.

Вились, повились
У воротъ вереюшки;
Не сами-жъ они повились,
Повили ихъ плотнички,
Плотнички *Московскіе*,
А топоры ихъ *Тульскіе*.
Повились, повились
На Иванѣ кудерки;
Не сами-жъ они повились,
Повила ихъ матушка,
Матушка родимая.

II.

Къ поѣзду:
Бояре, бояре,
Бояре большіе,
Куда снаряжены?
Не пора-ли вамъ ѣхать
Ума спровѣдать,
Ума Авдотьина?
Умы Авдотьины
Въ дарахъ закатаны,
Въ сундукахъ замкнуты.

III.

У Лада середи двора
Стоялъ дубецъ,
Зеленый, кудрявый,
У Ладу!
Къ тому дубцу съѣзжаются—
У Ладу!—
Князья и бояре—
У Ладу!—**)
Они думаютъ думу—
Какъ намъ быть,
Какъ Ивана женить,
Авдотью брать?
Охотою беремъ,
Похвалою повеземъ
Черезъ девять городовъ,
Чрезъ десятое село!

Межъ тѣмъ и въ домѣ невѣсты идетъ спаряжанье къ вѣнцу. Послѣ одѣванья и покрытія полотенцемъ ее вводятъ въ избу, гдѣ она садится на полъ и голоситъ:

«Куда-жъ ты меня, родимая матушка, спаряжаешь?
Сударыня матушка, сударыня желанная, не покинь»!

Отвѣтъ матери: Дѣточка моя милая,
Дѣточка моя умильная,
Посохъ мой милый,
Не отлочный!
Куда не пошлю,
Со всѣхъ катишься.
И какъ же, мое дѣточка,
Твои слѣдочки послѣ
Мнѣ ухаживать,
Какъ мнѣ позабыть?..

Раздается стукъ въ запертыя ворота. То стучатъ пріѣхавшіе отъ жениха сваты. Игрицы кричатъ: «Зять у воротъ убивается, надъ водой извивается!» Невѣста встаетъ и ее благословляютъ, причемъ она голоситъ:

Прости, благослови, крестный батюшка,
Мнѣ въ Божій судъ пойти!
Нарекайте мнѣ долю добрую,
Счастье хорошее!

То же, только съ перемѣною обращенія, повторяетъ невѣста при благословеніи крестной матерью, родителями и всѣми родными. Послѣ благословенія, невѣсту сажаютъ въ передній уголъ; рядомъ съ нею садятся братъ (прямо подъ образами) и сваха; передъ братомъ на столѣ ставятъ кружку и кладутъ весло-палку. Входитъ сватъ жениха, добывъ право входа какъ на сговорѣ. Помолившись Богу, онъ говоритъ:—примите насъ въ свою компанію.

—Милости просимъ, садись.

—Что у васъ за человѣкъ тутъ сидитъ? намъ дорого на это мѣстечко сѣсть: продолжаетъ сватъ, указывая на мѣсто подлѣ невѣсты, занимаемое братомъ ея.

—Садись.

—Да тутъ человѣкъ сидитъ...какъ же быть?

—Какъ хочешь.

Сватъ замахивается кнутомъ на невѣстина брата, тотъ защищается весломъ.

*) *Дѣжа* (стар.) кадка, бочка, дельна. Слов. Ак. II.
**) Припѣвъ «У Ладу» повторяется послѣ каждаго стиха.

—Полно драться,—говорятъ другіе,—лучше могарычъ. Въ эту кружку налей вина, да положь гривну.

Сватъ даетъ вина и денегъ, послѣ чего братъ опрастываетъ свое мѣсто; сваха выходитъ въ сѣни съ блюдомъ, на которомъ пирогъ и курица. Ее встрѣчаетъ поѣздъ жениха.

Когда женихъ съ провожатыми войдетъ въ избу и займетъ мѣсто около невѣсты, сватъ идетъ къ конику*) и трижды обходитъ всѣхъ, кто поѣдетъ въ церковь. Игрицы поютъ:

I.

Сизый мой селезень,
Гдѣ ты былъ?
Былъ, былъ я на морѣ,
Видѣлъ я утену:
У густой тростникъ побѣжала,
Сизо крыло засизѣло
Ясная головка заяснѣлась.—
Иванушка, гдѣ жъ ты былъ,
Петровичъ, гдѣ пробывалъ?
—Былъ я у тестя.
У ласковой тещи;
Видѣлъ я Авдотью:
На высокъ теремъ побѣжала;
Сафьянъ сапогъ застучалъ,
Кунья шуба зашумѣла,
Золотъ вѣнокъ заяснѣлся
—Не бѣги, не бѣги, Авдотья,—
Быть тебѣ за мною,
Слышь моей женою!—

II.

Гдѣ селезень былъ,
Гдѣ утена была?
Снесъ ихъ Богъ
Въ одно озеро.
Гдѣ Иванъ былъ,
Гдѣ Авдотья была?
Снесъ ихъ Богъ
За единый столъ **).

Послѣ благословенія еще разъ жениха и невѣсты поѣздъ отправляется въ церковь. Тогда поются:

I. Пѣсня къ повозчику:

Повозничекъ-путникъ,
Есть ли у тебя кнутикъ,
Шелковая плетка?
Пріударь конл больно,
Чтобы конь бѣжалъ бодро,
Чтобы я не слыхала,
Какъ матушка плачетъ,
Сударыня тужитъ.

II. Во время пути:

а) Выпадала пороша,
Не мала не велика,
Стоя (?) человѣка.
По пути, по порошѣ,
Тамъ ѣздили ловцы,
Ловили они куну
Ивану на шубу,
Золотыя зарукавья.
б) Кузнецы молодые,
Куйте коней крѣпче—
Намъ ѣхать далече,
Селомъ и деревней.
Подковы-то звякнутъ,
А люди-то скажутъ:
Богатые ѣдутъ,
Богатую везутъ!

III. На возвратномъ пути изъ церкви:

Выглянь, выглянь, мати,
Въ стекольчато окошко,
Какъ сынъ-соколъ ѣдетъ,
Соколушку везетъ—
Веселыя ножки.
Досужія ручки.

Межъ тѣмъ, пока идетъ вѣнчанье, подъ воротами дома жениха зажигаютъ огонь, такъ чтобы лошади, привезшія молодыхъ изъ подъ вѣнца, чрезъ него переѣхали. Когда молодые слѣзутъ съ телѣги, отецъ жениха встрѣчаетъ ихъ, на порогѣ дома съ образомъ, а мать, опять въ вывороченной шубѣ, съ ковригой и солью. Здороваются.—Прошу васъ въ семейство къ намъ! говоритъ отецъ. Молодыхъ сажаютъ за столъ и поздравляютъ, на что они отвѣчаютъ поклонами. Затѣмъ ихъ отправляютъ на другую половину избы, гдѣ кормятъ съ ближними, послѣ чего дружко и сваха отводятъ ихъ спать, причемъ совершается любопытный обрядъ разуванья.

Сними, сними сапогъ, посмотри, что тамъ есть, го-

*) *Коникъ*—лавка у дверей, въ видѣ длиннаго ящика съ крышкою.
**) Сл. у *Шейна*—стр. 459.

воритъ женихъ невѣстѣ. Та снимаетъ сапогъ и получаетъ находящуюся тамъ монету; монету изъ ея башмака беретъ женихъ.

При встрѣчѣ молодыхъ отъ вѣнца поется:

I.

Бояре на дворъ ѣдутъ,
Луками огонь мечутъ,
Шапками поддуваютъ,
Стрѣлками поджигаютъ*).

II.

У Павла на дворѣ
Красно и ясно,
Зелено, лазорево.

На утро молодыхъ спрашиваютъ о здоровьѣ и величаютъ:

Кто жъ у насъ, молъ, женился?
Иванъ, Лелье, молодой-невеличекъ—
Авдотьюшка полюбилась,
За бѣлы руки ухватилась,
За дубовый столъ посадила,
Винцомъ-пивцомъ напоила,
Крупитчатымъ пирогомъ накормила.

Таковъ обрядъ крестьянской свадьбы во Мценскомъ уѣздѣ, очень, нужно замѣтить, схожій съ тѣмъ, что совершается по всему пространству русской земли. Съ перваго взгляда онъ представляется безсмыслицей, случайнымъ сборомъ неуклюжихъ церемоній, какой-то глупой комедіей. Но если мы, снизойдя съ высоты своего цивилизованно-щепетильнаго созерцанія, не навязывая народу своей книжной морали, не подходя къ его забавамъ и увеселеніямъ въ лаковыхъ сапогахъ и бѣлыхъ перчаткахъ **), повнимательнѣй приглядимся къ тому, что съ перваго взгляда кажется безсмыслицей и нелѣпостью; то и въ брачномъ ритуалѣ нашего крестьянства увидимъ серьезный смыслъ, откроемъ то, что составляетъ неоспоримо ихъ raison d'être. Я уже замѣтилъ что нѣкоторыя подробности записаннаго мною свадебнаго обряда носятъ на себя характеръ далекаго прошлаго: значитъ, и смысла ихъ нужно искать въ преданьяхъ старины глубокой. Дозволяя себѣ остановиться на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности, считаю нужнымъ сдѣлать передъ этимъ одно общее замѣчаніе. Самый фактъ существованія разнообразныхъ брачныхъ обрядовъ уже показываетъ сравнительно высокую ступень гражданственности и развитія нашихъ предковъ. У народовъ дикихъ, по свидѣтельству современныхъ путешественниковъ и этнографовъ *), очень часто не встрѣчается ихъ. Такъ у Австралійцевъ свадьба не сопровождается никакими обрядами: „я ничего не говорилъ, замѣчаетъ Мецъ о брачныхъ церемоніяхъ бадагасовъ (въ Индостанѣ), но это потому, что у нихъ едва ли можно найти что нибудь подобное". Керіахи, въ средній Индіи, не имѣютъ на своемъ языкѣ слова, обозначающаго бракъ, и церемонія, обыкновенно происходящая въ этомъ случаѣ, повидимому, идетъ немногимъ далѣе признанія самаго факта. То же извѣстно и о бушакцахъ, калифорнійскихъ индійцахъ, краснокожихъ Соединенныхъ Штатовъ, аравакахъ (въ ю. Америкѣ), мандигахъ (въ зап. Африкѣ), ашантіяхъ. Брачныхъ обрядовъ не замѣчено также у готтентотовъ, а бушмены не имѣютъ въ своемъ языкѣ отдѣльныхъ словъ для отличія замужней дѣвушки отъ женщины. Вообще, замѣчаетъ по этому поводу Лэббокъ **), существованіе хоть бы какихъ нибудь брачныхъ обрядовъ должно быть поставлено выше совершеннаго отсутствія ихъ. Брачные обряды указываютъ на выходъ извѣстнаго народа изъ того состоянія, которое ученые спеціалисты по этому предмету признаютъ (Бахофенъ, М.-Ленанъ, Моргиль) чистымъ гетеризмомъ, т. е. совершеннымъ отсутствіемъ брака, или общинымъ бракомъ, гдѣ всѣ мужчины и женщины каждой общины жили въ кровосмѣсительномъ союзѣ между собою. Что арійцы очень рано вышли изъ этого состоянія, на это указываетъ уже вполнѣ развитая у нихъ терминологія родства, установившаяся еще до раздѣленія на разныя вѣтви, на что давно указало сравнительное языкознаніе. Изъ гимновъ Ригъ-Веды, въ которыхъ можно находить лишь слабые намеки на общинный бракъ, оказывается, что бракъ на землѣ освященъ для индусовъ бракомъ, совершившимся на небѣ между Сомою и Суріей. Поэтому естественно, что у индусовъ мы ви-

*) Эта маленькая пѣсня представляется весьма любопытною и важною для выясненія миѳической основы русскаго свадебнаго ритуала: нетрудно замѣтить (особенно при сопоставленіи со многими подобными пѣснями Латышей), что здѣсь свадебный поѣздъ изображается аналогично съ грозовымъ полетомъ громовника; а чрезъ это дается поводъ искать объясненія свадебныхъ обрядовъ въ тѣхъ же миѳическихъ воззрѣніяхъ, изъ которыхъ объясняются и весеннія «игрища межи селы», гдѣ встарину производилось умыканье, и купальскія и ярильскія празднества.

**) Выраженіе проф. Буслаева въ Русск. Вѣстн. 1872 г. № X стр. 674.

*) Подобныя свидѣтельства въ изобиліи приведены у *Лёббока* «Доистор. времена» и «Начало цивилизаціи»

**) «Начало цивил.» стр. 63.

димъ цѣлый свадебный ритуалъ, имѣющій цѣлью дать религіозную и юридическую санкцію союзу, видимъ передачу дѣвушки изъ родительскаго дома въ домъ мужа, видимъ нѣсколько должностныхъ лицъ, участвующихъ въ церемоніи и толпу зрителей, которые должны быть свидѣтелями событія и своимъ присутствіемъ придать ему юридическую силу *). То же воззрѣніе на человѣческій бракъ, какъ на нѣчто соотвѣтствующее событію въ жизни божествъ, очень ярко просвѣчиваетъ въ дышащихъ миѳическою стариною пѣсняхъ Латышей. Мы коснемся современемъ нѣсколькихъ частностей вышеописаннаго свадебнаго обряда, именно съ цѣлью показать какъ ихъ маститую, очень интересную для исторіи быта, древность, такъ и миѳическую ихъ основу и значеніе.

1. Роль родителей, въ частности матери, въ свадебномъ обрядѣ (свадебный обрядъ явился въ періодъ патріархальной Азіи).

*) *В. Ѳ. Миллера*, Очерки Ар. миѳ. 25, 29.

2. Роль брата.

3. Слѣды брака чрезъ умыканье и покупку невѣсты; разные виды умыканья.

4. Миѳическая основа свадебнаго ритуала (объясненіе его изъ весеннихъ «игрищъ межи селы» и обрядовъ купальской ночи). Значеніе огня при воротахъ (сл. огни на Ивана-Купалу). Вино (сл. напитокъ Боговъ—Сому и т. п. дождь). Курица (Перунова курица). Кузьма-Демьянъ—ковачи свадебъ. Шуба на выворотъ.

5. Покрытіе невѣсты и расплетенье косы.

6. Князья и бояре.

7. Бракъ—судъ Божій.

8. Замужество—горе, невеселая жизнь.

9. Что важнѣе:—свадебный обрядъ, или церковное вѣнчанье (по народному воззрѣнію)?

Вотъ пункты, которые, при обозрѣніи вышеописаннаго обряда, обращаютъ на себя вниманіе, какъ предметы сравнительнаго изученія.

X. БАШКИРСКОЕ ПРЕДАНІЕ О ЛУНѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРЕДАНІЯМИ ДРУГИХЪ НАРОДОВЪ О СОЛНЦѢ И ЛУНѢ.

(Сообщеніе Л. В. Лосіевскаго.)

C'est par deduction et d'aprés les lois mental qu'on pourra expliquer les phenomenes historiques.

H. Taine.

Одною изъ самыхъ древнѣйшихъ формъ религіи, вслѣдъ за атеизмомъ въ смыслѣ полнѣйшаго отсутствія понятій о божествѣ и фетишизмомъ, можетъ считаться поклоненіе природѣ или тотетизмъ, т. е. поклоненіе видимымъ предметамъ: камнямъ, деревьямъ, животнымъ и проч., относя сюда же и поклоненіе небеснымъ тѣламъ, такъ называемый прежде сабеизмъ.

Не имѣя никакого понятія ни о размѣрахъ, ни объ отдаленности небесныхъ тѣлъ, человѣчество тѣмъ не менѣе боготворило ихъ, отдавая предпочтеніе солнцу и лунѣ, какъ наиболѣе крупнѣйшимъ, повидимому, представителямъ.

Я уже имѣлъ случай, въ статьѣ «Чуваши» *), коснуться воззрѣній на солнце, какъ на существо благодѣтельное въ странахъ холодныхъ и злое въ странахъ жаркихъ; что касается луны, то ничего нѣтъ обыкновеннѣе обоготворенія ея племенами кочевыми, для которыхъ она, разгоняя мракъ ночи, являлась во многихъ отношеніяхъ существомъ благодѣтельнымъ и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что выйдя изъ полудикаго состоянія, племена эти сохранили свои религіозныя вѣрованія въ разныхъ преданіяхъ и сказкахъ, иногда такъ удалившихся и разошедшихся съ своимъ первоначальнымъ источникомъ, что на первый взглядъ даже трудно бываетъ опредѣлить ихъ сущность и освободить ее отъ затемняющихъ дѣло фантастическихъ и излишнихъ покрововъ, что и случается въ большинствѣ случаевъ.

Такъ жители сѣверозападной Америки—*атьг* поклоняются солнцу и лунѣ, въ особенности же послѣдней, принимая луну за существо женское, а солнце за мужское и считая ихъ супругами *); *каніагміутьг* въ то же время смотрятъ на нихъ какъ на брата и сестру **). Въ средней Индіи нѣкоторыя изъ горныхъ племенъ—

*) «Уфимскія Губернскія Вѣдомости» 1875—76 гг.

*) Sproat, Scenes and Studies of Savege Life, p. 206.

**) Pinart, Revue d'anthrop. 1873, p. 678.

госы, *ораоны* и *мундасы* покланяются солнцу *). Въ западной Африкѣ поклоненіе лунѣ весьма обширно; Merolla **) разсказываетъ, что «при каждомъ новолуніи народъ падаетъ на колѣни, или же, стоя, хлопаетъ руками и восклицаетъ: да возобновится и моя жизнь такъ же, какъ возобновляешься ты!» Южнѣе *бечуаны* «внимательно подстерегаютъ первый проблескъ новой луны, и лишь только, послѣ того, какъ солнце скроется на западѣ покажется ея блѣдный очеркъ, они всѣ громко вскрикиваютъ «куа» и обращаются къ ней съ молитвами» ***). По свидѣтельству мистера Бренслей туземцы Эрроманго покланяются солнцу и лунѣ и держатъ у себя каменныя изображенія новой и полной луны ****).

У насъ лунѣ и солнцу покланяются народы финскаго племени: *чуваши*****) и *мордва*. Послѣдніе каждое новолуніе склоняются къ лунѣ съ момента ея появленія на горизонтѣ и просятъ ея благоволенія на все время ея владычества, т. е. до ущерба ******).

Вогулы относительно солнца полагаютъ, что оно служитъ мѣстопребываніемъ верховнаго существа — *торомъ*, но въ то же время звѣзда эта считается у нихъ и за совершенно отдѣльное, самостоятельное божество, такъ же какъ и *луна*, *облака* и главныя явленія природы; главный праздникъ ихъ—*Іелбола*, въ тотъ день, съ котораго они начинаютъ новый годъ, посвящается *солнцу* и богу *торомъ*, который, какъ говорятъ они, «сходитъ въ этотъ день на землю»; сошествіе это ничто иное какъ приходъ весны *******). *Тунгузы* ********) и *буряты*********) признаютъ также за божества какъ солнце, такъ и луну. У вотяковъ верховное существо называется *Инмаръ* или *Инма*, а также *Ильмаръ*; резиденцію его они полагаютъ на солнцѣ; богиня *Шунди* или *Муми* считается ими матерью солнца; слѣдовательно, солнцѣ само по себѣ составляетъ особое божество, имѣющее матерью богиню, которая въ то же время считается покровительницей дѣтей *).

Переходя къ народамъ, у которыхъ нѣкогда бывшая вѣра во всемогущество солнца и луны и поклоненіе имъ остались въ видѣ легендъ и сказаній, мы начнемъ съ аллегорическаго сказанія полинезійцевъ, перейдемъ затѣмъ къ сказаніямъ народовъ цивилизованныхъ и закончимъ преданіемъ башкиръ, которое собственно и послужило предметомъ настоящей статьи.

Полинезійское сказаніе о богѣ солнца—Мауи, повѣствуетъ, что его прародителемъ былъ небесный сводъ: Тама-нуи-ки-те-Ранги; вскорѣ послѣ рожденія Мауи, мать бросила его въ пѣну морскаго прибоя, гдѣ его обвили морскія растенія и слизняки налипли на немъ, чтобы предохранить отъ ушиба, когда его снова выброситъ на берегъ; въ такомъ положеніи его нашелъ прародитель Тама по слетавшимся надъ нимъ стаямъ птицъ и роямъ мухъ. Освободивъ Мауи отъ травы и слизняковъ, Тама — небесный сводъ, унесъ его домой. Легенда эта, какъ легко видѣть, весьма наглядно представляетъ восхожденіе солнца, т. е. освобожденіе его небеснымъ сводомъ отъ земли и закатъ **). По другимъ варіантамъ легенды, Мауи, крайне недовольный скорымъ закатомъ солнца послѣ восхода, т. е. короткимъ днемъ, задумалъ поймать солнце въ силокъ; при помощи братьевъ, ему удалось привести свое намѣреніе въ исполненіе и солнце попалось въ разставленный силокъ передними лапами и головой; бросившійся на него съ волшебнымъ орудіемъ Мауи, не смотря на рычаніе и ревъ, сильно избилъ и изранилъ его, такъ что отпущенное на свободу, оно стало совершать свой путь уже гораздо тише***). Затѣмъ легенда сообщаетъ, что Мауи привязалъ къ солнцу веревкой луну, для того чтобы когда солнце зайдетъ за горизонтъ, то какъ болѣе сильное свѣтило могло бы вытянуть вмѣсто себя луну ****).

Ричардсонъ (Richardson) *****) передаетъ довольно любопытный эпизодъ изъ сказаній о плѣнителѣ солнца у индѣйскихъ племенъ сѣверной Америки. «Чапеви, образовавъ послѣ потопа землю и высадивъ на нее изъ своей лодки животныхъ, воткнулъ въ землю деревян-

*) Colonel Dalton, Trans. Ethn. So. vol. VI, p. 33.

**) Voyage to Congo, Pincerton, vol. XV, p. 273. Путешествіе Ливингстона во внутр. Африку, стр. 106.

***) Livingstone, Journey in S. Africa, p. 235. Путешествіе Ливингстона во внутр. Африку, стр. 266.

****) Cruise of the Curaçao, p. 320.

*****) Müller, Descr. de toutes les Nat. de Russie, Coll. I, 1776 an. 45..,

******) Уфим. Губ. Вѣд. «Чуваши» 1875—76 гг.

*******) Müller, D. N. K. p. 90.

********) Bell, Travels from st. Petersbourgh, vol I, p. 274.

*********) Müller, D. N. K., III, p. 125.

*) Müller, D. N. K. Coll. I, p. 75.

**) Shirren. p. 143, 144, 29.

***) Тайлоръ, Доисторич. бытъ человѣчества, гл. XII, стр. 464.

****) Лёббокъ, Начало цивилизаціи, гл. VI, стр. 197.

*****) Narr. of. Franclins, Second. Exp., London, 1828, p. 291.

ную палку, которая сдѣлалась елью и росла съ изумительною быстротою до тѣхъ поръ, пока вершина ея не достигла небесъ. Случилось, что одна бѣлка побѣжала вверхъ по дереву, Чапеви пустился преслѣдовать ее, желая столкнуть ее внизъ, но не могъ ее достигнуть. Однако онъ всетаки продолжалъ преслѣдовать ее, пока не добрался до звѣздъ, гдѣ нашелъ прекрасную равнину и на ней торную дорогу. На этой дорогѣ онъ поставилъ силокъ, сдѣланный изъ волосъ его сестры, и затѣмъ возвратился на землю. Утромъ, какъ обыкновеннно, явилось солнце, но въ полдень оно уже попалось въ силокъ, который Чапеви поставилъ для бѣлки, и небо вдругъ омрачилось. Увидя это, семейство Чапеви сказало ему, что вѣроятно онъ сдѣлалъ какую нибудь ошибку, когда былъ тамъ на верху, потому что они болѣе уже не наслаждаются дневнымъ свѣтомъ. Правда, отвѣчалъ онъ, но я сдѣлалъ это не намѣренно». Тогда Чапеви сталъ заботиться о томъ, чтобы поправить свою ошибку, и потому послалъ вверхъ по дереву множество животныхъ, чтобы они освободили солнце, перегрызя силокъ, но чрезмѣрный жаръ этого свѣтила превратилъ всѣхъ ихъ въ золу. Усилія самыхъ большихъ животныхъ были напрасны; а кроту, ползающему и неповоротливому животному, удалось это; роясь подъ дорогою на небѣ, онъ докопался до того мѣста, гдѣ былъ разставленъ силокъ, которымъ было связано солнце, и перегрызъ этотъ силокъ пополамъ. Но въ то время, когда онъ просунулъ свою голову изъ подъ земли, то тотчасъ же лишился глазъ, а его носъ и зубы до сихъ поръ еще черноватаго цвѣта, какъ бы обожжены».

Тайлоръ *) держится того мнѣнія, что большинство сказокъ о людяхъ, проглатываемыхъ и выбрасываемыхъ рыбами, благодаря тому обстоятельству, что земля въ воображеніи разныхъ народовъ представляется огромною рыбою (или по крайней мѣрѣ лежащею на рыбѣ—наши три кита), должно быть разсматриваемо какъ олицетвореніе солнца, которое, какъ Мауи напр., появляется и исчезаетъ «въ ротъ своей великой прародительницы Гинъ-нуи-те-по (т. е. въ землю, которая по сказаніямъ полинезійцевъ есть рыба), которую мы можемъ видѣть. какъ она блеститъ и какъ бы открывается и закрывается, въ томъ мѣстѣ, гдѣ горизонтъ встрѣчается съ небомъ». Такое объясненіе, по мнѣнію Тайлора, приложимо и къ сказкѣ красныхъ индѣйцевъ «мальчикъ съ пальчикъ», въ которой онъ, подобно очень многимъ олицетвореніямъ солнца въ другихъ странахъ, является истребителемъ великановъ,—и вообще, говоритъ Тайлоръ, «при полномъ разборѣ этой группы сказокъ, слѣдовало бы прослѣдить ихъ соотношеніе съ европейскими сказками о мальчикѣ съ пальчикъ, который былъ проглоченъ коровою и вышелъ изъ нея невредимымъ, и о лицѣ, носящемъ имя маленькаго краснаго дорожнаго капота Little Red Riding Hood (Chaperon Rouge у французовъ), которое было проглочено цѣликомъ волкомъ и вышло оттуда живымъ, когда охотникъ распоролъ брюхо волку.

Обращаясь къ нашему народу и соглашаясь съ Тайлоромъ, что почти всегда «въ полярныхъ странахъ солнце-дѣвушка, а мѣсяцъ ея братъ» *), мы найдемъ въ преданіяхъ и сказкахъ нашего простонародья прямыя указанія на олицетворенія солнца и мѣсяца. Возьмите сказку *Царевичъ-козленочекъ* и вы убѣдитесь въ справедливости этого предположенія. Прослѣдимъ за смысломъ этой сказки: «Жили были себѣ царь и царица; у нихъ были сынъ и дочь. Вотъ царь съ царицею померли; остались дѣти одни и пошли странствовать по бѣлому свѣту **); во время странствованія сестра предупреждаетъ брата, чтобы онъ не пилъ воды изъ попадающихся имъ на пути источниковъ, такъ какъ онъ можетъ отъ этого обратиться въ животное; къ несчастію жажда брата заставила пренебречь совѣтомъ сестры, и вотъ, напившись изъ одного источника, онъ «сталъ козленочкомъ, прыгаетъ передъ Аленушкой (такъ звали его сестру) и кричитъ: «мекеке, мекеке». Дѣвушка заплакала, привязала брата къ себѣ шелковымъ поясомъ и повела съ собою (сравните связываніе солнца съ луною Мауи); козленочекъ забѣгаетъ въ садъ къ царю, которому слуги доносятъ, что «у насъ, ваше царское величество, въ саду козленочекъ, и держитъ его на поясѣ дѣвица, да такая изъ себя красавица». Царь женится на дѣвицѣ; во время его отсутствія какая-то колдунья навела на царицу порчу и «на царскомъ дворѣ все пріуныло: *цвѣты* въ саду *стали вянуть*, *деревья сохнуть*, *трава блекнуть*»; колдунья берется вылѣчить царицу, для чего и велитъ ей придти вечеромъ къ морю. «Царица послушалась и *въ сумеркахъ* пошла къ морю, а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и *бросила въ море*». Колдунья обратилась

*) Тайлоръ. «Доистор. бытъ человѣчества и нач. цивил.», стр. 464.

*) Тайлоръ, гл. XII, стр. 449.

**) «Сборникъ русскихъ сказокъ», *Аѳанасьева*.

затѣмъ въ царицу и упрашиваетъ царя зарѣзать братца-козленочка; царь послѣ долгихъ умаливаній соглашается. Во время приготовленій къ зарѣзыванію, козленочекъ отпрашивается у царя сходить къ морю «водицы испить»; среди дня и вечеромъ онъ повторяетъ ту же просьбу, такъ что заинтересованный царь начинаетъ за нимъ слѣдить и видитъ, что, подойдя къ морю, козленочекъ сталъ на берегу и началъ жалобно вызывать сестру:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ.

И видитъ царь: «всплыла Аленушка кверху и показалась надъ водой. Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень и вытащилъ на берегъ....» *въ саду все зазеленѣло и зацвѣло.* А колдунью приказалъ царь казнить: «разложили на дворѣ костеръ дровъ и *сожгли ее*».

Въ лицѣ Аленушки и козленочка, какъ я думаю, заключается полнѣйшее отождествленіе съ солнцемъ и луной; привязь козленочка къ поясу Аленушки указываетъ на связь этихъ свѣтилъ; какъ у полинезійцевъ на то же указываетъ веревочная призязь, которою снабдилъ луну богъ Мауи; колдунья, наведшая порчу на солнце—царицу, отчего завяли цвѣты, начали сохнуть деревья и блекнуть трава, бросившая царицу въ сумерки въ море (какъ мать Мауи бросила его въ морскую пѣну),—и сожженная при выходѣ царицы изъ моря — когда снова все зазеленѣло и зацвѣло—какъ нельзя болѣе отождествляетъ зиму, подъ суровой властью которой все замираетъ и сохнетъ и которая какъ бы сжигается при ярко-жгучихъ лучахъ весенняго солнца. Нѣсколько не ясной какъ будто бы кажется личность царя, женившагося на Аленушкѣ, но и это только повидимому—въ сущности же, какъ легко видѣть, царь ничто иное, какъ утренняя и вечерняя *заря*; царь женится на Аленушкѣ и отправляется на охоту; во время его отсутствія—днемъ, колдунья наводитъ на царицу порчу; въ сумеркахъ—во время отсутствія же царя, бросаетъ ее въ море, откуда она освобождается опять таки царемъ—зарей, появившимся на берегу моря и затѣмъ вытащившимъ изъ моря царицу. Совпаденіе момента зарѣзыванія козленочка съ появленіемъ изъ моря царицы—солнца и освобожденіе его изъ подъ чаръ колдуньи—зимы, появленіе, при которомъ все начинаетъ зеленѣть и цвѣсти, т. е. въ весеннюю пору—напоминаетъ праздникъ *Коляду*, который праздновался именно въ честь рожденія яснаго *солнышка*, тотчасъ послѣ зимняго *самоворота*, причемъ приносился въ жертву *козелъ*, какъ видно изъ слѣдующей пѣсни:

Уродилась коляда
Накапунѣ Рождества
За рѣкою, за быстрою,
Ой колядка, ой колядка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовые;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы.
Поютъ пѣсни *колядушки.*
Ой колядка, ой колядка!
Въ срединѣ ихъ старикъ стоитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла *козелъ* стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой колядка, ой колядка!

Не этотъ ли обычай зарѣзывать козла при встрѣчѣ весенняго солнца и послужилъ мотивомъ для сказки «Царевичъ-козленочекъ», причемъ выяснился въ народной фантазіи и самый образъ козла, представляющаго собою мѣсяцъ, свѣтъ котораго играетъ такую важную роль въ темныя осеннія и зимнія ночи и почти незамѣтный въ ночи лѣтнія, когда (какъ говорится) заря съ зарей почти сходится и слѣдовательно дѣлаютъ свѣтъ мѣсяца почти излишнимъ.

Присоединимъ сюда же для сравненія сказаніе о лунѣ и солнцѣ *эскимосовъ*. Въ эскимоской сказкѣ говорится, что одна дѣвушка была на пиру и кто-то выразилъ ей свою любовь, потрепавши ее за плечи, что было въ обычаѣ страны. Такъ какъ это происходило въ темномъ шалашѣ, то она не знала—кто это былъ, и потому, когда онъ снова подошелъ къ ней—она выпачкала ему лицо сажей, которой заранѣе намазала свою руку. Когда принесли огонь, она увидала, что это ея братъ и бросилась бѣжать—онъ за нею; добѣжавъ до края земли, она прыгнула на небо—онъ сдѣлалъ то же. И тутъ они стали солнцемъ и мѣсяцемъ. Вотъ почему мѣсяцъ вѣчно гонится за солнцемъ по небу. Иногда онъ дѣлается темнымъ—это когда онъ оборачивается къ землѣ замаранной щекой *). Здѣсь, какъ и выше, солнце являет-

*) Hayes, Arctic Boat journey, p. 253.

ся сестрой, а мѣсяцъ братомъ; но фабула нѣсколько иная и уже прямо указывается на то, что братъ и сестра сдѣлались свѣтилами, чего не видно въ предыдущемъ случаѣ, что произошло вѣроятно отъ большаго промежутка времени между періодомъ тотетизма и настоящимъ положеніемъ народа—періодомъ, въ теченіи котораго миѳическій смыслъ сказанія успѣлъ загладиться, не смотря на болѣе полную обстановку, послѣдовательными аксессуарами.

Роль похитителей или плѣнителей солнца въ нашихъ сказкахъ играютъ тучи, олицетворенныя въ видѣ кащея; какъ тучи затемняютъ солнце и такимъ образомъ какъ бы похищаютъ его, такъ кащей уноситъ въ свои владѣнія красную дѣвицу—солнце и разлучаетъ ее съ возлюбленнымъ—землей, съ которымъ она вступила въ плодотворный союзъ. Основываясь уже и на томъ, что самое имя *Кащей* должно происходить отъ слова *кость* *), откуда производится глаголъ *косте-нѣть*, т. е. замерзать, сдѣлаться твердымъ, какъ кость (такъ, иногда говорится во время холода: просто закостенѣлъ весь), слѣдуетъ принять, что кащей—похититель красной дѣвицы—солнца, олицетворяетъ собою зимнія тучи, которыя въ это время года, какъ бы окованныя холодомъ, не даютъ дождей и заслоняютъ собой солнце, вслѣдствіе чего цѣпенѣетъ и самая земля, въ тоскѣ отъ разлуки съ своей возлюбленной—какъ поэтично воспроизводятъ сказки. Такое же значеніе имѣютъ и другіе похитители солнца: летающіе змѣи — такъ же тучи и баба-яга, костяная нога, олицетворяющая зимніе вихри и бури, и слѣдовательно располагающая по произволу тучами. Въ сказкахъ, «по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ **)», героини которыхъ обѣщаютъ своимъ возлюбленнымъ родить сыновъ, «что ни ясныхъ соколовъ: во лбу солнце, а на затылкѣ мѣсяцъ, по бокамъ звѣзды», новорожденные эти суть тѣ самыя свѣтила, которыми они снабжены въ сказкѣ какъ признаками, и при самомъ своемъ рожденіи они похищаются ягой-бабой—зимой, обращающей ихъ въ обрубки или камни, т. е. вообще твердый видъ, что, какъ извѣстно, характеризуетъ зиму.

«Вниманіе наше, говоритъ Аѳанасьевъ въ русскихъ народныхъ сказкахъ, невольно останавливается на тѣхъ примѣтахъ, съ какими рождаются на свѣтъ сказочные герои: во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтелъ мѣсяцъ, по бокамъ (или косицамъ) часты звѣзды; по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ; волоса у нихъ золотые, или на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ. Такія примѣты указываютъ, что это не простые смертные, а свѣтлые боги, олицетворенія тѣхъ небесныхъ свѣтилъ, которыя присвоены имъ, какъ всегда присущіе аттрибуты».

Еще и до сихъ поръ вѣра во всемогущество нѣкогда бывшихъ богами свѣтилъ въ полной силѣ выражается у нашего простонародья въ заговорахъ отъ зубной боли. Во время новолунія заговорщикъ обыкновенно отправляется на лужайку или поляну и произноситъ съ поклонами, обратясь къ мѣсяцу лицомъ, слѣдующую молитву, если можно такъ выразиться: «Батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ, былъ ты молодъ, былъ ты и старъ; изошелъ ты небо, изошелъ и землю, изошелъ ты и иныя государства; спроси ты его (?), не болятъ ли у отца Адама зубы? Не болятъ. Такъ бы у раба Божія (имя) зубы не болѣли отъ нынѣ и до вѣку. Аминь трижды» *).

Какъ видно, тутъ смѣшиваются древнія понятія тотетизма съ христіанскими понятіями, и личность мѣсяца, имѣющая возможность спросить кого-то объ отцѣ Адамѣ, остается совершенно открытой, не замаскированной никакой другой личностью, которая бы олицетворяла его, тогда какъ въ сказаніи о Егоріи Храбромъ **) народъ придалъ ему признаки олицетворителя мѣсяца, т. е. христіанство въ это время имѣло настолько перевѣсъ надъ древнеязыческими понятіями, что признаки языческихъ божествъ, память о которыхъ всетаки, не вытѣсняясь вполнѣ, перешла въ легенды и преданія, были приданы христіанскимъ святымъ.

Голова у Егорья вся жемчужная,
По всемъ Егорьѣ чисты звѣзды,

а по другому варіанту:

По локоть у него руки въ красномъ золотѣ,
По колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ,
Во лбу-то солнце, въ тылу-то мѣсяцъ,
По косицамъ здѣзды перехожія.

Точно также въ заговорѣ для остановленія крови отъ порѣза, поруба и проч. (заговоръ, очевидно, позднѣйшаго

*) Звукъ С Т въ нашемъ языкѣ легко переходитъ въ звукъ Щ: густѣть—гуща, рости—роща, толстый—толща.

**) *А. Н. Аѳанасьевъ.* «Народ. Руск. Ск.». Вып. VI, стр. 336.

*) «Зап. Оренб. Отд. Геогр. Общ.». Вып. II. 1871 г.

**) *Варенцовъ.* «Сбор. Дух. Стих.». Стр. 95. «Калики перехожія», вып. II, стр. 428.

происхожденія, чѣмъ зубной заговоръ), признаки представительницы солнца красной дѣвицы перенесены даже на *дѣву Марію*, сидящую на престолѣ, который стоитъ на морѣ (мѣсто восхода и заката солнца по народнымъ понятіямъ) и держитъ въ рукахъ *золото-лисо* (?), *золоту иголку*—какъ видно солнечные лучи; самый заговоръ читается такъ *): «Стану я, рабъ Божій (имя), благословясь, пойду перекрестясь: изъ избы во двери, изъ дверей въ вороты; пойду въ чисто поле на окіянъ-море, на окіянѣ-морѣ есть престолъ; на томъ престолѣ сидитъ дѣва-Марія возобновленная; во рукахъ она держитъ золото-лисо (?), золоту иголку, шелкову нитку, ушиваетъ, увиваетъ у рабовъ, у рабицъ сѣчено, порѣзано, стрѣльное, тѣлесное на крѣпко крѣпко, на плотно плотно; и пойду я, рабъ Божій, поближе, помолюсь пониже: ты дѣва-Марія возлюбленная, зашей, увѣй у раба Божія (имя) сѣчено, порѣзано, стрѣльное, тѣлесное на крѣпко крѣпко, на плотно плотно. Какъ во окіянѣ-морѣ изъ Бѣллатаря камня не жмется ни пѣна, ни вода, такъ бы у раба Божія (имя) не жалось ни кровь, ни руда. Стань руда не кань, пойди по старымъ по мѣстамъ! (это произносится 3 раза и каждый разъ заговорщикъ клюетъ и дуетъ на раму). Какъ на Сіянской на горѣ стоитъ дубова гробница, у той дубовой гробницы стоитъ старъ матеръ человѣкъ, у него тѣло не щепитъ, не болитъ, такъ бы у раба Божія (имя) тѣло не щепло, не болѣло (3 раза)».

Подъ Сіянской горой вѣроятно подразумѣвается Сіонская гора, обратившаяся въ Сіянскую—сіяющую свѣтомъ, старъ же матеръ человѣкъ у дубовой гробницы, у котораго тѣло не щепитъ, не болитъ, такъ же какъ и въ зубномъ заговорѣ, кажется есть мѣсяцъ.

Такимъ образомъ нашъ народъ съумѣлъ слить въ одно совершенно различныя понятія тотетизма и христіанства и безъ явной розни олицетворилъ своихъ старыхъ боговъ въ новыхъ, стоитъ только припомнить пророка Илію, разъѣзжащаго въ колесницѣ по небу съ громомъ и молніей, Фрола и Лавра—покровителей домашнихъ животныхъ и друг. Въ башкирскихъ (Уфимской губ.) сказкахъ солнце фигурируетъ подъ видомъ «красивой водяной дѣвки», у которой, когда она выходитъ изъ моря, *бѣлыя волоса длиною въ нѣсколько саженъ плаваютъ надъ водою* **); руками она достаетъ съ неба звѣзды и убираетъ ими свои бѣлыя волоса; плѣнителями ея, опускающимися за ней въ море и женящимися на ней въ водяномъ царствѣ съ желѣзными юртами, являются сильные, могучіе, а главное правовѣрные (что уже составляетъ позднѣйшую прибавку) богатыри, какъ напримѣръ, въ сказкахъ о Сари-Сагибѣ, сынѣ Абдрахмановѣ и о Тюлякѣ, сынѣ Сари-Маркаси: и тотъ и другой изъ этихъ богатырей видятъ выплывшую изъ моря водяную дѣву, дивятся ея красотѣ и смѣлости, разговаривая съ ней, и когда она хочетъ опуститься въ море, схватываютъ ее за длинные волосы и опускаются съ нею въ водяное царство, гдѣ отецъ водяной дѣвки выдаетъ ее замужъ за богатыря безъ калыма, а когда зять стоскуется по землѣ—отпускаетъ обоихъ и снабжаетъ даже водянымъ скотомъ: лошадьми быками, коровами, козами и овцами. Проживъ долго и счастливо, богатыри и ихъ водяныя жены умираютъ; но смерть жены всегда предшествуетъ смерти мужа, какъ ослабленіе силы солнечныхъ лучей всегда предшествуетъ смерти земли, т. е. зимѣ.

Лунныя пятна, видимыя и простымъ глазомъ, также служили издавна поводомъ къ разнымъ легендамъ и преданіямъ *); такъ въ нѣкоторыхъ Европейскихъ государствахъ въ этихъ пятнахъ видятъ Исаака, идущаго на гору Моріа съ вязанкой дровъ для принесенія себя въ жертву по требованію Іеговы, или же Каина, собирающаго на своемъ полѣ для жертвы Іеговѣ терніи и другія сорныя травы; англійскій человѣкъ на лунѣ находится тамъ съ своей собакой и терновымъ кустомъ, съ котораго онъ собираетъ на воскресенье вѣтви: «Я видѣлъ тебя, говоритъ о немъ Калибанъ, на лунѣ и покланяюсь тебѣ; моя госпожа показала мнѣ тебя, твою собаку и твой кустъ»; Сингалезцу пятна представляются подъ видомъ благочестиваго зайца, предложившаго себя голодному Буддѣ въ лѣсу изжарить и съѣсть; Норманнъ видѣлъ въ нихъ двухъ дѣтей, похищенныхъ *Мани*-мѣсяцемъ, когда они шли за водой къ Биргирскому колодцу, и они до сихъ поръ несутъ ведро на коромыслѣ; на Селоанскихъ островахъ, въ центральныхъ частяхъ Тихаго океана, обитательницею луны считаютъ женщину: «Зина колотила деревяннымъ валькомъ свое платье. Въ это время луна только что всходила и была такъ похожа на большой плодъ хлѣбнаго дерева, что Зина попросила ее спуститься и

*) «Зап. Оренб. Отд. Имп. Геогр. Общ.», вып. II, 1871 года.

**) Р. Г. Игнатьевъ. «Сказанія, сказки и пѣсни инородцевъ магометанъ Оренб. края». 1875 года.

*) Тайлоръ. «Доисторическій бытъ человѣка».

дать откусить отъ себя кусочекъ ея дитяти. Но луна очень разсердилась за желаніе ее съѣсть и утащила съ собою все: Зину, ея дитя и деревянный валикъ. Тамъ ихъ видятъ и до сего дня *)».

Отъ башкиръ Мензелинскаго уѣзда мнѣ удалось слышать существующее у нихъ преданіе о лунныхъ пятнахъ такого рода: Одна башкирская дѣвушка, чрезвычайно красивая собою, отправилась въ лунный вечеръ за водой. Вечеръ былъ такъ тихъ и прелестенъ, мѣсяцъ свѣтилъ такъ ясно, что дѣвушка невольно залюбовалась его блестящимъ видомъ. «Какой славный этотъ мѣсяцъ, подумалось ей, и вѣрно добрый, такъ весело смотритъ съ неба, какъ будто улыбается!» Въ такихъ думахъ дѣвушка подошла къ источнику и, зачерпнувъ въ ведра воды, замѣтила на берегу вырытую водой огромную кость, должно полагать богатыря **)— потому кому же какъ не богатырю должна была принадлежать эта ножная кость? «Какой большой богатырь былъ, произнесла она и, взглянувъ на мѣсяцъ, какъ бы невольно продолжала — если бы у меня былъ такой красивый мужъ, какъ мѣсяцъ, я бы непремѣнно родила ему такого же большаго богатыря». И мѣсяцъ взялъ дѣвушку къ себѣ въ жены, наивно прибавляли разскащики, и теперь она тамъ стоитъ съ коромысломъ и ведрами—вонъ видишь, видишь.... увѣряли они, показывая на луну.

Прослѣдивъ все сказанное здѣсь, мы придемъ къ выводу, что какъ бы ни были разнообразны въ извѣстный моментъ религіи различныхъ народовъ—всѣ они когда-то имѣли одинъ общій корень—природу, и совершенствуясь по мѣрѣ совершенствованія нравственной природы человѣка и расширенія его умственнаго кругозора, хотя и очищались постепенно отъ заблужденій и несообразностей прежнихъ вѣрованій, но освободиться вполнѣ отъ нихъ не могли и удерживали ихъ и при новыхъ вѣрованіяхъ, не смотря иногда даже на крайнюю противоположность между ними, какъ напримѣръ, крайне противоположны между собою идеи христіанства и суевѣрія *), — хотя и тѣ и другія какъ-то совмѣщаются по странной, полной подобныхъ противорѣчій натурѣ человѣка. Но, конечно, настанетъ и то время, когда подобныя противорѣчія сгладятся и не будутъ имѣть мѣста, такъ какъ для человѣка, и только именно для одного человѣка, существуетъ особое искусство, какъ говоритъ Ромигье (La Romiguier) въ «Discours sur l'identité. искусство ума—разсужденіе, un art suprême dont tous les arts les plus vantés ne sont que les instruments et l'ouvrage.

*) Grimm, D. M. pp. 679-83 Turner, p. 247.

**) Въ Уфимск. губерніи нерѣдко находили кости допотопныхъ животныхъ.

*) Представляющія собою ничто иное, какъ остатокъ вѣры въ силу разныхъ предметовъ (фетишизмъ) — нѣкогда обоготворяемыхъ, такъ же какъ нѣкоторыя сказки и заговоры представляютъ остатокъ вѣры въ небесныя тѣла и въ разныхъ дѣятелей природы.

XI. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПЕРВОБЫТНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ ПО ТЕОРІИ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА.

(Г. Спенсеръ. «Основанія Соціологіи». Пер. съ англ., т. I. Спб. 1876.).

«Для человѣка человѣкъ всего любопытнѣе, и онъ-то одинъ собственно и долженъ бы насъ занимать; все остальное, окружающее насъ, — или только стихія, въ которой мы живемъ, или орудіе, которымъ мы пользуемся», говоритъ Гёте въ своемъ «Вильгельмѣ Мейстерѣ». Если же справедлива вообще эта мысль великаго германскаго поэта-философа; то, конечно, она вполнѣ примѣнима и къ религіи, этому безспорно замѣчательнѣйшему явленію въ жизни человѣчества. Мало того, вопросы о сущности религіи, объ ея происхожденіи, объ ея формахъ—всегда были и остаются самыми интересными для человѣческой любознательности, составляли и составляютъ предметъ самыхъ напряженныхъ и нерѣдко мучительныхъ думъ самыхъ глубокихъ умовъ.

Это, безъ сомнѣнія, прежде всего, потому что религіозныя представленія существуютъ у всѣхъ народовъ земнаго шара, не смотря на различіе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Фактъ всеобщности религіи въ родѣ человѣческомъ, въ древности засвидѣтельствованный представителями интеллигенціи классическаго міра (Платономъ, Аристотелемъ, Цицерономъ, Плутархомъ и др.*), въ

*) Вотъ что говоритъ объ этомъ Цицеронъ: Ut porro firmissimum hoc afferri videtur, cur deos esse credamus, quod nulla gens tam fera, fuemo omnium tam sit immanis, cujus mentem non imbuerit deorum

наше время очень остроумно и основательно защищенъ извѣстнымъ англійскимъ писателемъ Э. Тайлоромъ *). Если даже допустить, что нѣтъ логической невозможности признать существованіе племенъ безъ религіи, то всетаки, пока эти племена не обслѣдованы съ должною тщательностью и безпристрастіемъ, было бы очень рисковано считать религіозныя представленія чѣмъ-то случайно явившимся въ человѣчествѣ (точнѣе, въ нѣкоторыхъ лишь частяхъ его), либо — какъ это дѣлаетъ Дж. Лёббокъ **), признать первою стадіею религіознаго мышленія «*атеизмъ*», понимая подъ этимъ и отрицаніе божества, но отсутствіе какихъ бы то ни было опредѣленныхъ понятій о немъ».

Кромѣ своей всеобщности, религія обращаетъ на себя особое вниманіе по своему вліянію на весь строй человѣческой жизни, являясь по этому могущественнымъ факторомъ историческаго развитія. Если гдѣ, то именно въ ней находится, такъ сказать, фокусъ всей внутренней, духовной жизни человѣка, а чрезъ это—и основа его развитія и совершенствованія. Это потому, что, какъ справедливо замѣчаетъ Лотце ***)», религія предлагаетъ дары свои въ ученіяхъ или догматахъ уму, въ построеніяхъ, утѣшеніяхъ, и обѣтованіяхъ — чувству, въ заповѣдяхъ—волѣ»; слѣдовательно, даетъ такъ или иначе удовлетвореніе всѣмъ запросамъ и стремленіямъ человѣческаго духа. Захватывая, такимъ образомъ, все духовное существо человѣка, только религія даетъ цѣльность и полноту воззрѣнію человѣка на объективный міръ, законченность и гармоничность его внутреннему развитію, что по всей справедливости должно считать идеальною нормою человѣческаго развитія. Понятно поэтому, та крупная роль, которую играютъ религіозныя представленія въ исторіи человѣчества. Понятно, почему они представляютъ такой глубокій интересъ не только для философа, но и для психолога, для историка, этнографа и соціолога. Понятно, наконецъ, то многообразіе теорій, которыми думали такъ или иначе объяснить такое во всѣхъ отношеніяхъ важное и интересное въ жизни человѣчества явленіе. Вполнѣ естественно, что Г. Спенсеръ, едва ли не самый популярный въ настоящее время писатель съ философскимъ характеромъ, задумавъ создать «Систему синтетической философіи», посвящаетъ, въ четвертой ея части, носящей названіе «Основанія Соціологіи», нѣсколько главъ рѣшенію вопроса о происхожденіи первобытныхъ вѣрованій, стараясь при этомъ основываться въ своихъ сужденіяхъ не на метафизическихъ построеніяхъ, а на выводахъ точной науки.

Глубокій интересъ, какой представляютъ собою языческія религіи, усложняется тѣмъ, что они, кромѣ своего поразительнаго разнообразія, заключены еще въ такъ называемыхъ миѳахъ. «Миѳологія,—скажемъ словами Макса-Миллера,—вкралась въ древнюю религію; иногда она почти совершенно подавляла самую жизнь ея *). Религія и миѳъ такъ перепутались межъ собою, образовавъ утомительный, для умственнаго взора, пестрый калейдоскопъ фантазійныхъ образовъ, что изслѣдователю приходится имѣть дѣло съ тою и другимъ. Изслѣдованіе миѳологіи, начатое еще въ древности, когда представителями классической мудрости ясно высказывалась мысль, что боги далеко не то, какими ихъ представляютъ созданные поэтами миѳы **), еще и доселѣ, нужно признаться, не пріобрѣло надлежащей устойчивости и неоспоримости выводовъ. Конечно, сравнительный методъ, примѣняемый въ послѣднее время въ разныхъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія, оказалъ безспорно важныя услуги изученію миѳологіи. Но нужно быть слишкомъ близорукимъ, чтобы не видѣть многихъ серьезныхъ промаховъ его приверженцевъ. Какъ ни блестящи и какъ ни увлекательны выводы сравнительной миѳологіи въ тру-

opinio. Multi de diis prava sentiunt, id enim vitioso more effici solet; omnes tamen esse vim et naturam divinam arbitrantur: nec vero id collocutio hominum, aut consensus effecit, non institutis opinio est confirmata, non legibus: omni autem in re consensio omnium gentium lex naturae putanda est». Tuscul. Disp. lib. 1. c. XIII. Не приводимъ болѣе извѣстно свидѣтельства Плутарха. См.—Platonis. De legibus, lib. X. Aristotelis Ad Nicom. l. X. c. XI.)

*) По словамъ Тайлора, понимающаго впрочемъ религію нѣсколько своеобразно, отрицающіе существованіе религіи у нѣкоторыхъ племенъ «не признавали религіей того, что не походило на выработанную и опредѣленную теологію высшихъ расъ. Они приписывали отсутствіе религіи племенамъ, вѣрованія которыхъ не были сходны съ ихъ собственными». *Первоб. культура*, т. II, стр. 1—7.

**) Начало цивилизаціи, стр. 150—155.

***) Микрокозмъ. Пер. Корша. III, 178.

*) Verlesungen über d. Wissenchaft .d Sprache. Leipz. 1870. II, 447. 448.

**) Извѣстно замѣчаніе Цицерона, что занимающіеся философіей не признаютъ существованія боговъ, т. е. такъ, какъ они являются въ миѳахъ. См. Diogeni Laërt. IX, 1 (о Гераклитѣ). X, 123 (объ Епикурѣ). (См. Ritter et Preller, Hist. philos. graecae et rom. ed. Y. 1875 стр. 14—15. 354—355) Platonis «Rep». 11, стр. 247. (См. Seibart, «De apologet. Plut. theologia»—стр. 12.) Ciceronis, Tusc. L. 1, c. XXYI, cd. Orel. 246—247.

дахъ ученыхъ лингвистической школы (напр. М.-Мюллеръ и др.), однако они парализуются уже тѣмъ простымъ и неоспоримымъ соображеніемъ, что нѣсколькими миѳами, объясненными съ грѣхомъ пополамъ при помощи Вѣдъ, еще далеко не исчерпывается міросозерцаніе даже арійскихъ народовъ. Такъ называемая теорія миѳологія природы, основою для которой послужила лингвистическая, безъ сомнѣнія гораздо шире и примѣнимѣе къ опыту. Ученые этого направленія (напр. Я. Гриммъ въ своей знаменитой «Deutche Mythologie», Шварцъ—«Der Ursprung d. Mythologie» и др.) все міросозерцаніе первобытнаго человѣка выводятъ изъ его особаго воззрѣнія на силы и явленія природы и представляютъ миѳы олицетвореніемъ явленій солнца, луны, звѣздъ, перемѣнъ лѣта и зимы, грома и молніи и т. под. Всѣ вѣрованія языческихъ народовъ объясняются, съ точки зрѣнія этой теоріи,—обоснованной на изученіи воззрѣній не только арійскихъ народовъ, но и другихъ расъ, культурныхъ и нецивилизованныхъ, (школа этнографическая)—какъ обожаніе предметовъ и явленій видимой природы. Намъ, конечно, нѣтъ нужды останавливаться на полномъ перечисленіи, и тѣмъ болѣе—на оцѣнкѣ разныхъ теорій объясненія миѳологіи *). Для насъ достаточно сказать, что Г. Спенсеръ является совершеннымъ противникомъ господствующихъ направленій и, пользуясь богатымъ этнографическимъ матеріаломъ, строитъ свою теорію враждебную и лингвистической, и миѳологіи природы **). Собственно говоря, онъ является въ этомъ отношеніи лишь продолжателемъ и завершителемъ работъ своихъ ученыхъ соотечественниковъ, занимающихъ безспорно видныя мѣста въ современной этнологіи и исторіи доисторическаго человѣка, Тайлора и Лёббока. Громадное его преимущество передъ ними состоитъ въ томъ, что онъ всетаки въ нѣкоторомъ смыслѣ философъ. То, что у нихъ представляетъ иногда нестройную массу матеріала, въ которомъ довольно трудно оріентироваться, у него сведено къ извѣстнымъ положеніямъ, тщательно сгруппировано, освѣщено извѣстною руководящею идеею. Подавляющая масса фактовъ у него, благодаря этому, не бросается такъ въ глаза, не утомляетъ такъ даже внимательнаго и терпѣливаго читателя, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ у нихъ. Къ этому нужно прибавить безукоризненно связное внѣшнее построеніе всего сочиненія Спенсера и ясное изложеніе, чтобы понять, почему его книга такъ легко читается даже неособенно интересующимся философскою литературою русскимъ обществомъ.

Исходя изъ той мысли, что общественныя явленія зависятъ отчасти отъ природы индивидовъ, а отчасти отъ тѣхъ силъ, дѣйствію которыхъ эти индивиды подвергаются, Спенсеръ предпосылаетъ своему разсмотрѣнію и объясненію жизни такъ называемыхъ первобытныхъ обществъ короткое обозрѣніе внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ общественныхъ явленій. Оставляя въ сторонѣ огромную массу производныхъ факторовъ, являющихся въ жизни человѣчества параллельно его развитію, онъ останавливается лишь на факторахъ первобытнаго характера. Таковыми (изъ внѣшнихъ) онъ признаетъ климатъ, различіе котораго такъ или иначе вліяетъ на развитіе человѣка, почву, разнообразіе которой также оказываетъ значительное вліяніе на человѣка, флору и фауну. Что касается первобытныхъ внутреннихъ факторовъ, то Спенсеръ, ссылаясь на крайне-скудный запасъ свѣдѣній относительно строенія тѣла доисторическаго человѣка, находитъ возможнымъ признать лишь два очень общихъ положенія: «вопервыхъ, что въ самыя отдаленныя времена, какъ и теперь, существовали разновидности людей, отличавшіяся въ значительной степени строеніемъ костей, а вѣроятно и другими различіями, и вовторыхъ—что извѣстныя черты скотства и низкости типа, находимыя у нѣкоторыхъ изъ этихъ разновидностей, или вовсе исчезли съ тѣхъ поръ, или встрѣчаются только какъ необыкновенныя отступленія отъ общаго правила».

Въ тѣхъ первыхъ главахъ своего сочиненія, которыя посвящены Спенсеромъ обозрѣнію факторовъ общественныхъ явленій, нельзя не замѣтить его осторожности и умѣренности въ выводахъ, что, къ сожалѣнію, не выдержано во всемъ его трудѣ. Отдавая должное такъ называемой *физической* теоріи объясненія историческихъ явленій, такъ односторонне-упорно развитой Боклемъ *) онъ не упускаетъ изъ виду и разныхъ особенностей, изъ дѣйствованія и взаимодѣйствія которыхъ

*) Желающіе могутъ читать объ этомъ: Ѳ. И. Буслаева—«Сравнит. изученіе нар. быта» въ Руск. Вѣстн. 1872 г., № 10; А. Н. Веселовскаго—«Сравнит. миѳол. и ея методъ»—въ Вѣстн. Евр. 1873 г., № 10; Каррьера—1, 59—65.

**) Полемикѣ съ М.-Мюллеромъ, кромѣ многихъ частныхъ замѣчаній въ самомъ текстѣ своего сочиненія, Спенсеръ посвящаетъ еще особое приложеніе 13.

*) «Исторія цивилизаціи въ Англіи».

нѣкоторые ученые (Ренанъ и др.) *) думаютъ объяснить процессъ историческаго развитія народовъ. Для всякаго безпристрастнаго ума ясно, что какъ невозможно отрицать вліянія на человѣка климата и почвы, такъ безразсудно было бы спорить противъ несомнѣннаго факта антропологіи, что человѣческія племена имѣютъ нѣкоторыя особенности въ строеніи своего организма, такъ или иначе отражающіяся на историческихъ явленіяхъ.

Съ осторожностью также приступаетъ Спенсеръ къ характеристикѣ первобытнаго человѣка. Онъ не считаетъ возможнымъ рѣшительно принять современнаго дикаря за представителя первобытнаго человѣка, хотя, за недостаткомъ болѣе твердыхъ данныхъ для заключеній объ этомъ послѣднемъ, и основывается въ своихъ сужденіяхъ о немъ на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя почерпаетъ теперь наука изъ наблюденій надъ племенами, доселѣ занимающими самыя низшія стадіи культуры.

Не останавливаясь на выводахъ Спенсера относительно строеній и отправленій тѣлеснаго организма первоначальнаго человѣка какъ не представляющихъ для насъ особаго интереса, обратимся къ его *эмоціональнымъ* чертамъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ Спенсеръ ставитъ «*импульсивность*, которая, проникая собою все поведеніе первобытнаго человѣка, значительно мѣшаетъ кооперации». Отсюда его чрезвычайное непостоянство, перемѣнчивость, безпорядочность въ чувствахъ и дѣйствіяхъ. Здѣсь же коренится отчасти объясненіе его непредусмотрительности и неспособности дѣйствовать въ виду будущихъ цѣлей, а легкомысленное и беззаботное довольствованіе настоящимъ. Общественность, сильная у цивилизованныхъ людей, слабо развита у дикихъ, что вполнѣ естественно при господствѣ индивидуальныхъ страстей. Отсюда вѣчные раздоры между дикими, неумѣнье ихъ сплотиться въ значительныя группы. Впрочемъ уже при самомъ слабомъ развитіи общественности можно замѣчать стремленіе къ одобренію и боясь неодобренія. Отсюда объясняется то спокойствіе, съ которымъ дикарь подвергается, напр., мучительному татуированію, имѣя въ виду выиграть черезъ это въ глазахъ другихъ **).

Чувство любви и симпатіи слабо развиты у дикаря; это всего рельефнѣе выражается въ жестокомъ обращеніи съ женщинами, изъ котораго ясно видно, что при хаотическомъ смѣшеніи добрыхъ и худыхъ чертъ въ нравственной физіономіи дикаря, господство остается за послѣдними. Чувства любви тутъ и слѣда не видно. Дикарь, правда, не чуждъ добрыхъ чувствъ альтруистическихъ (т. е. обращаемыхъ на другихъ лицъ); но они развиты у него слабо. Конечно, онъ обладаетъ тѣмъ симпатическимъ чувствомъ, которое представляетъ результатъ инстинктивной любви къ безпомощному, общій у него съ животными, если только оно въ извѣстномъ случаѣ не погашается эгоистическими страстями или ненавистью. Но дѣятельное сочувствіе къ своимъ ближнимъ, которымъ бы побѣждался эгоизмъ, не принадлежитъ къ числу его отличительныхъ свойствъ. Вполнѣ естественно, что мы напрасно стали бы искать у дикаря той высшей формы альтруистическаго чувства, которое называемъ чувствомъ справедливости и правосудія.

Въ умственной жизни первобытнаго человѣка Спенсеръ, на основаніи наблюденій надъ дикарями, а отчасти по аналогіи съ дѣтьми, находитъ вообще преобладаніе воспріятія надъ размышленіемъ и крайнюю розобщенность и конкретность представленій. Всѣ нецивилизованныя расы обладаютъ тонкими внѣшними чувствами и живостью воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній. Но дальше этого дикарь не идетъ, высшихъ проявленій познавательной способности напрасно мы стали бы искать у него. Все вниманіе его сосредоточивается на мелкихъ, лишенныхъ серьезнаго значенія, подробностяхъ; дѣлать выборъ изъ фактовъ, съ цѣлью вывести изъ нихъ какія либо заключенія, онъ не способенъ. Множество простыхъ наблюденій дѣлается имъ каждую минуту; но при этомъ тѣ немногія изъ нихъ, которыя имѣютъ какое либо значеніе, теряются въ массѣ наблюденій, не имѣющихъ никакого значенія и проходятъ въ его умѣ, не оставляя за собою никакого матеріала для мысли, которая дѣйствительно стоила бы этого названія. Антагонизмъ между дѣятельностью воспріятія и размышленія обнаруживается также и въ крайней подражательности дикаря. Эта черта, общая низшимъ расамъ и многимъ стаднымъ животнымъ, такъ мѣтко называемая обезьяничаньемъ, представляетъ намъ такое душевное дѣйствіе, которое опредѣляется, главнымъ образомъ, изъ минуты въ ми-

*) Nouvélles considerations sur le caract. gener. d. peuples semit., et en particulier sur leur téndence au monotheisme. P. 1858. См. *Каррьера*. «Искусство въ связи съ общ. разв. культуры». 1, 199—200.

**) Гораздо естественнѣе, конечно, объяснять это и подобныя явленія изъ эстетическаго, правда очень грубаго у дикаря, чувства, чѣмъ какъ это объясняетъ Спенсеръ.

нуту, случайностями окружающей среды и для котораго, слѣдовательно, лишь очень мало имѣютъ значеніе причины, предполагающія значительную ширину мысли, обширность обнимаемой ею области, воображеніе и оригинальныя идеи. Какъ на доказательство слабости мышленія первобытнаго человѣка, можно указать вообще на какое-то, словно сонное, состояніе его ума. «Когда его вниманіе бываетъ пробуждено въ полной мѣрѣ, онъ обнаруживаетъ много живости въ отвѣтахъ и не мало находчивости въ своихъ доводахъ. Но уже краткій разговоръ утомляетъ его, въ особенности если предлагаемые ему вопросы требуютъ съ его стороны извѣстныхъ усилій мысли или памяти. Тогда умъ дикаря начинаетъ какъ будто блуждать изъ стороны въ сторону—просто отъ усталости» (Лёббокъ). При восхожденіи отъ сознаванія индивидуальныхъ предметовъ къ сознаванію видовъ, затѣмъ родовъ, порядковъ и классовъ, каждый дальнѣйшій шагъ предполагаетъ все большую и большую способность къ группированію въ мысли, почти одновременно, многочисленныхъ, болѣе или менѣе сходныхъ предметовъ. Поэтому вполнѣ естественно, что умъ дикаря, въ которомъ не хватаетъ требующейся для этого воспроизводительной силы сознанія, скоро утомляется всякою мыслію за исключеніемъ самыхъ простыхъ. Отсюда его неспособность къ обобщеніямъ, къ составленію общихъ понятій, требующему значительной зрѣлости и напряженности мысли; болѣе общія и отвлеченныя идеи не доступны его уму, ибо въ немъ нѣтъ условій для ихъ образованія. Вслѣдствіе крайней конкретности мышленія и неспособности къ обобщеніямъ не можетъ явиться у дикаря идеи о взаимноотношеніи явленій, о ихъ причинной связи; поэтому онъ не имѣетъ данныхъ въ своемъ умѣ для сужденія о сравнительной достовѣрности фактовъ, ихъ возможности или невозможности; отсюда же крайнее легковѣріе въ немъ вполнѣ естественно. Отсутствіе идеи объ естественной причинности предполагаетъ отсутствіе и разумнаго удивленія: почти всѣ самыя низшія человѣческія рассы отличаются, по словамъ путешественниковъ, замѣчательнымъ равнодушіемъ ко всему новому и невиданному. Отсюда же, въ свою очередь, вытекаетъ естественно отсутствіе разумной любознательности, стремленія узнать что либо относительно новыхъ предметовъ; разумной пытливости нѣтъ у дикаря, онъ не чувствуетъ надобности въ объясненіи окружающихъ явленій, относясь къ нимъ съ полнымъ безучастіемъ. Неразвитымъ формамъ мыслительной дѣятельности у дикаря сопутствуетъ, наконецъ, недостатокъ творческаго воображенія. Этотъ недостатокъ естественно сопровождаетъ жизнь простаго воспріятія, подражательности, конкретныхъ идей и неспособности къ отвлеченнымъ идеямъ, представляемую намъ первобытнымъ человѣкомъ.

За обозрѣніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ общественнаго развитія Спенсеръ приступаетъ къ самой существенной части своей Соціологіи, въ вопросу объ идеяхъ, которыя составляютъ достояніе человѣка на первыхъ ступеняхъ его развитія *). Понятно само собою, что онъ считаетъ ихъ происходящими изъ наблюденій дикаря надъ явленіями окружающей его природы. Какія же «первобытныя идеи» слагаются у человѣка при дѣйствованіи вышеуказанныхъ факторовъ? Умъ дикаря, подобно уму цивилизованнаго человѣка, дѣйствуетъ, по словамъ Спенсера, посредствомъ классифицированія предметовъ и отношеній съ подобными имъ предметами и отношеніями, доходящими до сознанія эмпирическимъ путемъ. Конечно, правильное классифицированіе ихъ требуетъ значительной силы и высокой степени развитія мыслительной способности, имѣющей возможность охватить мыслью группы свойствъ, отличающія различные предметы, а равно и вытекающіе изъ этихъ свойствъ способы дѣйствія этихъ предметовъ. А такъ какъ умственныя качества первобытнаго человѣка далеки отъ такой степени развитія, то вполнѣ естественно, что у него являются простыя и смутныя классификаціи предметовъ и дѣйствій по ихъ наглядным сходствамъ съ другими, прежде извѣстными. Отсюда рождаются грубыя понятія, слишкомъ простыя и слишкомъ немногочисленный со стороны качественныхъ различій, чтобы представлять собою факты. Эти грубыя понятія неизбѣжно бываютъ несостоятельными и несообразными другъ съ другомъ до крайности. Какія же идеи возникаютъ въ умѣ первоначальнаго человѣка, живущаго среди извѣстныхъ явленій и предметовъ природы? Дикарь видитъ что на небѣ появляются, растутъ и исчезаютъ облака; являются ночью и исчезаютъ по утру звѣзды, каждый день восходитъ и заходитъ солнце, въ иныя ночи то же дѣлаетъ луна. Къ этимъ самымъ обыкновеннымъ и нап-

*) Приступая къ обозрѣнію и объясненію «первобытныхъ идей» (гл. VIII), Спенсеръ дѣлаетъ нѣсколько важныхъ и серьезныхъ замѣчаній о трудности опредѣленія, какія понятія могутъ быть признаны истинно-первобытными. Этими замѣчаніями мы воспользуемся ниже.

болѣе правильнымъ появленіямъ и исчезаніямъ слѣдуетъ прибавить еще другія, болѣе поразительнаго свойства: кометы, метеоры, сѣверное сіяніе, молнію, радугу, свѣтлыя кольца вокругъ солнца и луны. Всѣ эти и многія другія явленія (туманъ, вѣтеръ, лужицы воды послѣ дождя и пр.), будучи во многомъ различны между собою, имѣютъ то чисто внѣшнее, а потому и доступное наблюденію неразвитаго ума, сходство между собою, что всѣ то появляются, то исчезаютъ. Они представляютъ младенческому уму дикаря, въ многоразличныхъ формахъ, лишь одно: отношеніе между видомъ существованія доступнымъ для чувственнаго воспріятія и видомъ существованія недоступнымъ для чувственнаго воспріятія. Не имѣя запаса свѣдѣній естествознанія, какъ же дикарь мыслитъ это отношеніе? Здѣсь онъ походитъ на ребенка, спрашивающаго, куда ушло свѣтлое пятно, произведенное съ помощью зеркала на стѣнѣ (зайчикъ, какъ обыкновенно говорятъ). Возникшее въ его умѣ понятіе состоитъ не въ томъ, будто бы этотъ зайчикъ пересталъ существовать, а въ томъ, что онъ только скрылся изъ виду, подобно тому, какъ скрываются изъ виду люди, ушедшіе на извѣстное разстояніе, или скрывшіеся за другими предметами. Точно также и первобытныя идеи состоятъ въ томъ, что эти существованія то появляются, то прячутся. «Такъ образуется въ умѣ дикаря понятіе о двухъ состояніяхъ, видимомъ и невидимомъ, принадлежащихъ окружающимъ его предметамъ и явленіямъ. Рядомъ съ этимъ является понятіе и о двойственности, или дуализмѣ: каждая вещь, являясь и исчезая, имѣетъ въ его глазахъ двойственность, ибо имѣетъ эти двѣ взаимо-дополнительныя формы существованія. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о фактахъ другаго порядка, напечатлѣвающихъ въ умѣ первобытнаго человѣка убѣжденіе, что вещи могутъ превращаться изъ одного рода вещества въ вещество другаго рода. На это наводятъ его ископаемые остатки животныхъ и растеній, совершенно сходныя по формѣ и различныя по своему вещественному составу съ существующими животными и растеніями. Далѣе есть много фактовъ, способствующихъ образованію убѣжденія, что вещи могутъ измѣняться не только со стороны составляющаго ихъ вещества, но и формы. Такъ, сѣмя превращающееся въ растеніе—яйцо обращающееся въ птицу, метаморфозы въ жизни насѣкомыхъ—все это рождаетъ мысль, будто вещи могутъ, измѣняясь въ своемъ существѣ, мѣнять и свои формы, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляетъ понятіе о двойственности. Каждый предметъ есть не только то, чѣмъ онъ кажется, но потенціально онъ есть еще и нѣчто другое. Замѣчая собственную тѣнь, а равно и тѣни отбрасываемыя другими предметами, дикарь, конечно, не въ состояніи объяснить себѣ этого загадочнаго явленія и легко приходитъ къ убѣжденію, что тѣни—это особыя существованія, отдѣльныя отъ предметовъ, которые ихъ отбрасываютъ, хотя и находящіяся съ ними въ какой-то тѣсной связи, что-то въ родѣ двойника. Къ этому же признанію двойниковъ приводятъ дикаря и явленія отраженія. Двойникъ этотъ для дикаря есть реальность; его уму здѣсь является новое подтвержденіе его понятія, что всѣ существа имѣютъ два состоянія—видимое и невидимое, а равно усиленіе убѣжденія, о двойственности каждаго существа. Наконецъ, мысль о невидимомъ существованіи подтверждается для дикаря явленіемъ эхо, которое принимается за голосъ кого-то, кто прячется отъ людскихъ глазъ.

Таковъ, по теоріи Г. Спенсера, процессъ мышленія, которымъ первобытный человѣкъ составляетъ себѣ идеи о двойственномъ (или и болѣе) состояніи существованія и о возможности перехода всякаго существованія изъ одного состоянія въ другое. Эти, добытыя эмпирическимъ путемъ, идеи онъ называетъ первобытными, служащими зерномъ для всего міросозерцанія первобытнаго человѣка. Таковою же идеею Спенсеръ считаетъ идею объ одушевленномъ и неодушевленномъ. Способность различать движущееся—живое отъ неподвижнаго, присущая животнымъ, конечно, принадлежитъ человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Но первобытное міросозерцаніе не исчерпывается этими идеями. Здѣсь нѣтъ того, что Спенсеръ называетъ суевѣріями и что точнѣе было бы назвать вѣрованіями, хотя по большей части странными и нелѣпыми, нецивилизованныхъ расъ. Какимъ же образомъ должны мы объяснить себѣ суевѣрія? Что они предполагаютъ обыкновенно приписыванье жизни такимъ вещамъ, которыя ею не обладаютъ, это фактъ, отрицать котораго невозможно *). Но если первобытный человѣкъ не имѣетъ никакой склонности къ смѣшиванью живаго и неживаго, то какимъ же обра-

*) Изъ смѣшенія одушевленнаго съ неодушевленнымъ, или, точнѣе, изъ одушевленія всего существующаго Тайлоръ объясняетъ все, такъ называемое, первобытное міросозерцаніе человѣка, хотя и не объясняетъ процесса, посредствомъ котораго образуется въ умѣ дикаря такое смѣшеніе.

зомъ возможно объяснить чрезвычайное распространеніе, если не всеобщность, такихъ вѣрованій, которыя надѣляютъ личностью и приписываютъ одушевленность множеству неодушевленныхъ вещей?» Въ отвѣтъ на это возраженіе, Спенсеръ замѣчаетъ, что «эти вѣрованія не могутъ быть вѣрованіями первичными, но что они должны быть вторичными вѣрованіями, къ которымъ первобытный человѣкъ былъ приведенъ своими ранними попытками понять окружающій міръ». Есть нѣкоторыя явленія, которыя, вслѣдствіе своей поразительности и необъяснимости безъ знанія естественныхъ законовъ, могли привести наблюдающаго ихъ человѣка къ забвенію разницы между одушевленнымъ и неодушевленнымъ и породить цѣлую систему ошибочныхъ объясненій. «Существуютъ такія повторяющіяся состоянія, въ которыхъ живыя существа похожи на неживыя, и вотъ въ нѣкоторыхъ изъ явленій, сопутствующихъ этимъ состояніямъ, мы и найдемъ сѣмя той системы суевѣрій, которую строитъ себѣ первобытный человѣкъ». Изъ числа такихъ состояній Спенсеръ на первомъ мѣстѣ ставитъ наиболѣе обыкновенное—сонъ, съ сопровождающими его сновидѣніями.

Сновидѣнія, безспорно, представляютъ собою нѣчто такое, что невольно обращаетъ на себя вниманіе. Но пока у человѣка не образовалось понятія о душѣ, какъ о нѣкоторомъ особомъ началѣ психической дѣятельности, конечно, невозможно правильное ихъ объясненіе. Итакъ, какъ же объясняетъ ихъ себѣ нецивилизованный человѣкъ? Онъ видитъ, напр., во снѣ, что находится въ какихъ-то другихъ мѣстахъ, далеко отъ своего ложа и т. д. Но между тѣмъ, по наружному виду онъ оставался въ покоѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ заснулъ: въ этомъ убѣждаютъ его свидѣтельства окружающихъ, а равнымъ образомъ и то, что, проснувшись, онъ лежитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ заснулъ. Самый простой выходъ изъ этого затрудненія тотъ, что онъ одновременно былъ здѣсь и блуждалъ въ другомъ мѣстѣ, т. е. что онъ имѣетъ двѣ индивидуальности, изъ которыхъ одна по временамъ оставляетъ другую, но потомъ возвращается назадъ; слѣдовательно, и онъ, подобно другимъ вещамъ, имѣетъ двойственное состояніе *). Рядомъ съ вѣрованіемъ въ то, что все видѣнное во снѣ происходило на самомъ дѣлѣ, естественно возникаетъ вѣрованіе въ реальное бытіе видѣнныхъ во снѣ лицъ и предметовъ. Отсюда онъ приходитъ къ признанію существованія и такихъ предметовъ, какихъ не видывалъ въ бодрственномъ состояніи, которые даже противорѣчатъ опыту обыденной его жизни. Такимъ образомъ взглядъ дикаря на сновидѣнія не только порождаетъ ложныя представленія, но и подрываетъ въ немъ довѣріе къ добытымъ эмпирическимъ путемъ. Здѣсь коренное начало, основной зародышъ всей той организаціи, которую могутъ принять случайныя наблюденія первобытнаго человѣка надъ вещами. Это вѣрованіе въ принадлежащее ему другое я гармонируетъ со всѣми тѣми обнаруженіями двойственности, которыя доставляются окружающими его вещами, а также, въ равной степени, съ тѣми многочисленными случаями перехода вещей изъ видимаго состоянія въ невидимое и обратно. Мало того, сравненіе открываетъ ему извѣстное сходство между его собственнымъ двойникомъ и двойниками другихъ предметовъ: у него есть тѣнь, и у нихъ; видимая днемъ, она, должно быть, уходитъ отъ него; слѣдовательно, эта тѣнь и есть его двойникъ, другое я—душа, могущее временно быть въ въ немъ и временно отлучаться.

Мысль о другомъ я, могущемъ на время разлучаться съ тѣломъ, поддерживается и укрѣпляется въ дикарѣ нѣкоторыми, аналогичными со сномъ, явленіями: обморокомъ, апоплексіей, состояніемъ каталепсіи, экстатитескаго изступленія и другими формами безчувственности. Замѣчая, что безчувственное состояніе слѣдуетъ иногда за дѣйствіемъ врага (напр. ударомъ по головѣ), дикарь склоняется думать, что и вообще безчувственность, или, по его понятію, удаленіе, болѣе или менѣе продолжительное, изъ человѣка другаго я зависитъ тоже отъ дѣйствія (иногда невидимаго) другихъ враговъ.

«Нѣтъ ничего столь вѣрнаго, какъ смерть, и ничего столь невѣрнаго, какъ опредѣленіе дѣйствительности ея наступленія; существуетъ множество примѣровъ людей, погребенныхъ заживо или очутившихся уже на самомъ краю могилы, прежде чѣмъ окружающіе замѣтили, что въ нихъ тлѣетъ еще жизнь; разсказываютъ даже о такихъ случаяхъ, когда люди воскресали подъ ножемъ анатома». Если же, такимъ образомъ, и при настоящемъ высокомъ уровнѣ естествознанія часто бываетъ трудно отличить мертваго отъ еще живаго, то само собою понятно, что для человѣка нецивилизованнаго немыслимъ взглядъ на смерть, какъ на окончаніе жизни. Сопоставляя смерть съ состояніями по внѣшности

*) См. Тайлора. «Первобытн. культура». Т. II, стр. 18—28. Лёббока. «Начало цивилизаціи», стр. 156—159.

ей подобными,—сномъ, обморокомъ и т. под., дикарь естественно по аналогіи заключаетъ, что и они суть не иное что, какъ удаленіе изъ человѣка его двойника, удаленіе временное, хотя и продолжительное. Погребальные обряды, существующіе у низшихъ расъ, скрываютъ въ себѣ убѣжденіе, что смерть есть лишь временная остановка жизни *). Попытка оживить трупъ побоями и другими суровыми мѣрами, призываніе усопшаго по имени и обращеніе къ нему съ упреками или вопросами, предложеніе ему пищи и питья, принимаемыя мѣры, чтобы устранить отъ него всякія неудобства, доставленіе ему огня для согрѣванія и приготовленія пищи—все это указываетъ, что покойникъ считается еще продолжающимъ жить. Идея воскресенія, мысль, что оставившій человѣка двойникъ снова возвратится въ него, какъ это бываетъ послѣ сна, или обморока, ясно выражается въ стремленіи сохранить трупъ отъ истерзанія звѣрями, или отъ поврежденія закапывать его въ землю, помѣщать въ глубинѣ пещеръ, въ руслѣ рѣкъ, (хоронить—прятать) сушить на медленномъ огнѣ, бальзамировать. Все это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы возвратившійся двойникъ засталъ свое тѣло такимъ, какъ оставилъ его. Мало по малу смерть дифференцируется отъ аналогичныхъ съ ней явленій (сна, обморока и т. д.) и представляется, какъ удаленіе двойника на продолжительное время; а сообразно съ этимъ и воскресеніе отдаляется на продолжительный срокъ.

Второе я, приписываемое каждому человѣку, въ началѣ не различается отъ своего оригинала ничѣмъ. Оно представляется столь же видимымъ и матеріальнымъ, какъ онъ, — не менѣе его способнымъ испытывать голодъ, жажду, боль и т. д. Мало по малу это представленіе измѣняется: прогрессирующая мысль приписываетъ духу умершаго все менѣе и менѣе грубую матеріальность; этотъ духъ, обладавшій въ началѣ лишь временною второй жизнью, постепенно пріобрѣтаетъ вѣчную, причемъ онъ болѣе и болѣе уклоняется по своей сущности отъ тѣла и наконецъ превращается въ какое-то эѳирное существо **). Такъ образуется понятіе о душахъ умершихъ людей; здѣсь же основа вѣры въ привидѣнія. Загробная жизнь представляется сначала какъ буквальное повтореніе земнаго существованія. Отсюда обычай хоронить вмѣстѣ съ умершимъ разные предметы, которыми онъ пользовался при жизни—одежду, оружіе, пищу, а также убивать на могилѣ и хоронить съ нимъ его домашнихъ животныхъ, рабовъ, женъ. Потомъ, подобно тому, какъ идея о смерти становится постепенно все болѣе и болѣе отличной отъ идеи о простой пріостановкѣ жизни, а ожидаемое воскресеніе мертвыхъ представляется какъ долженствующее наступить въ болѣе и болѣе отдаленныя времена, — и различіе между здѣшнею и загробною жизнью етановится болѣе и болѣе рѣшительнымъ. Загробная жизнь начинаетъ все болѣе и болѣе уклоняться отъ земной по своей меньшей матеріальности, по возрастающему несходству занятій, по своимъ наслажденіямъ и т. д. То же самое происходитъ и съ идеею о загробномъ мірѣ. Сначала нецивилизованный человѣкъ думаетъ, что умершіе живутъ около своихъ могилъ и жилищъ; потомъ переводитъ ихъ мѣстопребываніе въ какой нибудь лѣсъ, на гору, за море, въ мѣста прошедшаго обитанія племени и т. д.; наконецъ, это мѣсто переносится въ какую-то неопредѣленную безвѣстную даль.

Переходя, послѣ изложенія идей о загробной жизни и мѣстопребываніи умершихъ, къ обозрѣнію идей о естественныхъ дѣятеляхъ Спенсеръ дѣлаетъ оговорку: «слово сверхъестественный имѣетъ смыслъ лишь какъ противоположность съ словомъ естественный, и пока не достигнута идея о правильной причинности, которую мы называемъ естественной, до тѣхъ поръ не можетъ существовать и той идеи, которая обозначается словомъ сверхъестественный. Я вынужденъ употреблять это слово, за неимѣніемъ лучшаго, но считаю своею обязанностью остеречь читателя отъ приписыванія первобытному человѣку понятія, которое внушается намъ этимъ словомъ». Итакъ, что же это за сверхъестественные, по воззрѣнію первобытнаго человѣка, дѣятели, замѣняющіе собою естественныя причины естественныхъ явленій?

Такими дѣятелями признаетъ первобытный человѣкъ духовъ умершихъ. Населяя ими весь міръ, приписывая имъ способность появляться и исчезать и дѣйствовать такими способами, которыхъ нельзя предвидѣть заранѣе, дикарь начинаетъ считать ихъ причиною всего для него страннаго и необъяснимаго: всѣ перемѣны, какія

*) См. подобную мысль у Цицерона: «Itaque unum illud erat insitum priscis his, quos cascos apellat Ennius, esse in morte sensum, neque excessu vitae sic deleri hominem, ut funditus interiret; idque quum multis altiis rebus, tum e pontificio jure et caeremoniis sepulcrorum intelligi licet». Tusc. I, c. XII.

**) См. «Историческ. развитіе ученія о душахъ, начиная отъ эѳирной души первобытной біологіи до невещественной души современной теологіи»—у Тайлора, II, 75—77.

онъ замѣчаетъ на землѣ и на небѣ, онъ начинаетъ считать ихъ дѣяніями. Далѣе, такъ какъ духи находятся постоянно по близости живыхъ и доступны чувствамъ дружбы и вражды, то вполнѣ естественно, что они вмѣшиваются въ дѣла людей или помогая, или мѣшая ихъ дѣйствіямъ.

Вмѣшательство злыхъ духовъ въ жизнь человѣка обнаруживается, по воззрѣнію первобытнаго человѣка, въ состояніяхъ эпилепсіи и конвульсій, горячечнаго бреда и помѣшательства, наконецъ—вообще болѣзней и смерти. Сообразно съ своимъ взглядомъ на эти состоянія, онъ объясняетъ себѣ ихъ причину такимъ образомъ. Во время, напр., эпилепсіи двойникъ человѣка уходитъ изъ него; но между тѣмъ находящійся въ этомъ и подобныхъ состояніяхъ больной совершаетъ нѣкоторыя дѣйствія, относительно которыхъ, пришедъ въ себя, утверждаетъ, что ихъ не дѣлалъ. Какъ же объяснить ихъ причину? Если двойникъ можетъ уходить изъ человѣка, то нѣтъ ничего невозможнаго, что въ его отсутствіе входитъ въ человѣка другой духъ и, по своей враждебности къ нему, причиняетъ ему разныя страданія. Отсюда падучая, судороги, горячечный бредъ и пр. приписываются дѣйствію злобныхъ двойниковъ мертвецовъ. Кромѣ того, эта теорія одержанія, объясняющая всѣ дѣйствія индивида, совершаемыя имъ помимо собственной воли и желанія, дѣлаетъ понятнымъ такія дѣйствія, какъ зевота, чиханіе и т. п. Мало по малу и всякія болѣзни начинаютъ считаться дѣйствіями злыхъ духовъ, если и невходящихъ въ человѣка, то существующихъ близъ него. А такъ какъ за болѣзнями слѣдуетъ смерть, то и она должна зависѣть отъ той же причины и быть признана результатомъ враждебнаго дѣйствія духовъ.

Но если, такимъ образомъ, злая душа умершаго врага можетъ входить въ человѣка и причинять ему зло, то, наоборотъ, духъ умершаго друга (предка) не можетъ ли также входить въ живаго человѣка съ доброю цѣлію помочь ему? Конечно, съ точки зрѣнія первобытнаго человѣка, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Такъ, параллельно съ вѣрованіемъ въ одержаніе злыми духами, является вѣрованіе въ одержаніе добрыми, откуда объясняются вдохновенія, ясновидѣнія, заклинаніе, колдовство. Далѣе, если злобный духъ вошелъ въ человѣка, то нельзя ли его оттуда выгнать? За это дѣло берется заклинатель, совершающій его при содѣйствіи добрыхъ духовъ. Такъ образуется цѣлая система волшебства, или чародѣйства.

Итакъ, духи умершихъ могутъ оказывать, доброе или злое, воздѣйствіе на жизнь людей. Отсюда естественно слѣдуетъ простое, основанное на благоразуміи, заключеніе, что нужно вести себя относительно ихъ такъ, чтобы заслужить ихъ благоволеніе и отвратить гнѣвъ. Лучшій путь для достиженія этой цѣли—умилостивлять духовъ, когда они находятся въ гнѣвѣ, и стараться дѣлать имъ пріятное, когда они дружественно расположены къ намъ. «Изъ этого стремленія первобытнаго человѣка по мнѣнію Спенсера, происходятъ всѣ обряды чествованія мертвецовъ, а религіозные обряды суть не иное что, какъ тѣ же погребальные». Страхъ, возбужденный мертвецомъ, выростаетъ въ чувство сходное съ тѣмъ, которое возбуждается мѣстами и вещами, употребляемыми для религіозныхъ цѣлей». Первоначальное священное мѣсто есть то, гдѣ покоятся умершіе и гдѣ, по убѣжденію первобытныхъ людей, бродятъ тѣни этихъ умершихъ. Надстройка, охраняющая гробницу, развивается въ храмъ; а самая гробница превращается въ алтарь. Пища, питье и другія вещи, отдаваемыя умершему, развиваются въ жертвоприношенія и возліянія богамъ. Закланія и уродованія людей на гробницѣ переходятъ въ жертвенныя закланія и приношенія крови на алтарь божества. Воздержаніе отъ пищи, ради предоставленія большаго ея количества духу умершаго, развивается въ постъ, имѣющій значеніе религіознаго обряда. Восхваленія умершихъ, воспѣваемыя при погребеніи и повторяющіяся на торжественныхъ поминальныхъ тризнахъ, переходятъ въ славословія, составляющія часть религіознаго поклоненія. Подобно этому, моленія, обращаемыя къ умершему, о помощи, благословеніи, покровительствѣ становятся молитвами, возсылаемыми къ божествамъ о тѣхъ же предметахъ. Вообще, всякій религіозный обрядъ происходитъ изъ какого нибудь погребальнаго, параллельно тому, какъ страхъ къ умершему переходитъ въ религіозное къ нему отношеніе.

Изъ предыдущаго уже ясно, что первоначальною формою религіи должно быть признано поклоненіе мертвымъ, что божества первобытныхъ людей суть не иное что, какъ духи умершихъ именно—предковъ, какъ лицъ наиболѣе близкихъ. «Разсматривая всю совокупность человѣческихъ группъ,—

племена, общества, народы, — мы находимъ, что, если не буквально повсюду, то почти повсюду имѣется вѣрованіе въ оживающее другое я покойника, вѣрованіе, то смутное и шаткое, то прочное и ясно опредѣленное. Внутри этого класса человѣческихъ группъ мы находимъ нѣсколько меньшій классъ, члены котораго, обладая опредѣленною вѣрою въ другое я усопшаго, предполагаютъ, что это другое я существуетъ въ теченіи значительнаго промежутка времени послѣ смерти человѣка. Почти столь же многочисленъ дальнѣйшій классъ, заключающійся въ предыдущемъ и характеризующійся тѣмъ, что члены его обнаруживаютъ умилостивленіе тѣней усопшихъ, имѣющее мѣсто не только при погребеніи, но и послѣ въ теченіи извѣстнаго промежутка времени. Затѣмъ, внутри этого послѣдняго члена идетъ новый, болѣе тѣсный классъ, состоящій изъ болѣе осѣдлыхъ и прогрессивныхъ народовъ, которые, рядомъ съ развитымъ вѣрованіемъ въ безсмертную душу, существующую вѣчно, обнаруживаютъ правильно постоянное поклоненіе предкамъ. Послѣ этого мы имѣемъ еще болѣе ограниченный, хотя вовсе не малочисленный, классъ народовъ, у которыхъ поклоненіе предкамъ отличившимся, знаменитымъ начинаетъ подчинять себѣ поклоненіе незначительнымъ, обыкновеннымъ предкамъ. И, наконецъ, такое поклоненіе, все возрастая и возрастая, становится наиболѣе рѣзко замѣтнымъ тамъ, гдѣ эти знаменитые предки были вождями расъ — побѣдительницъ».

Какъ духъ умершаго предка былъ типомъ сверхъестественнаго существа, изъ котораго въ послѣдствіи развились всѣ другіе типы сверхъестественныхъ существъ, такъ и разные формы богопочтенія развились изъ поклоненія предкамъ. Изъ поклоненія предкамъ естественно выродилось идолопоклонство. Отъ поклоненія трупу умершаго, который для этой цѣли высушивается и бальзамируется, было очень нетрудно перейти къ чествованію его изображенія. Такое изображеніе становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ идоломъ, а его умилостивленіе (жертвами и под.) превращается въ установленное богопоклоненіе. Но такъ какъ дѣйствительными предметами поклоненія остаются двойники умершихъ, заключенные, по мнѣнію дикаря, въ этихъ изображеніяхъ, и такъ какъ всѣ приносимыя жертвы относятся въ дѣйствительности къ этимъ двойникамъ умершихъ, то изъ этого слѣдуетъ, что всякое идолопоклонство (которое всегда возникаетъ этимъ путемъ) есть ничто иное, какъ уклонившееся въ сторону поклоненіе предкамъ. То же самое нужно сказать и относительно фетишизма. По воззрѣнію дикаря, духъ умершаго можетъ вселяться не только въ его изображеніе, но и во всякій предметъ, или имѣющій грубое сходство съ человѣкомъ, или частями его тѣла (ископаемыя, кости и т. п.), или такой, который вслѣдствіе соприкосновенія съ тѣломъ человѣка могъ впитать его запахъ (духъ). Поэтому, присутствіе духовъ начинаетъ предполагаться не только въ идолахъ, но и въ различныхъ фетишахъ. Доказательствомъ того, что умилостивленіе духовъ, вселившихся въ различные предметы, составляющее сущность фетишизма, есть не иное что, какъ результатъ ученія о душахъ умершихъ,—кромѣ многихъ другихъ,—служитъ то, что фетишизма нѣтъ тамъ, гдѣ не существуетъ ученія о душахъ усопшихъ, или гдѣ это ученіе развито лишь въ слабой степени, и что степень его развитія пропорціональна степени развитія ученія о душахъ усопшихъ.

Также происшедшими изъ поклоненія духамъ предковъ Спенсеръ считаетъ, кромѣ идолопоклонства и фетишизма, и поклоненіе животнымъ и растеніямъ. Уже въ томъ первобытномъ вѣрованіи, что всякое существованіе можетъ мѣнять одну форму на другую, есть для дикаря основаніе допустить возможность перехода духа человѣка и въ животное. Но кромѣ этого можно указать и еще основанія для предположенія, что зоолатрія есть измѣненная форма культа предковъ. Спенсеръ указываетъ три пути, посредствомъ которыхъ первобытный человѣкъ приходитъ къ отожествленію животнаго съ предкомъ.

Дикарь признаетъ, что духъ умершаго держится постоянно около своего земнаго жилья, или по крайней мѣрѣ часто туда является (здѣсь объясненіе сновидѣній, въ которыхъ часто видятся умершіе). Съ другой стороны, нѣкоторыя животныя (напр. змѣи) имѣютъ обыкновеніе проникать, притомъ тихонько, по ночамъ, въ жилища людей. Не просто ли заключить отсюда, что въ видѣ этихъ животныхъ являются духи умершихъ?

Далѣе, духи усопшихъ имѣютъ обыкновеніе бродить около мѣстъ погребенія трупа. Отсюда естественно возникаетъ вѣрованіе, что разныя животныя (напр. совы, летучія мыши и т. д.), любящія привитать въ пещерахъ, гдѣ кладется трупъ и вообще въ мѣстахъ погребенія, отожествляются съ духами здѣсь похороненныхъ мертвецовъ.

Наконецъ, отожествленію животныхъ съ духами умершихъ всего болѣе способствуетъ бѣдность первобытнаго языка, изобилующаго вообще метафорами. Извѣстно, что у дикихъ люди носятъ имена животныхъ. Отсюда, при неспособности первобытнаго языка передать потомству разницу между животнымъ и человѣкомъ, носившимъ его имя, является смѣшеніе имени съ личностью умершаго предка (носившій имя Тигра, напр., въ послѣдствіи отожествляется съ тигромъ и т. п.). Здѣсь основаніе уваженія къ животному, какъ прародителю, религіознаго чествованія животныхъ, вѣрованія въ божества полуживотнаго и получеловѣческаго характера. Здѣсь же основа ученія о метемпсихозѣ.

Что касается поклоненія растеніямъ, то и здѣсь Спенсеръ указываетъ три основанія, какія имѣлъ первобытный чоловѣкъ къ отожествленію ихъ съ духами предковъ.—По взгляду дикаря, различныя ненормальныя состоянія человѣка зависятъ отъ того, что въ него входитъ чужой двойникъ. А такъ какъ нѣкоторыя растенія,—посредствомъ добытыхъ изъ нихъ ядовитыхъ веществъ, или ихъ перебродившихъ соковъ,—производятъ нервныя возбужденія и т. п., то естественно, что такое дѣйствіе приписывается духамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое возбужденіе имѣетъ пріятный характеръ, духъ растенія, принятый въ себя человѣкомъ вмѣстѣ съ его сокомъ, разсматривается какъ благодѣтельное существо, отожествляемое иногда съ предкомъ и развивающееся постепенно въ божество.—Далѣе, племена, выселившіяся изъ мѣстностей, отличающихся какими либо особенными растеніями, незамѣтно для самихъ себя измѣняютъ легенду о выхожденіи изъ мѣстностей, гдѣ растутъ подобныя деревья, въ легенду о собственномъ происхожденіи отъ нихъ, такъ какъ ихъ языкъ не въ силахъ выразить этого различія. Отсюда—смѣшеніе деревьевъ съ обоготворенными предками.—Наконецъ, здѣсь играетъ роль и обычай называть людей именами деревьевъ, изъ чего проистекаетъ такой же результатъ, какъ и изъ обычая называть людей именами животныхъ. Поклоненіе великимъ явленіямъ и силамъ природы, подобно всѣмъ остальнымъ родамъ поклоненія, есть не иное что, какъ одна изъ формъ поклоненія предкамъ; только форма эта утратила еще въ большей степени, чѣмъ всѣ предыдущія, внѣшніе признаки своего первоначальнаго происхожденія. Частію вслѣдствіе смѣшенія прародителей даннаго племени съ какимъ либо замѣчательнымъ предметомъ, характеризующимъ родную страну этого племени (гора, море), частію вслѣдствіе буквальнаго пониманія даваемыхъ при рожденіи именъ (полнолуніе, утро, зоря и пр.), частію же вслѣдствіе столь же буквальнаго пониманія именъ, даваемыхъ въ послѣдствіи ради восхваленія и прославленія (солнце, солнцевъ сынъ, сосвѣздіе и под.),—проистекли вѣрованія въ происхожденіе отъ горъ, океана, зори, отъ животныхъ, превратившихся въ созвѣздія, и отъ личностей, жившихъ когда-то на землѣ и ставшихъ въ послѣдствіи мѣсяцемъ и солнцемъ. Вѣря безъ разсужденій въ слова предковъ, дикари и полуцивилизованные люди были вынуждены совокуплять самымъ страннымъ образомъ естественныя силы природы съ человѣческими свойствами и исторіями, и были приведены такимъ образомъ къ страннымъ обычаямъ умилостивленія этихъ земныхъ и небесныхъ предметовъ помощью приношенія имъ въ жертву пищи и крови, т. е. такихъ приношеній, которыя они обыкновенно дѣлили другимъ своимъ предкамъ.

Пока люди именовались названіями различныхъ предметовъ природы, они не имѣли возможности выжить въ преданіи въ своей человѣческой формѣ, и поклоненіе имъ, какъ предкамъ, становилось поклоненіемъ тѣмъ предметамъ, съ которыми они отожествлялись по имени. Но когда явились такія имена, которыя не принадлежали въ то же время и предметамъ природы, люди начали сохраняться въ преданіи, какъ люди. Для тѣней умершихъ получилась возможность удерживать ихъ антропоморфическія индивидуальности въ теченіи очень долгаго времени послѣ смерти современниковъ умершихъ, и такимъ образомъ явился на свѣтъ антропоморфическій пантеонъ. Такъ какъ дикарь склоненъ считать все выходящее изъ ряда вонъ сверхъестественнымъ, или божественнымъ,—то ничего нѣтъ страннаго, что онъ приписываетъ божественность людямъ, такъ или иначе выдающимся изъ ряда другихъ. Замѣчательный, а за это и обоготворенный, человѣкъ можетъ быть просто самымъ отдаленнымъ предкомъ извѣстнаго племени, или это какой нибудь вождь, прославившійся своею силою и храбростію, или знахарь, обладавшій искусствомъ дѣлать необъяснимыя вещи, или изобрѣтатель чего либо новаго и т. д. Будучи въ началѣ одною изъ перечисленныхъ личностей, внушающихъ дикарю болѣе или менѣе сильный страхъ, этотъ человѣкъ внушаетъ ему еще бо́льшій страхъ послѣ своей смерти, и умилостивленіе его духа, принимая бо́льшіе размѣры, чѣмъ уми-

лостивленіе духовъ, внушающихъ меньшій страхъ, развивается постепенно въ прочно установленное поклоненіе.

Мы изложили существенное содержаніе книги Спенсера. Остается прибавить, что каждую свою мысль онъ старается подтвердить множествомъ фактическихъ доказательствъ. Собственно говоря, его «Основанія Соціологіи» представляютъ собою массу тщательно сгруппированныхъ по извѣстнымъ рубрикамъ фактовъ изъ жизни народовъ, стоящихъ на низкой ступени культурнаго развитія. Но Спенсеръ имѣетъ претензію быть не только этнологомъ-описателемъ, но и философомъ: онъ не ограничивается изложеніемъ воззрѣній дикаря на тотъ или другой предметъ, даже не останавливается на объясненіи каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, на указаніи субъективныхъ и объективныхъ ихъ основъ, но задается цѣлію объяснить ихъ первоначальное происхожденіе, изобразить внутренній процессъ образованія въ душѣ человѣка первобытныхъ, какъ онъ выражается, идей, ихъ постепенное развитіе во внутренней причинной связи и послѣдовательности. Онъ не столько разсказываетъ, сколько доказываетъ, не смотря на то, что большая часть его книги занята именно разсказами путешественниковъ и миссіонеровъ,—доказываетъ извѣстныя положенія, имѣющія основы въ общей его философской системѣ. Отсюда, его сочиненіе, особенно въ тѣхъ его главахъ, гдѣ говорится о первобытныхъ идеяхъ и вѣрованіяхъ, должно быть разсматриваемо какъ философскій трактатъ о первобытномъ человѣкѣ, его міросозерцаніи и религіи.

Не смотря на свою кажущуюся осторожность и отвращеніе къ апріорнымъ построеніямъ, Спенсеръ, желая всегда стоять на чисто эмпирической почвѣ, является виновнымъ именно въ томъ, что такъ рѣзко и рѣшительно осуждаетъ въ другихъ. Всѣ многочисленные факты, собранные въ «Основаніяхъ Соціологіи», служатъ ему вовсе не для изображенія міросозерцанія тѣхъ дикарей, изъ жизни которыхъ они взяты, а для доказательства, во что бы то ни стало, истинности принимаемаго имъ общаго «закона развитія», выражающагося, по его терминологіи, дифференцированьемъ однороднаго и интегрированьемъ разнороднаго и многосложнаго. Этому закону, который Спенсеръ старался установить еще въ «Основныхъ началахъ», т. е. первой части своей философской системы, одинаково подчинены, по его мнѣнію, всѣ явленія въ мірѣ. И генезисъ вѣрованій также представляетъ для него «такой же живой образчикъ» закона развитія, «какъ и всякій другой естественный процессъ».

Нужно прежде всего замѣтить, что въ этомъ основномъ пунктѣ своей философской доктрины, въ его примѣненіи какъ вообще къ историческому пониманію человѣческой жизни, такъ въ частности къ исторіи религіи, нашъ авторъ является ревностнымъ послѣдователемъ уже давно родившейся и многообразно раскрытой теоріи прогресса. Правда, теорія развитія, проводимая Спенсеромъ, не можетъ быть признана вполнѣ тожественною съ теоріею прогресса, а лишь ея видоизмѣненіемъ, совершившимся подъ вліяніемъ Дарвина. Но въ основѣ и той и другой лежитъ одно и то же положеніе, что человѣчество идетъ постоянно впередъ и вся его исторія есть восхожденіе отъ состоянія дикости къ цивилизаціи. Еще въ XVIII вѣкѣ, знаменитый историкъ Гиббонъ высказалъ взглядъ на ходъ человѣческой культуры, въ существенныхъ чертахъ вполнѣ сходный со взглядомъ современныхъ этнологовъ-прогрессистовъ *), а равно и Спенсера. Что касается области вѣрованій, то мысль о постепенномъ, естественномъ развитіи и усовершенствованіи религіи впервые была раскрыта извѣстнымъ скептикомъ XVIII столѣтія, шотландцемъ Юмомъ. Этотъ философъ, въ своей «Естественной исторіи религіи», развивалъ ту мысль, что начавшись, соотвѣтственно вообще первобытной грубости и неразвитости человѣчества, формами самаго грубаго политеизма, религія постепенно достигала своего усовершенствованія. Спенсеръ сходится съ Юмомъ не только какъ приверженецъ закона развитія съ прогрессистомъ, но и по самому методу изслѣдованія: оба они берутъ фактъ изъ области исторіи или этнографіи, и желаютъ дать ему психологическое объясненіе.

Мысль о прогрессѣ въ области вѣрованій получила широкую распространенность и развитіе въ нѣмецкой идеально-пантеистической философіи, которая на всѣ явленія міровой жизни и человѣческой исторіи смотрѣла какъ на постепенное раскрытіе единаго, всеобщаго идеальнаго начала (абсолютнаго), которое постепенно приходитъ къ самосознанію въ духѣ конечномъ, человѣческомъ. Конечно, было бы смѣшно толковать о сходствѣ воззрѣній современнаго англійскаго писателя, стоящаго, или, по крайней мѣрѣ, старающагося стоять на почвѣ фактовъ, съ философами

*) Тайлоръ, т. 1. гл. 2.

нѣмецкаго идеализма *), но нельзя не обратить вниманія на любопытное совпаденіе въ основной мысли и методѣ изслѣдованія того и другихъ. Какъ это ни кажется страннымъ, но эмпирикъ Спенсеръ является, въ качествѣ философа религіи, ревностнымъ послѣдователемъ идеалиста-діалектика Гегеля. По ученію этого послѣдняго, состояніе первобытнаго человѣка есть состояніе животнаго, безразлично и безсмысленно относящагося къ добру и злу, въ соотвѣтствіе чему и первоначальная религія должна отличаться грубостью и несовершенствомъ; только съ послѣдующимъ развитіемъ человѣка начинаютъ очищаться и совершенствоваться его вѣрованія. Но такой взглядъ на первобытное состояніе человѣка и его вѣрованія, понятный у отвлеченнаго мыслителя, которымъ, ради высшихъ соображеній разума, игнорировалась дѣйствительность, является странностью у писателя, претендующаго держаться на почвѣ фактовъ. Правда, у Спенсера не замѣчается такой произвольности въ обозначеніи стадій религіознаго развитія человѣчества, какъ это дѣлается въ апріорно-построенныхъ философскихъ системахъ, чѣмъ онъ рѣзко выдѣляется изъ ряда философовъ даже матеріалистовъ (въ родѣ Фейербаха) и позитивистовъ (О. Конта). Но онъ твердо держится положенія, что первобытное состояніе человѣка есть состояніе дикости и звѣрскости. Еще Гоббзъ высказалъ мнѣніе, что естественное (какъ выражались въ XVIII в.) состояніе человѣка есть именно состояніе какой-то звѣрскости: необузданно и атомистически здѣсь господствуютъ грубыя побужденія и желанія, своекорыстные аффекты и страсти, которыя необходимымъ образомъ превращаютъ естественное состояніе человѣчества въ войну всѣхъ противъ всѣхъ **). Но такое мнѣніе, въ настоящее время, правда, принимаемое многими серьезными учеными, пока можетъ быть признано лишь гипотезой, не имѣющей прочныхъ научныхъ основаній. Историческія и этнологическія данныя далеко еще не даютъ права утверждать, что состояніе дикости есть состояніе первобытности и что, поэтому, современный дикарь есть представитель первобытнаго человѣка. Современные Парсы безспорно потомки и наслѣдники древнихъ Эранцевъ; но что общаго между стоявшими на высокой степени культуры почитателями Агурамазды и современнымъ парсизмомъ? Относительно племени Маори, которыхъ обыкновенно считаютъ дикарями, теперь извѣстно, что въ прежнее время они были гораздо цивилизованнѣе, чѣмъ теперь. Примѣры, приводимые Спенсеромъ, показываютъ, что у нѣкоторыхъ племенъ земнаго шара, которыхъ онъ считаетъ дикарями, существуютъ такія-то вѣрованія, но большаго они не говорятъ, оставляя открытымъ вопросъ не только о томъ, можно ли эти племена считать не только представителями первобытнаго человѣчества, но даже и дикарями. Фактъ упадка сравнительно высокихъ цивилизацій и перехода ихъ въ низшія стадіи культурнаго развитія слишкомъ извѣстенъ, чтобы на немъ останавливаться. Если же такъ, то отъ чего не допустить обратнаго положенія, или по крайней мѣрѣ предположенія, что состояніе теперешнихъ дикарей есть состояніе одичанія? Для безпристрастнаго мышленія,—не затемненнаго предвзятою мыслью ни о безусловномъ прогрессѣ, ни о постепенномъ паденіи въ исторической жизни человѣка,—здѣсь нѣтъ ничего невозможнаго. И наряду съ теоріей, желающей видѣть въ бытѣ дикарей первые зачатки культурнаго развитія, существуетъ же, также основывающееся на фактическихъ данныхъ изъ жизни нецивилизованныхъ расъ, совершенно обратное мнѣніе, не признающее современную цивилизацію постепенно развившеюся изъ этихъ зачатковъ *).

Изъ исторіи религіи можно привести множество примѣровъ, показывающихъ, что древнѣйшія вѣрованія извѣстной націи отличались большею возвышенностью и чистотою, чѣмъ позднѣйшія, и черезъ это опровергающихъ мысль о прогрессѣ въ развитіи религіознаго сознанія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно, указываемое Максомъ Мюллеромъ, мѣсто изъ Ригъ-Вѣды. Въ одномъ изъ гимновъ этого древнѣйшаго памятника арійскихъ вѣрованій говорится: «Кто знаетъ и кто скажетъ, откуда пришли боги и откуда это обширное твореніе? Боги пришли послѣ, чѣмъ явилось твореніе. Кто же знаетъ, откуда пришли они? Только тотъ, отъ котораго произошла эта широкая вселенная, только онъ, всеозирающій съ высотъ неба, знаетъ это **).

*) Обозрѣніе и критику философскихъ теорій относительно религіи см. въ соч. В. Д. Кудрявцева. «Религія, ея сущность и происхожденіе». М. 1871. Еще у преосв. Хрисанфа. «Религія древняго міра». Т. 1, 34 — 47.

**) Его извѣстное «Bellum omnium contra omnes». Куно-Фишера. «Реальная философія и ея вѣкъ». Спб. 1870, стр. 299.

*) Perty. «Anthropologische Vorträge». 1863 г., стр. 141. См. Г. Воеводскаго. «Каннибализмъ, въ греч. миѳахъ». § 2-ой.

**) Цит. у преосв. Хрисанѳа.—1,52. Сл. Rig-Veda, trad. par Langlois, стр. 595.

Такимъ образомъ, въ религіозномъ сознаніи Индусовъ вѣдійскаго періода жило представленіе о Богѣ въ отличіи отъ боговъ, о Богѣ, какъ всемогущемъ творцѣ вселеной, старшемъ всѣхъ боговъ, даже вѣчномъ *). Конечно, было бы слишкомъ смѣло утверждать на этомъ основаніи, что въ Вѣдахъ можно видѣть монотеистическое міросозерцаніе, или первобытную чистую религію **). Но здѣсь отразилось то далекое состояніе религіознаго сознанія, когда еще облики отдѣльныхъ божествъ не приняли опредѣленныхъ очертаній, когда не было политеизма вполнѣ опредѣлившагося, но въ то же время и слово Богъ не обратилось еще въ нарицательное имя различныхъ, отдѣльныхъ другъ отъ друга предметовъ ***). Здѣсь «каждый богъ для поклонника то же, что всѣ боги. Онъ чувствуется какъ истинное божество, высшее и безпредѣльное, безо всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя, по нашему представленію, при множественности боговъ, должны явиться для каждаго отдѣльнаго бога». Здѣсь nomina не обратились еще въ numina; посему, къ какому бы богу ни обращался поклонникъ, онъ сознаетъ его какъ высшее божество, называя его: «Индра, Митра, Варуна, Агни; того, который единъ, называютъ Агни, Яма, Матарисванъ»****).

Во всякомъ случаѣ, не смотря на хаотическій безпорядокъ, въ которомъ рисуютъ намъ Вѣды древнѣйшее религіозное состояніе индо-европейскихъ народовъ, въ нихъ замѣтны слѣды возвышеннаго представленія объ единомъ Богѣ *), быть можетъ — остатки еще болѣе древняго вѣрованія. Зевсъ орфическихъ гимновъ совершенно отличенъ отъ Зевса народной миѳологіи: онъ изображается единымъ, первоначальнымъ, высочайшимъ, виновникомъ всего, единою силою и божествомъ, отъ котораго произошелъ міръ и всѣ боги **). Ясно, что древнѣйшая религія Греціи отличалась большею чистотою, чѣмъ та, которую мы возсоздаемъ по Гезіоду и Гомеру ***). Не приводя другихъ примѣровъ изъ исторіи и описаній вѣрованій народовъ древняго міра, а равно теперешнихъ дикарей стараго и новаго свѣта, дающихъ твердую основу нѣкоторымъ ученымъ изслѣдователямъ признавать именно монотеизмъ первобытною формою религіи, изъ которой въ послѣдствіи развились разнообразныя системы политеизма****), мы ограничимся лишь

*) Можно здѣсь указать и еще мѣсто изъ Р.-Вѣды: «Боги, теперь существующіе, произошли отъ тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ и которые видѣли времена прошедшія». R.-Veda, стр. 557.

**) Maury справедливо замѣчаетъ, что, не смотря на возвышенность вѣдическихъ представленій, «между Іеговою и Индрой то различіе, что, тогда какъ первый есть Богъ единый (unique, единственный), второй лишь только царь боговъ». Croyance et legendes de l'antiq. P. 1863, стр. 20.

***) «Первоначально,—говоритъ Карьеръ,— мы видимъ единобожіе, но не въ противоположность многобожію, котораго еще не существуетъ, не съ опредѣленной ясностью, отчетливостью мысли, но въ живомъ созерцаніи, религіозномъ чувствѣ»... и т. д. 1, 45—46.—О такомъ неопредѣленномъ фазисѣ въ развитіи религіознаго сознанія, когда начинается лишь, но не совершилось еще раздробленіе религіозной идеи, а равно пріуроченія ея къ какому либо предмету видимаго міра, можно привести слѣдующее замѣчаніе бл. Августина: «Unum deum res plures», —а также «Unam rem deos plures faciunt. Nam unus deus res plures sunt, sicut ipse Jupiter: et mundus enim solus Jupiter, et solum coelum Jupiter habetur et dicitur». De civit. Dei. VII, 16. См. Op. t. VII. Venetii. 1732 г., стр. 174, 175. Сл. Tacitii,—«Germ.» Cap. IX.—Op. ed. Orellii. T. 1848 г. II, 344, 345. Для характеристики этого хаотическаго состоянія религіозныхъ воззрѣній любопытно объясненіе нѣкоторыхъ Самоѣдовъ, что земля, море, — вся природа есть Num (божество). Castren, Finnische Mythol.—17.

****) Max-Müller, Vorlesungen ü. d. Wedas.—См. Essays, 1, 24 25. (Leipz. 1869).

*) На основаніи чего A. Pictet, во второмъ томѣ своего соч. «Les origines indoeuropéennes», доказываетъ первоначальный монотеизмъ Арійцевъ. Впрочемъ, еще Риттеръ замѣтилъ, что въ Вѣдахъ «не незамѣтно чувство единаго божества». Ист. Философіи. Спб. 1839. 1, 82—83.

**) Ζεύς πρῶτος γένετο, Ζεὺς ὕστατος ἀρχικέραυνος,
Ζεὺς κεφαλή, Ζεὺς μέσσα, Διὸς δ'ἐκ πάντα τέτυκται.
Ζεὺς ἀρσὴν γένετο, Ζεὺς ἄμβροτος ἔπλετο νύμφη.
Ζεὺς πνοὴ πάντων, Ζεὺς ἀκάματον πυρὸς ὁρμή.
Ζεὺς πάντου ρίζα, Ζεὺς ἥλιος ἠδὲ σελήνη.
Ζεὺς βασιλεὺς, Ζεὺς αὐτὸς ἁπάντων ἀρχιγένεθλος.—Hymn. Orph. ad. Jov. 9—15.

***) Сл. Max-Müller, Vorlesungen ü. d. Wissenschaft d. Sprache—11, 417—424. Извѣстно, что лучшіе умы Греціи считали народную религію созданіемъ поэтовъ, которыхъ они за это строго осуждали. Herodoti, Hist. 11, 53. Diogenis Laert. IX, 1. (См. Ritter et Preller, Hist. Philos. (стр. 14. 15.). Ciceronis, Tusc. 1, XXVI, стр. 246—247. — Сл. прим. 6-ое.

****) Здѣсь можно припомнить Крейцера, сочиненіе котораго (Symbolik und Mythologie d. alt. Völker... 1837 г.), не смотря на нѣкоторыя промахи, доселѣ еще не потеряло научнаго значенія. Видѣть въ основѣ всякой религіи монотеизмъ согласны и болѣе современные писатели: Я. Гриммъ, О. Мюллеръ, Велькеръ. См. пр. Хрисанѳа,—Религія др. міра, т. 1.—Люкена, — Die Traditionen d. Menschengeschlechts,—по мнѣнію котораго «миѳологія болѣе всего есть не иное что, какъ ученіе о первобытномъ откровеніи, одичалое вслѣдствіе забвенія объ единомъ Богѣ и разсѣянія человѣческаго рода по лицу земли...» (стр. IV). M. Müller, Vorlesungen ü. d. Wissenschaft d. Sprache — II, 446—457. (Сл. прим. 24—26). Исто-

утвержденіемъ, что «законъ развитія» не примѣнимъ къ философско-историческому изученію религіи, равно и всего міросозерцанія человѣчества, начиная съ его древнѣйшей эпохи. Самъ Спенсеръ, какъ мы видѣли выше, приступая къ обрисовкѣ нравственной физіономіи первобытнаго человѣка и потомъ — къ изслѣдованію «первобытныхъ идей», дѣлаетъ нѣсколько вполнѣ вѣрныхъ замѣчаній о трудности возсозданія первобытнаго міросозерцанія въ его генетическомъ развитіи, такъ какъ «мы не имѣемъ описаній истинно первобытныхъ людей, а между тѣмъ есть основанія предполагать, что современные дикари не суть истинные представители первобытности». Но, къ сожалѣнію, онъ самъ не придалъ надлежащаго значенія своимъ глубоко вѣрнымъ замѣчаніямъ, а вслѣдствіе этого сочиненіе его производитъ страшную путаницу въ головѣ читателя: читаешь о первобытныхъ идеяхъ, первобытныхъ вѣрованіяхъ, и первобытнаго-то міросозерцанія не видишь. Получаешь свѣдѣнія, какъ Карайбы, или Фиджійцы смотрятъ на душу, или объясняютъ сновидѣнія; получаешь множество подтвержденій, что многіе дикари имѣютъ культъ мертвыхъ предковъ и т. д.; а, между тѣмъ, до болѣзненности, можно сказать, раздраженное оглавленіемъ книги, любопытство узнать первобытное міросозерцаніе человѣка остается неудовлетвореннымъ. Первобытнаго человѣка такъ намъ и не показываетъ авторъ «Основаній Соціологіи», хотя и старается сдѣлать это подтасовкою понятій, употребляя постоянно какъ синонимы: дикій, нецивилизованный, первобытный. И приходится сказать, что гораздо было бы лучше, если бы «Основанія Соціологіи» были просто сочиненіемъ по этнографіи дикарей безо всякой философской подкладки, благодаря которой разсужденія Спенсера о первобытномъ міросозерцаніи человѣчества, изъ котораго будто бы, путемъ постепеннаго развитія и совершенствованія, выработались высшія сравнительно стадіи культурнаго развитія, представляются лишь старательно написаннымъ сочиненіемъ на взятую на прокатъ и безъ критики признанную за аксіому тему. Впрочемъ, пристрастіе къ апріорнымъ построеніямъ и произвольнымъ обобщеніямъ имѣетъ свою raison d'être въ самой задачѣ труда Спенсера, для исполненія которой положительная наука не имѣетъ въ настоящее время, прочныхъ данныхъ. Сравнительное изученіе вѣрованій и быта различныхъ племенъ земнаго шара, безспорно сдѣлавшее огромные успѣхи въ послѣднее время, само собою понятно, не можетъ дать того, чѣмъ само не обладаетъ: точныхъ свѣдѣній о первобытномъ человѣкѣ и его вѣрованіяхъ. Даже такъ называемые дикари, въ настоящее время извѣстные, далеко еще не обслѣдованы съ должною тщательностью и критическою осторожностью. Этимъ объясняется та путаница, которая теперь господствуетъ въ сужденіяхъ о «доисторическихъ временахъ» и «доисторическомъ человѣкѣ». Какъ произвольно можетъ быть пользованіе фактами изъ жизни современныхъ дикарей, объ этомъ можно судить по тому любопытному явленію, что Лёббокъ и Тайлоръ, основываясь на свидѣтельствахъ однихъ и тѣхъ же этнографовъ, приходятъ къ совершенно противоположнымъ взглядамъ на первобытное міросозерцаніе человѣка: первый находитъ возможнымъ признать его атеизмомъ, а второй считаетъ религіозныя понятія принадлежностью всѣхъ, даже самыхъ низшихъ расъ. Нужно еще прибавить, что Тайлоръ дѣлаетъ при этомъ чрезвычайно вѣрныя замѣчанія о далеко неполной достовѣрности свѣдѣній о религіи дикарей, сообщаемыхъ путешественниками и миссіонерами. Спенсеръ, кажущійся даже болѣе осторожнымъ, чѣмъ Тайлоръ (а тѣмъ болѣе Лёббокъ), къ сожалѣнію, не принялъ во вниманіе этихъ вѣрныхъ замѣчаній. Впрочемъ, это извѣстно всякому изъ учебника даже логики, въ своей прикладной части трактующей о достовѣрности свидѣтельствъ и указывающей правила для опредѣленія, на сколько сообщаемое извѣстнымъ лицемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности...

Но станемъ на точку зрѣнія самого Г. Спенсера, предположимъ, что изображенный имъ первобытный человѣкъ дѣйствительно есть таковой,—и посмотримъ, какъ онъ разрѣшаетъ трудный и сложный вопросъ о сущности и происхожденіи первобытныхъ вѣрованій. Вѣдь неоригинальность и предвзятость мысли, положенной въ основу извѣстной теоріи, еще не исключаютъ возможности удовлетворительнаго разрѣшенія поставленныхъ въ ней вопросовъ, — удовлетворительнаго по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія ея самой. Итакъ, объясняетъ ли Спенсеръ происхожденіе вѣрованій тѣхъ людей, которыхъ онъ называетъ первобытными, и первобытны ли тѣ идеи, какія онъ считаетъ таковыми?

рическіе и этнографическіе (изъ быта дикарей стараго и новаго свѣта) доводы для признанія монотеизма первобытною религіею, см. въ соч. В. Д. Кудрявцева. «О единобожіи, какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго» —въ Прибавл. къ Твор. Св. От. т. XVI (1857 г.), стр. 358—414. То же у Люкена.

Какъ строгій эмпирикъ, прямой потомокъ Локка и его послѣдователей, Спенсеръ естественно стремится все міросозерцаніе первобытнаго человѣка вывести изъ опыта. Поэтому, мы уже a priori можемъ заключить, что онъ не разрѣшитъ поставленной задачи: такое стремленіе неосуществимо относительно того, что называется религіей. Какъ бы мы ни понимали религію,— называя ее союзомъ ли Бога съ человѣкомъ *), или взаимоотношеніемъ между абсолютнымъ существомъ и духомъ человѣка **),или просто признаніемъ какого либо верховнаго существа ***). все равно основаніемъ и существеннымъ содержаніемъ ея служитъ идея Божества. Это — мысль о Высочайшемъ Существѣ, виновникѣ міра и распорядителѣ судебъ всего существующаго, —мысль, которая въ явленіяхъ не имѣетъ ничего ей отвѣчающаго, а только лишь поводы, ее вызывающіе. Поэтому, она не имѣетъ аналогіи съ идеей субъекта, или внѣшняго міра: для послѣднихъ мы находимъ предикаты въ самыхъ явленіяхъ; но для божества заимствуемъ изъ міра явленій лишь образы, только въ нѣкоторой степени соотвѣтствующіе возвышенности этого предмета нашей мысли. Слѣпой никогда не можетъ себѣ составить представленія ни о свѣтѣ, ни о цвѣтахъ; для него не существуетъ различія между свѣтомъ и тьмою, между карминомъ и индиго. Это потому, что доставляемое ему опытомъ не даетъ матеріала для созданія такого рода представленій. Подобно этому, наблюденія надъ предметами и явленіями природы, обнимающія область конкретнаго, конечнаго бытія (собственно бытія) не могутъ дать нашему уму матеріала для мысли о безконечномъ, абсолютномъ. Факты, приводимые и Спенсеромъ, не опровергаютъ этой теоріи. Онъ очень часто говоритъ объ обоготвореніи тѣмъ или другимъ племенемъ того или другаго предмета, — предка, животнаго, растенія и пр. Но онъ при этомъ забываетъ, что обоготвореніе есть не иное что, какъ приписаніе предиката божественности извѣстному предмету нашей мысли. Для того же, чтобы такое приписаніе совершилось, нужно, чтобы въ головѣ самого приписывающаго существовало уже понятіе божественности *). Мы говоримъ: этотъ человѣкъ добръ, эта матерія красна, желѣзо твердо, золото блеститъ, — выражая этими сужденіями, что доброта, красота, твердость, блескъ, понятія уже существующія въ нашемъ умѣ, могутъ быть приписаны, какъ предикаты, предметамъ сужденій. Король Лоанго почитается какъ божество и называется Самба и Понго, что значитъ — богъ; обитатели Мзамбара говорятъ: мы всѣ расы Цумбы (короля), который есть нашъ Манунгу (богъ). Но, очевидно, для того чтобы король Лоанго или обитателей Мзамбара былъ сочтенъ божествомъ, т. е. чтобы ему былъ приписанъ предикатъ божественности, необходимо существованіе понятія божественности (точнѣе — идеи божества), независимо отъ короля составившагося и на него лишь перенесеннаго. Низшія расы, стоящія на послѣднихъ ступеняхъ культурнаго развитія, благодаря своей неразвитости, мыслятъ божество подъ формами чувственно-конечнаго бытія, не въ состояніи будучи постичь возвышенную идею о Богѣ въ ея чистотѣ и отрѣшенности отъ внѣшнихъ, матеріальныхъ аттрибутовъ. Однако, не смотря на это, и въ ихъ вѣрованіяхъ можно находить доказательства той истины, что у нихъ, ранѣе вѣры въ многочисленныхъ и разнообразныхъ боговъ, существовала вѣра просто въ Бога, какъ существо высочайшее, отличное отъ сонма другихъ божествъ, или, выражаясь строже, что идея божества жила въ ихъ умѣ еще прежде пріуроченія ея къ какому либо отдѣльному предмету. Отаитяне и ихъ сосѣди, — говоритъ Фёрстеръ,—стоятъ на самой низкой ступени религіознаго сознанія. Ихъ понятія о Богѣ — простыя преданія, надъ которыми умъ ихъ ни мало не работаетъ. Ихъ религіозное воззрѣніе есть политеизмъ и притомъ самыхъ грубыхъ формъ. Но они вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ высшее божество, превосходящее всѣхъ другихъ боговъ и называютъ его великій богъ **).

Г. Спенсеръ не признаетъ религіозной идеи первобытнаго и всю сумму религіозныхъ понятій считаетъ выродившеюся изъ культа мертвыхъ предковъ. Идею же о духахъ умершихъ предковъ, какъ сверхъестественныхъ

*) Какъ думалъ Лактанцій (De vera sap.—Op. ed. Fritzche. Lips. 1842. 1, 223.) и другіе учители церкви и богословы. См. проф. Кудрявцева. «Религія» Стр. 213—215.

**) Какъ ее опредѣляетъ философія.—Кудрявцевъ—стр. 214—236. Сл. Ульрици. «Тѣло и душа» Стр. 731—744.

***) На что сводится она у Тайлора и самого Спенсера, хотя онъ прямо нигдѣ объ этомъ не говоритъ.

*) См. Max-Müller'a Vorlesungen ü. d. Wissenschaft d. Sprache—II, 446. 446. Подобныя замѣчанія есть еще у Тертулліана—«De testim. animae»—II. въ «Biblioth. partum ecclesiast. latin. selecta» ed. Gersdorf. Lips. 1859. 1,179.

**) См. Lücken'a — «Die Traditionen d. Menschengeschlechts», Стр. 17—19.

дѣятеляхъ, онъ выводитъ изъ понятій о двойственности предметовъ и возможности ихъ перехода изъ одного состоянія въ другое, каковыя понятія онъ называетъ первобытными идеями, въ которыхъ-де находится зерно всего міросозерцанія первобытнаго человѣка. Изъ изложенія его теоріи мы видѣли, какой процессъ мышленія предполагаетъ въ дикарѣ Спенсеръ для объясненія такого рода генезиса. Но возникаетъ вопросъ: возможенъ ли такой процессъ? Даже если признать вѣрною дѣйствительности характеристику первобытнаго человѣка, сдѣланную Спенсеромъ, и вообще согласиться съ нимъ относительно внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ общественныхъ явленій, на сколько вѣроятенъ изображаемый имъ процессъ въ умственной жизни нецивилизованнаго человѣка?

Припомнимъ, что, по изображенію самого автора «Основаній Соціологіи», умъ первобытнаго человѣка (т. е. дикаря) не обладаетъ свойствами, нужными для прогресса знаній. Дикарь, хотя отличается живостью воспріятія, но не имѣетъ ни охоты, ни способности къ сопоставленію и обобщенію получаемыхъ впечатлѣній и къ выводу изъ нихъ тѣхъ или другихъ заключеній; умъ его скоро утомляется при попыткахъ къ отвлеченному мышленію *); у него нѣтъ и не можетъ быть разумной любознательности, не достаетъ, наконецъ, и творческаго воображенія. Конечно, думаетъ читатель, съ такими плохими средствами дикарю не составить міросозерцанія: для этого нужно хоть слабое стремленіе такъ или иначе объяснить окружающее; но этого у него нѣтъ, — онъ, какъ животное, безучастно относится къ тому, что творится вокругъ него. Можетъ быть, свойство ума человѣческаго таково, что въ самомъ существѣ его лежитъ залогъ будущаго развитія и преуспѣянія? Но этого не допускаетъ авторъ «Основаній Соціологій», чуждый всякихъ идеалистическихъ тенденцій. И выходитъ непостижимая вещь. Дикарь, являющійся въ главѣ сочиненія Спенсера, трактующей «объ умѣ первобытнаго человѣка», ни къ чему неспособнымъ по своимъ умственнымъ качествамъ, въ слѣдующей главѣ какъ бы перерождается: дѣлается вдругъ способнымъ сознательно воспринимать впечатлѣнія, дѣлать наблюденія, комбинировать ихъ извѣстнымъ образомъ, замѣчать аналогичныя во многихъ предметахъ и явленіяхъ черты и выводить отсюда, хотя и нелѣпыя вслѣдствіе незнанія естественныхъ законовъ, свои заключенія, создавать идеи. Конечно, можно удивляться такому чудесному перерожденію, но повѣрить ему невозможно, ибо въ книгѣ, изобилующей массою фактическихъ доказательствъ и соображеній для выясненія самыхъ простыхъ вещей, мы не находимъ объясненія того, почему равнодушный ко всему и неспособный ни къ чему умъ вдругъ оказался обладающимъ противоположными качествами. Какъ произошло то, что умъ дикаря начинаетъ вдругъ дѣйствовать «подобно уму цивилизованнаго человѣка, посредствомъ классифицированія предметовъ и отношеній съ подобными имъ предметами и отношеніями?» Что вывело, по крайней мѣрѣ, дикаря изъ состоянія умственной спячки, если въ немъ самомъ нѣтъ побужденій и средствъ къ тому? «Очевидно (совершенно по праву, не сходя съ точки зрѣнія автора, думаетъ читатель) здѣсь дѣйствуютъ внѣшніе факторы: должно быть, Спенсеръ хочетъ возстановить старую теорію, объяснявшую возникновеніе первобытныхъ вѣрованій дѣйствіемъ на человѣка поразительныхъ явленій природы». Но читатель ошибается. Первобытный человѣкъ оказывается у Спенсера философомъ, спокойно наблюдающимъ самыя обыкновенныя, мало замѣтныя и уже рѣшительно ничѣмъ не поражающія предметы и явленія природы, сопоставляющимъ результаты своихъ наблюденій и строющимъ отсюда мудреное заключеніе о двойственности предметовъ и переходимости ихъ изъ одного состоянія въ другое. Какимъ образомъ дикарь, по изображенію самого Спенсера, подкрѣпленному указаніемъ на факты, «не только не теоретизующій по поводу окружающихъ явленій, но даже и не чувствующій надобности въ объясненіи этихъ явленій» *),

*) Еще Wuttke замѣтилъ, что, если дикарей разспрашивать о духовныхъ предметахъ, они очень скоро начинаютъ жаловаться на усталость и головную боль, — такъ мала ихъ способность къ абстракціи. Geschichfe d. Heidenthums. 1, 155. Вообще характеристика дикаря у Спенсера сдѣлана сходно съ другими писателями, напр. Вайцемъ, съ отрывочными замѣчаніями Леббока и др.

*) Мысль о полномъ равнодушіи нецивилизованныхъ людей къ окружающимъ явленіямъ природы, раздѣляемая многими учеными авторитетами, должна быть принимаема съ осторожностью. Абруссе приводитъ слѣдующее трогательное замѣчаніе, высказанное ему однимъ весьма почтеннымъ Кафромъ, по имени Секеза: «Я узналъ отъ васъ (говоритъ онъ) именно то, чего мнѣ хотѣлось, чего я давно искалъ, еще прежде чѣмъ познакомился съ вами; вы убѣдитесь въ этомъ, когда выслушаете меня. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я пошелъ однажды пасти свой скотъ. Погода была пасмурная. Я сѣлъ на скалу и сталъ задавать себѣ грустные вопросы; да, грустные, ибо я не въ силахъ былъ отвѣчать на нихъ. Кто касался звѣздъ своими

вдругъ оказывается на столько любознательнымъ, что наблюдаетъ, напримѣръ, даже такія явленія, какъ процессъ перехода сѣмени въ растеніе, метаморфозы въ мірѣ насѣкомыхъ, замѣчаетъ и объясняетъ (конечно по своему) появленіе и исчезновеніе тѣни человѣка и другихъ предметовъ и, наконецъ, выводитъ отсюда свои заключенія, громко называемыя Спенсеромъ «первобытными идеями», — все это такъ и остается авторскою тайною. Равнымъ образомъ, остается совершенно неразъясненнымъ: почему на пробужденіе сонной мысли дикаря имѣли вліяніе самые обиходные предметы и явленія, ничѣмъ не обращающіе на себя особаго вниманія, а не такіе, которые невольно заставляютъ и цивилизованнаго человѣка, очень хорошо знающаго ихъ естественныя причины, какъ бы встрепенуться и на минуту отдаться ихъ неотразимому вліянію, напримѣръ — гроза? Или почему эти явленія, если и обращали на себя вниманіе «первобытнаго человѣка», то вовсе не тѣмъ, что есть въ нихъ выдающагося и поразительнаго, а именно тѣмъ, что вовсе не выдѣляетъ ихъ изъ массы другихъ явленій? Изъ многихъ примѣровъ, приводимыхъ самимъ Спенсеромъ въ предшествующей главѣ (объ умѣ), видно, что дикарь, если и способенъ на чемъ либо остановить свое вниманіе, то лишь на предметѣ новомъ, ему дотолѣ неизвѣстномъ и чѣмъ либо его поражающемъ...

Итакъ, Спенсеръ не объясняетъ происхожденія тѣхъ идей, которыя онъ называетъ первобытными; помня его же собственную характеристику первобытнаго человѣка, нельзя не только признать возможнымъ самый процессъ образованія этихъ идей, какъ онъ изображается въ «Основаніяхъ Соціологіи», но и самыя идеи о двойственности предметовъ и ихъ переходимости изъ одного состоянія въ другое — первобытными. А между тѣмъ именно изъ этихъ идей Спенсеръ стремится вывести все міросозерцаніе, всѣ вѣрованія первобытнаго человѣка. Черезъ это, очевидно, его теорія подрывается въ самомъ корнѣ. Она такъ искусственно построена, что достаточно вырвать одно звено изъ этой длинной цѣпи произвольныхъ построеній мыслителя, имѣющаго претензію стоять на почвѣ фактовъ и часто высказывающаго свое отвращеніе къ апріорнымъ выводамъ, и вся цѣпь разрушается. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о томъ положеніи, которое служитъ краегульнымъ камнемъ цѣлой теоріи: безъ него она оказывается, поистинѣ, зданіемъ, построеннымъ на пескѣ...

Въ нашу задачу не входитъ останавливаться на разсмотрѣніи того, какимъ образомъ Спенсеръ объясняетъ происхожденіе тѣхъ воззрѣній, какія имѣютъ дикари на сновидѣнія и аналогичныя со сномъ состоянія, на смерть и т. д. Всѣ главы, посвященныя этимъ «идеямъ», дѣйствительно содержатъ въ себѣ очень много положительныхъ данныхъ для ознакомленія съ воззрѣніями дикарей на эти явленія, данныхъ, впрочемъ, такихъ, которыя мы можемъ въ изобиліи находить и у Тайлора, посвятившаго значительную часть своего сочиненія о «первобытной культурѣ» такъ называемому имъ анимизму. Отсюда мы можемъ обстоятельно узнать, какъ дикари объясняютъ сновидѣнія, какъ смотрятъ на смерть, какія представленія имѣютъ о загробной жизни, что вліяетъ на различіе и многообразіе этихъ представленій и т. под. Какъ группировщикъ фактовъ, Спенсеръ долженъ быть поставленъ очень высоко; матеріалъ современной этнографіи дикихъ разобранъ имъ и расположенъ по извѣстнымъ рубрикамъ очень искусно, хотя и въ этомъ отношеніи можно бы пожелать побольше критическаго отношенія къ источникамъ. Но гдѣ онъ является философомъ, тамъ всегда, — не смотря на все свое старанье казаться чуждымъ апріоричности, произвольности построеній и выводовъ, не смотря на частыя свои оговорки въ этомъ смыслѣ, которыми онъ какъ бы старается подкупить читателя въ свою пользу, — оказывается лишь рабскимъ послѣдователемъ и упорнымъ развивателемъ своей основной, несообразной съ дѣйствительностью, мысли о «первобытныхъ идеяхъ». Въ этомъ случаѣ Спенсеръ впадаетъ въ чрезвычайно важную ошибку: смѣшиваетъ фактъ съ идеею. Факты,

---

руками? На какихъ столбахъ онѣ держатся? Я спрашивалъ себя также: воды никогда не устаютъ; у нихъ нѣтъ другого дѣла, какъ течь не переставая отъ утра до ночи и отъ ночи до утра; но гдѣ же онѣ останавливаются, и кто заставляетъ ихъ течь такимъ образомъ? И облака тоже приходятъ и уходятъ и изливаются водою на землю. Откуда они приходятъ? Кто посылаетъ ихъ? Конечно, не колдуны посылаютъ намъ дождь,—какъ они могутъ сдѣлать это? и почему я никогда не вижу своими глазами, какъ они поднимаются на небо, чтобы добыть его? Я не могу видѣть и вѣтра; но что же онъ такое? Кто несетъ его, заставляетъ дуть, ревѣть и пугать насъ? Развѣ я знаю также, какъ растетъ хлѣбъ? Вчера у меня въ полѣ не было ни былинки; сегодня я пришелъ туда и нашелъ ихъ уже нѣсколько. Кто могъ дать землѣ мудрость и силу, чтобы произвести это? И я закрылъ лицо руками». — Конечно, этотъ случай исключительный. (Д. Лёббокъ. «Нач. цивил.», 146, 147). Но имѣя въ виду такого рода примѣры, всетаки нужно имѣть осторожность въ составленіи характеристики дикарей и избѣгать категорическихъ обобщеній.

напримѣръ, очень ясно и опредѣленно говорятъ намъ, какія воззрѣнія имѣютъ нѣкоторые изъ современныхъ дикарей на загробную жизнь (и осторожный изслѣдователь не увидалъ бы здѣсь ничего болѣе), — но не объясняютъ, какъ это хочется Спенсеру, происхожденія въ родѣ человѣческомъ вѣры въ безсмертіе души: оно и необъяснимо съ точки зрѣнія эмпиризма. Нужно замѣтить, что въ этомъ отношеніи и самъ авторъ «Основаній Соціологіи» дѣлаетъ чрезвычайно важную оговорку, замѣчая, что, держась на почвѣ имѣющихся въ наличности фактовъ, нельзя объяснить образованія такой важной идеи, какъ идея духовности души. Хотя эта оговорка сдѣлана имъ въ очень эластичной формѣ *), но тѣмъ не менѣе она, въ связи съ дальнѣйшимъ ходомъ изслѣдованія, оказываетъ плохую услугу всей теоріи Спенсера. Въ самомъ дѣлѣ, выводя всю первобытную религію ближайшимъ образомъ изъ идеи о духѣ умершаго и въ то же время затрудняясь объяснить (и дѣйствительно не объясняя), какимъ образомъ изъ представленія о тѣняхъ усопшихъ, какъ существахъ матеріальныхъ, образовалась идея объ ихъ нематеріальности, онъ ясно обнаруживаетъ свою слабость въ одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ своей теоріи.

Слабость теоріи Спенсера пожалуй всего ярче обнаруживается во главѣ: «Идеи о сверхъестественныхъ дѣятеляхъ». Судя по заглавію, читатель въ правѣ ожидать, что здѣсь-то именно и разъяснитъ ему авторъ, взявшійся изобразить генезисъ вѣрованій, образованіе въ душѣ человѣка того, что составляетъ существенное содержаніе религіи, — идеи Божества. Но, къ сожалѣнію, этого не оказывается: въ этой главѣ развивается лишь то положеніе, что дикари мало по малу начинаютъ приписывать дѣйствію духовъ всѣ окружающія ихъ явленія природы. Но этимъ, конечно, ничего не объясняется. Естественно возникаетъ вопросъ: откуда же у дикаря явилось понятіе о всемогуществѣ, которымъ онъ надѣляетъ духовъ? Именно здѣсь-то, въ приписываніи духамъ свойствъ высшей силы, и есть ихъ обоготвореніе, которое, какъ мы выше замѣтили, необъяснимо безъ предварительнаго признанія въ душѣ человѣка идеи Божества. Но Спенсеръ, быть можетъ, и самъ замѣчая затруднительность своего положенія на этомъ пунктѣ, дѣлаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ salto mortale: онъ хочетъ лишить первобытную религію самой этой идеи. Мы уже выше привели его замѣчаніе предостерегающее «отъ приписыванія первобытному человѣку того понятія, которое внушается намъ словомъ сверхъестественный». Нельзя не замѣтить, что это замѣчаніе просто игра въ слова. Прежде всего, слово сверхъестественный имѣетъ смыслъ вовсе не «какъ противоположность слову естественный»: естественному противоположно неестественное, а не сверхъестественное. Далѣе, между нашимъ понятіемъ о высшей (сверхъестественной) силѣ и понятіемъ о ней дикаря нѣтъ противоположности, а есть только различіе, и то количественное: дикарь, не знающій законовъ природы, всѣ ея явленія приписываетъ дѣйствію сверхъестественныхъ силъ; мы, видя всемогущую силу въ устроеніи самыхъ естественныхъ законовъ, признаемъ непосредственное дѣйствіе или проявленіе ея въ томъ, что стоитъ внѣ области этихъ законовъ. Предикатъ сверхъестественности и дикари, подобно намъ, приписываютъ тому существу, которое выше и могущественнѣе, намъ извѣстныхъ, а имъ нѣтъ, силъ природы.

Самымъ существеннымъ пунктомъ философско-этнологическихъ объясненій происхожденія первобытныхъ вѣрованій у Спенсера является утвержденіе, что всѣ формы религіи выродились изъ культа мертвыхъ предковъ. Первое представленіе о божествѣ, по его мнѣнію, есть представленіе о духѣ умершаго предка; первыя формы религіознаго поклоненія суть погребальные обряды. Развивая эти положенія, онъ, по обыкновенію, ссылается на множество фактовъ изъ жизни дикарей. Но эти факты опять тоже не говорятъ того, что ему хочется въ нихъ видѣть. Они лишь ясно выражаютъ вѣрованіе нѣкоторыхъ нецивилизованныхъ расъ, что ихъ умершіе предки (или вожди) суть боги, но не даютъ права утверждать наоборотъ, что боги ихъ суть предки. Предикатъ божественности, приписываемый ими духамъ предковъ, указываетъ, что идея Божества уже раньше была присуща ихъ уму, а не родилась изъ почитанія умершихъ. Погребальные обряды, указывая на вѣру въ безсмертіе и ея формы, но не объясняя про-

*) «Переходы отъ первоначальнаго и наиболѣе грубаго представленія (о матеріальности душъ умершихъ) къ позднѣйшимъ представленіямъ менѣе грубаго свойства не могутъ быть прослѣжены съ достаточною ясностью; однако же мы имѣемъ тутъ кое-какія указанія на прогрессивное видоизмѣненіе». И на основаніи этихъ кое-какихъ указаній ученый и серьезный писатель тоже кое-какъ объясняетъ происхожденіе мысли о полуматеріальности (а не духовности) душъ умершихъ, съ легкомысленною развязностью называя приэтомъ христіанское ученіе представленіемъ евреевъ и обнаруживая грубое его непониманіе.

исхожденія идеи безсмертія, конечно могутъ считаться въ нѣкоторой степени за выраженіе религіознаго почтенія къ предкамъ, но не объясняютъ его происхожденія: религіозное чувство ихъ причина, но не наоборотъ, что было бы совершенно неестественно. Они указываютъ далѣе на свою связь и сходство съ чисто религіозными обрядами и учрежденіями, даже въ нѣкоторой степени объясняютъ ихъ; но, конечно, слишкомъ смѣло, на основаніи имѣющихся данныхъ, категорически утверждать, что послѣдніе суть не иное что, какъ только ихъ видоизмѣненія.

Кромѣ этой, такъ сказать, теоретической невозможности признать культъ мертвыхъ предковъ первобытною религіей, есть еще твердыя фактическія данныя, недозволяющія согласиться съ теоріей Спенсера. Вспомнимъ прежде всего, что онъ самъ, основываясь на фактахъ, признаетъ въ дикарѣ очень слабое развитіе альтруистическихъ чувствъ. Но, между тѣмъ, чтобы обоготворить умершаго, прецедентомъ чего служитъ почитаніе его, тоже доходящее до обоготворенія, при жизни, для этого необходимо значительно высокое нравственное развитіе. Поэтому, вполнѣ естественно, что самъ Спенсеръ, пытающійся привести все нестройное міросозерцаніе такъ называемаго первобытнаго человѣка въ стройную систему, гдѣ одна идея, въ прогрессивномъ порядкѣ, вытекаетъ изъ другой, совершенно не объясняетъ (и даже оставляетъ безъ объясненія), какимъ образомъ простое представленіе о духѣ умершаго перешло въ поклоненіе предкамъ. Этимъ, конечно, онъ наноситъ сильный ударъ своей собственной теоріи. Правда, онъ очень часто и упорно повторяетъ мысль, что обоготвореніе духа умершаго произошло изъ основаннаго на невѣжествѣ чувства страха, и что вообще всѣ вѣрованія первобытнаго человѣка имѣютъ тотъ же источникъ. Старая, еще Лукреціемъ выраженная и потомъ многими матеріалистами XVIII в. повторенная мысль, что timor primos fecit deos *). Но простое чувство страха не то что религіозное: здѣсь является еще благоговѣніе предъ высшею силою. Чувство страха есть и у животныхъ, и если принять такое основаніе для религіи, то «намъ (какъ замѣчаетъ Лёббокъ) нельзя будетъ смотрѣть на нее, какъ на особенность, свойственную человѣку. Мы должны будемъ допустить тогда, что чувство лошади или собаки къ своему хозяину имѣетъ подобный же характеръ, и что лай собаки на луну есть своего рода актъ поклоненія, какъ и нѣкоторыя церемоніи дикарей, описываемыя путешественниками» *). Конечно, въ наше время существуютъ и такіе мудрые философы, которые не прочь находить и у животныхъ, какъ предковъ человѣка, начатки религіи **),—но Спенсеръ не дошелъ до такого рода геркулесовыхъ столбовъ, а потому приведенное замѣчаніе (хотя и имѣющее у Лёббока свое особое, впрочемъ лишь кажущееся, значеніе) можетъ имѣть для него свою силу. Чувствомъ страха, конечно, можно объяснить нѣчто въ религіозномъ міросозерцаніи дикихъ, напр. трусливое отношеніе ихъ къ божествамъ, вѣру въ силу колдуновъ и заклинаній и т. д. Вообще основанный на невѣжествѣ страхъ есть источникъ лишь суевѣрій, а не вѣрованій въ строгомъ смыслѣ этого слова. Если бы и религія имѣла здѣсь свое основаніе, то чѣмъ бы она стала поддерживаться, когда этотъ страхъ, съ развитіемъ наукъ, разсѣялся въ человѣчествѣ? Этого рѣшительно нельзя объяснить съ точки зрѣнія нашего философа, если не признать весь родъ человѣческій, доселѣ и на высшихъ ступеняхъ культуры держащимся, низводимымъ имъ на степень грубыхъ суевѣрій, идей, состоящимъ изъ идіотовъ, или одержимыхъ хроническимъ сумашествіемъ...

Далѣе, если и трудно вполнѣ согласиться съ нѣкоторыми современными учеными (Макъ-Ленаномъ, Лёббокомъ, Жиро-Телономъ и др.), представляющими первобытное общество чуждымъ семейственности, то все такинѣтъ основаній питать идиллической иллюзіи, что въ человѣчествѣ, на низшихъ стадіяхъ культурнаго развитія, существуетъ патріархальная семья съ главою отцемъ и чтущими его чадами и домочадцами ***). А если такъ,

*) Такъ, по мнѣнію Гоббза, изъ невѣдѣнія естественныхъ причинъ страшныхъ явленій природы проистекаетъ страхъ предъ чуждыми, непостижимыми, демоническими силами; изъ этого же страха возникаетъ религія. Она есть дитя страха, который есть дитя невѣдѣнія. К. Фишеръ—стр. 300. Это же положеніе было повторено и французскими матеріалистами XVIII в., напр. въ извѣстной «Système de la Nature».

*) «Начало цивилизаціи»—стр. 152.

**) Какъ это дѣлаетъ ревностный послѣдователь Дарвина О. Каспари, который говоритъ о «Слѣдахъ и зародышахъ религіознаго чувства у звѣрей». Die Urgechichte d. Menschheit... L. 1873. 1—267. Тщательный разборъ этого страннаго, чтобы не сказать рѣзче, сочиненія, сдѣланный проф. Буслаевымъ, см. въ Р. Вѣстникѣ—1873 г., окт.

***) Несостоятельность идиллическаго взгляда на семью даже древнихъ арійцевъ, на сколько бытъ ихъ отразился въ Вѣдахъ, указана въ «Очеркахъ арійской миѳологіи».—В. Ѳ. Миллера. Т. 1. гл. 1.

то конечно невозможно допустить, что въ такого рода общественныхъ группахъ могъ образоваться культъ мертвыхъ предковъ. Нужно замѣтить, что и самъ Спенсеръ сознаетъ эту невозможность признать культъ предковъ абсолютно первоначальною религіей человѣчества, ибо ясно выдѣляетъ имѣющихъ ее осѣдлыхъ народовъ изъ массы кочевыхъ, оставляя однакожъ безъ разъясненія, какимъ же образомъ могли возникнуть и существовать и у этихъ послѣднихъ религіозныя понятія, которыя всѣ онъ признаетъ происшедшими изъ одной первоначальной формы—чествованія духовъ умершихъ. Конечно, ему въ этомъ отношеніи чрезвычайно было бы важно доказать, что у народовъ неосѣдлыхъ, у которыхъ не могло образоваться поэтому культа предковъ, нѣтъ и религіи. Онъ и дѣлаетъ, очень, впрочемъ, незначительную попытку такого доказательства, что выходитъ просто какимъ-то ученымъ курьезомъ: въ началѣ главы о «Поклоненіи предкамъ вообще» онъ полемизируетъ съ Дж. Лёббокомъ, признающимъ нѣкоторыя изъ низшихъ расъ атеистами, и небольше какъ черезъ страницу является его послѣдователемъ въ этомъ отношеніи. Намъ, конечно, нѣтъ нужды пускаться на этомъ пунктѣ въ подробности; достаточно замѣтить, что у нѣкоторыхъ дикарей, при отсутствіи уваженія къ старшимъ (безъ чего немыслимо служеніе духамъ предковъ), всетаки существуютъ нѣкоторыя религіозныя понятія. Такъ, Готтентоты, по словамъ Кольбена, имѣютъ такіе нравы: «какъ скоро мужчина или женщина дѣлаются отъ старости неспособными къ труду и вообще ни къ чему негодными по понятіямъ племени, то ихъ исключаютъ изъ общества, заставляютъ жить въ уединенной хижинѣ, находящейся гдѣ нибудь на значительномъ разстояніи отъ краала, и содержатъ тамъ на самой скудной пищѣ, вдали отъ всякой помощи и всякаго утѣшенія. Покинутые такимъ образомъ, они умираютъ отъ старости или съ голоду, а иногда даже дѣлаются добычею дикихъ звѣрей». Между тѣмъ, у этого племени есть нѣкоторое представленіе о божествѣ, хотя нѣтъ никакого культа *). Спенсеръ, впрочемъ, твердо держится своего основнаго положенія, что «позади всѣхъ сверхъестественныхъ существъ всѣхъ народовъ находится всегда человѣческая личность» и что, поэтому, поклоненіе духамъ умершихъ есть первоначальная форма религіи, изъ которой развились и могутъ быть объяснены другія.

*) Дж. Лёббокъ. «Доисторическія времена». Стр. 346.

Упорное проведеніе этой мысли, составляющей основной пунктъ всѣхъ разсужденій Спенсера о религіи, въ высшей степени знаменательно: оказывается, что на нашихъ глазахъ воскресаетъ ученіе, которое, казалось, давно уже сдано въ архивъ старыхъ дѣлъ, ученіе если и имѣющее, казалось, теперь какое значеніе, то лишь историческое,—воскресаетъ эвгемеризмъ. Собственно говоря, едва ли какой способъ миѳотолкованія изъ трехъ измышленныхъ греками и доселѣ живущихъ въ разныхъ варіаціяхъ (этическій, физическій, историческій) имѣлъ такую широкую распространенность и примѣненіе, какъ тотъ, происхожденіе котораго связано съ именемъ Эвгемера *), принадлежавшаго къ Киренской, образовавшейся изъ нѣкоторой части учениковъ Сократа, философской школѣ, — ученика Ѳеодора атеиста и самаго пользовавшагося репутаціей безбожника. Современникъ Александра Великаго (311—298), жившій при дворѣ Кассандра въ Македоніи, Эвгемеръ прямо и опредѣленно высказалъ мысль, что боги суть не иное что, какъ обоготворенные мертвецы, чѣмъ либо прославившіеся во время своей жизни **). Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что путешествіе по разнымъ странамъ, въ формѣ котораго Эвгемеръ развилъ свой взглядъ на боговъ, есть чистая выдумка, тѣмъ не менѣе его теорія объясненія миѳовъ, сохранившаяся въ отрывкахъ въ латинскомъ переводѣ Эннія, благодаря своей простотѣ, получила широкую распространенность. Взглядъ Эвгемера на боговъ политеизма былъ принятъ не только языческими, римскими и греческими писателями, но и христіанскими, чему, кромѣ нѣкоторыхъ особыхъ историческихъ обстоятельствъ, поспособствовало, быть можетъ, существованіе подобнаго же воззрѣнія на происхожденіе идолопоклонства въ одной (правда, не канонической) изъ книгъ нашей библіи ***). Такъ, мы встрѣчаемъ его въ сочиненіяхъ отцевъ и учителей церкви древняго періода (II — IV в.в.) ****). Изъ византійской литературы онъ

*) Впрочемъ, подобное эвгемеровскому, сужденіе о богахъ, какъ обоготворенныхъ людяхъ, встрѣчается еще у Геродота. Hist. L. II. cap. 144. Francofurti. 1608. p. 145.

**) Ciceronis. «De natura deorum» 1; 42, 119. (Op. ed. Verburgii. Amst. 1784. IX, 2946.)

***) Книга премудрости Соломона. 14, 14—20.

****) Напр. Тертулліана (Apologet. X- XII. Op. ed. Gersdorf. 1839. 1, 70—75), Аѳинагора, св. Ѳеофила Антіохійскаго, Мелитона, Минуція-Феликса (см. Соч. церк. писат. 2 вѣка, изд. свящ. И. А. Преображенскимъ,—стр. 110—114. 177—178. 289—292. 340—342); св. Аѳанасія Александрійскаго (Твор. Св. От. 1851. 1, 18—22);

перешелъ и въ наши славянскіе хронографы и палеи, отсюда же въ лѣтопись *). Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ богослововъ XVII в. это общее воззрѣніе на боговъ, какъ на обоготворенныхъ мертвецовъ, получило нѣкоторый специфическій колоритъ: въ миѳахъ объ языческихъ богахъ стали искать искаженной библейской исторіи. Таковы труды: Бохарта (Geographia Sacra), Воссія (De theologia gentili et phisiologia christiana, sive de origine et progressu idolatriae. 1668.), Гюе (Demonstratio Evangelica. 1607.). Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о мистерѣ Гладстонѣ, который, въ своемъ сочиненіи о Гомерѣ, старается открыть въ греческой миѳологіи слѣды священной исторіи **). Наиболѣе полнымъ и всестороннимъ раскрытіемъ эвгемеровской доктрины можно считать извѣстный огромный трудъ аббата Банье, въ которомъ авторъ вознамѣрился показать, что, не смотря на всѣ украшенія, которыми наполнены миѳы, всетаки не трудно замѣтить въ нихъ извѣстную долю исторіи первобытныхъ временъ, и что большая часть боговъ суть люди ***).

Эвгемеризмъ, казалось, долженъ былъ безвозвратно исчезнуть послѣ тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыми такъ горделиво дебютировала на сценѣ науки сравнительная миѳологія, послѣ остроумныхъ и эффектныхъ выводовъ лингвистической школы. Въ сознаніи своего превосходства, съ тономъ ученаго, влюбленнаго и глубоко вѣрующаго въ свою теорію, Максъ Мюллеръ, этотъ безспорно талантливѣйшій представитель названной школы и увлекательнѣйшій популяризаторъ всевозможныхъ лингвистическихъ тонкостей, сдѣлалъ, по поводу книги Банье, слѣдующее знаменательное замѣчаніе: «Чтеніе такихъ книгъ, написанныхъ всего лѣтъ сто тому назадъ, очень поучительно, хотя бы только въ тѣхъ видахъ, чтобы остерегаться слишкомъ большой увѣренности при установленіи теорій, которыя теперь кажутся неопровержимыми и спустя сто лѣтъ также могутъ устарѣть» ****). И, увы, это словно какое пророчество, элегично звучащее среди восторженныхъ рѣчей знаменитаго вѣдиста, исполняется скорѣе, чѣмъ онъ предполагалъ: на смѣну теорій той школы, къ которой онъ самъ принадлежитъ, уже стремится стать другая, воскрешающая старый эвгемеризмъ. Уже Фюстель-де-Куланжъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о древнѣйшихъ учрежденіяхъ Греціи и Рима, *) высказалъ мысль, хотя не раскрытую имъ съ должною полнотою и доказательностью, что обоготвореніе мертвыхъ было древнѣйшею, повидимому, формою религіи арійскихъ народовъ. Люкенъ **) считаетъ миѳологію, между прочимъ, за передѣлку исторіи людей на исторію боговъ и главнымъ источникомъ язычества признаетъ почитаніе, возведенныхъ въ герои, умершихъ предковъ. Франсуа Ленорманъ ***) прилагаетъ эвгемеровскій принципъ къ сказаніямъ семитическихъ народовъ. О. Каспари, сдѣлавшій странную попытку изобразить «первобытнаго человѣка» съ его свойствами и воззрѣніями, какъ естественнаго потомка и преемника звѣрей ****) считаетъ религію продуктомъ чествованія умершихъ предковъ, или вообще людей чѣмъ либо выдававшихся изъ ряда другихъ, за что они и были обоготворены. Г. Спенсеръ, съ рѣшительностью считая основною формою религіи и источникомъ всѣхъ вѣрованій человѣчества культъ мертвыхъ предковъ, видитъ во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ идеи Божества скрытую идею о духѣ умершаго, а во всѣхъ божествахъ, не смотря на ихъ множественность и разнообразіе,—лишь обоготворенныхъ мертвецовъ.

Уже самая исторія эвгемеризма, упорно державшагося и держащагося въ наукѣ о вѣрованіяхъ показываетъ, что въ немъ есть что-то истинное; что и «эта теорія, подобно другимъ, имѣетъ точно также свою разумную сторону, какъ и неразумную, ибо нѣкоторыя нелѣпыя легенды несомнѣнно содержатъ въ себѣ, а стало быть и другія могутъ содержать, зерно исторической истины» *****). Этой долей истины, заключающейся въ эвгемерической доктринѣ, Спенсеръ, ставъ на психологическую почву, воспользовался какъ нельзя лучше. Благодаря

Лактанція (De falsa religione. Op. ed. Gersdorf. 1842. Vol. X. Pars 1, p. 26—30) и др.

*) Напр. хронографъ Г. Амартола (греч. текстъ въ VI кн. Уч. Зап. 2 отд. И. Ак. Наукъ, изд. акад. Муральтомъ). См. М. И. Сухомлинова — О древн. р. лѣтоп., какъ памятн. литерат., стр. 94, 95. (Учен. Зап., кн. III).

**) Сл. Max Muller'a—Vorles. ü. d Wissenschaft d. Sprache — II, 429—436.

***) La Mythologie et les fables expliquees par l'histoire P. 1738. Предисловіе.

****) Wissenschaft d. Sprache. II, 433.

*) La cité antique. Кн. I, гл. 2.

**) Die Traditionen d. Menschengeschlechts. Спеціальному раскрытію этого воззрѣнія на язычество посвящена Люкеномъ послѣдняя глава этого сочиненія. Впрочемъ, онъ скорѣе эвгемеристъ-теологъ, занимающійся сличеніемъ миѳовъ со священною исторіею.

***) Le déluge et l'épopée babylonienne. P. 1873.

****) Die Urgeschichte der Menschheit.

*****) Какъ справедливо замѣчаетъ Тайлоръ. «Первоб. культ.» — I, 257,258.

искусному ею пользованію, его трудъ, если и не объясняетъ, какъ бы ему хотѣлось, происхожденія первобытныхъ идей, то всетаки проливаетъ много новаго свѣта на частныя формы политеистическихъ заблужденій. Благодаря ей нестройная масса болѣе или менѣе грубыхъ и нелѣпыхъ языческихъ вѣрованій прежде по большей части произвольно группируемая по разнымъ рубрикамъ, которыми думали обозначить разныя ступени въ развитіи религіознаго сознанія, является въ его трудѣ въ значительной мѣрѣ разъясненною и внутренно систематизированною.

Вполнѣ понятно и естественно, что теорія Спенсера какъ нельзя проще и правдоподобнѣе объясняетъ идолопоклонство, его сущность и происхожденіе *). Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ случаѣ современный ученый любопытно сходится съ авторомъ библейской «Книги премудрости Соломона» и мнѣніемъ нашего первоначальнаго лѣтописца, который, слѣдуя хронографу Г. Амартола, утверждаетъ, что «начальникъ бяше кумиротворенью Серухъ, творяше бо кумиры во имяна мертвыхъ человѣкъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другымъ храбрымъ, и волхвомъ, и женамъ прелюбодѣйцамъ». Фетишизмъ (а равно и тотемизмъ) также является у Спенсера вовсе не случайнымъ, безсмысленнымъ поклоненіемъ, совершенно безо всякихъ, хотя повидимому разумныхъ, основаній, ничѣмъ незамѣчательнымъ и невыдающимся изъ ряда другихъ предметовъ: при его объясненіи становится вполнѣ яснымъ и понятнымъ смыслъ этой грубѣйшей формы язычества. Если по объясненіямъ прежнихъ миѳологовъ и можно было понять, какимъ образомъ человѣкъ могъ унизиться до обоготворенія животныхъ, отличающихся своею свирѣпостью и силою, или растеній, поражающихъ своею колоссальностью и красотою, то уже никакъ нельзя было объяснить удовлетворительно, что же побудило его покланяться какимъ нибудь гадамъ, которыхъ онъ всегда могъ раздавить ногою, или жидкому, невзрачному тростнику. При гипотезѣ Спенсера, что здѣсь играетъ роль собственно вѣрованіе въ пребываніе въ животномъ и растеніи духа обоготвореннаго мертвеца, и зоолатрія и поклоненіе растеніямъ дѣлаются удобообъяснимыми.

Обоготворенію силъ и явленій природы непремѣнно должно было предшествовать ея оживотвореніе. Это не было упущено изъ виду и теоріей «миѳологія природы». По этой теоріи, человѣчество, въ раннюю эпоху своего существованія, полное поэтическаго сочувствія природѣ, со всею впечатлительностью своей молодой натуры, съ изумленіемъ остановило свой взоръ на этой повсемѣстно вокругъ него кипящей жизни. Оно съ благоговѣйнымъ изумленіемъ увидало въ окружающемъ мірѣ всеобщее движеніе. Увидало оно это прекрасное блестящее небо, по которому со спокойною ровностью двигался, разливая свѣтъ и теплоту, ослѣпительный дискъ солнца, плыла, обливая своимъ неопредѣленно-прекраснымъ свѣтомъ, красавица луна, вспыхивали и погасали, двигались и останавливались таинственно мерцающія, какъ будто смотрящія со своей высоты на землю, звѣзды; замѣтило оно жизнь, обильно разлитую во всякой маленькой частичкѣ міра, заявляющую себя во всякомъ червячкѣ и травкѣ. Оно услышало эти дивные разнообразные голоса, раздававшіеся вокругъ: величественный громъ и тихое щебетанье насѣкомаго, ужасный ревъ звѣрей и мелодическое пѣніе птицъ, свистъ бури и таинственный шелестъ листьевъ, сердитый шумъ морскихъ волнъ и тихое журчанье ручейка. Оно увидѣло, услышало все это,— и какъ было ему не перенести сладостнаго чувства собственнаго бытія на весь окружающій міръ? Какъ ему было не оживотворить и не одушевить всего окружающаго?

Конечно, все это въ высшей степени поэтично и прекрасно, особенно когда подобная теорія развивается такими увлекательными писателями, какъ Максъ Мюллеръ, или такъ глубоко сочувствующими стародавнимъ воззрѣніямъ своихъ предковъ, какъ Я. Гриммъ, или нашъ А. Н. Аѳанасьевъ. Ихъ искренность и задушевность подкупающе дѣйствуютъ на читателя. Но лингвисты и миѳологи природы, толкуя о поэтичности отношенія первобытнаго человѣчества къ матери природѣ, не разъяснили самого процесса ея оживотворенія и одушевленія, совершеннаго человѣкомъ. Въ этомъ отношеніи шагъ впередъ былъ сдѣланъ Тайлоромъ, поставившимъ на видъ такъ называемый имъ анимизмъ: природа представлялась, по его теоріи, первобытному человѣку населенною духами. Но онъ не въ достаточной полнотѣ и послѣдовательности развилъ свою теорію и нашелъ даже возможнымъ разсматривать миѳологію отдѣльно и прежде анимизма, тогда какъ именно послѣдній и вноситъ много свѣта въ миѳологическія понятія. Спенсеръ сдѣлалъ еще шагъ впередъ, высказавъ положеніе, что причиною оживотворенія природы послужило населеніе ея духами

*) См. Лёббока. «Нач. цивил.». Стр. 254—257.

умершихъ, а обоготворенія — приписаніе божескихъ свойствъ этимъ духамъ.

Въ нашу задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе вопроса о примѣнимости теоріи Г. Спенсера ко всей массѣ разнообразнаго миѳологическаго матеріала, ко всему многообразію вѣрованій человѣчества на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія. Поэтому ограничимся, въ заключеніи, однимъ общимъ замѣчаніемъ. Принятая имъ теорія безспорно многое разъясняетъ въ частныхъ формахъ язычества. Но объясняетъ ли она, какъ это желательно самому автору, «происхожденіе первобытныхъ идей, первобытныхъ вѣрованій?» Конечно, нѣтъ. Эвгемерическій принципъ, столь плодотворный подъ искусною рукою Спенсера, только и имѣетъ приложеніе къ содержанію миѳологіи, нисколько не разъясняя того, что стоитъ внѣ и позади миѳическихъ образовъ. Психологическій методъ, конечно, здѣсь является на мощную подмогу. Но мы видѣли, какъ несообразно съ дѣйствительностью и несогласно съ собственными своими положеніями пользуется имъ Спенсеръ.

«Боги нѣкоторыхъ изъ современныхъ дикарей суть обоготворенные духи ихъ предковъ»:—вотъ самое большее, что можетъ извлечь читатель изъ сочиненія Спенсера. Но:

1) Еще вопросъ: тѣ дикари, на которыхъ ссылается авторъ, могутъ ли считаться въ строгомъ смыслѣ даже представителями дѣйствительной дикости, а не одичалости?

2) Еще нужно доказать, что современный дикарь можетъ считаться представителемъ первобытнаго человѣка.

3) Не слѣдуетъ забывать, что обоготвореніе кого или чего бы то ни было предполагаетъ уже раннѣйшее существованіе въ душѣ человѣка идеи Божества. Культъ мертвыхъ предковъ можетъ быть признанъ очень древнею формою религіи, но никакъ, поэтому, не первобытною; имъ можно объяснить развитіе и пожалуй происхожденіе частныхъ формъ политеизма, но никакъ не происхожденіе перво-религіи.

Теорія происхожденія первобытныхъ вѣрованій, развитая въ «Основаніяхъ Соціологіи», несомнѣнно имѣя свои достоинства и значеніе для изученія миѳическихъ представленій, имѣетъ большое отрицательное значеніе. Ею еще разъ доказывается невозможность вывести религіозную идею изъ опыта. Равнымъ образомъ, она обнаруживаетъ тщетность попытокъ изученія первобытнаго человѣка, для чего положительная наука въ настоящее время еще не имѣетъ прочныхъ данныхъ. Мы видѣли выше, къ какимъ натяжкамъ и произвольнымъ построеніямъ и выводамъ прибѣгаетъ Спенсеръ, этотъ заклятой врагъ всякой метафизики и апріоричности, толкуя о первобытномъ человѣкѣ. «Читая сотни страницъ его любопытной книги съ безпрестанными ссылками на авторитетъ первобытнаго человѣка, если только не принять на вѣру, что авторъ лично знакомъ съ этою интересною особой, просто становится стыдно произносить самое имя первобытный человѣкъ, когда изъ него дѣлаютъ самое жалкое огородное пугало, какой-то шутовскій манекенъ, на которомъ, за неимѣніемъ ничего дѣльнаго, безъ разбору навѣшено всякаго ненужнаго хлама и отрепья». Эти рѣзко-правдивыя и остроумныя слова русскаго ученаго, по поводу извѣстнаго сочиненія О. Каспари *), какъ-то невольно приходитъ въ голову при развязномъ разсужденіи Г. Спенсера о первобытномъ человѣкѣ, первобытномъ міросозерцаніи.

П. Апостольскій.

*) Проф. Буслаева, Р. Вѣстникъ, 1873 г., октябрь, стр. 399.

XII. ВОСТОЧНЫЕ И ЗАПАДНЫЕ РОДИЧИ ОДНОЙ РУССКОЙ СКАЗКИ *).

(Д. чл. Вс. Ѳ. Миллера.)

I.

Многочисленныя изданія сказокъ народовъ Запада и Востока даютъ возможность въ настоящее время примѣнить къ изученію этой области народной литературы сравнительный методъ, который при изученіи аріо-европейскихъ языковъ въ короткое время привелъ къ блестящимъ результатамъ. Какъ для сравнительнаго языковѣдѣнія, такъ и для сравнительнаго изученія народ-

*) См. Протоколъ XXI засѣданія, 2-го апрѣля 1876 года, статья 5, на стр. 15 сего тома.

ныхъ сказокъ Санскритъ и санскритская литература имѣютъ самое существенное значеніе. Только послѣ точнаго изученія языка древней Индіи, носящаго во всемъ своемъ строѣ черты глубокой древности, изслѣдователи получили возможность опредѣлить родство и степень взаимнаго родства европейскихъ и арійскихъ языковъ и пролить нѣкоторый свѣтъ на доисторическій періодъ жизни народовъ, ими говорившихъ.

Не меньшее значеніе имѣетъ и санскритская сказочная литература. Сравненіе сходныхъ сказочныхъ мотивовъ Запада и Востока приводитъ обыкновенно къ тому заключенію, что самая архаичная редакція ихъ находится въ Санскритѣ, и что Индію должно считать родиною многихъ изъ нихъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ свидѣтельствуетъ поразительное сходство и въ общемъ содержаніи и въ подробностяхъ, которое часто бросается въ глаза при чтеніи сказокъ восточныхъ и западныхъ. Такого близкаго сходства нельзя встрѣтить въ эпосѣ, въ былинахъ, въ которыхъ обще-арійскія черты никогда не затемняютъ собою глубоко индивидуальнаго характера, лежащаго на цѣломъ.

Въ вопросѣ о переходѣ восточныхъ сказокъ въ Европу слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующее соображеніе.

Сказки бываютъ двоякаго рода: однѣ изъ нихъ возникли изъ миѳологическихъ преданій, которыя, переходя изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія къ другому, утратили свой первоначальный характеръ. Миѳологическія воззрѣнія были при самомъ образованіи своемъ понятны воображенію каждаго человѣка, стоявшаго на одномъ уровнѣ развитія съ своимъ племенемъ, были осязательны его младенческому сознанію. Но съ развитіемъ исторической жизни эти преданія блекли, теряли свою обаятельную осязательность и титаническіе образы олицетворенныхъ космическихъ силъ, получали все болѣе и болѣе человѣческій характеръ. Человѣкъ старался уяснить себѣ уже неясный миѳъ, старался согласить его со своими новыми понятіями, примѣнить къ новымъ обстоятельствамъ жизни и обратить миѳическое преданіе въ историческое событіе, случившееся въ глубокой древности. Боги развѣнчиваются и переходятъ сначала въ полубоговъ, потомъ въ людей, миѳъ превращается въ сказку. Но и въ ней, какъ въ миѳѣ, присутствуетъ элементъ чудеснаго, съ тою разницей, что въ миѳѣ онъ не казался таковымъ, будучи необходимымъ выраженіемъ религіознаго вѣрованія, а въ сказкѣ чудесное и признается всѣми чудеснымъ, не естественнымъ и противнымъ законамъ природы. Чудесное сказки составляетъ главную пружину всего дѣйствія. Оно мотивируетъ поступки дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ младенческое сознаніе народовъ еще не можетъ придумать болѣе разумныхъ мотивовъ. За этой ступенью можетъ послѣдовать еще другая. Чудесное можетъ совсѣмъ изчезнуть и сказка становится разсказомъ о простомъ происшествіи, случившемся среди людей. Если, не смотря на эту утрату всего чудеснаго, она можетъ своимъ содержаніемъ заинтересовать слушателей, то подвергается въ послѣдствіи литературной обработкѣ и продолжаетъ вращаться въ обществѣ. Если же весь интересъ сказки сосредоточивался на ея чудесномъ элементѣ, если разсказываемое въ ней событіе не привлекаетъ красотою вымысла, то, утрачивая чудесное, она перестаетъ дѣйствовать на воображеніе и постепенно забывается.

Отъ сказокъ этого рода, т. е. такихъ, въ основаніи которыхъ лежитъ забытый миѳъ, должно строго отличать сказки веселаго, шутливаго свойства, анекдоты и тому подобное. Область такихъ сказокъ не столько фантастическое, сколько остроумное и смѣшное. Онѣ складываются еще и теперь, сюжеты ихъ берутся изъ житейскихъ событій, между тѣмъ какъ сказки перваго рода возводятъ свое начало къ отдаленнымъ временамъ. Характеръ тѣхъ и другихъ имѣетъ вліяніе и на ихъ распространеніе. Остроумные, шутливые разсказы, проникнутые народнымъ юморомъ, распространяются быстро, переходя изъ устъ въ уста, едва только для нихъ представляется возможность и удобное время. Ихъ можно слышать въ обществѣ людей не знакомыхъ между собою, но которыхъ общія дѣла на время соединяютъ. Они раздавались и раздаются на Востокѣ въ каравансараяхъ и кофейняхъ. Всякій слушаетъ ихъ съ удовольствіемъ и спѣшитъ самъ въ свою очередь разсказать что нибудь забавное, по свойственному людямъ самообольщенію, что интересъ разсказа придаетъ въ обществѣ интересъ разсказчику. Многіе изъ такихъ разсказовъ ведутъ свое начало отъ давнихъ временъ изъ Индіи, откуда вывозили ихъ купцы вмѣстѣ съ индійскими товарами. Сначала они переходили только устно и въ незначительномъ количествѣ. Затѣмъ съ десятаго вѣка *) начинаются безпрерывныя нападенія на Индію мусульманскихъ народовъ. Они знакомятся съ богатою сказочною литературою страны, и

*) Pantchatantra, von Theodore Benfey, стр. XXII и слѣд.

сказки уже письменно распространяются въ несмѣтномъ количествѣ у всѣхъ подвластныхъ исламу народовъ. Индійскія сказки переводились на персидскій и арабскій языки и распространялись съ Востока на Западъ въ Европу. Главныя мѣста ихъ распространенія въ Европѣ были Византія, Италія, Испанія.

Помимо магометанства, религія Будды служила также къ распространенію индійскихъ сказокъ. Вмѣстѣ съ буддизмомъ монгольскія племена приняли изъ Индіи и буддійскую сказочную литературу, такъ напр. калмыцкій сборникъ *Шидди-куръ* есть обработка санкритскаго «*Веталапанчавинсати*». Въ своемъ движеніи на западъ въ Россію, Литву, Монголы распространяютъ эти индійскія сказки: Русь, какъ промежуточная страна въ этомъ движеніи, сохранила многія сказки въ самомъ близкомъ къ подлиннику видѣ, сберегла такія черты, которыя давно уже затерялись въ сказкахъ западной Европы, а это дѣлаетъ русскія сказки чрезвычайно важными для сравнительнаго изученія этой области народной литературы.

Вообще распространеніе сказокъ извѣстнаго религіознаго направленія (напр. буддійскихъ у Монголовъ), а также шутливыхъ разсказовъ, не встрѣчало препятствія. Что до послѣднихъ, то можно думать, что чѣмъ веселѣе, остроумнѣе и игривѣе разсказъ, тѣмъ быстрѣе онъ запоминался и тѣмъ ревностнѣе пересказывался однимъ другому. Поэтому, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что индійскіе разсказы, столь богатые игрой фантазіи, юморомъ и остроуміемъ, распространились изъ Индіи далеко на западъ, и что отголоски ихъ можно найти и въ *Шидди-куръ*, и въ *Gesta Romanorum*, и въ *новеллахъ* Бокаччіо и др.

Сказки, въ основаніи которыхъ лежитъ миѳъ, утрачиваютъ въ дальнѣйшемъ развитіи исторической жизни интересъ въ глазахъ мущинъ. Мущины, занятые своими дѣлами, торговлею, ремеслами, ищутъ развлеченія болѣе грубаго, болѣе веселаго, нежели то, которое могутъ доставить чудесныя сказки, отвлекающія отъ міра дѣйствительности въ ту заоблачную сферу, гдѣ добродѣтель всегда торжествуетъ, порокъ всегда наказуется. Мущина въ своемъ обществѣ болѣе склоненъ къ шуткѣ, къ остроумному разсказу, взятому изъ житейскихъ событій, чѣмъ къ серьезному тону сказки, въ которомъ слышится чуждое, ничего не говорящее воображенію, преданіе. Поэтому, настоящая сказка изъ міра мущинъ скрывается въ міръ женщинъ и дѣтей и находитъ тамъ благосклонный пріемъ. Дѣти съ напряженнымъ вниманіемъ слушаютъ отъ матери эти старыя преданія, которыя, быть можетъ, уже не понятны ей самой, но завѣщены ей ея матерью и освящены задушевными воспоминаніями дѣтства. Безъискусственная сказка, чуждаясь разсчитанныхъ эффектовъ, идетъ своею ровною чредою, то пугая дѣтское воображеніе своими наивными ужасами, то очаровывая его прелестью вымысловъ и успокоивая своимъ всегда равно счастливымъ исходомъ. Разскащица и слушатели равно заинтересованы этими событіями неизвѣстнаго времени и невѣдомыхъ странъ: разскащица, — потому, что сама слышала ихъ въ дѣтствѣ, слушатели—потому, что вѣрятъ во всѣ эти чудныя похожденія, подвиги безпримѣрной отваги и силы, страшные происки злыхъ духовъ и торжество добродѣтели. Они вѣрятъ, что все это случается сплошь и рядомъ, можетъ случиться и съ ними и приготовляются при помощи добрыхъ духовъ преодолѣть посылаемыя имъ испытанія. Тѣсный кругъ семьи,—матери и дѣтей, составлялъ поприще распространенія миѳологической сказки и едва ли она находила часто встарь случай выступать за этотъ предѣлъ. Какъ только чужой или свой мущина входитъ въ домъ, сказка умолкаетъ, мущина не можетъ ею интересоваться, не можетъ раздѣлять съ дѣтьми и матерью обаяніе, которое производитъ чудесное, а сказка, конечно, не можетъ уживаться со скептиками, съ людьми, которые не принимаютъ ее съ наивною вѣрою.

Какія же сказки чаще переходили съ Востока? Не отрицая вполнѣ возможности перехода сказокъ всякаго рода и свойства путемъ *письменнымъ*, мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, если взглянуть на древность съ точки зрѣнія современной жизни, что устно переходили преимущественно такія сказки, которыя разсказываются въ обществѣ мущинъ, потому что, конечно торговыя сношенія, караваны, путешествія всего болѣе содѣйствовали устному распространенію сказокъ, а въ этихъ обществахъ дѣловыхъ, практическихъ людей очевидно всего болѣе были въ ходу сказки втораго рода, т. е. юмористическіе разказы, анекдоты и т. под., взятые чаще всего изъ житейской практики и въ изобиліи украшенные цвѣтами остроумія. Конечно, въ число такихъ сказокъ могли попадать и миѳы, если они, утративъ первоначальный характеръ, не лишались однако интереса и могли быть передѣлываемы въ юмористическіе разсказы. Вообще же, при рѣшеніи вопроса о происхо-

жденіи сказки,—заимствована ли она или нѣтъ,—нужно сообразоваться со свойствами самаго разсказа, такъ какъ одинъ болѣе, другой менѣе склоненъ къ распространенію.

Сличеніе восточныхъ сказокъ съ западными интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ источникъ сюжетовъ, которые распространялись по Европѣ. Оно обнаруживаетъ тотъ фактъ, что европейскіе народы, въ большинствѣ случаевъ не сами изобрѣтали сюжеты, что они гораздо бѣднѣе фантазіей, чѣмъ предполагалось, и что они ограничивались часто только переработкою, иногда довольно поверхностною, матеріала, перешедшаго съ Востока. Европейская сказка сохраняетъ сама нѣкоторую память о своей далекой родинѣ; извѣстно стереотипное начало нашихъ сказокъ, которое переноситъ слушателя за тридевять земель, въ тридесятое царство. Не таково начало сказокъ Индусскихъ: мѣсто дѣйствія обыкновенно Индія, извѣстный, дѣйствительно существующій городъ, напр. Варанаси (Бенаресъ), Паталипутра, Уджаини (Уджейнъ), Таиралипта, Камбука и т. д. Стереотипное начало ея таково: «есть такой-то (имя рекъ) городъ, тамъ живетъ такой-то брахманъ, такой-то царь или купецъ» и т. д. Такимъ образомъ, сказка не дышетъ архаичностью, событіе случилось недавно, на глазахъ людей, и какъ бы невѣроятно, фантастично оно ни было, оно все же представляется дѣйствительнымъ фактомъ, историческимъ событіемъ. Индусскій умъ не знаетъ исторіи и хронологіи: для него прошедшее сливается съ настоящимъ. Всѣ творенія существовали искони и въ данный моментъ времени совершаютъ только одну изъ фазъ безконечнаго цикла перерожденій. Идея метемпсихозы послужила обильнымъ источникомъ для сказочныхъ сюжетовъ. Настоящая жизнь каждаго существа опредѣляется не столько текущими событіями, сколько заслугами или грѣхами, которые оно совершило въ своемъ прежнемъ рожденіи.

Какъ свободно Индусы относились къ хронологіи видно изъ того, что жизнь человѣческая въ ихъ представленіи можетъ протянуться на огромное пространство лѣтъ; нѣкоторые божественные мудрецы (риши) и святые отшельники (муни) жили по сту тысячъ лѣтъ, доживали и до нѣсколькихъ милліоновъ*). Понятно, что при такомъ отношеніи къ хронологіи дѣйствительныя историческія событія облекались въ миѳологію и возводились къ временамъ отдаленнымъ отъ современности на нѣсколько милліоновъ годовъ. По свойству индусскаго ума событія минувшихъ лѣтъ сохранялись не въ лѣтописяхъ, не въ историческомъ разсказѣ, а только въ миѳологическомъ преданіи и въ сказкѣ. Дѣйствительно, индусскія сказки могутъ служить матеріаломъ для исторіи Индіи. Въ нихъ выводятся историческія лица древней Индіи, и критическій анализъ могъ бы отдѣлить богатые фантазіей вымыслы и сказочную обстановку отъ исторической истины. Этотъ источникъ тѣмъ важнѣе, что, какъ извѣстно, Индусы не имѣютъ историческихъ сочиненій за исключеніемъ кашмирской лѣтописи.

Сказка имѣла у Индусовъ несравненно большее значеніе, нежели у европейскихъ народовъ. Это была ихъ главная литературная форма, въ которую облекались самые разнообразные матеріалы, и миѳологія, и историческія событія, и идеи нравственной философіи, и политическая мудрость, и научныя свѣдѣнія и даже преданія науки. Такъ въ Катга-Саритъ-Сагарѣ можно, между прочимъ, прочесть извѣстіе о знаменитомъ индусскомъ грамматистѣ Панини и о сочиненіи имъ грамматики, которая всегда останется славнымъ памятникомъ тонкости индусскаго аналитическаго ума. Сказки, ходившія въ народѣ, подвергались въ послѣдствіи литературной обработкѣ и служили матеріаломъ огромнымъ сборникамъ, которыми такъ богата санскритская литература. Въ нихъ въ одинъ основной разсказъ вплетаются другіе такой длинной и разнообразной вереницей, что главный разсказъ иногда совершенно теряется читателемъ изъ виду. Сказки мелькаютъ одна за другою какъ изображенія въ калейдоскопѣ; онѣ связаны между собою не органически, а какъ бы механически, по ассоціаціи идей. Самыя названія сборниковъ обнаруживаютъ это свойство разсказа; такъ, самый обширный изъ нихъ называется «Моремъ сказочныхъ потоковъ» (Kathâ-sarit-sâgara). Море (sâgara) составляетъ одинъ историческій разсказъ, въ него впадаютъ потоки (sarit) другихъ, а въ эти потоки изливаются другіе сказочные ручьи.

II.

Въ сборникѣ народныхъ русскихъ сказокъ А. Аѳанасьева (выпускъ II, № 16) мы читаемъ очень распространенную сказку о ворожеѣ, которую мы намѣрены

*) Напр. первый царь, первый пустынникъ и первый святой индусской миѳологіи жилъ до 8.400,000 лѣтъ. Изъ уваженія ко всему древнему индусы относятъ всѣ замѣчательныя событія къ незапамятнымъ временамъ. Напр. законы Ману написаны, по ихъ мнѣнію, милліоны лѣтъ тому назадъ.

сравнить съ подобными же сказками другихъ народовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

Въ одномъ селѣ жила бѣдная старуха съ малолѣтнимъ сыномъ: дожила она до того, что нечего имъ было ѣсть. Вотъ старуха и подучила сына свести лошадей у одного мужика, привязать къ такому-то кусту и дать имъ сѣна, а потомъ отвязать и отвести въ такую-то лощину. Мальчикъ исполнилъ это. Хозяева хватились лошадокъ, стали искать ихъ тамъ и сямъ, но нигдѣ не нашли. А про старуху ходила молва, что она умѣетъ ворожить. Хозяева лошади обратились къ ней. Она прикинулась больной и сначала отказывалась, но потомъ собралась съ силами и, разложивъ карты, сказала, что стоятъ-де ихъ лошади у такого-то куста. Хозяева лошадей тамъ не нашли, но по сѣну и гужу висѣвшему на деревѣ, убѣдились, что онѣ еще недавно тамъ стояли. Опять пошли къ старухѣ; та еще пуще ломается, наконецъ указала имъ лощину и мужики нашли своихъ лошадей. Съ тѣхъ поръ пошла про старуху великая молва, что она искусная ворожея. Слухъ объ ней дошелъ до одного боярина, у котораго пропалъ сундукъ съ деньгами. Онъ послалъ за старухой карету и двухъ людей — *Самона и Андрюху*. Они почти силой посадили ее въ карету и повезли къ боярину. Испугалась старуха, что задастъ ей бояринъ, если она не угадаетъ, кто укралъ сундукъ съ деньгами и разохалась дорогой: «*Охъ,охъ, охъ*, кабы не *мамонъ* (деньги), да не *брюхо*: *гдѣ бы* такому дѣлу сбыться, чтобы мнѣ ворожейкой быть, да къ барину ѣхать, чтобы онъ запряталъ меня туда, куда воронъ костей не заносилъ!» А Самонъ да Андрюха, которые именно и украли сундукъ, испугались, полагая по недослышкѣ, что старуха бормочетъ про нихъ Самона и Андрюху (а не про мамонъ, да брюхо). Съ переполоху они покаялись передъ нею, что спрятали сундукъ на мельницѣ подъ гатью, и умоляли ее ихъ не выдать, обѣщая денегъ. Старуха согласилась съ радостью. Пріѣхавъ къ барину, она разложила карты, долго смотрѣла на нихъ и сказала: пропажа твоя на мельницѣ, подъ гатью. Баринъ послалъ туда людей и тѣ принесли сундукъ. Щедро онъ наградилъ за это старуху и стала она съ своимъ сыномъ жить да поживать и добра наживать.

Въ другомъ варіантѣ той же сказки (вып. VI, № 23) слуги барина прозываются *Брюхо* и *Ребро*, и баба, парясь въ барской банѣ, говоритъ: достанется теперь *брюху* и *ребру*. Слуги подслушиваютъ эти слова у двери и признаются въ покражѣ. Въ томъ же варіантѣ мѣсто сундука съ деньгами заступаетъ дорогая жемчужина, которую украли у барина, и старуха-ворожея, чтобы не выдать слугъ, закатываетъ ее въ хлѣбъ и даетъ проглотить гусю, который и оказывается виновникомъ кражи. Послѣ того какъ жемчужина была отыскана, баринъ оставляетъ ворожею у себя обѣдать и къ обѣду велитъ изготовить жареную ворону. Посмотрю, думаетъ, узнаетъ ли старуха. Сѣли обѣдать, несутъ жареную ворону на столъ, а баба смотритъ по сторонамъ и говоритъ о себѣ: «вотъ залетѣла ворона въ высокія хоромы», и такимъ образомъ угадываетъ, какое жаркое подали на столъ. Наконецъ баринъ велѣлъ въ коляску наложить потихоньку яицъ, а баба, садясь въ нее, опять говоритъ о себѣ: «ну, бабушка, садись на старыя яички!» Удивился баринъ, что старуха все знаетъ, все вѣдаетъ, наградилъ ее деньгами и отпустилъ домой.

Приведемъ и третій варіантъ, такъ какъ и онъ имѣетъ свое значеніе, для возстановленія самой архаической редакціи нашей сказки. Въ немъ (вып. VI, № 22) вмѣсто старухи является продувной *мужичекъ* по прозванію *Жучекъ*. Укралъ онъ у бабы холстину и спряталъ въ ометѣ соломы, а самъ расхвастался, что ворожить мастеръ. За три фунта масла онъ угадываетъ, гдѣ холстина. Черезъ три дня Жучекъ уводитъ у барина жеребца и за сто рублей отгадываетъ, въ какомъ мѣстѣ онъ стоитъ. Вскорѣ у нѣкоего царя пропало вѣнчальное кольцо. Царь посылаетъ за знахаремъ. Жучекъ долженъ въ особой комнатѣ ворожить всю ночь, а утромъ дать отвѣтъ царю. Сидя въ комнатѣ, знахарь рѣшился дожидаться третьихъ пѣтуховъ, да задать тягу. Кольцо царское украли три дворовыхъ человѣка: лакей, кучеръ и поваръ. Они подслушиваютъ по очереди у дверей, не узналъ ли ихъ знахарь. Пошелъ лакей подслушивать, вдругъ запѣли пѣтухи и мужикъ промолвилъ: «Слава тебѣ Господи, одинъ ужъ есть, остается двухъ ждать». У лакея душа ушла въ пятки. Побѣжалъ онъ къ своимъ товарищамъ и сказалъ, что знахарь узналъ его, какъ только онъ подошелъ къ двери. То же было и съ поваромъ и кучеромъ. Тогда они вошли къ знахарю, повинились въ кражѣ и просили ихъ не выдать. Жучекъ соглашается, беретъ кольцо и бросаетъ подъ половицу. Утромъ онъ даетъ царю отвѣтъ и находитъ кольцо. Царь велѣлъ его накормить, наградилъ деньгами, а самъ пошелъ въ садъ. Здѣсь на дорожкѣ онъ нашелъ жука и воротившись, сказалъ знахарю: «Ну,

коли ты знахарь, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?» Мужичекъ испугался и говоритъ самъ о себѣ: «что? попалъ жучекъ царю въ руки?» Убѣдившись въ его всезнаніи, царь еще больше наградилъ его и съ честью отпустилъ домой.

Эти сказки о ворожеѣ или знахарѣ, повидимому, вполнѣ русскія, возникли на русской почвѣ, полны бытовыхъ подробностей и русскаго народнаго юмора. Изъ числа варіантовъ, изъ нѣкоторыхъ поговорокъ, входящихъ въ разсказъ видно, что этотъ сюжетъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ въ народѣ, и что онъ живетъ и развивается и до сего дня. Такъ напр., очевидно, что въ сказкѣ № 16 иноземное слово *мамонъ* для созвучія съ Самономъ, не могло быть внесено въ слишкомъ удаленное отъ насъ время. Эта вставка принадлежитъ вѣроятно уже какому нибудь грамотному, или потершемуся около грамотныхъ разскащику. Поэтому, г. Аѳанасьевъ въ примѣчаніяхъ къ этой сказкѣ видитъ въ ней слѣды позднѣйшаго происхожденія *). Однако та же сказка существуетъ и у литовцевъ, и у нѣмцевъ, и у французовъ, находится и въ монгольскомъ сборникѣ Шиддьи-Куръ, а самая древняя и *оригинальная* редакція ея помѣщена въ вышеупомянутомъ санскритскомъ сборникѣ —«Море сказочныхъ потоковъ». Сличеніе ея съ восточными и западными редакціями покажетъ, что на долю русскаго юмора выпало лишь немного, что онъ только приноровилъ восточный разсказъ къ своему быту, и что едва ли въ ней можно видѣть *недовѣрчивость* къ преданію и *всерушительныя сомнѣнія проснувшагося* ума. Если сказка эта та же, что и въ приводимомъ ниже отрывкѣ изъ Катга-Саритъ-Сагары, то, очевидно, она очень древняго происхожденія, и не уступитъ въ древности любой другой восточной сказкѣ, такъ какъ мы находимъ ее въ стихотворной, а слѣдовательно позднѣйшей, обработкѣ, въ Катга-Саритъ-Сагарѣ, составитель коего жилъ въ концѣ XI и началѣ XII вѣка. Давность же ея на русской почвѣ докажетъ намъ ея сходство въ мельчайшихъ подробностяхъ съ санскритской редакціей.

Для болѣе нагляднаго обзора привлекаемыхъ къ сравненію сказокъ, разсмотримъ содержаніе нашей и постараемся опредѣлить ея первоначальный видъ. Общій смыслъ сказки — счастливая случайность, дающая возможность человѣку, который выдалъ себя за знахаря, удачно поддержать свою репутацію. Она распадается на нѣсколько эпизодовъ. Архаическая ея редакція, вѣроятно, имѣла три. Первый состоялъ въ томъ, что человѣкъ изъ бѣдности рѣшается на плутовство, именно сводитъ лошадь, а потомъ находитъ ее и получаетъ славу знахаря. Этотъ эпизодъ находится въ двухъ русскихъ варіантахъ (№ 16 и № 22); слѣдовательно, существовалъ и въ той редакціи, въ которой эта сказка перешла на Русь. Эпизодъ о холстѣ, украденномъ Жучкомъ у бабы (сказка № 22), вѣроятно прибавка позднѣйшая. Онъ не находится въ двухъ другихъ сказкахъ и составленъ по аналогіи эпизода съ лошадью, слѣдовательно излишенъ, какъ слабое повтореніе. Второй эпизодъ сказки состоитъ въ томъ, что человѣкъ, прослывшій вслѣдствіе удачнаго плутовства за знахаря, открываетъ по счастливому случаю пропавшія деньги и поддерживаетъ этимъ свое знахарское достоинство. Лицо, у котораго пропали деньги, въ двухъ сказкахъ *бояринъ*, въ третьей *царь*. Полагаемъ, что въ древнѣйшей русской редакціи—пропажа случилась у царя, такъ какъ сказка перешла съ Востока, а въ восточныхъ редакціяхъ является царь. Баринъ, вѣроятно, лицо въ послѣдствіи замѣнившее царя. Впрочемъ, власть его показываетъ, что подъ нимъ скрыта болѣе сильная особа. Вещь, украденная у царя, — по одной сказкѣ сундукъ съ деньгами, по другой жемчужина, по третьей кольцо. Жемчужину мы находимъ въ монгольской редакціи, деньги въ санскритской, которая всего ближе къ нашей. Сдѣлали эту покражу по первому варіанту Самонъ да Андрюха, по второму—трое слугъ (кучеръ, поваръ, лакей); по третьему—опять двое, Ребро и Брюхо. Первый варіантъ носитъ очевидно слѣды позднѣйшаго происхожденія: въ немъ видно приспособленіе иноземнаго слова мамонъ къ имени Самонъ, приспособленіе натянутое и весьма неискусное. Въ первоначальной русской редакціи вѣроятно игры словъ не было, потому что у насъ нѣтъ именъ, которыя бы совпадали съ названіями частей тѣла, а такое совпаденіе находится въ санскритской редакціи, которая, повторяю, ближе другихъ къ

*) Вотъ его слова: позднѣйшее происхожденіе сказокъ, замѣнившихъ первоначальное простодушіе и наивность лукавою насмѣшливостью, наиболѣе выдается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ юморъ народный направленъ противъ тѣхъ самыхъ повѣрій, какія нѣкогда составляли неприкосновенную для стараннаго человѣка святыню. Въ подобномъ осмѣяніи (смотр. сказку № 16, Ворожея) уже сказывается недовѣрчивость къ преданію. Даже *обаятельная сила поэтическихъ сказаній народане защититъ эту отживающую старину отъ всерушительныхъ сомнѣній проснувшагося ума.*

нашей. Потому, чтобы передать это совпаденіе названій, русскій юморъ придумалъ не имена, а прозвища, что намъ кажется естественнѣе. Далѣе угадываетъ воровъ знахарь, вслѣдствіе того, что они подслушиваютъ у двери его комнаты. Въ варіантѣ № 23 вмѣсто комнаты—баня, въ которой парится ворожея. Очевидно,—это чисто русскій варіантъ.—Третій эпизодъ сказки состоитъ въ томъ, что царь, не вполнѣ убѣдившись во всезнаніи знахаря, испытываетъ его еще разъ, и этотъ эпизодъ разсказывается иначе въ варіантахъ №22 и 23. Въ послѣднемъ старуха-ворожея угадываетъ ворону, поданную на столъ, и яйца, положенныя въ коляску. Угадываетъ это она такимъ образомъ, что кстати, намекая на свое положеніе, произноситъ двѣ поговорки *(залетѣла ворона въ высокія хоромы* и *садись бабушка на старыя яички)*. По варіанту № 22 мужичекъ, по прозванію Жучекъ, угадываетъ намекомъ на свою судьбу (ну, попался жучекъ царю въ руку), что въ рукѣ у царя жучекъ, поднятый имъ въ саду. Полагаемъ, что первый изъ приведенныхъ варіантовъ болѣе поздняго происхожденія. Въ немъ замѣтно болѣе искусственности, народнаго юмора и болѣе самостоятельности въ передѣлкѣ восточной сказки. Передѣлка, должно замѣтить, весьма удачная: разскащикъ вводитъ въ сказку очень распространенную пословицу и старается дать ей фактическое оправданіе. Видно, сверхъ того, что мотивъ этотъ, т. е. примѣненіе пословицы къ какой нибудь комбинаціи, попадающейся въ сказкѣ—мотивъ свѣжій и способный развиваться далѣе по пути аналогіи. Такъ въ томъ же варіантѣ мы находимъ еще другую поговорку, которую, быть можетъ, прибавилъ отъ себя къ прежней новый разскащикъ, и по всей вѣроятности, кромѣ этихъ варіантовъ на Руси, существуютъ и другіе, которые еще не попали въ печатные сборники. Такое свойство варіанта сказки № 23 говоритъ за его болѣе позднее происхожденіе, и дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что въ самой древней, на Руси извѣстной, редакціи существовалъ либо второй (Жучекъ), либо другой тому подобный мотивъ, а именно такой, гдѣ имя знахаря совпадало съ названіемъ предмета, о которомъ его спрашивали. Это подтверждается редакціями санскритской, нѣмецкой и французской.

Итакъ, изъ обзора русскихъ варіантовъ нашей сказки, мы можемъ вывести, что въ первоначальной восточной редакціи сказка распадалась на три эпизода: *въ первомъ* разсказывалось о томъ, какъ человѣкъ, побуждаемый бѣдностію, рѣшается морочить людей, крадетъ лошадь, и потомъ, возвративъ ее владѣльцу, пріобрѣтаетъ славу знахаря. *Во второмъ* эпизодѣ этотъ знахарь призывается къ царю, у котораго украли казну, и пеняя на себя за то, что самъ поставилъ себя въ опасное положеніе, и сожалѣя о какой нибудь части своего тѣла, которую считаетъ причиною своего несчастія, онъ, по счастливому совпаденію названій, угадываетъ воровъ, которые похитили царское сокровище. *Въ третьемъ* эпизодѣ—знахарь подвергается новому испытанію, которое онъ опять таки счастливо выдерживаетъ, вслѣдствіе совпаденія своего имени или прозвища съ названіемъ того предмета, который онъ долженъ угадать. Всѣ эти три эпизода являются съ поразительною правильностью въ санскритской сказкѣ о брахманѣ, которую мы перевели изъ вышеупомянутаго сборника сказокъ Катга-Саритъ-Сагара.

Вотъ самая сказка*):

Гариçарма**) по прозванью, жилъ брахманъ въ одной деревнѣ,
Былъ онъ бѣденъ, глупъ, несчастливъ, къ жизни средствъ онъ не имѣлъ,
И за грѣхъ въ рожденьи прежнемъ народилъ семью большую.
Съ нею по міру бродилъ онъ; вотъ, войдя однажды въ городъ,
5. Онъ за помощью прибѣгнулъ къ Стуладаттѣ богачу.
Сыновей онъ въ волопасы, а жену въ служанки отдалъ,
Самъ же жилъ вблизи отъ дома, исполняя порученья.
Вотъ однажды Стуладатта, свадьбу дочери справляя,
Задалъ праздникъ... Много люду было тамъ и много шуму.
10. На пиру томъ Гариçарма приглашалъ гостей съ родными
Въ домъ и потчивалъ радушно мясомъ, масломъ ихъ и прочимъ.

---

*) Katha sarit sagara—des Somadeva Buch VI, VII, VIII—von Hermann Brockhaus (sanscrit Tekst), стр. 35.

**) Hari—названіе бога Вишну и Çивы), çarman—благословеніе; слѣдовательно Hariçarman—зна-читъ «благословенный Сивою!» Въ ироническомъ смыслѣ это можетъ значить «дуракъ», по существующему и у Индусовъ убѣжденію, что «дуракамъ счастье». Подобное этому сочетаніе Haripriya (соб. любимый Гаріемъ) значитъ и дуракъ.

Всѣми былъ онъ здѣсь замѣченъ, да никто объ немъ не вспомнилъ,
И стыдясь, что не обѣдалъ, онъ сказалъ своей брахманкѣ:
За убожество и глупость здѣсь меня не уважаютъ;
15. Но притворное всезнанье такъ пущу я ловко въ дѣло,
Что предметомъ уваженья буду въ домѣ Стуладатты.
Если надобность въ томъ будетъ, объяви, что мужъ твой знахарь!
Такъ сказалъ онъ и, обдумавъ планъ, когда всѣ улеглися,
Ночью, свелъ онъ лошадь зятя со двора у Стуладатты,
20. Далеко отвелъ и спряталъ. Вотъ по утру эту лошадь
Люди здѣсь и тамъ искали, но нигдѣ не находили.
Стуладатта всполошился, сталъ доискиваться вора....
Тутъ жена Гариçармана, подойдя къ нему, сказала:
Мужъ мой знахарь, онъ умѣетъ по звѣздамъ читать искусно.
25. Онъ коня вамъ тотчасъ сыщетъ, вамъ его спросить бы надо!
Слыша это, Стуладатта призываетъ Гариçарму.
—Всѣ вчера меня забыли, а теперь, когда пропала
Лошадь, вспомнили!—сказалъ онъ. «Охъ, прости и укажи намъ—
Кто коня у насъ похитилъ!» такъ просилъ богачъ брахмана.
30. Гариçарма, притворившись, будто чертитъ знаки, молвилъ:
Въ сторонѣ, на югъ отсюда, воры скрыли вашу лошадь,
На день спрятали покуда, ночью-жъ далѣе угонятъ,
Такъ пойдите-жъ поскорѣе и возьмите иноходца!
Тотчасъ люди побѣжали за конемъ толпой, настигли
35. И приводятъ, прославляя дивный умъ Гариçармана.
Съ этихъ поръ «вотъ это знахарь!» говорили съ уваженьемъ,
И въ большомъ у Стуладатты Гариçарма жилъ почетѣ.
Дней съ тѣхъ поръ прошло немного и изъ царскаго чертога
Воръ похитилъ много злата и каменьевъ драгоцѣнныхъ.
40. Такъ какъ онъ отысканъ не былъ, то, провѣдавъ о всезнаньи
Гариçармы, царь поспѣшно повелѣлъ его представить.
Тотъ, выигрывая время, «завтра я скажу» отвѣтилъ,
И трепещущій за знанье былъ подъ стражу онъ посаженъ
Тѣмъ царемъ.—Была въ то время во дворцѣ служанка Джихва
45. И она-то вмѣстѣ съ братомъ изъ дворца тотъ кладъ украла.
Ночью, подойдя къ покою Гариçармы, та служанка,
Устрашась его искусства, ухо къ двери приложила.
Гариçарма въ это время, находясь одинъ въ покоѣ,
Свой языкъ бранилъ, что мелетъ понапрасну онъ про знанье.
50. «Что надѣлала ты Джихва *) изъ за жадности къ богатству?
Такъ терпи же наказанье ты, негодная болтушка!»
— Онъ узналъ меня, со страхомъ тутъ подумала служанка
Джихва и, войдя тихонько, пала ницъ предъ тѣмъ, кто дивнымъ
Ясновидцемъ ей казался и просила, умоляя:
55. «Я та Джихва, какъ узналъ ты, что сокровище украла,
О брахманъ! его снесла я въ садъ, что позади чертога,
И въ землѣ его зарыла тамъ подъ деревомъ гранатнымъ.
Не губи меня, въ награду ты часть золота получишь».
Слыша это, Гариçарма, полный гордости, отвѣтилъ:
60. «Удались, мнѣ все извѣстно, все что было, есть и будетъ,
Но тебя я не открою, ты жалка мнѣ, ты прибѣгла
Къ моей милости, — однако, что въ твои попало руки,
Ты отдашь мнѣ!» «Я согласна», та отвѣтила и вышла
Поскорѣй, а Гариçарма въ изумленіи подумалъ:
65. И немыслимое дѣло совершаетъ рокъ счастливый,

---

*) Jihva (Джихва)—значитъ по санскр. «языкъ». Оно же имя служанки, укравшей деньги. Мы сохраняемъ санскр. названія, не находя возможнымъ передать въ переводѣ совпаденіе именъ.

Безопасно ускользнулъ я отъ грозившаго несчастья,
И, языкъ свой ускоряя, отыскалъ воровку Джихву.
Такъ опасность открываетъ сокровенные грѣхи!...
Передумывая это, ночь провелъ онъ беззаботно.
70. Рано утромъ, притворившись мудрецомъ, царя повелъ онъ
Въ садъ съ собой и здѣсь, доставши въ землю скрытое богатство,
Объявилъ, что съ остальною частью воръ ушелъ и скрылся.
Царь, обрадованный этимъ, сталъ дарить ему помѣстья.
«Какъ возможно это знанье недоступное для смертныхъ
75. Безъ науки? Онъ конечно заключилъ условье съ воромъ,
Потому еще разъ нужно испытать его искусство —
Такъ шепнулъ царю тихонько царскій мантри *) Деваджнани.
Царь велѣлъ тайкомъ лягушку бросить въ новую амфору
Съ крышкой и принесть, и такъ онъ къ Гариçармѣ обратился:
80. «Если ты, брахманъ, узнаешь, что внутри амфоры этой,
То я почестью высокой награжу тебя не медля!»
Тутъ подумалъ Гариçарма, что пришлось ему погибнуть,
Вспомнилъ про свое онъ дѣтство, и что былъ лягушкой въ шутку
Прозванъ онъ отцемъ, и кстати, будто рокомъ побужденный,
85. О самомъ себѣ горюя, вдругъ промолвилъ: «О лягушка,
Стала гибелью внезапной эта новая амфора
Для тебя. черезъ насилье и твоей помимо воли!»
— Вотъ великій знахарь, тотчасъ онъ узналъ, что тамъ лягушка!
Такъ воскликнули всѣ люди, удивляясь его знанью.
90. Тутъ на дѣлѣ убѣдившись, что брахманъ гадать умѣетъ,
Далъ ему помѣстья, денегъ, и коней и зонтъ **) довольный
Царь, и зажилъ Гариçарма съ этихъ поръ, вассаломъ царскимъ.

*) Mantri — совѣтникъ.

**) Зонтъ различнаго цвѣта признакъ власти; напр., бѣлый зонтикъ одно изъ отличій раджи.

Сходство индусской сказки съ нашею въ цѣломъ и въ подробностяхъ очевидно не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій и дѣлаетъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ предположеніе, что наша, повидимому, столь народная и богатая юморомъ сказка, перешла на Русь съ Востока. Мы видимъ, что народъ не прибавилъ къ сказкѣ ничего новаго, не изобрѣлъ ни одного оргинальнаго эпизода, но сохранилъ восточную сказку почти въ томъ же видѣ, въ какомъ она существовала въ своей родинѣ—Индіи. Впрочемъ, вѣрность въ сохраненіи восточныхъ сказокъ не можетъ еще говорить не въ пользу нашей народной изобрѣтательности. Она оправдывается исторически. Русскіе славяне получали сказки болѣе непосредственно съ Востока, нежели прочіе европейскіе народы. Бенфей главную роль въ перенесеніи восточныхъ сказокъ въ Европу приписываетъ монголамъ. Вслѣдствіе распространенія у нихъ индусскаго буддизма къ нимъ переходили изъ Индіи сказки въ огромномъ количествѣ. Двухсотлѣтнее владычество ихъ надъ восточною Европой перенесло многія индусскія сказки къ славянамъ, отъ которыхъ уже онѣ переходили къ нѣмцамъ. Такимъ образомъ, монголы служили посредниками между Индіей и Россіей. Потому, если мы находимъ въ монгольскомъ сборникѣ сказокъ Шидди-Куръ эту индусскую сказку, то могли бы, кажется, ожидать, что монгольская редакція еще ближе къ русской, чѣмъ санскритская. Однако уже первый взглядъ покажетъ, что сказка о брахманѣ подверглась сильной монгольской окраскѣ и получила много деталей въ монгольскомъ вкусѣ. Сказка такъ оригинальна, что мы позволимъ себѣ перевести ее цѣликомъ *).

Много лѣтъ тому назадъ жили въ одной цвѣтущей странѣ мужъ и жена. Мужъ былъ человѣкъ весьма дурныхъ свойствъ, онъ не былъ въ состояніи приличнымъ образомъ ѣсть и пить; день и ночь онъ спалъ и сидѣлъ безъ дѣла. Однажды жена сказала мужу: «Что ты сидишь безъ дѣла? Имущество, которое ты получилъ отъ отца, уже почти прожито. Встань же наконецъ, одѣнься и когда я пойду въ поле работать, взлѣзь на крышу и погляди вокругъ себя». Когда онъ, повинуясь женѣ, посмотрѣлъ вокругъ себя, то увидѣлъ, позади дома на становищѣ, только что покинутомъ однимъ богатымъ кочующимъ племенемъ, ожесточенную драку между пти-

*) Kalmükische Macrchen des Siddhi - kür oder Erzählungen eines Verzauberten Todten. Aus dem kalmükischen von B. Jülg, стр. 22.

цею, лисицею и собакою. Пойдя посмотрѣть на драку, онъ нашелъ мѣхъ съ масломъ, взялъ его и повѣсилъ на ограду. Воротилась жена, увидѣла мѣхъ и сказала: «Откуда ты досталъ масло?» Мужъ отвѣчалъ: «Я поступилъ по твоимъ словамъ и нашелъ это на становищѣ откочевавшаго племени». Жена сказала: «Гдѣ же это водится, чтобы мужья сидѣли ничего не дѣлая? Вотъ, ты вышелъ на одну минуту и сейчасъ уже сдѣлалъ находку». Мужъ собрался съ духомъ и сказалъ: «Погоди же, я поправлю наши дѣла, только приготовь мнѣ лошадь, платье и собаку». Жена достала все это. Мужъ надѣлъ шапку и войлочный плащъ, привѣсилъ лукъ со стрѣлами, взялъ собаку за веревку и сѣлъ на лошадь. Потомъ поѣхалъ куда глаза глядятъ и переѣхалъ черезъ много рѣкъ. Наконецъ въ степи онъ увидѣлъ лисицу. «Это самый лучшій другъ», подумалъ онъ, «я изъ него сдѣлаю шапку». Съ этими словами онъ погнался за лисицею, а она спряталась въ нору сурка. Тогда онъ слѣзъ съ лошади, положилъ на нее лукъ со стрѣлами и все свое платье и привязалъ собаку къ уздечкѣ; потомъ заткнулъ шапкою отверстіе норы и началъ ударять въ землю большимъ камнемъ. Испуганная лисица выскочила изъ норы съ его шапкою на головѣ и побѣжала полемъ, за ней бросилась собака, а такъ какъ она была привязана къ лошади, то и лошадь поскакала за ними и всѣ они скрылись изъ виду. Такъ онъ потерялъ все что имѣлъ и остался голъ какъ соколъ. Отправившись далѣе, онъ пришелъ къ рѣкѣ. Въ той странѣ царствовалъ могущественный и богатый ханъ. Человѣкъ безъ платья пошелъ въ ханскую конюшню и залѣзъ въ стогъ сѣна, выставивъ наружу одни глаза. Скоро затѣмъ пришла туда гулять прекрасная дочь хана и за однимъ дѣломъ подошла къ стогу сѣна. Здѣсь она положила на время талисманъ, отъ котораго зависѣло благо всего ханства, и ушла во дворецъ, позабывъ взять его съ собою. Человѣкъ въ стогу увидѣлъ чудесный талисманъ, но нашелъ не удобнымъ его поднять. Послѣ захода солнца подошла къ тому мѣсту корова и закрыла камень своимъ пометомъ. Спустя еще нѣсколько времени пришла служанка, чтобы загнать корову на дворъ и бросила пометъ съ камнемъ на одну сторону двора. На другой день ханъ велѣлъ объявить всенародно, что дочь его потеряла талисманъ жизни хана. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ бить въ большой барабанъ и созвать своихъ подданныхъ и всѣхъ знахарей, предсказателей и кудесниковъ. Человѣкъ въ это время вылѣзъ изъ сѣна; къ нему подошелъ слуга и спросилъ его: а ты что умѣешь?—«Я умѣю гадать», отвѣчалъ онъ. У нашего хана, сказалъ слуга, пропалъ талисманъ и всѣ гадальщики и знахари созваны къ нему, ступай же и ты къ хану.—Тотъ отвѣчалъ: «У меня нѣтъ платья». Тогда слуга пошелъ и доложилъ хану: на внѣшнемъ дворѣ нашей конюшни въ стогу сѣна сидитъ какой-то нагой знахарь; если-бъ у него было платье, онъ явился бы къ хану. «Такъ пусть онъ надѣнетъ это суконное платье и придетъ сюда», приказалъ ханъ. Такимъ образомъ знахарь явился къ хану. Когда онъ отвѣсилъ хану поклонъ, тотъ спросилъ: какія вещи нужны для твоего волшебства? «Для моего волшебства, отвѣчалъ онъ, нужна большая свиная голова, пятицвѣтный шелковый платокъ и большой балингъ *): вотъ что мнѣ нужно». Когда ему дали все это, онъ насадилъ свиную голову на шестъ, украсилъ ее пятицвѣтнымъ шелковымъ платкомъ и укрѣпилъ на балингѣ. Потомъ три дня и три ночи дѣлалъ видъ, что погруженъ въ глубокія думы. Въ день, назначенный для гаданья, собрался весь народъ. Колдунъ надѣлъ длинную одежду, взялъ свиную голову, пошелъ по главной улицѣ и, показывая на людей свиною головою то въ ту, то въ другую сторону, говорилъ: «У этого нѣтъ и у этого нѣтъ». Всѣ были этому рады. Затѣмъ, онъ сказалъ: ханскій талисманъ не находится у людей, такъ поищемъ его на землѣ. Съ этими словами онъ пошелъ отъ порога дворца и переходилъ съ мѣста на мѣсто, тыкая всюду свиною головой, а ханъ и свита слѣдовали за нимъ съ торжественнымъ пѣніемъ. Подойдя наконецъ къ тому мѣсту двора, гдѣ лежалъ пометъ съ талисманомъ, колдунъ ткнулъ свиною головой въ пометъ и сказалъ: «Здѣсь онъ, говорю я вамъ!» И когда онъ раздѣлилъ почернѣвшій навозъ, талисманъ вышелъ наружу. Всѣ обрадовались и закричали: ты могучій волшебникъ! Мы наградимъ тебя, иди во дворецъ. «Да, это въ самомъ дѣлѣ волшебникъ съ свиной головой!»—слышались крики радости. Ханъ сказалъ: чего ты желаешь? Колдунъ, подумавъ о своей прежней лошади, одеждѣ и прочемъ снарядѣ, сказалъ: мнѣ нужны лошадь, сѣдло и узда, колчанъ, лукъ и стрѣлы, шапка, войлочный плащъ, собака и лисица. Вотъ чего я желаю. Слыша это, ханъ сказалъ: вотъ чудакъ! и приказалъ своимъ совѣтникамъ дать ему все это. Знахарь

*) Baling—человѣческая фигура изъ тѣста.

нагрузилъ двухъ слоновъ мясомъ и масломъ и воротился на родину.

Жена вышла ему на встрѣчу съ водкой и сказала: «Такъ-то нужно поступать, если хочешь быть мущиной!» Ночью жена спросила: «Откуда добылъ ты мясо и масло?» Знахарь разсказалъ все подробно. Тогда жена сказала: Глупая ты голова! безразсудный и жалкій человѣкъ. Завтра утромъ я сама пойду къ хану». Она написала письмо и пошла съ нимъ къ хану. «Въ потерѣ ханскаго талисмана я провидѣлъ тѣлесный недугъ хана и чтобъ удалить его попросилъ собаку и лисицу, а какіе подарки я достоинъ получить въ награду, это ханъ самъ пусть разсудитъ». Письмо такого содержанія передала она хану отъ имени знахаря. Это совершенно справедливо, сказалъ ханъ, и послалъ ему въ награду безчисленныя сокровища. Съ тѣхъ поръ знахарь зажилъ съ женою въ богатствѣ, счастьѣ и довольствѣ.

Въ то время въ чужой странѣ жили семь братьевъ ханскихъ сыновей. Однажды всѣ семеро отправились въ большой лѣсъ. Здѣсь встрѣтили они дѣвушку неописанной красоты и буйвола. Что вы здѣсь дѣлаете? спросили они и откуда пришли? Дѣвушка сказала: я дочь хана южной страны, пошла за этимъ буйволомъ и пришла сюда. Они сказали: у насъ—семи братьевъ—нѣтъ жены, будь ты нашей женой. Дѣвушка согласилась. Оба они, буйволъ и дѣвушка, были р и к ш а с ы и пришли поѣдать людей. Мангусъ *)-мущина превратился въ буйвола, мангусъ женщина приняла видъ ханской дочери. Каждый годъ они пожирали по одному хановичу, такъ что наконецъ остался только одинъ, да и тотъ впалъ въ тяжкую болѣзнь. Онъ уже былъ близокъ къ смерти, когда совѣтники собрались и сказали: Прежніе ханы всѣ померли, не смотря на наше лѣченіе и средства иноземныхъ лѣкарей; едва ли и этому помогутъ какія нибудь цѣлебныя средства. Но за двумя горными хребтами отсюда живетъ волшебникъ со свиною головой, одаренный великимъ ясновидѣніемъ, его мы призовемъ къ больному». отправили гонцовъ. Четыре человѣка сѣли на коней, пріѣхали къ знахарю и разсказали ему о ханской болѣзни. «Теперь, сказалъ онъ, я только что сѣлъ, чтобъ глубоко пораздумать объ этомъ, но знаки, которые явятся мнѣ сегодня ночью, и мой отвѣтъ я сообщу вамъ завтра. Ночью онъ разсказалъ все женѣ. Жена сказала: прежде ты возбуждалъ у всѣхъ удивленіе богатыми подарками хана, а теперь, какъ ты сидишь опять безъ дѣла, неизвѣстно, сохранишь ли ты прежнее значеніе; однако всетаки ты долженъ идти». Утромъ знахарь сказалъ гонцу, что ночью ему были благопріятныя знаменья и что онъ готовъ въ путь. Сѣлъ на коня, завернулся въ плащъ, собралъ волосы на затылкѣ, взялъ въ лѣвую руку большой вѣнокъ изъ розъ, а въ правую свиную голову въ пятицвѣтномъ платкѣ и въ такомъ нарядѣ отправился къ хану. Когда онъ прибылъ ко дворцу, оба мангуса испугались и подумали: «его видъ и пріемы показываютъ будто онъ что-то знаетъ». Чародѣй поставилъ въ головахъ у ханскаго сына балингъ въ человѣческій ростъ, укрѣпилъ на немъ свиную голову, а самъ сѣлъ спокойно и начелъ бормотать какія-то волшебныя слова. Ханша, безпокоясь, что ея козни противъ жизни хана будутъ обнаружены, с ѣ л а за дверью больнаго, обдумывая разныя средства, а потому сильныя боли у хана прекратились и болѣзнь перешла въ глубокій сонъ. Чародѣй испугался и подумалъ: «Что я надѣлалъ? Болѣзнь усилилась, ханъ не стонетъ, — онъ скончался». Тутъ онъ закричалъ: «Ханъ, ханъ», больной молчитъ. Знахарь съ испугу схватилъ свиную голову и пустился бѣжать. Сперва онъ попалъ въ ханскую сокровищницу и со всѣхъ сторонъ раздались крики: «Воръ, воръ, руби, коли!» Отсюда онъ выбѣжалъ и спрятался въ кладовую съ посудой. Здѣсь раздались снова: «Воръ, лови его!» Тутъ знахарь подумалъ: сегодня ночью невозможно уйти, спрячусь-ка я въ углу въ конюшнѣ. Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ буйвола, кинулся къ нему и ударилъ его три раза свиною головою между рогами. Буйволъ бросился къ ханшѣ, подобно синему столбу дыма, вздуваемаго вѣтромъ. Знахарь прокрался за нимъ и прислушался къ разговору Мангусовъ. «Чародѣй узналъ, что я въ конюшнѣ, сказалъ буйволъ, и ударилъ меня три раза своимъ страшнымъ снарядомъ; намъ нужно скрыться». Ханша отвѣчала: «Я также опасалась, что онъ узнаетъ меня и не рѣшилась идти къ нему. Плохо намъ приходится. Завтра соберетъ онъ всѣхъ мущинъ и велитъ имъ вооружиться и прикажетъ всѣмъ женщинамъ принести хворосту. Когда онъ скажетъ: приведите сюда буйвола,—тебя схватятъ и потащатъ, а когда скажетъ: сбрось съ себя видъ, который ты принялъ, тебѣ будетъ невозможно его не сбросить. Когда же ты явишься въ своемъ настоящемъ видѣ, тебя убьютъ мечами и стрѣлами и сожгутъ на кострѣ. Если потомъ онъ по-

*) Мангусъ—соотвѣтствуетъ индусск. ракшасу, злому духу, поѣдающему людей.

требуетъ и меня, я боюсь, что со мною будетъ то же, что и съ тобой». Такъ говорила ханша, а знахарь подумалъ: теперь дѣло слажено!

На другой день онъ поступилъ такъ, какъ слышалъ отъ ханши, и когда онъ велѣлъ буйволу принять его настоящій видъ, буйволъ превратился въ страшнаго мангуса. Его грудь была покрыта морщинами, изъ глазъ капала кровь, верхніе клыки загибались внизъ и доходили до груди, нижніе до рѣсницъ, — такъ онъ былъ страшенъ! Послѣ его сожженія знахарь велѣлъ и ханшѣ принять прежній видъ и она обратилась въ мангуса женскаго съ грудями, свѣшивающимися до колѣнъ, съ длинными клыками и красными глазами. Ее убили и сожгли на кострѣ.

Когда излѣченный ханъ спросилъ, какой награды желаетъ чародѣй, онъ отвѣчалъ: «Въ нашей странѣ очень рѣдки деревянныя спицы, которыя продѣваются здѣсь скоту въ носъ; дайте мнѣ такихъ палочекъ». Ханъ велѣлъ дать ему три мѣшка такихъ спицъ и семь слоновъ, нагруженныхъ мясомъ и масломъ. — Жена какъ и въ первый разъ побранила мужа за его умѣренныя требованія и пошла къ хану съ письмомъ отъ его имени. Ханъ велѣлъ позвать знахаря, его родителей и друзей во дворецъ и сказалъ: «Тебѣ мы обязаны тѣмъ, что меня не убили, что государство не погибло и совѣтники не съѣдены мангусами. Поэтому мы раздѣлимъ съ тобою власть поровну. А жена твоя одарена высокою мудростью; ее мы сдѣлаемъ нашей общей супругой безъ различія». И ханъ взялъ ее себѣ въ жены *).

Мы видимъ изъ этой сказки, что первоначальная индійская сказка подверглась сильнымъ измѣненіямъ у Монголовъ. Въ нее внесено много новыхъ эпизодовъ въ монгольскомъ вкусѣ. Человѣкъ, котораго считаютъ за знахаря, выставляется крайне глупымъ. Онъ не самъ своимъ плутовствомъ пріобрѣлъ славу всевѣдующаго знахаря, его вывезла благопріятная судьба. Его глупость доказываетъ вставочный эпизодъ монгольской фабрикаціи о томъ, какъ онъ лишился коня, собаки и платья, его ограниченныя требованія награды, послѣ того какъ онъ нашелъ ханскій талисманъ и исцѣлилъ молодаго хана. Перваго эпизода индусской сказки, покражи коня, мы вовсе не находимъ. Второй—нахожденіе царскаго сокровища—подвергся значительнымъ измѣненіямъ; знахарь находитъ его не случайно, не вслѣдствіе того, что воры, испугавшись сами, выдаютъ себя, а просто потому что видѣлъ, куда талисманъ завалился. Пріемы гаданія и колдовства, по извѣстному пристрастію монголовъ къ шаманству, описываются съ большою обстоятельностію. Къ этому эпизоду, соотвѣтствующему второму индусскому, прибавленъ новый, объ исцѣленіи молодаго хана, вѣроятно внесенный сюда изъ какой нибудь другой сказки. Впрочемъ въ немъ проглядываетъ нѣкоторое воспоминаніе о индійскомъ оригиналѣ. Виновники болѣзни пугаются вида знахаря и сами выдаютъ себя, съ тѣмъ отличіемъ отъ санскритской сказки, что не они подслушиваютъ его разговоръ съ самимъ собою, а онъ подслушиваетъ ихъ тайну. Наконецъ послѣдній эпизодъ, послѣднее испытаніе знахаря (посредствомъ лягушки или жука), совсѣмъ изчезъ въ монгольской редакціи.

Въ эпизодѣ о чудесномъ излѣченіи больнаго хана еще нельзя видѣть самостоятельной монгольской фабрикаціи, принимая во вниманіе, что весь сборникъ Шидди-Куръ основанъ на индусской подкладкѣ. На этотъ эпизодъ повліяла вѣроятно другая индусская сказка, которую мы находимъ въ сборникѣ Сукасаптати *) (70 разсказовъ попугая). Отсюда она перешла въ персидскую обработку Сукасаптати Тутинамэ и распространилась во многихъ передѣлкахъ и видоизмѣненіяхъ по Европѣ, такъ что послѣдній отголосокъ ея мы находимъ въ баснѣ, послужившей основой для Мольерова Médecin malgré lui.

Эта индусская сказка разсказываетъ, что въ городѣ Панчапурѣ жилъ царь Сатрумардана (истребитель враговъ). Его дочь Мандапарекга (рисунокъ бога любви) имѣла на шеѣ опухоль. Врачи долго напрасно употребляли всѣ старанія для ея излѣченія, и наконецъ объявили, что она неизлѣчима. Царь приказалъ объявить по всей странѣ: кто излѣчитъ царевну, того царь обогатитъ. Одна брахманка въ деревнѣ услышала объявленіе царя и сказала глашатаю: мой мужъ отличный кудесникъ и знахарь, веди его къ царю, онъ исцѣлитъ царевну. А мужу она сказала: выдай себя за знахаря и ступай смѣло въ городъ лѣчить царскую дочь; ты получишь отъ этого много хорошаго. Брахманъ пошелъ во дворецъ къ царской дочери, окропилъ ее водою, дунулъ на нее, соблюдая всѣ пріемы знахарей и мурлыча себѣ подъ носъ. Потомъ онъ сталъ громкимъ голосомъ

*) При поліандріи, господствовавшей въ царствѣ хана, знахарь конечно долженъ былъ гордиться честью быть женатымъ на одной женѣ съ ханомъ.

*) Pantchatantra von Benfey, § 212.

и чрезвычайно быстро произносить разныя неблагозвучныя слова безъ всякаго смысла. Эти варварскіе звуки и дурнозвучащія слова вызвали въ царевнѣ такой неудержимый хохотъ, что нарывъ у нея въ горлѣ прорвался и она выздоровѣла. Обрадованный царь щедро наградилъ брахмана.

Какъ въ этой сказкѣ, такъ и въ монгольской, мужъ дѣлается врачемъ по настоянію жены, но ни та, ни другая не объясняетъ, почему жена подвергаетъ мужа опасности попасть въ отвѣтъ за неудачное исполненіе роли врача. Въ европейскихъ передѣлкахъ вводится тотъ мотивъ, что жена хочетъ отплатить этимъ мужу за дурное обращеніе. Такъ въ извѣстной фабліо «Врачъ изъ Брэ» разсказывается, что одинъ крестьянинъ, чтобъ жена въ его отсутствіи ему не измѣнила, придумалъ слѣдующее средство: онъ колотилъ ее предъ уходомъ каждое утро, надѣясь, что она цѣлый день будетъ плакать и думать объ этомъ и не впадетъ такимъ образомъ въ преступныя мысли. Жена въ отмщеніе увѣряетъ посланныхъ королемъ слугъ, что ея мужъ искусный врачъ, но лѣчитъ только по принужденію изъ подъ палки. Слуги короля не скупятся на палочные удары и крестьянинъ принужденъ лѣчить, что онъ и исполняетъ весьма удачно.

Монгольская фантазія отнеслась такъ самостоятельно къ санскритской сказкѣ, что съ трудомъ можно узнать ея первоначальную канву. Монголы придали разсказу обстановку согласную съ своимъ бытомъ и внесли въ нее нѣсколько отдѣльныхъ мотивовъ изъ другихъ сказокъ. Измѣненія сказокъ дѣлаются весьма легко. При устной передачѣ вѣроятно часто случалось, что разсказщикъ прибавлялъ отъ себя новый эпизодъ, сочиненный имъ или взятый изъ другой сказки, изобрѣталъ новыя подробности или опускалъ то, чего не помнилъ. Мы сравниваемъ между собою сказки, когда онѣ уже подверглись литературной обработкѣ и занесены въ сборники. Потому наши сопоставленія и конъектуры могутъ быть только приблизительно вѣрны. Такъ, сличая литературную монгольскую и санскритскую обработку одной и той же сказки и сопоставляя ихъ съ русскими сказками о знахарѣ, мы видимъ, что сказка въ Шидди-Курѣ гораздо болѣе уклоняется отъ санскритской, нежели русскія, хотя монгольскія племена были ближе къ Индіи и въ тѣсныхъ религіозныхъ сношеніяхъ съ буддизмомъ. Потому, если мы предположимъ, что наша сказка о знахарѣ была занесена къ намъ монголами, то также должны предположить, что первоначальная монгольская редакція значительно разнилась отъ той, которая вошла въ Шидди-Куръ. Въ ней вѣроятно еще не было ни эпизода о томъ, какъ человѣкъ, являющійся впослѣдствіи знахаремъ, потерялъ лошадь, собаку, оружіе и платье, ни эпизода объ исцѣленіи имъ молодаго хана. Перваго изъ этихъ эпизодовъ нѣтъ и въ литовской сказкѣ, которая, какъ мы увидимъ, довольна близка къ монгольской, а второй, кажется составленъ подъ вліяніемъ вышеупомянутой сказки въ Сукасаптати объ излѣченіи царской дочери. О времени когда онъ былъ внесенъ можно судить изъ того, что онъ перешелъ въ соотвѣтствующую литовскую сказку и сталъ притомъ ея главнымъ содержаніемъ. Въ послѣдней *) знахарь является уже докторомъ, хотя понимаетъ свою спеціальность весьма широко, напр. берется отыскать пропавшую лошадь и деньги.

Приведемъ вкратцѣ ея содержаніе. Одинъ очень бѣдный крестьянинъ рѣшился ѣхать въ лѣсъ воровать дрова. Нарубивъ дровъ, онъ поѣхалъ ихъ продавать въ городъ. Проѣзжая въ городѣ мимо одного магазина, онъ заглядѣлся на вывѣску. Купецъ спросилъ его, что ему нужно. Онъ отвѣчалъ, что продаетъ дрова и предложилъ промѣнять вывѣску на возъ дровъ.—Купецъ согласился и мужикъ привезъ вывѣску домой къ крайнему огорченію своей голодной семьи, ждавшей хлѣба. Когда онъ въ другой разъ поѣхалъ въ городъ съ дровами, ему понравились трубка и халатъ одного доктора и онъ вымѣнялъ ихъ на свой возъ дровъ. Пріѣхавъ домой, онъ заказалъ написать на вымѣненной имъ доскѣ вывѣску — здѣсь живетъ докторъ, который все знаетъ и все можетъ,—и прибилъ ту вывѣску надъ дверью. Въ той же странѣ у одного богатаго барина свели жеребца. Проѣзжая мимо двери доктора, онъ запримѣтилъ вывѣску и пригласилъ крестьянина ѣхать къ нему искать жеребца. Докторъ отвѣчалъ, что не можетъ ѣхать, потому что у него нѣтъ сапогъ. Баринъ велитъ дать ему сапоги, садиться съ нимъ въ коляску и ѣдетъ по его указанію искать жеребца. Дорогой онъ спрашиваетъ доктора, далеко ли еще ѣхать. Тотъ отвѣчаетъ на обумъ: да, еще далеко. Спустя нѣсколько времени они въѣзжаютъ въ густой лѣсъ. Докторъ вдругъ велитъ остановиться у большаго двора, гдѣ жили воры. Въѣзжая на дворъ, они услышали ржаніе лоша-

*) Schleicher, Lithauische Maerchen. Сказка vom Händler der ein Doctor ward. Стр. 115 и слѣд.

ди въ конюшнѣ и баринъ признаетъ ее за своего жеребца. Въ домѣ нашли они только пожилаго человѣка, выбранили его и взяли украденную лошадь. Баринъ щедро наградилъ доктора и (прибавляетъ сказка) велѣлъ на свой счетъ напечатать въ газетахъ, что въ такой-то деревнѣ живетъ докторъ, который все знаетъ.

Недѣли двѣ спустя докторъ получаетъ письмо отъ одного короля, у котораго была при смерти больна единственная дочь. Онъ поспѣшно собрался въ путь и поѣхалъ на практику. Пріѣхавъ въ городъ, въ которомъ жилъ король, онъ пошелъ въ аптеку и накупилъ всякихъ лѣкарствъ безъ разбора. Когда онъ пришелъ во дворецъ, король повелъ его въ комнату дочери. Взглянувъ на больную, докторъ обѣщалъ, что черезъ три дня она будетъ здорова, только никто не долженъ входить въ комнату и ему мѣшать. Потомъ онъ началъ по порядку давать каждаго лѣкарства и смотрѣлъ, не будетъ ли ей лучше. Такъ прошло два дня, а королевна все оставалась въ прежнемъ положеніи. На третій день поутру онъ снова далъ ей по одному пріему отъ каждаго лѣкарства и когда ничто не помогало, схватилъ ее и посадилъ на кресло возлѣ открытаго окна, выходившаго въ прекрасный садъ. Когда и это средство оказалось недѣйствительнымъ, докторомъ овладѣлъ сильный страхъ; онъ вдругъ вскочилъ и закричалъ отчаяннымъ голосомъ: «Неужели же такъ ничего и не поможетъ!» Принцесса содрогнулась отъ испуга, впала въ ознобъ и вдругъ у нея разрѣшился нарывъ въ горлѣ и оттуда потекъ гной и кровь. Увидя это, докторъ подскочилъ къ ней и сталъ ей сдавливать горло; тогда потекло еще больше гноя и чрезъ два часа принцесса такъ оправилась, что попросила покушать. Король за спасеніе дочери щедро надѣлилъ доктора деньгами и отправилъ домой въ своей каретѣ.

Слава доктора распространилась далеко, и скоро другой король изъ другаго королевства прислалъ ему письмо, въ которомъ приглашалъ его къ себѣ отыскать украденныя у него деньги. Дорогой докторъ накупилъ пестрой бумаги и сшилъ изъ нея толстую книгу. Пріѣхавъ къ королю, онъ обѣщалъ отыскать пропажу чрезъ три дня и спросилъ себѣ комнату, гдѣ бы онъ могъ сидѣть одинъ. Сидя въ ней, онъ перелистывалъ свою книгу день и ночь и бормоталъ себѣ подъ носъ непонятныя слова. Три лакея, которые украли деньги, узнавъ о прибытіи чудеснаго доктора, испугались и рѣшили поочередно подслушивать третью ночь у его двери. Докторъ, приходя все въ большее безпокойство, рѣшился продежурить всю послѣднюю ночь. Въ то время, какъ первый лакей подошелъ къ двери, пробили часы и вдругъ докторъ ударилъ рукою по столу и проговорилъ: вотъ ужъ и первый! (т. е. часъ). Лакей испугался, думая, что докторъ узналъ его, побѣжалъ и разсказалъ это товарищамъ. То же случилось и съ ними. Тогда они принесли доктору украденныя деньги и умоляли его не выдать ихъ царю. Онъ сдержалъ слово и, не смотря на желаніе короля узнать воровъ, чтобъ наказать ихъ, не выдалъ трехъ лакеевъ. Король купилъ ему домъ и оставилъ его при дворѣ. Здѣсь прожилъ онъ много лѣтъ, пользуясь славою доктора всевѣдущаго и всемогущаго.

Сличеніе отдѣльныхъ эпизодовъ этой литовской сказки съ эпизодами монгольской покажетъ яснѣе, что она весьма близка къ послѣдней. Первый эпизодъ первоначальной сказки,—плутовство знахаря, который самъ уводитъ лошадь, а потомъ находитъ ее—затерянъ вовсе въ монгольской обработкѣ, но сохранился въ литовской, хотя и въ измѣненномъ видѣ. Докторъ отыскиваетъ лошадь, которую увелъ не онъ, а неизвѣстные воры. Самъ подняться на хитрость и пробить себѣ дорогу плутовствомъ литовскій докторъ не могъ. Сказка старается постоянно во многихъ подробностяхъ показать его глупость. Для этой цѣли напр. введенъ разказъ о промѣнѣ имъ дровъ на вывѣску, халатъ и трубку. Тутъ замѣчается сильное сходство въ личности монгольскаго и литовскаго знахаря. Мы видѣли въ какихъ юмористическихъ чертахъ обрисована глупость знахаря въ Шидди-Курѣ. Какъ тамъ для гаданья собходимы были нѣкоторые смѣшные аттрибуты—свиная голова и проч.,—такъ и здѣсь крестьянинъ считаетъ необходимой принадлежностью докторскаго званья халатъ и трубку. Какъ тамъ знахарь, польстившись на лисицу, теряетъ свою лошадь, собаку и проч., такъ здѣсь крестьянинъ, прельстившись халатом и трубкой, лишается воза дровъ. Подробности за той и другой сказкѣ идутъ параллельно, и если онѣ не вполнѣ тождественны, то это зависитъ отъ великаго различія монгольской и литовской національности, быта и образованія.

Второй эпизодъ—излѣченье королевской дочери,—мы находимъ въ третьемъ монгольскомъ, въ изцѣленіи молодаго хана. Здѣсь эпизодъ этотъ обставленъ многими подробностями въ калмыцкомъ вкусѣ. Болѣзнь на-

слана на хана двумя злыми духами мангусами, соотвѣтствующими индусскимъ ракшасамъ. Въ литовской,—болѣзнь вызвана нарывомъ въ горлѣ. И здѣсь и тамъ докторъ лѣчитъ наобумъ и, не видя пользы отъ своего лѣченья, впадаетъ въ отчаяніе, которое и служитъ спасительнымъ средствомъ. Въ литовской, докторъ, испугавшись самъ, пугаетъ больную и вызываетъ благодѣтельное потрясеніе, вслѣдствіе котораго прорывается нарывъ; въ монгольской, докторъ съ испугу попадаетъ въ конюшню и подслушиваетъ тайну мангусовъ, наславшихъ болѣзнь на хана. Монгольская сказка отличается тѣмъ, что въ этотъ эпизодъ вошли, по воспоминанію, нѣкоторыя подробности изъ втораго индусскаго. Человѣкъ, выдающій себя за знахаря, устрашаетъ своимъ видомъ и пріемами виновниковъ преступленія. Эта подробность изъ втораго индусскаго эпизода должна была войти въ монгольскій — объ излѣченіи хана, потому, что она, какъ мы видѣли, совершенно утрачена въ монгольскомъ первомъ эпизодѣ, такъ какъ сокровище не было украдено, а затеряно ханскою дочерью. Если мы устранимъ монгольскія прибавки, то получимъ разсказъ объ излѣченіи почти въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его у литовцевъ.

Сличимъ теперь третій эпизодъ литовской сказки съ соотвѣтствующимъ ему монгольской. Здѣсь представляется уже меньше сходства и литовская гораздо ближе къ индусской, чѣмъ къ монгольской сказкѣ. Докторъ находитъ трехъ воровъ, которые украли у короля деньги. Въ монгольской мѣсто денегъ заступаетъ ханскій талисманъ, отъ котораго зависитъ благо хана и государства, и при томъ онъ не украденъ, а затерянъ ханскою дочерью, слѣдовательно, нѣтъ воровъ и не нужно ихъ отыскивать. Но если мы внесемъ въ воображеніи въ этотъ эпизодъ двухъ мангусовъ (мущину и женщину), которые по смыслу сказки должны были перейти отсюда въ эпизодъ объ излѣченіи хана и сравнимъ этихъ двухъ виновниковъ преступленія съ Джихвой и ея братомъ въ индусской сказкѣ, то найдемъ уже болѣе сходства между санскритской и монгольской. Замѣтимъ также, что и здѣсь и тамъ женщина на первомъ планѣ, а мущина ея помощникъ. Не выходя изъ этого же эпизода, мы находимъ слѣдующее сходство въ деталяхъ монгольской и литовской сказокъ. Герой первой вслѣдствіе разныхъ каверзовъ судьбы, подтрунившей надъ его глупостью, дошелъ до такого плачевнаго состоянія, что не имѣетъ чѣмъ прикрыть свою наготу и залѣзаетъ въ стогъ сѣна. Когда его зовутъ искать съ другими кудесниками пропавшій у хана талисманъ, онъ не можетъ прилично своему знахарскому достоинству отправлять своей обязанности и проситъ себѣ платье. Подобную же просьбу вкладываетъ литовская сказка въ уста доктора, который также нуждается въ обуви и считаетъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ ѣхать на практику (т. е. искать лошадь) безъ сапогъ.

Чтобъ окончить сличеніе обѣихъ сказокъ, нужно упомянуть, что послѣдній эпизодъ первоначальной сказки тотъ, гдѣ знахарь угадываетъ, что въ закрытой амфорѣ сидитъ лягушка,—утраченъ совершенно и въ монгольской и въ литовской обработкѣ, зато мы находимъ его снова въ бѣдной нѣмецкой сказкѣ Doctor allwissend *), къ которой мы обратимся теперь.

Бѣдный крестьянинъ, по имени Ракъ (Krebs), поѣхалъ въ городъ продавать дрова и продалъ ихъ за два талера доктору. Увидя, какъ докторъ вкусно ѣстъ и пьетъ, онъ самъ захотѣлъ стать докторомъ и, по совѣту покупателя, продаетъ быковъ и покупаетъ себѣ азбуку съ картинкой пѣтушка, экипажъ и вывѣску: здѣсь живетъ всевѣдущій докторъ. Практика его начинается съ того, что одинъ богатый баринъ, у котораго украли много денегъ, поручаетъ ему разыскать воровъ. Докторъ отправляется къ нему съ своей женой Гретой. Когда они сидятъ за столомъ, лакей вноситъ блюдо. Докторъ говоритъ женѣ: смотри, Грета, вотъ, первый! (т. е. первый лакей съ блюдомъ). Лакей, который съ тремя товарищами укралъ деньги, испугался, принявъ слова доктора на свой счетъ. То же было и съ двумя другими лакеями. Четвертый внесъ закрытое блюдо и баринъ, испытывая искусство доктора, спрашиваетъ у него, что лежитъ подъ крышкой на блюдѣ. Докторъ, не зная, что дѣлать, сказалъ: ахъ, бѣдный Ракъ! и такимъ образомъ угадалъ, что на блюдѣ были раки. Баринъ убѣдился во всезнаньи доктора, а лакеи повинились тайкомъ передъ нимъ въ покражѣ и обѣщали дать ему порядочную сумму, если онъ ихъ не выдастъ. Докторъ согласился, пошелъ къ барину и сталъ перелистывать свою азбуку. Пятый лакей залѣзъ въ печку, желая испытать, узнаетъ ли это докторъ. А докторъ, развернувъ азбуку, искалъ въ ней пѣтушка. Не находя его тотчасъ, онъ сказалъ: что жъ ты сидишь тамъ и не вылѣзаешь? Тогда лакей, сидѣвшій въ печкѣ, выскочилъ въ страхѣ, побѣжалъ и закричалъ: онъ все зна-

*) Въ собраніи Гримма, № 98.

етъ! Потомъ докторъ показалъ барину, гдѣ лежатъ его деньги, но не выдалъ лакеевъ и получилъ съ обѣихъ сторонъ большую награду.

Нѣмецкая сказка, очевидно, весьма близка къ литовской, хотя сильно урѣзана и упрощена. Она носитъ даже одно съ нею названіе, хотя нисколько его не оправдываетъ. Докторъ въ ней не имѣетъ случая показать своихъ медицинскихъ свѣдѣній, какъ въ литовской и монгольской. Но если первоначальный знахарь индусской сказки дѣлается въ монгольской отчасти врачемъ и прямо уже названъ докторомъ въ этой нѣмецкой, то, судя по заглавію, мы ожидали бы отъ него какого нибудь искуснаго излѣченія, въ родѣ спасенья отъ смерти королевны. Однако этого мы не находимъ и потому должны предположить, что прежде существовалъ (а можетъ быть теперь еще существуетъ въ другихъ варіантахъ) такой эпизодъ объ излѣченіи, который оправдывалъ названіе нашего героя—докторомъ. Что подобный эпизодъ существовалъ, показываетъ поразительное сходство между нѣмецкой и литовской сказкой въ подробностяхъ. И здѣсь и тамъ герой сказки становится докторомъ по собственной охотѣ и запасается аттрибутами докторскаго званія—вывѣской, книжкой и т. п. Утративъ эпизодъ объ изцѣленіи, нѣмецкая прибавляетъ новый—о лакеѣ, спрятавшемся въ печь и угаданномъ докторомъ. Въ этомъ незамысловатомъ эпизодѣ можно, кажется, видѣть нѣкоторое воспоминаніе о тѣхъ эпизодахъ другихъ сказокъ, гдѣ виновники покражи подслушиваютъ у двери и думаютъ, что узнаны знахаремъ. Нѣмецкая сказка предпочла почему-то посадить лакея въ печку. Вообще она бѣдна дѣйствіемъ и фантазіей; всѣ событія группируются вокругъ обѣденнаго стола; здѣсь же совершается другой эпизодъ, котораго мы не нашли въ литовской сказкѣ, что докторъ угадываетъ находящееся подъ крышкой кушанье. По странному капризу въ столь бѣдной въ другомъ отношеніи нѣмецкой сказкѣ является снова мотивъ, который мы нашли въ индійской и русской сказкахъ. Такъ какъ литовская его утратила, то нужно предположить, что существуетъ или существовалъ другой варіантъ ея, который легъ въ основу и нѣмецкой. Трудно рѣшить, находился ли въ первоначальной нѣмецкой редакціи эпизодъ объ утраченной лошади. Эпизодъ этотъ изчезъ на почвѣ Европы кажется весьма рано; онъ сохранился, какъ мы видѣли, въ своемъ первоначальномъ видѣ только въ русской, по второй эпизодъ, гдѣ знахарь или докторъ узнаетъ воровъ,—вѣроятно, въ этой редакціи имѣлъ видъ болѣе близкій къ первоначальному. Это видно изъ того, что онъ дошелъ во французской сказкѣ, помѣщенной въ разсказахъ d'Ourville—(Elite des contes du sieur d' Ourville. II, 216 (1703) и, что еще важнѣе въ латинскомъ сборникѣ, составленномъ въ 1506 г. съ слѣдующимъ заглавіемъ: Facetiarum Heinrici Babelii poetae a D. Maximiliano laureato Libri tres. И та, и другая сказка—переводъ или передѣлка нѣмецкой, ходившей въ народѣ и обѣ передаютъ эпизодъ объ открытіи воровъ съ большей архаичностью, нежели вышеприведенная нѣмецкая. Въ нихъ крестьянинъ, поручившійся отыскать пропажу, въ продолженіи трехъ дней и ночей сидитъ въ отдѣльной комнатѣ, какъ брахманъ въ санкритской, и открываетъ воровъ; въ латинской—считая дни, а во французской—считая обѣды. Латинская версія показываетъ, что сказка уже съ давнихъ поръ кочуетъ по Европѣ, но, къ сожалѣнію, на основаніи ея, мы не можемъ судить о цѣломъ ея составѣ, потому что Heinricus Babelius въ своихъ Facetiae приводитъ только второй эпизодъ. Приводимъ его содержаніе.

У одного могущественнаго князя трое приближенныхъ слугъ украли большую сумму денегъ. Князь обѣщалъ большую награду тому, кто ее отыщетъ. Въ сосѣднихъ лѣсахъ жилъ угольщикъ въ крайней нуждѣ. Услышавъ о вызовѣ князя, онъ подумалъ о своей бѣдности, вспомнилъ швабскую пословицу,—что за хорошій обѣдъ можно и повѣситься, пошелъ къ князю и обѣщалъ отыскать пропажу, если только ему дадутъ три дня на размышленіе. Князь велѣлъ его запереть и посылать ему отличный обѣдъ. Въ первую ночь, насытившись, угольщикъ сказалъ: слава Богу, вотъ и первый! (т. е. день). Одинъ изъ воровъ стоялъ за дверью и, подслушавъ его слова, принялъ ихъ на свой счетъ. Онъ пошелъ къ товарищамъ и разсказалъ, что знахарь его узналъ. На слѣдующую ночь пошелъ другой воръ подслушивать и съ нимъ случилось то же самое. На третью ночь пришелъ третій, а угольщикъ сказалъ: вотъ третій и послѣдній. Воры вошли къ нему, повинились и просили ихъ не выдать. На слѣдующій день угольщикъ возвратилъ князю пропажу, получилъ богатую награду и съ тѣхъ поръ до конца жизни пользовался славою знахаря.

Очевидно, что Бабеліусъ не зналъ другихъ эпизодовъ сказки и потому обставилъ свой анекдотъ такъ, что онъ не нуждается ни въ предыдущемъ, ни въ послѣдующемъ.

Интересъ же первоначальной сказки состоитъ въ томъ, что счастливая случайность выручаетъ человѣка изъ нѣсколькихъ затруднительныхъ положеній, въ которыя ставитъ его сказка. Конечно, если бы Бабеліусъ зналъ всю сказку, онъ не преминулъ бы потѣшить ею своихъ читателей.

Во французской сказкѣ Sieur d'Ourville *), мы читаемъ два эпизода, изъ которыхъ послѣдній представляетъ чрезвычайно точный сколокъ съ эпизода—о лягушкѣ у Сомадевы и о жучкѣ въ русской сказкѣ.

Мужичекъ, по имени Grillet **) (сверчекъ), рѣшается на смерть, лишь бы предварительно съѣсть три обѣда. Онъ выдаетъ себя за знахаря (devin) и отправляется искать трехъ обѣдовъ. У одной дамы три лакея украли драгоцѣнность. Она призываетъ крестьянина и велитъ угощать его три дня. Къ вечеру перваго дня, ложась спать, онъ говоритъ: Ah! Dieu merci, voilà dejà un! т. е. одинъ обѣдъ. Одинъ изъ виновныхъ лакеевъ, который принесъ ему обѣдъ, принимаетъ это на свой счетъ. То же случается и съ двумя остальными. Они повинились и просятъ ихъ не выдать. Тогда крестьянинъ поступаетъ такъ, какъ поступила ворожея въ одномъ изъ русскихъ варіантовъ сказки. Онъ даетъ проглотить бриллiантъ пѣтуху и потомъ обвиняетъ его въ покражѣ. Этимъ сказка еще не кончается. Приходитъ супругъ дамы и, подозрѣвая въ крестьянинѣ плута, подвергаетъ его испытанію, именно: тайно между двухъ блюдечекъ прячетъ сверчка и спрашиваетъ знахаря, что у него подъ блюдечкомъ, угрожая его выпороть и обрѣзать ему уши, если онъ не угадаетъ. Тогда знахарь, попавшійся впросакъ, возвелъ очи къ небу и воскликнулъ: Hilas! pauvre Grillet, te voilà pris! и такимъ образомъ угадалъ сверчка.

Этой французской сказкой, которая изъ всѣхъ европейскихъ всего ближе къ нашей, мы оканчиваемъ нашъ обзоръ. Мы видимъ, что русскій знахарь-мужичекъ, по прозванью Жучекъ, имѣетъ цѣлую толпу родственниковъ. Одинъ изъ нихъ, и притомъ глава всей фамиліи, живетъ въ Индіи обѣднѣвшимъ, но удачливымъ браминомъ; другой, въ качествѣ монгольскаго шамана-кудесника, практикуетъ въ калмыцкихъ улусахъ. Еще другіе, принявъ титулъ доктора, и лѣчатъ, и гадаютъ въ Литвѣ и Германіи. Всѣ они умѣютъ приноровиться къ быту и характеру своего народа, и всѣ съ небольшей долею ловкости и большей долею счастья пріобрѣтаютъ огромный кредитъ у согражданъ и наживаютъ большія богатства. Вѣроятно, даже навѣрно, существуютъ и другія сказки въ Европѣ и Азіи о нашемъ знахарѣ. Но, прослѣдя главныя, мы почти убѣждаемся, что всѣ тѣ, которыя намъ не извѣстны, только болѣе или менѣе удачныя передѣлки основнаго разсказа. Однѣ сохранили два, другія—три эпизода, въ однѣхъ дѣйствующее лицо чисто знахарь, въ другихъ—докторъ, но мы увѣрены, что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ какого нибудь новаго эпизода, котораго бы не было въ приведенныхъ сказкахъ. Если же таковой встрѣтится, то мы смѣло утверждаемъ, что онъ внесенъ въ нее изъ какой нибудь другой сказки.

Исторія одной сказки, конечно, не можетъ еще представить обширнаго матеріала для выводовъ. Она даетъ только обращикъ того, какъ возникшая въ Индіи веселая сказка распространяется по Азіи и Европѣ, переходя изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія къ другому. Не смотря на различіе національностей, она въ большинствѣ случаевъ сохранилась такъ отчетливо, что не трудно узнать во французскомъ Grillet нашего Жучка, а въ нашемъ Жучкѣ индійскаго брахмана.

Въ послѣдствіи, когда будутъ изданы и разобраны всѣ санскритскіе сборники сказокъ, изслѣдователи этой области литературы получатъ возможность начертить полную картину перехода индусскихъ сказокъ въ Европу и вполнѣ выяснить и характеризовать это огромное вліяніе Востока на Западъ.

*) Orient и Occ. I, 184 и слѣд.

**) On appelle grillet, говоритъ d'Ourville, un petit animal noirant fait environ comme une petite cigale, qui crie la nuit dans les cheminées.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Можно получать въ бюро Общества въ Московскомъ Политехническомъ Музеѣ и у книгопродавцевъ.

		ЦѢНА
Томъ I.	**вып. 1 и 2.** **Щуровскій Г. Е.** Исторія геологіи Московскаго бассейна. 1866 и 1867 г.	3 р. —
Томъ II.	Извѣстія антропологическаго отдѣла, томъ I.—1865 г. Приложеніе: Общія инструкціи для антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій П. Брока. Переводъ и дополненія **А. П. Богданова**	1 р. 50 к.
Томъ III.	**вып. 1.** Протоколы засѣданій Общества съ 14 мая 1864 года по 29 августа 1866 г. Москва. 1866. (Не осталось).	
	вып. 2. Инструкція для Туркестанской ученой экспедиціи. 1869	— 50 к.
Томъ IV.	**вып. 1.** **Богдановъ А. П.** Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губерніи. 1867	1 р. 50 к.
	вып. 2. **Вейнбергъ Я. И.** Критическій разборъ теоріи урагановъ. 1867	1 р. —
Томъ V.	**Федченко Г. П.** О самоосадочной соли и соляныхъ озерахъ Каспійскаго и Азовскаго бассейновъ. 1870	1 р. 50 к.
Томъ VI.	Матеріалы для энтомологіи губерній Московскаго учебнаго округа	2 р. —
	вып. 1. **Федченко А. П.** Двукрылыя. 1868.	
	вып. 2. **Ульянинъ В. П.** Сѣтчатокрылыя и прямокрылыя. 1869.	
	вып. 3. **Ошанинъ В. Ф.** Полужесткокрылыя. 1870.	
Томъ VII.	Труды этнографическаго отдѣла. Книга 1. Сборникъ антропологическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ (изданіе **В. А. Дашкова**). Т. I. 1868.	2 р. 50 к.
Томъ VII.	**вып. 1.** Протоколы засѣданій Общества. Годъ седьмой. 1870	2 р. —
	вып. 2. **Сѣверцовъ Н. А.** Вертикально-горизонтальное распредѣленіе Туркестанскихъ животныхъ. 1873	3 р. —
	вып. 3. Протоколы физическаго отдѣленія. 1870	— 50 к.
Томъ IX.	**вып. 1.** Протоколы засѣданій Общества. Годъ восьмой. 1871	1 р. 50 к.
	вып. 2. **Чистяковъ И. Д.** Исторія развитія спорангіевъ и споръ высшихъ тайнобрачныхъ. 1871.	1 р. 50 к.
Томъ X.	**вып. 1.** Протоколы засѣданій Общества. Годъ девятый. 1871—1872.	2 р. —
	вып. 2. Протоколы засѣданій Общества. Годъ десятый. 1872—1873.	2 р. —
Томъ XI.	**вып. 1.** Путешествіе въ Туркестанъ. **А. П. Федченко.**	Цѣна велен.
	вып. 1. **Мартенсъ.** Слизняки. Перев. **А. П. Федченко.**	1 р. 25 к. — 85 к.
	вып. 2. **Ершовъ.** Чешуекрылыя	3 р. — 2 р. —
	вып. 3. **Кесслеръ.** Рыбы	2 р. — 1 р. 30 к.
	вып. 4. **Соссюръ.** Прямокрылыя, тетрадь 1-я	1 р. — — 60 к.
	вып. 5. **Сольскій.** Жесткокрылыя, тетрадь 1-я	3 р. — 2 р. —
	вып. 6. **Ульянинъ.** Ракообразныя, тетрадь 1-я	3 р. — 2 р. —
	вып. 7. **А. П. Федченко.** Въ Коканскомъ ханствѣ, тетрадь 1-я	5 р. — 3 р. 50 к.
Томъ XII.	Труды этнографическаго отдѣла. Книга 2. Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ (Изданіе **В. А. Дашкова.**), т. II: Народныя пѣсни Латышей. 1873	7 р. —
Томъ XIII.	Труды этнографическаго отдѣла. Книга 3.	
	вып. 1. Протоколы 12 засѣданій отдѣла этнографіи. 1867—1874	1 р. 25 к.
	вып. 2. **Поповъ. К. А.** Зыряне и Зырянскій край. 1874	1 р. 25 к.
Томъ XIV.	Протоколы засѣданій Общества. Годъ одиннадцатый. 1874	2 р. —
Томъ XV.	Московскій Музей прикладныхъ знаній. Матеріалы для исторіи его устройства. 1874.	1 р. 25 к.
Томъ XVI.	**вып. 1.** **Ковалевскій В. О.** Остеологія двухъ ископаемыхъ видовъ копытныхъ. 1875	1 р. —
	вып. 2. **Горожанкинъ И. Н.** Генезисъ въ типѣ пальмеллевидныхъ водорослей. 1875.	1 р. —
	вып. 3. Зоологическія изслѣдованія **В. Н. Ульянина** и **Н. С. Раевскаго**. 1875.	1 р. —
Томъ XVII.	Московскій Музей прикладныхъ знаній. Матеріалы для исторіи его устройства. 1875.	2 р. —

Томъ XVIII. вып. 1. **Линдеманъ К. Э.** Монографія короѣдовъ (Bostrychidae). 1876 . . . . . 1 р. 25 к.
вып. 2. **Усовъ М. М.** Прибавленія къ познанію организаціи оболочниковъ . . . . . 2 р. —
вып. 3. **Коротневъ А. А.** Опытъ сравнительнаго изученія Coelenterata. Lucernaria. 1876. 2 р. —

Томъ XIX. Путешествіе въ Туркестанъ **А. П. Федченко** 1876. Цѣна велен.
вып. 8. **Макъ-Лахланъ.** Сѣтчатокрылыя . . . . . 1 р. 50 к. 1 р. —
вып. 9. **Моравицъ.** Пчелы, тетрадь 1-я. . . . . 2 р. — 1 р. 30 к.
вып. 10. **Кронебергъ.** Пауки . . . . . 1 р. 50 к. 1 р. —

Томъ XX. Труды антропологическаго отдѣла. Книга 2. Протоколы засѣданій 1865—1875 съ приложеніями. 1876 . . . . . 3 р. —

Томъ XXI. Путешествіе въ Туркестанъ **А. П. Федченко:**
вып. 11. **Сольскій.** Жесткокрылыя, тетрадь 2-я . . . . . 3 р. — к. 2 р. — к.
вып. 12. **Регель.** Туркестанская флора, тетрадь 1-я. . . . . 5 р. — к. 3 р. 50 к.
вып. 13. **Моравицъ.** Пчелы, тетрадь 2-я. . . . . 2 р. 50 к. 1 р. 70 к.

Томъ XXII. Московскій Музей прикладныхъ знаній. Матеріалы для исторіи его устройства за 1875 г. Протоколы засѣданій комитета музея за 1873—1875 гг . . . . . 2 р. 50 к.

Томъ XXIII. вып. 1. **Брандтъ А. О.** Сравнительныя изслѣдованія надъ яйцевыми трубочками и яйцомъ насѣкомыхъ. 1876. . . . . 2 р. 50 к.
вып. 2. Работы, произведенныя въ лабораторіи Зоологическаго Музея Московскаго университета; подъ редакціею проф. **А. П. Богданова.** . . . . . 2 р. —

Томъ XXIV. вып. 1. **Бобрецкій Н. В.** Изслѣдованія о развитіи головоногихъ . . . . . 2 р. — к.
вып. 2. **Ульянинъ В. Н.** О происхожденіи кунинъ, почкующихся въ желудкѣ геріоній. Протоколы засѣданій Общества. Годы двѣнадцатый и тринадцатый. 1877 г. 2 р. — к.

Томъ XXV. вып. 1. **Богдановъ А. П.** Замѣтки о зоологическихъ садахъ. 1876 . . . . . 1 р. — к.

Томъ XXVI. Путешествіе въ Туркестанъ **А. П. Федченко:**
вып. 14. **Родашковскій О. Н.** и **Майръ.** Перепончатыя. **Брауеръ.** Odonata. 3 р. 75 к. 2 р. 50 к.

Томъ XXVII. вып. 1 и 2. Антропологическая выставка Общества. Засѣданія комитета по устройству выставки. Подъ редакціею **А. П. Богданова** и **Н. К. Зенгера.** 1877 г.

Томъ XXVIII. Труды Этнографическаго Отдѣла. Кн. 4. Протоколы 13 засѣданій (съ 14 ноября 1874 года по 17-е апрѣля 1877 г.), съ 12 приложеніями. 1877. . . . . 2 р. —

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Томъ XXV. О зоологическихъ садахъ (слѣдующіе выпуски).

Томъ XXVI. Путешествіе въ Туркестанъ **А. П. Федченко** (слѣдующіе выпуски).
Труды: **С. М. Сольскаго, Де-Соссюра** и **Бунге.**

Томъ XXVII. Антропологическая выставка Общества. Засѣданія комитета.

Томъ XXIX. Работы, произведенныя въ лабораторіи Зоологическаго Музея Московскаго университета, подъ редакціей **А. П. Богданова.**

Томъ XXX. Труды Этнографическаго Отдѣла. Кн. 5:
вып. 1. Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные д. чл. **П. С. Ефименкомъ.** Часть I: Описаніе внѣшняго и внутренняго быта.
вып. 2. Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные д. чл. **П. С. Ефименкомъ.** Часть II. Народный языкъ и словесность.

Географическое Общество
БИБЛИОТЕКА
Союза ССР

8p.

Проверено
1954 г.